

л 2011
30745к

**Политический
строй Казахстана
первой половины
XIX века и
Букеевское
ханство**

Салык ЗИМАНОВ

Лучшие образцы казахской науки

Салык ЗИМАНОВ

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
КАЗАХСТАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО**

АРЫС

Алматы
2009

УДК 94 (574), 118⁴
ББК 63.3 (5 Каз)
3-62

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Программа выпуска социально-важной литературы

Редакционная коллегия:

Б.А. Майлыбаев (председатель), А.Т. Мухамбедьярова,
М.С. Раимханов, К.Б. Сафинов, М.М. Сембеков, К.Ж. Толегенов

Зиманов С.

**3-62 Политический строй Казахстана первой половины XIX века
и Букеевское ханство / Салык Зиманов. – Алматы: Изд-во
«Арыс», 2009. – 496 с.**

ISBN 9965-17-657-4

В книгу сборника избранных произведений видного ученого, академика С. З. Зиманова вошли монография «Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков», в которой исследуется организация местной власти в периоды до и после правления ханов, а также монография «Россия и Букеевское ханство», изданная в 1982 году. Букеевское ханство (1801 – 1845 гг.) – казахское государственное объединение, находившееся в районе нижнего течения Волги и Урала, – в силу ряда обстоятельств ощущало интенсивное и разностороннее влияние России. В монографии рассматривается социально-экономическая и государственно-правовая структура ханства, ее эволюция и тенденции развития, обусловленные прогрессивным влиянием России, ее демократических институтов и передовой культуры.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 9965-17-657-4

© Зиманов С., 2009
© Изд-во «Арыс», 2009

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХСТАНА КОНЦА XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

1960 г.

*В монографии,
изданной в 1960 году, исследуются состо-
яние и изменения политического строя казахов
конца XVIII и первой половины XIX вв., рассматривается
организация местной власти в доханский и послеханский
периоды. Особое внимание уделено вопросам ликвидации ханской
власти, установления новой системы управления и ее роли в общес-
твенной жизни казахов. В работе использован богатый архивный
материал по исследуемой теме. Книга рассчитана на специалис-
тов, занимающихся историей дореволюционного Казахстана,
на студентов, изучающих историю Казахской ССР,
на широкий круг лиц, интересующихся этим
вопросом.*

- **ВВЕДЕНИЕ**
- ***I. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАЗАХОВ***
  1. Экономическое развитие Казахстана
  2. О классовой борьбе
  3. Некоторые характеристики общественных идей
  4. Выводы
- ***II. ХАНСКАЯ ВЛАСТЬ В КОНЦЕ XVIII И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКОВ***
  1. Об особенностях организации власти и управления
  2. Ханства на территории Казахстана
  3. Порядок замещения ханской власти
  4. Власть и права хана
  5. Аппарат управления при хане
  6. Совет при хане
  7. Феодальные съезды
  8. Местная знать и управление
  9. Выводы
- ***III. РЕФОРМА 1822 ГОДА В СРЕДНЕМ ЖУЗЕ***
  1. Общая характеристика реформы
  2. Новое в административно-территориальном устройстве населения
  3. Местная власть
  4. Организация суда
  5. Выводы
- ***IV. ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В МАЛОЙ И ВНУТРЕННЕЙ ОРДАХ***
  1. Отмена ханской власти и вопросы реформы управления
  2. Власть и управление в Младшем жузе
  3. Власть и управление во Внутренней орде
  4. Выводы
- ***V. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ***
  1. Условия проведения колониальной политики и ее основные направления
  2. О методах осуществления колониальной политики
  3. Колониальные органы управления
  4. Земельная политика
  5. Торговая политика
  6. Количество проданного казахами скота
  7. Финансовая политика
  8. Выводы
  9. Заключение

Введение

I

Задачей настоящего исследования является рассмотрение аспектов политической организации казахского общества конца XVIII и первой половины XIX вв.

Публичная власть, ее структура, характер и методы ее действия в первую очередь отражают соотношение классовых сил и классовую борьбу в обществе. Политические и социальные вопросы «во все времена... неотделимы друг от друга», – писал К. Маркс.¹ Эта связь обусловлена и вытекает из того положения, что публичная власть (государство) представляет собой организованную коллективную диктатуру господствующего в обществе класса.² Она имеет специальное назначение «силою охранять условия существования и господства эксплуатирующих классов от классов эксплуатируемых».³

В свою очередь природа социальных, а следовательно, и политических отношений предопределяется в конечном счете материальными условиями существования и развития данного общества. К. Маркс в письме П.В. Анненкову 28 декабря 1848 г. писал: «Предположите известную степень развития производительных способностей (facultes) людей – и вы получите определенную форму обмена и потребления. Предположите известную стадию развития производства, обмена, потребления, – и вы получите определенную форму общественного устройства, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом – определенную форму гражданского общества. Предположите данную форму гражданского общества – и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»⁴. По образному выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, политический строй «образует только золоченую раму» экономического положения общества.⁵

Политическая власть, хотя и является порождением экономического базиса, вовсе не пассивная сила. Она обладает, как ни одно надстроечное явление, огромной силой воздействия на все стороны общественных отношений, в том числе и на экономику. Определяя ее роль, Ф. Энгельс писал, что «насилие (то есть государственная

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. V, стр. 262.

² Там же, т. IV, стр. 340.

³ Там же, т. XIV, стр. 151.

⁴ Там же, т. V, стр. 284.

⁵ Там же, т. VI, стр. 351.

власть) – это есть тоже экономическая сила».¹ Политические акты и учреждения совершенствуются и развиваются не только в силу прямого воздействия социально-экономических отношений, но и в ходе обратного влияния их на экономику и общество в целом.

Наряду с внутренними причинами на политический строй общества оказывают существенное влияние и внешние условия его существования. Раскрытие соотношения внутреннего и внешнего факторов, влияющих на политическое устройство общества, важно для характеристики системы власти и управления, ее форм и сущности.

Первая половина XIX в. для политической истории Казахстана характерна тем, что она составляет период существенных преобразований, которыми подготавливалось окончательное присоединение Казахстана к России.

В начале XIX в. еще существуют ханская власть и султанско-бийская система управления внешне со всеми своими старыми институтами. Однако в самом содержании власти происходят значительные изменения, вызванные как некоторыми сдвигами в области материального производства, так и изменениями в соотношениях между основными социальными силами, борющимися в казахском обществе.

Ханская власть была охвачена глубоким кризисом. Она стала марионеткой царского правительства и потеряла тем самым последний остаток былого престижа, а в дальнейшем окончательно ликвидировалась. Колониальная политика царизма, разумеется, играла значительную роль в ускорении процесса падения ханской власти. Однако правительство вряд ли могло осуществить свое намерение, если бы не появились к тому реальные предпосылки и основания. Известно, что оно хотело также рассчитаться и с системой султанско-бийского управления, но на этом пути его постигли серьезные неудачи. Между тем бесханское управление совершенно не вызвало общественного сопротивления. Так произошло потому, что социально-экономическое и политическое развитие казахского общества поставило ханскую власть на грань гибели. В рассматриваемый период усилилась межфеодалная групповая борьба за господство в сфере политики.

Часть феодальной знати придерживалась процарской ориентации и желала использовать поддержку России в борьбе со своими врагами, другая часть тяготела к среднеазиатским ханствам, а третья боролась за «независимость» родов и за сохранение местных феодальных привилегий. В сложном переплетении политических отношений стали постепенно преобладать влияние и роль колониальной политики царского правительства.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. II, М, 1948, стр. 476.

Конец XVIII и первая половина XIX вв. являются периодом начала и успехов наступательных действий русского государства в глубь Казахстана и среднеазиатских владений. Если к началу прошлого столетия фактическое влияние царских правительственных органов в Казахстане распространялось лишь на пограничную полосу, а в степных районах «поддерживалось» посылкой карательных отрядов, то через 50 лет оно расширилось до районов бассейна Сыр-Дарьи и Алатауских гор включительно. Этот громадный шаг не мог не вызвать значительных изменений в казахском обществе, в особенности в его политической жизни.

Особый успех колониальной политики падает на вторую четверть XIX в. Россия, разгромив наполеоновскую армию и упрочив свои позиции в Причерноморье и на Кавказе, а также расправившись с дворянскими революционерами и добившись ослабления крестьянских бунтов внутри страны, могла перейти к активным действиям на среднеазиатском Востоке. Углубление в степь вооруженными силами сочеталось с созданием органов местного управления, угодных правительству и способствующих достижению его целей. Нередко организация местной власти и управления проводилась без достаточных знаний и внимательного изучения условий и особенностей огромного края. Идея преобразования старой (степной) системы местной власти и управления зародилась у царских чиновников еще в 80-х годах XVIII в. Однако до 20-х годов XIX в. все попытки в этом направлении не приносили желаемого результата и оканчивались провалом.

Административно-политические реформы, проведенные царизмом в 1822 г. в Среднем жузе, в 1824 и 1844 г. – в Младшем жузе, внесли существенные изменения в старую систему власти и управления в степи. Эти реформы не были однотипными в том смысле, что в разных частях степи по-разному проводилась политика подчинения казахских земель влиянию и власти пограничных органов.

Местная феодальная знать и народные массы неодинаково реагировали на эти изменения. Одни мирились с ними, другие восставали против, а третьи занимали выжидательную позицию.

В предлагаемом исследовании мы старались обратить внимание не столько на формальный анализ политических актов, сколько на практическое их осуществление и влияние на различные стороны общественной и политической жизни казахского народа. Важным является не то, чего желал и хотел законодатель, а общественный опыт, т. е. реальные экономические, социальные и политические последствия реализации этих норм. Если оценивать административно-

политические преобразования, осуществленные в Казахстане в 20-х годах XIX в., с этой точки зрения, то, несмотря на реакционные намерения царизма, которыми он руководствовался при их проведении, нельзя не видеть, что эти преобразования в известной степени объективно способствовали преодолению экономической и политической отсталости казахского общества. В этом отношении «Устав о сибирских киргизах» 1822 г., автором которого являлся известный крупный ученый-юрист М. Сперанский, имеет существенное историческое значение.

Особенностью политической жизни Казахстана рассматриваемого периода является попытка сплочения различных звеньев местной власти в рамках отдельных земель жузов. Реформы проводились в границах определенных территорий без должного согласования между отдельными управлениями. Все это привело к тому, что система управления, установленная в одной части Казахстана, отличалась от системы управления в другой его части. Традиционное разделение подданных на политически обособленные, слабо связанные между собой владения (жузы) сохранилось. Средний жуз находился под властью Омского областного правления, которое в свою очередь входило в административное подчинение губернатору Сибири, а несколько позже (с 20-х годов XIX в.) – губернатору Западной Сибири. Эта часть Казахстана была названа Сибирской. Население Младшего жуза в основном находилось в ведении Оренбургской пограничной комиссии и оренбургского губернатора. Над аулами Внутренней орды (между Волгой и Уралом) довлела власть астраханского гражданского губернатора и органов управления в г. Оренбурге. В бассейне Сыр-Дарьи к середине XIX в. было образовано отдельное управление, подчиненное военному министерству. Характерно, что эти различные управления не имели единого руководства и в центре. В политической истории Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. можно отметить два этапа: период ханской власти и период после ее ликвидации. Как первая, так и вторая формы власти имели место в период активного осуществления царизмом колониальной политики.

II

Одним из основных источников нашего исследования являются литературные материалы. В результате проведения Россией политики подчинения Средней Азии и Казахстана появились обширные записи. Многие военачальники и губернаторы, желая показать «мощь» России и «плоды» колонизации, оказывали щедрую помощь

сочинителям истории покорения среднеазиатского Востока, порою сами писали о крае работы мемуарного характера. Новые области, вошедшие в состав империи, вызывали определенный интерес внутри России. Центральные журналы и газеты часто печатали сообщения о среднеазиатских делах и описания этого края. Так накопилась значительная литература о Казахстане.

В большинстве случаев литературные источники дореволюционного периода односторонни: в них исторические события освещаются с точки зрения возвеличивания колониальной политики царского правительства, привлеченные факты подобраны тенденциозно. Однако это вовсе не исключает возможности использования подобного рода источников, имеющих определенную научную ценность. Если взять в целом дореволюционную литературу, то следует признать, что в ней накоплен и содержится богатый фактический материал о разных сторонах политической жизни казахского общества.

Для многих дореволюционных авторов характерно противоречие между их умозаключениями и фактами, описываемыми ими. В их трудах часто можно встретить утверждение об отсутствии у казахов «гражданского устройства», о господстве «народных учреждений», о «родовой власти» старшин и аксакалов и т. д., словом, о том, что в Казахстане якобы не было ни классового общества, ни государственности. Между тем данные и факты, описываемые этими же авторами, не только не подтверждают сказанного, но и свидетельствуют о противоположном. Такое противоречие объясняется неспособностью многих дореволюционных авторов анализировать факты, проникать в их сущность и закономерность, порочностью их методов анализа и оценки действительности. Так, М. Красовский, оставивший нам обширный и ценный труд о казахах Среднего жуза, считал, что в Казахстане до начала XIX в. «деспотов-правителей никогда не было, не было и устройства». При этом он исходил из предпосылки, что в организованном обществе должны быть два начала: общественное устройство, «вырабатываемое общественным мнением», и управление, которое охраняет первое. «Масса добровольно ставит себя в зависимость этих двух, равно для нее необходимых элементов», — объясняет автор.¹

У казахов ханы были слабы, а местные бии, старшины, наоборот, обладали большой силой влияния на ханскую власть. И это, по мнению М. Красовского, служит достаточным доказательством отсутствия государственности в казахской степи. «Таким образом, — заключает автор, — в степи или не было никакой верховной власти, или, если и появлялась, то любимое народом, популярное правитель-

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов, т. III. Спб., 1868.

ство, но слабое к тому, чтобы в то же время побороть самоуправство отдельных родоправителей».¹

Придерживаясь подобного взгляда в оценке уровня общественного развития народов, во многом схожего с теорией о первенстве народного духа, вполне можно договориться до абсурда. Между тем весь фактический материал, приводимый автором, говорит о другом.

Если отвлечься от всего субъективно-наносного, то в целом труд М. Красовского представляет собой фундаментальное описание всех сторон общественно-политической жизни, нравов и быта казахского населения Среднего жуза. Данные и факты, содержащиеся в труде, собраны им лично либо через офицеров и представителей местной власти. В нем использован богатый материал, накопленный в пограничных управлениях. Работа была выполнена по заданию Генерального штаба и предназначалась в основном для служебного пользования. Отсюда и документированность ее, повышающая научную ценность труда в целом.

Значительное место в работе отводится вопросам управления, организации местной власти и реформе 1822 г. Автор не скрывает того, что правительство стремилось в первую очередь подчинить казахов своей власти, и в то же время робко замечает, что «нравы жителей смягчаются, с одной стороны, распространением просвещения в массе, с другой – введением не отяготительного для народа управления. Пока эти два вопроса, – заключает он, – не разрешены удовлетворительно».²

А. Левшин сравнивал казахов со скифами периода Геродота, бедуинами и курдами. Народ сей, писал он, «по невежеству, грубости, беспечности и порывам страстей ...близко [подходит] к состоянию естественного человека...».³ У автора цивилизованность и государство суть ассоциированные понятия. Казахи, как указывает он, «почти не знают подчиненности, у них не существует даже ни имя подданного, ни имя владельца».⁴

В основе этих утверждений лежал взгляд, по которому «политическое положение» общества определяется нравственным состоянием народа, «из него истекает и образ управления, и гражданское их устройство».⁵ Следуя логике этой мысли, автор приходит к выводу об отсутствии гражданского устройства и государственности у ка-

¹ Там же, стр. 7.

² Там же, стр. 10.

³ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, т. III. Спб., стр. 68.

⁴ Там же, стр. 185.

⁵ Там же, стр. 154-155.

захов до начала XIX в. В другом месте, противореча самому себе, А. Левшин признает, что «к удивлению, однако же при всех своевольствах и при всем безначальи казачьего народа, некоторые из повелителей оного присваивают себе право жизни и смерти над своими подчиненными».¹

Исследования А. Левшина, изложенные в трех томах, являются первой наиболее полной работой об истории казахов ханского периода. В них можно встретить наряду с другими данные о власти ханов, «народных» собраниях, системе местной власти и о политике царского правительства по отношению к Средней Азии в XVIII и начале XIX вв. Работа эта, несмотря на свойственные для дворянской и буржуазной историографии недостатки, ценна тем, что она носит исследовательский характер. Материалы, сообщаемые автором, отчасти почерпнуты из личного посещения казахского ханства и из бесед с представителями местной власти. Это делает работу научно более достоверной.

Важные сведения о политическом строе Младшего жуза содержатся в работе Л. Мейера,² в которой использованы материалы Областного правления оренбургских казахов, канцелярии генерал-губернатора, штаба оренбургского войска и оренбургского таможенного округа. Автор, будучи офицером, использовал свои служебные поездки по степи для сбора дополнительных данных.

Как и многих других авторов, его прежде всего интересует способ покорения Казахстана и подавления сопротивления его народа. В толковании и оценке общественных явлений он явно стоит на позиции субъективизма. Так, провал реформы барона Игельстрома в Младшем жузе Мейер объясняет его нерешительностью и интимной связью с дочерью Нурали-хана – Тойкарой.³ Не будем говорить, что он, так же как и А. Левшин, считал Казахстан «полудиким краем».⁴

Личные взгляды автора нас мало интересуют, хотя они отразились в известной степени в подборе и обобщении фактов.

Несмотря на все это, в работе можно найти яркие страницы об изменениях политических отношений казахов Младшего жуза, об отношении различных слоев населения к реформам 1824 и 1844 гг. Автор не скрывает своей неудовлетворенности деятельностью правительства в организации управления в степи после отмены ханской власти. В частности, он считает ошибочным путь, избранный в 1824 г. По его мнению, отсутствие совета при султанах-правителях

¹ Там же, стр. 166-167.

² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же, стр. 7.

привело к их бесконтрольности, отмена выборов местной власти – к игнорированию обычаев населения и т. д. В этом смысле нельзя отказать автору в определенной объективности. «...Этот переворот, – пишет он, имея в виду реформу 1824 г., – вызвал бы, наверное, сильное и фактическое сопротивление со стороны киргизов», если бы не были предприняты кое-какие смягчающие меры. Даже после этого правительственные дела «пошли не хуже, чем при хане, но и не лучше», – заключает Л. Мейер.¹ Данная работа важна еще тем, что в ней имеются сведения о действиях оренбургских губернаторов, на основе которых можно составить представление об эволюции колониальной политики царизма в Казахстане. Так, например, при графе Сухтелене в основе деятельности лежала теория о том, что казахи «полезны для России только в виде кочевого народа». Тех же соображений придерживался его преемник Перовский. При губернаторе Катенине пришлось отказаться от этого реакционного взгляда.

Автору не чужда и критика наиболее отрицательных сторон государственной политики.

К важным источникам должен быть отнесен труд И. Казанцева. Этот чиновник, прослуживший в пограничной канцелярии Оренбургского губернаторства около 20 лет, лично был знаком с ханами Младшего жуза Ширгазы и Джангером, знал и встречался со многими султанами-правителями и местными начальниками Младшего жуза. Этим объясняется особый интерес исследователей к его работе.

И. Казанцев – ревностный сторонник колониальной политики. Он часто описывает «человеколюбивую заботливость правительства», проявленную им в отношении казахского населения, с восторгом говорит о его преобразованиях. Положение населения, по его мнению, особенно «со введением между ними настоящего управления (имеются в виду реформы 1824 – 1844 гг. – С.3.), вообще улучшилось до такой степени, что по всей Оренбургской линии и прочим нищенство их (т. е. казахов. – С.3.) прекратилось».² Несмотря на апологетический характер, сочинение не лишено существенного значения как источник фактических материалов.

В освещении истории Казахстана XIX в. большая заслуга принадлежит А.И. Добросмыслову. Он написал ряд работ по экономике, быту и политическому строю Младшего жуза, в особенности Тургайской области. «Исторический очерк Тургайской области» в двух выпусках содержит обширный материал по политической истории

¹ Там же, стр. 42-43.

² *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, стр. 46.

казахов со времени принятия ими Российского подданства.¹ Факты и события большей частью излагаются объективно и полно. Автору не чуждо и критическое отношение к мероприятиям правительства. Характеризуя реформу 80 – 90-х годов XVIII в., вошедшую в историю как преобразование губернатора Игельстрома, автор отметил, что они «совершенно не привились и отжили свой век очень скоро». «Причиной всех неудач при преобразовании устройства управления в Малой орде следует считать, – писал он, – прежде всего наше незнакомство со степью и ее обитателями и потом крайнюю торопливость».²

В работе большое место занимает описание системы управления, установленной после отмены ханской власти в Младшем жузе. В этой части небезынтересны сообщаемые автором материалы. В его изложении нам известны некоторые инструкции, составленные оренбургским губернатором при введении помощников султанов-правителей и начальников дистанций. Важные сведения о суде биев и принципе его организации можно найти в другой работе А. Добросмыслова.³

О политике царского правительства в Средней Азии немало важных указаний находится в трудах и письмах В.В. Григорьева – ученого-востоковеда. Его сообщения ценны тем, что он на протяжении ряда лет занимал должность председателя Оренбургской пограничной комиссии и имел возможность непосредственно изучить казахскую степь.

В.В. Григорьев, царист по убеждению, верил, что в рамках феодально-крепостнического строя в России и колониальной политики царизма можно «воспитывать Азию, как свое родное дитя».⁴ Тем не менее он, по сравнению с другими чиновниками и буржуазными востоковедами, придерживался более гуманных взглядов. В.В. Григорьев кое-что делал лично, чтобы облегчить тяжелое положение казахского населения, испытывавшего двойной гнет колониальных чиновников и местных правителей.

Об этом свидетельствуют его доклады о злоупотреблениях хана Джангера, об отрицательных последствиях распространения им ислама среди казахов и о том, что хан Джангер приучил своих приближенных султанов к взяточничеству и мошенничеству. В.В. Григорьев не всегда был согласен с конкретными формами политики оренбург-

¹ *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк, вып. I, II. Оренбург, 1900 – 1901.

² Там же, вып. I, стр. 195 – 199.

³ *Добросмыслов А.И.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.

⁴ *Григорьев В.* Об отношении России к Востоку. Одесса, 1840, стр. 5.

ского губернатора и его окружения. Он называл их невеждами в казахстанском вопросе и сокрушался, что почти одинок в своем мнении. По всем этим вопросам в его трудах и в особенности в письмах друзьям можно найти интересные для нас сведения.¹

В конце своей жизни, будучи профессором Петербургского университета, В.В. Григорьев писал, что «история подходов наших к обращению киргизов из номинальных подданных в действительные представляется в высшей степени комичною, по несообразности с целью и непрактичности употреблявшихся для того мер, несообразности и непрактичности вытекавших из полнейшего незнания заправлявших этим делом не только со страстями кочевников и пружинами, приводящими их в действие, но даже с языком их, религиею, понятиями и нравами: разумеется, что при таких условиях чуть не каждый шаг наш долженствовал быть промахом».²

В.В. Григорьев старался убедить правительство соблюдать в отношении казахов «справедливость и строгость». Он оправдывал «жесткую политику» и выступал против «снисхождения». «Снисходительностью, уступчивостью, подарками без толку и угощением без разбора не могло оренбургское начальство достигнуть какого-либо успеха в делах с кайсаками», – писал он в письма из Зауральской степи.³

О политическом строе Казахстана XVIII-XIX вв. некоторые сведения имеются в исследованиях известного востоковеда В. Вельяминова-Зернова. Одно время он служил при оренбургском губернаторе Перовском, бывал в степи с научной целью, впоследствии перешел на работу в Азиатский департамент Министерств иностранных дел. В. Вельяминов-Зернов, автор крупного исследования о касимовских царях, которое ему принесло мировую славу, изложил свои взгляды о казахах в основном в одной небольшой работе.⁴

В отношении мероприятий правительства в Казахстане он придерживался примерно тех же взглядов, что и В.В. Григорьев. В одном из писем В.В. Григорьеву из Петербурга В. Вельяминов-Зернов писал: «Потеря я немножко в нашем министерстве и убедился, что Ковалевский и департамент в киргизах ровно ничего не понимают. Толкуют такую чушь, что просто уши вянут: рассуждают о киргизской национальности, о неприкосновенности мусульманства и тому подобных вздорах».⁵

¹ Веселовский Н.И. В.В. Григорьев, по его письмам и трудам СПб., 1887.

² Григорьев В. Русская политика в отношении к Средней Азии. СПб., 1874, стр. 16.

³ Григорьев В. Письма из Зауральской степи. М., 1862, стр. 21.

⁴ Вельяминов-Зернов В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абулхайр-хана, вып. 1. Уфа, 1853-1855.

⁵ Веселовский Н.И. В.В. Вельяминов-Зернов (1830-1904). СПб. 1904, стр. 6.

Среди работ востоковеда М. Венюкова наибольшее значение для разрабатываемой проблемы имела книга «Россия и Восток». В ней даны краткая история колонизации Сибири и, что важно, политика губернаторов Сибири, в административном подчинении которых находились казахи Среднего жуза. Он резко отрицательно характеризует сибирскую администрацию, состоящую из «наезжих чиновников», которые думали только об одном: «поскорее нажиться взятками и вернуться благополучно домой». По его мнению, некоторая перемена в положении Сибири произошла с назначением в 1819 г. генерал-губернатором края М. Сперанского. Но после его ухода царские чиновники, как и прежде, «обирали народ, подвергали пыткам невинных людей и нисколько не уважали личности...»¹ От чиновничьего произвола при этом страдали русские крестьяне и еще более – инородцы.

Сравнивая реформу 20-х годов XIX в. в Младшем и Среднем жузах, автор не без основания называет «Устав о сибирских киргизах» «лучшим устройством». Отчасти из-за разумного проведения политики «Средняя орда во многом обогнала по своему развитию Малую», – пишет М. Венюков.

Несмотря на свое колониалистское настроение, автор отрицательно относится к теории оренбургских губернаторов, которые до 1840 г. считали, что «степь нужно держать в покорности одними летучими отрядами...». Он говорит о заселении казахской земли русскими переселенцами как о способе подчинения края.²

М. Венюков политику царизма в Средней Азии односторонне рисует как шаг «к освобождению человеческой личности от поглощения ее узкими требованиями ислама» и «развитию общечеловеческих знаний в среде населения ее, дотоле совершенно невежественного».³

Очерк экономической политики царизма в Средней Азии дан в работе Л. Костенко «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности». Можно с ним согласиться в том, что в 30-40-х годах XIX в. Оренбургское губернаторство смотрело на Казахстан как на колонию и управляло ею своими методами. Автор говорит о системе, при которой казахи не могли заниматься земледелием и обзаводиться постоянным жильем. Он даже отмечает, что в 1854 г. высшими органами было сделано пограничной комиссии замечание за то, что она не приняла более активных мер по воспрепятствованию казахам селиться в землянки.⁴

¹ Венюков М. Россия и Восток. Спб., 1877, стр. 74-75.

² Там же, стр. 177.

³ Венюков М.И. Поступательное движение России в Средней Азии. Спб., 1877, стр. 1-2.

⁴ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 163-164.

Л. Костенко, безусловно, принадлежал к числу трезво мыслящих чиновников. Он рекомендовал поощрять земледелие и оседлость у казахов, взимать меньше подати с тех, кто переходил к вспашке полей.¹

Значительный интерес представляет работа Н. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области».² Она посвящена в основном обычаям и правовым отношениям казахов. Работа основана не только на непосредственных наблюдениях, но и на материалах, собранных с мест, на рассказах и воспоминаниях стариков и биев. В этом отношении она выгодно отличается от многих других работ.

Как известно, у казахов не было своей письменности и летописцев. Но зато народное сознание хранило сведения о многих выдающихся исторических событиях. Обращение автора к устной истории казахов как к одному из источников наших познаний заслуживает всяческого одобрения.

Автор собрал рассказы некоторых султанов и биев о деятельности Тауке-хана и совета семи биев. Многие страницы посвящены суду биев, его функции и деятельности.

По мнению неизвестного автора книги «О древних союзах киргиз-кайсаков», реформы управления в казахской степи строились в известной степени на учете «народных» обычаев и на привлечении местной знати потому, что правительство во многом было занято своими внутренними делами, усмирением крестьянских бунтов и не имело возможности предпринять решительные шаги в ломке старой системы управления в Казахстане.³

Убедительно звучит высказывание автора о характере судопроизводства и судебных органов, учрежденных в Младшем жузе по положениям 1824 и 1844 гг. «На практике оказалось, – пишет он, – что киргизы, привыкшие издревле к суду устному и гласному, совершенно отшатнулись от русского суда, не согласованного с их жизнью».⁴ Автор правильно замечает, что «общий характер устава о сибирских киргизах носит ясный отпечаток чрезвычайной осторожности законодателя...».⁵ Работа содержит многие другие сведения и в целом представляется полезной.

В трудах Ф. Лобyseвича описываются конкретные формы колониальной политики царизма, реформы управления в Младшем и Среднем жузах. Автор считает преобразование 1824 г., осуществ-

¹ Там же, стр. 165.

² Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. I. Ташкент, 1889.

³ О древних союзах киргиз-кайсаков. СПб., 1886, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 31.

⁵ Там же, стр. 48.

вленное в Младшем жузе, во многом формальным, так как оно не коснулось якобы «сущности системы управления киргизами: взамен упраздненного хана явились в степи трое султанов-правителей, т. е. таких же ханов, которые, пользуясь административной властью, подкрепляемой русской вооруженной силой, бесконтрольно притесняли и обирали народ».¹ Иначе Ф. Лобысевич оценивает реформу управления 1822 г. в Среднем жузе. Отзываясь о ней положительно, связывая ее с именем М. Сперанского, он замечает, что «этот государственный человек решил на меру, которая в то время, в глазах большинства, должна была показаться слишком смелой: выработать для Сибири особое положение об управлении ею, он признавал возможным распространить и на степь общие сибирские учреждения, применяя к условиям жизни киргизов».²

Представляет интерес и другая работа Ф. Лобысевича.³ Она примечательна тем, что содержит краткий очерк деятельности каждого из оренбургских губернаторов до начала XIX в., по которому можно представить себе отдельные стороны колониальной политики царского правительства в Казахстане. В этой части она служит дополнением к указанной выше работе Л. Мейера.

В сочинениях известного казахского ученого Ч. Валиханова имеются весьма важные указания и факты о суде биев, о власти казахских ханов, об их родословных, военной организации, а также о реформах управления в Среднем жузе 20 – 60-х годов XIX в. Особого внимания заслуживают его статьи: «Записка о судебной реформе у киргиз Сибирского ведомства», об Аблай-хане, «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи».⁴ Взгляды Ч. Валиханова оригинальны, и его труды о казахах являются сочинениями не только знатока, но и мыслителя-демократа. В связи с предстоящей новой реформой суда в Среднем жузе (в 60-х годах XIX в.) он выступил с «Запиской о судебной реформе», в которой изобличал султанов и биев, а заодно и областного начальника, стремившихся, не считаясь с народным мнением, протащить выгодные им преобразования. «Только вследствие невнимательности, которая, надо сказать, в отношении нас, киргиз, вошла уже в привычку областного начальства, Комитет, бывший при областном правлении, мог принять без всякой критической оценки мнения султанов, биев и других знатных киргиз за главное основание для своих работ...», – писал он в

¹ Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Спб., 1900, стр. 71.

² Там же, стр. 72.

³ Лобысевич Ф.И. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М., 1891.

⁴ Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Спб., 1904.

своей записке.¹ Мы не думаем входить в разбор того, насколько Ч. Валиханов в своих конкретных предложениях был прав или неправ.

Интересны теоретические обоснования его рекомендаций. По утверждению Ч. Валиханова, законодатели имели и имеют в виду общественную пользу, «но понятия о том, что полезно и что вредно для общественного развития, в разные века были различны». Человеческие побуждения и действия должны определяться «физическими и социальными условиями» общества.² «В наше время самыми важными и близкими для народа считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм...». Далее он указывал: «Всякая реформа, имеющая целью общественное благосостояние тогда только может достигнуть предположенной цели, не подвергаясь разным случайностям, когда известны общественные нужды и средства».³

Краткий анализ дореволюционной литературы показывает, что к ее использованию, за некоторыми исключениями, следует подходить весьма осторожно и критически. Апологетизм, модернизация фактов, служебно-чиновничье пристрастие, субъективизм, чрезмерное возвышение роли отдельных деятелей присущи многим работам.

Вместе с тем отдельным дореволюционным авторам нельзя отказать в наличии у них верной оценки событий в политической жизни казахского общества. Несмотря на известные пробелы, что вполне естественно, записи и исследования дореволюционных авторов о Казахстане представляют большую историческую и научную ценность.

III

Научная разработка истории казахского народа началась лишь в послеоктябрьский период. Советская историография сделала немало и внесла существенный вклад в науку. При всех серьезных успехах советских историков ряд важных проблем из дореволюционной истории Казахстана остается еще в научном отношении слабо разработанным. Это больше всего относится к проблеме истории развития государственности у казахов.

Отдельные вопросы политического строя Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. в той или иной степени затрагивались в ряде работ советских ученых, в основном в связи с исследованием

¹ Там же, стр. 155.

² Там же, стр. 51, 153, 154.

³ Там же, стр. 153.

ими конкретных форм классового выступления народных масс в указанный период. Специального исследования, если не считать отдельных полемических статей, по данной проблеме до сих пор нет.

Ниже дается краткий обзор основной литературы советского периода по теме нашего исследования.

Политическая жизнь Младшего жуза конца XVIII в. получила обстоятельное освещение в монографической работе крупного знатока истории Казахстана проф. М.П. Вяткина «Батыр Срым».¹ В ней приводится много документальных материалов, содержится ряд ценных, оригинальных соображений, отличающихся обоснованностью и глубиной. Здесь мы найдем правильные высказывания о роли местной родовой знати в политике и о системе власти. Автор отмечает, что «прочность вассальных отношений родовой знати к хану и составляла политическую основу крепости казахского ханства при Тауке. Та же система вассальных отношений характеризовала политическую структуру казахского ханства в XVIII в.»² Мы можем добавить, что изложенное в равной степени характерно и для первой четверти XIX в. Ослабление связей между ханской властью и местной знатью, особенно характерное для этого периода, предопределило упадок и исчезновение первой. На многих страницах этого труда разбираются природа учреждений феодальной власти и вопросы политики царизма в Казахстане. В работе подробно освещаются вопросы преобразований в конце XVIII в. в Младшем жузе. Имея их в виду, автор указывает, что «осуществление нового политического устройства жуза протекало в сложных условиях и зависело от ряда факторов как внутреннего, так и внешнего порядка».³ Внутренние условия прежде всего заключались в настроении народных масс, а внешние во многом определялись позицией и интересами царского правительства. «Реформаторская» деятельность оренбургского генерал-губернатора Игельстрома оценивается как стремление «приблизить управление степью к общеимперской системе по учреждению о губерниях 1775 года». С другой стороны, «необходимость реформы была обусловлена сравнительной слабостью мощи царизма на пограничной линии и обострением внутренней борьбы в жузе, которая старую ориентацию на ханскую группировку делала для царского правительства бесполезной».⁴ Несмотря на энергичные меры, «реформа» Игельстрома не приносила желае-

¹ Вяткин М.П. Батыр Срым. М. – Л., 1947. В работе имеются главы: «Политическая жизнь Младшего жуза в XVIII веке», стр. 144-199; «Борьба за политическое переустройство Младшего жуза», стр. 222-287.

² Там же, стр. 147.

³ Там же, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 225, 228.

мого результата, и впоследствии от нее отказались сами инициаторы. Провал «реформы» автором объясняется, на наш взгляд, несколько односторонне. «Опереться внутри жуза на расправы, укомплектованные лицами, не игравшими в этот момент руководящей роли, было невозможно», — пишет проф. М. Вяткин. Эта мысль, указывающая на основную причину провала реформы, повторяется и в других местах работы. «Но эта попытка могла удасться только в том случае, — читаем мы в другом месте, — если бы власть расправ в жузе была реальна и если бы в роли главных старшин выступали наиболее влиятельные старшины, но этого-то не было».¹ Нам представляется, что дело вовсе не в этом. Реформа Игельстрома провалилась в первую очередь потому, что она была с самого начала построена на явном игнорировании старой сложившейся системы управления и без учета особенностей политического развития казахского общества. Причем такой отрыв от действительности и увлечение реформаторской стороной политики свойственны не только барону Игельстрому. В отличие от других он довел этот отрыв до того, что новые учреждения разваливались на глазах как явно чуждое обществу явление.

В этом труде хорошо показаны истинные намерения и планы царского правительства в колонизации Казахстана. В нем фундаментально освещаются отношения различных слоев казахского общества к этой политике и вопросы борьбы народных масс.

В курсе дореволюционной истории Казахстана, написанном проф. М.П. Вяткиным, к сожалению, как нам представляется, вопросы власти, управления и политических реформ в Казахстане в первой половине XIX в. не получили достаточно ясного освещения, хотя этим вопросам в нем посвящены специальные разделы.²

Характеристика Устава 1822 г. и той роли, которую он играл в жизни казахского населения, дана в работе далеко не полно и описательно. Проф. М.П. Вяткин считает, что границы «округа (организованного в соответствии с этим Уставом. — С.3.) не сообразовались ни с прежним так называемым «родовым» делением, ни с районами кочевков. Округа делились на волости, причем в определении границ волостей наблюдалось то же пренебрежение к существующим в казахском обществе делениям, как и при определении границ округов».³ На наш взгляд, здесь допущено известное

¹ Там же, стр. 259.

² Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941. В работе имеются следующие специальные параграфы: «Феодально-колониальная система эксплуатации (конец XVIII в.)», «Реформа барона Игельстрома», «Устав 1822 года», «Организация внешних округов в Средней орде», «Ликвидация ханской власти в Младшем жузе».

³ Там же, стр. 238.

преувеличение роли нового административного устройства в части изменения старой системы местного управления. Анализ положений Устава, а также результатов их осуществления убеждает нас в том, что в действительности «пренебрежение» к старым порядкам не было столь заметным. При организации округов и волостей в равной степени учитывались прежняя система управления и возможность ее использования, приспособления и постепенной эволюции в интересах колониального подчинения Казахстана России. В Уставе было сказано, что новое административное деление должно осуществляться «сообразно с настоящим состоянием заливных киргизов» и что «округи преимущественно состояются из тех волостей, как, считаясь в одном роде или поколении, обвыкли уже быть совокупно, и из волостей, им соседственных» (ст. 4 и 8 Устава). В работе вовсе не упоминается вопрос о последствиях осуществления уставных положений, допущены некоторые фактические неточности. Так, в ней писалось о выборности должностей волостных управителей (стр. 238). На самом деле как по Уставу, так и на практике они не избирались. Раз определенный на эту должность по «желанию» знати волостной управитель оставался на посту бессрочно с правом передачи власти по наследству при «согласии» местных феодалов. Только отсутствие законного наследника влекло за собой новое назначение «по действительному выбору целой волости» (ст. 31 и 32). Реформа местной власти и управления в Малом жузе освещена лишь мимоходом. От автора, разумеется, нельзя и требовать большего, поскольку вопросы политического строя Казахстана конца XVIII и начала XIX вв. освещаются не специально, а лишь в связи с вопросами общей истории казахского народа.

В монографическом исследовании Е. Бекмаханова, посвященном присоединению Казахстана к России, имеются яркие страницы, характеризующие особенности колониальной политики царизма в Казахстане и объективные последствия присоединения его к России. Автор сумел осветить эти вопросы с большим умением и талантом. Он берет за исходное положение тот факт, что «политика царизма, проводившаяся в процессе присоединения Казахстана к России, отражала интересы господствующих классов самодержавно-крепостнического строя. Хозяйственное и культурное, общение казахского народа с русским народом осуществлялось не благодаря, а вопреки угнетательской колониальной политике царизма. Царизм в Казахстане опирался, с одной стороны, на колониальный аппарат, с другой стороны, на феодальную верхушку казахской знати»¹. Автор на убедительных фактах показал глубоко прогрессивное значение

¹ Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 124.

присоединения Казахстана к России, развитие взаимопонимания и дружбы между передовыми представителями народов двух стран.

В работе удачно освещена финансовая политика правительства. Менее полно, пожалуй, даже бегло, изложены вопросы организации власти и управления, их система, изменения и реформы в политической жизни казахского общества конца XVIII и первой половины XIX вв. Автор ограничился лишь упоминанием о введении Устава 1822 г. и организации округов в Среднем жузе, а так же о разделении населения на дистанции в Младшем жузе.¹

Описание основных черт политического строя Казахстана начиная с XVII и до конца XIX вв. дано в труде Т.М. Культелеева, посвященном уголовному обычному праву казахов.

В работе разбираются prerogативы хана, феодального совета и собрания, отношение к ним царского правительства. Имея в виду начальный период осуществления политики колониального подчинения Казахстана, автор правильно указывает, что «царское правительство вначале не вмешивалось в ханское управление, не ограничивало его власть. Оно пыталось приспособить ханскую власть к задачам колониального управления».²

Автор, не задаваясь целью специально рассматривать характер реформ 20-х годов XIX в., правильно подметил, что на самом деле они не привели «к полной ликвидации местного аппарата управления, созданного на протяжении веков исторического развития Казахстана».³ По его мнению, на первых порах изменение сводилось к тому, чтобы органически соединить «туземный» аппарат с государственным механизмом царской России.

Нельзя согласиться с автором в том, что в «решении дел, касающихся внутренней жизни казахского общества, султаны-правители, ага-султаны пользовались по существу правами хана».⁴ На самом же деле между полномочиями власти ханов и старших султанов (султанов-правителей) была существенная разница. Старшие султаны вместо феодального совета имели при себе совет чиновников, право первого голоса в делах совета было упразднено. Они не могли созывать феодальные съезды и не являлись высшей административной и судебной инстанцией по местным делам. И наконец, они не имели такой свободы действия, какую имели ханы даже в самые «мрачные» для них годы. Над деятельностью старших султанов был

¹ Более полно об этой работе см. нашу рецензию, напечатанную в журн. «Партийная жизнь Казахстана». Алма-Ата, 1958, № 3.

² *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 49.

³ Там же, стр. 46.

⁴ Там же, стр. 51.

установлен контроль и введена отчетность т. е. они олицетворяли собой исполнительную власть в степи и не более. При таких условиях их трудно сравнивать с прежними ханами, хотя бы с точки зрения их роли во внутренних делах.

В отличие от многих других авторов Т.М. Культелеев останавливается, хотя и кратко, на последствиях проведения в жизнь положений Устава 1822 г. Он находит, что Устав способствовал «значительному развитию в Казахстане хлебопашества и торгово-ростовщического капитала», ускорил распад патриархально-родовых отношений у казахов. Далее, автор признает некоторые прогрессивные черты Устава: «Хотя Устав 1822 года и предусматривал реорганизацию внутреннего государственного устройства на более прогрессивной основе, но, тем не менее, он все-таки исходил из интересов колонизаторской политики царизма».¹

Заслуживает внимания мысль автора о том, что между системами власти и управления в Младшем и Среднем жузах, несмотря на общность черт в главном, пролегли «существенные различия».² В работе значительное место отведено вопросам организации суда в Казахстане. В этой части, можно сказать, данный труд представляет собой наиболее полное изложение вопроса среди всех других, опубликованных в советское время, работ.

Проблема организации суда и судебной деятельности всегда стояла в центре политики как ханов, так и государств, проводивших политику завоевания и подчинения Казахстана. По существу полномочия «туземной» власти заключались в судебном и внесудебном разбирательствах. Поэтому не случайно, что в специальной юридической работе Т.М. Культелеева этому вопросу отводится значительное место. Суд биев характеризуется как суд феодальный по содержанию, патриархально-феодальный по форме. Автор находится на правильной позиции в вопросе о соотношениях общеимперского и местного (бийского) судов.

В трудах В.Ф. Шахматова, в особенности в его работе, посвященной восстанию Исатая Тайманова, рассматриваются вопросы образования Внутренней орды и влияния на него колониальной политики царизма. Мы в свое время через печать указывали на наличие известного преувеличения роли колониальной политики царизма в переходе казахов за Урал и в образовании Букеевской орды.³

¹ *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр.55.

² Там же, стр. 57.

³ *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946; см. наши статьи: О политическом строе Внутренней орды. – Вестник Академии наук Казахской ССР, 1951, № 10; К вопросу о предпосылках и преобразованиях Внутренней орды. – Вестник Академии наук Казахской ССР, 1956. № 1.

Ценный научный материал по вопросам экономической политики царизма в Средней Азии и Казахстане представлен в монографии М.К. Рожковой.¹ В ней содержится теоретическое обобщение экономической политики царского правительства на всем Среднем Востоке. Раскрыты ее основные черты и закономерности развития.

Мы ознакомились с авторефератом докторской диссертации А.М. Аминова «Очерки по экономической политике царской России в Средней Азии». Хотя объектом исследования в ней является политика царизма в основном в Узбекистане во второй половине XIX в., тем не менее она не могла не заинтересовать нас. Основные линии колониальной политики России были идентичны как в Казахстане, так и в Средней Азии. По мнению автора, составной частью экономической политики в Средней Азии были: а) мероприятия в области административного и политического устройства края; б) земельно-водная политика; в) использование Средней Азии как сырьевой колонии; г) политика в области ирригации и мелиорации; д) переселенческая политика царизма.²

Разумеется, в условиях Казахстана вопрос об ирригации и мелиорации отсутствовал. Для интересующего нас периода переселенческая политика не характерна; точнее, такая политика только еще начала складываться. Что касается первых трех признаков, то они имели место и в Казахстане в первой половине XIX в.

Нам кажется, что диссертант экономическую политику толкует, с одной стороны, несколько расширенно, включив в нее вопросы политического устройства, с другой стороны, суживает ее рамки, не включив в нее политику в области финансов, торговли и промышленности.

Нас особенно интересовала та часть автореферата, где говорится о мероприятиях царского правительства в области административно-политического переустройства края. В основном одни и те же методы применялись царским правительством как в странах Средней Азии, так и в Казахстане. Автор пишет, что «оно установило в крае «военно-народный» принцип управления, сущность которого заключалась в том, что внутреннее управление местным населением по всем делам, не имеющим политического характера, представляется выборным из среды самого «народа» (казиям, биям, аксакалам, арык-аксакалам и т. д.), применяясь к его правам и обычаям. Все остальные правительственные функции в колонии должны быть сосредоточены в

¹ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л., 1949.

² Аминов А.М. Очерки по экономической политике царской России в Средней Азии. Ташкент - Москва, 1955, стр. 13.

руках военной администрации».¹ Такая линия в основном присуща и колониальной политике царизма в Казахстане. В ней, безусловно, отражалось то, что правительство стало колонизировать среднеазиатские земли после того, как Казахстан был покорен, т. е. имея опыт и выработав приемы в политическом преобразовании подчиненных территорий. Однако мы воздержались бы называть эти реформы «военно-народными». Местная власть всецело была отдана в руки военных чиновников (и гражданских чиновников в Казахстане) и феодальной знати. Следовательно, по форме и по характеру она скорее могла быть названа «военно-феодальной».

В целом автореферат А. Аминова свидетельствует об огромной исследовательской работе, проведенной автором по данной проблеме.

В «Истории Казахской ССР» в главе, посвященной истории Казахстана первой половины XIX в., имеется параграф «Изменения в политическом строе»,² в котором пересказаны некоторые положения «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. без попытки анализа и показа практического их осуществления. В книге совершенно не указывается, что практика внесла известные коррективы в положения Устава. Вызывает удивление и то, что, оценивая реформу 1822 г. и ее результаты, авторы ограничились лишь указанием как на положительное явление на ликвидацию ханской власти в Среднем жузе. Во-первых, ханская власть была фактически ликвидирована еще до принятия Устава, который только узаконил совершившееся. Во-вторых, ханская власть сама себя изжила в этот период настолько, что если бы правительство захотело сохранить ее, то вряд ли это ему удалось бы. «Устав о сибирских киргизах» объективно способствовал развитию элементов оседлости и земледелия среди кочевого казахского населения, упорядочил систему местного управления, в известной степени предпринял попытку ограничить произвол чиновников в степи и ликвидировать феодальную междоусобицу. К сожалению, об этих сторонах реформы в таком обобщающем курсе, как «История Казахской ССР», вовсе не сказано.

Более того, допущен ряд неточностей и ошибочных толкований в вопросах политического строя Казахстана первой половины XIX в. Так, имеется утверждение о том, что «к началу XIX в. большая часть территории Казахстана вошла в состав Российской империи».³ На самом деле это произошло гораздо позже.

Нельзя также согласиться с мнением о том, что в результате рефор-

¹ Аминов А.М. Очерки по экономической политике царской России в Средней Азии. Автореферат докторской диссертации. Ташкент – Москва, 1955, стр. 15.

² История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 303-306.

³ Там же, стр. 303.

мы 1822 г. «султаны, не вошедшие в окружные приказы и не ставшие волостными управителями, теряли свои прежние права» и что они «юридически уравниваются в правах с остальным казахским населением». Верно то, что власть крупных султанов была существенно ущемлена, однако не настолько, чтобы они потеряли все свои прежние права и были приравнены к общей массе населения.

Устав с известными ограничениями сохранил прежние привилегии и права султанов как в экономике, так и в политике. По некоторым вопросам имело место даже известное усиление роли султанов. «Султаны составляют высшее и почетнейшее между киргизами сословие и освобождаются от телесных наказаний», – говорится в Уставе (ст. 279). Они пользовались правами «почетных инородцев». За султанами сохранено право на «добровольные» и иные приношения (ст. 130), должности старших султанов и волостных управителей должны были замещаться только султанами и т. п. Эти указания Устава вовсе не похожи на потерю султанами прежних прав и на притеснение их.

Говоря о реформе в области системы местной власти и управления в Казахстане, проведенной начиная с 20-х годов XIX в., авторы курса не упоминают о сложившихся формах двоевластия (государственная власть и частнофеодальная власть). Читая эти страницы, можно подумать, что подобного явления, причем на деле резко выраженного, вовсе не существовало. Ошибки допущены и в изложении судебной компетенции местных органов власти.

Нам думается, что обилие недостатков в освещении вопросов политического строя Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. в «Истории Казахской ССР» объясняется в первую очередь неразработанностью этой проблемы в науке. В свое время вопрос о форме и сущности казахского государства XV-XVIII вв. был предметом дискуссии, в которой приняли участие профессора С.Л. Фукс и С.В. Юшков.

По мнению С.Л. Фукса, в XV-XVIII вв. «развитых форм феодальной государственности казахское государство не знало, оно сохраняло еще политическую форму дофеодального, «варварского» государства». Он утверждал, что казахское государство в указанный период было феодальным по типу и дофеодальным по форме политической организации.¹ При этом С.Л. Фуксом были приведены в качестве доказательства следующие аргументы. 1. Он считал ошибочным утверждение о том, что в Казахстане со времени монгольского ига

¹ Фукс С.Л. Некоторые вопросы истории Казахского государства. Известия Академии наук Казахской ССР, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 98-99.

султаны и беки, «узурпировав право распоряжения кочеванием, тем самым фактически монополизировали пастбищные пространства в руках знати и на базе этого своего отношения к земле как основному условию и средству производства установили господство крупных феодалов, систему ленной вассальной зависимости и феодальной раздробленности».¹ По мнению С.Л. Фукса, земельной ренты по крайней мере до XVIII в. не существовало, а «базой феодальной эксплуатации была главным образом концентрация в руках знати скота»; вассальные отношения не имели ленной основы. 2. Казахские ханства не развились до раннефеодальной монархии. «Нужно признать, – писал С.Л. Фукс, – что «патриархальная оболочка», т. е. форма дофеодальной «варварской» государственности, абсолютно преобладала здесь над формами развитого феодального государства, преобладала в такой мере, что здесь нельзя еще говорить о феодальной политической форме, а нужно говорить о форме дофеодальной, «варварской», которую следует рассматривать как неразвитую или «зачаточную» по отношению к развитой феодальной государственности».² Совет биев был не феодальной курией, а широким советом родоплеменной знати, существовали остатки «народных» собраний, весенние и осенние съезды, куда являлись все свободные даже в период Тауке-хана (начало XVIII в.). Военная организация также имеет дофеодальный характер. 3. Власть казахского хана обладала особенными чертами, которые «нельзя механически отождествлять с властью монарха в развитом феодальном государстве».³ Главная политическая функция была сосредоточена в руках биев-старшин, а не в руках хана, который считался в первую очередь военным вождем. Против положения С.Л. Фукса выступил С.В. Юшков. Он доказывал наличие монопольного права казахских феодалов на пастбищные пространства, проявлявшегося в своеобразных формах, соответствующих экономическим и историческим условиям страны. «Основанием для эксплуатации у казахов в период феодализма является захват феодалами права распоряжения пастбищами, пастбищными землями».⁴

С.В. Юшков усматривал в положении С.Л. Фукса преувеличение значения патриархальных пережитков в политической жизни казахского общества. По его мнению, казахское государство, как и все феодальные государства, являлось вообще совокупностью феодальных владений. Султаны и старшины выступали носителями феодальной

¹ Там же, стр. 93.

² Там же, стр. 98.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Юшков С.В. Основные вопросы истории Казахского государства. – Известия Академии наук Казахской ССР, серия юридическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 83.

власти. Острые государственного аппарата всецело было направлено против зависимого населения. Далее делался вывод о том, что «казахское государство было первой формой феодального государства, именно раннефеодальной монархией в первоначальном ее виде, т. е. в том виде, когда не выделились полностью из ханской и султанской ставки органы центральной и местной администрации».¹

Т.М. Культелеев поддержал критику С.В. Юшкова, также признавая ошибочным положение С.Л. Фукса. «Мы считаем, – писал он, – что правильнее было бы называть казахское государство феодальным по сущности и патриархально-феодальным по форме».²

Недостатком указанной дискуссии было то, что та и другая стороны в то время еще не располагали достаточными фактами в подтверждение своих взглядов. О многом говорилось априорно, в виде предположения. По-видимому, этим можно объяснить тот факт, что критики не могли убедить друг друга и не пришли к согласованному мнению.

Не во всем можно поддержать проф. С.Л. Фукса. Однако несомненно то, что в его работе содержится ряд новых мыслей относительно развития феодальной государственности в Казахстане.

В работе С.Е. Толыбекова «Процесс присоединения казахских жузов к России в XVIII-XIX вв. и прогрессивные изменения в земельных отношениях у кочевников» значительное внимание уделено вопросам государственной политики царского правительства в Казахстане. Автор, в общем правильно оценивая глубоко прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, в ряде мест явно неверно освещает вопросы колониальной политики царизма.

По мнению С.Е. Толыбекова, царизм в период проведения колониальной политики в Казахстане, вплоть до 1868 г., «всячески избегал осложнений взаимоотношений и военных столкновений с казахами. Этого требовало внутреннее и международное положение как России, так и казахских жузов».³ Такое голословное заявление не соответствует действительности. Факты свидетельствуют о том, что царское правительство, там где это диктовалось его интересами, шло на прямое осложнение взаимоотношений с казахским обществом. Оно часто и без достаточного повода проводило военные поиски в степи. Вооруженные силы использовались им как орудие страха, запугивания населения и подавления непокорных кочевых коллективов.

¹ Там же, стр. 86.

² *Культелеев Т.М.* Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 42.

³ *Толыбеков С.Е.* Процесс присоединения казахских жузов к России в XVIII-XIX вв. и прогрессивные изменения в земельных отношениях у кочевников. – Труды Института экономики, т. III. Алма-Ата, 1959, стр. 147.

Ошибочны утверждения автора о том, что «основной целью проводившихся царским правительством политико-экономических мер было создание оседлости и условий для развития земледелия, что должно было привести к полному подчинению племенно-феодального общества».¹ Эта мысль повторяется и в других местах работы: «Русское правительство в целях колонизации было заинтересовано в установлении в казахской степи гражданского мира, оседлости и развитии там земледелия».² Автор явно увлекается колониальной политикой царизма и вследствие этого делает необоснованные и поспешные выводы. Во-первых, основной целью политико-экономических мер, к которым прибегало правительство в Казахстане, было превращение его в окраинную колонию империи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тактика содействия развитию элементов оседлости и земледелия среди казахов была лишь одним из способов достижения этой цели, отнюдь не главной задачей правительства, как это думает С.Е. Толыбеков. Во-вторых, нельзя утверждать, что ограниченная политика, в некоторой степени способствующая развитию оседлости и земледелия среди кочевников, должна была «привести к полному подчинению племенно-феодального общества» казахов русскому государству. Во всяком случае, само царское правительство так не думало и не могло думать. В-третьих, попытка представить царское правительство как силу, заинтересованную в установлении «гражданского мира», оседлости и развития земледелия в Казахстане, по меньшей мере является наивной.

Путанными являются рассуждения автора относительно характера политических реформ, осуществленных царским правительством в 20-х годах XIX в. в Казахстане. Так, «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. без оговорки объявляется как «применение системы русского государственного управления к казахам Среднего жуза», как «создание стройной системы государственного управления».³ В действительности дело обстояло далеко не так.

Политическая система России не могла быть распространена на колониальную территорию, тем более на отсталое патриархально-феодальное казахское общество. Другое дело, что правительство стремилось организовать систему власти и управления степи по возможности по образу и подобию своему вообще (название административных единиц, организация следственного аппарата и т. д.).

¹ Там же, стр. 147.

² Там же, стр. 153.

³ Толыбеков С.Е. Процесс присоединения казахских жузов к России в XVIII-XIX вв. и прогрессивные изменения в земельных отношениях у кочевников. – Труды Института экономики, т. III. Алма-Ата, 1959, стр.154.

Однако это вовсе не было переложением русской системы на казахскую почву.

С введением Устава 1822 г. в Среднем жузе возникло двоевластие: наряду с новыми государственными органами существовала старая система органов власти и управления. Все это далеко не было «созданием стройной системы государственного управления», хотя следует сказать, что с принятием Устава и организацией новых административных единиц роль государственных органов в обществе намного усилилась. Нельзя согласиться с мнением С.Е. Толыбекова о том, что реформа, проведенная в 1824 г. в Младшем жузе, «не ввела никакой новой системы государственного управления» и что каждая из трех частей жуза, образованных в 1824 г., «была новым ханством».¹

Ошибочность подобного мнения видна из того, что султаны-правители, стоявшие во главе отдельных частей (Западная, Средняя и Восточная), были поставлены в такие условия, что во многом являлись простыми местными исполнителями распоряжений и указаний пограничных властей, не говоря уже о том, что они не пользовались основными правами и полномочиями прежних казахских ханов. Неправ автор, когда он все без исключения звенья административного устройства – округа, волости и аулы – считает «одновременно территориальными единицами», возникшими якобы «впервые в истории кочевого общества казахов».² Выходит, что до принятия Устава в административном делении подданных государства господствовал только родовой принцип, после – территориальный принцип. Такой взгляд ошибочен в своей основе.

Территориальная определенность не была чужда казахскому обществу и раньше. Она выступала в своеобразном переплетении с началами родового деления населения. Реформа 1822 г. намного усилила существовавшую ранее территориальную определенность населения и положила ее за основной принцип при организации таких административных единиц, как округа и волости. А что касается аулов, то при их «создании» предпочтение давалось старой, сложившейся системе.

При всем этом самым серьезным образом учитывалась и сила родового начала как в малых, так и в больших кочевых группах. Отсюда противопоставление принципа территориальной определенности населения родовой номенклатуре неправомерно.

Автор работы, не утруждая себя анализом фактов и приведением доказательств, объявляет антиколониальное и антиханское движе-

¹ Там же, стр. 155.

² Там же, стр. 157.

ние, развернувшееся в конце XVIII в. в Младшем жузе под руководством Срыма Датова, «реакционным антинародным движением» и отождествляет его с феодально-монархическим движением султана Кенесары Касымова.¹ Как известно, в специальной монографической работе проф. М.П. Вяткина «Срым батыр» высказана противоположная точка зрения. Научная аргументация проф. М.П. Вяткина, кстати, весьма глубокая и обоснованная, не только не разобрана С.Е. Толыбековым, но не упомянуто даже наличие взгляда, противоположного предлагаемой им оценке движения.

Не наша задача оценивать указанную работу С.Е. Толыбекова в целом. Нам представляется, что автор явно некомпетентно освещает в ней ряд важных вопросов колониальной политики царского правительства в Казахстане. Краткий обзор основной советской литературы по исследуемой нами проблеме свидетельствует о наличии в ней ряда спорных и неясных вопросов.

IV

В процессе работы нами использованы различные специальные сборники, среди которых важными являются: материалы по истории Казахской ССР, акты Государственного Совета,² материалы по обычному праву казахов, сборники законов и подзаконных актов, относящихся к управлению казахами,³ материалы о завоевании Туркестана,⁴ многотомный Туркестанский сборник в г. Ташкенте,⁵ полное собрание законов Российской империи.

Ценным источником для нашего исследования были архивные материалы. В Государственном историческом архиве Казахской ССР собраны богатейшие документы по истории Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв.

¹ Там же, стр. 152.

² Архив Государственного совета, т. I, ч. II. Спб., 1869.

³ Сборник узаконений о киргизах степных областей, составленный И. Крафтом. Оренбург, 1898; Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, составленный А.И. Добросмысловым. Оренбург, 1900, т. I, II; Указы оренбургским военным губернаторам императрицы Екатерины II и императора Павла I. Оренбург, 1889.

⁴ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, составленный Л. Серебrenниковым. Издание штаба Туркестанского военного округа. Ташкент, 1914-1915 (в 14 томах).

⁵ Туркестанский сборник. Рукописный фонд Государственной библиотеки Узбекской ССР имени Алишера Навои, г. Ташкент. Имеет более 400 томов. Нами просмотрены первые сто томов, охватывающих в основном третью четверть XIX в.

Достаточно указать, что фонды Оренбургской пограничной комиссии (Областное правление оренбургскими казахами) и пограничного управления сибирскими казахами включают соответственно более 7 и 12 тысяч единиц хранения. Кроме них, особенно тщательно просмотрены и изучены необходимые нам в связи с настоящим исследованием материалы фондов Омского областного правления, окружных приказов, начальника Алатауского округа, управлений комендантов некоторых городов, ханского архива во Внутренней орде и Временного Совета по управлению ею. Поиски дополнительных материалов, произведенные автором в Узбекском Центральном историческом архиве, большого успеха не имели, так как богатые архивные документы интересующего нас периода, хранившиеся ранее в г. Ташкенте, погибли в годы революции.

Автором использованы также материалы центральных хранилищ: Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного военно-исторического архива и Архива Министерства иностранных дел Союза ССР.

Мы имели полную возможность сопоставить данные архивных и литературных источников, пытались устранить противоречия, имеющиеся в них, тем самым избежать однобокости и ошибок в оценке фактов и освещении вопросов исследуемой проблемы.

В предлагаемой работе предпринята попытка воссоздать картину политических отношений, сложившихся в Казахстане в конце XVIII и первой половине XIX вв., во всей их сложности и связях.

Полезные критические замечания будут нами учтены при дальнейшей работе над темой.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ КАЗАХОВ

Экономическое развитие Казахстана

Сельскохозяйственное производство занимало безраздельно господствующее положение в системе народного хозяйства. Промышленное производство как особая сфера материального производства, отделенная от сельского хозяйства, можно сказать, вообще не существовало. Само по себе одно это обстоятельство свидетельствует о многом: об экономической отсталости, об узости хозяйственной основы деятельности населения и слабости разделения труда.

Абсолютно доминирующей отраслью сельскохозяйственного производства было кочевое скотоводство. Казахи знали земледелие, которое, судя по источникам, вряд ли когда-либо после зарождения кочевого скотоводства на территории Казахстана поднималось до положения ведущей отрасли общественного производства. Роль земледелия в экономическом балансе общества была исключительно малой, хотя в отношении потребления зерновых продуктов этого сказать нельзя. Существенная доля потребности в хлебе покрывалась за счет заграничного обмена и труда земледельцев-неказахов, селившихся преимущественно на юге.

Кочевое скотоводство имело значительное распространение и в тех районах, где имелись более благоприятные условия для развития земледелия. Характерно, что казахские аулы, расселенные среди земледельческих народов юга (Семиречье, районы Сыр-Дарьи, Ташкента, Ферганы и т. д.), оставались преимущественно кочевыми, скотоводческими.¹ Скотоводческое хозяйство на территории Казахстана было обширным и в то же время неустойчивым. Зимние метели, бескормица и гололеды наносили значительный материальный урон кочевникам. Некоторое представление об этом дают следующие официальные данные. Зимой 1850 г. только в одной восточной части Младшего жуза пало 16097 лошадей, 4241 верблюд, 11 751 голова крупного рогатого скота и 47 290 баранов.² Массовый падеж скота произошел и в 1856 г., причем население этого района лишилось 1720 верблюдов, 63467 лошадей,

¹ «Лишь безвыходная бедность может принудить киргиза заняться хлебопашеством, – говорится в одной из работ современников, – при первой возможности пропитаться от скотоводства, они бросают пашню». (Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. III. М., 1867, стр. 54).

² ЦГИА Каз.ССР. ф.4, оп.1, д.3554, л.26-27.

3714 голов крупного рогатого скота и 74 107 баранов.¹ В иные годы джуг уносил более половины поголовья скота. Особенно тяжелыми были его последствия в крестьянских хозяйствах.

Распределение скота среди членов общества было крайне неравномерным. Оно выражало отношение имущественного неравенства, на основе которого возникали отношения господства и подчинения. Одни (феодалы) владели стадами баранов, табунами лошадей, другие – только необходимым для прожиточного минимума, а третьи – и того меньше.

В системе народного хозяйства земледелие имело незначительный удельный вес. Особенно слабым оно было в конце XVIII и в начале XIX вв. Однако в дальнейшем земледелие получает относительно заметное развитие.

За 1833 – 1851 гг. засеваемая площадь в Среднем жузе увеличилась более чем в 10 раз. Однако при всем этом земледелие оставалось исключительно слабо развитой отраслью общественного производства. Судя по источникам, в 20-х годах XIX в. в Баян-Аульском округе, население которого составляло около 60 тысяч человек, казахи земледелием не занимались. Впоследствии первым поднял целину начальник русского военного отряда Шахматов.² В 1844 г. в округе было 5 семей русских земледельцев.³ Точно так же на территории Кушмурунского округа до 1851 г. ни один местный житель не сеял хлеба.⁴ В наиболее «земледельческом» Акмолинском округе с населением более 40 тысяч человек в 1842 г. только 102 семьи казахов в той или иной степени занимались возделыванием полей.⁵ Согласно более поздним достоверным источникам, в начале 60-х годов XIX в. в Средней орде из 1000 мужчин коренного населения занимались земледелием только 6 человек.

Аналогичное положение характерно и для населения Младшего жуза. По сообщению одного из сведущих чиновников, в бассейне реки Тургай постоянные пашни были заведены группой аулов во главе со старшиной Сейткуловым в конце XVIII в. В этом районе в 40-х годах XIX в. было 80 семей земледельцев. Спустя 25 лет число их достигло 9000 дворов.⁶

Распространение земледелия в целом по орде в 1855 году имело следующую характеристику.⁷

¹ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1866, стр. 142

² ЦГИА КазССР, ф. 374, д. 3321, л. 25.

³ Там же, д. 1717, л. 15.

⁴ Там же, д. 2429, л. 51.

⁵ Там же, д. 958, л. 10.

⁶ *Султан Сейдалин 2-й.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая. Записки Оренбургского отделения ИРГО, вып. 1. 1870, стр. 211-212.

⁷ По отчету Оренбургской пограничной комиссии за 1855 год. ЦГИА КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 5144, л. 14.

Части орды	Всего семей	Количество людей, занимавшихся земледелием
Восточная	около 100 000	627
Средняя		4064
Западная		2019

Представляет известный интерес вопрос о степени распространения земледелия среди казахов Семиречья, славившегося не только плодородными лугами и пастбищами для скота, но и обширными равнинами, со значительными осадками, дающими возможность успешно развивать земледелие. В этой части имеются следующие архивные и литературные данные (табл. 1).

Наиболее характерным для казахского населения было положение Копальского округа, в котором казахов было намного больше, чем всех других народностей вместе взятых. Как видно из таблицы, несмотря на географические удобства района земледелие среди казахов и здесь имело незначительное распространение. Ими засеяно в 1862 г. всего 485 четвертей хлеба, тогда как русские переселенцы, которых было значительно меньше, засеяли в том же году более 3000 четвертей зерна. Казахи округа «очень мало занимаются хлебопашеством, ведя кочевую пастушескую жизнь», — заключает автор, сообщивший указанные выше сведения.¹

Таблица 1

Административные районы	Занимались земледелием				1862 г.			
	1855 г.		1864 г.		посеяно хлеба, четвертей		снято хлеба, четвертей	
	муж.	жен.	муж.	жен.	озимового	ярового	озимового	ярового
Сергиопольский округ (всего русских в округе в 1864 г. было 3074 человек обоего пола)	395	392	25784	20524	-	-	-	-

¹ Там же, стр. 287.

Копальский округ: русские казахи (в округе русских было 2700, казахов - около 25000)					313	2955	3294	17772
					165	320	866	1950

В Сергиопольском округе происходит бурное развитие земледелия. За какие-нибудь десять лет число хлебопашцев возросло более чем в 50 раз. Этот «скачок» главным образом объясняется переселением массы земледельцев-уйгуров на территорию округа.

В нашем распоряжении нет данных о состоянии земледелия в других районах Семиречья. Следует полагать, что положение, характерное для казахского населения Копальского округа, было общим для всего Семиречья.

Относительно развитыми земледельческими районами были: бассейн реки Сыр-Дарья, окрестности населенных пунктов Туркестана, Шим-Коргана, Казалы и Ташкента. Казахские аулы, расселенные в этих местах, нередко между оседлыми узбеками, в значительной степени были связаны с земледельческим трудом. Управляющий казахами, живущими по Сыр-Дарье, советник Осмоловский и его помощник старшина Карамышев приводят сведения о развитии хлебопашества среди казахов этого района.

Таблица 2¹

Годы	Занимались хлебопашеством (число кибиток)	
	в районе форта Перовского	в районе форта № 1
1857	2472	н/св.
1858	3324	7650
1859	5228	6872
1860	4000	4350

По данным Старкова, в 1860 г. в районе Сыр-Дарьи было 10295 кибиток казахов, занятых земледелием, а по отчету командующего Сыр-Дарьинской Линией – 8827 кибиток.²

Судя по этим документам, можно полагать, что к концу 50-х годов XIX в. в этом районе насчитывалось около 10000 хозяйств, в той или иной степени связанных с земледелием.

¹ Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 109.

² Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. Спб. 1874. стр. 111.

О соотношении кочевой и земледельческой части казахского населения в бассейне Сыр-Дарьи и примыкающих к нему районах некоторое представление дают следующие сведения, относящиеся к 1867 г.¹

Большинство казахских аулов, особенно первых трех уездов, весной и летом находилось на землях Оренбургского ведомства и только глубокой осенью возвращалось к своим постоянным зимовьям. Семьи, занимающиеся земледелием, как правило, были постоянными жителями уезда, в отличие от тех, которые значительное время года проводили за его пределами, ведя кочевой образ жизни.

В первой половине XIX в. земледелие у казахов имело ряд особенностей. Им занималась преимущественно материально не обеспеченная, слабообеспеченная часть населения. Причем земледельческая оседлость зачастую носила временный характер. Тяга к скотоводческому хозяйству и кочевому образу жизни настолько еще оставалась сильной, что земледелец-бедняк, кое-как оправившись от нищенства, часто бросал свои пашни и становился снова членом кочевой общины. Однако эта тяга объяснялась не только силой стихийного влечения, традицией, историческим опытом и навыками. Имело значение и то, что земледельцы являлись объектом постоянного притеснения, унижения и нередко ограбления со стороны кочевых групп, занимавших господствующее положение как в экономике, так и в политике. Порою полуголодному кочевнику было легче, чем униженному, живущему в постоянном страхе земледельцу.

Таблица 3

Уезды Туркестанского губернского управления, в которых жило казахское население	Родовые группы, к которым в основном принадлежали аулы казахов	Число кибиток	Из них занимались в этой или иной степени земледелием
Казалинский	Кишкин-Шекты, Турткара и другие роды	17680	4000
Перовский	Шумекей, Кете, Алаша, Шеркеш и др.	26645	6000

¹ *Макшеев А.* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. Спб., 1868, стр. 41-46.

Туркестанский	Преимущественно из Большого жуза	5960	Большая часть
Чимкенсткий	н/св	5930	Большая часть
Аулие-Атинский	В основном из Большого жуза	8200	Отчасти
Ташкентский	н/св	7800	В значительной степени

Казах-пахарь отличался от земледельца-неказаха орудиями труда, техникой возделывания почвы, способом ухода за посевом. На всем лежала печать экономической отсталости, отсутствия преемственного векового опыта и навыков. Нередко, имея засеянные участки, он продолжал кочевать. Еще А. Левшин указывал на то, что казахи, перешедшие к земледелию в районах городов Туркестана и Ташкента, не сделались от этого земледельцами в полном смысле слова. Он писал: «Впрочем земледелие не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих только до того времени, пока хлеб поспеет. Сжав его и обмолотив, они берут с собой нужную часть оною, а остальную зарывают в землю, до будущего посева и уходят в другие места».¹

Характер земледелия объяснялся особенностями исторического периода, когда в сферу земледельческого производства вовлекались все новые группы вчерашних скотоводов-кочевников, недостаточно знакомых с оседлым бытом, сохранивших пережитки кочевого хозяйства и нередко органически связанных с аульной общиной.

Земледельческое хозяйство в Казахстане, несмотря на трудности его развития, обусловленные больше всего несовершенством орудий обработки земли и отсутствием опыта, несмотря на неудачи, которых не могла избежать некоторая часть семей, пытавшихся им заниматься, в рассматриваемый период расширялось с каждым годом.

Относительный рост земледелия был вызван рядом обстоятельств: углублением процесса разложения и упадка скотоводства на большой территории Казахстана, ростом обнищания среди крестьянской массы населения, а также влиянием оседлых земледельческих народов, в особенности русских, в северных и центральных районах Казахстана.

Одним из существенных последствий экономического влияния России в районах, куда распространилась ее власть, было развитие

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч.III. Спб., 1832, стр. 199-200.

элементов оседлости среди кочевого населения. В частности, это хорошо видно по цифрам роста домостроения в Среднем жузе.¹

Годы	Число деревянных и каменных домов (по годовым губернаторским отчетам)
1859	1797
1860	2850
1861	6614
1862	7883
1863	9656

Ремесло в казахском обществе еще не выделилось из сельского хозяйства. Сам по себе этот факт говорит о многом. На территории Казахстана не было городов, игравших роль центров ремесленного производства. Некоторые населенные пункты, расположенные на юге и юго-востоке страны, в рассматриваемый период использовались как укрепления. В них не было ни промышленных кварталов, ни объединений мастеров.

Каждый скотовод в то же время был ремесленником. Обработка скотоводческой продукции – от дубления кожи до прядения грубых шерстяных тканей – сосредоточивалась в семье.

В известной степени профессиональная специализация существовала в обработке металла и дерева. Число таких мастеров было весьма невелико. Они всецело обслуживали внутренние потребности кочевых коллективов. Металлические изделия в большей части, в особенности более сложной обработки и конструкции, приобретались у соседних народов.

В связи с присоединением казахских земель к России кое-где возникают промышленные учреждения по переработке сельскохозяйственных продуктов, горнорудные копи и предприятия по плавке металлов, всецело организованные русскими. Данные о количестве предприятий приведены ниже (табл. 4).

Богатые материальные ресурсы Казахстана стали разрабатываться русскими промышленниками начиная с 1815 года. К 1857 году на территории Северного Казахстана находилось более 200 действующих приисков и около десятка плавильных заводов, в большинстве своем мелких. В остальных частях Казахстана добывающая промышленность была почти не развита.

На приисках и заводах работали выписанные с сибирских заводов квалифицированные русские рабочие. Почти вся трудоемкая тяже-

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов, Спб., 1868, стр. 218.

лая работа выполнялась казахами. Пограничное управление в отчете за 1842 г. указывало, что на золотых приисках области сибирских казахов работало 1120 рабочих из местного населения.¹

Таблица 4

Заводы	Область сибирских казахов				
	1856 г.	1862 г.	1863 г.	Семипалатинск. обл. 1865 г.	Семиреченск. обл. 1869 г.
Кожевенные	2	4	4	19	3
Салотопенные	1	3	5	-	5
Мыловаренные	-	-	-	5	-
Свечные	-	-	-	1	-
Винокуренные, водочные и пивоваренные	-	-	-	-	4
Кирпичные	-	-	-	-	3

Зарождение казахского рабочего класса в первую очередь связано с развитием и становлением в Казахстане горнорудной промышленности. Из обзора состояния и развития производительных сил общества видно, что скотоводческое хозяйство было наиболее развитой и господствующей отраслью народного хозяйства в Казахстане.

Мы считаем принципиально ошибочной позицию С. Толыбекова, рассматривающего кочевников скотоводческих районов как «чистых», «вечных» и «постоянных». Подобные термины часто встречаются в его работе, посвященной экономике и организации скотоводческого хозяйства в конце XIX и начале XX вв. По его мнению, «характерным для такого типа хозяйства было почти круглогодичное кочевание населения». Они «совершенно не имели постоянных построек... не делали запасов сена и не занимались земледелием».² Если исходить из указанных здесь критериев, следует признать основную массу населения Казахстана первой половины XIX в. «чистыми» и «вечными» кочевниками. Но такое понимание в научном отношении несостоятельно и ведет к путанице.

¹ Толыбеков С. Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков. - Труды Института экономики АН КазССР, т. II, 1957, стр. 3, 4, 5, 16, 25, 46, 70.

² Более полный разбор этой работы изложен в нашей рецензии, напечатанной в журн. «Партийная жизнь Казахстана». Алма-Ата, 1959, № 5.

Сам по себе тот факт, что кочевники-скотоводы не возделывали полей, не имели постоянных жилых построек, вовсе не говорит о том, что они являются «чистыми» и «вечными» кочевниками. Они, во-первых, занимались и другими видами производства: ремеслом, различными промыслами (рыболовство, охота и др.) во-вторых, – находились в постоянной экономической связи с земледельческими районами, обменивались с ними своими продуктами, в-третьих, – периодически, в той или иной степени, сами занимались земледелием. Разве можно утверждать, что близкие дальние предки семей скотоводов начала XIX в. никогда не занимались земледельческим производством? Все это говорит о абсурдности данной концепции и оторванности ее от реально действительности. В.И. Ленин указывал на то, что «чистых явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может».¹ Между прочим, С. Толыбеков не оригинален. Подобного взгляда придерживались многие дореволюционные авторы. Так, царский чиновник Смирнов считал, что казахи до заселения степей русскими были «чистыми скотоводами».² «Чистые же скотоводы («чарва»), – писал другой автор, – не имеющие полевого хозяйства, никогда не имеют оседлости, кочуя круглый год».³ Подобные характеристики «чистых» кочевников встречаются в работах И. Аничкова,⁴ Г. Гинса⁵ и др.

Остановимся далее на общественной форме присвоения в среде производства в казахском обществе. Одним из основных средств общественного производства была земля, экономическая роль которой определялась тем, что она использовалась преимущественно как пастбища для скота, охотничьи и сенокосные угодья, для зимней стоянки, возведения жилищ и хлебопашества.

Общественная форма присвоения земельных площадей была различна в зависимости от характера и экономической роли каждой из них.

Места зимней стоянки, застроенные участки, сенокосные луга находились во владении отдельных семей. Особенностью их частного присвоения являлось то, что оно производилось в условиях сохранения аульно-общинной формы расселения и хозяйствования населения (кочевания) с вытекающими отсюда ограничениями.

¹ Ленин В.И. Соч., т. 21, стр. 210.

² Отчет ревизора землеустройства Смирнова по командировке летом 1901 г. в Тургайскую область. Спб., 1902, стр. 225.

³ Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа. Ташкент, 1915, стр. 32.

⁴ Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 76.

⁵ Гинс Г. Переселение и колонизация, вып. 1. Спб., 1913, стр. 6.

Это хорошо отражено в источниках, относящихся к рассматриваемому периоду. В журнале Гавердовского, составленном им по результатам поездки через степь в 1803 г. в Бухару, о казахах сказано: «Всякое отделение для зимних кочевков имеет определенные места, а частью и для летних, и владеют оными как собственностью каждого, никто из посторонних, кроме собственного хозяина, уже пользоваться ими не может, в противном случае рождаются баранты».¹ Начальник Омского пограничного управления Броневский в 1830 г. указывал, что казахи, «кочуя все лето целой волостью, на зиму принуждены разделяться на части по аулам: никто не занимает чужого места, в противном случае драка и баранта непременно воспоследует. Привязанность к зимовкам своим велика потому, что, во-первых, они привыкли там проводить часть года; во-вторых, подножный корм, сбереженный через отсутствие во все лето и, в-четвертых, гробы предков, вблизи погребенных».² Подобного рода данные встречаются в ряде других источников. «Зимние кочевья избираются заблаговременно и составляют как наследство», – отмечает один из современников.³ Л. Мейер пишет: «При кочевке по раз и навсегда принятому обычаю не дозволяется аулам вытравлять корм около чужих зимовок; несоблюдение этого правила ведет к спорам, иногда к дракам, а в былое время приводило к барантам».⁴

Степной феодал имел в пределах зимнего района свое собственное владение, на котором находилось принадлежащее ему хозяйство. Такой участок представлял своеобразный феодальный домен бая, нередко включавший не только зимнее, но и весеннее, осеннее стойбище. Вот некоторые факты, относящиеся к 1835 г.: урочища Кулмурза-Сыры и Кандыкты, расположенные в Кокчетавском округе, принадлежали старшине Ходжаю.⁵ В том округе бий Сасыкбай со своими братьями владел урочищами Кара-Тюбе, Кара-Шилик, Аксу, Еки-Камыс общей протяженностью 8 верст и шириной в 2. Другой бай, Джабай Сейтенов, со своим окружением имел зимнюю стоянку на урочищах Магаут-жалы, Тулек-малы, Турамталы-агаш общей площадью в 360 кв. верст, которой он владел по наследству.

Бай Кабанбек владел урочищами Балтай, Каракой, Кок-Терек, Тышкан-Мола общей протяженностью в 15 и шириной в 7 верст, на

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19208, л. 57.

² *Броневский*. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. – Отечественные записки, 1830, ч. 43, стр. 74-75.

³ Замечания о киргизской степи. – Астраханские губернские ведомости. № 14.

⁴ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 47.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 805, л. 459.

которых он постоянно зимовал со своими родными братьями.¹ Султан Т. Карасаев владел урочищами Балыкты-Куль, Еки-Узек-Куль, Кочалы-Шилик, перешедшими ему от предков.²

Байский домен передавался по наследству. Об этом свидетельствуют архивные документы. В начале второй половины XIX в. в отделении Тлеу рода Шекты между братьями Тлесовыми возник спор по поводу раздела имущества, оставшегося после смерти их отца, при жизни имевшего 600 лошадей, около 1000 баранов и другого скота. Под зимнее кочевье он занимал урочище Сары-Узек на Больших Барсуках площадью 7 кв. верст, которое завещал своему сыну Алдабергену. Суд биев, разбиравший спор между братьями, разделил указанное урочище между ними сообразно размерам их хозяйств.³ Бай Божей в Сергиопольском округе владел двумя урочищами – Токмамбет, Кара-Шока под зимнее кочевье и одним урочищем Ортан-Шока как осенним стойбищем, колодцами. Все эти урочища после смерти бая Божоя в 1858 г. и пошли по наследству к его сыновьям.⁴

Феодальные владения охватывали большую и лучшую часть зимних кочевьев коллектива. Призимовочные участки рядовых кочевников, как правило, были небольшими.

Подворные или семейно-групповые зимние стоянки назывались «кой-бөлік» (отдельное баранье стойбище), «ата-бөлік» (надел предков), «ата-қонысы» (кочевье предков). Жилое строение, в зависимости от того, возведено ли оно на основном (зимнем) или сезонном (летнем и осеннем) кочевьях, называлось «қыстау» (зимнее жилье), «жалған-қыстау» (ложное жилье), «келте-қыстау», «шолақ-қыстау» (временка). Само по себе наличие обособленных языковых выражений и понятий, обозначающих подворное (или семейно-групповое) владение местами зимней стоянки, свидетельствует о реальности этого рода явления.

Обширные пастбищные пространства с охотничьими угодьям служащие в основном для летнего содержания скота, находились формально в аульной и родовой собственности.

Природа земельных отношений должна быть охарактеризована не столько с точки зрения их правовых и традиционных форм, сколько с точки зрения фактического господства классов в сферах этих отношений.

Если подходить с такой позиции, то земельные отношения в Казахстане первой половины XIX в. были, по своей сущности, отношениями феодальными, поскольку в них господствовала феодальная

¹ ЦГИА КазССР, ф. 329, оп. 1, д. 34, л. 3.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1578, л. 1-2.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4566, л. 10.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 1.

знать, проводившая свою волю как волю общественную. Независимо от того, находилась ли та или иная земельная площадь в частном или групповом владении, во всех случаях она выступала как составная часть феодального экономического базиса, подчиненная его интересам если не непосредственно, то, во всяком случае, косвенно. Обширными и лучшими угодьями пользовались не все, а только богачи: основные вопросы эксплуатации пастбищ и временного приема на свою землю пришельцев из других общин решались не всем коллективом, а знатью, стоявшей во главе его. Опираясь на свое право распоряжения коллективными угодьями и на свою власть, знать облагала подданных налогами, приношениями, присваивала прямые и косвенные земельные доходы. Все это составляло не что иное, как выражение господства феодальной знати в земельных отношениях.

Урочища, горы, колодцы и отдельные местности часто назывались по имени глав кочевых коллективов, занимавших эти места. В XVIII в. крупный степной феодал Сатий (прадед известного бия Мусы Шорманова) в качестве стоянки имел участок в Кылтауских горах, который и стал называться его именем: «Сатий-тас».¹ Точно так же кыстау (зимник) хана Букея (конец XVIII в.), расположенный в районе Каркаралинских гор, назывался «ханның каратөбеси», т. е. ханским участком. В этом же районе большие угодья именовались «Шыбынтай конысы», т. е. кочевьем Шыбынтай, по имени одного из родственников, занявшего эту территорию в первой половине XVIII в.² В Кокчетавских горах вблизи Бурабая имеются урочища «Кзыл-Агаш», «Кара-Булак». В народной памяти сохранилось, что эти места в XVII-XVIII вв. служили зимним кочевьем крупного отделения Койлы рода Атагай. Впоследствии эти места стали называться «Андыкожа-Шоқысы» – по имени известного батыра, руководившего указанным отделением. Таких примеров можно привести очень много.

Крупная знать пользовалась правом определения основных кочевых территорий подвластных коллективов. Она распределяла вновь освоенные и приобретенные угодья, в особенности для зимних стоянок и пастьбы скота.

Сын Букей-хана Султангазы в начале XIX в., заняв территорию рода Садыр, сделал ее своим кочевьем, а частью роздал своим сподвижникам, находящимся во главе более мелких, подчиненных ему групп.³ Из бесед с казахами Кокчетавского уезда экспедиция

¹ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Павлодарский уезд, т. IV. Воронеж, 1903, стр. 5.

² Там же. Семипалатинская область, Каркаралинский уезд. Спб., 1905, стр. 10.

³ Там же, стр. 13.

Ф.А. Щербины (конец XIX в.) установила, что «большая часть зимовок первоначально была образована по указаниям ханов, и главным образом Вали-хана. Там, где хан указывал, киргизы занимали место под зимовки пастбищ, ...передачи зимовки и дележи в ауле производились под руководством старших в роде – аксакалов».¹ Н.И. Гродеков пишет, что некоторые представители знати, управлявшие родами во второй половине XIX в. в Сыр-Дарьинской области, сохранили у себя ханские ярлыки, в свое время данные им на право владения известными угодьями.² Джангер-хан во Внутренней орде (вторая четверть XIX в.) развил эти отношения еще дальше. Он выдавал грамоты на земельные владения не только представителям знати, но и юридически оформил земельные права рядовых кочевников на зимники и сенокосные угодья.

Основных урочищ, закрепленных за предводителями кочевых коллективов, нельзя было занимать без разрешения. В начале XIX в. Назаров был свидетелем того, что султаны и бии не пропускали торговые караваны через свои владения без взимания пошлины. Когда торговцы просили султана Кудайменды, расположившегося со своими подданными на урочище Акмола, близ реки Нуры, чтобы он позволил «пройти с караваном по его волости»,³ он через своего посланника ответил, как пишет Ф. Назаров, «дабы мы к его волости не приближались». Во время следования торговый караван платил за пользование колодцами на кочевьях аулов. Вблизи гор Актау, Ортауау, где находились аулы родов Конрат, Алчин, «нас самих отгоняли они беспрестанно от колодцев и не давали даром черпать воду, заставляя оную покупать», – пишет Ф. Назаров. Подобные явления не были какими-то исключениями. Это подтверждают и другие факты. В «Обзрении киргиз-кайсацкой степи», составленном участником торговой экспедиции в 1803 – 1804 гг., говорится: «Знатные султаны, бии и старшины всегда брали с караванов подарки, называя их пошлиной за пропуск товаров через свои земли».⁴

В другом источнике, относящемся к 1816 г., сказано, что для торговцев бывают тягостны поборы, налагаемые киргизскими султанами, которые останавливают караваны, требуя или, так сказать, вынуждая пошлину по числу скота, несущего тюки.⁵

Торговцы за пастьбу скота, приобретенного ими в обмен на свои товары, должны были давать так называемые «түяк-ақы», или

¹ Там же, т. I. Воронеж, 1898, стр. 7 (примечание).

² Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Ташкент, 1889, стр. 106-107.

³ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней Азии. Спб., 1821, стр. 19, 23, 26.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19209, л. 14.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18541, л. 123.

«тұяқ ақша», или «базарлык» тому влиятельному лицу, на кочевьях которого пасся скот. Об этом имеются упоминания в работах М. Красовского¹ и других современников. Иногда родственным аулам и семьям пастбище предоставлялось даром, в других случаях – за определенное вознаграждение. Такая плата, взимаемая за временное пользование чужими пастбищными участками, называлась «тұяқ-ақы» (покопытный сбор), «көк алым» (плата за зелень), «шөп-басы» (за траву). Интересно и то, что бедняк, нуждающийся в помощи богатого одноаульца, по свидетельству Н.И. Гродекова, обращался к нему со словами: «малынның шөбін бер маған», т. е. дословно: «дай мне траву твоего скота».²

Эти факты опровергают ошибочное утверждение некоторых мало знакомых с внутренней жизнью казахского общества царских чиновников, что «кочевое, летом и зимою, пастбищное скотоводство при значительном просторе пастбищ предполагает полную свободу пользования ими. Любой аул может разбить кибитки в любом месте степи, лишь бы в данный момент оно не было занято другим аулом».³ С этим глубоко неверным заключением совпадает мнение С. Толыбекова, стоящего по сути дела на такой же позиции. Казахское общество в XVIII и начале XIX вв. не было обществом «бродячих» коллективов, которые «вечно» кочевали и не знали территориальной определенности и привязанности к ней. Пастбище для кочевого общества было главным условием производства. Объем скотоводческого хозяйства в первую очередь определялся размерами пастбищного пространства. Сужение и ограничение пастбищных угодий непременно приводило к сокращению скотоводства. Экономический смысл перемещения по кочевьям заключался в освоении и эксплуатации пастбищных площадей.

Аульная община со всеми своими атрибутами возникла как организационная форма коллективной эксплуатации пастбища, но отнюдь не как форма ведения скотоводческого хозяйства вообще.

Сохранение аульной общины может быть объяснено низким уровнем экономического развития общества, при котором обособленный индивидуум не обладает еще достаточной силой и возможностью вести кочевое скотоводческое хозяйство без поддержки других членов общества. В то же время в этом кочевом коллективе общинной является только форма хозяйствования. Труд членов аула не обобществлен, за исключением небольшой его части, необходимой для проведения некото-

¹ *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. II. Спб., 1868.

² *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Ташкент, 1889, стр. 116.

³ Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации. Оренбург, 1911, стр. 67.

рых общественных работ; продукты труда без изъятия присваиваются подворно. Отсюда общность пастбища на самом деле есть общность частного его присвоения при сохранении групповой формы кочевания. Известно, что при общинном производстве не существовало частного присвоения продуктов труда. Сам факт существования частного присвоения продуктов производства, независимо от того, под какой общественной оболочкой это присвоение выступало, являлся достаточным доказательством отсутствия общинного производства, основанного на общинной собственности на основные орудия и средства производства. Групповое расселение, перемещение и хозяйствование не всегда предполагает коллективное присвоение продуктов труда.

В вопросе о том, какова природа экономических основ феодальной ренты в Казахстане, существует два мнения. Отдельные исследователи пытаются отрицать связь между теми «добровольными» и обязательными приношениями крестьян, правом получения которых пользуются ханы, султаны, бии, старшины и байы, а также крестьянскими отработками – с одной стороны, и земельными отношениями, возникающими в связи с эксплуатацией пастбищных, сенокосных, охотничьих, застроенных земельных участков – с другой. В этой части особенно характерен взгляд С. Толыбекова, считающего, что для казахского кочевника земельного вопроса вовсе не существовало. Пастбище было ничьим, им могли пользоваться все, кто только желал этого. Такая «концепция» не нова. Почти такого же мнения придерживались в свое время некоторые царские чиновники, стремившиеся оправдать на этой снова земельные изъятия в пользу казны и переселенцев или просто неспособные разобраться в содержании явлений. Вся «аргументация» С. Толыбекова заключается в том, что кочевники, мол, кочуют, поэтому для них пастбище всегда неопределенно. Такой взгляд находится в явном противоречии с действительностью. Для кочевника не существовало пастбище вообще, а существовало пастбище зимнее, весеннее, летнее и осеннее. Далее, земельные отношения для кочевников понятие более широкое, чем пастбищные отношения. Сюда входят отношения, связанные с владением, застроенным (хотя бы временно) участками, колодцами с примыкающими районами, сенокосными и охотничьими угодьями, местами совершения родовых и коллективных ритуалов, погребения и т. д. Утверждать, что все это было также «ничейным», по меньшей мере явное заблуждение.

Как в любом феодальном обществе, в Казахстане господствовала власть сильного. Феодалы уже давно захватили вместе с общинной собственностью и связанные с ней повинности, хотя этот захват не

во всех случаях был юридически оформлен. Неоформленность фактических отношений в праве вовсе не говорит об отсутствии этих отношений, а лишь служит показателем несовершенности их, что вообще характерно для ранней стадии феодализма.

Один из собирателей норм обычного права казахов, отмечая отсутствие у них системы частной собственности на пастбища, какая была у земледельческих народов, писал: «Действительно, имущественные правоотношения киргизов покоятся большею частью на владении и захватах, т. е. на признании правомерности фактических состояний. В силу этого же богачи, влиятельные и властные лица являются в степи полными господами, а бедные находятся в зависимости от них».¹ Назаров, посетивший казахскую степь в первой четверти XIX в., лично убедился, что «право сильного господствует там во всей силе».² Влиятельное лицо – феодал – мог захватить участки более слабых скотоводов, если он считал это для себя необходимым. Казахи прежде говорили: «жер дауында бітім жоқ», т. е. «нет мира в земельных спорах».

Смысл этого выражения заключается в том, что только захват и насилие имели решающее значение в земельных отношениях. В рассматриваемый период в органы власти поступала масса жалоб о захвате сильными коллективами, отдельными феодалами земель более слабых коллективов и семей. В 1852 г. в роде Берш бий Умбетбаев отобрал земельные участки у наследников Абанова, владевших ими по грамоте Джангер-хана.³ В 1844 г. во Внутренней орде султан Мендыгерей отобрал у казаха Жумата половину земельного участка, спустя несколько лет лишил его и другой половины, поселив на ней своих родственников.⁴ Таких фактов можно привести очень много.

Господствующие производственные отношения суть отношения между феодальной знатью и лично зависимыми от них непосредственными производителями, в основе которых главным образом лежат интересы эксплуатации земельных угодий в соответствующих этим отношениям общественных формах. Отношения, складывающиеся в обществе в связи с владением и распоряжением скотом, не могли быть ведущими в отношениях между двумя основными классами потому, что им владели на правах частной собственности обе стороны. Временная уступка скота феодалами слабообеспеченным кочевникам создавала лишь ограниченный круг неустойчивых от-

¹ *Мякутин А.* Юридический быт киргизов. – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 25. Оренбург, 1910, стр. 10.

² *Назаров Ф.* Заметки о некоторых народах и землях Средней части Азии. Спб., 1821, стр. 6.

³ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 1051, л. 1.

⁴ Там же, д. 1070, л. 2.

ношений, которые в силу единичности и частного характера не могли быть определяющими в системе производственных отношений. Какая же сила дает возможность знати выжимать из крестьян прибавочную стоимость? Разумеется, не обычай и традиция, и не то, что присваивающие труд крестьян сами по себе располагают намного большим количеством скота, чем рядовые кочевники. Эти факторы, безусловно, влияют, но не определяют отношения зависимости.

В основе присвоения прибавочного продукта крестьян феодалами лежит «внеэкономическое принуждение». Разъясняя теорию К. Маркса о поземельной ренте, В.И. Ленин писал, что при ренте продуктами «крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения».¹ «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, – писал В.И. Ленин, – начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина».²

Кочевники, уклоняющиеся от передачи части своего продукта феодалу, попадали в изоляцию, лишались поддержки «общины», покровительства и защиты богачей, что имело в тех исторических условиях серьезные последствия и грозило самым серьезным образом жизненным интересам этих семей. Поэтому казахский крестьянин не всегда осмеливался протестовать против феодальной эксплуатации. Его возмущение было направлено, как правило, против ее крайностей. Феодальная знать стремилась к тому, чтобы присвоение ею прибавочного продукта крестьянина было привычным делом для последнего и осуществлялось как диктуемое традицией, обычаем явление. Этого в определенные исторические периоды развития казахского общества нетрудно было добиться.

Таким образом, в основе господства феодалов внутри кочевых коллективов, аульных общин в казахском обществе лежало то, что они распоряжались делами «общины», самой «общиной», а следовательно, и условиями ее существования. А экономическим условием существования кочевых скотоводческих коллективов являлось не что иное, как земля. Скот был придатком пастбища, его продуктом и продуктом индивидуального труда. Феодальная знать, распоряжаясь аулом, не распоряжалась скотом, находившимся в собственности членов аула. Поскольку не существовало феодального права распоряжения скотом и оформленного этим правом монопольного владения скотом, постольку скот, хотя и является одним из основных средств производства в кочевых скотоводческих обществах, не может быть материальной основой «внеэкономического принуждения».

¹ Ленин В.И. Соч., т. 21, стр. 52.

² Ленин В.И. Соч., т. 3, стр. 159.

Некоторые исследователи явно не разобрались в сущности земельного надела в феодальных обществах. По их мнению, там, где знать не наделяет крестьянина землей и не прикрепляет его к этому участку, не может быть и речи о монопольном владении землей феодалами. Такая постановка вопроса неверна в своей основе. Монопольное владение землей феодалами не всегда ведет к образованию земельных наделов, к которым прикрепляются крестьяне.

Марксистская историческая наука исходит из того, что прикрепление к клочку земли крестьянина не является самоцелью при феодализме, а продиктовано необходимостью гарантировать помещику рабочие руки, т. е. является орудием феодальной эксплуатации.¹ Разумеется, наделение землей крестьянина и эксплуатация его на этой основе составляет более общую форму феодального угнетения. Ясно, что получение прибавочного продукта достигалось в разные периоды развития средневековья даже в земледельческих странах различными методами. В период раннего средневековья везде и всюду существует не наделение землей каждого двора, а закрепление за целым коллективом земельного комплекса. Прикрепление к наделу крестьянина получает более полное развитие в последующие периоды средневековья, когда «общины» распались и феодальные отношения стали развитыми и глубокими.

Казахские феодалы, господствовавшие внутри кочевых коллективов, на определенный период были в известной степени гарантированы от опасности отмежевания от них крестьян тем, что последние являлись членами «общины», в основной массе однородичами. В свою очередь, устойчивость кочевого коллектива сохранялась сложностью и даже невозможностью ведения хозяйства одной семьей, вне коллектива. Таким образом, «прикрепление» крестьянина-скотовода существовало и в казахском обществе. Но только оно не было прикреплением к определенному небольшому земельному участку. Оно осуществлялось посредством привязывания крестьянина к институтам «общины», как члена этой «общины», и через нее к территориальному комплексу, которым распоряжался этот коллектив в целом. Но ввиду того, что общинные институты и повинности давно были узурпированы феодалами, членство и привязанность к аульной общине были привязанностью к феодальном хозяйству и его интересам.

Основные формы отработки были приурочены к периодам проведения сельскохозяйственных и других работ: стрижка овец, катание кошм, сенокошение, заготовка топлива на зиму, возведение или ремонт хозяйственных сооружений и другие работы в байском

¹ Ленин В.И. Соч. т. 3, стр. 158. т. 15, стр. 66.

хозяйстве. Феодал всегда мог призвать на помощь лично зависимого крестьянина и поручить ему работу в хозяйстве. Участие в разборке и сборке байских юрт, в перегоне и пастьбе скота хозяина во время кочевок считалось обычным явлением, причем все это проводилось как исполнение традиционных правил, узаконенных действиями де-дов, как «помощь однородичу».

В хозяйстве феодала работали и консы-байгуши (беднейшие крестьяне), труд которых, однако, не был в нам преобладающим. Они были заняты в основном на участках работы более или менее постоянного характера (пастьба скота вообще, земледелие, обслуживание двора и т. д.).

Наряду с отработками существовал ряд натуральных повинностей. Среди них важнейшими являются согум (скот, предназначенный на зимнее довольствие феодалу), сбага (часть мяса зарезанного крестьянином скота, идущая богатому и влиятельному «родичу»), конак-азык (расходы на содержание «общественных» гостей), басмуше (обычай, по которому основная добыча охоты или часть призов победителей конных скачек, борьбы, стрельбы из лука и т. п. предоставляется знатному лицу родовой группы). В некоторых местностях, например, во Внутренней орде были введены сборы шерсти, кошм и сена. Все это говорит о распространенности продуктовой ренты, которая, однако, не была преобладающей в системе феодальной эксплуатации. Доминирующую роль продолжали играть отработки, объем и масштабы которых оставались еще значительными. К концу первой половины XIX в. часть натуральной платы стала заменяться деньгами.

В ранее опубликованной нами работе, правильно критикуя взгляды некоторых исследователей, которые основным объектом феодальной эксплуатации считали бесскотных крестьян и связывали с ними отработки, мы неверно считали продуктовую ренту господствующей в Казахстане формой в системе феодальных повинностей.¹ В действительности значительное количество производительного времени крестьян затрачивалось на обслуживание байского хозяйства.

Феодализм на казахской почве формировался и развивался на основе отношений неравенства людей в сферах ведущих участков производства, а именно скотоводства, что является следствием и выражением сосредоточения определяющих средств производства, т. е. лучших и плодородных пастбищных угодий, преимущественно в руках одной части общества. Закономерности развития феодальных

¹ См. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, стр. 156.

отношений в Казахстане такие же, как и в других странах. Вместе с тем эти отношения были несколько иными, чем в России и в странах Средней Азии, что обусловлено историческими и естественными условиями той среды, на почве которой они выросли и развились. Было бы методологической близорукостью объяснять природу феодализма Казахстана его особенностями, тем более выводить его из последних.

Природа отношений скотовладения не может быть объяснена из самой себя, тем более не может быть объяснен отношениями скотовладения господствующий способ производства. Отношения скотовладения в феодальном обществе должны изучаться в непосредственной связи с отношениями, складывающимися по поводу владения, использования и распоряжения основным условием скотоводческого хозяйства – пастбищным пространством.

Для характеристики уровня экономического развития общества существенное значение имеет торговля. Товарный обмен является одним из древнейших институтов.

Известно, что основными условиями зарождения и развития товарного обмена является общественное разделение труда и частная собственность на средства производства и продукты труда. Товарный обмен является единственно возможной формой экономической связи между отдельными производителями. Основная масса казахского населения занималась разведением скота. Земледелие было развито весьма слабо даже в южных и юго-восточных районах страны, где имелись благоприятные условия для его развития. Охотничьи и рыболовные промыслы служили лишь дополнением к скотоводческому хозяйству. Низок был уровень распространения ремесленного производства. Все это говорит о слабости общественного разделения труда, о том, что по характеру своей экономики аульные группы в массе своей были удивительно похожи друг на друга. Такое положение не могло не сказаться на состоянии и уровне развития товарного обмена внутри казахского общества.

Положение ремесленника в казахском обществе было своеобразно. Он в первую очередь, как правило, являлся собственником личного хозяйства, которое в большинстве случаев и было для него основным источником существования. Ремесленники и кустари работали на заказчика, на его материале. Часто они переезжали в дом заказчика, пользуясь у него столом. Но большую часть времени они проводили в своем хозяйстве. Деятельность их, за отдельными исключениями, не выходила за пределы родового коллектива. Труд ремесленников не был кооперирован и организован. Они во многом зависели от

интересов и нужд коллектива, членами которого состояли. Все это подтверждает, что ремесленники в Казахстане не только были мелкими, малочисленными и раздробленными, но как таковые не являлись вполне самостоятельными производителями и обособленными собственниками орудий и средств своего профессионального труда. Они зависимы от скотоводческого хозяйства, от кочевого коллектива и от феодальной знати внутри этого коллектива. Находясь в таком положении, ремесленники не могли играть активной роли в развитии товарного обращения в Казахстане.

Товарные обращения были особенно заметны в отношениях между скотоводами и земледельцами. Хлеб бассейна Сыр-Дарьи и Семиречья обменивался на скот кочевников. Однако размеры этого обращения были весьма ограничены, поскольку земледелие среди казахов не получило в рассматриваемый период достаточного развития.

В развитии торговли в Казахстане первостепенное значение имели его экономические связи с соседними государствами, обладавшими развитым зерновым хозяйством и промышленностью.

В свое время П. Рычков отмечал, что казахи Малой орды ведут внешнюю торговлю с Россией в основном через Оренбург и Троицкую крепость, и на юге – с Хивой. По его сообщению, в начале второй половины XVIII в. промышленники, торговцы на Оренбургской линии ежегодно покупали у казахов до 10 – 15 тыс. лошадей и 40 – 50 тыс. баранов.¹ По данным Георги, к концу того же столетия казахи только в одном городе Оренбурге продавали ежегодно около 150000 голов мелкого скота. В других городах и пунктах Оренбургской линии торговые операции проводились в незначительных размерах.² Согласно официальным отчетам Оренбургской таможни, в 1800 г. казахи распродали на границе 2116 лошадей и 87826 голов мелкого скота, а к 1820 г. количество реализованного мелкого скота увеличилось в два раза.³

Как сообщала Оренбургская пограничная комиссия, в течение 1839 г. население Малой орды пригнало на линию для продажи около 600 тыс. баранов, примерно на 5 млн руб., и кроме того, разной продукции скотоводства, оценивавшейся Оренбургской таможней в 2 млн руб. Крупные торговые операции производились по Сибирской пограничной линии. Генерал-адъютант Анненков, управлявший землями Средней и Большой орд, в обозрении положения в этих

¹ Рычков П. Топография Оренбургская, ч. I. Спб., 1762, стр. 329; Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 136.

² Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 114, 221.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 337, л. 33.

двух ордах, составленном в 1851 г., отмечал, что, по полученным им с мест сведениям, в последнее время ежегодно перегонялись через Сибирскую линию в Россию около 1000 лошадей, 7000 голов крупного рогатого скота и 389000 баранов. Он считал, что ежегодный оборот несколько превышал миллион рублей серебром.¹

Крупным поставщиком товаров в казахскую степь и потребителем основной массы скота и скотоводческой продукции, сбываемой казахами, являлась Россия. Торговые связи Казахстана с Россией все время расширялись и укреплялись. Имеются достаточные основания предполагать, что в середине XIX в. Россия импортировала из Казахстана скота и скотоводческой продукции не менее чем на 2 млн руб. серебром. Южные и юго-восточные районы Казахстана вели оживленную торговлю со среднеазиатскими ханствами и Китаем. Н. Муравьев, посетивший Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., сообщает, что Хива ведет «довольно значительный торг» с различными кочующими народами, в том числе с казахами. Казахи табунами пригоняли лошадей на продажу в г. Кят, где хивинцы их охотно покупали.² По словам самих казахов, они прежде, т. е. до начала XIX в., вели с Китаем, Бухарой, Хивой и другими соседними странами не менее оживленную торговлю скотом, чем с Россией.³ Известно, что только в ноябре 1855 г. из Хивы казахи вывезли товаров, в основном муки, на 3000 вьючных верблюдах.⁴

Приведенный выше товарный баланс дает лишь общую картину уровня экономических связей Казахстана. Большой интерес представляют вопросы, связанные с влиянием торговли на внутреннюю жизнь кочевых коллективов и индивидуальных хозяйств.

В этой связи наряду с пограничной торговлей существенное значение имело развитие так называемой «развозной», или «мелочной», торговли непосредственно в кочевьях казахских аулов. Русские, татарские и среднеазиатские купцы сферу своей деятельности не ограничивали только пограничными районами. С мелкими партиями товаров они постепенно проникали в глубинные аулы, заводили более или менее постоянные торговые районы, вербовали себе местных агентов. Такая форма торговли особенно была выгодна купцам. Поэтому они, несмотря на определенные издержки и трудности ее ведения в степи, с упорством боролись за расширение зоны деятельности среди казахских родов.

¹ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, составленный А. Серебrenниковым. 1851-1852 гг. Т. III. Ташкент, 1915, стр. 168-169.

² *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению, ч. II. М., 1822, стр. 98-99.

³ *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей, ч. III. СПб., 1832, стр. 227.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5144, л. 13.

В начале XIX в. во внутренней торговле господствующее положение занимали татарские и среднеазиатские купцы, знакомые с бытом, обычаями и языком местного населения. По мере усиления влияния России на внутреннюю жизнь казахов растет и удельный вес русских купцов и товаров на внутренних рынках Казахстана.

Пограничное правление области сибирских казахов в отчете за 1853 г. указывало, что «оптовой торговли здесь вовсе не существует, мелочная же находится в руках татар, ташкентцев, бухарцев и кокандцев, которые, разъезжая по аулам, сбывают киргизам разные товары».¹ В 1848 г. в Среднем жузе постоянно проживало 219 семей, выходцев из Средней Азии. Причем большинство их занималось в степи мелкой торговлей.² В бассейне реки Сыр-Дарьи внутренняя торговля почти всецело находилась в руках оседлых узбеков и татар.³ Значительно расширяли поле своей деятельности русские купцы. Крупнейшие из них, поселившиеся в Оренбурге, Троицке и Орске, Степан и Николай Девы, Я. Оглодков П. Пугалов, И. Кривцов, А. Мурадимов, В. Романов, Дюков и Веснин, начиная в особенности с 20-х годов XIX в., стали создавать широкую сеть периферийных торговых пунктов, нанимая для этой цели приказчиков и местных агентов, в большинстве случаев из татар. В марте 1835 г. через таможи Оренбургской линии прошло в степь с товарами более пятидесяти человек, состоявших на службе у русских купцов.⁴ В первой половине 1837 г. только через троицкую таможню с русскими товарами прошли 52 купеческих работника.⁵

От оренбургских купцов не отставали и петропавловские, число которых стремительно росло: в 1854 г. – 95 (из них 89 русских), в 1862г. – 201 (из них русских 183).⁶

Приказчики зачастую, прибыв на место, нанимали себе работников, которые за плату развозили товары в более отдаленные аулы. Так постепенно вся степь охватывалась сетью торговцев.

Мелких разъездных торговцев казахи образно называли «узын-коржын» (длинная сумка), по-видимому, оттого, что они свои товары вначале перевозили на вьюках и хранили в кошомных или ковровых сумках, называемых у казахов «коржын»; некоторых торговцев титуловали «арбашы» (торговцы на подводах), «сабын-шыбық» (дослов-

¹ Статистические сведения о степи сибирских киргизов за 1853 год. – Журнал Министерства внутренних дел, 1855, январь, стр. 4.

² Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, составленный А. Серебренниковым. 1851-1852 гг. Т. III. Ташкент, 1915, стр. 173.

³ Буняковский А.В. О пространстве и населении Туркестанского края. – Русский Туркестан, вып. 1. М., 1872, стр. 124.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4648, л. 3, 5, 20, 37-39.

⁵ Там же, д. 4669, л. 63-64.

⁶ Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. II. СПб, 1868, стр. 299.

но: «мыло-мелочь»). Более или менее постоянные торговые пункты, расположенные во владениях определенного кочевого коллектива, в русских источниках называются «торговым кошем», от казахского «сауда-косы» (торгующая полуюрта).

Казахское общество не имело во внутреннем обращении своих металлических денежных знаков. В качестве всеобщего эквивалента товаров выступал скот. Такую роль выполнял во многих местах годовалый баран-одногодок («сек»),¹ в отдельных районах – трехлетний баран.² Бывали случаи подсчета стоимости товаров по теленку («кызыл-бұзау»). К середине XIX в. стоимость товаров стала оцениваться в основном в годовалых баранах. Эти факты весьма интересны. Наличие различных товарных эквивалентов свидетельствует о слабой связи местных рынков между собой. Тенденция к их унификации отражала постепенное изменение и рост этих связей.

То обстоятельство, что в Казахстане скот был мерилom стоимости товаров, не являлось чем-то необычным. Скот в ранние периоды у многих народов играл роль всеобщего эквивалента. В истории, как правило, вначале в качестве денег выступал либо наиболее важный предмет во внешнем обмене, либо игравший главную роль в сфере внутреннего обмена. Как известно, баран составлял основной элемент среди реализуемых казахским обществом товаров. Неудивительно поэтому, что именно им пользовались в качестве единицы стоимости. Важно здесь то, что существование всеобщего эквивалента, хотя бы в форме скота, означало регулярность товарных обращений.

Наряду со скотом как единицей меры во внутреннем обращении употреблялись бумажные и металлические денежные знаки русского государства, среднеазиатских ханств и Китая. Однако в рассматриваемый период зоны их распространения оставались ограниченными, охватывая в основном примыкающие к этим странам пограничные районы. Нельзя было, однако, не заметить того, что русские денежные знаки с каждым годом завоевывали новые позиции на казахстанских рынках как за счет вытеснения знаков других государств, так и за счет овладения безденежными зонами.

В числе торговцев в Казахстане представителей местного населения было очень мало. Те из них, которые избрали своей деятельностью торговлю, обладали небольшим капиталом и в большинстве случаев зависели от иноземных купцов. К середине XIX в. под влиянием русских, татарских и среднеазиатских купцов, имеющих

¹ Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. – Вестник ИРГО, 1855, кн. 1, стр. 3; Добросмыслов А.И. Торговля в Тургайской области. Оренбург, 1898, стр. 10.

² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 173.

многовековой опыт торговли среди казахов, в связи с развитием товарности хозяйства кочевых семей происходит некоторый рост числа купцов из казахов. Но многие из них, занимаясь торговлей, продолжали вести скотоводческое хозяйство.

Один из депутатов Малой орды, посетивший Петербург в 1789 г., Нурмухамедходжа Абулжалилов, просил отвести ему земли на российской стороне и разрешить, «чтобы [он] получил в Оренбургском меновом дворе со въезду на левой стороне несколько лавок с позволением производить свободный торг». Другой депутат, Бурамбай, просил отвести в Оренбурге «одну лавку с амбаром на киргизском меновом дворе родному брату своему Нарчибеку, а другую – тестю своему сеитовского посада Ибрагиму Мансурову».¹ Чиновник Ларионов в 1831 г. доносил в Уральскую войсковую канцелярию о том, что в форпосте Глиняном (Внутренняя орда) поселились два казаха, «которые торгуют в собственных лавках».² В другом сообщении сказано, что бий Кульдинского отделения из поколения Кыпшак, кочующий по р. Тоболу, Баубеков Журтеке, занимается сбытом скупленных у других купцов товаров и скота.³ По-видимому, таких торговцев-казахов в 30 – 40-х годах XIX в. было немного. В историческом архиве Казахской ССР имеются материалы, в которых собраны сведения местных начальников о торговле и торговцах, посетивших кочевья родов Среднего жуза с января по сентябрь 1842 г. В них описаны подробности местной торговли с указанием имени каждого торговца, род товаров и размер его оборотного капитала.

Среди десятков торговцев различных национальностей только один был казахом – Сарашев. Он вел торговлю в Акмолинском приказе шелковыми и бумажными товарами на общую сумму 30 тыс. руб.⁴ В 1854 г. среди множества купцов, побывавших в Каркаралинском, Акмолинском селениях, Кушмурунском, Кокбектинском приказах и в станице Кокчетавской, не было ни одного казаха.⁵

Источники, относящиеся к началу второй половины XIX в., рисуют картину роста торговцев из местного населения. В особенности это характерно для Младшего жуза. Современники отмечали, что некоторые казахи, занимавшиеся перевозкой товаров купцов или служившие у них по найму, постепенно стали самостоятельно вести торговлю. Оренбургская пограничная комиссия в отчете за 1858 г. указывала, что «некоторые из состоятельных киргизов занимаются

¹ Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 846.

² КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 366, л. 52.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2512, л. 113.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 960, л. 3-98.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 369, л. 11-18, 20-30.

торговлю даже как промыслом, доставляя русские товары в Бухару и Хиву и вывозя оттуда азиатские на Оренбургскую линию. Торг этого рода одни из ордынцев ведут на свои капиталы, другие как комиссионеры русских купцов».¹ Один из современников, лично знакомый с султаном-правителем восточной части Младшего жуза Ахметом Джантюриным и посетивший его в 1851 г., сообщает, что в этой части степи сын бая Куламба, Бирмухамет Куламбаев, имевший офицерский чин, «вел обширную торговлю, отправляя караваны в Бухару от своего имени и производя там торговлю и за себя, и по комиссии, за другого еще более значительного купца, самого султана Ахмета Джантюрина, торговые обороты которого были очень значительны». (Приказчиков было у Куламба около 10, у Джантюрина – около 25 человек).² Об этом же писал председатель Оренбургской пограничной комиссии В. Григорьев. Указывая на то, что казахи восточной части орды, издавна занимаясь перевозкой на верблюдах товаров между городами Троицк, Ташкент и Бухара, стали сами «входить» в торговые дела, он отмечал: «Усиливаясь с каждым годом, так что в десяток лет появились уже между киргизцами Восточной части, в Джапасском и других родах, торговцы капитальные, торгующие на десяток тысяч рублей».³ На Сыр-Дарьинской линии в главных ее пунктах – в Перовском и форте № 1 в начале 60-х годов XIX в. было 9 торговцев-казахов, а через три года число их возросло до 47 человек.⁴

Результатом количественного и качественного роста местных торговцев было то, что на отдельных внутренних рынках во второй половине XIX в. они стали вытеснять среднеазиатских и татарских купцов. В особенности этот процесс был ощутим в восточной части Младшего жуза.

Следует указать на то, что не все местные купцы были самостоятельны и имели достаточный оборотный капитал. Многие из них были зависимы от русских и татарских купцов, нередко брали товары у них в кредит, на комиссию. Среди них были и такие, которые закупали товары в Астрахани, Саратове, Оренбурге, Петропавловске, на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, а затем перепродавали их в казахских аулах.⁵ Однако таких торговцев в середине XIX в. было еще немного. Торгующие казахи чаще всего брали товары у орен-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5190, л. 20.

² *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб., 1854, стр. 308-309.

³ *Григорьев В.* Оренбургские киргизы. – Народная беседа, 1864, № 1, стр. 45.

⁴ *Терентьев М.А.* Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб., 1874, стр. 13.

⁵ *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях сибирского ведомства. – Вестник ИРГО, 1855, кн. 1, стр. 31; *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. II. СПб., 1868, стр. 292.

бургских купцов в долг с обязательством к обусловленному времени оплатить стоимость их баранами по базарной цене. За просрочку должники вносили известный процент.

«В настоящее время, – писал В. Григорьев, – купечество оренбургское каждую зиму отпускает торговцам из киргизцев в кредит на помянутом условии разного товару тысяч на триста рублей серебром».¹ В качестве характерного в этом отношении примера можно рассмотреть взаимоотношения русского купца Степана Деева и Жумабая Казагапова, занимавшегося торговлей в степи и распродажей русских товаров в среднеазиатских ханствах. Он брал товары у Деева в долг и оплачивал их стоимость среднеазиатским хлопком, казахским скотом и деньгами² (табл. 5).

Таблица 5

Годы	Количество товаров, взятых у купца, руб. серебром	Через год в погашение долга отдано кредитору
1857	820	152 пуда хлопка и 14 р. 40 к. деньгами.
1858	1732	100 пудов бухарского хлопка, 20 халатов, 206 баранов, 7 лошадей, 8 козлов и 40 р. 50 к.
1859	3566 р. 15 к.	382 пуда бухарского хлопка, 58 баранов, 999 выделанных бухарских овчин. После всего этого за ним осталось 1554 р.

Как иноземные, так и местные торговцы, господствовавшие на внутренних рынках, как правило, реализовывали свои товары не за деньги, а за скот. Такой натуральный обмен весьма был выгоден торговцам, прибыль которых составлялась не только из разницы цен товаров на внутренних и внешних рынках, но и разницы цен скота, приобретаемого ими в обмен в степи, и рыночной его стоимости.

Развитие торговли, с одной стороны, слабое распространение денег, традиция оплачивать товары баранами – с другой, способствовали развитию долговых отношений. Покупатель не всегда был в состоянии перегонять на рынок необходимое количество баранов,

¹ Григорьев В. Оренбургские киргизы. – Народная беседа, 1864, №1, стр. 44.

² Оренбургские губернские ведомости, 1861, № 11, стр. 48.

часто он брал товары в долг с обязательством в определенном месте в обусловленное время оплатить их стоимость скотом.

Развитие долговых отношений находилось в прямой связи с распространением ростовщичества. Для уплаты денежных сборов или для других надобностей рядовые казахи уже в середине XIX в. часто брали у купцов и богатых деньги под проценты. Председатель областного правления сибирских казахов полковник Гутковский в 1862 г. писал, что «торговцы и разные аферисты» дают казахам «заимобразно деньги на чрезвычайно тягостных условиях. Так, например, даются деньги под баранов по 75 к. сер. за барана, с обязательством доставить с наступлением лета барана, стоящего 2 руб. И несколько дней тому назад мне сообщил старший султан Баян-Аульского округа, что один киргизец, занявший здесь, в Омске, 30 р. для ясака, обязался летом уплатить 30 р. и впридачу лошадь, стоящую 35 р. сер.»¹ Эти факты свидетельствуют о кабальности условий, на которых ростовщик отпускал деньги. Размер годовых процентов превышал размеры ссуды. О ростовщиках-казахах в одном сообщении, относящемся к началу 60-х годов XIX в., говорится, что «есть несколько киргизцев, (которые) тем или другим способом приобрели порядочные капиталы, и на старость лет не желают принимать прямого участия ни в каких оборотах, а раздают деньги свои только под проценты».²

Заметное развитие получает «ссуда хлеба под отработки». Жители пограничных оседлых районов и населенных пунктов, торговцы часто отдавали хлеб нуждающимся казахам в долг с условием отработать за это в определенное время в хозяйстве кредитора. Подобная связь не только гарантировала получение рабочей силы в период проведения сельскохозяйственных работ. Более того, она была выгодна тому, кто выдавал ссуду, поскольку получающий ее нуждался в ней и в силу этого соглашался на самые тяжелые, кабальные условия.

С развитием товарно-денежных отношений получает известное распространение «ссуда денег и товаров под бараны». Как сообщает Г. Колмогоров, лично изучавший этот вопрос, купцы, особенно татарские, в августе-сентябре давали в долг казахам деньги под баранов по 70 коп. серебром за голову, которых получали в мае следующего года и перепродавали вдвое дороже.³

Долговые отношения, распространяясь все шире и шире, не замедлили сказаться на положении в особенности слабо- и среднеобеспеченной части населения; появилась категория несостоятельных

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2338, л. 2.

² Григорьев В. Оренбургские киргизы. – Народная беседа, 1864, № 1, стр. 47.

³ Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях сибирского воеводства. – Вестник ИРГО, 1855, кн. 1, стр. 26.

должников, участились случаи предъявления взаимных претензий и споров в связи с отношениями обмена. Разрушительные действия товарно-денежных отношений особенно были заметны в экономике кочевых коллективов, расселенных вблизи пограничной полосы и торговых центров.

Один из царских чиновников, имея в виду Внутреннюю орду, где эти отношения были особенно глубоки, в 1831 г. писал, что купцы на Узенской линии, «торгуя в кредит, отпускают товары киргизам под разными предложениями по высоким ценам и в долг, отчего ордынцы часто бьются не в состоянии платить оных и приходят в расстройство».¹

Денежные отношения оказывали в известной степени разрушительное воздействие на натуральное феодальное хозяйство, вносили в него элементы товарности, являлись активными факторами в развитии противоречий между классами и в их расслоении.

В первой половине XIX в. экономическое положение казахского крестьянства намного ухудшилось. Имущественное неравенство между основными социальными категориями становится более глубоким.

Крестьяне, будучи не в состоянии прокормить семью, занимаясь скотоводческим хозяйством, и должным образом нести повинность в пользу богача-однородича, прибегали к посторонним заработкам. Для первой половины XIX в. характерно в известной мере соединение скотоводческого хозяйства с промыслом, а не вытеснение крестьян, беднейшей их части, из скотоводческого хозяйства вообще. Такое «соединение» осуществлялось в основном на феодальной основе, в условиях господства натурального хозяйства.

«Вытеснение» кочевников-скотоводов из аульного коллектива, которое получило определенное распространение, не приводило к образованию свободного рабочего, а способствовало созданию многочисленной армии кабальных работников, в большинстве своем перешедших к обслуживанию хозяйств, находящихся на том же экономическом базисе, на котором находились аульные коллективы.

Известно, что разложение крестьянства при феодализме носит еще зачаточный характер. Оно задерживается господством натурального хозяйства, относительно слабым развитием товарно-денежных отношений и их второстепенной ролью в феодальных хозяйствах, живучестью старых традиций и патриархального быта среди сельскохозяйственного населения.

Казахское крестьянство, как нами отмечалось, было связано не только отработками в байских хозяйствах, но и натуральной рентой. Это существенным образом сказывалось на положении ско-

¹ ЦГИА КазСОР, ф. 4, оп. 1, д. 366, л. 54.

товодов. Сами по себе отработки, как натуральная форма оплаты труда, предполагают слабое развитие товарного хозяйства, следовательно, становятся препятствием на пути процесса разложения крестьянской массы.

Экономическое развитие Казахстана рассматриваемого периода тесно связано с плодотворным влиянием более развитой экономики России. Особенно это заметно в области товарно-денежных отношений, земледельческого производства и становления предприятий капиталистического типа. Однако было бы ошибкой сводить изменения, происшедшие в Казахстане, только к этому влиянию.

Развитие товарно-денежных отношений и земледелия в первую очередь отражало внутреннюю общественную потребность. Внешнее влияние было фактором, способствующим и ускоряющим течение этого процесса. Следовательно, те прогрессивные изменения, которые произошли в экономике казахского общества, были явлением закономерным.

В сфере материального производства, распределения и потребления производственных продуктов в казахском обществе, несмотря на сохранившиеся в нем некоторые институты общинного строя, господствующее положение занимали те, в руках которых были сосредоточены основные средства и условия скотоводческого хозяйства.

Отношения господства и подчинения, являющиеся стержнем общественных отношений, прикрывались патриархальными формами и пережитками. Этому во многом способствовали примитивность производительных сил общества, задушенность населения, наличие родовой номенклатуры, сохранение аульной общины, в которой многие из ее членов считались «однородичами». При этом феодальные отношения выступали как патриархально-феодальные.

О классовой борьбе

Основной движущей силой развития антагонистических обществ является классовая борьба. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»,¹ – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, имея в виду общества с непримиримыми противоречиями. Формы классовой борьбы различны в разные эпохи и в разных странах; следовательно, различна и сила ее воздействия на общество в целом.

Раскрытие того, насколько борьба классов в условиях господства патриархально-феодальных отношений в Казахстане была активной

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IV, стр. 424.

и зрелой, важно как с точки зрения выяснения отношений между классами, так и с точки зрения оценки уровня общественного развития вообще. Вопрос о классовой борьбе в феодальном Казахстане является сложным и обширным. В данном случае нами рассматриваются лишь некоторые общие аспекты этого вопроса.

На уровень, формы и развитие классовой борьбы, сущность которой вообще предопределяется характером экономического базиса, особенно серьезное влияние оказывают два фактора: с одной стороны – глубина имущественного неравенства между членами общества, степень феодальной эксплуатации зависимого населения, т. е. глубина противоречий между экономическими интересами классов, с другой – то, насколько в данных конкретных исторических условиях господствующему классу удастся, используя все виды доступных ему средств, «примирять» эти противоречия, «сглаживать их острые стороны. Говоря иначе, в классовых отношениях и классовой борьбе немаловажное значение имеет то, как и в какой степени классовое самосознание угнетенного населения соответствует его экономическому положению.

Экономической основой классовой борьбы в Казахстане в рассматриваемый период было: монопольное распоряжение феодалами пастбищными пространствами – основным условием кочевого скотоводства; сосредоточение лучшей части земельных угодий в руках знати на правах личного владения и, как следствие всего этого – концентрация основной массы скота у феодалов. Крестьяне как члены определенного кочевого коллектива кочевали и занимали под зимовку угодья там, где им указывалось, в большинстве своем имели небольшое скотоводческое хозяйство, обеспечивающее прожиточный минимум для семьи с ежегодно повторяющимся в прежних размерах производством.

Прибавочный продукт, произведенный крестьянством, а иногда и часть необходимого продукта присваивались феодалами, стоявшими во главе кочевой группы. Классовый антагонизм и классовая борьба в казахском обществе выросли на почве противоречия экономических интересов феодальной знати и зависимых от нее крестьянских масс.

Экономические условия, хотя и предопределяют характер классовой борьбы, однако сами по себе еще недостаточны для ее возникновения и развития. Важно, чтобы с дороги, ведущей к сознанию угнетенных классов, были сняты барьеры, препятствующие правильному пониманию ими своего собственного положения, которые создаются и поддерживаются усилиями господствующего в обществе класса, кровно заинтересованного в подавлении борьбы трудящихся.

Феодалная знать в Казахстане в своем распоряжении имела не только такое мощное орудие господства, как феодалную государственность, вооруженных людей и другие средства усмирения населения. Она использовала в своих целях такие черты общественной жизни казахов, как родовая номенклатура, патриархальный быт, кочевание аулом, обособленность кочевых коллективов, непросвещенность и задвленность населения. Феодалы называли себя «родичами» крестьян, культивировали «единство» интересов, «общность» целей членов кочевой общины, рода. Когда это диктовалось их интересами, они прибегали к прямому насилию, запугиванию с тем, чтобы подавить в зародыше классовые протесты рядовых кочевников. Все это могло затормозить и задержать развитие классовой борьбы, смягчить ее острые стороны, снизить ее активность, но могло приостановить классовую борьбу, являющуюся выражением экономических противоречий, и тем более ликвидировать ее. Поскольку с развитием общества эти экономические противоречия усугублялись, то, разумеется, развивалась в той или иной степени классовая борьба.

Классовая борьба как движущая сила общественного развития пронизывает все сферы жизни общества. Она происходит как в области экономической, идеологической, так и в области политической. Остановимся теперь на основных конкретных формах классовой борьбы в Казахстане конца XVIII и первой половины XIX вв.

В экономической борьбе важнейшим моментом является борьба эксплуатируемого класса против существующего положения в сфере производства и распределения продуктов.

Важнейшим экономическим объектом, из-за которого в казахском обществе шла постоянная классовая борьба, были пастбищные угодья. Узурпация феодалными группами лучших угодий всегда порождала протест рядовых кочевников. Борьбу за землю казахские кочевники в большинстве случаев вели не в одиночку, а выступали в составе небольшой семейной и фамильной ветви, аульного коллектива, в зависимости от того, интересы каких групп при этом ущемлялись. Сравнительно острой была борьба за пользование пастбищами между хозяйственными группами. Сильные коллективы постоянно вытесняли и захватывали территорию слабых. Обиженные семьи и их сторонники, не обладая достаточной силой для открытой борьбы, переходили к тайным угонам скота своих врагов, к барымте. Оренбургская пограничная комиссия в отчете за 1848 г. отмечала, что «между киргизами происходит за право пользования одною и тою же зимовкою бесчисленное множество распрей и раздоров».¹ В

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5027, л. 30.

одном из документов говорится, что разногласия и споры между отделениями рода Табын в Младшем жузе, возникшие в свое время из-за распределения и пользования зимовыми местами с сенокосными угодьями, стали перерастать в рассматриваемый период в серьезные межгрупповые конфликты.¹

Борьба за землю для рядового скотовода или группы семей скотоводов была борьбой за их существование. Всякое притязание на землю, идущее вразрез с экономическими интересами крестьян, общинных групп, не могло не встречать с их стороны соответствующего противодействия, хотя оно не всегда достигало цели. Кочевник Баймурза из рода Уак Среднего жуза в своем заявлении, поданном им в 1826 г. на имя омского областного начальника, указывал: «Наперед сего имел я зимовье в бору Чаки более 27 лет, но по ненависти султанша Чанчарихи сжила с того места, с зимовья. Потом я с товарищами перекочевал на другое место по названию Босаче, но как и на оном мне стоять не дали, а именно старшина Керебай Батурина сын, как ему показалось место угодное, и оттоле меня сгоняет».² В 1839 г. бий Н. Шувашев (в Среднем жузе) занял зимовые места казаха К. Кучукова и совершил потраву. Кучуков послал своего сына к бию, чтобы предложить последнему откочевать из этих мест. Разгневанный этим, бий убил посланца.³ В 1835 г. в Каркаралинском округе султан Кудай Маманов с сыновьями Абитеем и Абдильдой при содействии своих тюленгутов предпринял попытку завладеть зимовым местом казаха Т. Калибаева, который и был убит за сопротивление.⁴

Один из царских чиновников в 1849 г. доносил, что небольшие группы из рода Адай «делают на зимовках неприязненных им киргизов потравы, портят и истребляют хозяйственные их заведения».⁵

Захват колониальными властями пастбищных территорий по рекам Илек, Иртыш и в других районах, примыкавших к пограничной полосе, вызвал открытое выступление аулов, кочевьями которых эти места являлись. Чиновник Долгарिशнов, побывавший в 1822 г. в кочевьях коллективов, расположенных в бассейне Илека, сообщил, что они не только не выполнили распоряжения султанов и биев, посланных ханом, о возвращении захваченных ими у прилинейных жителей скота, но и выражали «такое свое неудовольствие, что как они лишены ими зимовых мест, то ежели им те места по-прежнему уступлены будут и они расположатся

¹ Там же, д. 2841, л. 6.

² ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 293, л. 3.

³ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 416, л. 1.

⁴ Там же, д. 805, л. 161.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3559, л. 5.

для зимования при реке Илеке, всех похищенных с российской стороны лошадей возратить не преминут».¹ Другой русский чиновник, Карпов, посетивший эти же группы аулов несколько позже, писал, что многие из них «действительно намерены причинить нашей линии вред... за то, что они удалены от р. Илека за 15-верстное расстояние, и что ныне, кочуя в степях, не находят для себя и скота своего постоянного пристанища в жесткое время зимы».² Один из руководителей волновавшихся родов в одном из писем генерал-майору Бородину требовал «снять новую линию по Илеку, тогда будем приятелями или дать район трех речек Узени во Внутренней орде для кочевания».³

В основе больших и малых антиколониальных выступлений, имевших место в первой половине XIX в., лежали экономические, в первую очередь земельные, интересы кочевых коллективов.

Другой формой экономической борьбы трудящихся масс было уклонение от внесения феодальных сборов, государственных налогов и оказание сопротивления их сборщикам. Она намного усилилась с ростом феодального и колониального гнета, в связи с переплетением этих форм угнетения, что наиболее характерно для второй четверти XIX в. Приведем несколько типичных фактов. 21 мая 1836 г. правитель Средней части Младшего жуза султан Юсуф Нуралиев донес в Пограничную комиссию о том, что казахи «не исполняют правила религиею их положенного, не доставляют ему зякета со скота».⁴

В одном донесении 1840 г. говорилось, что кочевые аулы из Бабы-Багишевской группы в Среднем жузе, расположенные в Тюкалинском округе, «делают всегда посланным за скотом с них ясака аульным старшинам сопротивление».⁵ В 1844 г. в роде Жаббас несколько сборщиков зякета султана Кенесары были убиты за вымогательство. Подобная участь постигла и другую вооруженную группу сборщиков податей, прибывшую через год на Малые Барсуки от того же султана.⁶ Сборщик государственной подати Хаджисамай Ханходжин во время исполнения служебных обязанностей в 1847 г. был убит в роде Тазы.⁷

Дистантный начальник Тунганшин в 1849 г. жаловался на то, что не только многие аулы бассейна Сыр-Дарьи уклоняются от уплаты кибиточного сбора, но и «дурной их пример» распространился среди

¹ Там же, д. 1856, л. 27.

² Там же, л. 64.

³ Там же, л. 141.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2046, л. 1.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4853, л. 1.

⁶ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2328, л. 69.

⁷ Там же, д. 5027, л. 20.

некоторых коллективов, находившихся вблизи этого района.¹ Он же 20 августа 1854 г. доносил о том, что «киргизы дюрткаринского рода скрывают кибитки разложением и зарытием в землю или оставлением в степи», лишь бы избежать платы за кочевание. По его словам, вызванный им аульный предводитель в ответ на требование сбора «азартом обругал скверноматерно Его Императорское Величество...».²

Почти во всех приведенных примерах описываются случаи противодействия кочевых коллективов государственной налоговой политике России, феодальным притязаниям султанов и других крупных местных владельцев. И это не случайно. В первой половине XIX в. местно-феодальное угнетение дополнилось колониальным, феодальная верхушка частью стала срашиваться с пограничными органами, а частью повела борьбу за восстановление своих кастовых привилегий. Феодальная междоусобица и перемещения, соединенные с местным и колониальным угнетением, намного ухудшили экономическое положение кочевников, в то же время способствовали развитию их классового самосознания. Народные массы переходили к более активным действиям против крайностей феодального угнетения.

Классовый антагонизм внутри кочевых коллективов, несмотря на резкое различие в имущественном положении их членов, менее был «заметен», отличался более «мирным» развитием, чем антагонизм между феодальной верхушкой общества, стоявшей вне этих небольших хозяйственных коллективов, и рядовыми кожевниками.

Однако это вовсе не означает, что феодальное угнетение внутри аульных общин было более слабым. Наоборот, зажиточная часть членов кочевой группы фактически присваивала львиную долю продуктов, создаваемых непосредственными производителями. Но это происходило в традиционных формах, освященных обычаями и правом, поэтому до определенного времени оно воспринималось как должное. Нельзя при этом не учитывать и того, что патриархальные узы и связи во внутриаульных отношениях были гораздо сильнее и действеннее, чем в отношениях между обособленными кочевыми коллективами. В то же время сколько-нибудь чувствительное «внешнее» насилие, переходящее известные рамки, вызывало бурную реакцию в первую очередь со стороны и без того задавленных трудящихся масс. Волна протеста охватывала и местную феодальную знать, которая по-своему понимала свои задачи в этой борьбе.

Одной из распространенных форм классовой борьбы в казахском обществе была откочевка аулов с обжитых мест. Кочевые коллекти-

¹ Там же, д. 4438, л. 49.

² Там же, д. 4459, л. 2.

вы, недовольные родовыми начальниками и их политикой, или притесняемые другими, более сильными феодальными владениями, пользуясь своей хозяйственной обособленностью, нередко бросали свои прежние кочевья и переходили на территорию других кочевых объединений, подчиняясь власти новых начальников со всеми вытекающими последствиями. В 1842 г. аулы старшин Аудайкулова, Исетова и Итжанова в составе 60 хозяйств оставили свои зимние и летние кочевья в Тагачи-Аргыновской волости Аман-Карагайского округа и перешли на землю Восточной части Младшего жуза.¹ В августе 1845 г. казахи из разных родовых групп поколения Аргын в числе 25 кибиток по своему почину оставили обжитые кочевья и перешли из состава Оренбургского ведомства в Кушмурувский округ.² В другом источнике сообщалось, что большая группа кочевников в составе 450 юрт «под предлогом избрания лучшего корма для скота» несмотря на запреты властей в марте 1846 г., покинула Тауке-Байжигитовскую волость Кокбектинского округа и перешла за горы Тарбагатай.³ Такие факты в описаниях и сообщениях современников встречаются часто.

Откочевка аулов, как форма выражения классового протеста, свидетельствовала о том, что откочевывавшие хозяйства уже не могли бороться за свои интересы против внешнего феодального произвола, они слабы и поэтому вынуждены оставить свои кочевья.

Откочевка была актом ухода из-под власти одного феодального владельца и перехода под власть другого владельца. Откочевка аулов являлась поиском выхода из создавшегося в обществе положения. Разумеется, она приносила временами некоторое облегчение аулам, однако вовсе не освобождала крестьян – основную силу в этих движениях, от угнетения как «своих» внутренних, так и стоявших вне этих коллективов феодалов, поскольку они, освобождаясь от произвола одного феодала, попадали в объятия другого.

В рассматриваемый период нередко были случаи оставления отдельными семьями, хозяйствами своего непосредственного хозяина – местного владельца. Крестьяне в одиночку уходили на заработки в город, промышленные и земледельческие районы. Отдельные хозяйства приставали к другим аулам на правах «конак», т. е. «гостей», среди родственных коллективов, и на правах «кйрме» – чужеродцев.

Среди окружения крупных феодалов, в особенности среди невольников и тюленгутов, развернулось движение за выход из состава владения. Бий

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4917, л. 1.

² Там же, д. 5078, л. 1.

³ Там же, д. 5077, л. 1.

из рода Туртугуль, Чорман Кучуков, в 1832 г. подал жалобу омскому областному начальнику, в которой писал о том, что его слуги «по внушениям некоторых злонамеренных людей, считая себя с ним равными, совершенно не стали повиноваться...» и ушли.¹ В том же году султан Аблай Габбасов из Кокчетавского округа жаловался «на неповиновение тюленгутов, доставшихся ему от предков по наследству».² Интересно в этой части заявление группы тюленгутов, поданное в 1833 г. омскому областному начальнику. Они писали, что «в настоящее время от притязания султана Турсуна Чингизова сделались его невольниками», что он наказывает их за попытку ухода от него.³ В одном из документов сказано, что у султана Есима Чалина в Каркаралинском округе в начале 40-х годов XIX в. было около 50 тюленгутов, 16 из которых вернулись к своим родовым кочевьям.⁴

Как известно, вопрос о власти и классовой борьбе является главным. Уровень и зрелость классовой борьбы в антагонистических обществах определяется в первую очередь в зависимости от постановки и решения вопроса о власти. Борьба за власть образует политическую борьбу в узком смысле этого понятия. Отсюда классовая борьба с требованиями изменения и преобразования системы власти является высшей формой классовой борьбы трудящихся масс.

В интересующий нас период в казахском обществе, с одной стороны, происходят народные и крестьянские выступления с требованиями, далеко выходящими за рамки узкоэкономических интересов, что свидетельствовало о росте классовой борьбы в области политической; с другой стороны, при всем этом формы борьбы, если взять ее в целом, оставались примитивными и неразвитыми. В этом сказывалась экономическая отсталость, задавленность и темнота населения, вера в божественность происхождения власти и т. д.

Казахские крестьяне в самые революционные периоды выступали не против феодальной власти вообще, а только против определенных и отдельных ее звеньев, в которых видели угрозу своим непосредственным интересам.

Высшей точкой классовой борьбы в Казахстане рассматриваемого периода были народные выступления в Младшем жузе, происходившие в конце XVIII в., и крестьянское восстание во Внутренней орде в 30-х годах XIX в. В первом случае, в определенные периоды развития движения, острее борьбы было направлено против власти хана и султанов из дома Абулхаира, во втором – восставшие крестьяне требовали низложения Джангер-хана и лишения власти его активных

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 562, л. 1.

² Там же, д. 760, л. 1.

³ Там же, д. 796, л. 3.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1011, л. 184-185.

сторонников – как султанов, так и родовых биев. Трудящиеся массы борьбу против Джангер-хана вели более решительно, хотя выступления конца XVIII в. превосходили ее размахом движения.

Причина и цели борьбы во всех этих движениях оставались узкими. Это видно не только из требования замены ненавистного хана более «умеренным». Борьба возникла в связи с открытым переходом части ханов на сторону царского правительства и усилением на этой основе эксплуатации и карательной политики с их стороны по отношению к населению. Среди восставших не было единства тактики и действий, преобладали ограниченные рамками родов, общин интересы. Поэтому указанные выступления при всей важности их значения имели местный, региональный характер.

Наиболее распространенной формой протеста было игнорирование распоряжений властей, в особенности когда они затрагивали коренные интересы населения, отказ от признания, власти начальников, назначенных на эту должность сверху. Многие кочевые коллективы не только отказались в свое время признать власть султана Джантюре Джигангерова, поставленного правителем одной из частей Младшего жуза, но и угрожали ему нападением. Оренбургская пограничная комиссия вынуждена была предпринять ряд мер по ограждению власти султана и в 1833 г. завела специальное дело «Об опасности, представляющей султану Джантюре Джигангерову от неповинующихся власти его киргизов».¹ Население Матакай-Кереевской группы отказалось в 1832 г. подчиниться и признать над собой власть тархана Бикбулата Бикбаева, назначенного пограничным управлением.²

Борьба кочевников-скотоводов во многих случаях возникала стихийно, под впечатлением и воздействием отдельных конкретных фактов, затрагивающих их коренные, жизненные интересы. Они не ставили отдаленных целей борьбы, не представляли ее последствий. Казахский крестьянин, борясь за свои интересы, в то же время оставался членом аульной общины, слабо связанной с другими коллективами и обособленной в хозяйственном отношении.

Казахские шаруа по объективным причинам были лишены поддержки просвещенного слоя местного городского населения, рабочих, ремесленников и кустарей. Все это в соединении с экономической и культурной отсталостью казахского общества не могло не сказаться самым существенным образом на уровне, формах и зрелости классовой борьбы. В большинстве случаев классовая борьба в Казахстане направлялась по руслу, выгодному определенной группировке го-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2321, л. 11.

² Там же, д. 307, л. 1.

сподствующего класса, которая зачастую использовала все успехи народного движения.

Некоторые характеристики общественных идей

Вопрос о природе и формах общественных идей и о том, насколько эти идеи оказывали воздействие на жизнь казахского народа, представляет значительный интерес, в особенности в связи с изучением политического строя общества. Мысли господствующего класса, представлявшие собой не что иное как «идеальное выражение господствующих материальных отношений», явились той основой, на которой строились политические учреждения.

Вопросы развития общественных идей в Казахстане конца XVIII и первой половины XIX вв. изучены очень слабо, лишь кое-что в этой части сделано филологами. Кстати, и в казахской филологии интересующий нас период исследован далеко не достаточно. В данном случае мы не ставим задачу всестороннего раскрытия особенностей развития общественных идей в Казахстане. Наше изложение является кратким и обобщенным, дается в таком объеме, в каком оно необходимо в связи с исследованием политического строя казахского общества конца XVIII и первой половины XIX вв.

В обществе с антагонистическими противоречиями не может существовать единой идеологии в равной степени воспринимаемой и признаваемой всеми слоями общества.

Исходным началом в познании и оценке общественных идей является признание их связи с классами, (положение которых в свою очередь определяется условиями материальной жизни общества. Отсюда идеи, как бы они внешне ни казались «общенародными», на самом деле выражали интересы определенных классов и служили им. «...И вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, — указывал В.И. Ленин, — и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии».¹

Сообразно положению двух основных классов, составляющих казахское общество конца XVIII и первой половины XIX вв., существовали два мира общественных идей: идеи, защищающие устой существующего феодального строя со всеми его общественными и бытовыми институтами, и идеи, отражающие положение непосредственных производителей и их устремления.

Идеи господствующего класса посредством всех сил и средств, на-

¹ Ленин В.И. Соч., т. 5, стр. 356.

ходящихся в распоряжении этого класса, навязываются всему обществу как идеи общие для всех. Вследствие этого они господствуют в обществе, затемняя собой все другие системы идей и препятствуя им в развитии, однако никогда не могут уничтожить или поглотить противостоящие идеи, поскольку не могут быть уничтожены угнетенные классы, идеальным выражением положения которых они являются. «В каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, — писал К. Маркс, — т. е. тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, в силу этого располагает и средствами духовного производства, так что благодаря этому ему в то же время в общем подчинены мысли тех, у кого нет средств для духовного производства».¹

Конец XVIII и первая половина XIX вв. были периодом заметного усиления идейных противоречий между противостоящими друг другу классами. Об этом свидетельствуют отдельные острые полемические памфлеты идеологов демократической массы, появившиеся в ходе народных выступлений. Следует отметить, что в идейной борьбе угнетенных низов отсутствовало единство взглядов. Развитие классового мировоззрения во многом задерживалось экономической, политической и культурной отсталостью казахского общества.

Характер и формы общественных идей не были одинаковыми в различных областях обширного степного пространства. В районах, примыкавших к среднеазиатским ханствам, а также к астраханским и волжским татарам, в интересующий нас период преобладал ислам, как идеология феодализма, тогда как относительно других районов этого оказать нельзя.

Господствовавшая в феодальном Казахстане рассматриваемого периода идеология состояла из трех основных частей: 1) идея патриархально-родовых связей; 2) шаманизм и 3) ислам. Между ними существовала внутренняя связь, взаимное влияние, частью они сливаются между собой, но в то же время каждая из них имеет свои, присущие только ей, формы и законы.

Наиболее значительной, овладевшей умами населения являлась «патриархально-родовая» идеология, скрывавшая под своей оболочкой феодальные интересы и защищавшая общественные устои, удобные в первую очередь господствующему классу. Феодализм нашел ее уже сложившейся в основных формах, приспособил и поставил ее на службу своим классовым потребностям.

Сохранению институтов древности, соответствующих эпохе

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т IV, стр. 36.

первобытно-общинного строя, способствовали низкий уровень экономического развития казахского общества, замкнутость и натуральность хозяйств.

Согласно «патриархально-родовой» идеологии, во многом ослабевшей в рассматриваемый период, все члены рода – богатые и бедные – суть «родственники», поэтому они обязаны помогать друг другу в войне, хозяйстве и т. д. На этой основе существовали институты групповой ответственности, родовой мести, круговой поруки, аменгерство в семье и пр.

Господствующие феодальные производственные отношения представлялись как отношения «естественные», «человеческие», бороться против которых «безнравственно». Бедняк, какие бы он ни терпел унижения и притеснения, согласно этой идеологии, должен, был смотреть на богача, фактического виновника своих бедствий, как на «однородича», «родственника», связанного узами «единого» древнего предка. В форме «родовой помощи» производились отработки в байских хозяйствах, «защита интересов рода» в большинстве случаев означала защиту феодального владения. Участие крестьян в войнах, которые затевала знать, было не чем иным, как службой хозяину и т. д. Все это не оставляет сомнения в феодальном характере «патриархально-родовой» идеологии, имевшей место в Казахстане в конце XVIII и первой половине XIX вв.

Экономическое развитие, углубление феодальных отношений и рост классовых противоречий и классовой борьбы в обществе во многом подорвали прежнюю силу и влияние патриархально-феодальной идеологии. Нарушение ее догм и предписаний, которое имело место и раньше, приняло в рассматриваемый период более глубокий и систематический характер. Но могущество ее не было сломлено и она продолжала довлеть над умами основной массы населения.

Патриархально-родовая идеология притупляла классовое сознание трудящихся, содействовала сохранению положения, при котором крестьяне оставались пассивной силой, объектом эксплуатации.

Языческая религия вполне соответствовала той ступени экономического развития, которая характерна для казахского общества начала XIX в. Обожествление явлений и предметов природы, преклонение перед духами усопших и система бытовых и общественных обрядов, основанных на таком чувстве, составляют суть язычества.

По верованиям казахов, нельзя перешагивать через огонь, ибо это принесет несчастье семье.¹ Отдельное дерево, обособленный утес,

¹ *Алтынсарин И.* Очерки обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского воеводства. – Записки Оренбургского отдела ИРГО, 1870, вып. I. Казань, стр. 115.

родниковые источники возводились в ранг святых предметов и явлений. Камни и песок, взятые из святых мест, в небольших кожаных и войлочных мешочках навешивались на шею скота, чтобы он не заболел, а также на одежду людей для предохранения их от несчастий. Г. Потанин пишет: «Киргизы навешивают тумары, т. е. войлочные треугольные мешочки, на многомолочных коров. Внутрь зашивают семь черных камешков, назначение их – предохранять от глазу... Киргизка нашивает себе на плечо талисманы с шерстью, волосом, камнем и сахаром, если заведет незаконную связь».¹ Существовала целая серия других обрядов. Беременная женщина не должна перешагивать через растянутую веревку (аркан) во избежание увечья плода;² продавший барана вырывал из него клочок шерсти и, обмочив его слюной, прикреплял к другому своему барану, чтобы росло стадо, и т. д.

Шаманизм по-своему толковал загробную жизнь: умерший также нуждается в пище, одеянии и других предметах, которыми он пользовался при жизни. Еще продолжали существовать обычаи, по которым вместе с умершим хоронили его личные предметы. Один из путешественников, побывавший среди казахов Средней орды, пишет следующее: «Киргизские могилы обозначаются грудой наваленных камней, от которых обыкновенно тянется еще грядка небольших камешков по направлению к воде. Эти камешки, думает народ, необходимы для указания пути к воде мертвецу».³

Клятва давалась на могиле предков в такой форме: «Өтірік айтсам атамның аруағы атсын», т. е. если я совру, пусть покарает меня дух предков.

Язычество, касавшееся в основном обрядно-бытовой стороны жизни народа, было придатком «патриархально-родовой» идеологии. Оно порождало у людей страх перед совершающимися в природе и обществе явлениями, уводило сознание народа от действительности.

Ислам, как феодальная религиозная идеология, играл в Казахстане в интересующий нас период в целом незначительную роль. Это видно из того, что производственные, имущественные, семейные отношения, т. е. важнейшие области общественных отношений казахов, регулировались не нормами мусульманского права (шариат), а преимущественно нормами обычного права (адат), основанного на

¹ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. II. Спб., 1881, стр. 99.

² Диваев А. Приметы киргизов. - Труды общества изучения киргизского края, вып. 3. Оренбург, 1922, стр. 133.

³ Барон Услар. Четыре месяца в киргизской степи. - Отечественные записки, 1848, № 10, стр. 166.

«патриархально-родовой» идеологии. Правда, в отдельных районах Казахстана, в особенности на юге, суды биев стали вытесняться мусульманскими судами казиев, в имущественных и семейных отношениях усиливалась роль духовенства.

Казахи считали себя мусульманами, наряду с «кок-тенри» верили в бога, почитали «Мухаммеда-пайгамбара». Однако в абсолютном большинстве своем они имели весьма смутное представление о догмах, правилах и нормах ислама, и мало кто из них на деле придерживался и осуществлял их. Достаточно сказать, что сословие местного духовенства как таковое стало формироваться только к середине XIX в. До этого казахская степь знала лишь отдельных пришельцев-мулл, многие из которых приходили не с религиозной миссией, а с целью наживы путем обмана отсталого, темного и суеверного казахского народа. Феодальная знать в определенные исторические периоды не проявляла особой заинтересованности в принятии и распространении в степи ислама как официальной государственной религии, поскольку ее интересы обеспечивались патриархально-родовой идеологией. Когда в результате изменения объективных условий эта идеология стала терять свое влияние, феодалы были не прочь опереться и на ислам как на дополнительное средство упрочения своих пошатнувшихся позиций. Именно таким периодом является конец XVIII и первая половина XIX вв. Относительно активному развитию процесса исламизации казахского общества способствовали планы и политика русского государства и среднеазиатских ханств, каждое из которых по-своему желало использовать ислам в колонизации Казахстана. Как было указано выше, эти действия не привели однако к господству ислама среди казахов.

Патриархально-родовая идеология, языческая религия и ислам оказывали существенное влияние на сознание народных масс, утверждали в нем превратное представление о действительности, были направлены на увековечивание существующих порядков. Идеи, отражающие положение и борьбу угнетенной части населения, с одной стороны, формируются и развиваются на почве господствующих общественных идей; с другой стороны, они выступают как противовес господствующей идее, как сила, подрывающая ее изнутри и прокладывающая дорогу в будущее.

Казахское крестьянство, составляющее основную массу населения, не имело, разумеется, разработанной, обоснованной и стройной идеологии своего освобождения. Незрелость классовой борьбы, преобладание в ней примитивных форм обусловили неразвитость крестьянской идеологии. Казахское общество не имело своей ин-

теллигенции, способной разработать и вести в массы передовую идеологию. Неудивительно поэтому, что идеи демократических масс отражали стихийность и разобщенность их борьбы и интересов.

Прогрессивные устремления трудящихся принимали яркую и острую форму в особенности там, где феодальное угнетение и классовые противоречия были более глубоки. В этом отношении характерны идейные течения, возникшие среди народных масс во Внутренней орде и в южных районах, подпавших под власть среднеазиатских ханств.

Радикальной является идеология крестьянского восстания во Внутренней орде в 30-х годах XIX в., идейной основой которого стали произведения Махамбета Утемисова. Достаточно привести его обращение к хану Джангеру, являвшемуся олицетворением диктатуры крупной знати.

*Ты – коварный волк, а не хан,
Пусть задушит тебя шайтан.
Пусть тебя осмеют друзья
И враги по черепу бьют,
Ядовитая ты змея!
Ты заразой черной рожден,
Ты на троне жесток и лют,
Вилохвостый ты скорпион!*

В стихотворении «Великая мечта» Махамбет Утемисов призывал народ к открытой вооруженной борьбе с властью хана Джангера.

*Придет ли он, тот счастливый день,
Когда столкнешься в поле с врагом,
Упрям и горд полосатый стяг?
Придет ли он, тот счастливый день,
Когда взвьется восстания знак -
Мы метким встретим его свинцом?*²

Утемисов призывал к оружию, к восстанию как к лучшему средству расправы с ненавистными народным массам представителями крупной знати во главе с ханом. Эти стихи были голосом угнетенных низов, долгое терпение которых иссякло и переходило к бурному протесту. Вместе с тем, как и всякая крестьянская идеология, эти призывы страдали ограниченностью. Задача восстания сводилась к свержению «ненавистного» хана и утверждению на его место «справедливого» хана.

¹ Махамбет Утемисов. Алма-Ата, 1957, стр. 102.

² Там же, стр. 53.

Среди рядовых кочевников заметно растет оппозиционное настроение, в особенности по отношению к ханской и султанской власти, оказавшейся бессильной обуздать произвол местных феодалов, прекратить междоусобицу, оградить имущественные и земельные интересы подданных. В усилении колониального и феодального угнетения население виновными считало ханов, распорядившихся судьбами казахов в союзе с колонизаторами.

Оппозиционные настроения более глубоко проникали в среду тех, хозяйство которых клонилось к упадку, кто отходил от кочевого скотоводства, стал больше чем раньше заниматься разными промыслами. Недовольство народных масс формой правления постепенно переходило в озлобление и отчаяние. Это с исключительной ясностью проявилось в устной поэтической литературе казахов того времени (Махамбет, Шернияз, Алмажан-кыз и др.), в которой заметны индивидуалистические, рационалистические и демократические тенденции.

Феодальному праву распоряжения пастбищными угодьями казахские шаруа противопоставляли идею «общинного равенства» в землепользовании, деспотической и эгоистической власти султанов, биев и батыров они противопоставляли взгляд о «народных» и «заботливых» начальниках, так ярко выведенных в творениях народного эпоса; в противовес алчным нечестным судьям биям они создавали в литературе образы «справедливых» и «неподкупных» биев и т. д.

Борьба идей и взглядов была отражением происходившей в казахском обществе классовой борьбы.

Изложенное свидетельствует о том, что: а) общественные идеи казахов были развиты слабо. Это ясно видно из того, что одной из форм господствующей феодальной идеологии были патриархально-родовые воззрения; б) ислам как феодальная религиозная идеология не имел в Казахстане того значения, какое он имел среди многих соседних народов – татар, башкир и узбеков; в) крестьянская идеология испытывала значительное влияние феодальной идеологии, вместе с тем она отражала оппозиционные настроения против усиления феодального и колониального угнетения.

Выводы

Отсталость пронизывала все области общественной жизни казахов. Примитивны были средства и орудия труда в скотоводстве, в земледелии, ремесле, охоте и рыболовстве. В системе общественного производства господствовало кочевое скотоводство, давно ставшее тормозом в развитии производительных сил. Такие формы хозяйства, как земледелие, ремесло (городское) – наиболее перспективные с точки зрения общественного прогресса отрасли хозяйства – были развиты в весьма слабой степени. Феодалные хозяйства продолжали сохранять устойчивость натурального хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На территории Казахстана не было сложившихся культурных центров, население являлось сплошь неграмотным. Экономическая отсталость породила наиболее грубые и деспотические формы управления обществом и эксплуатации непосредственных производителей. На ней покоились и держались значительные остатки патриархальщины.

По мере усиления экономических и политических связей с Россией происходят заметные сдвиги в экономике казахского общества, намного усиливается процесс ломки устоявшихся форм общественных отношений и порядков. Однако эти сдвиги в рассматриваемый период были не настолько большими, чтобы преодолеть вековую отсталость Казахстана.

Главным в совокупности отношений между членами общества и в определении их характера являются отношения, складывающиеся в процессе производства. В системе производственных отношений ведущей областью отношений являются отношения собственности на основные средства производства и орудия труда. Разумеется, в обзорной главе, посвященной проблеме общественных отношений казахов конца XVIII и первой половины XIX вв., мы могли осветить лишь вкратце основные вопросы этой проблемы.

Исследования, произведенные нами в этой части, убеждают нас в следующем: а) как бы ни были своеобразны экономическая роль земли, форма ее эксплуатации и присвоения в преимущественно кочевом скотоводческом обществе казахов, отношения земельной собственности являлись ведущей областью в системе общественных отношений вообще, в сфере экономики – в частности; б) господствующее положение, которое занимала феодальная знать в землевладении и землепользовании, давало ей возможность подчинить своему влиянию и интересам общественное производство; в) концентрация

основной массы скота в руках феодалов была в первую очередь материальным выражением их господства в земельных отношениях; г) несмотря на особенности условий экономического и исторического характера, в которых возник и развивался феодализм в Казахстане, его существенные качества сложились под воздействием тех же законов, на основе которых возникли и развивались феодальные отношения в других странах; д) феодальные отношения в Казахстане имели ту особенность, что они развивались при сохранении значительных остатков первобытно-общинного строя в общественной жизни, как патриархально-феодальные отношения, что объяснялось главным образом отсталостью общественной экономики вообще, производительных сил – в частности; е) классовая борьба в казахском обществе в целом была еще не развита, ее формы в большинстве случаев являлись примитивными. Основная масса населения, опутанная феодальной идеологией, в своих требованиях не выходила за рамки феодального способа производства. Осознание своего собственного положения крестьянами задерживалось низким уровнем экономического, культурного и политического развития общества. Вместе с тем в описываемое время нельзя не видеть значительного усиления борьбы против феодального и колониального угнетения. Для этого периода характерны отдельные относительно массовые народные и крестьянские выступления. Сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что в недрах «феодального мира» складывались серьезные силы его разрушения и что общество в дальнейшем будет развиваться более ускоренными темпами; ж) в воззрениях людей господствовали патриархальные по форме представления, религиозные суеверия, служившие в конечном счете идейным оправданием существующего режима феодального господства.

ХАНСКАЯ ВЛАСТЬ В КОНЦЕ XVIII И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКОВ

Об особенностях организации власти и управления

Государственный строй казахского ханства исследован слабо. В этом вопросе имелись спорные толкования, порой переходящие в путаницу. Нельзя сказать, что и сегодня в нем все стало вполне ясным. Некоторыми исследователями Казахстана было высказано сомнение в существовании государственности у казахов вообще, политическая форма ханства рассматривалась как форма дофеодалная. Отдельные ученые продолжают отстаивать мнение о сложении капиталистической земельной собственности в Казахстане непосредственно на базе общинно-родовой собственности на землю. Согласно этой концепции, экономической основой феодального способа производства якобы была феодальная собственность не на паст-бищные угодья, а на скот. Авторы подобного утверждения не дают ответа на вопрос о том, в какой мере такое экономическое развитие дореволюционного Казахстана наложило отпечаток на политическую организацию общества. Разумеется, если такое положение имело место, оно не могло не предопределить характера и форм диктатуры господствующего в обществе феодального класса. Основанием для этих взглядов служили несовершенство механизма власти в казахских ханствах, разделение подданных по родам, живучесть патриархальных институтов, слабое развитие чиновничьего аппарата на местах, отсутствие организованных тюрем и т. д.

Политические отношения, господствовавшие в казахском обществе в конце XVIII и начале XIX вв., по своей сущности были отношениями между господствующим классом феодалов и народными массами, зависимыми от них. В политических отношениях казахского общества, какую бы они ни принимали государственную форму, всегда выступало и преобладало насилие, прямо или завуалировано применявшееся по отношению к массе непосредственных производителей-крестьян.

Если взять в целом организацию ханской власти, то на ней лежали следующие обязанности: а) обеспечение сбора налогов и податей с населения в пользу хана и других владетелей; б) осуществление официальной внутренней и внешней политики, отражавшей инте-

рессы в основном феодальной знати; в) создание «порядка» который узаконивал и упрочивал угнетение зависимого от знати населения; г) ведение войн по захвату территории соседей и оборона своих границ.

Если рассматривать казахское ханство с точки зрения средств, при помощи которых оно обеспечивало выполнение задач, стоящих перед ним, нельзя не видеть, что в их системе важную роль играли:

а) специально выделенная из общества и специализировавшаяся на управлении особая группа людей (султаны, бии, старшины);

б) материальные придатки власти (аппарат, военные дружины, батыры с войсками, средства заточения);

в) экономические санкции: со стороны феодальной знати и идеологическое воздействие на умы населения (экономическое притеснение, моральные санкции, пропаганда, религия и т. д.).

Если говорить о том общем, что присуще задачам власти и средствам их разрешения, о той общей линии, которая характерна для всей деятельности органов власти, нетрудно заметить, что казахское ханство есть выражение коллективной диктатуры господствующего в обществе феодального класса, т. е. оно по своей природе является феодальным государством со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Организация власти, ее структурные особенности, методы деятельности относятся к формам власти, к ее особенностям и являются выражением основного ее качества, о котором говорилось выше. Тем не менее, познание этих моментов так же важно, как и познание сущности политической власти в обществе.

Следует заметить, что, в отличие от естественных явлений, в общественных явлениях, в особенности в области политики, форма и особенное не только отражают качество и требование содержания и общего в явлениях, но и служат как бы непосредственной организационной оболочкой и проводником этих требований.

Здесь мы не собираемся детально разбирать организацию и структуру власти и управления в казахском обществе, о них будет идти речь более конкретно и подробно в специальных разделах работы. Сейчас нас интересуют лишь основные характерные особенности политического строя Казахстана.

Устоявшийся средневековый взгляд относительно роли и места каждого из трех казахских жузов имел значительное влияние на вопросы родовой этики, взаимоотношения отдельных земель и политическую организацию общества. Борьба за политическую самостоятельность жузов всегда идеологическим оправданием имела «известную» их самостоятельность, якобы завещанную далекими

предками. Под лозунгом единства жуза происходило его внутреннее сплочение. В походах каждый из них имел свой знак, знамя и боевой клич. В каждом казахском жузе один из ханов считал себя верховным владетелем. Однако он не всегда имел реальную власть на всей территории жуза. Крупные феодалы постоянно делали попытки отделиться от него и образовать свои суверенные владения.

Ширгазы Айчуваков, носивший титул хана Младшего жуза, неоднократно просил пограничные органы подавить вооруженной силой владения «самозванного хана» Арынгазы. Однако эти требования «главного» хана жуза в конце XVIII и начале XIX вв. были совершенно нереальными и представляли собой обычный демарш.

Во взаимоотношениях ханов различных жузов преобладала политика силы. Согласно распространенному общественному мнению, Средний жуз обладал правом родового старшинства перед Младшим. При равных условиях предпочтение отдавалось хану Среднего жуза. Однако старшинство являлось чисто номинальным и не всегда вело к признанию приоритета власти одного хана перед другим.

Вопрос о том, какое ханство будет главенствовать в политике в конце концов решался всегда в пользу наиболее сильного и организованного. В конце XVII и начале XVIII вв. в трех жузах, преобладала власть Тауке-хана из Среднего жуза. Несколько позже возвысился хан Младшего жуза Абулхаир, отличившийся своим талантом в организации сопротивления джунгарским нашествиям. Абулхаир в период зенита своего могущества определил одного из своих, сыновей, Ерали, ханом в роде Керей Среднего жуза.¹ После смерти Абулхаир-хана выделился Аблай – крупный политический деятель Средней орды. Отсюда следует, что хотя казахи в той или иной степени соблюдали в личных взаимоотношениях принципы родового старшинства, в области политических отношений всецело господствовал принцип силы. Здесь нужно отметить, что в силу экономической разобщенности и обособленности отдельных земель, влияние одного ханства на другое было всегда крайне незначительным. Оно не вело к потере независимости ханств и в лучшем случае создавало условия для временного их союза.

Отдельные части казахского общества были не только слабо связаны между собой, но и со своими основными центрами. Благодаря особенностям кочевого быта, уход родовых групп с обжитых ранее мест не представлял исключения.

Естественно, при таком положении усиление притягательной силы

---

¹ Вельяминов-Зернов В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и отношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхаира-хана, т. 1. Уфа, 1853, стр. 3.

того или иного центра оказывалось нередко достаточным фактором для новой ориентации и перехода к нему коллективов.

Феодальная раздробленность, характерная для политического строя Казахстана, ни в конце XVIII, ни в начале XIX вв. не была преодолена, поскольку не созрели для этого необходимые экономические предпосылки. Развитие товарно-денежных отношений к ремесленному производству в Казахстане находилось еще на таком уровне, что оно не могло оказывать существенного влияния на политическое переустройство казахского общества.

Тенденции к объединению различных казахских земель в одно целое, возникавшие временами в XVIII и в первой половине XIX вв., имели в своей основе организацию обороны страны, сопротивление колониальным мероприятиям царизма и агрессивных среднеазиатских ханств. В силу того, что эти факторы по своей природе были преходящими и не были связаны с теми глубокими отношениями, которыми определяются содержание и перспективы развития общества, централизация управления в национальном масштабе не могла быть осуществлена.

Характерной чертой политической жизни Казахстана конца XVIII и начала XIX вв., как и прежде, были постоянные столкновения между мелкими владельцами, отдельными родовыми объединениями. В основе этих конфликтов лежали экономические и политические мотивы, мотивы мести и суда. Причем, они всегда связывались с патриархально-родовыми институтами и внешне выглядели как общественно-групповая борьба.

Большей частью столкновения происходили из-за удобных пастбищных территорий. Сильные кочевые коллективы захватывали все новые и новые территории, превращая их частью в пастбища, частью в хозяйственный резерв.

Один из чиновников, Л. Костенко, писал, что между казахскими владениями «вражда происходила больше всего из-за пастбищных мест».¹

Существенную роль во внутренних раздорах играли притязания феодальной знати на преобладание в политике. Властолюбие крупных феодалов, прикрытое родовыми лозунгами, было одним из постоянных источников народного бедствия. Борясь за свои узкоэгоистические цели, они вовлекали в эту борьбу подвластные им аулы.

Раздоры и взаимная вражда кочевых коллективов были на руку ханам и султанам, а конфликты и войны между претендентами на

¹ *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 32.

власть в ханствах вполне устраивали царское правительство, которое твердо придерживалось принципа «разделяй и властвуй».

На форму политических отношений в обществе продолжали оказывать влияние довлевшие в нем пережитки и учреждения общинно-родового быта, в особенности родовая номенклатура.

В Казахстане в своеобразном переплетении существовало разделение подданных по сфере влияния государственной власти и по принадлежности к родам и племенам. Следует заметить, что от разделения населения вообще следует различать разделение его как подданных государства. В первом случае имеется в виду и учитывается бытовое, хозяйственное, групповое, традиционное (в том числе и родоплеменное) и другие различия народа. В другом случае разделение населения производится по сфере распространения власти, на организацию которой в числе других факторов влияют и указанные выше подразделения населения.

Государственная власть первоначально возникает в недрах родовых учреждений и не сразу может освободиться и оторваться от них. В определенных исторических условиях на протяжении определенного периода государственная власть не только не может отказаться от родовых учреждений, но и бывает заинтересована в их сохранении, если только они окажутся способными обеспечить интересы власть имущих классов.

В классовых обществах, вышедших из недр первобытно-общинного строя, как правило, наблюдается противоречивое явление, которое заключается, с одной стороны, в разрушении общественной власти в родовых объединениях (объективный процесс), с другой стороны – в использовании и преобразовании ее форм в интересах нового способа производства (субъективный процесс).

Разумеется, сложившееся в течение тысячелетий разделение населения по родам, закрепленное в сознании людей, должно было иметь и имело первое время особенно сильное влияние на административное устройство классового общества. В одном из своих писем, говоря о влиянии на общество не только материального производства, но и различных надстроечных явлений, в том числе воззрений, Ф. Энгельс писал: «Экономическое положение, это – базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские

теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм».¹

В казахском обществе в рассматриваемый период разделение населения по родам сохранилось, однако оно не имело уже того значения и содержания, которые были присущи ему в доклассовый период. Это относилось не только к социально-экономическому содержанию родовых групп. Организация власти далеко не совпадала с родовым делением, хотя она в то же время не абстрагировалась от него и была с ним связана. В структуре политической власти уже преобладала территориально-родовая определенность. Власть хана в жузе распространялась на все роды и группы населения, независимо от того, являлись ли они пришельцами из других жузов или нет, если только они занимали своими кочевьями более или менее постоянную территорию жуза. Это характерно и для султанства. Но поскольку территорию каждого жуза, а также султанства в основном населяли определенные племена (поколения) и роды, как правило, поглощавшие и разные другие пришлые группы кочевников, то внешне племенное и родовое деление выступало отчасти и как государственно-административное деление.

Тот факт, что в родовых группах пределы распространения власти зачастую очерчивались естественным делением населения, вовсе не говорил о родовом характере. Она была классовой (публичной) по своей природе, так же как и сами родовые группы стали организациями классового общества.

Разъясняя, почему родовые союзы должны были уступить при образовании государства принципу территориальной определенности власти, Ф. Энгельс писал: «Старые родовые союзы, возникшие и державшиеся в силу кровной связи, сделались, как мы видели, недостаточными большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно прекратилась. Территория осталась, но люди сделались подвижными».²

Такого рода явления наблюдались и в Казахстане. Ввиду разрушения старых общественных связей аулы из одного рода переходили в другие. При этом они теряли связь с прежней властью, сохраняя связи со своим родом. Тут мы имеем дело, не только с явлением, присущим классовому обществу, но и с проявлением территориального принципа действия власти.

Однако было бы близорукостью не видеть за этим известной связи власти и родового деления, хотя эта связь отличалась от тех форм связи между ними, которые свойственны переходу первобытно-общинного строя.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. II. М. 1949, стр. 468.

² Там же, стр. 302.

Таким образом, деление подданных государств по признаку территориального расселения имело в условиях казахского общества начала XIX в. известное своеобразие, определяемое его экономической отсталостью и значительной ролью форм доклассовых учреждений и патриархального быта в общественных отношениях.

Экономическая отсталость казахского общества и те исторические условия, в которых оно развивалось, нашли воплощение в политике и предопределяли содержание и формы механизма феодального государственного аппарата. Функция ханской власти была не развита. Она сводилась в основном к судебным разбирательствам. Ханы редко выступали как активная сила формирования политики господствующего класса. Отношения между высшими и низовыми звеньями власти больше всего были отношениями суверенитета и вассалитета с вытекающими отсюда последствиями. В условиях сохранения значительной самостоятельности местного управления чиновничий аппарат не мог получить серьезного развития.

Одной из особенностей рассматриваемого периода является то что экономическое, в особенности политическое развитие казахского общества происходило под растущим воздействием государственной политики царского правительства. Оно стало особенно ощутимым начиная со второй четверти XIX в.

Для феодальной государственности в Казахстане характерными являются следующие моменты: а) в основе взаимоотношений между различными инстанциями властей лежали более вассальные отношения, чем отношения административной зависимости низовых органов от вышестоящих; б) местная политическая автономия настолько была сильна, что центральная (ханская) власть не обладала правом назначения и смещения местных начальников, за исключением султанов в объединении родов; в) а сферах отправления власти господствующей тенденцией была ее узурпация; г) в узурпации и отпадении власти как в жузе, так и в родах имело определенное значение представление об «избранной» касте, об «избранных» личностях, имеющих «призвание» для управления народом (султаны, ходжи, би); д) несение власти в известной степени имело семейный характер – от аульного старшины, до хана аппарат власти состоял из их взрослых сыновей и братьев, не только выполнявших поручения своих родителей – носителей власти, но и порою действовавших самостоятельно от их имени; е) внутри родов и их подразделений между политической властью и исторически сложившимися коллективами существовала определенная связь, которая усиливалась по мере дробления коллективов на более мелкие еди-

ницы. В аульных, общинах, представляющих низовую групповую организацию кочевников, власть старшины сохранила значительную связь с обществом и опиралась нередко на «народные» институты (съезд и собрания глав семей, совет юртовладельцев и т. д.); ж) учреждения старины, сохранившиеся как придатки политической власти, переродились в своем социальном содержании.

Все это свидетельствует о несовершенности форм и низкой стадии развития государственной власти в казахских ханствах. Впрочем, подобные особенности присущи многим ранним феодальным обществам, в которых наблюдается длительный застой в развитии производительных сил и господствуют отсталые формы производства.

Ханства на территории Казахстана

Даже в отдельные периоды временного сплочения трех жузов значительные пространства, населенные казахами, находились под властью соседних государств. В начале XIX в. юг Казахстана принадлежал Хивинскому ханству. Многие из кочевых коллективов в районе Тарбагатайских гор (на востоке) тяготели к китайским владениям. Большая часть территории Старшего жуза была оккупирована Кокандским и другими восточными ханствами.

В силу ряда объективных причин феодальная борьба за власть и феодальная раздробленность в конце XVIII и начале XIX вв. еще больше усилилась. При относительно сильном ханстве Аблая такие батыры-бии, как Джаныбек и Бугенбай, не были полностью лишены прав самостоятельных владельцев. Они продолжали окружать себя вассальными «князьями и батырами». После его смерти положение изменяется весьма резко. Его преемником – ханом Среднего жуза был провозглашен в 1781 г. султан Вали, сын Аблая. Однако это не мешало другому султану, Букею, объявить себя независимым ханом трех родов (Каракесек, Аргын, Туртуйл), находившихся в составе Среднего жуза. Такое разделение сохранилось почти до второй четверти XIX в.⁵ Аналогичное положение существовало и в Младшем жузе. Вместе с Нурали, носившим титул «киргиз-кайсацкого хана», в родах Тюрткара, Карасакал, Шекты и Шомекей был провозглашен ханом султан Батырб. П. Рычков указывал, что «братья его (т. е. Нурали-хана. – С.3.) Эрали и Айчувак Салтаны в той же орде некоторыми улусами управляют. Но кроме их еще другие Салтаны тут есть, а особливо знатен между ними Батыр Салтан, у коего сын именем Гаип... в Хиве уже несколько лет ханствует».¹

¹ Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. – Отечественные записки, ч. 41, 1830, стр. 419.

В 1798 г. Айчувак Абулхайров с одобрения царского правительства был провозглашен ханом Младшего жуза. Основная часть населения отказалась признать его власть и, удалившись на юг, избрала ханом султана Абулгазы Каипова, а некоторые коллективы ушли в сторону туркмен, оттеснили их кочевья и образовали отдельное владение. А султан Букей – председатель ханского совета – в 1799 г. перешел на правый берег р. Урала и добился официального признания за собой независимой от хана Айчувака власти.¹

Так же было и в 20-х годах XIX в. Официальным ханом в Младшем жузе являлся Ширгазы Айчуваков (1812 – 1824 гг.), однако Арынгазы, провозглашенный ханом среди больших родовых коллективов, располагавшихся кочевьями в районе Сыр-Дарьи, имел гораздо большую власть, чем Ширгазы. Кроме них на юге Младшего жуза, в бассейне Сыр-Дарьи, находились самостоятельные ханские владения султанов Каратая (в родах Ак-кете, Кара-кете), Темира (в роде Шомекей), Мененбая (провозглашен ханом Хивой над частью казахов).² Город Туркестан в начале XIX в. был центром самостоятельного владения хана Тогай, которое было уничтожено с завоеванием города в 1814 г. Кокандом.³

То здесь, то там влиятельные султаны, биы, в особенности среди оппозиционных родов, провозглашались ханами и после официальной ликвидации ханства в Младшем и Среднем жузах. В 1833 г. султан Жолбарисов Аип был избран ханом среди части родов Глеукабак, Тюрткара и Назар, входивших в состав средней части Младшего жуза, подведомственной султану-правителю Юсуфу Нуралиеву.⁴

Широкую самостоятельность имели султанские управления, иногда объединявшие несколько родов. Они признавали себя вассалами того или иного хана, однако власть последнего над ними была чисто внешней. Как автономные территории, они пользовались большими суверенными правами, нередко игнорируя указания ханской власти. При определенных условиях они удалялись в районы, куда не доходила власть хана. Хан считался с ними, точнее, выражал их интересы и опирался на них в осуществлении политики господствующего класса.

Значительная самостоятельность султанских владений объяснялась не только экономической разобщенностью казахов и слабостью центральной ханской власти. Она во многом держалась на родовой обособленности населения. Насколько была слаба связь между отдельными частями страны и прочно родовое различие, настолько

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. Спб., 1832, стр. 323, 324.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.-Л., 1940, стр. 363, 380.

³ Л.А. Очерки Средней Азии. Вестник Европы, 1869, сентябрь, стр. 254.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1551, л. 1-5. ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1551, л. 1-5.

была сильна обособленность султанского управления. Преобладание родовых, т. е. групповых интересов над общегосударственными не могло не наложить определенного отпечатка на отношение этих больших коллективов к ханской власти. К 1817 г. в Среднем жузе во главе основной части поколения. Аргын стоял султан Джума Кудаймендиев, родами поколения Найман управлял султан Баба Каипов. Основные подразделения поколения Кыпшак находились под властью султана Джантюре Джигангерова.¹ Каждый из перечисленных родов имел свои определенные пастбищные пространства, зоны перемещения и стоянки. Экономическая жизнь в них была в большой степени однотипна, еще были слабы предпосылки их сближения и слияния. Постоянная межродовая вражда, будучи выражением этой разобщенности, в то же время содействовала ее развитию. Все это могло только способствовать расколу общества и росту родового эгоизма и обособленности.

Развитый феодальный партикуляризм не только дробил силы народа, делал его мало способным к объединению перед лицом опасностей, но и в известной степени содействовал сохранению отсталости казахского общества.

Наличие ханства в ханстве позволило царизму сноситься непосредственно, нередко через голову верховного хана, с местными влиятельными султанами и биями. Оказывая покровительство одним, одаривая других ценными вещами и знаками почета, правительство намного упрочило свои позиции в казахском обществе. Такая политика привела постепенно к безболезненной ликвидации власти хана и признанию власти султанов и крупных биев.

В период, когда все шло к ликвидации ханской власти в Казахстане, в самом начале XIX в. образовалось новое зависимое от России владение под названием Внутренняя орда.

Возникновение его отразило не только влияние колониальной политики царизма, но и изменения, происшедшие в казахском обществе, в частности в жизни казахов Младшего жуза. На этом интересном и значительном явлении следует остановиться более подробно.

В начале XIX в. значительная часть населения Младшего жуза перекочевала во внутренние пределы Российской империи и образовала на северо-западе нынешнего Казахстана, между низовьями рек Урала и Волги, новую казахскую орду, получившую название Букеевской по имени первого хана – Букея.

Как сообщают источники, вначале с султаном Букеем на правобережье Урала перешло около пяти тысяч семейств. В по-

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 35.

следующие годы население Букеевской или, как ее называют по географическому расположению, Внутренней орды, продолжало возрастать за счет притока людей из Младшего жуза. По подсчету чиновника Оренбургской пограничной комиссии Ларионова, в 1828 г. население орды насчитывало 10253 кибитки.¹ Полковник Иванин, управлявший ордой после смерти Джангер-хана, сообщает, что к 1845 г. здесь было более 30 тысяч кибиток.² Наконец, чиновник Медведский, имевший непосредственное отношение к Внутренней орде, указывает, что в 1860 г. ее население состояло из 26909 кибиток.³ Во всяком случае, можно утверждать, что к середине XIX в. во Внутренней орде проживало не менее 25 тысяч семейств.

Образование Внутренней орды нельзя считать событием, вызванным случайным стечением обстоятельств. Уже то, что оно было связано с переселением двадцати пяти тысяч семейств кочевников, свидетельствует о серьезных причинах. По этому поводу существует целый ряд разноречивых мнений.

Большинство дореволюционных авторов, описавших отдельные стороны жизни казахов Внутренней орды, состояли на службе царского правительства. Естественно, что их описания не могли не быть тенденциозными. Некоторые из них связывали возникновение орды с положительными субъективными качествами султана Букея. Например, по мнению А. Евреинова, переход казахов на правобережье Урала был связан в первую очередь с тем, что султан Букей «вернее других понял, что совершенное спокойствие можно снискать только под непосредственным покровом русского правительства».⁴

Напротив, другие авторы объясняют возникновение Внутренней орды корыстолюбием Букея, жадной властью, богатства. «Букей, желая получить ханское достоинство, задумал перейти на правую сторону реки Урала», – отмечает Т. Медведский⁵ Букей стремился, «как и брат его султан Каратай, к достижения тем или иным путем ханского

¹ *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 19.

² *Иванин М.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда. – Эпоха, 1864, № 12, стр. 6.

³ *Медведский Т.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. – Журнал Министерства государственных имуществ, август, 1862, стр. 303-307.

⁴ *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. – Современник, 1851, № 10, стр. 51.

⁵ *Медведский Т.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. – Журнал Министерства государственных имуществ, 1862, № 8, стр. 285.

значения», – указывает известный исследователь А. Добросмыслов.¹ Несколько иного взгляда придерживался Л. Мейер. Он связывал возникновение орды со «смутами», происходившими в Младшем жузе. Другой автор, М. Иванов, еще более определенно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды: «Во второй половине прошлого столетия (т. е. XVIII в. - С.3.) возникли между племенами киргизов междоусобия и взаимные грабежи, почему в начале нынешнего века миролюбивый киргизский хан Букей, один из потомков Абулхаир-хана, опасаясь демократической партии зауральских киргизов, со значительной частью султанов и оставшимися ему подвластными киргизами перешел в 1801 году к нам на правую сторону реки Урала».² Автор старается показать подвластных Букею казахов как нечто единое в экономическом и социальном отношении, противостоящее «демократической партии зауральских киргизов».

Почти все дореволюционные авторы, находясь в рамках субъективной истории, исходили в своих выводах из формальных внешних признаков событий. Общественные явления они рассматривали в связи с деятельностью отдельных личностей – ханов, султанов. Отсюда понятно, почему они не сумели научно объяснить причины образования Букеевской орды, обнаружить и вскрыть те исторические закономерности, которые лежали в основе данного общественного процесса. Однако было бы неправильным считать, что у дореволюционных авторов нет ценных сведений. Из их работ можно почерпнуть немало фактического материала, проливающего свет на интересующий нас вопрос.

Крестьянское восстание, предводительствуемое Исатаем Таймановым, вспыхнувшее во Внутренней орде в 30-х годах XIX в., привлекло внимание ряда советских историков. Освещая вопрос этого движения, они, разумеется, не могли не касаться причин возникновения самой орды.

Один из видных исследователей истории Казахстана профессор М.П. Вяткин полагает, что к образованию Внутренней орды привели хозяйственный упадок, углубление земельной тесноты. Возникновение ее было связано с жестоким хозяйственным кризисом, выразившимся, в частности, в росте земельной тесноты в результате углубления процесса феодализации, захвата кочевий знатью «белой» и «черной» кости.³ Профессор М.П. Вяткин приходит к выводу, что переход казахов на правобережье Урала «в вечное подданство» был

¹ *Добросмыслов А.Н.* Тургайская область. – Известия Оренбургского отделения РГО, вып. 16, 1901, стр. 231.

² *Иванов М.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда. – Эпоха, 1864, № 12, стр. 15.

³ Там же, стр. 242.

логическим итогом процесса, берущего свое начало в 50-х годах XVIII в., т. е. он связан с борьбой за освоение новых кочевий, длившейся почти половину столетия.

Несколько иной точки зрения в свое время придерживался В.Ф. Шахматов. Он писал, что «архивные данные говорят о том, что образование Внутренней орды явилось результатом политики царского правительства и, в частности, барона Игельстрома и подготовлялось последовательно в течение нескольких лет»¹.

Образование Внутренней орды нам представляется более сложным процессом и его нельзя объяснить ни сугубо хозяйственными факторами, ни колониальной политикой царского правительства, хотя они играли в этом значительную роль. По нашему убеждению, политическая обстановка, сложившаяся вслед за подавлением народного восстания в конце XVIII в. в Младшем жузе, в совокупности с другими факторами, была той силой, которая предопределила переселение части казахского населения на левобережье Урала.

Пастбищный вопрос не мог не влиять на процесс переселения кочевников. Однако выдвигать его в тех конкретных условиях в качестве главной причины переселения вряд ли будет правильным, так как территория Внутренней орды не давала кочевникам-скотоводам никаких особых хозяйственных преимуществ, чтобы вести борьбу за ее обладание. Нельзя также не учитывать и того фактора, что большинство казахов, перешедших на правобережье Урала, относилось к числу бедных. Таким образом, выпас незначительного количества принадлежащего им скота не мог стать острой проблемой.

С переходом казахов во внутренние пределы империи не был разрешен пастбищный вопрос. Земельные отношения в Внутренней орде оставались сложными. Недостаток земли был здесь более острым, чем в Младшем жузе. Из этого следует, что при всей своей значимости вопрос о пастбищах в тех конкретных условиях не играл исключительной роли в переселении.

Развитие феодальных отношений в Младшем жузе в XVIII в. шло не в порядке захвата феодальной знатью земель хозяйственных общин и превращения их в объект непосредственной собственности, а в порядке усиления эксплуатации трудящихся крестьян в рамках в основном прежних форм землевладения. Резкое ухудшение экономического положения крестьян вызывалось не тем, что им негде было пасти свой скот, а главным образом тем, что трудящиеся подвергались открытому систематическому грабежу со стороны крупных

¹ *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 8.

местных феодалов и захватчиков и несли на свои плечах всю тяжесть феодальной междоусобицы.

Малообоснованным нам кажется сведение образования Внутренней орды к политике царизма. В конце XVIII в. она не была столь активной, чтобы влиять на внутреннее развитие казахского общества. Переселение казахов на правый берег Урала не противоречило направлению колониальной политики царизма, и лишь поэтому оно получило известную поддержку со стороны пограничных властей. Однако эта политика не была решающим фактором образования новой казахской орды.

Анализ архивных материалов, относящихся к истории образования Внутренней орды, приводит к выводу, что после вооруженного подавления народного восстания, руководимого батыром Срымом, переселение части казахов на внутреннюю сторону из Младшего жуза явилось своеобразным продолжением этой борьбы в иных условиях и в иной форме.

Народное сопротивление ханской власти, с особенной силой проявившееся в конце XVIII в., пошло на убыль. В Младшем жузе сложилась ситуация, исключавшая открытое народное выступление. В этих условиях возмущение казахской бедноты против наиболее ненавистных поработителей – хана и его сообщников, выливается в форму игнорирования их власти, откочевки в другие районы. Именно это и лежало в основе отделения части казахов Младшего жуза и перехода на территорию России. Здесь нельзя не учитывать того обстоятельства, что откочевка вообще всегда была одной из наиболее распространенных традиционных форм классового противодействия притеснениям феодалов в казахском обществе. В данном случае это произошло непосредственно вслед за подавлением крупного народного восстания, приведшего в движение массу населения почти во всех уголках Младшего жуза. Следовательно, уход от преследования крупных феодалов, против которых и направлялось острое восстание, для большинства казахского населения был явлением закономерным.

Существенное влияние на откочевку казахов оказало преследование родов и отделений, принимавших участие в народном восстании, ханской властью, султанами при активной поддержке и участии колониальных пограничных властей и карательных отрядов. При этом, как и раньше в таких случаях, феодалы и колонизаторы старались столкнуть казахские орды и отделения между собой, превращая отдельные разногласия между ними в очаг раздора.

В результате этих распрей трудящиеся массы терпели жестокие лишения. Экономическое положение народа заметно ухудшилось.

Граф Потоцкий в письме к министру внутренних дел Кочубею писал в 1806 г., что «бедность киргизов Младшего жуза чрезвычайно, и одно зло здесь рождает другое. Юрты или кибитки, которые должны были бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты одними лишь шерстяными тряпками, обратившимися в лохмотья. Сами киргизы покрыты лохмотьями...».¹ Крайняя нужда заставляла казахов продавать детей линейным жителям и хивинцам. Как свидетельствует А. Левшин, в 1815 г. около г. Гурьева в течение только одного месяца было продано около ста казахских детей. Причем «за мальчиков платили по 4 и по 3, а за девочек по 3 и по 2 куля ржаной муки».²

«В эпоху перехода поколения, составлявшие Внутреннюю орду, были беднейшими из кайсаков», – отмечалось в журнале Министерства государственных имуществ в 1841 г.³

В этих конкретных исторических условиях откочевка была не только формой классового протеста против произвола крупных феодалов, но вместе с тем являлась жизненной необходимостью. С одной стороны, откочевка свидетельствовала об ослаблении воли к открытой борьбе, с другой – она выражала решимость продолжать сопротивление в иных формах. Именно такой противоречивый характер имело движение многих казахских аулов и их откочевка на правобережье Урала.

Откочевщики в основном были непосредственными участниками движения Срыма. Это подтверждается тем, что род Байбакты, явившийся ядром народного восстания в Младшем жузе, возглавил переселенческое движение и составил самую многочисленную группу. На «внутреннюю сторону» к 50-му году XIX в. из рода Байбакты перешло более 15 тысяч человек.⁴ Сам батыр Срым, имевший огромную популярность в народе, признанный организатор и руководитель в борьбе с ханской властью, был активным агитатором за переход населения на земли России.

Нередко в прежние времена значительные группы недовольных, притесняемых кочевников переходили под власть других султанов, часто уходили к кочевьям туркмен, каракалпаков, в Хивинское ханство. Почему, спрашивается, в данном случае казахские кочевники перешли в пределы Российской империи? Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть конкретные исторические условия этого периода.

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 236.

² *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 3. Спб., 1832, стр. 88, 89.

³ Журнал Министерства государственных имуществ, ч. 1, 1841.

⁴ *Иванов М.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда. – Эпоха, 1864, №12, стр. 11.

В конце XVIII и начале XIX вв. значительно усиливается колониальное проникновение царизма в Казахстан и соперничество на этой почве с Хивинским ханством. Без рассмотрения этих двух вопросов нельзя правильно понять процесс образования Внутренней орды.

Хивинское ханство, начиная с последней четверти XVIII в., стремится расширить свою территорию путем насильственного захвата кочевий соседних народов. В этом отношении особенно показательна политика хивинского хана Мухаммед Рахима (1806 – 1825), не раз совершавшего опустошительные набеги на земли туркмен, каракалпаков и в особенности казахов.¹

Пользуясь разобщенностью и отсутствием единства среди казахских родов, ободренные первыми успехами хивинские феодалы усиливали свои набеги. По сообщению одного из дореволюционных исследователей, в начале XIX в. хивинский хан внезапно напал на мирные казахские аулы, кочевавшие по Сыр-Дарье. Воины хивинского хана убили 350 человек, угнали 1035 девушек и женщин, захватили 4173 верблюда, 70,85 лошадей, 1138 голов крупного рогатого скота и 45 645 баранов. Кроме того, в виде зекета дополнительно было взято с казахского населения 17 573 барана и 2364 верблюда.²

Большая часть южных областей Младшего жуза, в частности аулы, кочевавшие в районах Сыр-Дарьи и Аральского моря до урчищ Усть-Урта, подпали под влияние Хивы. Казахское население, доведенное до отчаяния тяжелым гнетом и жестокими методами ограбления, вело непрерывную войну с завоевателями.

Хивинские феодалы приложили немало усилий, чтобы воспрепятствовать присоединению Казахстана к России, восстановить казахское население против мероприятий царского правительства в степи.

Колониальная политика царизма отличалась некоторой сдержанностью и более тонкой тактикой, чем деспотическая, открыто насильственная политика Хивы и Коканда.

Колониальное проникновение царизма в казахскую степь осуществлялось не путем непрерывного и открытого завоевания, а в основном путем постепенного вовлечения казахского населения в сферу влияния русского государства. На стороне царского правительства были и сила, и возможности для подкупа и подчинения местных начальников. Рост экономических связей казахских земель с Россией сопровождался активной политикой проникновения в степь со стороны царизма.

¹ *Иванов Н.* Казахи и Кокандское ханство. – Записки Института востоковедения АН СССР, т. VIII. М. – Л., 1939, стр. 94-95.

² *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 37-38.

Все это вместе взятое создало реальную предпосылку для еще большего сближения Казахстана с Россией.

Начиная со второй половины XVIII в. казахская знать стала часто обращаться в правительственные органы с просьбами об отводе ей земель в пределах России. Например, в 1777 г. старшина Средней орды Чобактары-Кереевской волости Ишперды Кутлучадамов просил тобольского губернатора отвести ему и управляемому им населению на «Российской стороне места» для постоянного кочевания. В своем письме он писал, что обещает служить «всемилодивейшей государыне до последней капли крови и какая служба на меня с подвластными наложена не была, исполнять готов».¹ В 1788 г. султан Щурегей из Большой орды с подвластными ему казахами перешел границы России и с официального разрешения правительства обосновался в районе Усть-Каменогорской крепости.² Факты перехода казахов отмечались в правительственном предписании начальнику Сибирского края генерал-поручику Огареву от 15 июля 1788 г., где было сказано, что «некоторые из султанов киргиз-кайсацкой Средней Орды желают переселиться во внутреннюю сторону России».³

В основе каждого из этих переселений лежали особые причины. Характер перехода и преследуемая при этом цель были различны. Вместе с тем нельзя не отметить наличия определенной общей тенденции среди части казахского общества, направленной на более тесное сближение со своим могущественным соседом.

Образование Внутренней орды безусловно отражало эту общую объективную тенденцию, определившую направление дальнейшего развития казахского общества. Вот почему население Младшего жуза, осуществляя массовую откочевку, не двинулось на юг, а предпочло перейти на территорию Российской империи. Некоторые исследователи образование Внутренней Орды рассматривают как логическое завершение длительного процесса освоения новых кочевий на правом берегу Урала, начавшегося в 50-х годах XVIII в. Такой взгляд, как нам кажется, нуждается в существенном уточнении.

Судя по архивным источникам, байские аулы, зимовавшие недалеко от р. Урала, спасая многочисленный скот в суровую зиму 1748 – 1749 гг., с разрешения Оренбургского губернатора Неплюева впервые перешли на правый берег Урала.⁴ В 1755 г. хан Нурали добился от губернатора права зимовки со скотом на «внутренней

¹ Архив внешних сношений России, ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками», оп. 122/3, св. 509, л. 2, Средняя Орда, 1777 г., л. 10.

² ЦГАДА, ф. 249, д. 6, л. 14.

³ Там же, л. 3-4.

⁴ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, д. 21, л. 6-8.

стороне».¹ Использование казахской знатью правобережья Урала в качестве зимовки несмотря на прямые запреты пограничной власти повторилось и в последующие годы. Князь Путятин, находившийся при оренбургской воинской пограничной команде, в донесении от 22 апреля 1759 г. писал, что «киргиз-кайсаки самовольством своим и в противность много воспретительного имели подтверждение, со степной на внутреннюю сторону Яика реки не только со скотом, но и кибитками своими перешли и казачьему сену потраву учинили».²

Следует отметить, что в то время вовсе не ставился вопрос о переселении казахов на постоянное жительство. Речь шла о временном пастбищном содержании части скота крупных феодалов, в особенности в зимний период. Главным образом этого и домогались Нуралихан, его родственники и влиятельные султаны.

Оренбургская пограничная администрация, непосредственно осуществляя колониальные устремления царизма в Казахстане, вела в этом вопросе двойственную политику. С одной стороны, она всецело стояла на стороне хозяйственных интересов жителей военных казачьих поселений, уже возникших в этом районе. Пограничным чиновникам были наруку апелляции против казахов, которых они обвиняли в нарушении «спокойствия», потраве сена, лугов и т. д. С другой стороны, в проведении политики колонизации пограничной администрации были нужны услуги влиятельной части казахской знати. Только совместные усилия царских колонизаторов и казахских феодалов могли на деле обеспечить ее осуществление. В силу этих причин пограничные власти вынуждены были порой удовлетворять просьбы казахской знати о пропуске их скота в район двуречья.

С конца XVIII в. характер, масштабы и мотивы перехода казахов Младшего жуза в астраханские степи стали иными. В Младшем жузе, в отличие от предыдущих времен, кипела борьба. Выступление масс против хана и его приближенных султанов приобретало общенародный характер и впоследствии вылилось в открытое народное восстание, известное в истории под названием «движение Срыма батыра». Обострение классовой борьбы было вызвано усилением феодального и колониального угнетения, ухудшением материального положения низов и средних слоев населения. В конце 80-х годов народное восстание было подавлено штыками царских солдат. Положение трудовой части казахов оставалось тяжелым. Межродовые стычки, используемые феодалами в своей борьбе за власть, после подавления движения Срыма разгорелись с новой силой, легли непомерным бременем на

¹ Там же, л. 62.

² Там же, д. 10, л. 3.

плечи крестьян-скотоводов, часть народа несмотря на препятствия стала переходить на «внутреннюю сторону». Если раньше ханы и султаны переправляли свои стада только на зиму, оставаясь сзади на прежних местах, то теперь фактически ставился вопрос о постоянном заселении этого района. Такое требование исходило от самих народных масс. Сила движения была столь значительна, что царское правительство не могло уже не считаться с ним, не рискуя потерять влияние в казахской степи.

Более того, движение батыра Срыма заставило царскую власть пересмотреть свою прежнюю политику. Ханская власть, служившая основной опорой царизма в казахском обществе, перед лицом роста классового сопротивления народа оказалась неавторитетной и слабой, особенно в Младшем жузе. Об этом красноречиво свидетельствует признание самого Нурали-хана, который в письме к барону Игельстрому от 21 июля 1785 г. писал: «...И здесь в журте киргиз-казахов я потерял доверие. Говорят, что хан де – русский хан и к нам его душа не лежит; говоря так, они отвернулись от меня и ушли. И у меня не осталось убежища ни в той, ни в другой стороне».¹

Ханская власть, как бы она усердно ни служила царизму, не удовлетворяла правительство. Более или менее сильная и активная ханская власть, пользующаяся поддержкой крупных феодалов, стремилась проводить политику местного господствующего класса, нередко расходившуюся с политикой колониализма. А слабая ханская власть нуждалась в постоянной помощи извне, не обладала достаточной силой, столь нужной для проведения колониальной политики. Правительство считало необходимым изменить существующую систему управления в жузе, заменить ханскую власть аппаратом, непосредственно подчиненным и послушным пограничным органам. Преследуя эту цель, оно стремилось использовать народное движение под руководством Срыма, одним из лозунгов которого было уничтожение династических привилегий потомков хана. Прикинувшись сторонником восставших, правительство поспешило заменить ханскую власть советом старшин и биев.

Такое преобразование оказалось преждевременным и потерпело неудачу. Ханская власть была восстановлена. Тогда в качестве предварительной меры на пути к ликвидации ханской власти царское правительство задумало разделить Младший жуз между несколькими ханами. Дробление ханской власти, как рассчитывал царизм, должно было привести к потере авторитета власти ханов и в последующем – к ее ликвидации.

Практическое осуществление этой идеи стояло в центре внимания

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 56.

колониальной политики. Екатерина II предложила оренбургскому генерал-губернатору «постараться умножить их число (т. е. ханов. — С.З.), чтобы каждый из таковых ханов не был силен в орде и зависел от Вас, как и прочие подчиненные Вам в губернии и по уездам».¹ Комитет по азиатским делам так охарактеризовал политику бывшего пограничного начальника Игельстрема: «Сей генерал для успешного введения в Меньшей Орде тишины и благоустройства находил тогда весьма полезным ослабить ханов, умножить число их, по крайней мере, до троих, и ограничить их круг действия таким образом, чтобы они, владельцы, в существе своем были только исполнителями воли Оренбургского начальника и даже, возможно, уничтожить совершенно ханское достоинство».²

После образования Букеевской орды, когда встал вопрос об официальном признании двух ханов в Младшей орде, оренбургский военный губернатор Волконский в рапорте на имя императора 14 октября 1811 г. писал: «Судя по политическим обстоятельствам здешнего края, сопредельного с диким сим народом, я для пользы собственной России могу заключить, что такое разделение не токмо не вредно, но еще по некоторым отношениям полезно».³

Правительство вовсе не было намерено осуществлять дробление ханства за счет уступки части территории внутри империи. Но поскольку тенденция к переселению на правобережье Урала возникла не по его воле, оно поспешило использовать народное возмущение в своих интересах.

К этому времени произошло одно важное событие, во многом предрешившее переход казахов на правобережье Урала. Калмыки, населявшие раньше низовья рек Волги и Урала, в знак протеста против усилившегося колониального угнетения оставили эти земли и перекочевали в Джунгарию.

Правительство в новых условиях сочло необходимым пойти «навстречу» стремлениям казахского населения перейти на «внутреннюю сторону». Этим самым оно рассчитывало не только ослабить ханскую власть, подготовить почву к ее ликвидации, но и стремилось войти в доверие к народу, что было весьма важно для успешного проведения политики колониализма. Уступая территорию, правительство намеревалось также в той или иной степени разрядить напряженность классовой борьбы в Младшем жузе, начинавшей принимать антиколониальный характер.

¹ См. *Вяткин М.* Батыр Срым. М. - Л., 1947, стр. 246.

² См. *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 8.

³ ЦГИА, ф. 109, оп. 1, д. 9, л. 13.

Таким образом, Внутренняя казахская орда возникла не как порождение колониальной политики. Факты говорят, что, наоборот, колониальная политика приспособливалась и использовала в своих интересах создавшуюся в Младшем жузе обстановку.

Царское правительство своевременно позаботилось о том, чтобы переселение совершилось «организованно», во главе с вожаком, который стал бы надежным исполнителем воли пограничных властей. Такой личностью оказался султан Букей, председательствовавший в то время в ханском совете. Когда встал вопрос об официальном признании Букея ханом на «внутренней стороне», начальник Оренбургского края охарактеризовал его как человека преданного «престолу высокомонаршему».¹

В свою очередь султан Букей, стремясь к власти и не рассчитывая получить ее в Младшем жузе, пользуясь решительной поддержкой правительства, склонен был перейти на правый берег Урала и обосновать там свое ханство. Чтобы стать во главе переселенческого движения, он умело разыгрывает роль «защитника» народных интересов. Через командира астраханского казачьего полка полковника Попова Букей обращается к астраханскому губернатору Кноррингу с просьбой, чтобы последний стал ходатаем перед императором России о разрешении ему, султану Букею, с его «приверженными» казахами перейти на территорию между Уралом и Волгой на «вечное жительство».

11 марта 1801 г. последовал указ Павла I, в котором говорилось следующее: «Председательствующего в Ханском Совете киргизкайсацкой Малой Орды Букея султана, сына Нуралиханова, принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю ему золотую медаль с моим портретом».

Из всего сказанного вытекает главный и решающий вывод, что в основе массового переселения казахов Младшего жуза в пределы России и образования нового казахского общества между Волгой и Уралом лежала особенная политическая обстановка, сложившаяся непосредственно вслед за подавлением народного восстания в жузе в конце XVIII в.; существенное значение имел и пастбищный вопрос.

С нашей точки зрения, предпосылки, обусловившие образование Букеевской орды, складывались внутри самого казахского общества. Ни колониальная политика, ни воля султанов не определяли природу этого движения, хотя они и оказывали какое-то влияние на развитие самого процесса.

Образование Внутренней орды способствовало непосредствен-

¹ ЦГИА, ф. 109, оп. 1, д. 9, л. 14.

ному соприкосновению части казахов не только с колониальной администрацией, но и, что особенно важно, с русским народом. Трудящиеся казахи судили раньше о русском народе, как правило, только по действиям колониальных властей, царских чиновников и карательных отрядов. Получив возможность общения с русским народом, казахи познакомились с богатой духовной культурой. Но этим не ограничивалось значение образования нового владения. Общественные отношения казахов подвергались относительно активному прогрессивному воздействию со стороны России. Со временем Внутренняя орда стала живым свидетельством того, что может принести отсталому казахскому народу присоединение к России и более тесное с нею сближение.

Таким образом, в начале XIX в. на территории Казахстана существовали три основных ханства: Малая орда, Средняя орда и Внутренняя орда. Земли Старшего жуза частью находились под властью хана Средней орды, частью были оккупированы среднеазиатскими ханствами. В свою очередь, в пределах Малой и Средней орд существовал ряд крупных феодальных владений, претендовавших на политическую самостоятельность.

Порядок замещения ханской власти

Господствующие классы придавали особое значение режиму и организации замещения верховной власти. При этом ими утверждались такие методы и формы, при которых было легче осуществить свои замыслы и создать наибольшее препятствие стремлениям своих противников. Как правило, возведение на престол государя, в особенности в феодальную эпоху, сопровождалось сложным, внешне эффектным ритуалом, в который входили традиционные приемы, взятые нередко из арсенала глубокой старины. Одно лишь внешнее оформление прихода к власти государя должно было внушить непросвещенному, отсталому, забитому народу трепет, страх и благоговение перед силой власти. Наиболее выгодные и испытанные историей формы замещения власти стараниями господствующего класса закреплялись и превращались в обычай. Особенности и перипетии замещения верховной власти в феодальных землях ясно прослеживаются в условиях Казахстана.

Следует сказать, что казахские ханы избирались только из султанов. Даже в период глубокого упадка престижа и экономической силы султанства крупная родовая знать, осуществляя иногда фактическую

власть, не осмеливалась провозглашать ханами своих представителей. Батыры Джанибек и Бугенбай в середине XVIII в. пользовались громадным влиянием среди родов Среднего жуза. Однако они так и не дошли до провозглашения себя ханами даже в тех местах, где имели полную, независимую власть. Между тем второразрядные султаны, нередко находившиеся под их влиянием, титуловались ханами. В конце XVIII в. Срым-батыр в Младшем жузе возвысился до народного вождя. Абсолютное большинство населения, покинув хана, перешло на сторону Срыма. Он стал фактическим главой Младшего жуза. Тем не менее его не провозглашали ханом. Сила сложившейся традиции настолько еще была велика, что Срым-батыр намеревался управлять жузом через подставного хана-султана. Так было и в период крестьянского восстания во Внутренней орде в 30-х годах XIX в. Исатай Тайманов, пользовавшийся поддержкой крупных кочевых коллективов, борясь против хана Джангера, не стремился захватить ханскую власть, хотя придерживался царистской идеологии. Прочность традиции, по которой ханами могли быть только султаны,¹ по-видимому, можно объяснить тем, что султанская группа была наиболее богатой в экономическом отношении, сильной и организованной кастой феодального класса. Правда, число султанов по сравнению с родовой знатью было значительно меньшим. При этом следует учесть следующие обстоятельства: а) султаны, считавшие себя потомками Чингис-хана,² опирались не только на слаженную сословную организацию, чего нельзя сказать о родовой знати, жившей интересами небольших мирков, но и на политическую силу чингисидов, господствовавших в среднеазиатских, татарских и других соседних землях; б) эпоха господства Чингис-хана и его детей, внуков на территории Казахстана, отличавшаяся, как и везде, установлением порядка устрашения и безропотной покорности народа, оставила в наследство новым поколениям преклонение перед авторитетом их власти и признание за их потомками права отправления высшей власти. И до тех пор, пока подобное представление прочно держалось в сознании людей, нарушение этого правила не могло не повлечь за собой серьезных последствий. Ханская власть в Казахстане была ликвидирована именно тогда, когда память о власти чингисидов ослабела и находилась на грани окончательного исчезновения.

¹ Подробно о султанах см. работу С.З. Зиманова «Общественный строй казахов первой половины XIX в.». Алма-Ата, 1958.

² Вполне вероятно, что султаны частью являлись потомками Чингис-хана, частью потомками его крупных политических и военных сановников. В литературе отмечалось, что Чингис-хан имел около 500 жен. При таком положении не исключена возможность наличия многочисленного потомства.

Ханская власть передавалась по наследству. Законными наследниками считались братья, дети, внуки. Были и исключения из этого правила, и они, если одобрялись знатью, не считались нарушением традиции. Например, после смерти хана Среднего жуза Абулмамбета во второй половине XVIII в. при наличии его взрослых детей ханом избрали Аблая, происходившего из другого султанского дома. Аблай обладал большой силой и успел к этому времени подчинить своей власти огромные земли. В наследовании власти преобладал завещательный способ над призыванием по закону. Как сообщала ханша Папай оренбургскому губернатору Неплюеву, Абулхаир-хан (умер в 1748 г.) при своей жизни назначил своим преемником старшего сына – Нурали.¹ Хан Внутренней орды Букей (умер в 1815 г.) завещал свою власть сыну Джангеру, а до его совершеннолетия – младшему брату Шигаю Нуралиханову. В свою очередь Джангер просил пограничные органы власти утвердить наследником сына Сахыбгирея.²

Завещание делалось устно, в присутствии представителей крупной знати, а иногда в кругу советников и влиятельных родственников. В начале XIX в., с введением писмоводителей в штат ханского аппарата, завещание стало оформляться и в письменной форме (при Букее Нуралиханове). Присутствующие, как это можно понять из некоторых сообщений, выражали свое отношение к завещанию и при согласии с ним давали заверение-клятву.

Управляющие родами во Внутренней орде в письме султану Шукке Нуралиханову от 25 июня 1815 г. писали, что хан Букей «до своей кончины составил завещание в нашем присутствии и назначил наследником ханства в качестве владельца киргиз-казахскими общинами своего родного сына султана Жангера Букей-улы..., но так как ему от роду еще только 14 лет, то до его совершеннолетия (хан) назначил к нему своего родного младшего брата Шигаю Нуралихан-улы... Мы все единодушно выражаем свое согласие и одобрение, так как мы своим особым верительным актом обязались исполнять завещание без всякого нарушения...».³

Исполнение завещания и избрание хана во многом зависело от отношения многочисленной крупной знати, а также от влияния и веса ханской фамилии в обществе.

Ханская власть часто переходила к представителям боковой ветви, которые, по древнему обычаю, пользовались предпочтением перед детьми. После Нурали-хана в Младшем жузе (1749 – 1780 гг.)

¹ Добросмыслов А.Н. Тургайская область. Исторический очерк, т. I, вып. I. Оренбург, 1900, стр. 85.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 14.

³ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.- Л., 1940, стр. 271-272.

власть перешла к его брату Брали (1784 – 1794 гг.), а от него к сыну первого – Ишиму Нуралиеву (1794 – 1798 гг.). После убийства Джантюре Айчувакова (1811 г.) ханом Младшего жуза был избран его брат Ширгазы. В вопросе о том, к кому должна переходить власть, решающее значение имела не столько сложившаяся традиция, сколько экономическое и политическое влияние и вес каждого из законных наследников. В любом случае требовалось согласие феодального съезда, точнее, новый хан должен был предстать перед именитыми местными феодалами и взойти на престол с соблюдением традиционного ритуала.

Утверждение нового хана никогда не происходило без ожесточенной борьбы между претендентами на власть, часто между законными наследниками. В борьбе за власть имела значение и родословная ханских династий. Ханский дом Джадика, откуда выходили многие видные ханы, считался старшим. Он претендовал на то, что ханская власть как в Среднем, так и в Младшем жузах по примеру прежних лет замещалась его представителями. Напротив, представители дома Осека, выдвинувшего из своей среды Абулхаир-хана, стремились закрепить власть хотя бы в Младшем жузе за своей династией.

Султан Арынгазы, вступивший на политическую арену в 1815 – 1820 гг., в борьбе с ханом Ширгазы Айчуваковым пытался использовать и то, что последний представляли дом Осека, а не Джадика. Как известно, Срым-батыр, возглавивший народное движение, выступал не вообще против ханской власти, а только за лишение ханского права потомков Абулхаира.

Избрание хана на вассальных территориях происходило в иных формах, чем на землях сюзеренов. Здесь преобладало засилие и навязывание ханов со стороны сюзерена. Известно, что при жизни отца Нурали был «избран» ханом в районе Приаралья «после многих споров и даже кровопролитий», которыми ознаменовал Абулхаир вступление сына в ханство, подавляя сопротивление населения. Другого сына, Ералия, он навязал в ханы роду Керей в Среднем жузе.¹ В 1774 г. Аблай по «просьбе» уйсунских старшин направил к ним своего сына Адила.²

Казахские главные ханы являлись вассалами России. Приход к власти того или иного хана не только зависел от усмотрения родовой знати, но и в известной степени определялся отношением царского правительства.

Влияние России на избрание ханов началось с утверждения императором ханов, выдвинутых феодальными съездами. Вначале счи-

¹ *Гладышев*. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740 – 1741 гг. Спб., 1851, стр. 2-3.

² *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. Спб., 1904, стр. 5.

талось удобным не вмешиваться во внутренние дела ханств, дабы не вызывать противодействия, а добиваться постепенного и полного признания за правительством права одобрять и утверждать кандидатов в ханы. С этой целью оренбургский губернатор Неплюев направил в 1749 г. одного из своих чиновников в кочевья казахов Младшего жуза, чтобы убедить султанов и родовых начальников в необходимости направления особого посольства в Петербург по избрании Нурали ханом для утверждения императрицей.¹ Первый шаг возымел успех. 26 февраля 1749 г. императрица подписала первую грамоту об утверждении казахского хана. В дальнейшем царское правительство все больше подчиняло ханов и следило за тем, чтобы в ханы избирались угодные ему султаны. Однако это не всегда удавалось. Нередко ханы-наместники, одобренные пограничными органами, игнорировались народом, были ненавистны ему. В таком положении оказались почти все официальные ханы Младшего жуза начала XIX в. (Айчувак, Джантюре, Ширгазы). Действительная власть принадлежала тем султанам, которые хотя не получили утверждения правительства, но были провозглашены ханами в порядке местной инициативы в степи (Арынгазы, Каратай, Темир и др.).

Как было указано выше, новый претендент на ханскую власть нуждался в официальном признании феодального съезда. Каких-либо норм, определяющих состав съезда, не существовало. Правом пребывания на нем пользовались все взрослые мужчины. Однако, по сложившейся традиции, решающим голосом при избрании хана обладали только представители крупной знати, выступавшие как уполномоченные от имени родов. Как указано у Д. Левшина, записавшего из уст участников ханских выборов, съезду «сильнейшие дают направление». Феодальный съезд делился на главное совещание, где решались вопросы по существу, и на частные совещания, организованные обычно по родам, где формировались мнения и обсуждались позиции представителей рода на главном совещании. На частных совещаниях полностью господствовала крупная знать, и ее мнение выдавалось за мнение целого рода. Представители простого народа, присутствовавшие на выборах из-за любопытства или в качестве личной свиты, охраны султанов, биев, батыров и старшин, по своему положению не могли претендовать на особую позицию и свободно выражать классовую волю. Крупная знать, заседавшая на главном совещании, в конечном счете решала и вершила все дела так, как она хотела. По существу, эти совещания являлись большими и малыми феодальными советами, составляющими феодальный съезд.

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. Спб., 1832, стр. 178 – 179.

Отсутствие формального ограничения в праве выборов ханов, возможность участия в них и низших слоев населения, само по себе являлось пережитком, мало или почти не влияющим на решение съезда. Знать почти не возражала против участия на выборах хана многочисленного народа, поскольку она видела в этом не столько выражение его самостоятельности, сколько признание и одобрение большим количеством людей ее авторитета, власти и воли. На выборах Нурали-хана в 1748 г. участвовало до 1000 человек. Но непосредственно в избрании хана участвовало от каждого рода по 10 человек – наиболее родовитые и влиятельные феодалы.¹ По некоторым данным, при провозглашении Аблая ханом в 1772 г. присутствовало до 7000 человек. Однако в решении вопроса принимали участие только знатнейшие старшины.²

Академик А. Левшин дает наиболее полное и правдивое описание организации и обычаев избрания хана, которые он наблюдал сам, непосредственно. Мы позволяем себе привести его здесь полностью. «Любопытнейший и важнейший обряд киргиз-казачий есть избрание хана, – указывает он. – Опишем оный подробно.

Как скоро в назначенное для сего время и место начнет собираться народ, тотчас открываются частные совещания, тотчас составляются маленькие круги для решения, кого избрать себе главою и кому поручить быть представителем каждой толпы в Верховном Совете знатнейших правителей народных. Когда число прибывших на выбор сделается довольно велико, назначают решительное общее собрание и расстилают рядами ковры и войлоки, на которых султаны, старейшины, бии и родоначальники садятся по старшинству в знатности, или власти, а простой народ становится за ними сзади. Начало сего заседания, как и везде, тихо, а окончание всегда шумно. Почетнейшие по летам и опытности открывают оное; смелейшие оживляют; сильнейшие дают направление; и, наконец, все вместе производят споры, которые продолжают иногда дня два, три и более. Когда же хан избран, несколько знатных султанов и старшин идут объявлять ему о том, сажают его на тонкий белый войлок и, подняв на головы свои, опять опускают на землю. Тут на смену их с стремлением бросается народ также поднимать нового повелителя своего и качать его несколько времени при громких восклицаниях и криках. В заключение войлок, служивший вместо трона, а иногда самую одежду ханскую разрывают на мелкие части, и всякий старается унести с

¹ *Вельяминов-Зернов В.* Исторические известия о сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхайр-хана, т. I. Уфа, 1853, стр. 15.

² Памятная записка Западной Сибири. Омск, 1882, стр. 61.

собой какой-нибудь из них лоскуток, как памятник того, что он был участником выбора».¹

При выборах хана Нурали, происходивших 2 октября 1748 г. на берегу р. Каинлы (левый приток Иргиза), по свидетельству чиновника Гуляева, лично присутствовавшего на них, участники съезда после избрания хана расходясь захватили с собою «...по обычаю весь принадлежащий новому хану скот, который, обыкновенно, потом с лихвой заменялся ханам подарками - скотом же от каждого рода, отделения и подотделения».²

Одним из непременных символизирующих избрание хана условий является поднятие знатью нового государя на тонком белом войлоке. При избрании Абляя ханом «собравшиеся родоначальники, подняв его на белом тонком войлоке, осыпали похвалами за храбрость и проворство и пересказывали друг другу одержанные им победы».³

Этот обычай уходит своими корнями в древность. Он соблюдался в период Чингис-хана и татарских ханов. Смысл его состоял в том, что власть хана, как власть, возвышающаяся над властью других, не только признается, но и будет поддержана его вассалами.

Своеобразен институт «хан-талау». Белый войлок, на котором взойшел «к небу» новоизбранный хан, а иногда верхняя его одежда, разрезался на куски и раздавался участникам выборов.⁴ При избрании Нурали ханом часть принадлежавшего ему скота была роздана участникам съезда. Более того, новый государь в заключение нередко устраивал весьма разорительное для себя празднество с угощением участников и установлением призов на различных играх. По мнению крупного знатока жизни казахов, ученого и государственного чиновника, в течение ряда лет занимавшего ответственные должности в дореволюционном Казахстане, А.Н. Добросмыслова, «хан-талау» означал «кроме чести иметь что-либо из имущества хана, что новоизбранный будет содержаться на народном иждивении».⁵ По его словам, все расходы хана с лихвой впоследствии возмещались различными приношениями и подарками, которые обязана была принести хану каждая признавшая его родовая группа.

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 126-127.

² Добросмыслов А.Н. Тургайская область. Исторический очерк, т. I, вып. I. Оренбург, 1900, стр. 96.

³ Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Спб., 1904, стр. 6.

⁴ При избрании Абляя ханом, как описывает Ч.Валиханов, «изорвали на мелкие лоскутки и разделили между собой его верхнее платье, всякий доволен был доставшейся ему безделкой и провозглашал достоинства избранного хана» (Ч. Валиханов. Сочинения. Спб., 1904, стр. 6).

⁵ Добросмыслов А.Н. Тургайская область. Исторический очерк, т. I, ч. II. Оренбург, 1900, стр. 86.

По-видимому, раздача ханского скота составляет остаток древнего обычая, и мы не располагаем никакими данными о том, что она практиковалась при избрании казахских ханов в конце XVIII и начале XIX вв.

Царское правительство в выборе ханов вело двойную политику. С одной стороны, оно не осмеливалось пойти на нарушение старых, традиционных форм избрания ханов, стараясь впоследствии подчинить их своим целям. Вместе с тем правительство понимало, что дальнейшее сохранение этих форм в интересах колониализма нежелательно и будет препятствовать введению системы управления, основанной на административном назначении. С другой стороны, внешне оказывая поддержку старому обычаю, оно старалось ввести параллельно новую форму выбора ханов, призванную быть переходной ступенью к ликвидации по существу выборов вообще.

Приведем несколько характерных примеров, раскрывающих сущность этих нововведений. Оренбургский военный губернатор в начале 1805 г. особым письмом оповестил всех султанов, биев и других родоначальников об «увольнении» хана Младшего жуза Айчувака по старости по личной его просьбе и пригласил их собраться к сентябрю близ г. Оренбурга для избрания нового хана. Предполагаемый кандидат в ханы султан Джантюре был приглашен в августе в Оренбург для переговоров.

Накануне «избрания» нового хана прибывшие родовые начальники удостоились угощения со стола губернатора Волконского. Начало и день выборов торжественно ознаменовались артиллерийскими салютами и парадом войск. Как сказано в официальной записи о выборах, губернатор произнес речь, в которой в частности пожелал, чтобы «избран был ханом достойнейший, который бы сохранил их спокойствие и старался о благоденствии всего подвластного ему народа...». Затем он «удалился от собрания на некоторое расстояние, предоставив им полную свободу к выбору... В короткое время после сего прибыло к военному губернатору депутатство, состоящее из султанов, биев и старшин, с донесением, что все киргизские роды избрали единодушно султана Джантюре ханом; посему военный губернатор послал штаб-офицеров поздравить вновь избранного хана и пригласить его с султанами, старшинами и лучшими людьми переехать в приготовленный лагерь, а оттуда – к обеденному столу, и в то же самое время по данному сигналу приказал ознаменовать выбор 51-м пушечным выстрелом с полуденного фасада Зауральского менового двора для неувядаемой славы благодетельствующего повсюду монарха...».¹ Такой же церемониал был соблюден и при избрании ханом султана

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.–Л., 1940, стр. 2307

Ширгазы в 1812 г. Как сообщает А. Левшин, после чтения грамоты императора об утверждении его ханом он «стал на ковре на колени и произнес торжественно перед алкораном присягу в верности России, повторяя слова оной вслед за читающим ее по утвержденной форме первенствующим из магометанского духовенства. В заключение поцеловал он коран, поднял его на голову и, встав, приложил к присяжному листу вместо подписи печать свою».¹ Нельзя не заметить всей фальши «избрания народом» хана. Уже заранее, до «выборов», часть крупных феодалов подкупалась угощениями и подарками, а вся выборная кампания проходила в присутствии многочисленных чиновников и войск, внушавших страх участникам.

Разумеется, при таком положении оставалось мало места для мнения представителей родов. Такие «выборы» не могли занять много времени, и их задача сводилась к формальному признанию того, что было в первую очередь угодно пограничным властям. Характерно, что во время избрания султана Брали подобным же образом ханом в 1791 г. влиятельные родоначальники Младшего жуза султан Габдулгазиз, батыр Срым, бий Каракобек, бий Басыкара, под влиянием которых находилось большинство населения, выступили против его кандидатуры. На это губернатор ответил, что решение не может быть изменено, поскольку оно выражает волю императора.²

Насильственно навязанные ханы-наместники зачастую лишались поддержки основной массы родов и части знати. На них смотрели не как на избранных «народным собранием» правителей, а как на ставленников колониальных органов. Часть населения, отложившись от хана-наместника, провозглашала нередко своих ханов «по народному обычаю». Несмотря на известное сопротивление местной знати и силу влияния старых обычаев, замещение ханской власти все больше становилось полномочием колониальных органов. Соответственно этому ханы превращались в государственных наместников в казахской степи. Все это находилось в тесной связи с активными наступательными действиями царизма в Казахстане.

Власть и права хана

На территории Казахстана находилось несколько политически независимых владений во главе с ханом: кроме основных ханов жузов существовал ряд «местных», «родовых» ханов. Разумеется, объем

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 131.

² Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 865.

и пределы власти их также были различны. Одни из них обладали сильной властью, способной поддерживать желаемый порядок, другие носили титул хана чисто номинально. Однако все они в одинаковой степени были знакомы со своими правами, опирающимися на историческое прошлое, стремились реализовать их. Но не каждый из них мог воспользоваться ими. Таким образом, между правами ханов и их фактической властью существовал разрыв, величина которого была различна в различных ханствах. В обобщающем исследовании нельзя, разумеется, с одной стороны, увлекаться частными случаями, отдельными отклонениями, а с другой – нельзя также отбрасывать особенности, не учитывать их. Мы не можем, безусловно, заниматься рассмотрением объема и характера власти каждого в отдельности казахского хана. Наилучшим, по-видимому, является изучение ханской власти по типичным группам, с тем чтобы раскрыть то общее, что присуще ей вообще.

Казахских ханов конца XVIII и начала XIX вв. по характеру их власти можно разделить на две группы: 1) ханы, перешедшие на службу к царскому правительству и фактически ставшие его ставленниками; 2) ханы, сохранившие относительную политическую самостоятельность.

Правители первой группы назначались и утверждались колониальными органами или, во всяком случае, стали таковыми с его полного одобрения. К ним относятся в первую очередь ханы Младшего жуза со времени восшествия на престол султана Нурали, ханы Внутренней орды султаны Букей и Джангер. Их положение свелось к роли во многом обыкновенных государственных чиновников. Они потеряли престиж и влияние не только среди трудящихся масс, но и среди определенных слоев знати, в особенности средней и мелкой. Осуществляя политику пограничных органов, они в то же время обращали мало внимания на местные интересы. В силу этого, игнорируемые обществом, они обладали непомерно слабой властью или устанавливали насильственные порядки, опираясь на поддержку и штыки царского правительства. В этих ханствах традиционные формы отправления власти и управления подданными постепенно видоизменились; изменялось и их содержание.

Считая себя вассальными правителями русского государства, они иногда высказывали недовольство чрезмерным вмешательством пограничных органов в их внутренние дела. Правительство смотрело на них как на временных союзников, исполнявших в большей степени обязанности чиновников, которых в удобный день следовало убрать и заменить более покладистыми. В этой связи нельзя не вспомнить

слова К. Маркса, сказанные им об индийских туземных князьях, перешедших на службу английскому колониализму. «Они фактически перестали существовать с того момента, – писал К. Маркс, – как они подпали в зависимость или под протекторат компании (английской. – С.3)». Характеризуя самомнение и бессилие местных князей, он далее указывал, что «условия, на которых им дозволяется сохранить свою мнимую независимость, суть вместе с тем условия неуклонного упадка и полной невозможности дальнейшего развития. Органическое бессилие – основной закон их существования, как всякой жизни, существующей постольку, поскольку ее терпят».¹ Эти характеристики вполне могут быть приложены и к казахской действительности. Ко второй группе ханов могут быть отнесены Арынгазы, Каратай, Темир, Маненбай, отчасти ханы Среднего жуза и многие другие, державшие под своей властью не менее значительные территории, чем первые. Владения части этих ханов лежали на границе и по соседству с владениями указанных ханов первой группы, и некоторые из них орудовали во владениях официальных ханов, подрывая их власть.

Ханы второй группы также придерживались определенной политической ориентации: прорусской, прохивинской, прокитайской, монархической и местной. Нас эти вопросы в данном случае мало занимают, поскольку они почти не влияли на объем их внутренней власти и прав. Для них характерна связь с местной феодальной знатью, интересы и устремления которой они выражали. В формировании внутренней и внешней политики ханств больше всего сказывались узкокласовые требования местных феодалов. Некоторые из правителей приобрели огромную власть над подчиненными коллективами. В их землях более или менее сохранились традиционные формы и методы ханского управления.

Для сравнения можно взять Нурали и Аблая, являвшихся ханами до 80-х годов XVIII столетия соответственно в Младшем и Среднем жузах. Первый был ставленником правительства, второй стал ханом в борьбе с претендентами. Нурали-хан почти не имел власти в жузе (часть его вассалов признала власть Аблая, часть образовала самостоятельные владения). Постоянно подвергаясь нападениям со стороны своих же подданных, он был не в состоянии организовать защиту даже своего собственного дома, не говоря уже об охране интересов ханства в целом. Нередко обращался к колониальным властям с просьбой о посылке в степь военного отряда для борьбы с его противниками.² Уфимский и симбирский генерал-губернатор

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IX, стр. 389.

² Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, т. III. Спб, 1832, стр. 183.

А. Апухтин 16 сентября 1783 г. доносил императрице о том, что «ни хану (Нурали. – С.З.), ни султанам, у которых роды их под начальством, не только ни малого повиновения не оказывают, но и иногда самого хана лошадей и окот отгоняют».¹ Именно его, хана Нурали, чиновник Н. Рычков называл «мнимым начальником».²

Бессилие Нурали объяснялось не столько тем, что он не выделялся особыми талантами политического деятеля, сколько тем, что, войдя в союз с пограничными органами и взявшись за проведение колониальной политики среди казахского населения, лишился той поддержки знати и народа, которой в известной мере пользовались прежние ханы. Опираясь на вооруженную силу царизма, он не останавливался перед жестокими притеснениями и ограблением народа, чем окончательно оттолкнул от себя широкие массы. В одном из писем на имя губернатора края Игельстрома большая группа старшин в 1783 г. писала о злоупотреблениях хана Нурали: «Ежели из народа нашего российскими кто-либо за какую вину захвачен, да после из милости отпущен будет, с тех он, хан, по 20 кобыл или 20 кобыл цену берет... Когда и с покупных нами для службы нашей персиян и калмык некоторые, пришедшие в огорчение, на форпосты ваши бегут, о коих форпостные начальники вам знать не дают, а сделав согласие, оных наших служителей хан к себе берет и во услужение свое употребляет или постоянным людям продает, называя их, якобы ему от вашей стороны отданы, а хозяевам не отдает, каковы у него, хана, весьма много находится».³ Во время перегона скота на правый берег Урала хан взимал с каждого гурта скота по лошади и барану. Сверх того, его дети, коих насчитывалось более 40 человек, требовали от кочевников своей доли скота.⁴

Злоупотребления хана приняли настолько опасный характер, что оренбургское начальство вынуждена было сделать ему предупреждение. Разумеется, подобное действие правителя не могло не вести к его изоляции и потере всякого авторитета в обществе. Об этом он сам откровенно признавался в письме своему пограничному начальнику от 21 июля 1785 г.⁵

Совершенно в ином свете выглядела власть Аблай-хана в Среднем жузе, получившего официальное признание царского правительства только накануне своей смерти. Аблай как предводитель выдвинулся

¹ *Добросмыслов А.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904, стр. 10.

² *Рычков Н.* Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1872, стр. 24.

³ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 56.

в период временного сплочения родов в борьбе с джунгарами. Повидимому, это сильно сказалось на его последующей деятельности в период относительного затишья. Чрезвычайные полномочия, данные ему в тяжелое для страны время, он, опираясь на поддержку влиятельной группы крупной знати, постарался закрепить за собой навсегда. И надо сказать, что в известной степени он в этом преуспел. В частности, он узурпировал некоторые права феодальных съездов и совета, установил личную диктатуру, подавлял оружием внутренних врагов, сам выносил смертные приговоры, считавшиеся раньше непременной функцией феодального совета или съезда. Чокан Валиханов, приходившийся, как известно, внуком Аблаю, по свежим воспоминаниям знати об Аблае приводит такой типичный эпизод. Как-то Аблай готовил ополчение для нападения на аул бия и батыра Ердена из рода Уйсунь за незначительный проступок. «Хан был на этот раз так недоступен, что никто не решался вымолвить словечко в пользу виновного», и только знаменитый Бухар-жырау, пользовавшийся его уважением, решился по просьбе массы на такой шаг.¹

В специальной научной статье «Аблай», напечатанной в свое время в энциклопедическом словаре, Ч. Валиханов отмечал, что «ни один киргизский хан не имел такой неограниченной власти, как Аблай».²

То же самое говорит история о других современниках, о ханах Младшего жуза начала XIX в. Ширгазы Айчувакове и Арынгазы. Первый имел императорскую грамоту на занятие престола, у второго ее не было. Первый получал государственное жалованье как наместник, второй – нет. Ширгазы пользовался поддержкой царских отрядов, Арынгазы такой поддержки извне не имел. Арынгазы был провозглашен ханом родовыми коллективами бассейна Сыр-Дарьи в 1835 г., и его влияние росло с каждым годом, заставляя хана Ширгазы весьма серьезно тревожиться за свою власть. Власть Ширгазы, наоборот, оказывала весьма слабое влияние на общественно-политическую жизнь населения, царские чиновники постоянно его упрекали за бездействие. При нем не прекращались внутренние раздоры, не была обеспечена безопасность торговых караванов, продолжались пограничные конфликты.

Арынгазы, еще до того как стал с изволения правительства председателем ханского совета (1817 г.), попытался поставить хана Ширгазы в подчиненное положение, относя в его пользу только третью часть своего ханского дохода. При вступлении же в ханский совет он оказался фактическим владельцем почти всего жуза.

¹ Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Спб. 1904, стр. 313.

² Там же, стр. 6.

Определенное представление о характере диктатуры хана Арынгазы дает донесение, написанное им на имя оренбургского военного губернатора Волконского 18 мая 1816 г. Сообщая вначале о том, что он избран ханом знатью родов Шекты, Каракесек, Торткара, Сейткул, он писал о решительных мерах, предпринимаемых им для ликвидации взаимного нападения (барымты) и достижения согласия между враждующими родами. Он не останавливался перед массовым применением смертной казни в отношении воров и ослушников. «...Чрез устрашивание уничтожили междоусобную баранту и с таковым притом подтверждением, что будь кто во время здравствования нашего пуститься на оную, то в таком случае оной будет умерщвлен, а имение будет разграблено, что уже над несколькими ворами и исполнили».¹ Рисую жестокость и единовластие, установленные Арынгазы, переводчик Министерства иностранных дел Ярцев, лично побывавший в ханском лагере, сообщал 24 ноября 1821 г. в Азиатский департамент, что он установил: такой порядок, при котором «во время разговора никто не смеет прервать его и доказать несправедливость предлагаемого».²

Приведенные факты говорят о том, что, как правило, власть ханов, открыто перешедших в лагерь колонизаторов, по понятным причинам лишалась поддержки не только основной массы народа, но даже и части крупной знати. Она была слаба до такой степени, что без стоявших за нею солдатских штыков не просуществовала бы и одного дня. Наоборот, власть ханов, выдвинутых знатью без влияния колониальных властей, была относительно независима и сильна.

Роль ханов в обществе в первую очередь определялась прочностью вассальных отношений местной знати. Интересы многочисленных местных феодалов, державших в своих руках управление в кочевых коллективах, были главным в политике. Хан, выражавший интересы знати, находил в ней опору и, используя ее, иногда добивался большого влияния в обществе. Наоборот, ханы, в значительной степени игнорировавшие интересы феодалов или пытавшиеся сочетать удовлетворение их интересов с проведением колониальной политики царизма, главным образом опираясь на его мощь, в определенный период встречались с сильной оппозицией со стороны части влиятельной знати, а следовательно, лишались поддержки вассалов. Появление на исторической арене такого рода ханов само по себе способствовало усилению ханов, державшихся в политике иного направления.

Вассальная верность местной знати была той силой, на которую

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 297.

² Там же, стр. 379.

опирались в своей деятельности сюзерены. Не без основания Н. Рычков указывал, что «чем больше кто из них (т. е. ханов. – С.З.) имеет своего роду, тем больше его могущество в народе, потому что он в случае нужды может употребить силу семьи своей вместо правосудия и обороны. Таким образом, если есть нужда склонить к чему-нибудь киргизов, надлежит к тому согласить не столько самого хана, сколько начальников многолюдных семей».¹

Ханская власть во Внутренней орде имела некоторые особенности, в основе которых лежали следующие факторы: а) небольшая территория орды; б) окружение царских охранных частей, близость к административным центрам России; в) сближение кочевых коллективов и их относительное сплочение под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений; г) сохранение ханской власти и после ликвидации ее в других частях Казахстана. Начиная со второй четверти XIX в. во Внутренней орде происходит централизация власти в руках хана за счет ограничения и ликвидации местной административной автономии. Этому в какой-то мере способствовало отсутствие на территории орды сложившихся крупных феодальных владений. Некоторые слои знати, напуганные развивающимися антифеодальными выступлениями скотоводов-казахов, не прочь были уступить часть своей свободы в пользу усиления центральной власти.

Джангер-хан, опираясь на эти слои феодального класса и на российские штыки, начал проводить активную политику ликвидации местных феодальных автономий и сосредоточил в своих руках почти всю власть. Сам хан стал смотреть на орду как на свою вотчину.²

Все больше внедряются в орде бюрократические методы управления, резко падает роль феодальных советов, собраний. Начальники родов и родовых подразделений начинают назначаться центральной властью. Если к 1827 г. в трех родах – Байбакты, Ногай, Берш из 34 старшин только трое были утвержденными,³ то к 1845 г. во главе почти всех отделений этих родов стояли «указные» старшины. Право суда местных феодалов ограничивается. Судебная власть в основном сосредоточивается в руках хана, биев – членов ханского совета и султанов-депутатов. Местные родовые начальники-родоправители и старшины принимали участие в разборе незначительных тяжбных

¹ Рычков Н. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкую степь в 1771 году. Спб., 1872, стр. 24.

² В официальных документах, исходящих снизу, часто встречаются фразы «проживающий в Орде на владении высокостепенного хана» или «земля ханская». См. ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 122, л. 30.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1174, л. 17-18.

дел, которые обычно оканчивались миром. По своему усмотрению хан изымал и, мелкие дела из ведения родовых начальников. Препные бийские суды были ограничены в действиях, а некоторые из них уже принимали форму государственной службы. Право установления оборов с населения было изъято из ведения крупной местной знати.

Хан Джангер считал свою власть продолжением власти прежних казахских ханов. Однако и содержанием и формой она во многом отличалась от прежней власти.

В руках хана была сосредоточена высшая административная, судебная и законодательная власть в орде. Хан не только разбирал судебные и досудебные споры, он также считался судом второй инстанции по делам, решенным родовыми начальниками, членами ханского совета.

Находит развитие правотворческая деятельность ханской власти, которой устанавливается ряд норм в области регулирования товарно-денежных отношений. Например, должник, не возвративший сумму в срок, уплачивает ее в двойном размере.¹ Вводится определенный, причем в письменной форме, порядок совершения сделок, когда товар дается в кредит,² узаконивается телесное наказание, устанавливается строгая система государственных оборов и порядок обложения ими населения.³ Известны попытки составить местный кодекс норм права. Власть хана с точки зрения внутренних условий не была ответственной перед какой-либо другой организацией. Существующий ханский совет не поднимался выше совещательного органа, феодальные съезды, обладавшие ранее большими полномочиями, стали редким явлением.

Сила ханской власти выражалась и в том, что хан пользовался не только правом распределения кочевков между родами, но и правом закрепления земельных угодий в собственность отдельных лиц. Он мог перераспределить уже закрепленные в собственность земли. Центральной власти в лице хана принадлежало монопольное право взимания пошлины с приезжих и местных торговцев на всех рынках и пунктах в пределах орды.

Следует отметить, что такие изменения в государственной жизни как ликвидация партикуляризма и феодальной обособленности, утверждение элементов централизованного государства в рамках орды, а также в известной степени преодоление прежнего хаоса в общем управлении, который господствовал до этого в сферах административной и судебной организации, облечение функций местных

¹ ЦГИА, КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 19.

² Там же, д. 1, л. 71.

³ «Современник», 1851, № 10, стр. 79; *Иванов М.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда. — Эпоха, 1864, № 12, стр. 9.

и центральных властей в определенную государственную форму ограничили произвол в орде и вместе с тем были шагом вперед в поступательном развитии общества.

Несмотря на различия объема полномочий ханов в организации и структуре их власти было много общего, обусловленного общностью феодального базиса, традиции и общественного быта.

Ханская власть не только была узурпирована отдельными ханскими домами. Более того, она принадлежала в экономическом отношении наиболее сильным их представителям. Наследственный характер власти в свою очередь обеспечивал устойчивость и развитие экономической мощи ханов.

Функция публичных работ в казахских ханствах в отличие от других стран Востока была особенно не развита. В Казахстане не строились ирригационные сооружения, плотины, дороги, укрепленные районы, города и т. д. Небольшое строительство носило исключительно местный, а не общегосударственный характер.

Известно, что сила власти во многом определяется возможностью ее вмешательства и вторжения в производственную деятельность людей. Регулируя в той или иной степени поведение и действия членов общества, в первую очередь в процессе производства она может постоянно укреплять свои позиции. Власть, которая только соприкасается с основным производством, но не руководит им, хотя бы частично, во всех случаях, несмотря на отдельные успехи, остается слабой.

В области хозяйственной деятельности основной задачей ханской власти было наблюдение за тем, чтобы каждый род занимал определенные отведенные ему районы кочевья. Хан выделял земельные участки новым кочевым коллективам, производил частичное перераспределение пастбищных территорий. Между прочим, подобными правами пользовались не все ханы, а наиболее сильные. По народным преданиям, в свое время Тауке-хан закрепил за каждым родом район кочевья, а некоторым из них определил особые знаки (тамги) как символ рода и собственности.¹ Такой же властью, безусловно, обладали ханы Абулхайр и Аблай. Известно, что в начале 80-х годов XVIII в. некоторая часть крупной знати в Среднем жузе пыталась оказать сопротивление распоряжениям Аблай-хана, но была разбита его отрядами.²

Профессор М. Вяткин указывает, что хан Арынгазы, установивший свою диктатуру среди казахов бассейна Сыр-Дарьи в 1815 – 1820 гг., «к старшинам и «простым» казахам, не подчиняющимся его распоряжениям, он применял смертную казнь, право, которое могли себе в прошлом присвоить лишь сильные и влиятельные ханы».³

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 5.

² Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Спб., 1904, стр. 6.

³ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 223.

Финансовая функция у казахских ханов была относительно развита. Хотя, надо сказать, она несколько отличалась от подобных функций во многих странах Востока. Эта особенность заключалась в том, что различные сборы и обложения проводились не столько как форма государственной политики, сколько как веление «народного обычая», традиции под видом и на основе «добровольности». Взимание податей с населения относится к личным правам хана. Хотя оно не было закреплено в законах, однако мало кем оспаривалось.

Поставки населения в пользу хана носили различные названия: согум (для содержания ханского дома в зимнее время), зекет (часть скота, взимаемая по определенной шкале), ушур (часть урожая – обычно одна десятая). Джангер-хан (Внутренняя орда) кроме того взимал кошмы и сено. Доходным источником являлись торговые и судебные пошлины, сбор в фонд «общественных» расходов и т. д. Большой знаток Казахстана М. Краковский писал, что родоначальники везде и всюду присвоили себе право на сборы «не с прежнею благотворительной целью, а единственно в свою пользу».¹

Любопытно, что в конце 80-х годов XVIII в. султан Каип, один из неофициальных ханов Младшего жуза, пытался узаконить все ханские доходы, которые прежде регулировались в основном традицией и обычаями. Оренбургский губернатор Игельстром 28 марта 1789 г. доносил в Петербург о том, что султан Каип издал закон и обнародовал его в родах поколения Алим-улы, которым установлены «как взыски и наказания за чинимые киргизцами друг у друга захваты скота и воровства, так и сбор закета, то есть уделение некоторой части от скота или другого имени...»²

Впоследствии хан Арынгузы не только сохранил установление хана Каипа, но и, расширив его, распространил на многие крупные родовые объединения.³

Уклонение и отказ от своевременного доставления налогов преследовались ханской властью самым решительным образом. Часто кочевые аулы за противодействие подавлялись военными силами. К крутым мерам воздействия прибегали ханы Арынгазы, Кенесары, Джангер и др. Когда каракалпаки, располагавшиеся в районе Приаралья, отказались платить и отдавать хану «на зимнее время запасы», Абулхайр-хан жестоко с ними расправился.⁴

Из сказанного можно заключить, что ханы весьма ревностно охра-

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. III, Спб., 1868, стр. 116

² Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 847.

³ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 224.

⁴ Рычков П. Топография Оренбургская, ч. I. Спб., 1762, стр. 171.

няли в особенности свои финансовые права и в этой части обладали относительно развитой властью и полномочиями.

Во время войн и крупных конфликтов хан, являясь главнокомандующим войсками ханства, становился во главе феодальных отрядов народного ополчения. Так, в свое время Абулхайр и Аблай стояли во главе народных ополчений по борьбе с нашествиями калмыков. Арынгазы возглавлял борьбу со ставленником Хивинского ханства ханом Мененбаем. Реакционный монархист султан Кенесары в 30 – 40-х годах XIX в. руководил феодальными отрядами, выступавшими на его стороне.

Даже в мирное время хан нередко находился в окружении войск и части командиров местных ополчений. В разъездах по родам его сопровождал эскорт из значительного числа вооруженных людей.

Относительно развитой функцией ханской власти являлось рассмотрение досудебных и судебных споров. Не только ханская, но и политическая власть вообще рассматривались, в первую очередь, как административно-судебная инстанция. Для казахского общества XVIII и начала XIX вв. характерно то, что феодальная раздробленность усугублялась беспрестанной и систематической усобицей между родовыми объединениями и небольшими кочевыми коллективами. Взаимный угон скота и нападение из-за мести были настолько распространены, что ни власть наиболее влиятельных ханов, ни карательные отряды царизма оказывались не в состоянии прекратить их.

Рассмотрение споров было если не единственным, то по крайней мере самым возможным и надежным способом, через который можно влиять на внутреннее устройство и отношения общества.

Надо сказать, что ханы никогда не пытались полностью прекратить междоусобицу и конфликты, а боролись с ними лишь тогда, когда они выходили за рамки допустимого. Яркий свет на это проливает завещание Аблай-хана, оставленное сыновьям. Он наказывал детям «никогда не решать вполне международных дел киргизских племен, ибо только несогласие и раздоры могут быть незыблемою опорой ханской власти».¹

Хану принадлежала высшая судебная власть, к нему могли апеллировать недовольные решениями бийских и султанских судов. В качестве первой судебной инстанции им рассматривались дела о междоусобицах, правонарушениях крупной знати, а иногда по обращению сторон. Как правило, жалобы на ханские решения в пограничных органах не рассматривались.

¹ *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. Спб., 1904, стр. 6-7.

Формально ханская власть была не ограничена. Носитель ее за отдельными отклонениями, являлся наследственным монархом.

Но рамки ее деятельности фактически всегда оставались узкими. Господствующий в обществе класс, связанный местными интересами, особенно не баловал ее большими полномочиями и давал ей столько силы, сколько было необходимо для его собственной безопасности и сохранения привилегий. Лишь отдельным ханам иногда удавалось расширить границы своей власти ценой подавления сопротивления местных владельцев, и то ненадолго (Аблай, Арынгазы).

Влияние хана на местную власть было довольно ничтожным. Экономическая разобщенность кочевых коллективов существенным образом влияла на власть хана и в конечном счете подчиняла своим законам его волю.

Эта власть казалась особенно бессильной тем, кто подходил к ее оценке с позиции европейских порядков. Основатель Оренбургской экспедиции И. Кириллов, слывший сведущим в восточных делах, ознакомившись с докладом Тевкелева о противодействии отдельных феодальных групп решению Абулхаир-хана принять подданство России, пришел к выводу, что казахский народ «имеет хана только для одного имени, а владетельства его над ними нет».¹ Имея в виду ханов конца XVIII и начала XIX вв., М. Красовский писал: «Местная верховная власть постоянно рекомендовала свое бессилие тем, что от нее не исходило узаконений, которыми исключались бы древние киргизские постановления о баранте».²

Буржуазные дореволюционные историки в большинстве своем объясняли силу власти личными качествами ее носителя.

«Сила ханской власти в киргизских ордах зависела от личности самого хана, — указывал Н. Павлов. — Хан отважный и умный, с крепкой волей, как, например, Аблай в Средней орде, имел почти неограниченную власть, хан же фактически и умственно немощный, каковые встречаются в Малой орде, не имел почти никакой власти».³ Такой же односторонней и ошибочной концепции не избежал проф. В. Григорьев, служивший в Казахстане. Имея в виду ханов и крупных султанов, он указывал, что «если кто-либо из них достигал влияния, так что мог увлекать за собой толпы, то достигал этого не в силу своей «белой кости», а в силу личных достоинств»,⁴ разумеется, личные

¹ Из записки «Об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими», представленной императрице в 1734 г. (А. Добросмыслов. Сборник Указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, т. I. Оренбург, 1900, стр. 8).

² Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. III. Спб., 1868, стр. 9.

³ Н. Павлов. История Туркестана. Ташкент, 1910, стр. 79.

⁴ Григорьев В. Русская политика по отношению к Средней Азии. Спб., 1874, стр. 17.

качества также важны для руководителей, однако они могут быть употреблены и реализованы лишь в том случае, если для этого имеются сложившиеся социально-экономические условия. То или иное звено государственной власти оценивается не столько с точки зрения ее отношения к другой власти, как с точки зрения ее способности выполнять основную задачу, возложенную на нее классом, ее организовавшим. Такой задачей ханской власти было обеспечение экономических и политических интересов байства (в широком смысле) в первую очередь посредством удержания крестьянских масс в положении зависимых, угнетенных, а в необходимых случаях – путем организации подавления сопротивления установленному режиму. В обычных условиях между правителями шли непрерывные войны, постоянно возникали конфликты. Но стоило где-нибудь крестьянам подняться на борьбу со знатью, как враждовавшие прежде феодалы, забывая все распри, объединялись для их подавления.

Ханская или султанско-бийская власть в отношении низовых слоев общества вовсе не проявляла своей слабости. Один из современников отмечает, что власть хана оказывалась особенно действенной, когда шла речь о наказании и преследовании слабых коллективов и незнатных семейств. «К удивлению, однако же при всех своевольствах и при всем безначальи казачьего народа, – писал он, – некоторые из повелителей оного присваивают себе право жизни и смерти над своими подчиненными, особенно тогда, когда осужденный на казнь принадлежит слабому роду и семейству».¹ По его замечанию, народные массы «знаки почитания перед сильными соблюдают очень строго».²

Хан мог собрать военное ополчение для подавления сопротивления отдельных аулов. Основным идеологическим оправданием при этом была во многом устаревшая официальная формула: Ханға қарсылық – құдайға қарсылық – Неуважение хана есть неуважение бога. По одной из записей обычного права казахов, «ослушание ханской власти целым родом или отделением наказывалось вооруженной рукою, если только не являлись от них лучшие представители с повинною о помиловании и с приличными тогузами».³ Виновные могли наказываться ханом как в форме тогузов, так и «гражданской смертью» – «мойнына құрым іліп ауыл айналдыру» т. е. обвод виновного с подвешенным на шею старым войлоком вокруг ханского дома.⁴

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 166-167.

² Там же, стр. 125.

³ Тогуз – распространенный вид штрафа, измеряющийся девятью головами разного скота.

⁴ Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона. – Записки Оренбургского отделения ИРГО, вып. II. Казань, 1871, стр. 163.

Следует различать понятия государственной и центральной власти. Смешение этих различных по объему вопросов, в особенности в условиях раннефеодальной монархии, может привести к неправильным выводам. Под государственной властью в широком смысле следует понимать существующую систему властвования, установленную господствующим классом в данных исторических условиях, как в центре так и на местах, сумму прерогативов этих властей. В этом смысле власть не была слаба: она надежно обеспечивала осуществление эксплуататорской политики господствующего в казахском обществе феодального класса. Мы отмечаем слабость не государственной власти вообще, а центральной власти, разумея под этим власть хана, ее отношение к другим носителям власти в системе государственного властвования. Слабость центральной власти отразилась на ее несложной структуре организации.

Таковы были в основном пределы власти и прав ханов в казахских жузах.

Аппарат управления при хане

Господствующий класс, осуществляющий государственную власть, реализует свою волю как волю государственную через аппарат, механизм государства. Посредством атрибутов власти он защищает и устанавливает выгодные и удобные ему общественные порядки. Функции и задачи государства, которые реализуются его аппаратом, суть не что иное как отражение интересов господствующего класса.

Между задачами и аппаратом государства существует органическая связь. Осложнение функций государства, которое в первую очередь связано с уровнем классовой борьбы, ведет к созданию при нем разветвленного и сложного аппарата и наоборот. В период раннефеодальной монархии, как правило, государственный аппарат не развит.

Говоря об аппарате управления при тех или иных органах власти, следует иметь в виду и методы управления, ибо эти два вопроса не только связаны между собой, но и обуславливают друг друга. Точнее говоря, аппарат отражает не только функции государства, но и методы его управления.

При казахских ханах специального аппарата управления не было. Сам по себе этот факт свидетельствует о несложности функций ханской власти.

Но при всей слабости власти, вытекавшей в основном из особенностей периода феодальной раздробленности и экономической отсталости общества, ханы имели определенные задачи управления.

Существовал и известный круг лиц, которые заменяли специальный аппарат и выполняли в той или иной степени его функции.

Видную роль в системе управления ханством играли ближайшие родственники – дети и братья хана. Они как крупные феодалы являлись вассалами хана и в то же время были связаны с ним родственными отношениями. Захват ханской власти рассматривался как успех всего ханского дома. Приход к власти одного из представителей феодального дома создавал условия для активного участия других членов дома в политической жизни общества.

Диктатура хана во многом была диктатурой его семьи. Это, разумеется, не какой-нибудь особый путь, характерный только для Казахстана. Управление через ближайших родственников, раздача территорий во владение детям и братьям суть явления общие в феодальных государствах раннего периода. Особенности этой системы относятся к конкретным формам проявления общей закономерности в отдельных странах.

Определение ближайших своих родственников султанами (управляющими-вассалами) в крупные родовые объединения хан считал своей важнейшей политической задачей. Этим он достигал по крайней мере двух целей: с одной стороны, умерял тенденцию обособления местных феодалов-старшин и удерживал их в рамках вассальных отношений, с другой – облегчал себе задачу управления подданными, имея во главе родовых объединений верного вассала.

Аблай-хан в период расцвета своего могущества, в 70-х годах XVIII в., разделил свое обширное владение, состоящее из Средней орды и части Большой и Малой орд, на уделы, во главе которых поставил своих многочисленных сыновей. К 1815 г. во Внутренней орде братья и дети Букея султаны Артыгалий, Шукеев и Шигаев Нуралиевы, Тауке Букейханов занимали главные посты в системе управления родами.¹ Известно также о том, что последний хан Младшего жуза Ширгазы Айчуваков желал утвердить во главе трех поколений (Байулы, Алим-улы, Жетыру) своих братьев и детей.

Сила ханской власти во многом определялась тем, насколько удельная система управления была прочна и стабильна. По этому поводу нельзя не привести меткое замечание И. Георги. Он писал: «...И самому хану оказывается честь и повинование больше по старшинам, которые бывают отчасти его братья, султаны, дядья или их друзья».²

¹ См. Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.-Л., 1940, стр. 272.

² Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 124.

Ханы использовали своих богатых ближайших родственников не только как вассалов-наместников, но и как непосредственных исполнителей отдельных важных поручений по управлению. Они включались в состав официальной делегации от хана, направляемой царскому двору или губернатору. Так, в составе посольства Абулхаир-хана (1732 г.), отправленного с Тевкеяевым в Петербург, наряду с некоторыми старшинами родов были и братья хана Ерали и Нияз.¹ В 1759 г. Аблай направил к царскому двору депутацию, во главе которой был его родственник султан Жолбарис.² Такая практика имела широкое распространение.

Для связи с местной влиятельной знатью хан часто прибегал к услугам взрослых сыновей. Он передавал через них свои распоряжения, приводил в исполнение решенные дела и т. д. Интересно, что оренбургский губернатор Игельстром в начале 80-х годов XVIII в. предлагал Нурали-хану послать в степь своих сыновей, чтобы убедить крупную знать юга в необходимости возвращения русских пленных на родину. В ответ на это хан в письме от 21 июля 1785 г., жалуясь на рост антиханских сил, писал: «...Эти разбойники не только не послушаются моего повеления, но даже и посланных туда моих детей не отпустят живыми, а наверняка убьют».³ По случаю ограбления в 1799 г. в районе бассейна реки Сыр-Дарья торгового каравана русских и бухарских купцов для принятия мер на месте от хана были направлены туда несколько знатных феодалов, в числе которых были его зять Абулгазы, брат Ельтай и сын Утебкалий.⁴ В этих фактах довольно отчетливо выступает роль родственников хана в системе управления.

Во внутренних делах орды в особенности дети и братья хана выступали как вполне законные его представители: они пользовались своей долей в ханском доходе, требовали от всех уважения к себе и подчинения.

Большая группа феодалов в 1785 г. в своей жалобе отмечала, что «ханские дети, с позволения ево хансково или без позволения, хороших наших лошадей, меринов и жеребцов нагло и сильно вымогают и многие беды делают».⁵

Пограничная комиссия в Оренбурге долго занималась проверкой обоснованности жалоб о злоупотреблениях и поборах хана и его детей. В конце концов она вынуждена была их признать. Губернатор

¹ Крафт И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 26.

² Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Спб., 1904, стр. 3.

³ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 56.

⁴ ЦГ ИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 495, л. 36.

⁵ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 64.

в своем донесении Екатерине II от 31 октября 1785 г. указывал, что хан требует скот у кочевников, переходящих на зимнее пастбище на правый берег Урала. «Сверх сего дети ево, хана... подъезжая к тем же местам, собирали с народа каждый равную же для себя часть».¹ Казахские ханы имели многочисленных потомков. У Нурали-хана, например, было более 40 сыновей, а у Аблай-хана – 71.

Уже отсюда можно представить зло, наносимое народу таким многочисленным потомством.

В делах по управлению участвовали и ханские тюленгуты. Тюленгуты – ханские работники, вышедшие в основном из низов общества. Во время походов они составляли личную гвардию и непосредственную охрану хана. Часть из них, наряду со своей основной работой в хозяйстве, выполняла обязанности вестовых, связных между ханом и родами. Нередко тюленгуты привлекались для приведения в исполнение решений своего хозяина, в качестве сборщиков налогов. Тюленгуты в известной степени могут быть рассматриваемы как ханские неофициальные чиновники.

Отдельные ханские поручения выполнялись представителями знати и кочевниками из коллективов, составляющих личное окружение хана.

Вханской канцелярии в лучшем случае сидел мулла-делопроизводитель, служащий в основном для нужд внешних сношений. Не было специальных лиц, ведавших делами государства наподобие «путных» чинов России в эпоху раннего средневековья. Это, по всей вероятности, объясняется неразвитостью ханской функции и двора, несложностью хозяйственных задач, сохранением за султанскими и бийскими владениями относительной самостоятельности и права государственной власти, отсталой экономикой, а также наличием элементов патриархального воззрения на власть. В этих условиях ханская власть в пределах своих полномочий была действительна постольку, поскольку она была непосредственно связана с носителями прав местной власти. Это обусловило специфические методы управления, при господстве которых чиновничий аппарат не мог играть существенной роли в системе управления, а следовательно, в течение определенного периода не был нужен.

В обычных условиях в середине лета, в случае необходимости несколько раз в течение года, хан лично выезжал на продолжительное время в районы кочевий родов и совместно с султанами, знатными биями, собиравшимися по его оповещению или каждый по своим делам, разбираал накопившиеся тяжёлые дела, злободневные вопросы внутренней жизни орды. Часто на поминках по умершим, устраиваемых крупной знатью, на которые съезжались богачи из разных

¹ Там же, стр. 66.

родов, обсуждались и решались вопросы управления. Многочисленные источники подтверждают, что такая форма правления была особенно распространена в кочевых и полукочевых районах Казахстана. Нередко выезды хана в удельные владения превращались в демонстрацию силы перед феодалами и пограничными органами.

Хан Арынгазы (первая четверть XIX в.) писал, что, посетив кочевья родов Шекты, Каракесек, Торткара и Шомекей, «...междоусобную их баранту и распри прекратили, а вора, предавая страх, некоторых из них, захватив, умертвили».¹

Подсобная система управления должна быть охарактеризована как султанско-бийская. Характерными признаками ее являются: неразвитость центрального аппарата управления, привлечение для выполнения общеханских дел наряду со своими родственниками местных султанов, биев и осуществление ханом функций управления через их посредство.

Неразвитость особого, отделенного от общества, аппарата при центральной власти не должна выводиться из слабости государства как политической организации господствующего феодального класса. Как нельзя смешивать вопросы государственной власти и центральной власти, так нельзя отождествлять государственное управление и чиновничий аппарат управления при центральной власти.

В конце XVIII и начале XIX вв. классовые и политические отношения в Казахстане становились более сложными и острыми. В этот период намечается некоторое усложнение функций и задач ханской власти. Одни ханы, в особенности ставленники царизма, оказывались бессильными перед новыми задачами и, потеряв авторитет, падали. Другие, борясь за удержание и упрочение своей власти, вынуждены были пойти в известной степени на укрепление политического аппарата. В этом отношении характерна деятельность султана Арынгазы, преследовавшего цель объединения родов и предотвращения политического разлада в Младшем жузе. Мы не будем вдаваться в существо его политического плана и оценивать его реальность. Для нас важно то, что хан Арынгазы стремился опереться в делах управления на особый, созданный при нем аппарат из есаулов, принадлежавших к подвластным ему родам. В письме губернатору Волконскому от 18 мая 1816 г. Арынгазы писал: «...Из каждого рода по одному человеку сделали есаулами с производством им от народа жалованья».² Этим же есаулов, вышедших из низов общества, он назначал своими по-

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 297.

² Там же.

стоянными представителями в казахских родах. Для содержания их население было обложено специальной податью.¹

Ханский аппарат получил наибольшее развитие во Внутренней орде, в особенности начиная со второй четверти XIX в., что было вызвано сложностью общественных отношений. Джангер-хан, стремившийся к богатству, вводил все новые налоги для населения. При поддержке царского правительства он пытался установить личную диктатуру. Все это в сочетании с колониальным гнетом ложилось тяжелым бременем на плечи простого народа. Вторая четверть XIX в. насыщена народными и крестьянскими выступлениями против притеснений хана. Аппарат управления при хане и создавался с определенной служебной задачей, обусловленной особенностями периода.

При хане Джангере были внесены существенные изменения в форму управления ордой. Казахские ханы, за отдельным исключением, не имели постоянной ставки. Джангер построил ее, сделав постоянным административным центром. В летнее время, чтобы быть ближе к кочевьям, он со своей канцелярией перекочевывал к реке Торгунь, где также была основана летняя ставка.

Как известно, прежние казахские ханы в Младшем жузе не имели при себе официального, оформленного, постоянно действующего аппарата управления, непосредственно связывающего ханскую власть с местными властями.

Созданный в Букеевской орде со времени ханства Джангера особый аппарат управления хотя был несложен, но все же являлся постоянно действующим чиновничьим органом. Тем самым после лишения султанов и биев прав государственной власти хан избавился от необходимости лично выезжать на места. Это отмечал и губернатор генерал Эссен в письме Джангер-хану от 12 апреля 1827 г.²

При хане состояли 10 так называемых «ханских депутатов»,³ назначаемых из султанов. «Депутаты» командировались в районы, смежные с русскими селениями, участвовали при следствиях, производимых представителями пограничных властей, когда сторонами в тяжбе выступали русские и казахи, представляя при этом интересы последних, и разбирали отдельные споры на месте по указанию хана. Они имели также право принудительной власти при взыскании недоимок. «Депутатам» давались большие полномочия. Например, султан Медеткалий Чукин в документах именовался «депутатом от хана по всем делам»

¹ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 224.

² Рязанов А. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797 – 1838 гг.). Кзыл-Орда, 1926, стр. 214.

³ Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казахья орда. – Современник, 1851, стр. 76-77.

на Узенской линии.¹ Он мог по своему усмотрению держать виновных «под караулом». Его распоряжение старшинам преподносилось как «строжайшее требование султана Медета Чукина».²

Многие члены ханского совета, состоящего из 12 биев, мало чем отличались от ханских служителей. Некоторые из них на равных правах с султанами управляли родами, исполняя отдельные поручения хана по делам управления ордой. Одно время члены совета даже просили хана Джангера наделить их полномочиями взыскивать долги с ответчиков по всей орде. При хане, кроме того, состояли 14 старшин в качестве есаулов, призванных выполнять специальные поручения главы ханства. Так называемым «базарным султанам» из числа ханского окружения³ вменялись обязанности собирать торговые пошлины (внутри орды), представлять интересы казахов (вне орды) и следить за порядком на рынках.⁴

Можно полагать, что хан имел при себе и ряд других чиновников. Во многих документах фигурирует имя Шуке Едильбайулы как уполномоченного ханом лица по определению границ земельных владений отдельных родов и частных собственников. При этом он сам в одном из донесений Джангер-хану именуется себя «кызыметкер карашаныз», т.е. «вашим служащим из караша».⁵ Хан имел при себе канцелярию делопроизводства, состоящую из «татарского и общего отделов».⁶ Первый отдел заведовал перепиской в основном внутри орды, второй – с пограничными властями.

Все это свидетельствует о том, что методы и формы управления во Внутренней орде заметно развивались в сторону создания относительно разветвленного административно-бюрократического аппарата при центральной ханской власти.

Развитие центрального аппарата и изменение форм управления было связано с осложнением функций ханской власти. Защиту интересов царского правительства и местной знати приходилось осуществлять в условиях усиления классовых выступлений крестьянства. У ханской власти внутренняя функция начинает развиваться и в другом направлении, а именно: в направлении усиления ее регулирующей роли в хозяйственной жизни орды (раздача земель в собственность,

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 3.

² Там же, л. 4.

³ К 1841 г. при хане жило постоянно 22 султана. (Ханыков. Очерки о состоянии Внутренней киргизской орды в 1841 году.

⁴ *Еврешов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. – Современник, 1851, №10, стр. 77.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 102, л. 2-5, 8 (караша – «простой народ», дословно: «чернь»).

⁶ Там же, д. 84, л. 1.

постройка плотины на р. Торгунь, попытка улучшить породы скота, меры по уменьшению падежа скота в зимнее время путем установления обязательного сенокосения и т. д.).

Букеевская орда была вассальным ханством русского государства. Во главе ее начиная со второй четверти XIX в. стоял открытый сторонник царизма, довольно энергичный хан Джангер, удостоенный позже за усердную службу в пользу престола чина генерал-майора русской армии. Он не против был перенять бюрократические формы управления и русскую систему делопроизводства.

Царское правительство отнюдь не приветствовало усиление ханской власти и его аппарата управления. Пограничные органы заботились о том, чтобы в окружении казахских ханов находились доверенные лица, лучше всего не из местного населения, которые могли бы нести обязанности их тайных агентов. В этой части они добились известных успехов. Например, письмоводитель при Нурали-хане мулла Алмухаммет Нурмухамедов в свое время выдал оренбургскому губернатору Неплюеву копию переписки хана с джунгарским владельцем, в которой затрагивались и интересы России. Эти и другие услуги муллы вознаграждались коллегией иностранных дел, установившей ему секретный оклад 15 руб. ежегодно.¹ Оренбургский ахун Хусейнов подолгу находился у хана Младшего жуза, интересуясь не столько вопросами развития методов и форм управления ордой, сколько выполнением тайного задания колониальных органов. Небольшие военные отряды, иногда придаваемые ханам, а также различные чиновники, сопровождавшие их, имели целью не усиление власти хана, а укрепление колониального влияния на казахское общество.

Рассмотренные вопросы позволяют сделать следующие выводы: а) в казахских ханствах государственное управление еще не выделилось из управления ханским двором (исключением является Внутренняя орда, где в силу ряда обстоятельств управление делами ханства к середине XIX в. составило самостоятельную отрасль деятельности власти); б) по делам управления владением, как правило, привлекались ближайшие родственники хана, представители личного окружения и местной знати; в) аппарат управления при хане оставался несложным и неразвитым до тех пор, пока противоречия между основными общественными классами обострились и не потребовали усложнения функций ханской власти; г) ханская власть со всеми своими традиционными приемами и методами управления уже не соответствовала той роли, какую должна была играть поли-

¹ Крафт И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, приложение, стр. 28.

тическая власть в сложившихся конкретных исторических условиях того времени и теряла под собой почву.

Совет при хане

Политика хана направлялась феодальным советом при хане. Однако он не был, за отдельными исключениями, постоянно действующим, регламентированным в праве органом. В различных записях норм обычного права хотя имеются упоминания о ханском совете, однако о его компетенции, порядке кооптации и избрания членов совета говорится мало.

Дошедшие до нас факты и документы говорят о серьезной роли ханского совета, который порою осуществлял высшую власть в ханстве даже при жизни хана и в его присутствии.

Особая роль феодального совета при хане предопределялась значительной силой крупной местной знати.

Хан всегда находился в окружении знати, составленной частью из представителей крупных родов, частью из султанов, батыров, биев, вышедших в основном из постоянно при нем кочевавших коллективов. Из них составлялся малый ханский совет, в котором обсуждались и решались текущие, обыденные вопросы управления. При хане Абулхаире постоянно находился знаменитый батыр и бий Джаныбек из Средней орды, и сколько-нибудь значительный вопрос не решался ханом без совета с ним и возглавляемой им небольшой группой знати. В одном из источников, относящихся к 1748 г., сказано, что «по отъезде народных представителей (т. е. после окончания феодального съезда. — С.3.) осталось в ханской ставке восемь выборных старшин и Джаныбек-батыр для составления прошения государыне и обсуждения вопроса о средствах отмщения убийцам Абулхаира».¹ Когда джунгарский хан потребовал в 1749 г., чтобы хан Младшего жуза выдал за него замуж свою сестру, как это было обещано раньше, сообщает А. Левшин, Нурали-хан обратился к совету. «Султаны и старейшины советовали ему немедленно отправить сестру к Хантайше, и потом, в надежде на помощь сего владельца, итти отомстить Бараку и подвластным его за смерть Абулхаира».² Хан Внутренней орды Букей в письме от 15 декабря 1803 г. инспектору астраханского кордона П. Завалишину сообщал о том, что туркестанский хан Пиралий намеревается на него напасть, что «по всем вышеописанным

¹ *Добросмыслов А.Н.* Тургайская область. Исторический очерк. стр. 87.

² *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. Спб., 1832, стр. 188.

обстоятельствам замечаю я с советом моим.., что они намерены посягнуть даже на жизнь мою».¹

Малый ханский совет представлял собой своеобразную «ближнюю думу» хана, которая своими советами и решениями помогала правителю в устройстве как личных, так и государственных отношений. Круг вопросов, которыми занимался совет, охватывал самые разнообразные проблемы внутренней и внешней политики государства. Не все члены совета обязательно находились при хане. Некоторые кочевали со своими родами и являлись по первому требованию хана.

Многочисленная знать, окружавшая хана, частью находилась на службе двора, частью назначалась к нему начальниками крупных родовых объединений. Однако не все они могли быть советниками хана. В состав малого ханского совета включался только тот, кто заслужил уважение хана или пользовался особым весом в обществе. В одной из записей норм обычного права казахов говорится о том, что к хану иногда назначались по два-три влиятельных лица из крупных кочевых коллективов, называемые «ханның нақы» или просто «нақ», т. е. помощниками хана.² Некоторые представители родов выполняли обязанности военачальников, которые должны были собирать и возглавлять ополчения в случае необходимости. Более важные общегосударственные вопросы, затрагивающие интересы многих родов, которые могли осуществиться лишь при одобрении и активном участии крупной местной знати, выносились на обсуждение и рассмотрение большого совета.

П.С. Паллас лично посетивший казахское ханство, отмечал, что кроме «больших собраний» (феодалные съезды) в Младшем жузе для решения важных текущих вопросов «по всякий год бывают три собрания старшин и главных из каждой фамилии или поколения, которые тогда решают случающиеся ссоры».³ В большом совете видную роль играли родоначальники – крупные бии и старшины. В нем часто решались вопросы, относящиеся к освоению летних и зимних кочевых территорий, способы достижения спокойствия, прекращения барымты, примирения враждующих родов, вопросы отношения с другими государствами, войны и мира. Деятельность такого совета была особенно популярна в период проявления тенденции к объединению или в период конфедеративного союза трех казахских жузов:

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 261.

² *Баллюзек Л.* Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона. – Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. II. Казань, 1871, стр. 163.

³ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I. Спб., 1773, стр. 579.

при хане Тауке (конец XVII и начало XVIII вв.), Абулхаире (первая половина XVIII в.), Аблае (третья четверть XVIII в.) и Арынгазы (конец первой четверти XIX в.). Следует учесть, что ни одному из этих ханов никогда не удавалось создать более или менее прочное объединенное казахское государство. В силу тех или иных преходящих и временных причин некоторым из них, в особенности первым трем ханам, удавалось иметь влияние и на соседние территории. Однако пределы этого влияния не выходили за временные союзнические отношения правителей трех жузов.

Хан Тауке неоднократно созывал феодальный совет из представителей трех жузов. При нем ежегодно, а иногда по нескольку раз в год, собиралась часть знати на подобное совещание, называемое «мәслихат», или «кеңес», в горах Сайрама близ холма Мар-Тобе. На одном из таких советов, состоявшемся в урочище Куль-Тобе (бассейн Сыр-Дарьи), участвовало семь знаменитых биев трех жузов и было принято уложение Тауке-хана, представляющее собой обобщение и некоторую реформу обычного права казахов. Темой обсуждения на советах являлись вопросы, «...где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия и как воевать».¹ Генерал-майор Огарев 8 августа 1788 г. доносил в Государственный Совет, что «киргизской Средней орды старшины собираются к Вали-хану на совет».²

Аблай-хан прибегал к помощи такого совета весьма редко, опираясь в основном на ближний совет, что объясняется, по-видимому, его стремлением установить личную диктатуру, ослабить влияние крупной местной знати на ханскую власть. Арынгазы, стремясь объединить хотя бы отдельные части Младшего и Среднего жузов, прибегал к услугам большого совета, приглашая для участия в его работе представителей крупной знати из различных родов, склонявшихся к отделению от своих ханов и державшихся его курса.

Усиление междоусобицы, дальнейшее развитие феодальной раздробленности и появление на политической арене феодальных групп, стоявших на различных позициях в вопросах политики, что характерно для периода конца XVIII и начала XIX вв., вынудила ханов Младшего жуза часто созывать подобные советы с участием родовых начальников, влиятельных биев и старшин для обсуждения создавшегося положения в крае. Так, например, подобный «общественный совет» намеревался созвать Ерали-хан совместно с верными ему султанами и старшинами в сентябре 1792 г. в местечке Туйе-тас неподалеку от Илеца.³

¹ Гродеков Н. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Ташкент, 1899, стр. 25.

² Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 911.

³ Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., стр. 879.

Большой совет по своему характеру иногда приближался к феодальному съезду. Сходство объяснялось тем, что в феодальных съездах решающую роль играла крупная знать и ее представители, т. е. те же люди, которые входили в состав большого ханского совета. Однако оно не должно вести к их полному отождествлению. Феодальный совет представлял собой ограниченную группу знати с определенной юрисдикцией, тогда как съезд являлся большим феодальным сбором с более широкими полномочиями.

Царское правительство проявляло особую «заботу» о ханском совете. Зная, что феодальный совет при хане, в особенности при бездарных правителях, может играть серьезную роль в политической жизни казахского общества, оно стремилось прибрать его к своим рукам и превратить если не в послушный, то по крайней мере в зависимый орган.

В связи со смертью Нурали-хана в Уфе в 1790 г. в высших правительственных органах встал вопрос об установлении наиболее выгодной для царизма формы правления Младшим жузом. Было найдено необходимым запросить на этот счет мнение бывшего оренбургского генерал-губернатора Игельстрома, находившегося в это время в Петербурге. Последний в своей записке указал на необходимость ликвидации ханской власти вообще в Казахстане, но поскольку этот план не мог быть осуществлен немедленно, он рекомендовал объявить официально ханом султана Брали и создать при нем совет. «Имея однако же всегда ввиду полезное нам обуздание власти ханской, — писал он далее, — сделать киргизцам при сем же случае... через надежных и доверенных людей внушение, не находят ли они, чтобы новоизбираемому от них хану для совета приданы были от каждого из трех главных их родов человека по два старшины, также ими избираемых». Он составил и приложил к своему мнению и инструкцию для пограничных органов. В ней говорилось, что «...должен губернатор прилагать крайнее старание, чтобы в таковые советники были избраны киргизами не иные люди, как такие, как учинили присягу на верность ея». Записка барона Игельстрома была одобрена в Государственном Совете и положена в основу дальнейшей политики в Младшем жузе.¹ Вначале за правительством было признано право утверждения членов ханского совета и самого хана. Опираясь на это право, пограничные органы постепенно стали выдвигать членами совета наиболее преданных России представителей знати. В начале XIX в. было издано особое положение о ханском совете. Все это имело отношение к деятельности советов при ханах, официально признанных царским правительством. Ханы, не получившие такового, жили своими законами, основанными на старых традициях.

¹ Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., стр. 858.

При содействии пограничных начальников хану Младшего жуза Ерали был определен совет в составе двух султанов и трех старшин.¹ К 1795 г. число членов совета достигло восьми человек. Среди них были вассалы из личного окружения хана, часто из родственников (султан Айчувак и др.), и представителей трех поколений, составляющих орду. В частности, поколение Алим-улы представлялось в совете Бирюбаем Мирза-Гельдиным, Кураном Джадиковым, поколение Бай-улы – бием Шакшаком, поколение Джетыру – батыром Бергенем. Они в основном относились по своему социальному положению к средним слоям феодального класса. Крупные бии и старшины, игравшие в этот период важнейшую роль не только в жизни родов, но и в политической жизни жуза, – Срым-батыр, Каракобек-бий, Тленши-батыр – не входили в состав ближнего ханского совета. Они являлись участниками более широкого феодального совещания-совета, созываемого по требованию хана или самих родоначальников. Характерно, что многие члены совета, в особенности та его часть, которая представляла интересы родов, не стали послушным орудием ханской власти. У них были расхождения с ханом по самым серьезным вопросам внутренней и внешней политики, и они старались оказать влияние на хана. По-видимому, на работе совета сказывалось растущее в этот период народное движение Срыма. Хан как ставленник царизма не мог вести политики, не одобряемой колониальными властями. Разногласие между ханом и его советом привело к разрыву между ними, и члены ханского совета, по выражению официальных лиц, «перестали работать». Правительственные органы пробовали применить насилие. Оренбургский губернатор Пеутлинг даже распорядился «о предьявляемой неблагонамеренности советника Чакчага разведать».² Однако подобные меры не дали ожидаемого результата.

За бездействие почти весь состав ханского совета в 1795 г. был обновлен. «С общего народного согласия» представителями поколений в совете определены: от Алим-улы – мурза Буранбай Ишкин, имеющий русский чин титулярного советника, мурза Достан Танрбергенов, от Бай-улы – батыр Бекара, от Джетыру – бий Тлеули Суюндюков. Царское правительство ввело в состав совета султанов Каратая и Джантюре как руководителей и организаторов его работы».³

После смерти хана Ишима губернатор Игельстром, к этому времени ставший начальником края, подал правительству мысль

¹ Там же, стр. 888.

² Там же, стр. 896.

³ Там же, стр. 901.

об управлении степью без хана, через феодальный совет. Получив согласие высших органов, он утвердил состав совета из 7 человек (султан Айчувак – председатель и 6 старшин – по два от трех поколений). Совет был открыт в 1797 г. с местом постоянного пребывания на р. Хобде. Совет, созданный лишь для того, чтобы удовлетворять требования губернатора, оказался не у дел, игнорировался знатью, и вскоре ханская власть была вновь восстановлена.¹

31 мая 1806 г. императором Александром I было утверждено положение о ханском совете в Младшем жузе. Председателю совета установлено годовое жалованье в размере 350 руб., а шести другим членам совета – по 250 руб. каждому. По положению кандидатура председателя совета выдвигалась ханом, утверждалась военным губернатором. Советники избирались «из людей знаменитых по орде и достойнейших» на местах под наблюдением хана и утверждались главнокомандующим войсками Оренбургской линии. Члены совета должны были находиться при хане. Как за ханом, так и за советом признано право судебной функции. На хана и совет возлагалась задача «возвратить увезенных киргизцами в плен людей российских, вознаградить разграбленные караваны».² Царское правительство хотело иметь в лице членов совета, попросту говоря, чиновников, а не лиц, выражающих местные интересы в центральной власти, а совет в целом должен был быть официальным государственным органом, способным проводить колониальную политику в казахской степи. Этим объясняется то, что советы при правительственных ханах оказывались малоактивными, слабыми и не пользовались влиянием в обществе. Административные меры, принимаемые пограничными властями в отношении членов совета и кочевых коллективов, не склонных признавать власть ханского совета, были мало действительны. В начале 90-х годов XVIII в. генерал Пеутлинг потребовал объяснения от членов ханского совета, не являющихся «к должности».³ От некоторых феодалов в Младшем жузе в 1820 г. брались подписки «о повиновении хану Ширгазы Айчувакову и ханскому совету».⁴

Среди султанов, вошедших в состав ханского совета, часто возникала, в особенности в начале XIX в., борьба за главенство в политике. Этому способствовало введение правительством, видевшим слабость хана, в состав совета отдельных крупных султанов (Каратай, Орман,

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. Спб., 1832, стр. 319.

² Добросмыслов А.Н. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904, стр. 17-18.

³ Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 896.

⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.–Л., 1940, стр. 279.

Арынгазы), не уступавших и даже превосходивших своим влиянием в обществе самого хана. Конфликты, возникавшие между ханом и отдельными членами его совета, которые так характерны для первой четверти XIX в., еще больше ослабили организованность и силу ханского совета. Так, убийство хана Джантюре в 1810 г. произошло в сговоре с председателем ханского совета султаном Орманом, а два его сына принимали в нем непосредственное участие.¹ В одной из жалоб, написанных в 1819 г., хан Ширгазы Айчуваков, выражая недовольство против назначения султана Арингазы председателем существующего при нем совета, указывал, что он, разъезжая по степи, именуется ханом.²

Таким образом, ханский совет как форма выражения права феодальной власти, как орган, пользующийся определенным влиянием среди местной знати, по существу был ликвидирован уже тогда, когда были предприняты меры к превращению его в обычный коллегиальный чиновничий аппарат. Члены совета все больше отрывались от кочевых коллективов. Падение авторитета власти хана сопровождалось и падением роли ханского совета. Большая группа местных старшин в конце XVIII в. в одном из заявлений писала, что «от советников при нашем султана (т. е. при хане Брали. — С.З.) мы никогда никакой пользы не видели».³

Не лишен интереса вопрос о деятельности ханского совета во Внутренней орде, где, как было отмечено, ханская власть сохранилась вплоть до середины XIX в.

В период хана Букея и султана Шигая (первая четверть XIX в.) при них существовал неоформленный совет. В его работе принимали участие в основном крупные султаны, в большинстве своем родственники хана (Шоке, Тауке, Орман и др.), с мнением которых хан не мог не считаться.

Положение меняется с приходом к власти хана Джангера. Образованный человек, способный государственный деятель, он задумал провести ряд мероприятий, направленных, в частности, на дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, на ограничение прав местной знати и усиление личной власти. На этом пути он встретил серьезное сопротивление влиятельных феодалов, которое он намеревался преодолеть при помощи своих сторонников и пограничных властей. Джангер-хан своей политикой фактически отстранил местных биев и старшин от участия в работе совета. Оренбургский губернатор Эссен в письме к хану от 12 апреля 1827 г. намекал на необходимость изменить

¹ Там же, стр. 244.

² Там же, стр. 333-334.

³ Там же, стр. 167.

внешне свое отношение к старшинам. Он писал: «В приезд киргизских старшин к Вам прошедшей зимою Вы их заставили по несколько дней ждать, пока они были к Вам допущены, почему между киргизами распространяется неудовольствие на Вас». И далее он предлагал: «Каковы бы не были невежественны ординцы, всегда приглашать их одних к себе для совещания, кольми паче не давать им замечать, что, советы их у вас меньше значут нежели духовных татар».¹

После волнения среди знати и населения некоторых родов 1826 – 1827 гг. создается ханский совет, получивший затем утверждение в Азиатском комитете 7 апреля 1828 г. Членами совета были определены влиятельные бии и старшины по одному от каждого рода (всего 13). Учреждение ханского совета в известной мере ослабило напряжение, существовавшее между ханом и местной родовой знатью.

Обращает на себя внимание то, что султаны, именуемые «управляющими родами» или «родоправителями», в состав совета не вошли. Они, по-видимому, сохранили за собой право участия в работе органов ханской власти с более широкими полномочиями.

Само первоначальное определение компетенции ханского совета показывает, что он не предназначен для значительной роли в общественно-политической жизни орды. Задача совета сводилась к содействию «хану сведениями и мнениями по управлению».

Советники обладали правом законодательной инициативы, представляли на одобрение хана свои мнения и суждения по отдельным вопросам. Причем действия их были подчинены той политике, которая осуществлялась ханом. 5 августа 1828 г. ими были внесены на рассмотрение хана предложения: о введении телесного наказания и новых видов штрафов против неисправных должников и за воровство. Они предлагали вора, уличенного в первый раз, наказывать ста ударами плетью с последующей отдачей со всем скотом и семьей под надзор бию – родовому начальнику на несколько лет до «исправления»; уличенного в воровстве второй раз, по удовлетворении требования пострадавшего, передать в распоряжение пограничных властей для поступления с ним по российским законам, по которым грозила им ссылка в дальние места. Нетрудно видеть, что эти установления отражали рост товарно-денежных отношений, интересы феодальной знати.

Социальное лицо советников раскрывается содержанием другого предложенного ими проекта. Они предлагали за неисправное несение «общественных» повинностей – зекета, согума – взыскивать

¹ *Рязанов А.* Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797 – 1838). Кзыл-Орда, 1926, стр. 214.

с виновного по расчету: вместо барана – лошадь, вместо лошади – верблюда.¹ Внесенные советом предложения совпадали с интересами ханской власти и были в свое время одобрены Джангером. Можно предполагать, что законодательная инициатива совета во многом была формой, в которую хан облакал собственные решения.

В первый же год все члены совета перекочевали к ставке и составили постоянное окружение хана. Они постепенно теряли связь с родами и превращались в простых чиновников. Советники занимались сбором налогов, осуществляли на местах суд.

Ханский совет во Внутренней орде являлся совещательным органом и мало чем отличался от других органов управления ханской власти, разве только титулом и более широкими полномочиями.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что участие в ханском совете рассматривалось крупной знатью как осуществление феодального права. По меткому замечанию исследователя-путешественника И. Георги о казахских крупных скотовладельцах, «сия их слава купно с соучаствованием в советах, доставляет им преимущественные места и проч.»²

Феодальный совет, за некоторыми исключениями, продолжал играть видную роль в политике. Нередко он ограничивал власть и деятельность хана, добивался смещения тех из них, которые действовали вразрез с интересами знати, представленной в совете. Правда, в конце XVIII и начале XIX вв. в связи с усилением влияния в Казахстане России роль феодального совета и ханской власти падает. Однако, как было отмечено, в казахской степи и в этот период продолжала существовать система ханств со старой структурой власти. Как правильно указывал проф. М. Вяткин, «ни одного сколько-нибудь значительного решения хан не мог принять без согласия старшин. Традиции, установившиеся ко времени хана Тауке, крепко держались и в XVIII в.»³ Мы добавим от себя, что они сохранились и в начале XIX в.

Феодальные съезды

Как в XVIII в., так и в начале XIX в. в Казахстане продолжали созываться большие собрания. По своей социальной природе, они были не чем иным, как собраниями казахской знати, точнее, феодальными съездами, известными в истории многих народов в эпоху раннего феодализма.

¹ *Шахматов В.Ф.* Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 113.

² *Георги И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 135.

³ *Вяткин М.* Батыр Срым. М. – Л., 1947, стр. 149.

В дореволюционной русской литературе подобные сборы носят название «народных собраний», «больших собраний», в отличие от «малых» и «больших» советов. Местное население также отождествляло их со «всеобщими сборами» (ел жыйыны), и их решение выдавалось как решение всего народа (ел шешімі, ел болып шешу).

Одним из основных полномочий «народного собрания» являлось избрание ханов. Эту функцию оно сохранило вплоть до начала второй четверти XIX в., т. е. ликвидации ханской власти в Казахстане. Сила этой традиции была настолько велика, что даже царское правительство не осмеливалось ее нарушить и утвержденных императором ханов вынуждено было, хоть больше для сохранения формы, ставить на обсуждение собрания. Следует заметить, что феодальные съезды в XVIII и XIX вв. уже не имели прежней власти над ханами. Феодальные съезды должны были следить за тем, чтобы в ханы избирались лица, которых можно было поставить под контроль местной крупной знати и ограничить в стремлении к установлению личной диктатуры.

Первый председатель Оренбургской пограничной комиссии Кириллов в 1734 г. о казахах писал: «Не столько ханы власти имеют, сколько их старшины, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиливаться не допускают и грамотных в ханы не выбирают, однако же ведут наследственных ханов, а детей ханских называют султанами».¹ Правильно то, что местная знать обладала большим весом и влияла на избрание и политику хана. Однако ей не всегда удавалось сделать ханов послушным орудием в своих руках. Примером этому служат ханы Аблай, Арынгазы, Каратай, Джангер и другие. Во владениях, подчиненных царскому правительству, феодальные съезды созывались по инициативе пограничных властей. Они во многом носили формальный характер, так как на них утверждались заранее подготовленные решения. Феодальному собранию, организованному в 1791 г. оренбургским губернатором вблизи Орской крепости, ханом Младшего жуза был насильно навязан султан Ерали. При этом многочисленная знать, поддерживающая главных старшин – батыра Срыма и бия Каракобека, заявила о своем протесте и несогласии с избранием ханом указанного султана. Однако это не было принято во внимание.²

Как общее правило, феодальные съезды созывались для решения особо важных вопросов внутренней и внешней политики ханства, войны и мира, т. е. тогда, когда правящая прослойка феодального

¹ Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, собранный А. Добросмысловым, т. I. Оренбург, 1900, стр. 35.

² Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 869, стр. 865.

класса нуждалась в поддержке всего феодального класса или когда местная знать хотела навязать свою политику хану. Например, в 20-х годах XVIII в. в период захвата джунгарами казахской территории отступавшие на юго-запад казахские феодалы созвали «собрание целого народа» в Кара-Кумах, на котором было решено отвоевать захваченные земли. Точно так же в 1732 г. Абулхаир-хан (Младший жуз) и Шемеке-хан (Средний жуз) созвали съезд знати для решения вопроса о принятии подданства России.¹

Главный старшина поколения джетыру Тленши 10 октября 1793 г. доносил в ханскую ставку о том, что «народ собрание иметь намерен по рождению будущего месяца на р. Сагызе ради причинения вреда России...», на котором должны присутствовать сторонники Срыма.² Путешественник П.С. Паллас указывает, что «если они (т.е. казахи. — С.З.) хотят куда идти сильными партиями, или действительно настает война, то бывают у них большие собрания для совета и выбирают одного из старшин или начальников себе предводителем».³ О том, что «на больших собраниях» в период войны или предстоящих походов избирались военачальники, свидетельствует и ученый И. Георги, посетивший казахскую землю в конце XVIII в.⁴ Многочисленное «народное» собрание в Младшем жузе состоялось в 1756 г. в связи с опасностью, возникшей в результате угрозы нападения башкиров.⁵ На одном из собраний знати в 70-х годах XVIII в. в Младшем жузе обсуждался вопрос о борьбе с хивинцами и об овладении хивинским престолом.⁶

Характерно, что известный батыр Срым, возглавивший мощное для того периода народное движение в Младшем жузе и обладавший большим личным авторитетом и богатством, неоднократно собирал феодальные съезды. В 1785 г. он созвал «народное» собрание для решения вопроса о лишении хана власти и избрании новой формы правления.⁷ В марте 1791 г. при устье р. Эмбы состоялось другое феодальное собрание, созданное по инициативе батыра Срыма. На нем решался вопрос о необходимости сплочения народа для борьбы

¹ Никитин В. Исторический очерк Семипалатинской области. Сборник статей по Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899, стр. 143.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. — Л., 1940, стр. 142.

³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I. Спб., 1773, стр. 579.

⁴ См. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, Спб., 1799, стр. 124, 125.

⁵ См. Левишин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II, Спб., 1832, стр. 220.

⁶ Вяткин М. Батыр Срым. Л., 1947, стр. 173.

⁷ Левишин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. Спб., 1832, стр. 287.

против колониальной политики.¹ Подобный же феодальный съезд состоялся в том же году в Мугоджарских горах.²

Батыр Срым нуждался в феодальных собраниях, потому что его власть опиралась на силу и согласие местной знати и всего восставшего против ханской диктатуры народа. Для него они служили и наиболее действенной и доступной трибуной, призванной сплотить и поднять население на борьбу с ханом и колониальными притеснителями. В условиях господства патриархально-феодальных отношений в Казахстане и раздробленности населения на обособленные мирки, при сильном влиянии местной знати на кочевые коллективы созыв феодальных съездов явился мощным средством объединения.

По некоторым данным, в период роста влияния Срыма им была сделана попытка превратить феодальный съезд в один из высших органов государственной власти в орде. В этом отношении интересен такой случай. 29 августа 1797 г. значительное число местных начальников из поколений Алим-улы, Бай-улы, Жетыру во главе со Срымом явилось в ханский совет. На объединенном совещании ханского совета и местной знати было решено оказывать друг другу взаимную поддержку, а всех противящихся общим решениям наказывать «учинением смертоубийства».³ Вопреки назначению колониальными органами ханом Ерали-султана, намекая на его незаконность, Срым в письме губернатору Пеутлингу от 11 сентября 1792 г. сообщал: «Мы все как старшие, так и младшие, учиня совет, избрали по закону нашему Нуралиева сына Исенгалия и возвели на ханское достоинство».⁴

В начале 1794 г. Срым-батыр, собрав феодальный съезд около Илецкой защиты, потребовал, чтобы на него явился для переговоров султан Ширгазы, осуществлявший власть хана в Младшем жузе. По этому поводу султан Ширгазы писал: «Желая паки меня видеть султаны и старшины, Срым батыр и прочие, каждодневно посылали за мной, прося меня, что я к ним приехал сам для дальних переговоров».⁵

Другим правом феодального съезда, закрепленным за ним традицией, явилось присуждение виновных к смертной казни. Формально хан не мог приговаривать своей властью к смерти. И, надо сказать, многие из казахских ханов второй половины XVIII и начала XIX вв. вынуждены были подчиняться требованию обычая. Исключение составляют ханы Аблай и Арынгазы. Их личная диктатура, на-

¹ Там же, стр. 309.

² Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 863.

³ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 208-209.

⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.-Л., 1940, стр. 138.

⁵ Там же, стр. 168.

правленная на подчинение местных старшин центральной власти, была доведена до узурпации права присуждения к смертной казни. Ч. Валиханов отмечал, что Аблай-хан «первый предоставил своему произволу смертную казнь».¹

В донесении хана Арынгазы от 18 мая 1816 г. перечисляется ряд фактов применения им смертной казни против воров и других лиц.²

Самозванный хан Кенесары, руководивший монархическим движением против присоединения Казахстана к России в 20 – 40-х годах XIX в., сосредоточил всю судебную власть в своих руках и в руках своих чиновников. Он часто прибегал к смертной казни не только в отношении изменников и противников его политики, но и применял ее к лицам, совершившим менее значительные проступки.

Переход в отдельных казахских ханствах важных прав феодального съезда в руки государственной власти отражал осложнение классовой борьбы и падение роли собрания феодалов. Узурпация отдельных функций феодального съезда не вела к ее ликвидации. Как Аблай, так и Арынгазы нередко созывали большие собрания знати, когда нуждались в поддержке официальной политики ханов. Арынгазы, вынашивавший план объединения Младшего и Среднего жузов под своей властью, в 1816 г. на р. Арс созвал собрание знати двух жузов, на котором было решено прекратить взаимные набеги.³

Не всегда феодальная знать на своих собраниях становилась на сторону хана, особенно если ханы не пользовались достаточной властью и влиянием на общество. Так, например, хан Вали в 1810 г. «звал всех лучших людей к себе» в связи с приближением русского отряда, выступившего против вышедших из повиновения самого хана и его сына Габбаса. Как показывал впоследствии участник съезда Утеген Бикчибаев, хан советовал на нем всем бежать в глубь степи, но участники съезда не согласились с ним.⁴

На феодальном съезде, состоявшемся в августе 1803 г. вблизи г. Оренбурга, местная знать, наиболее заинтересованная в развитии торговли, потребовала от хана обеспечить спокойствие в степи для нормального ведения торговли в пограничных пунктах. На съезде было решено отказаться от междоусобной барымты. Его участники осмелились даже бросить упрек в адрес оренбургского военного губернатора Бахметева за его медлительность в решении местных вопросов и невнимательность к нуждам населения. Изменения, происшедшие в конце XVIII и начале XIX вв. в деятельности феодальных

¹ *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. Спб., 1904, стр. 6.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. - Л., 1940, стр. 297.

³ Там же, стр. 298.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 218, л. 109. IV. М. - Л., 1940, стр. 213-215.

съездов, заключались не только в отторжении их отдельных прав и функций в пользу ханов и правительственных органов.¹ Существенные изменения произошли и в характере рассматриваемых вопросов. Больше всего на них стали обсуждаться вопросы, связанные с колониальной политикой царизма, с требованиями пограничных властей. Такими были, например, вопросы о способах обеспечения безопасности торговых караванов в степи, о возвращении русских,² об открытии округов в Среднем жузе,³ о прекращении барымты, мешавшей развитию торговли, в чем кровно были заинтересованы колониальные органы, и являвшейся одним из источников беспорядков в степи,⁴ о подчинении местных начальников пограничным органам.⁵ Вассальное подчинение Казахстана России продолжало укрепляться. Характерным примером этому служит приглашение 6 декабря 1841 г. ханом Внутренней орды Джангером к себе всех родоначальников и «знатнейших киргизов» только с тем, чтобы в торжественной обстановке отметить день «его Величества императора».⁶

Феодальные съезды внешне сохранили старую форму. Они происходили при огромном стечении народа. Причем каких-либо формальных ограничений для участников не было установлено. Сами руководители созыва подобного рода собраний были заинтересованы в их многолюдности, в участии в их работе для вящей внушительности как можно большего числа знати из различных родовых коллективов.

По свидетельству очевидца, «при совещаниях же о предметах, относящихся до целого народа или поколения, они принимают вид

---

¹ Пограничные органы закрепили за собой право разбирать наиболее важные уголовные дела и выносить по ним окончательное решение на основании имперских законов.

² Генерал-губернатор Пеутлинг 7 июля 1790 г. доносил в Государственный Совет о том, что при речке Кумды созывается «большое собрание киргизских султанов, главных и родовых старшин» для рассмотрения вопросов о сохранении верности России, об отыскании лошадей, отогнанных перед тем у бухарских купцов, о возвращении русского подданного Агапова с детьми на родину. (Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 854-855).

³ Такие собрания происходили после опубликования «Устава о сибирских киргизах», отменившего ханскую власть. Например, в бывшем владении хана Букея в 1824 г. (ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. II, д. 407, л. 3-4).

⁴ 21 сентября 1785 г. у речки Дженбекши в 100 км от Илеца в присутствии чиновника Бакчурина состоялось собрание знати, на котором было решено повиноваться предписаниям пограничных органов. (Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.-Л., 1940, стр. 65).

⁵ Губернатор Игельстром осенью 1785 г. устроил «собрание старшин», чтобы убедить их в «полезности» введения и организации новых судов под названием расправ. (Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 199).

⁶ Санкт-петербургские ведомости, 1842, № 7.

сеймов. Тут же являются все родоначальники, батыры, богачи и старейшины с толпами любопытных».¹

На одном из собраний знати, созванном Срымом в конце XVIII в. около Илецкой защиты, участвовало около 1700 человек.² На феодальном съезде 1815 г., на котором султан Арынгазы был провозглашен ханом, присутствовало около 7000 человек, в абсолютном большинстве своем из знати.³

Не все присутствовавшие на съезде могли принимать участие в решении собрания. Решающий голос имели лишь немногие из них – крупная знать, выступавшая от имени определенных групп и родов. Так, по крайней мере, было при избрании ханом Нурали в середине XVIII в. и в последующий период. Правда, участники съезда, разбившись по группам (родам), во время перерывов и в ходе дебатов на главном совещании слушали доклады своих представителей и выражали свое отношение к обсуждаемым вопросам. Однако такая форма «наказа» отражала в большей степени традицию, нежели влияла на решение вопроса. Родовые начальники, чего не скажешь о ханах, имели большую власть, опирающуюся на патриархальные представления. Действия султанов, крупных биев и старшин, как правило, не встречали возражений и противодействий со стороны их людей, присутствующих на феодальном съезде. А. Левшин, пользовавшийся рассказами участников и очевидцев феодальных съездов, не без основания писал: «Почетнейшие по летам и опытности открывают оное (т. е. собрание. – С.З.); смелейшие оживляют; сильнейшие дают направление».⁴

Феодальные съезды не были периодически созываемым обязательным органом государственной власти. Считают, что в свое время Тауке-хан предпринимал серьезные попытки в упорядочении деятельности феодальных собраний. Он установил определенное место и время созыва съездов.⁵ Как сообщает Н. Гродеков, некоторые бии во второй половине XIX в. еще помнили, как ежегодно осенью на холме Мар-Тобе около г. Сайрама проходили собрания знати при Тауке-хане.⁶ На них большей частью обсуждались хозяйственные

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 169.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 178.

³ Там же, стр. 298.

⁴ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 126.

⁵ *Мейер Л.* Сибирская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 5.

⁶ *Гродеков Н.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Ташкент, 1899, стр. 25.

вопросы, связанные с освоением пастбищ и установлением спокойствия, согласия среди родов.

Нельзя не заметить, что после хана Тауке значение феодальных съездов падает. Из регулярно созываемого органа съезд превращается в орган, созываемый по необходимости, по усмотрению властей. Все меньше на нем стали обсуждаться экономические вопросы.

Обширные феодальные съезды с усилением центральной власти теряют свою роль. Это отмечается у многих народов. Подобную же тенденцию мы наблюдаем и в Казахстане. Усиление власти отдельных ханов, а также царского правительства приводило к падению роли феодальных собраний. Наоборот, те султаны, бии и батыры, которые стремились к власти или боролись против власти центральных органов, часто прибегали к услугам феодальных съездов. Таким образом, в Казахстане в конце XVIII и начале XIX вв. создалось положение, при котором стремление одних, мало считавшихся с прежним влиянием съездов, наталкивалось на стремление других укрепить и использовать старые традиции в борьбе со своими противниками. Однако некоторое «оживление» деятельности съездов было лишь временным и неустойчивым явлением, подготовившим путь к их еще более глубокому упадку.

Местная знать и управление

Одним из самых слабоизученных и во многом неясных вопросов политической истории Казахстана является вопрос о структуре и функциях местной власти и управления до принятия уставов и положений 20-х годов XIX в. Трудность исследования этой темы заключается в том, что каких-либо официальных актов, определяющих организацию и деятельность местных органов власти и управления, не существовало. Более того, все, что делалось на местах, не было запечатлено непосредственно в документах. Правда, существует немало различных путевых заметок, описаний чиновников и ученых, в особенности относящихся к интересующему нас периоду. Однако зачастую сообщаемые сведения не только исходят от вторых и третьих лиц, в большинстве своем не знавших быта, языка и особенностей народа, но, как правило, в этих сведениях мало рассматриваются звенья местной власти, анализируются их функции и полномочия. Превеличивая демократические формы организации местной власти, даже талантливые исследователи впадали в крайность – доходили до утверждения о «народности» власти, об отсутствии угнетения своих

подданных со стороны носителей власти и т. д. В этой части можно сослаться на некоторые характерные факты. Сивере, побывавший в районе Тарбагатай в 1792 г., следующим образом описывает взаимоотношения местного крупного правителя султана Сарымбетова со своими подчиненными: «С собственным тюре (султаном) беднейший из них мало церемонится. Садится спокойно подле него, куря свою трубку. Если тот получает подарок, этот также требует своей части и вырывает у него из рук».¹ Неизвестный автор одной серьезной монографической работы о казахах, изданной в 1886 г., местных начальников называет «народными правителями».² М. Красовский, оставивший более полное описание казахов Среднего жуза, заявляет, что «здесь и прежде не было гнета правителей».³ Фактические данные, содержащиеся в указанных работах, часто не согласуются и противоречат отдельным ошибочным выводам авторов. Безусловно, патриархально-родовые пережитки оставались еще значительными не только в быту, в общественных отношениях, но и в сфере политической жизни. За этими внешними формами скрывалось действительное содержание отношений, свойственное феодальному обществу.

В этой части работы мы не будем касаться деталей организации, структуры и полномочий отдельных звеньев местной власти. О них в сопоставительном плане будет сказано в разделах, посвященных реформам местного управления. Здесь нас занимают общие черты, а также некоторые характерные особенности местной власти и управления периода ханства.

Власть на местах находилась в руках той части общества, которая, господствуя в области экономики и обладая вооруженной силой, узурпировала право управления кочевыми коллективами. Местные начальники не избирались, а становились таковыми постольку, поскольку мирным или насильственным образом смогли овладеть властью в определенном владении. И. Георги отмечал, что в казахском обществе «не только колена, но и самые роды и аймаки рачительно наблюдают взаимный союз и избирают себе старшин из знатнейших и самых богатых дворян»⁴. В записи другого очевидца (конец XVIII в.) находим, что «сила у них (речь идет о казахах Младшего жуза. – С.З.) все решает, наисильнейший не только бывает прав, но и в большее еще тем приходит уважение».⁵ Аналогичные выводы встречаются и в других источниках.

¹ См. *Рихтер К.* Землевладение Азии, т. III. Спб., 1869, стр. 169.

² О древних союзах киргиз-кайсаков. Спб., 1886, стр. 5.

³ *Красовский М.* Область сибирских киргизов, т. III. Спб., 1868, стр. 5.

⁴ *Георги И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 124.

⁵ Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1798-94 годах. Спб., 1858, стр. 8.

Широко распространенные в Казахстане конфликты и вооруженные столкновения происходили не только между обособленными феодальными владениями и ханствами, но еще более между отдельными коллективами внутри одного и того же ханства, султанско-бийского владения. Распри возникали из-за борьбы за власть и необходимости исполнения судебных решений биев силой, из-за кровной и родовой мести и т. д. Причем раз возникшие враждебные отношения между коллективами иногда сохранялись в течение ряда столетий. На этой основе возник и существовал узаконенный обычаем институт «барымта» – право нападения обиженной стороны. На барымту, т. е. на угон скота, ограбление имущества и разорение аулов, другая сторона старалась ответить тем же. Эта традиция была настолько прочна, что ни увещевания ханов, ни постановления феодальных съездов, ни карательные отряды России не смогли добиться сколько-нибудь серьезного успеха в борьбе с нею вплоть до середины XIX в. На усиление внутренних конфликтов в XVIII и начале XIX вв. оказало значительное влияние усложнение классовых отношений, появление феодально-монархических движений, политическое неустройство казахского общества и колониальная политика России.

В этой обстановке кочевой коллектив оказывался во власти не только в экономическом отношении сильного лица, но и у военного предводителя, стоявшего во главе ополчения.

В захвате власти в кочевых коллективах существенное значение имело и наличие у претендента на власть разветвленной семьи, поддержки аулов и родовых групп. Тот, кто наряду с экономической силой имел обширные родственные связи, опираясь в первую очередь на военную организацию близких ему лиц, обеспечивал себе превосходство в борьбе за власть в коллективе.

П. Рычков именно это, по-видимому, имел в виду, когда писал о местных начальниках в Младшем жузе: «Чем больше кто из них имеет своего рода, тем больше его могущество в народе, потому что он в случае нужды может употреблять силу семьи своей вместо правосудия и обороны. Таким образом, если есть нужда склонить к чему-нибудь киргизов, то надлежит к тому согласить не столько самого хана, сколько начальников многолюдных семей».¹ Сплошь и рядом в рассматриваемый период сколько-нибудь влиятельные местные начальники присовокупляли к своему титулу и званию слово «батыр», что означает «храбрый военачальник».

¹ Рычков Н. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1772, стр. 24.

В одном из описаний XIX в. о казахах было сказано, что «имеют они начальников под названием батыров, которые ничто иное, как главные предводители».¹ Известно, что ханы Абулхайр, Аблай именовались в свое время батырами. Старшины Срым и Исатай, руководители народного и крестьянского восстания конца XVIII и первой половины XIX вв., также титуловались как в мирное время, так и во время походов батырами.

Одной из особенностей организации местной власти и управления в Казахстане было то, что ее носителем мог быть только выходец из данной родовой группы, над которой устанавливается его власть, точнее, местный начальник должен иметь в какой-то степени историческую связь с управляемой единицей. Забегая вперед, заметим, что в период организации округов и волостей на основании «Устава» 1822г. в Среднем жузе возникли серьезные трудности. Каждый значительный род соглашался на вхождение в состав волости только тогда, когда будут избраны в начальники их представители. Пограничным органам пришлось пойти им навстречу и придерживаться родового принципа в распределении должностей как в волостях, так и в округах.²

Такая форма организации органов местной власти способствовала развитию местничества. Не представляли исключения факты, когда небольшие кочевые коллективы, ущемленные в своих интересах, бросали обжитые кочевья и уходили вместе со своим начальником во владения других родов. Связь между властью и подданными была относительно прочна в низовых звеньях управления. В период острой классовой борьбы и смещения населения аульный коллектив (или подотделение рода) редко подвергался дроблению, выступая во главе со своим начальником как одно целое.

К особенностям организации и деятельности органов местной власти и управления относится слабость связей между отдельными их звеньями в порядке подчиненности. Чем выше стоял местный начальник на ступени административной лестницы, тем меньшее влияние он имел на отдельные подчиненные ему части владения. Это объясняется тем обстоятельством, что принцип автономности и относительной самостоятельности в той или иной степени пронизывал и определял структуру внутренних взаимоотношений во владениях. Эта разобщенность использовалась отдельными ханами для усиления своей власти (Аблай, Арынгазы и др.), давала им возможность подавлять сопротивление отдельных групп в одиночку, нередко наталкивая их друг на друга и разжигая между ними распри.

¹ Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. Спб., 1809, стр. 513.

² Если ага-султан назначался из одного рода волости, то из других родов выбирались кандидаты в ага-султаны и заседатели. Об этом подробно см. в главе, посвященной реформе 1822 г.

О роли и месте знати как носителя местной власти в политике и делах ханства дают известное представление факты, приводимые ниже. Когда в 40-х годах XVIII в. Абулхаир-хан, обострив отношения с оренбургским губернатором, прервал торговые связи с пограничными пунктами, что в известной степени отразилось на экономике кочевых коллективов, родоначальники по этому поводу писали Неплюеву, что многие казахские старшины «все добросостоятельные люди ево ханские беспутства довольно уже знают и тем его в глаза поносят, попрекая, что он поступками своими народ развращает и приводит к бедствиям и погибели», а некоторые из них настолько «озлобились, что уже убить ево намеряются».¹ Представляет интерес заключение коллегии иностранных дел от 1749г. о том, что в аманаты нельзя брать побочного сына казахского хана потому, что знатные старшины «по их амбиции» не захотят отдать в аманаты своих детей вместе с ним.² Известно, что когда Аблай-хан стал мало считаться с мнением старшин, то последние в 70-х годах XVIII в. подняли восстание, которое, однако, было подавлено войсками хана.

В конце XVIII в. в Младшем жузе старшины во главе со Срымом ответили бурным протестом на притеснения и злоупотребления хана. Большая группа старшин в 1785 г. требовала от Екатерины II отстранения от престола потомков Абулхаир-хана: «Если вы не отстраните детей Абулхаир-хана от ханства, – писали они, – у нас с вами не будет мира и спокойствия, не потому, что мы терпим от Падишаха что-либо худое, а ввиду злодейства хана. Поэтому мы единодушно решали не вести с вами переговоров и не заключать мира до тех пор, пока он не будет отстранен».³ В этом документе наиболее рельефно выступает роль старшин и родоначальников в казахском обществе.

Перед лицом сопротивления, неповиновения старшин ханская власть во многих случаях оказывалась беспомощной, была не в состоянии принять самостоятельные решительные меры. Например, во Внутренней орде в 1804 г. старшины Ужес-батыр (из рода Берш) и Мамбет (из рода Шеркеш) решили выйти из владения Букей-хана и перейти обратно на левый берег р. Урал. Хан, будучи бессильным подчинить их своему решению, обратился в колониальные органы за помощью.⁴ Такие же случаи наблюдались в 1826 – 1827 гг.

Особенностью структурного построения системы местной власти и управления было то, что в ее основе лежало не разделение подданных по особо учрежденным центральной властью административным

¹ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 149-150.

² Сборник узаконений о киргизах степных областей, составленный И. Крафтом. Оренбург, 1898, приложение, стр. 29.

³ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 264.

единицам, а в большей степени территориально-родовой принцип. Отсюда административное деление в известной мере внешне казалось родовым делением, а власть местных начальников – «родовой властью», тогда как они вовсе не были по своей сущности таковыми. Семьи, не принадлежащие к определенной родовой группе, но расселенные среди ее членов, считались подданными одной и той же власти. В силу объединения в своем составе выходцев из различных родов она не могла быть, строго говоря, даже по форме «родовой» властью, хотя носила имя основной группы, ее составляющей. По своей социальной природе власть местных начальников была властью привилегированных слоев общества, следовательно понятие «родовой» начальник является сугубо относительным.

Рассмотрим построение и функции местной власти. Аул, состоявший в среднем из 5-15 дворов, имел аксакала-старшину. Когда-то, по-видимому, аксакалом мог быть только опытнейший, наделенный мудростью пожилой по возрасту член коллектива. Об этом говорит само слово «аксакал», что означает «белая борода». В рассматриваемый период сохранились лишь отдельные черты давно минувших веков. Часто власть в ауле оказывалась в руках не самых «старших» и самых «мудрых». В сфере власти доминировали богатство и сила, которые давно взяли верх над древними установлениями.

Функция аксакала была проста. Она сводилась к выбору времени и места перекочевков, к указанию способов содержания скота. Он разбирал внутренние споры, добивался примирения сторон, представлял интересы коллектива перед более высоким объединением и во внешних сношениях. Многие хозяйственные вопросы, а также важные вопросы внешних взаимоотношений решались на совете глав наиболее знатных семей, представляющих аул. Аксакал какого-либо официального вознаграждения от общества не получал, но за ним сохранялось право на «добровольные приношения». Он не избирался, а становился обладателем власти в силу своего богатства и влияния.

Несколько аулов составляло подотделение рода («ата баласы»), которое заведовалось каким-нибудь богачом, имеющим экономическую власть в коллективе и принадлежащим к влиятельной семье. Он рассматривал подчиненные ему аулы как свое владение, по зову сюзеренов выходил во главе ополчения, делил добычу, представлял интересы подотделения, вершил суд. Его власть была особенно заметна в период, когда аулы собирались на одно место при необходимости совместного освоения пастбища (в обычных условиях кочевание происходило поаульно, в небольшом удалении друг от друга), для организации коллективов перед лицом угрозы. Он распоряжался

кочевьями коллектива и лучшие территории всегда оставлял во владении своем и своих приближенных. Такие же функции, но лишь в более широких формах, несли начальники отделений родов.

Аул, подразделение и отделение рода рассматривались как части одного целого. Род имел свой знак-символ (тамгу), которым клеймили скот и другое имущество, боевой клич (уран) и знамя. Однако единство, выражаемое знаками и институтами рода в целом, относилось лишь к единству родового наименования. Оно отнюдь не говорило о единстве интересов и взглядов отдельных частей и членов родовой группы. Во главе рода, как правило, находились крупные бии, батыры и старшины. Они являлись вассалами своих покровителей – султанов и ханов, распределяли и собирали подать, принимали участие в феодальных съездах, советах, командовали местным ополчением, имели право судить и наказывать. Политика, проводимая родовым начальником, была связана с интересами местной знати, с политикой своих вассалов. Он имел в системе родового кочевья свой домен – личное владение, которое составляло его главную опору и источник дохода.

Сила власти родовых старшин, равно и других представителей местного управления, определялась количеством подданных, размером той части хозяйства, которая составляла его личное и непосредственное владение, умением представлять интересы знати, коллектива во взаимоотношениях с другими группами и личными способностями как военачальника и знатока норм права и обычаев. Таким образом, лица, стоящие во главе родовых единиц, обладали силой власти в различной степени.

Наиболее крупные и влиятельные бии и старшины, подчинившие своей власти обширные владения, присваивали себе права, принадлежавшие по обычному праву казахов только феодальному собранию. Они выносили смертные приговоры и приводили их в исполнение. Ф. Назаров так описывает сцену суда в начале XIX в., свидетелем которой он был: «Старые бии, – пишет он, – сидя с важностью на разостланных по траве коврах, приговорили преступника к смерти, приговор исполнен был в одну минуту: на шею несчастного накинули аркан, привязали конец его к лошадиному хвосту и всадник скакал по степи, влача его за собою за кражу 2-х баранов».¹ Такой крупный феодал, как Кунанбай, неоднократно приговаривал к смертной казни «виновных», которых сбрасывали со скалы.

Султанское управление, объединявшее в своем составе население ряда родов, представляло собой удельное владение хана. В 1817 г. султаны Джума Кудаймендиев, Баба Каинов, Джантюре Джигангеров,

¹ Назаров Ф. Киргизы. – Вестник Европы, ч. 119, 1821, стр. 318-319.

Чутай Бахтигеро в Средней орде, Каратай Нуралиев, Медеткалиий Турдалаев и Айчуваковы в Малой орде находились соответственно во главе родовых объединений Аргын, Найман, Кыпшак, Бахтигерей, Алим-улы, Бай-улы и Джетыру.¹ За отдельными исключениями власть султанов была слаба – гораздо слабее власти родовых биев. Они не имели исторических связей с родами, стояли вне их, во многом напоминая русских бояр-кормленщиков, основная задача которых заключалась в извлечении личных выгод из своей власти. Среди них были и такие, которым удавалось упрочить свою власть, а иногда установить личную диктатуру и превратить управляемые ими роды в значительной степени в подчиненное владение.

Следует особо остановиться на организации и деятельности местной власти и управления во Внутренней орде, где, как было указано, отдельные общественные процессы получили более четкое и активное развитие, чем, скажем, в других частях Казахстана. К началу 1840 г. небольшие роды были объединены под властью одного родоправителя. Таким образом, вместо 17 родов оказались созданными 10 своеобразных административных родов. Родоправители, в большинстве своем вышедшие из султанов, назначались ханом и утверждались оренбургским военным губернатором с последующей выдачей каждому из них специального указа и именной печати.² Они обязаны были следить за действиями старшин, раскладывать подати и обеспечивать их сбор через начальников нижестоящих делений, представлять необходимую отчетность хану, выполнять его распоряжения, определять районы кочевьев для каждого подразделения в рамках отведенного роду земельного участка, разбирать тяжёбые дела местного значения. Кроме того, родоправитель организовывал военный отряд.

Во главе отделений и подразделений рода стояли старшины, назначавшиеся и утверждавшиеся ханом. Хан мог по своему усмотрению сменить старшин, хотя не всегда это ему удавалось. К середине XIX в. число старшин доходило до двухсот. Старшины выполняли такие же задачи общего управления в отношении своих подчиненных, как родоправители. Они были обязаны знать кочевки аула, собирать подать, разбирать незначительные споры по обычаям «народа», при этом всегда стремились окончить дело примирением сторон («Саламат», «Қарындас-кып»). Старшины подчинялись султанам-родоправителям. Последние, судя по отдельным источникам, обладали определенной властью над ними. Например, старшина Даут

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 35

² О Внутренней или Букеевской киргиз-кайсацкой орде. – Сын отечества, ч. V, 1840, стр. 237.

Ермеков из рода Берш в 1836 г. заявил, что «в прошлую зиму Бабаджанов (правитель нескольких родов. – С.3.) без всякой причины продержал его под караулом трое суток, а затем, дав 25 ударов плетью, отпустил».¹

Огосударствление местных старшин при ханах успешно решалось, пожалуй, только во Внутренней орде. Если к 1827 г. в двух родах (Байбакты и Берш) из 34 старшин только трое были назначенными, т. е. являлись «указными»,² то к 1845 г. во главе почти всех отделений стояли утвержденные старшины.

Функции родоправителей и старшин здесь заметно изменились: введены отчетность, обязательное заключение контрактов на аренду пастбищных земель у соседей, сбор налогов с населения, наблюдение за тем, чтобы среди «подвластных» не проживали русские беглецы, «мятежники», пришельцы из других казахских родов. Короче, родовые начальники в большинстве своем превратились в простых чиновников.

В связи с этим получает известное развитие местный аппарат. Муллы, состоявшие при родовых султанах и старшинах, сочетали теперь обязанности письмоводителя и религиозного наставника.

В архиве сохранились отрывочные данные, свидетельствующие о том, что некоторые родоправители имели при себе «кызметкеров», определенных к ним из подвластных коллективов для выполнения поручений по управлению родом. В одном из документов «кызметкеру» предписывается «не делать обиды и насилия» казахам, старым и молодым. Можно полагать, что они привлекались и для выполнения серьезных дел.

Деятельность родовых начальников направлялась местными феодалами, которые фактически удерживали в руках бразды правления внутри отделения и аулов. Об этом говорит и тот факт, что в важных документах обычно стоят подписи не только старшин, но и других многочисленных представителей феодального класса, именуемых «старшиналары, байлары және мырзалары» (старшины, богатые и мирзы).³

Начиная с 30-х годов XIX в. в отдельных местах вводится должность управляющих районами. В начале 1827 г. казахи, кочующие в Прикаспии, без различия родов были разбиты на два района. Подобное же районирование на основе территориального принципа несколько позже было введено и в других местах орды, во главе районов были поставлены наиболее крупные султаны и бии из

¹ См. *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 129.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1174, л. 17-18.

³ Там же, д. 12, л. 28.

числа близких и преданных хану людей. Управляющим казахами, например, кочующими в районе Камыш-Самарских озер, был назначен султан Шуке Нуралиев, родственник хана. Одним из прикаспийских районов заведовал Карауходжа Бабаджанов, крупный богач и ростовщик.¹

Изучая организацию и деятельность местных органов власти и управления в различных частях Казахстана, нельзя не заметить, что превращение их в придаток центральной власти происходило в различных масштабах. Серьезные успехи в этом направлении были достигнуты к концу периода ханской власти лишь во Внутренней орде. В остальных районах Казахстана в организации и деятельности местных органов власти и управления преобладали принципы и методы, характерные для казахского общества более раннего периода.

Царское правительство, в особенности в конце XVIII и начале XIX вв., предпринимало ряд мер для привлечения на свою сторону наиболее влиятельной части местных старшин. Вначале некоторым из них присваивалось тарханское звание, затем широкую практику нашло одаривание и награждение местных начальников. Все это должно было лишь подготовить активное наступление на их относительную самостоятельность.

Пограничные власти не раз испытали силу власти и влияние старшин. Прежде чем ввести систему новых судов (расправ) в казахской степи, которую задумал губернатор Игельстром, он стал убеждать влиятельных старшин в необходимости учреждения таковых в их же интересах и в том, что расправы помогут им сконцентрировать всю власть в орде в своих руках. Старшины, согласившись на организацию расправ, категорически отказались приступить к этому ранее, чем сможет возвратиться Срым-батыр из плена.²

Губернатор Игельстром начал с закрепления за правительством права назначения старшин, стоявших во главе родов. Получив официальное одобрение высших правительственных инстанций как на утверждение старшин, так и на установление им определенного годового жалованья, он приступил в 1786 – 1787 гг. к осуществлению задуманного плана. Им были отобраны в поколениях Алим-улы – 12, Бай-улы – 14, Джетыру – 13, Аргын – 3, а всего 42 старшины (по одному на каждый род) и утверждены с приведением их к присяге в пограничном суде в г. Оренбурге.³ Несколько раньше

¹ Оренбургский листок, 1887, № 24; *Рязанов А.* Восстание Исатая Тайманова. – Труды общества изучения Казахстана, т. III. Кызыл-Орда, 1927, стр. 8. 139.

² Там же, стр. 74.

³ См. письмо Игельстрома Екатерине II от 9 ноября 1787 г. Там же, стр. 98.

(1785. г.) на собрании старшин были избраны трое главных старшин по одному от каждого поколения: от Алим-улы – бий Сегизбай, от Бай-улы – бий Тургамбет, от Джетыру – батыр Тленше, коим было поручено «иметь смотрение за сими родами, чтобы находились в должном верным подданным повиновении и всегдашнем спокойствии». Старшины подчинялись батыру Срыму, ставшему в этот период руководителем антиханского народного движения.¹ Через год, т. е. в 1787 г., число главных старшин с трех было увеличено до семи (Алим-улы – 3, Бай-улы – 2, Джетыру – 2).² Пограничные власти от случая к случаю, а в начале XIX в. несколько чаще стали практиковать выдачу «аттестатов», «похвальных листов» и пожалованных грамот отдельным местным начальникам за усердие, «хорошее поведение», «верность престолу» и т. д. Ниже приводится полный текст одной из нескольких грамот, обнаруженных нами в делах канцелярии командующего Сибирским корпусом. Она дана в 1814 г. командиром корпуса Глазенапом казаху Аралбаю Кульбаеву. «Объявитель сего – верноподданный киргизец Аралбай Кульбаев за хорошее поведение и преданность к России произведен мной сего числа в старшины, которого предписываю Господам командующим на сибирских линиях таковым и признавать, в обхождениях с ним оказывать ласковость и доброхотство, и в случае обид от кого-либо случиться могущих делать всякое защищение, напротив чего рекомендуется ему – Кульбаеву впредь вести себя честно и добропорядочно, как верноподданному Его Императорского Величества надлежит, и не только ничего противного Российским узаконениям не делать, но и подчиненных своих всячески от того удерживать. Для чего и дан сей за подписанием моим и приложением печати Сибирской линии в крепости Омской Генваря 5 дня 1814 года».³

Огосударствление местной власти в Казахстане как активный процесс наблюдалось начиная со второй четверти XIX в. В рассматриваемый нами период хотя и предпринимались некоторые шаги в этом направлении, однако местная власть во многом была свободна от обязанностей ханских и царских чиновников.

¹ Там же, стр. 67.

² Там же, стр. 99.

³ ЦГИА КазССР, ф. 746, оп. 1, д. 16, л. 8.

Выводы

Рассматриваемое нами время представляет собой последний этап существования ханской власти в Казахстане. Кризис ее оказался неотвратимым. Ни смелые попытки крупной султанской знати (Арынгазы, Джангер), ни феодально-монархические движения (Кенесары, Саржан и др.), ни союз с духовенством и некоторыми клерикально-феодальными странами (Хивой, Бухарой и Кокандом) не могли предотвратить распад и ликвидацию казахских ханств.

Эти действия в лучшем случае могли лишь несколько продлить существование ханской власти, но не спасти ее от гибели. Падение ханской власти было предопределено всем ходом развития экономических, социальных и политических отношений в Казахстане. Те явные признаки упадка старой системы власти, которые наблюдались в особенности с середины XVIII в., своими корнями уходили в глубь казахского общества и были не чем иным, как симптомом устойчивых внутренних изменений.

Усиливающееся влияние России привело к возникновению новых элементов в социально-экономических отношениях казахского общества. Ханская власть, выражавшая интересы старых форм общественных отношений, не смогла устоять перед натиском нового. Все потуги, предпринятые частью султанов при активной помощи колониальных органов, приспособить ханскую власть к новым задачам и отношениям оканчивались провалом. Разрыв между ханской властью и обществом не уменьшался, а все далее вел к роковому для старой системы дню.

В низвержении ханской власти в основном участвовали три силы, разрушительное воздействие которых привело к ее падению. Во-первых, народные массы, перешедшие от «мирных способов» борьбы к открытому выступлению против ханской власти, требовали в отдельных местах ее ликвидации (восстание батыра Срыма в Младшем жузе в конце XVIII в., восстание крестьян во Внутренней орде в 30-х годах XIX в.). Во-вторых, царское правительство с самого начала преднамеренно опиравшееся на ханов для того, чтобы использовать и уничтожить их власть. В-третьих, развивающиеся тенденции к децентрализации власти усугубляли кризис ханской диктатуры.

Падение ханской власти сопровождалось падением, хотя и относительным, всех других политических учреждений и институтов, связанных с ней. В частности, феодальные съезды и другие «народные» органы в своей значимости и содержании претерпели некоторые изменения, выразившиеся в низведении их до роли второстепенных,

совещательных органов, в изъятии из их ведения части прежних прав, в некотором возвышении роли чиновничьего аппарата и системы наместнического управления. Эти процессы особенно заметны во владениях ханов Арынгазы и Джангера.

Политические отношения в Казахстане конца XVIII и первой половины XIX вв. были чрезвычайно сложными. Казахстан явился местом столкновения интересов различных политических сил и социальных групп.

Причем, значительную роль сыграли колониальные происки царизма, ряда среднеазиатских ханств, за которыми стоял английский империализм и Китай. Местные феодалы частью тяготели к России, частью к другим государствам. Они в свою очередь старались вовлечь в борьбу за власть народные массы. Между различными прослойками феодального класса, преследующими свои узкие цели, шла ожесточенная борьба.

В этот период получает серьезное развитие классовое самосознание трудящихся масс, по Казахстану пробегает волна мощных народных выступлений.

Сложность обстановки не могла не влиять на политический строй казахского общества. Наряду со старыми учреждениями и институтами появились элементы новых форм власти и управления. Взаимное влияние старого и нового, переплетение их создает пеструю картину, представляющую большой интерес для исследования.

Подводя итоги, можно сказать, что казахские ханства конца XVIII и начала XIX вв. по своему устройству представляли собой раннефеодальные монархии, стоявшие на пороге разложения и упадка, когда на смену старой, отжившей политической системе шла новая, более совершенная, но не менее паразитическая система организации власти и управления, экономической основой которой оставался тот же феодальный базис.

Общая характеристика реформы

В конце первой четверти XIX в. создались благоприятные условия для ликвидации ханской власти как в Среднем, так и в Младшем жузе.

Хан Букей, распространивший свою власть в основном на владения крупного родового объединения Найман, умер в 1817 г. Второй хан Средней орды Вали скончался два года спустя. К этому времени царское правительство, уже в значительной степени прибавшее к своим рукам степную власть и право утверждения ханов, решило приступить к осуществлению давно задуманной цели: ликвидировать ханскую власть вообще. Оно отвергло ряд предложений местной знати об утверждении новых ханов вместо умерших. Появилась, в особенности среди представителей ханского дома Аблая, некоторая, впрочем слабая, тенденция к ориентации на китайское государство, которая, кстати, не проявила особой встречной активности.

Вопрос о ликвидации ханской власти как будто был твердо решен. Но в пограничных органах, в генерал-губернаторстве Сибири, в канцелярии командующего Отдельным сибирским корпусом не было выработано единое мнение относительно будущей системы и форм организации местной власти в Среднем жузе. Пока Сибирское ведомство обдумывало и решало этот вопрос, по инициативе знати вместо умерших ханов были назначены новые начальники, а один из них успел даже получить титул хана и признание со стороны китайского правительства. Однако это не меняло существовавшего прежде положения. Политическая зависимость от России сохранилась.

Таким образом, вопрос о реформе управления, о конкретных формах, в которые должны быть облечены планы колониального подчинения Казахстана, стал одним из важнейших в деятельности властей. Работа в этой части в значительной степени была завершена принятием в 1822 г. «Устава о сибирских киргизах»,¹ составленного крупным русским юристом и государственным деятелем М.М. Сперанским.

«Устав» 1822 г. с небольшими изменениями действовал до середины 60-х годов. Его значение в проведении колониальной политики и влияние на казахское общество оказались огромными.

¹ Полный текст «Устава» помещен в первом издании Полного собрания законов Российской империи, т. XXXVIII, стр. 417-433. В дальнейшем ссылки нами даются на это собрание.

Раскрытие содержания «Устава» 1822 г. немыслимо без характеристики тех исторических условий, при которых он был принят, и политических воззрений автора, которыми он руководствовался при его составлении.

Начало XIX в. ознаменовалось для России дальнейшим ростом демократической оппозиции по отношению к царскому режиму. С каждым годом росла активность крестьянских масс, выступавших против феодально-крепостнического угнетения. Волна протеста охватила рабочих промышленных предприятий.

Крепостное право, давно уже отмененное в странах Запада, но еще сохранившееся в России, стало острым вопросом внутренней политики. Идеи французских просветителей и Великой французской буржуазной революции все более находили отклик и распространение в России. Даже в глазах некоторой части дворянства и буржуазии царский режим казался гнилым и «антинародным». Среди нового дворянства и буржуазии формируются радикальные слои, готовые на революционный переворот.

Александр I нередко прибегал к либеральным фразам и жестам, чтобы дезориентировать растущую оппозицию, в особенности среди трудящихся масс, надеясь этим путем упрочить существующий самодержавный строй.

В такой политической атмосфере формировались идеи и взгляды М.М. Сперанского, впоследствии генерал-губернатора Сибири, автора «Устава о сибирских киргизах» и крупного кодификатора законов Российской империи.

М.М. Сперанский вначале входил в круг приближенных царя и крупных государственных сановников. По отзывам современников и исследователей, он выделялся среди чиновников не только своим талантом государственного деятеля, большой трудоспособностью, но и обширными знаниями.

В 1812 г. он представил царю свой проект государственного преобразования, отражавший прогрессивные буржуазные взгляды автора. Он намекнул на серьезный разрыв, существующий между системой власти и управления и требованиями времени. «Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, — указывал он в своем проекте, — и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен той степени гражданского образования, на коим стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предвывает сей степень, он ниспровергается с большим или меньшим потрясением... Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может».¹

¹ Сперанский М.М. План государственного преобразования. М., 1905, стр. 15,16.

Мировоззрение М. Сперанского отразило влияние идей просветительской философии XVIII в. и школы естественного права.¹ Он говорил об общественном духе, которому должны соответствовать законы, об обязанностях «державной власти» перед задачами, вытекающими из этого соответствия. Продуманные и хорошие законы, по М. Сперанскому, помогали утверждению порядка и справедливости в обществе. «Сколько бедствий, сколько крови можно было избежать, – писал он в плане государственного преобразования, – если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем».²

Мы здесь не будем пространно рассматривать систему, предложенную М. Сперанским в «Плане государственного преобразования». Для нас важно то, что он отразил в ней свои взгляды буржуазного реформатора. Пожалуй, в этот период М. Сперанский, как утверждает академик М. Дружинин, сильнее других был захвачен буржуазной идеологией.

План М. Сперанского был встречен в штыки реакционными кругами, влиявшими на царя и его политику. Он был сослан в Нижний Новгород. Последующая деятельность М. Сперанского свидетельствует о том, что его стремление к существенным реформам государственного строя России в значительной степени было сломлено. Отказавшись от решительных действий, он оставался в то же время умеренным буржуазным деятелем, еще долго сохранявшим прогрессивные взгляды на политическое устройство государства.

В 1816 г. царская опала кончилась. Сперанский назначается пензенским губернатором, а в начале 1819 г. – генерал-губернатором Сибири. Сибирь в этот период состояла из трех губерний: Тобольской, Томской и Иркутской. Все они находились под властью одного генерал-губернатора. По отзывам современников, в начале XIX в. тот обширный неустроенный край нуждался в существенных переменах. Все авторы, касавшиеся положения далекой провинции, пишут о бесчинствах, царящих в ней. В Сибири «народ стонал от несправедливости и поборов», – писал один из дореволюционных авторов.³ «Обездоленный край, – сообщает другой, – кишел административными насильниками, которых деяния уподобить разве злодействам опричнины». О взяточничестве, потрясающих истязаниях говорят следующие факты. Супруга начальника одной из губерний, Трескина, каждый год продавала бурятам один и тот же мех за 10000

¹ Покровский В.С. История русской политической мысли, вып. III. М., 1952, стр. 9.

² Сперанский М. План государственного преобразования. М., 1905, стр. 10.

³ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского, т. II. СПб., 1861, стр. 170.

руб. ассигнациями, т. е. продавала его и обратно брала в виде взятки. Исправник Лоскутов «обливал голых людей на морозе и делал из них статуи».¹ Жестоко угнетались не только коренные жители Сибири, но и русские крестьяне. Последние своими постоянными жалобами на бесчинства чиновников обратили внимание высших правительственных кругов и царя.

Произволу в Сибири способствовало и то, что ее генерал-губернатор П.Б. Пестель, назначенный на эту должность в 1805 г., со своей «сибирской канцелярией» находился в Петербурге, откуда и «осуществлял» руководство краем. Если учесть, что Сибирь отстояла от ставки генерал-губернатора чуть ли не на 10 тыс. верст, при тогдашних средствах связи и сообщения, станет ясным характер этого руководства. Генерал-губернатор в Сибири фактически отсутствовал, что способствовало усилению произвола военных и гражданских чиновников.

В такой обстановке произошло назначение М. Сперанского. Он ехал в Сибирь в качестве не обычного губернатора, вернее всего в качестве ревизора, для установления порядка имея широкие полномочия. Сам царь в письме М. Сперанскому о назначении его на новую должность писал: «С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края., по сему нашел я полезнейшим, облеча вас в звание генерал-губернатора, препоручить вам сделать осмотр сибирских губерний и существующего до сего времени в оных управления». И далее: «...Сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края, и сделав оному начертание на бумаге, по окончании занятия ваших самим привести оное ко мне в Петербург, дабы имел я способ узнать изустно от вас настоящее положение сего важного края и прочным образом установить на предбудущие времена его благосостояние».²

Следует сказать, что М. Сперанский за короткое время пребывания в Сибири (около двух лет) проделал большую работу по улучшению положения края. Он проявил огромную трудоспособность, постоянно находился в разъездах, лично знакомясь с местными условиями. В характеристиках буржуазных историков, считавших, что с назначением М. Сперанского открылась новая история Сибири и что управление Сибирью «составляет прекрасную страницу в его жизни», имеется известная доля правды, ибо в тех условиях, когда административное злоупотребление являлось обычным делом, он

¹ Фатеев А. М. Сперанский. Биографический очерк. Харьков, 1910, стр. 58.

² Приводится по работе: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского, т. II. Спб., 1861, стр. 175-176.

активно взялся за уменьшение этого зла. Разумеется, вообще искоренить то, что порождено существующим строем, он не мог, но считал своим долгом ограничить наиболее опасные его порождения.

Для деятельности М. Сперанского, поддерживаемого правительством, в Сибири характерны два направления: 1) попытка искоренить административные злоупотребления, получившие в этом крае особенное распространение и ставшие уже опасными для интересов государства и 2) реорганизация управления с целью активного приобщения к империи народов, населявших эту область. И в том и в другом вопросе М. Сперанский добился значительных успехов. Достаточно сказать, что им и по его представлению многие из старых чиновников были преданы суду, сняты с должностей. Он составил проект десяти обширных законоположений, включавших 3000 статей, и добился их утверждения. Среди этих законов был и «Устав о сибирских киргизах».

В составлении «Устава» имело существенное значение изучение М. Сперанским и его группой быта и обычаев, в особенности кочевых бурятов. Он лично объезжал кочевья и вел подробные записи о них. М. Сперанский неоднократно посещал и районы расселения казахов вблизи городов Омска и Семипалатинска. В середине 1819 г., производя осмотр Омской крепости, участвовал в торжествах, устроенных казахскими аулами в его честь. В конце 1820 г. он побывал в Семипалатинске. По дороге, во время разъездов по степным районам, генерал-губернатор не мог не встречаться, по крайней мере, с казахской знатью. Большую роль в доставлении сведений о казахах играли военные начальники и чиновники Омской области, стоявшие наиболее близко к казахскому населению Среднего жуза.

Следует отметить, что первая встреча с казахами оставила у генерал-губернатора, привыкшего к порядкам Европы, тяжелое впечатление. В своем дневнике и письмах к дочери он называет казахов «дикими». В дальнейшем он принимает, как будет изложено ниже, активное участие в политическом и экономическом устройстве казахского общества. Особое усердие М. Сперанского в государственных делах Сибири объясняется не только возложенной на него обязанностью. Он стремился заслужить доверие правительства и императора и полностью освободиться от царской опалы.

«Устав» 1822 г., разумеется, не был дарован казахам как «человеколюбивое попечение» со стороны правительства. Он также не являлся «примером заботы» об устройстве Среднего жуза, как хотели его представить царские чиновники. Омский областной начальник в 1822 г. писал об «Уставе» одному из казахских султанов: «...Уверю Вас, что порядок нового устройства в степи, ничто иное есть, как человеколю-

бивые попечения нашего Величества Государя, одно желание его успокоить, примирить добрый киргизский народ, приходящий в разорение и бедственное состояние от барымты и междоусобных ссор».¹

«Устав» по своей цели и содержанию был связан с политикой, направленной на присоединение Казахстана к Российской империи и превращение его в колонию. Но методы и способы, избранные для осуществления этих целей, во многом отличались от старых традиционных методов колонизации заселенных районов.

На первом плане в «Уставе» стоит вопрос об организации округов на всей территории Среднего жуза, представляющих местную власть среди кочевого казахского населения, подчиненных и тесно связанных с органами пограничного управления. Причем, каждому окружному приказу придавались воинские силы и чиновники. Осуществление этих важных мероприятий приводило: а) к выдвиганию линий в глубь степи; б) к отторжению части аулов из-под влияния китайского правительства; в) к удержанию кочевых коллективов в пределах определенного административного района; г) к распространению влияния власти на все казахские роды; д) к организации устойчивого управления, дающего возможность подготовить условия для окончательного присоединения Казахстана к России.

Этот обширный и сложный план претворялся в жизнь без серьезной ломки старых сложившихся порядков управления, постепенно, но верно и с большим успехом, что предопределялось совершенностью уставной разработки. Существо его охарактеризовано в письме М. Сперанского к своему преемнику Капцевичу. «Шаг в киргизскую степь на примерной карте хотя и кажется смелым, но в Уставе он так расположен, что новая черта представляет только цель, куда идти и куда, может быть, только в полвека прийти будет можно, подаваясь всегда тихим и измеренным движением нечувствительного, но всегда по одному плану и пользуясь случаями и местными обстоятельствами. Сие постепенное движение гражданского устройства в степи найдено удобнейшим нежели предположение давно уже бывшее и покойным Глазенапом возобновленное о переносе линий».²

Нужно отметить, что оренбургский губернатор поступал иначе. Он стоял за большую ломку старых внутренних порядков в Младшем жузе. Опыт показал, что способ, предложенный М. Сперанским, оказался наиболее действенным и удобным. Организация округов и волостей объективно имела положительное значение для дальней-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 388, т. 1, д. 402, л. 7-8.

² Корф М.А. Жизнь графа Сперанского, т. II. Спб., 1861, стр. 232.

шего развития казахского общества. Она ввела административную определенность, способствовала искоренению родовых и феодальных междоусобиц, постепенно изнутри ломала остатки родовых институтов и представлений.

Красной нитью по «Уставу» проходит идея поддержки и союза с аристократической верхушкой казахской феодальной знати.

В высших звеньях административной лестницы власть была объявлена как исключительная привилегия султанов. Старшие султаны в окружных приказах, управители в волостях могли быть только султаны. «Устав» не содержит каких-либо оговорок, делающих исключение из этого правила. В связи с этим следует сказать, что составитель «Устава» слишком преувеличивал роль султанской группы в казахском обществе, рассматривая ее как монопольно властвующее сословие. Как будет показано далее, подобное представление не соответствовало действительному соотношению сил между отдельными слоями феодального класса в системе власти. И правительство вынуждено было позже исправить свою ошибку. В то время, когда принимался «Устав», султаны играли еще значительную роль в политической жизни казахского общества, но не настолько, чтобы быть единственными носителями власти в родах и родовых объединениях. Могущество султанов давно уж стало падать, уступая притязаниям крупных биев и старшин.

Местная власть в Среднем и отчасти Большом жузе была поставлена под надежный надзор и контроль русских администраторов. При каждом окружном приказе находились «команда линейных казаков» во главе с командиром и два русских чиновника (§§ 20, 23). В случае надобности часть воинского отряда могла располагаться при ставках волостных управителей. Письмоводители в волостях должны были владеть (русским и казахским языками (§ 99). Причем они, как определено отдельным положением, назначались пограничным управлением. Ими сплошь и рядом назначались специально обученные воспитанники Омской азиатской школы из русских, прошедших экзамен и подготовку по вопросам колонизации края. Сам по себе этот факт должен иметь далеко идущие последствия в смысле уверенного осуществления колонизации Казахстана. Этой же цели служило определение в органы местной власти наиболее преданных престолу лиц из казахской знати.

М.М. Сперанский твердо стоял на позиции необходимости развития земледелия и оседлости среди всех кочевых инородцев Сибири, в том числе и среди казахов. Весной 1820 г. он, собрав главных начальников бурятов, дал следующее наставление: «Старайтесь вну-

шать и родовичам..., что единое верное средство не только в безбедной жизни, но и к прочному богатству, есть земледелие».¹ М. Сперанский не изменил своей идее ни в «Уставе» об инородцах, ни в «Уставе» о казахах. Закон подробно регламентировал порядки отвода земель и использование ее под пашни, обязанности волостей поощрению занятия земледелием среди кочевого населения. Перешедшие к земледелию пользовались рядом преимуществ. В частности, им отводились участки соразмерно общественному положению на правах наследственной недвижимой собственности, оказывалась помощь сельскохозяйственными орудиями, им помогали люди, знающие способы возделывания полей, урожай не облагался налогом и т. д. «На отведенных землях должны они стараться, – сказано «Уставе», – завести хлебопашество и буде представиться возможность садоводство, пчеловодство и пр.» (§ 82). Незастроенные или оставшиеся необработанными в течение пяти лет участки отбирались и передавались тому, кто соблюдал условия отвода угодий (§ 173). Причем было специально оговорено, что правительство не намерено причислять оседающих, занимающихся земледелием кочевников к крестьянскому сословию с вытекающими отсюда последствиями. «Кочующие инородцы остаются вообще на прежних правах, – записано в «Уставе об управлении инородцев», распространенном в этой части и на казахов. – Им внушать надлежит, что с умножением хлебопашества они отнюдь не будут против воли их обращены в звание крестьян и вообще без собственного их желания не будут включены ни в какое другое сословие».²

Земельная политика, провозглашенная в Среднем жузе, способствовала приобщению кочевого населения к более передовой форме сельскохозяйственного производства. Однако неправильно объяснять переход к оседлости и земледелию среди кочевников действием только колониальной политики. Он порожден в первую очередь как потребность внутреннего экономического развития казахского общества. Колониальная политика лишь способствовала вызреванию и развитию этой объективной тенденции, замеченной трезвым умом М. Сперанского.

В равной степени было бы ошибкой отождествление объективных явлений в обществе с целями и задачами, которыми руководствуются господствующие в нем силы. М. Сперанский никогда не отрывался от политики господствующего в России класса, служил его интересам весьма ревностно. Служба и личный взгляд в данном

¹ *Васин В.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, т. I. Спб., 1872, стр. 285.

² ПСЗ, изд. I, т. XXXVIII, стр. 396.

случае не противоречили друг другу, а наоборот, совпадали. По его замыслу, что он сумел доказать и отстоять при обсуждении проекта «Устава» в Петербурге, поощрительная политика в земледелии и оседлости приведет к упрочению позиции царского правительства в казахской степи. Кочевники постепенно приобщатся к определенной территории и отвыкнут от «большой неопределенности», мешавшей распространению на них влияния пограничных властей. Система округов, волостей и административных аулов, узаконенная «Уставом», во многом основана на мысли, что кочевые коллективы удастся удержать в пределах известных территориальных границ. Традиционно-привычная, слабая центральная (ханская и султанская) власть в степи на базе изложенных изменений должна была уступить место более влиятельной власти с полицейскими функциями. Таким образом, идея развития элементов земледелия и оседлости среди казахов вовсе не является искусственным украшением фасада «Устава», она органически связана с системой управления и той политикой, которая должна была проводиться и проводилась царизмом в Казахстане.

Большой неожиданностью для многих старых пограничных чиновников, в особенности в Оренбургском ведомстве, привыкших командовать и распоряжаться по своему капризу судьбами колониальных владений, было введение выборов в степном управлении. Известно, что М. Сперанский в своем проекте «Плана государственного преобразования» выступил решительным сторонником выборной системы в государстве. Его переписка с видными государственными деятелями в годы ссылки и последующий период свидетельствует о том, что он не изменял своим первоначальным воззрениям. Можно полагать, что личные взгляды на политическое устройство сыграли определенную роль во включении в «Устав» начал выборной системы. Причем, такая система найдена была им и в верхах мерой, облегчающей осуществление колониальной политики. На этом вопросе мы еще будем иметь возможность остановиться особо. В данном случае он нас занимает как особенность «Устава о сибирских киргизах», отличавшая его от других положений, принятых позже в других частях Казахстана.

Было бы самообманом ожидать, чтобы эти выборы были подлинно народными. В условиях феодально-крепостнического строя и царского режима в России, султанско-бийской феодальной власти в Казахстане не могло быть и речи о «народных» выборах в местные органы. По форме и содержанию выборная система, введенная «Уставом», не могла не быть феодальной, ограниченной и

урезанной. Это видно уже по характеру выборов старшин административных аулов, где была принята самая «демократическая» форма. «Старшины для управления аулами выбираются от самих киргизов», – говорится в «Уставе» (§25). Такая неопределенность в формулировке вероятно допущена сознательно. Этой статьей узаконены порядки, при которых в избрании старшины участвуют не все взрослое население аула, а только представители семей, т. е. богатые и влиятельные лица. Еще более наглядными являются выборы волостных управителей и старших султанов – председателей окружных приказов. «Избрание» волостного управителя сведено к получению «согласия общества» (§31); под «обществом» подразумевался сбор султанов, биев, старшин и других влиятельных лиц феодального класса. Изложенное показывает, что так называемые «выборы», провозглашенные «Уставом» 1822 г., были в своей основе выборами знати.

Несмотря на явно ограниченный и узко классовый характер выборы, кстати, не могущие быть иными, при феодализме, все же представляли некоторый просвет на мрачном фоне средневековья и колониализма. Следует заметить, что оренбургское губернаторство не допускало и таких выборов, усматривая в них причину обособления казахской знати и конфликтов с официальной властью.

Был введен коллегиальный порядок деятельности высшего административного органа в степи – окружного правления. Старший султан, кому вменялось заведывание делами целого округа, обязывался действовать не иначе, как через окружной приказ. «Окружной приказ есть присутственное место, от имени коего должны исходить все его повеления в зависящей от него волости» (§ 58). Правами членов приказа пользовались: старший султан (председатель) и четыре заседателя, двое из которых являлись царскими чиновниками, назначенными русскими властями. Кроме указанных лиц, фактическим правом участия в рассмотрении основных вопросов в приказе пользовался начальник казачьего отряда, расквартированного при ставке старшего султана. Коллегиальный порядок рассмотрения вопросов в приказе давал возможность царским чиновникам ограничивать власть старшего султана и осуществлять через него политику империи. В волостном и аульном звеньях управления коллегиальность не соблюдалась.

Таким образом, коллегиальность в окружных приказах введена вообще не потому, что царское правительство заботилось «об искоренении единоначалия и лихоимства», как хотели бы ее представить некоторые сторонники колониальной политики. Если такая цель и имела место, то она была во всяком случае второстепенной и под-

чиненной основной задаче, связанной с захватом власти в кочевьях казахов. Коллегиальность, к тому же, вовсе не ликвидировала произвола местных и царских чиновников.

«Устав» предписывал производить новое административное деление «сообразно с настоящим состоянием». Даже в таком очень щепетильном вопросе, как судебная власть биев, в течение длительного времени не сходявшем с повестки дня колониальной политики, «Устав» недвусмысленно высказывался в пользу сохранения ее на прежней основе. В одном из писем Голицину из Сибири М. Сперанский указывал на необходимость составления закона, «местному положению свойственного». То же утверждал он в отчете 1821 г., представленном правительству, о положении дел в Сибири.

В «Уставе» строго выдержан принцип постепенности и осторожности в политике. Это условие соблюдено и в финансовом вопросе. Каждый округ освобождался от несения обязательной подати – ясака, в течение пяти лет после его организации. В нем указывалось, что «принимая ясак, не делать излишней браковки, лишь бы только рогатый скот был здоров, а лошади годны к употреблению» (§ 141). Эти меры были необходимы для того, чтобы не отпугнуть население от реформ.

По своей юридической технике и разработанности вопросов «Устав о сибирских киргизах» стоит несравненно выше «Положения об управлении Оренбургскими казаками». Он охватывает детальным регламентированием основные вопросы управления и экономической политики.

Находясь в Сибири, М. Сперанский писал, что «порядок управления местному положению свойственный, один может упрочить добро на долгое время. Учреждения без людей тщетны, но и люди без добрых учреждений мало добра произвести могут». Он верил в то, что правовые учреждения и власть могут играть определяющую роль в общественной жизни. Этот идеалистический взгляд отражен в его отчете. Говоря о положении в Сибири и о мерах, принятых им по приезде, он писал: «Все меры надзора и исправления не имеют и не могут иметь иного действия, кроме временного, или, так сказать, личного. Они могут приостановить зло, но не могут истребить его в корне. К сему нужны другие способы, коих твердое постановление зависит не от местного, а от высшего начальства. Способы сии состоят кратко в том: а) чтобы учредить в Сибири порядок управления, положению сей страны наиболее сообразный; б) снабдить ее положениями и уставами в разных частях управления ее необходимыми».¹ Его воззрения сыграли известную роль в практике сибирского ведомства.

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского, т. II. Спб., 1861, стр. 207-208.

«Устав о сибирских киргизах» оставил значительный след в истории казахского народа. Если судить о нем по тем последствиям, которые в той или иной степени были объективным порождением его воздействия на казахское общество, он предстает перед нами как акт, не лишенный положительных сторон.

Новое в административно-территориальном устройстве населения

Прежде чем осветить то новое в административном устройстве населения, которое пришло в казахскую степь в связи с принятием «Устава», следует хотя бы кратко обрисовать картину предшествовавшей этим изменениям эпохи. Особенно интересна проблема соотношения рода и территории.

До принятия «Устава» в основе административного деления населения лежали родовые принципы, ставшие анахронизмом. Главной единицей было объединение – род; совокупность их составляла орду. Каждый род в пределах территории орды имел определенный район кочевания. За ним закреплялся не весь кочевой путь, иногда простиравшийся на несколько сот километров, а только урочища, колодцы, луговые и сенокосные участки, являвшиеся основными местами стоянок и эксплуатации. Если нанести на карту пути кочевых родов, получится сложный рисунок линий, взаимно пересекающихся, то сходящихся, то расходящихся, в которых трудно найти с первого взгляда какие-то закономерности. Переплетение станет еще более сложным, если вместо родов взять их отделения и показать кочевые пути последних. Кочевые группы нередко в отдельные годы отклонялись от прежнего направления и избирали другие пути на малоосвоенных, неиспользуемых частях степи. Имея перед собой такую картину, можно легко запутаться и прийти к утверждению о том, что у казахских кочевников в землепользовании бытовал хаос, полная неопределенность.

В действительности, в специфической форме территориальная определенность существовала и в казахском обществе. Территория Среднего жуза не была разделена на отдельные цельные полосы, участки, отрезки, тесно примыкающие друг к другу, как это обычно имеет место в сельскохозяйственных обществах. Главное для казахов составляли места основных кочевых стоянок с удобствами для содержания скота. Такие участки находились на строгом учете и составляли владение определенного рода или его подразделений. Кочевой путь, пролежавший между этими урочищами, закрепленными за кочевыми коллективами, не являлся чьей-либо

групповой собственностью. Встреча на этих кочевых путях обычно не порождала споров между кочевыми коллективами, поскольку каждый из них, направляясь к своим основным стойбищам, останавливался на этих путях временно. Но занятие основных мест хозяйственного освоения, закрепленных за определенными группами, другими всегда порождало конфликт. Следовательно, на обширном степном пространстве орды представляли хозяйственную ценность не кочевые районы, пути вообще, а ограниченные пастбищные участки. Территориальная определенность родов должна быть рассмотрена именно с точки зрения владения этими участками.

Кочевые объединения постоянно перемещались по пастбищам. Они не имели постоянного места расселения, как оседлые коллективы. С этой точки зрения в родах господствовала территориальная неопределенность. С другой стороны, каждое родовое подразделение имело закрепленные за ним пастбищные стойбища, вполне определенные и конкретные. Род или его отделения как административные единицы были ими постольку, поскольку они были связаны с освоением этих участков и стойбищ. С этой точки зрения в родах существовали значительные элементы территориальной определенности. Эти два момента имели известное значение в административном устройстве и подчинении населения. Оставление кочевого района, основных мест стоянки отдельными членами рода или аульными общинами и переход в пределы и кочевья других родов означали выход из административного подчинения главы рода. Оставление родами закрепленных за ними основных пастбищных участков и переход в пределы другого султанства или ханства влекли за собой выход из административного подчинения соответственно султанства или ханства. При всем этом родовые связи, традиции сохранялись.

По сведениям А. Левшина, поколение Аргын в конце XVIII в. имело 17 родов, размещенных на территории Среднего жуза;¹ в 1817 г. семью из этих родов управлял султан Кудаймендиев,² остальные десять оказались вне этого султанства, учрежденного над аргынцами. Много аргынских аулов находилось среди найманов и кыпчаков, составлявших отдельные султанства. Несколько родов поколения Аргын в начале XIX в. перешли на территорию оренбургских казахов и образовали затем Восточную часть Малой орды.³ Аргынцев можно было встретить и на землях Большой орды. В таком положении находились и все другие поколения и крупные роды. Родовая

¹ *Левшин Л.* Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 7-10.

² *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 35.

³ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсака. Спб., 1867, стр. 26.

принадлежность того или иного члена общества вовсе не служила основным критерием отнесения его к той или другой административной единице. Ближайшее рассмотрение показывает, что в состав административно-родовой единицы входила лишь компактная часть рода, объединенная территориально-кочевой общностью. Многие члены этого же рода, кочевавшие в составе других родов внутри даже одного и того же султанства, не были подчинены власти того административного рода, откуда они происходили. Сам факт пользования защитой рода, независимо от того, из какого рода они происходили, устранял прямое влияние всякой другой власти. Но если оторвавшиеся от рода кочевники не поступали под власть других административно-родовых подразделений, оставаясь как бы «свободными», то они продолжали считаться частью своего рода, что давало право носителям власти в роде относиться к ним при необходимости как к своим подданным. В подтверждение сошлемся на два важных факта. При западно-сибирских городах, деревнях и казачьих станицах проживало немало казахских семей, ставших почти оседлыми (жатаки), число которых за счет притока из кочевых районов с каждым годом увеличивалось. Они выходили из различных родов Среднего жуза. Несмотря на то что они уже полностью оторвались от своих родов, даже смешались в гуще разнородцев, они ежегодно посещались родовыми биями, которые разбирали их споры и взаимные претензии, родовыми налоговыми агентами.¹

В данном случае родовыми начальниками двигала не забота об интересах своих однородичей-жатаков, а исключительно стремление к наживе. В районе Гурьева находилось несколько сот казахских бедняков, вышедших из разных родов Младшего жуза (Тазы, Иссык, Табын, Кете, Адай, Шеркеш, Есентемир). Пограничные органы власти решили выселить их оттуда и предложили правителям родов, откуда они вышли, забрать их в свои кочевья.² Из числа более 300 семейств 135 так и остались на старом месте, поскольку они не получили от своего рода «помощи» и «по крайней бедности не могли сами откочевать».³

Характер связи родоправителя с оторвавшимися от рода, но «свободными» членами определялся тем, насколько она была выгодна, могла служить делу наживы. К указанным беднейшим аулам казахов, расселенным в районе Гурьева, вряд ли когда-либо приходили родовые бии, старшины и «заботились» об их делах. Но едва появ-

¹ Киргизы-жатаки. – Русская речь, 1879, № 8, стр. 318-320.

² ЦИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 3704, л. 57.

³ Там же.

лялась возможность обложить родичей какими-нибудь сборами, как они тут же прибывали для разбирательства споров, с наставлениями и советами.

Такое положение составляет одну из характерных особенностей общественно-политической жизни казахов вообще, административного устройства в частности.

Следовательно, мнение, что в основе разделения населения казахского общества первой половины XIX в. лежали родовые принципы, может быть принято с известной оговоркой, что при этом имеется в виду не только и не столько родовая принадлежность того или иного члена общества, сколько территориально-кочевая общность и компактность расселения. Поскольку на практике такая компактность сохранялась в основной части родов или их разветвлений, то административная единица могла выступать под оболочкой доминирующего рода. Однако это относится к форме, тогда как внутренним содержанием административного деления населения была территориально-кочевая общность.

Прежде чем перейти к тем изменениям, которые были связаны с введением «Устава» 1822 г., следует остановиться еще на одном важном вопросе. Нами было отмечено, что каждый род и родовое отделение имели свои основные пастбищные стойбища, признанные обществом в процессе их освоения или закрепленные за ним официальной высшей властью. В системе пастбищной территории и основных сезонных стойбищ особая роль принадлежала зимним стоянкам. На зимних кочевьях возводились жилища, хозяйственные сооружения, нередко возделывались поля и т. д. Места зимней стоянки кочевников являлись как бы местами оседлости неоседлого населения. Они ревностно оберегались владельцами и отличались большой определенностью в системе пастбищного пространства. Кочевые коллективы, как бы ни дробились в другие времена года, куда бы ни уходили в поисках пастбищ, временных заработков, к зиме возвращались к своим зимним кочевьям и проводили все зимние месяцы почти на одном месте. Правительственные органы использовали эту особенность режима хозяйствования кочевников в административном переустройстве казахов.

«Уставом» 1822 г. предусматривалась организация трех административных звеньев: округов, волостей и аулов. Аул как низовая административная единица имел в своем составе от 50 до 70 кибиток. Из аулов составлялись волости, а последние входили в состав округов. Рассмотрим каждое из этих звеньев в отдельности.

Каждый округ имел определенную территорию. По этому поводу в «Уставе» было сказано: «Каждый округ имеет определенные над-

лежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства» (§ 9). Одно это должно было привести к известной ломке старого порядка. Прежде кочевые коллективы в процессе хозяйствования проходили сотни, а иногда и более тысячи верст, углубляясь в кочевья других родов и жузов. Само по себе кочевое скотоводство было немыслимо без освоения огромных пастбищных угодий, лежащих в различных направлениях. Теперь «Уставом» 1822 г. предусматривалось распределение казахского населения по округам, имеющим границу, переход которой позволялся только с разрешения органов власти.

При организации округов за основное брались зимние кочевья, которые имели более территориально-определенный характер, и родовая компактность расселения. В самом начале было установлено не вводить каких-либо изменений в расположение (зимнее кочевье) родов, существовавшее до принятия «Устава», помимо этого и учитывалось желание родов войти в состав того или иного округа.

Главной заботой правительственных органов являлось склонение казахов к окружной системе устройства. Заранее разработанных конкретных планов открытия и ввода округов не было. Один за другим командировались в аулы небольшие отряды с чиновниками из пограничной администрации для разъяснения народу необходимости принятия новой системы. По мере согласия кочевых групп возникали новые и новые округа. Следует учесть, что хотя Казахстан считался формально зависимой от царской России страной, тем не менее он еще не утратил полностью своей самостоятельности. В глубине степи господствовали султаны и бии, проводившие независимую политику. Более или менее послушными являлись кочевые коллективы, непосредственно примыкавшие своими кочевьями к пограничной линии. Такое положение создавало известные трудности в осуществлении «Устава» в части ввода нового административного устройства.

В 1824 г. кочевые владения бывшего хана Букея посетил начальник Омского областного управления полковник С.Б. Броневский. Во владениях бывшего хана Валия побывал подполковник Григоровский. В расположение основной группы поколения Найман были командированы отряд из 30 казаков и мулла.¹ В том же году во владении хана Букея образовался Каркаралинский округ, хана Валия – Кокчетавский. Вслед за ними были открыты округа: Баян-Аульский (1828 г.),² Аягузский (1831 г.), Акмолинский (1832 г.), Уч-Булакский

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 407, л. 3-4; д. 503, л. 18-19.

² Баян-Аульский округ в составе небольшой части поколения Аргын был организован фактически в 1826 г., но пограничные органы, намереваясь слить его с Каркаралинским округом, не утверждали его официально до 1833 г. (ПСЗ, изд. 2, т. VIII, ст. 1, стр. 135; ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 408, л. 31).

(1833 г.) и Аман-Карагайский (1834 г.). В 40 – 50-х годах появились Кокбектинский, Кушмурунский и Алатауский округа, завершившие организацию нового административного деления. Они охватили также значительную часть Большого жуза.¹ Уч-Булакский округ уже в конце первой половины XIX в. был упразднен с передачей волостей в состав Акмолинского и Кокчетавского округов. На месте Кушмурунского округа впоследствии был организован Атбасарский округ, а Аягузский округ переименован в Сергиопольский с некоторыми территориальными изменениями.

Часть кочевых коллективов изъявила добровольное желание принять у себя новое устройство. В этом имели значение различные обстоятельства: а) стремление освободиться от междоусобицы и барымты, которые тяжелым бременем ложились на плечи народа; б) привычка многих прилинейных аулов к пограничным порядкам; в) желание части феодальной знати опереться на царское правительство в борьбе со своими противниками; и г) понимание наиболее дальновидными начальниками кочевых коллективов неминувости присоединения к России. В 1824 г. в Омск прибыла депутация из рода Аргын – владения султана Джумы и бия Шона. Она передала пограничному начальнику просьбу знати разрешить роду организовать у себя отдельный округ согласно «Уставу».² Подобные же ходатайства поступили от султана Досана Ханбабина, управлявшего Бура-Наймановской группой (1823 г.), от султана Сюка Аблайханова, властвовавшего среди части уйсунских родов.³

Лагерь противников нового устройства в основном возглавлялся некоторыми крупными султанами, боровшимися за восстановление ханской власти, за свои старые привилегии и права. Им удалось в известной степени увлечь за собой недовольные колониальной политикой аулы. Сопrotивление монархистов к концу первой половины XIX в. было подавлено.

Официальная церемония по случаю организации округа и назначения старшего султана сопровождалась военным парадом, угощением представителей знати и раздачей им подарков, за счет казны устраивались торжества по обычаям местного населения. Характерен обряд открытия Акмолинского округа. В назначенный день на площади перед казармой выстроились войска Акмолинского гарнизона под командованием полковника Шубина. Пригла-

¹ Кеттен П. Девятая ревизия. Спб., 1857, стр. 121-122; Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. III. Спб., 1867, стр. 157.

² ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 365, л. 120.

³ Там же, л. 407, л. 9-11.

шенные султаны, бии и старшины были встречены троекратным орудийным залпом. Выступивший перед собравшимися чиновник ознакомил их с содержанием соответствующих статей «Устава» о новом устройстве и предложил избрать старшего султана, кандидата и заседателей. «Избранники», выборы которых занимали весьма немного времени, давали клятву на коране перед муллою о верности царскому престолу. Ввод их в специально приготовленную юрту сопровождался пушечной стрельбой и «батальным огнем из ружей». Был поднят флаг окружного приказа, на одной стороне которого нарисован двуглавый орел, а на другой – казах на белом коне с натянутым луком и колчаном стрел за спиной. Угощения, торжества с конскими скачками длились три дня.¹

Царские чиновники, устраивавшие подобные торжества, не скрывали, что все это делалось для демонстрации мощи правительства и устрашения влиятельных представителей казахского общества, а также для придания всей комедии «избрания» старшего султана и других должностных лиц внешней торжественности.

Организация новых округов происходила по мере согласия на это начальников крупных родовых объединений. Охват новой административной системой по возможности всех кочевых коллективов Среднего и отчасти Большого жузов составлял главную задачу пограничных властей. Поэтому в начальный период мало обращалось внимания на равномерность распределения населения и территории между организуемыми округами. Это хорошо видно из следующих цифр (табл. 6).

Таблица 6

Округа	Площадь в кв. верстах	Население обоого пола по данным 1859 г.
Кокчетавский		73174
Кушмурунский	180602	18562
Акмолинский	330126	73774
Баян-Аульский	57663	37488
Каркаралинский	135320	58828

Более сложной была организация волостей. Нередко роды, занимавшие кочевьями территорию того или иного уже созданного окру-

¹ Там же, д. 553, л. 206-208.

га, отказывались признавать власть старшего султана, уходили на юг, частично присоединяясь к монархическим движениям султанов. Так, один из влиятельных султанов, Касым Аблайханов, выразил свое возмущение организацией Кокчетавского окружного приказа. Самолюбие этого степного феодала было задето тем, что деятельность нового органа власти протекала без его участия. Он писал, что приказ «принуждает наших султанов и старшин иметь в этих местах заседания с немалыми для них обидами. Наши ордынцы с султанами и старшинами на это не согласны, они не одобряют учреждение этих судебных мест. Если же эти места с нашей киргиз-казахской стороны не будут изъяты, мы не можем остаться на своих прежних кочевьях».¹

Одним из основных препятствий на пути к организации волостей была взаимная вражда родов, укоренившаяся в течение десятилетий. Она играла серьезную роль даже среди принципиально не возражавших против уставных положений коллективов. Враждующие роды, кочуя по соседству, не желали входить в одну волость, в один округ, требовали раздельного устройства. Назначение старшего султана или волостного управителя из состава одних родовых групп вызывало протест со стороны других. Относительно сильные коллективы стремились захватить власть в свои руки, но не всегда это было возможно сделать. Бий Едгин, управляющий родом Туртугуль поколения Аргын, на предложение омского областного начальника войти в качестве отдельной волости в состав Каркаралинского округа ответил отказом, мотивируя тем, что его владение состоит в давней вражде с родами, уже вошедшими в этот округ. Он просил учредить в его кочевьях самостоятельное управление, что было удовлетворено с открытием Баян-Аульского округа. Знать поколения Кыпшак в письме от 31 января 1840 г. указывала, что не может войти в состав Уч-Булакского округа, как это предлагается, потому что основные группы, составившие его, «наследственные враги, убийства от них и баранты далеко нас отделяют». Кроме того, она считала невозможным принять чужую власть. «Не обидно ли будет для нас, султанов, биев и старшин как будто бы нет между нами достойного управлять народами»²⁸, – писали они.

В период реализации идей «Устава» с новой силой всплыл земельный вопрос. Некоторые аулы как условие согласия на организацию округов требовали вернуть захваченные ранее земельные угодья как в полосе пограничной линии, так и, в особенности, в местах расположения военных отрядов вблизи Акмолинска, Кокчетава, Каркаралы

¹ ЦГИА КазССР, Ф. 338, оп.1, д. 336, л. 15.

и т. д. Пограничные органы власти, разумеется, не пошли на уступки, вынудив в конце концов их покориться. В начале 40-х годов последние группы аулов, ранее не желавшие войти в округа, дали свое согласие: части родов Ваганалы, Акан-Караул и поколения Кыпшак вошли в состав Кокчетавского округа, султан Хакимбек с частью поколения Уйсунь и род Керей влились в состав Аягузского округа.¹

«Устав» предусматривал, что новое деление строится на базе существующего в обществе разделения населения. «Сообразно настоящим состоянием заливных киргизов, – говорится в «Уставе», – кочевья их разделяются на волости, волости же на аулы кои сохраняют нынешние их наименования» (§ 4). «Округи преимущественно составляются из тех волостей, кои, считаясь в одном роде или поколении, обykle уже быть совокупно, и из волостей, им соседственных» (§8).

Внешне все состояло благополучно. Более или менее, обособленные султанские владения составили отдельный округ, а родовые группы, входившие в состав султанства, образовали волости. Отделения, подотделения родов в том состоянии, в каком они находились к моменту реформы, вошли в административные аулы. Феодалы, осуществлявшие ранее власть в этих подразделениях, как правило, сохранили ее за собой и после административного преобразования. На самом деле в старой системе разделения подданных произошли существенные перемены.

Распределение родов между волостями и округами к началу второй половины XIX в. имело следующую картину (табл. 7).²

Бросается в глаза известная родовая определенность округов. Баян-Аульский округ, например, в основном состоял из родов Басентейн, Бура-Найман, Туртаул, которые как значительные коллективы не встречаются в других округах. Точно так же Кокчетавский округ включал в себя роды Керей, Атагай, Караул-Уак, а крупные подразделения поколения Кыпшак вошли в состав Акмолинского округа. Род Баганалы обособился в Атбасарский округ. Однако такое положение было характерно не для всех родов: часть из них находилась на землях нескольких округов. Кроме того, за этими родовыми названиями на самом деле скрывались не столько кровнородственные союзы семейств, сколько кочевые группы, объединенные в первую очередь хозяйственными интересами. Следует также иметь в виду, что казахские роды и их отделения составлялись из

¹ Там же, л. 24-25, 40, 42, 48.

² Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. I. Спб., 1868, приложение, стр. 386.

различных семейных ветвей под главенством одной сильной группы. Старые родовые названия исчезали, на их месте появлялись новые, указывающие чаще на формирование новых родов на базе обломков частей старых.

Таблица 7

Роды	Число образовавшихся из них волостей	Округа, в состав которых входили эти волости
Басентейн	4	Баян-Аульский
Бура-Найман	2	*
Туртаул	8	*
Канжигалы	5	*
Керей	7	Акмолинский — 3
		Кокчетавский — 1
		Кокчетавский — 3
		Акмолинский — 4
Атагай	6	Кокчетавский — 1
Караул-Уак	8	Кокчетавский — 5
		Атбасарский — 3
Кыпшак (поколение)	4	Акмолинский
Баганалы	4	Атбасарский
Алтай	4	Акмолинский
Карпык	2	*
Тунгатар	1	*
Демеш	1	*
Тама	1	*
Кара-Кесек	17	Каркаралинский
Всего	74	

М. Красовский, пользовавшийся официальными данными от казахской знати и сведениями чиновников, специально командированных в казахскую степь, с полным правом отмечает, что у казахов «составлявшие союз племена до того перемешались, как между собою, так и с соседями, что нить древнего происхождения каждого племени должна была поневоле потеряться. Вследствие этих обстоятельств иногда нельзя отыскать сходства в рассказах даже таких аксакалов, которые

принадлежат к одной и той же волости, на том основании, что и эти мелкие административные единицы (волости) нередко представляют смесь различных племен».¹ В родовой номенклатуре орды род Каракесек считался ветвью поколения Аргын. В действительности под этим именем выступали все те кочевые коллективы, которые оказывались под влиянием и властью группы Каракесек. В него входили части из поколений Аргын, Найман и Кыпшак, встречались в его составе отделения родов Уак, Керей, Алшын, выходяцы из поколений Конурат и Усунь, наконец целые отделения некогда плененных калмыков. Такое положение было присуще не только крупному объединению кочевников Каракесек. Одна из волостей Акмолинского округа именовалась Таминской, куда входили кроме рода Тама и несколько других родов (Алшын, Кыргыз, Ишимхан). Несмотря на наличие целого комплекса кочевых групп, составляющих волость, в сведениях с мест он показан как один Таминский род, т. е. по имени сильного рода Тама. Все другие кочевые группы, хотя они раньше вовсе не принадлежали к нему, должны были теперь носить название более сильного и многочисленного рода, под влиянием которого они находились.

Кочевые группы в казахском обществе часто носили имя знатных лиц – баев, батыров. Под новым именем объединялись аулы, кочевники, находившиеся под влиянием и властью этого лица. При этом старые различия в названиях родовых групп стирались и постепенно брала верх организация на новой основе.

Изложенное свидетельствует о том, что, хотя новые округа и волости организовывались на базе старого родового деления и внешне походили на «союз» родов, в действительности поколения, роды и подроды, из которых составлялись эти волости и округа, являлись кочевыми группами, объединенными или связанными, в первую очередь, хозяйственными интересами и отношениями соседства, власти и подчинения. Родовое или подродовое имя во многом являлось собирательным именем кочевых коллективов, не связанных кровными узами, но связанных властью и районами хозяйствования.

Рассмотрим теперь положение более мелких подродовых подразделений и то, насколько они уживались с новой системой административного деления. Выше приводятся данные по пяти родовым группам: Басентейн, Бура-Найман, Туртаул, Канжигалы и Керей² (табл. 8).

Из таблицы видно, что, как правило, одно подродовое подразделение составляло отдельную волость. В некоторых случаях в нее входили родственные подродовые группы.

¹ Там же, стр. 329-330.

² Там же, стр. 338-360.

В названиях волостей обычно передаются общие имена кочевых коллективов, указывается на подрод и наиболее влиятельную его часть, составляющую наряду с другими ту или иную волость. Род Баймбет с двумя подродами Жаманай и Бисен образовал отдельную волость в составе Баян-Аульского округа. Наиболее влиятельной родовой группой в этом коллективе было отделение Койсары подрода Жаманай, и в силу этого вся волость называлась Баймбет-Койсаринской. Таким образом, имя одного отделения стало общим. Другая волость называлась по имени отделения Кушук рода Актелеш, хотя в ее составе было еще семь других родовых отделений.

Таблица 8

Округ	Волости, входящие в состав округа (к 1860 г.)	Число юрт	Число аулов	Род	Подрод	Подразделения подрода
1	2	3	4	5	6	7
Баян-Аульский	Басентейнская	1202	11	Басентейн (Аргын)	Басентейн	Бура Алтай Актелеш Сарым
	Баймбет-Кайсаринская	762	7	*	Баймбет	Жаманай (Кайсары одно из его сильных подразделений) Бисен
	Айтеевская	891	7	*	Айтей	Андас Есенгельды: Тельмамбет Таранты Кошеншурек Иман Тюрт-Сары Каип
	Актелеш-Кучук Басентейнская	1496	8	*	Актелеш Бабак Кенжебай Кучук Калкельды Шакшан Шелек Итемген Джуватей	

	Джуватей-Бура- наймановская	854	7	Бура-Най- ман (Найман)		Шпонши Алдаберды Каракуль Кенжели Бердалы
	Бозгозды-Бура- наймановская	620	7	*	Бозгозды	Акан Айдабул
	Кулюке-Каржа- совская	754	6	Тюртаул (Найман)	Кулюке- Каржас	Тилеп Алимбет Айм
	Сатылган-Алтын- туринская	680	6		Сатылган- Алтын- тюре	Ганагай Джанысары Тасбулат Маметалы Жулимбет
	Кулюковская	867	9	Тюртаул (Найман)	Кулюк	Наурыз Тлеумбет Сексен Утепберды Даньяр
	Айдабульская	614	6	*	Айдабуль	Тангельтар Каракоз Малкоз Кожгельды Коштер
	Джангозы-Айда- бульская	831	7	*	Джангозы- Айдабуль	Ланак Коскулак Сарын Козубак Калыбай Тюлебай Баян Иссык-Мурт
	Акбура-Тюльпар- Коксальская	596	6	*	Акбура	Алмай-Аккошкар Джатыбай Орынбай-Ак-Кошкар Тлеумен Кокун Кенже
					Тулпар	Лауд Сары-Жан Будат Бай-Кушук
					Коксалы	Джарысай-Сарын Надыр Джанмамбет
					Каблан	Абли Шагыр
	Урманчинская	739	7	*	Урманча	Утек Тилек Тылес Койдаул

	Козгановская	-	-	*	Козган	Сарыкиз Ораз Калмакши Кожамберды
	Аджибай-Канжигалинская	818	8	Канжигалы (Аргын)	Аджибай	Карой Сары Кудяр
Акмолинский	Каманжапар-Канжигалинская	н/св	н/св	*	Каманжапар	Борамбай Базаргельды Баймбет Утемммамбет Ак-Нозу
	Тентек-Канжигалинская	н/св	н/св	*	Тентек	Кара-Бужур
	Джетыру-Канжигалинская	н/св	н/св	*	Джетыру	Лобаши Даулет Коскельды Исерип Нияз Кылшар Джолумбет Туленгут
Кокчетавский	Бийдалы-Уақ-Аргын-Канжигалинская	н/св	н/св	*		Кама Жапар Барак Шабык Кылдышар Кошкельды Колумбет
				Атагай	Акташы-Аргын	-
	Именалы-Керевская	1018	9	Керей	Именалы	Орман Куват Трапберды Алданазар Куттубай Аламбет Косабулат Токумбет Кабий Кочубе
	Матакай-Самай-Керевская	н/св	н/св	*	Матакай Самай Курсары	Алтынберды Тубадак
	Сиван-Керевская	1097	10	*	Сиван	Шоган Уак

Акмолинский	Исенбакты-Кереевская	н/св	н/св	*	Исенбакты	Акчиук Мендыбай Аксары Исенберды Абыз Нурали-Кутгыбай
	Бактыбай-Мала-Курсары-Кереевская	н/св	н/св	*	Бактыбай	Шеренчек Сакал Рамадан Карабас
					Малай	Босбыс Айтымбет Салем Жанжигит Шокаман
					Курсары	(Несколько аулов)
					Курсары	Бескара
	Бурас-Курман-Курсары-Кереевская	н/св	н/св	*	Бурас	Джалпас Караменды Мастабай Джапбай Тюбет Джабике Худайберды Байгожа
					Курман	Есенгельды Сокыр Койлибай
	Тюлеке-Курсары-Кереевская	н/св	н/св	*	Тюлеке	Шагрэн Койдаул Балта Уак Сарым Керей
					Курсары	(Несколько аулов)

Распределение волостей в округах и аулах, входящих в волости, было далеко не равномерным. Рассмотрим ниже развитие новой административной системы за 1839 – 1851 гг.¹

В 1839 г. в Аягузском округе новые административные низовые единицы еще не были организованы. В каждом исторически сложившемся хозяйственном ауле в среднем было по 5 юрт, тогда как в административном ауле их было не меньше 60.

Данные, относящиеся к начальному периоду устройства округов (исключая Баян-Аульский и Аягузский, в которых в 1839 г. оно было проведено лишь частично), показывают, что число юрт в административном ауле колебалось от 50 до 147 (при норме 50-70 юрт по «Уставу»), а в волостях – от 335 до 1511, т. е. имело место серьезное отступление от требований «Устава».

¹ Данные, относящиеся к 1839 г., см. *Кеттен П.* Девятая ревизия. Спб., 1857, стр. 121 – 122; данные 1851 г. см. ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2447, л. 4.

Сопоставление данных 1839 и 1851 гг. свидетельствует о постепенном упорядочении в системе административного устройства. Однако по-прежнему влияние сложившихся коллективов и объединений оставалось значительным.

Если при организации округов и волостей трудности в основном были политического характера, связанные с необходимостью склонения родовых групп к принятию уставного устройства, то при образовании административных аулов имели место организационные трудности.

При организации административных аулов учитывались три момента, способствующие успешному введению новой системы и облегчающие управление казахским обществом: количество семей (не ниже 50), общность зимних стоянок (одно или несколько смежных урочищ,) и общность рода. Основным являлось второе условие. Поскольку кочевые хозяйства, связанные между собой районами кочевьев, чаще всего носили одно общее название, то во многих случаях второе и третье условия совпадали. Однако не всегда родовые группы по своей численности были такими, какими они должны были быть, чтобы составить аул. В этом случае более мелкие кочевые коллективы объединялись в один аул, а большие отделения, в зависимости от мест зимования их членов, дробились между несколькими аулами. Правда, там, где существовала реальная возможность оформления родового подразделения в отдельный аул, это поощрялось, что рельефно отражено в приведенной таблице, характеризующей две волости Кокчетавского округа по состоянию на 1841 г.¹ (табл. 9).

Данная таблица интересна тем, что она дает картину соотношения административных аулов, отделений и подотделений родов. Власть в отделениях и подотделениях родов уже не совпадала с властью в административных аулах. Во многих случаях административный аул состоял из небольших частей различных отделений и подотделений рода. Редко можно найти такую родовую группу, которая не дробилась бы на небольшие подразделения и не распределялась между аулами даже в тех случаях, когда она по своей численности могла составить одно лишь административное звено.

Запрещение казахам одного округа переходить границы другого в первое время полностью ими игнорировалось. Как и прежде, кочевники, причисленные к одному округу, свободно переходили на земли других. Но само образование округов с населением, имеющим закрепленные за ним зимние кочевья, в дальнейшем должно было привести к его территориальной обособленности. Постепенно кочев-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 612, л. 161-179.

ники стали рассматривать территорию округа как утвержденное за ними законом пространство. В свою очередь местные органы власти, осуществляя предписание «Устава», поощряли тенденцию к четкому размежеванию, в особенности между населением округов.

Несколько иначе решался вопрос о территориальной определенности в волостях. Население каждой волости владело своими зимними и осенними кочевьями. Важнейшие летние кочевья, поскольку ими пользовалась не одна волость, были признаны межволостными угодьями. Однако фактически они захватывались наиболее влиятельными и сильными кочевыми коллективами, и доступ туда другим был почти невозможен. На этой основе возник вопрос о границах между волостями. Маломощным группам доставались наиболее неплодородные участки. Напротив, более многочисленные и сильные кочевые группы стали обладателями обширных пастбищ. Так, казахи рода Басентейн, кочевавшие на севере Баян-Аульского округа, в середине XIX в., будучи отрезанными от плодородных летних пастбищ, лежащих на юге, вынуждены были арендовать земли по Иртышу у сибирского казачьего войска.

Постепенно закрепление территориальных границ между волостями, впоследствии, привело к резкому сокращению кочевого пути и еще в большей степени стало стеснять развитие кочевого, скотоводческого хозяйства. Ниже приводятся данные о летних кочевьях некоторых коллективов¹ (табл. 9).

Таблица 9

Роды	Число кибиток	Расстояние от летних до зимних кочевий, верст
Басентейн	547	20-25
Баймбет	762	не далее 50
Айтей	891	20-25
Джуватей	854	70-100
Багыш-Бабасан	150	
одна часть } другая часть }	1266	150-200
Жаулыбай	1483	кочуют вблизи зимовок
Ораз	1576	*
Уак	1656	*
Актелеш	889	20-30

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. 1. Спб. 1868, стр. 338-365.

Сокращение круговорота кочевания аулов к концу первой половины XIX в. стало обычным явлением во многих родах. Удаление летом от зимних кочевьев только на 20 – 50 верст и связанное с этим продолжительное пребывание на одном месте свидетельствовало об упадке и кризисе кочевого хозяйства, фактически переходящего в полуседлое состояние.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы: 1) новое административное устройство, введенное в Среднем жузе и осуществленное в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г., в отличие от прежнего деления общества по родам, в значительной степени было основано на территориальной определенности населения; 2) хотя оно брало за основу разделения населения сложившуюся ранее форму расселения общества, однако при своем введении не могло не привести и привело к еще большему смешению кочевых коллективов между собой; 3) расселение населения по округам, волостям и административным аулам с более или менее определенной территорией обусловило ограничение сферы кочевого круговорота, следовательно, и усиление процесса упадка кочевого скотоводства.

Местная власть

Для правительства было важно, чтобы, с одной стороны, «туземные» органы власти в Казахстане находились под его контролем и в прямом подчинении, с другой, чтобы они обладали достаточным влиянием в обществе и способностью проводить колониальную политику. Перед законодателем стояла весьма нелегкая задача: сочетать эти два условия, найти для них наилучшую организационно-правовую форму.

«Устав» 1822 г. провозгласил выборность местных начальников-старшин в административных аулах и старших султанов, возглавляющих управление округами. Волостные султаны находились в особых условиях, система выборов затрагивала их лишь частично.

Выборы старших султанов имели кастово-сословный характер. В них по закону имели право участвовать только султаны (§ 36). Надо отметить, что весь «Устав» подчеркивает особое положение султанов.

Волости составляли важнейшее звено в системе административных единиц. В каждой волости объединялись около десятка административных и сотни хозяйственных аулов, связанных между собой во многих случаях родовой и территориальной общностью. Эти крупные административные, в то же время и родовые единицы от-

личались в значительной степени компактностью и сплоченностью и оказывали серьезное влияние на внутреннюю жизнь аулов и на политику органов управления округами. В силу этого вопрос о власти в крупных кочевых объединениях – волостях – являлся одним из центральных вопросов, затрагиваемых реформой. Во главе волостей, число которых лишь в одном Среднем жузе доходило до 100, должны были находиться только султаны. Причем власть султана переходила по наследству, «по одной прямой нисходящей линии и по первородству». Лишь в случае несогласия общества с переходом власти к наследнику султана могло быть нарушено право наследственности. Выборы организовывались и при отсутствии прямого законного наследника волостного султана. «Ежели султан не будет иметь наследника, – говорится в «Уставе», – то брат его или ближайший родственник не иначе заступает на его место, как по действительному выбору целой волости» (§32). «Таким же образом поступать, если род султана прекратился» (§33). Следовательно, в среднем звене административного управления в обществе установилась своеобразная сословная диктатура султанов.

Мы уже имели возможность отметить, что султанская группа в Среднем жузе по сравнению с другими казахскими ордами была намного сильнее и влиятельнее в обществе. В Малом жузе не раз вспыхивало народное движение против ханов и султанов, власть их во многих случаях, начиная в особенности с последней четверти XVIII в., была номинальной, неавторитетной и непопулярной в народе. Султаны в Среднем жузе занимали относительно прочную позицию и политическая жизнь здесь, можно сказать, в основном направлялась ими. Особенно большим влиянием пользовались многочисленные потомки Аблая. Но султаны в Среднем жузе были сильнее не во всех звеньях местной власти. На этом важном моменте следует несколько остановиться. Накануне введения «Устава» крупными родоначальниками в Среднем жузе были: султан Жума Кудаймендиев – в поколении Аргын, султан Баба Каипов – в поколении Найман, султан Джантюре Джигангеров – в поколении Кыпшак, и т. д. Эти султанства в свою очередь входили в состав более крупных владений – ханств Валия и Букея. Такое же положение было характерно и для Большой орды, присоединенной к России несколько позже, чем другие казахские земли, – к середине XIX в. Во главе крупных владений здесь находились в основном потомки Аблай-хана. Среди них можно указать на султанов Суюка, Тезека и Али. Эти султанства по своим размерам и численности населения могли сравниться с округами, организованными в соответствии с «Уставом» 1822 г. Следовательно,

рассматриваемая реформа в основном только закрепила существовавшее положение, поставив во главе округов султанов.

Однако в вопросе о принадлежности власти в волостях «Устав» ввел значительные изменения. В крупных родах и объединениях, которые по своим размерам не уступали волостям, организованным позже, власть далеко не всегда находилась в руках султанов. Здесь была особенно прочна позиция бийской группы. Например, группа Жалаир в Большой орде (владение султана Суюка), расселенная по р. Каратал, накануне введения среди них нового устройства имела в своем составе 13 крупных родов и отделений, которые возглавляли 5 биев, 5 султанов и 3 без титула. Причем, наиболее значительные роды – Андас и Мурза, каждый из которых имел в своем составе более 1000 семейств, управлялись несултанами. Такое положение было типично для подавляющего большинства подобных коллективов. В родах и больших родовых группах преобладала диктатура биев и нетитулованных крупных феодалов. Вопреки этому «Устав» принял и законодательно закрепил всевластие султанов в волостях, сохранив за ними право наследования власти. Внесенные изменения нельзя объяснить желанием царского правительства и его соответствующих органов, занимавшихся вопросами колониального подчинения Казахстана, повысить роль и значение султанов. Наоборот, вся деятельность пограничных властей свидетельствует о другом, а именно: о стремлении воспрепятствовать и уменьшить влияние султанов на казахское общество и за счет этого усилить влияние правительственных органов. На чем, в таком случае, основывалась противоречивая на первый взгляд политика? По-видимому, здесь имел значение целый ряд факторов. Важнейшим из них является преувеличенное представление у правительственных органов о роли султанов в различных звеньях местной власти. Они исходили из того, что султаны занимают не только господствующее положение в ханском совете, в султанствах, но и из представления о том, что они якобы полностью ведают внутренними делами в родах. В период подготовки устава Западно-Сибирское губернаторство не располагало достаточно ясными и сколько-нибудь полными сведениями о внутренней жизни, социальных и политических отношениях в казахском обществе. К этому прибавилось еще стремление привлечь султанов, на свою сторону, найти в них поддержку мероприятиям царизма. Забегая вперед, заметим, что жизнь сама внесла поправку в положение «Устава». Вопреки неотменным его статьям волостными правителями избирались и несултаны.

По данным 1839 г., в Акмолинском округе волостными управителями состояли: султанов – 4, биев – 11, старшин – 1. Из девяти волостных

начальников Кокчетавского округа султанов было 3, старшин 5 и один бии.¹ Аналогичная картина была в Баян-Аульском округе. В 1844 г. в нем среди волостных управителей было: биев – 8, старшин – 5 и только один султан.² Должность волостного начальника из невыборной, наследственной превращалась в выборную. Наперекор установленному положению о том, что «волости управляются султанами» (§ 16), наравне с последними, даже в значительно большей степени, участвовали в отправлении власти в волостях несултаны, преимущественно из биев. При чем такое «нарушение установления «Устава» происходило с первого же дня организации округов и волостей и не вызывало каких-либо возражений как со стороны официальных органов, так и самих султанов. По-видимому, право заведования родами или волостями со стороны несултанов было неоспоримым, утвержденным всем ходом исторического развития казахского общества.

Омский областной начальник еще в 1826 г. предложил генерал-губернатору Сибири утвердить старшим султаном Баян-Аульского округа бия Шону Едигина, фактически управлявшего основными родами, вошедшими в состав указанного округа. Несмотря на несултанское происхождение кандидатура была одобрена.³ После его смерти в 1835 г. султаны, бии и старшины вновь обратились с просьбой поставить на должность старшего султана бия Шормана Кучукова.⁴

В журнале Областного правления сибирскими казахами 9 мая 1860 г. записано, что старшими султанами и волостными управителями должны быть наследственные султаны, «между тем на деле применение этого закона часто бывает весьма затруднительно, а иногда совершенно невозможно». Было решено добиваться узаконения фактически сложившегося положения в установленном порядке. Основанием для такой постановки вопроса послужили следующие данные⁵ (табл. 10).

При организации волостей султаны и несултаны имели одинаковый вес в системе власти. В дальнейшем султаны самым активным образом вытеснялись из управления волостями. Они смогли удержаться только во главе 11 из 73 волостей.

¹ ПСЗ, изд. 2, т. III, стр. 370.

² ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 79, л. 21.

³ Там же, д. 1010, л. 1-6.

⁴ Там же, д. 4598, л. 85-86.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 707, л. 5-8.

Округа	Волостные управители - султаны		Волостные управители - несултаны	
	при открытии округов	к 1860 г.	при открытии округов	к 1860 г.
Баян-Аульский	4	2	12	13
Каркаралинский	9	6	-	11
Акмолинский	10	1	4	18
Кокчетавский	12	2	2	14
Аман-Карагайский	1	н/св	12	н/св
Уч-Булакский	7	н/св	14	н/св
Атбасарский	-	1	-	6
	43	11	44	62

Фактическое положение получило в 1861 г. законодательное разрешение, которым устанавливалось, что волостными управителями могут быть как султаны, так и несултаны, имеющие чины и награды правительства, а также без таковых, но пользующиеся, как это сказано в акте, «особым уважением народа».¹

Остановимся на порядке выборов. Выборы председателя окружного приказа – старшего султана – производились в августе месяце в расположении приказа. К назначенному времени собирались султаны, обладающие правом голоса при избрании старших султанов, бии и старшины, призванные определить двух заседателей, постоянно пребывающих при старших султанах. Они разбивались по партиям и в течение нескольких дней обсуждали кандидатуры, как на пост старших султанов, так и заседателей. Как было сказано, бии и старшины не принимали непосредственного участия в выборах старших султанов. Однако наиболее влиятельные и знатные из них каждый раз призывались даже тогда, когда выборы заседателей не производились. Султаны, представлявшие при избрании старших султанов интересы биев и старшин, обсуждали с последними ту или иную кандидатуру и каждый раз отчитывались перед ними относительно хода выборов. Надо заметить, что обычно выборы старших султанов не вызвали особых дискуссий и проходили без серьезной борьбы.

Кандидатура старшего султана заранее определялась областным управлением, а позже – соответствующим военным губернатором, и

¹ ПСЗ, изд. 2, т. XXXVI, отд. 1, стр. 558.

проводилась не без замаскированного насилия над волей небольшой подобранной кучки выборщиков. Поэтому выборы старших султанов, в основном, носили формальный характер. Султаны, бии и старшины приглашались главным образом для того, чтобы представить им старшего султана и потребовать от них безусловного подчинения его власти. Естественно, что при исполнении своей служебной функции старшие султаны не могли не опираться на других султанов, биев старшин и поддержка с их стороны была так же необходима, как и поддержка со стороны правительственных органов. Как при избрании ханов, старших султанов в знак их утверждения сажали на белый войлок. Правительство заранее торжественно объявляло день избрания старшего султана. Специально к этому дню приурочивали вручение наград и присвоение чинов отдельным лицам, устраивались скачки и развлечения. Вновь избранный султан тут же рассматривал нерешенные вопросы, жалобы и просьбы местных начальников. Со временем выборы старших султанов, ранее протекавшие относительно спокойно, так же как и выборы других начальников, сопровождались раздорами между различными партиями, в выборах стали обычным явлением подкупы и другие подобные приемы.

Вначале старшими султанами являлись представители бывших ханских домов и крупных султанов, имевших ранее наследственную власть. Например, старшие султаны Каркаралинского и Кокчетавского округов были потомками Букея и Валия. Султана Коныркулжу Кудаймендина избрали старшим султаном Акмолинского округа в 1832 г. «как наследника и большого сына управлявшего с давних лет сими волостями (а ныне уже покойного) султана Худайменды Ишимханова».¹

Понятно, что среди них нередко оказывались малоавторитетные и малоспособные люди.

В 1840 г. один из чиновников сообщал в пограничные органы, что старший султан Каркаралинского округа Шама Аблайханов не пользуется среди населения уважением и достаточным влиянием. Власть на местах осуществляется фактически не им, а двумя частными биями: Альчинбаем Тленчиным (в Айтбике-Шаншаровской группе) и Казангапом Мучекиным (в Нурбике-Шаншаровской группе).²

Старшие султаны были самыми богатыми феодалами. Они располагали крупными земельными владениями в виде снокосных, луговых угодий и зимних стойбищ. На обширных плодородных участках подвластных им родов паслись тысячи голов скота, принадлежавшего им. Вот некоторые данные о состояниях старших султанов к 1841г.³ (табл. 11).

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 353, л. 209.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 611, л. 4-5.

³ Там же, д. 612, л. 162, 260, 290, 307, 375.

Таблица 11

Округа	Старшие султаны	Число голов		
		лошадей	крупн. рог. скота	мелкого скота
Кокчетавский	Жилгары Байтокин	609	12	820
Каркаралинский	Турсун Чингисов	1000	500	1000
Уч-Булакский	Турдубек Кученов	385	25	255
Акмолинский	Коныркулжа Кудаймендин	4027	125	2725
Аман-Карагайский	Чингис Валиев	250	20	250

Таким же формальным было «избрание» волостных управителей. Более или менее сложившийся значительный коллектив становился волостью, а родоправитель – ее управляющим. До нового административного устройства султаны братья Абулгазы, Газы и Батыр Букейхановы заведовали делами в трех родовых объединениях: Караул-Каракесек, Сарын-Каракесек и Каракесек. В 1824 г. бии, «почетные киргизы» и старшины «согласились» оставить Букейхановых в соответствующих частях управляющими волостями, за которыми сохранились прежние родовые названия.¹ Характерен следующий случай. Султан Шама Аблайханов обратился к омскому областному начальнику с просьбой установить ему жалованье как областному управителю, имея в виду, что он фактически руководит большим коллективом. На это последовал ответ: «Вы будете иметь право получать оное, если подведомственные вам киргизы вступят под покровительство дивана (т. е. Каркаралинского окружного приказа. – С. 3.) и напишут ему, что они хотят вас иметь управляющим в волости султаном».² Разумеется, не стоило никакого труда султану собрать некоторых биев, старшин и добиться их подписей.

Согласно уставу, начальники волостей в период их организации избирались «целой волостью». Устав не указывал, что следует понимать под «целой волостью» и какие социальные категории включаются в это понятие. На практике это вылилось в узкофеодалные выборы. Как правило, окружные приказы заранее подготавливали списки выборщиков, куда включались аульные старшины, султаны, бии, лица, отмеченные наградами и поощрениями со стороны царского правительства, т. е. только представители знати. Масса народа в выборах непосредственного участия не принимала. Пребывая на выборах, она являлась скорее толпой

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1., д. 348, л. 20-21, 38:

² Там же, д. 402, л. 8.

любопытных, чем силой, влияющей на своих представителей. На выборах особую активность проявляли старшие султаны, официальные чиновники, одержимые желанием протащить своих ставленников «Хотя, согласно Уставу, волостные султаны избираются султанами и простым народом, но не так бывает в действительности, — пишет один из авторов, хорошо знавших внутреннюю жизнь казахов. — Выборами во всякой волости управляет партия старшего султана, так как волостные султаны служат его прямыми агентами».¹ При определении старшины Т. Итемгенова управителем Худайберды Атагаевской волости в 1828г. присутствовало 4 старшины, 10 биев и 6 «почетных киргизов» из числа 450 юртовладельцев, составлявших эту волость.²

В отличие от старших султанов и старшин, избираемых на три года, волостные управители считались избранными пожизненно. Только настойчивые требования и жалобы масс могли стать причиной переизбрания.

Ограничение, существовавшее в избирательной системе, которым народные массы отстранялись от участия в выборах, усилило разрыв между обществом и начальниками в округах и волостях.

Уже к середине XIX в. борьба за получение большинства голосов на выборах определяла суть и содержание всей предвыборной кампании. Каждый из кандидатов на пост окружного и волостного начальников хорошо знал, что его затраты, связанные с предвыборной деятельностью, сторицей окупятся, если он будет избран.

Поэтому богачи, из среды которых выдвигались кандидатуры окружных и волостных управителей, не останавливались перед внезапной «щедростью», угощением выборщиков и их сторонников, посулами, обещаниями, обманом и подкупом лиц, могущих повлиять на исход выборов. «Редкий из старших султанов, — говорит один из современников, — не извлек громадных личных выгод из своего положения».³

В 1836 г. во время выборов старшего султана Баян-Аульского округа образовалось две партии. Одна из них, представлявшая влиятельных султанов, биев и старшин Айдабульской, Казыгановской и некоторых других областей, 14 марта провозгласила старшим султаном бия Итемгена Шопанова, а другая, выступавшая от имени знати Сарыкыз-Козгановской, Ураз-Козгановской и других волостей, отдала свои голоса за бия Шормана Кучукова. Омское областное на-

¹ О древних союзах киргиз-кайсаков. Спб., 1886, стр. 51.

² ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, л. 349, л. 116-117.

³ О древних союзах киргиз-кайсаков. Спб., 1886, стр. 50.

часть, зная, что утверждение одного из них вызовет недовольство сторонников другого, решило провести новые выборы. При этом оно в качестве повода использовало тот факт, что в выборах старшего султана, нарушая устав, участвовали и несултаны.¹ В 1840 г. бий Исен Истемисов жаловался, что он большинством голосов был избран председателем Аман-Карагайского окружного приказа, но старший султан Чингис Валиев «приговор общества» самовольно пересоставил и собрал новые подписи в пользу другого лица.² Подобных фактов можно привести немало. Они ярко рисуют ту обстановку, в которой происходила борьба за власть между различными феодальными группами.

Власть в волостях оказывалась в руках экономически влиятельной части знати. Известное представление об имущественном положении волостных управителей дают приводимые ниже сведения по Баян-Аульскому округу, относящиеся к 1857 г.³ (табл. 12).

Таблица 12

Волостные управители	Число голов		
	лошадей	крупного рогатого скота	мелкого скота
Старшина Булатов К.	110	20	550
Султан Алин М.	70	12	150
Старшина Сарсенбин Т.	21	15	36
Старшина Джумагулов А.	360	65	585
Старшина Казангапов М.	495	110	700
Бий Джакасов Д.	97	50	60
Старшина Салпанов М.	85	5	185

В указанный период в целом в Баян-Аульском округе по сравне-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 859, л. 174-175, 200.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 7 611, л. 53.

³ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2014, л. 2, 26, 43, 68, 87, 119, 142.

нию с другими казахскими землями скота было намного меньше. На общем фоне волостные управители выглядят как значительные собственники скота. Для сравнения ниже приводятся данные о султанах этого округа (табл. 13).

Относительно обширное скотоводческое хозяйство имели султаны Алины. Не случайно, что один из братьев был «избран» волостным управителем. Основная масса султанов – титулованной знати – по экономическому положению намного уступала волостным начальникам.

Таблица 13

Султаны Баян-Аульского округа	Число голов		
	лошадей	крупного рогатого скота	мелкого скота
Алин Бурахан	117	25	450
Алин Базил	280	28	600
Алин Т.	12	7	150
Бекмуратов Х.	4	15	60
Танашев Б.	11	-	15
Жочин Ж.	-	2	-
Матаев Ж.	5	7	-
Матаев А.	9	5	-

В Аман-Карагайском округе, по данным 1841 г., как и в других местах, в волостные управители назначались представители владельцев крупной собственностью. Из десяти волостных начальников никто не имел меньше 50 лошадей и 50 баранов. В Кокчетавском округе большинство волостных управителей имело в своей собственности около 300 голов одних лошадей каждый (шесть из них соответственно имели 90, 125, 217, 256, 276, 790 голов лошадей).¹ Относительно «демократический» порядок выборов был принят только в аульном звене. При выборах аульных старшин формально могло принимать в них участие все взрослое население аула. В небольших кочевых коллективах в большей степени сохранились и поддерживались остатки демократических учреждений и традиций сколько-нибудь важный вопрос, будь то хозяйственный или политический, раньше не решал-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 612. л. 162-203, 290-295.

ся без совета старшин-аксакалов, влиятельных и опытных лиц. Кроме того, среди низовых кочевых групп оставались сильными патриархальные связи и отношения. Власть в них была более устойчивой и прочной, чем власть султанов и ханов. Эта особенность организации власти в аулах в известной степени была учтена «уставом».

Предвыборная борьба в аулах протекала «спокойнее», чем борьба при выборах старших и волостных султанов. Главную роль при выборах старшин играли старейшины – аксакалы хозяйственных аулов. Главы наиболее богатых хозяйственных аулов, подотделений родов, как бы выборы ни проводились, непременно оказывались начальниками административных аулов. Интересно, что некоторые аулы носили имена своих владельцев. Например, административные аулы, в которых были «избраны» старшинами бии Ескул Есенгельдин и Хангельдин (Каркаралинский округ волость султана Батыра Букейханова), носили имя их отцов.¹ Подобные факты, когда «избрание» представляло собой не что иное, как узаконение существующих в сфере власти отношений, не составляют исключения.

По сравнению с волостными управителями аульные старшины стояли ступенью ниже как в политике, так и в экономике. Они были в основной массе средними и мелкими феодальными собственниками. Ниже приводятся данные 1841 г. об одной группе старшин административных аулов Кокчетавского округа² (табл. 14)

Во владении 15 старшинских хозяйств из 17 было не менее 50 голов крупного скота, в том числе более 30 голов лошадей у каждого.

Аульные старшины Баян-Аульского округа были значительно беднее скотом, чем старшины Кокчетавского округа³ (табл. 15).

В основной массе, как собственники скота, аульные старшины Баян-Аульского округа немногим отличались от среднесостоятельного крестьянина-кочевника. Две трети из них имели от 4 до 20 лошадей. У 20 дворов из 57 отсутствовал и мелкий скот. Между тем округ считался зоной скотоводства со слабым земледельческим хозяйством.

Основные урочища и лучшие угодья находились в руках знати, в том числе и аульных старшин. В одном из архивных документов сохранились любопытные сведения о земельных владениях старшин Бабасан-Бабышевской волости Кокчетавского округа.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 348, л. 39.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 612, л. 162-171.

³ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2014, л. 2-159.

Таблица 14

Группы хозяйств (по числу голов скота)	Количество хозяйств, имеющих скот			
	лошадей	крупный рогатый скот	мелкий скот	в переводе на крупный скот
Не имели скота	—	—	1	—
Имели 1-3 гол.	—	3	—	—
4-5	1	1	—	—
6-10	—	5	—	1
11-15	—	2	—	—
16-20	—	3	—	—
21-30	1	3	—	—
31-50	4	—	1	1
51-100	4	—	2	5
101-200	4	—	5	6
201-300	3	—	3	2
Более 300	—	—	5	2

Таблица 15

Группы хозяйств (по числу голов скота)	Количество хозяйств, имеющих скот			
	лошадей	крупный рогатый скот	мелкий скот	в переводе на крупный скот
Не имели скота	—	1	20	—
Имели по 1 голове	4	—	—	—
2-3	3	11	—	2
4-5	10	16	—	2
6-10	18	19	4	9
11-15	3	5	2	12
16-20	4	4	2	6
21-30	4	1	4	9
31-50	3	—	7	4
51-70	4	—	5	5
71-100	1	—	6	4
101-150	2	—	1	3
151-200	—	—	3	1

Более 200	1	—	2	1
Всего	57	57	57	57

В отделении Рыскуль аульный старшина Бакетенов Д. имел свое зимовое урочище общей площадью 100 кв. верст, Септов Б. с братьями – 60 кв. верст земельных угодий, бий Сейтенов Ж. – 360 кв. верст, бий Кульдимов с братьями – 16 кв. верст, Кабанбаев имел закрепленную за ним площадь в 105 кв. верст. Такая же картина была в отделении Мантей. Старшины этого отделения имели зимние сенокосные угодья с площадью: Чарылдаков – 152 кв. версты, бий Джалгитеков – 21 кв. версту, бий Тлеубердин – 135 кв. верст, бий Еспердин – 60 кв. верст, Тектурамасов – 50 кв. верст и, наконец, бий Кульджанов с братьями владел урочищем 17,5 кв. версты.¹

Подробности о землевладении казахской знати интересующего нас периода в документах встречаются крайне редко. Это и понятно, если принять во внимание, что казахи кочевали аулом, а владения знати составляли формально часть общего владения коллектива. Аульная община хотя и подвергалась разрушительным воздействиям, однако продолжала сохранять свой прежний строй. В документах обычно указывается лишь на кочевые районы целых коллективов. Приведенные выше сведения, по-видимому, были составлены по особому случаю, для того чтобы показать высшим властям, что эти земли принадлежат им, а не кому-либо другому. Во всяком случае то, что в них указано, является характерным для казахского общества.

Вводя начало выборности в местных органах власти, правительство сохранило за собой право их утверждения, а в необходимых случаях – отстранения от должности. Старшины утверждались окружным приказом, волостные управители – областным правлением, а старший султан и заседатели от казахов при них – областным начальником. «Вновь избранный старший султан, – читаем мы в «Уставе», – не вступает в отправление должности прежде, нежели получит утверждение от областного начальника» (§ 48). И далее: «Все вообще киргизские старшины, будучи избраны к отпращиванию должностей и утверждены в их звании, без воли высшего Правительства и без сдачи преемникам не слагают с себя произвольно ни прав, ни обязанностей. Они суть местные чиновники, для управления народам поставленные» (§ 50). В формировании местной власти администрация стала играть более значительную роль, чем воля избирателей.

«Уставом» определялась компетенция каждого из местных органов. Основной задачей всех звеньев местного управления было на-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 329, оп. 1, д. 34, л. 2-4.

блюденіе за порядком, принятіе мер по установленію спокойствія и исполненію предписаній царскаго правительства. В період проведенія реформы особенно важно было обеспечить «мирное развитіе общества», предотвратить волненіе среди населенія. Это и являлось основной задачей власти. «Устав» недвусмысленно подчеркивал, что «старшій султан есть земскій чиновник, которому, по избранію его родичей, вверяется от Россійскаго правительства местное управленіе. Он распоряжается всеми способами к сохраненію тишинъ и порядка и к достиженію благосостоянія подведомственных ему людей» (§ 56). На волостных управителей возлагалось «исполненіе всех предписанных правил, охраненіе общей и частной безопасности и вообще спокойствіе и тишина в волостях» (§ 105).

В отношеніи обязанностей старшины сказано, что он «сохраняет тишину и порядок в вверенном ему ауле» (§ 114). Под «порядком и спокойствіем» в первую очередь понималось удержаніе населенія в полном подчиненіи официальной власти, пресеченіе сопротивленія масс колонизаторским мероприятіям.

Достиженіе этой цели было невозможно без объединенія усилий местной власти и союза ее с правительственными органами. Только такой контакт мог обеспечить осуществленіе колониальной политики в Казахстане. Эта линия в уставе проходит красной нитью. Между органами местной власти устанавливалась более или менее строгая субординація. «Старшина, – говорится в нем, – состоит в точной зависимости от султана той волости, которому вверенный ему аул принадлежит» (§ 110). «Все личные приказанія султана исполняет с точностью» (§ 111). «Доставляет оному все потребные сведения» (§ 112). «Без ведома султана не откочевывать с места на место» (§ 113). «Мимо султана не производить ни с кем по службе сношеній» (§ 115). Из перечня только некоторых статей «Устава» видно, что аульные старшины были поставлены в полную зависимость от волостных начальников. По сути дела они лишались права самостоятельно действовать. В свою очередь волостные султаны или управители находились в подчиненіи окружнаго приказа. По этому поводу в уставе записано: «Приказ, вообще, действует через султанов, и поэтому они приемлют к действительному исполненію все его повеленія» (§ 101). «Султаны мимо своего приказа не производят никаких письменных снабженій, исключая жалоб, на самый приказ приносимых» (§ 102).

Между уставными положеніями и действительностью существовали значительные расхожденія.

Аульные старшины и волостные управители не были еще чиновниками в полном смысле. Они оставались в первую очередь местными

феодалами, захватившими власть в силу экономического господства и добившимися официального признания правительства.

Следует заметить, что в обязанности приказов вменялись и такие задачи, которые имели для казахского общества принципиальное значение. Ниже приводятся выдержки из «Устава» относительно обязанностей окружного приказа: «Приказ обязан: 1. Действовать к сохранению народа от общих бедствий и подавать в таковых случаях нужную помощь. 2. Заботиться о просвещении, трудолюбии и хозяйственных выгодах всех и каждого. 3. Употреблять все средства к немедленному искоренению обычных киргизам беспорядков, а именно: грабежей, баранты и неповиновения власти. Не допускать никого до самоуправства, но в каждой обиде доставлять удовлетворения следствием и судом» (§ 62). Эти статьи впоследствии сыграли весьма положительную роль в казахском обществе даже при ограниченном претворении их в жизнь. Не без содействия властей казахами Среднего жуза были достигнуты известные успехи в развитии оседлости, земледелия и искоренения барымты, служившей одним из источников разорения трудящихся масс. В какой-то мере указанные положения способствовали развитию общества.

Наряду с обязанностями органов местной власти «Устав» обрисовал круг их служебных и правовых возможностей. В подчинении приказа находились не только волостные начальники и старшины, но и все духовные лица, получившие санкцию власти на отправление службы, хозяйственные заведения, расположенные на территории округа. Приказ пользовался правом содержания под стражей лиц, нарушивших установленный порядок, и предания их суду, а также производства следствия. Им рассматривались хозяйственные, финансовые вопросы, а также споры и судебные дела, вытекающие из обязанности обеспечения порядка, спокойствия в степи нормальной экономической и политической жизни. Приказ мог по своему решению использовать военную стражу.

Деятельность волостных начальников ограничивалась в основном исполнением предписаний, данных свыше, и оповещением вышестоящих органов о происшествиях среди подчиненного ему селения, требовавших принятия мер. Правом суда и наказания они не пользовались. Примерно такие же уставные права и обязанности имели и старшины аулов. Одной из важнейших функций волостных управителей и старшин являлся сбор ясака и осуществление других постоянных и разовых повинностей, определяемых правительством.

В описании обязанностей и полномочий местных органов нельзя полностью найти причину того, почему занятие этих должностей

было всегда сопряжено с борьбой между представителями знатей. Конечно, это трудно объяснить их «рвением» служить правительству или обществу. Нельзя также объяснить предвыборные столкновения борьбой за те подачки, которые выдавались избранным в виде ежегодного жалованья. Главная причина такого положения кроется в том, что должность местного начальника рассматривалась знатью, и в действительности являлась таковой в основном как источник обогащения. Вот почему претендующие на власть не брезговали ничем и не скупились перед большими материальными затратами, лишь бы добиться своей цели – быть «избранными», существовало множество каналов, по которым стекались барыши в карман местных начальников.

Важнейшее место среди доходов местных начальников занимает раскладка и сбор ясака. Пользуясь неграмотностью и доверчивостью народа, они, прибегая к всевозможным ухищрениям, собирали ясака больше, чем положено. Иногда заранее вкупе с другими они вносили сумму ясака за волость или за старшинство, а затем по пониженным расценкам в счет ясака принимали с населения различный скот с последующей реализацией по высоким ценам.

Кроме «накоплений» от ясака, местные начальники пользовались всевозможными «добровольными», «по традиции положенными» приношениями населения, которые освящались не только обычным правом казахов, но и отчасти были закреплены «Уставом». В последнем записано о том, что «равномерно могут киргизы, по нынешнему их обыкновению, делать вспоможение своим султанам». В данном случае слово «султан», видимо, применено как собирательный термин, означающий всех местных начальников (§ 130). Правительственные органы не только осуществляли общее руководство и контроль над деятельностью местных органов власти, но и постоянно вмешивались в прерогативы местного управления. Вмешательство проявлялось и в том, что ежегодно в степь от областного начальника посылались чиновники и отряды «для обозрения и ревизии порядка в степи», и в том, что при местных органах сидели «посланцы» центральной власти. Например, в состав окружного приказа помимо старшего султана и двух заседателей от казахов входили два русских заседателя, назначаемые областным начальником. Кроме того, более или менее важные канцелярские чиновники, в том числе переводчики и делопроизводители, утверждались также правительственными органами. Управление в приказах фактически находилось в руках назначаемых правительством чиновников. Старший султан не решал самостоятельно ни одного сколько-нибудь серьезного вопроса. При

волостном управителе находился письмоводитель, поставленный колониальными властями, знающий русский и татарский языки, сплошь и рядом из числа казахов. Он получал жалованье от казны, считался государственным чиновником и информировал правительственные органы о положении и происшествиях в казахской степи (табл. 16).¹

Эти данные относятся к 1838 г. Увеличение числа чиновников усилило произвол в обществе, дополнив местный феодальный гнет и податное бремя. Они со своей свитой пользовались транспортом, продовольствием во время разъездов по степи, требовали подарков и приношений от населения по своему произволу нередко устанавливали разовые сборы и т. д.

Таблица 16

	Число чиновников в окружных приказах и волостях (заседатели, толмачи, письмоводители)	Из них русских, назначенных пограничными властями
Аягузский	27	21
Баян-Аульский	22	18
Каркаралинский	23	22
Акмолинский	20	16
Кокчетавский	24	18
Всего	116	95

Феодально-чиновничье засилие распространялось и на аульных старшин и на другие слои мелкой знати. Часто от них поступали жалобы на притеснения чиновников из округа и волостного управления, которые не только обращались с ними высокомерно, но и не прочь были нажиться за их счет. Несколько старшин и биев Мамбет-Тобыктинской волости Каркаралинского округа в 1839 г. в своей жалобе писали, что «часто временно командируются по нашим волостям толмачи казаки по делам службы и в эти проезды берут мучить лошадей прямо из табунов, случается даже так, что и после не возвращают их, а между тем бывает и то, что требуют или самовольно употребляют себе в пищу баранов».² Старшина А. Алыкулов из Киреевской волости Уч-Булакского округа в том же году доносил о том, что заседатель Боштай Турсунбаев с отрядом в 40 солдат жил в его ауле 4 дня «и в течение оных самопроизвольно по выбору

¹ ЦИИА КазССР, ф. 374, оп. 1, Д. 197, л. 15-16.

² Там же, л. 339, л. 1.

своему зарезали 40 баранов и одного быка».¹ Подобные факты имели массовый характер.

Начиная со второй половины XIX в. появляется заметная тенденция к передаче власти в окружных приказах всецело в руки военных русских чиновников. По-видимому, положение, при котором председательское место в приказах занимали султаны, не стало теперь удовлетворять колониальные власти. Указом от 4 апреля 1861 г. в Кокбектинском и Сергиопольском (бывший Аягузский) округах были введены должности военно-окружных начальников и председателей приказов, избираемых из числа офицеров, а старший султан низведен до положения их помощника («товарищ председателя»)²

Характерной особенностью рассматриваемого периода является существование двоевластия в политической жизни общества. Наряду с официальными органами местной власти сплошь и рядом существовали неофициальные, пользовавшиеся значительным влиянием и весом среди казахов. Рассмотрим это более подробно.

Каждый небольшой хозяйственный аул, или, как его иначе называют, аульная община, насчитывал в среднем от 5 до 15 семейств и возглавлялся старейшиной-аксакалом. Новый административный аул не устранил этих старейшин, а только объединил несколько таких общин в одну более крупную административную единицу. Хозяйственная обособленность аульной общины не была нарушена, старейшины продолжали владеть пастбищно-кочевой единицей внутри нового устройства так же, как это было раньше. Аналогичное положение создалось в подотделениях родов. Не всегда аул или волость совпадали с ранее сложившимся родовым делением населения. В состав волости входило обычно несколько родовых групп, не совпадающих с административными аулами, возглавляемых своими прежними предводителями. Число местных начальников прежде было огромно, и не все из них оказались во главе преобразованных аулов. Но и те, кто не обладал официальной властью, не складывали с себя полномочий. Такое положение должно было продлиться столько, сколько требовалось времени на постепенное склонение сознания масс к необходимости признания новых установлений и на разрушение тех традиций, на которых строилась система старой власти. Несмотря на старания правительственных органов усилить роль органов официальной власти за счет ослабления и последующей ликвидации местной автономии и частной власти, двоевластие не было ликвидировано как в первой половине XIX в., так и позже. Частная

¹ Там же, д. 330, л. 1.

² ПСЗ, изд. 2, т. XXXVI, отд. 1, стр. 557.

власть местной знати оказалась настолько прочно связанной с общественной средой казахов, что ее искоренение стоило огромных усилий и требовало продолжительного времени. В то же время следует отметить, что введение «Устава» 1822 г. привело к ее ослаблению. Почва, на которой она покоилась, постепенно ускользала из под нее.

Реформа 1822 г. прямо задевала интересы некоторых крупных феодалов, султанов, в особенности части потомков Аблай-хана. Здесь нужно оговориться, что отдельные более дальновидные представители этой семьи смогли правильно оценить расстановку сил и состояние общества и перешли на службу к царскому правительству. Мы выше указывали на то, что султаны в Среднем жузе играли более видную роль, чем султаны, скажем, в Малой или Внутренней ордах. Усиление центральной и новой официальной местной власти было возможно только на базе ослабления местной обособленности, автономных прав родов и их подразделений. Правительственные органы с введением нового устройства в казахской степи получили большую возможность вмешиваться во внутренние дела общества и регулировать отношения в нем в соответствии с государственной политикой. Все это не могло не задевать интересы некоторой части крупных феодалов, в первую голову султанства. «Султаны, – говорилось в «Уставе», – не управляющие волостями, хотя и не лишаются своего звания, но не должны нимало вмешиваться в управление» (§ 34).

Большая часть казахского общества добровольно приняла новое административное устройство, связанное с известной реформой местной власти. В то же время противники реформы – султаны, мечтавшие «о былой свободе», под которой они понимали свободу установления неограниченной власти над трудящимися массами, – пользуясь тем влиянием и властью, которыми они располагали, вербовали сторонников и склоняли своих подданных к отказу от принятия нового устройства и к организации вооруженного сопротивления. Это было феодальной реакцией на реформу 1822 г. Была и другая – демократическая реакция на реформу. Последняя возникла по другим причинам, приняла другую форму и привела к другим результатам. Преобладающая часть народных масс, страдавших от произвола местной знати, непрерывных междоусобиц, нападений соседних стран, стояла за сближение с Россией, с которой устанавливались деловые экономические связи и которая давно предлагала свою опеку и покровительство казахам. Конечно, при этом царское правительство руководствовалось не какими-то гуманными целями, а исходило из колониальных интересов. Объективные условия развития казахского общества, под которыми мы понимаем в первую

очередь экономические отношения и политические связи, в течение веков складывались в пользу сближения с Россией. Вместе с тем проведение колониальной политики не могло не вызвать известного сопротивления со стороны народа. Изъятие лучших пастбищных угодий, произвол бюрократического аппарата чиновников и военных отрядов, открытая колониальная тенденция со стороны части переселенцев и многое другое вызывало законное возмущение населения. Оно выражалось в различной форме: подача коллективных жалоб, сопротивление мероприятиям местной и центральной власти, отказ от уплаты налогов, переход в другие волости, бегство в глубь степи. Это была закономерная реакция на колониальную политику. Сторонники первого течения, борющиеся за сохранение своих кастовых привилегий, старались использовать народное движение в своих целях. Часть населения, не сумевшая разобраться в сложном переплетении событий, поверила в первое время уверениям феодалов и, примкнув к их движению, поневоле стала носительницей реакционных идей. Характерным примером этого может служить восстание султана Кенесары Касымова.

Основная масса населения оставалась верной демократическим тенденциям и, продолжая борьбу против колонизаторов и местных угнетателей, в то же время отказывалась поддерживать реакционные устремления своих сюзеренов. Население, увлеченное волной феодальной реакции, постепенно отходило от движения, которое к середине XIX в. пришло к бесславному концу, уготованному для него всем развитием общества.

Несмотря на осложнения, проведение реформы и организация новой местной власти проходили более или менее успешно, ибо казахское общество было достаточно подготовлено к осуществлению преобразований, предусмотренных «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г., и «Устав», в отличие от многих других документов подобного рода, в решении задач по колонизации края строго учитывал особенности условий жизни казахского общества.

Принятым впоследствии новым положением «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» от 6 апреля 1838 г. прежний порядок выборов был оставлен в силе. Некоторые изменения были внесены в него указом от 19 мая 1854 г. Этот документ, относящийся к управлению только в Семипалатинской области, устанавливал, что аульные старшины и волостные управители «избираются на неопределенное число лет» (по «Уставу» 1822 г. аульные старшины избирались на три года), «право участвовать на выборах старших султанов и заседателей и быть избранными в оные представляется всем вообще султанам, волостным управителям и киргизам, имеющим чины и медали».

Кроме того, было признано, что волости управляются султанами или «почетными» казахами.¹ Эти положения, относившиеся первоначально к Семипалатинскому округу и его волостям, впоследствии были распространены и на другие округа и волости.

Организация суда

Суд не был отделен от администрации. Как отмечалось, официальные органы местной власти создавались преимущественно с полицейскими функциями. Они производили розыск, следствие и задержание лиц.

По «Уставу» 1822 г. судебные дела, возникающие среди местного населения, делились на три категории: а) уголовные; б) исковые; в) по жалобам на управление. К уголовным делам относились: государственная измена, убийство, грабежи и барымта и «явное неповиновение установленной власти». Все остальные формы правонарушения, в том числе кража скота, считались исковыми.

Уголовные дела рассматривались в окружных приказах на основании общих законов империи. Предварительное следствие, производство которого по этой категории дел было обязательным, осуществлялось одним из русских чиновников с участием казахского бия, выделенного властями. Таким образом, приказ и производил следствие, и творил суд.

В течение первых лет после организации округов официально дела о барымте в виде исключения разбирались биями под контролем чиновников из окружного приказа.²

4 апреля 1861 г. принято новое положение «Об изменении порядка выбора волостных управителей в киргизской степи и Семипалатинской области», которым в волостные управители избирались султаны и несултаны, а число избирателей увеличивалось путем включения в их число сверх султанов биев, старшин и пяти зажиточных представителей от каждого аула. Голосование производилось шарами (ПСЗ, изд. 2, т. XXXVI, отд. 1, стр. 558).

Очевидно, это вызывалось желанием не ломать резко старые порядки и вводить новые постепенно, по мере усиления влияния окружных приказов среди населения. И в том и в другом случае приговор поступал на утверждение областного управления.

В 40-х годах прошлого столетия усиливается роль военных судов, а также власти военных и областных начальников. Феодално-

¹ ПСЗ, изд. 2, т. XXIX, отд. 1, стр. 500-501.

² ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 407, л. 7.

монархические движения, сопротивление многих кочевых коллективов действиям пограничных властей и карательных отрядов вызвали ответное наступление царизма. Заподозренные в нелояльности к официальной политике и в участии в бунтах по решениям и без решения судов, а во многих случаях распоряжениями военного губернатора или областного управления ссылались в Сибирь, отдавались в солдаты, направлялись на принудительные работы. Военные суды группами приговаривали к смерти, в особенности участников движения Султана Кенесары Касымова.

Указом 1852 г. казахи за убийство, грабежи и барымту передавались военному суду. На деле полномочия этих судов были гораздо шире. Не только действия неугодных элементов подводились под указанные категории дел, но и поощрялись любые формы деятельности военных судов, направленной на поддержание «порядка» в казахской степи.

В отличие от уголовных, исковые дела разбирались биями в аулах и волостях на основании местных действующих обычаев. Следует сказать, что старая судебная система в официальном порядке была в известной степени сохранена. Правда, на практике волостные управители и состоящие при них служащие как носители власти часто вмешивались в деятельность бийских судов. В отчете пограничного управления по делам сибирских казахов за 1844 г. сказано, что «дела же исковые оканчиваются в волостях и аулах словесно через биев при посредстве волостных управителей».¹

Решения бийских судов вступали в силу, если не поступали жалобы сторон в областное управление или в окружной приказ. За последними сохранялось право пересмотра решений биев. Однако подобные случаи были весьма редки. Это объясняется не столько тем, что бии выносили объективные решения и стороны удовлетворялись ими, сколько особенностями и условиями осуществления судебной функции биев.

Прежде всего истцы и ответчики в большинстве случаев сами указывали тех биев, у которых желали судиться. Перед судебным заседанием, по установившейся традиции, стороны, а иногда с ними вместе и родственники, давали заверения суду независимо от исхода быть довольными решением, которое будет вынесено биями. Оно облекалось в определенную символическую форму. При широком распространении патриархальных представлений и сохранении аульно-общинного строя в хозяйстве нелегко было отказаться от публичного обещания.

Разумеется, недовольные решениями биев выражали это по

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3, л. 38.

окончании разбирательства, отказываясь от выполнения символического обряда, тем самым сохраняя за собой право обращаться в другой суд. Специальная комиссия, ревизовавшая работу Сергиопольского округа, отмечала, что в течение десяти лет (1855 – 1865 гг.) было только четыре случая апелляции в приказ на решения бийских судов.¹ Бийские суды подразделялись на инстанции: родовые, подподовые, аульные, поэтому отсутствие апелляций в окружной приказ вовсе не говорит об авторитете суда первой инстанции. Кроме того, подавленные угнетением и забытые представители трудового народа не всегда имели реальную возможность противостоять действиям биев. К тому же и в высоких инстанциях, как правило, нельзя было добиться справедливого решения. Зажиточные слои населения, потерпев поражение у одного бия, взятками подкупали других судебных чиновников и в конце концов по несправедливым претензиям добивались успеха.

Бии в этот период еще прочно удерживали свои позиции. С ослаблением власти султанов они даже пытались захватить власть в волостях и родовых подразделениях. К тому же правительственные органы в течение всей первой половины XIX в. вели благоприятную для биев политику.

Омский областной начальник полковник С.Б. Броневский в инструкции, данной Каркаралинскому окружному приказу в 1824 г., указывал: «Поелику почетные от киргизов бии для судебных дел в аулах и волостях удерживают свое значение и при нынешнем учреждении, то разбирательство их по исковым делам принимать за основание и суждения решительными. В одном только случае приказ может входить в рассмотрение сих дел, если предъявлено будет неудовольствие на несправедливое и преступное решение биев».²

Небезынтересно то, что торговцы, прибывшие в степь из других земель, со своими претензиями искового характера к казахам обращались в бийские суды. Даже русские чиновники по делам подобного рода часто прибегали к услугам биев. В 1851 г. один из русских чиновников, состоявший при старшем султানে, некий Сорокин обратился к пограничным властям с просьбой привлечь к ответственности казаха Танашева, нанесшего ему обиду. Главное управление Западной Сибири отношением от 13 ноября того же года разъяснило ему, что все исковые дела, в том числе между русскими и казахами, подсудны биям и что именно туда ему следует обратиться с

¹ ЦГИА КазССР, ф. 1, оп. 1, л. 10, л. 108.

² ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1 л. 336, л. 11-12.

жалобой.¹ За 1855–1864 гг. в бийских судах Сергиопольского округа рассматривалось 60 исковых дел между казаками и русскими.²

Связь бийских судов с официальными органами власти и надзор за их деятельностью со стороны последних со временем привели к фактическому огосударствлению основной их части. Все большее отражение находили в их решениях интересы колониальных властей. Таким образом, существование бийских судов отчасти не препятствовало планам правительства; наоборот, постепенными мерами многие из них были превращены в разновидность местных государственных чиновников, что нашло законодательное оформление в реформах 60–70-х годов XIX в.

Поскольку мы здесь затронули вопрос о биях, следует заметить, что в этот период среди них шел процесс активного раздвоения. Одни из них по своему положению все больше приближались к положению судебных чиновников и закрепили за собой название «новых биев», другие придерживались старых, консервативных взглядов, продолжали опираться на «дедовские обычаи» и именовались «старыми биями». Авторитет последних в обществе был гораздо сильнее, чем авторитет «новых биев».

Одним из основных вопросов, рассматривавшихся судебными органами всех степеней, был вопрос о барымте. Она совершалась по разным причинам, с различной целью: принудить исполнить судебное решение, как акт мести, следствие неприязненных отношений и т. д. Барымта поддерживалась крупной знатью. Правительство, борясь с барымтой, более всего было озабочено ее последствиями, сказывавшимися на степной торговле, на проведении политики подчинения и авторитете власти. Меры, предпринятые против нее с введением нового устройства, хотя и имели некоторое действие, однако не могли ее искоренить.

На сборах знати, которые в связи с организацией округов и волостей происходили часто, объявлялось мнение омского областного начальника о том, чтобы роды взаимные притязания по старым барымтам «предали вечному забвению».

А что касается взаимных угонов небольшой давности, то приказы были обязаны рассматривать их, по возможности примиряя враждующие стороны.

Областное управление и окружные приказы были завалены взаимными жалобами кочевых коллективов на угон скота. По «Уставу», по этим делам установлен следственный порядок рассмотрения. Степь

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2489, л. 12-13.

² ЦГИА КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 108.

стала наводняться различными чиновниками. Устанавливалась постепенно бесконечная переписка с заданиями, запросами и ответами в связи с делами о барымте. Все это не могло не привести к волоките, мошенничеству, взяточничеству — органическим спутникам бюрократических органов. Характерно, что областное управление в письме от 6 сентября 1855 г. писало генерал-губернатору Западной Сибири: «...Трудно объяснить себе, почему киргизы прежде оканчивали судом биев в несколько часов сложнейшие и важнейшие дела, тогда как в настоящее время и маловажные тянутся по нескольку лет».¹

«Устав» 1822 г. подробно рассмотрел вопрос о должностных преступлениях. По маловажным и незначительным должностным проступкам принимались административные меры вышестоящими начальниками. За серьезные злоупотребления дело передавалось в общий суд. Важно отметить специальное указание на ответственность казаков из военной команды, произвол и насилие со стороны которых были особенно распространены в степи. «Жалобы на казаков, ежели оные будут маловажны, разбирает и оканчивает офицер, командующий стражею, — сказано в «Уставе». — Обличенные в важных проступках предаются суду на тех же правилах, как и прочие линейные казаки».² Необходимость положений подобного рода М. Сперанскому, ведущему лично борьбу с такими явлениями, была подсказана жизнью.

Безусловно, что в действительности мало кто из казаков, допустивших произвол в отношении к коренным жителям Казахстана, был наказан. Но сам по себе факт включения этих норм в закон, созданный для колонизируемой территории, представляет особый интерес.

Положение от 6 апреля 1838 г. «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» существенного изменения в судебную систему не внесло. Было установлено, что пограничное управление пользуется правом суда второй инстанции по гражданским делам, рассмотренным ранее приказами, только тогда, когда иск превышает 2000 руб. ассигнациями (600 руб. серебром). На решения пограничного управления жалобы в правительствующий сенат можно подать только по делам с иском более 5000 руб. (1500 руб. серебром).³ Жалобы на решения биев разбираются в окружных приказах приглашенными для этой цели «старшими почетными биями» в составе не менее трех человек.⁴

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 529, л. 17-18.

² ПСЗ, изд. 1, т. XXXVIII, стр. 428.

³ ПСЗ, изд. 2, т. XIII, отд. 1, стр. 276; Свод законов гражданских, т. X, ч. 1, изд. 1842 г.

⁴ ПСЗ, изд. 2, т. XXIX, отд. 1, стр. 499, 501.

В связи с деятельностью суда биев возникла необходимость сбора и обобщения норм обычного права казахов с точки зрения приспособления их к интересам колониальной политики. В 1824 г. при Омском областном управлении создается комитет по составлению свода степных законов. Усилиями привлеченных для работы в нем чиновников и казахских биев уже через год был собран значительный материал, характеризующий обычное право казахов.¹ Первое обсуждение этих материалов вызвало большие разногласия как среди чиновников, так и среди некоторой части местной знати. Работа в целом не была доведена до конца. В 1842 г. вновь создается Временный комитет по составлению законов для казахов Средней орды. В августе 1843 г. началось обсуждение проекта свода обычного права на сборах знати ряда округов, на чем, собственно, и остановилась деятельность комитета.²

Правительство вовсе не имело намерения узаконить нормы обычного права среди казахов. Попытки приспособить и изменить их оказались неудачными. Это могло выдать истинные цели колониальных властей. В подобных условиях лучше было делать вид, что правительство интересуется обычным правом казахов, но в то же время не доводить дело до конца.

В правовой жизни общества должны были преобладать постепенно начала общеимперских законов. Понятно, что обнаружение свода обычного права шло вразрез с этими интересами.

Роль общеимперских законов все больше усиливалась. Вначале только некоторые категории уголовных дел, касающихся казахского населения, решали на основе общих законоположений. К середине XIX в. сфера их применения намного расширилась. 19 мая 1854 г. было принято специальное постановление «О распространении на сибирских киргизов общих законов империи».³

В разряд уголовных преступлений, решаемых общим судом, сверх прежнего отнесены: преступления по должности, поджог, принятие ложной присяги, фальшивомонетничество, а также противоправные деяния, совершенные казахами вне своих кочевий, в городах и селениях.

Исковые дела между казахами и представителями других народов, которые раньше были подсудны биям, теперь по желанию только одной из сторон изымались из их ведения и передавались на рассмотрение окружных приказов на основе общих установлений.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 407, л. 11-12.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1010, л. 7, 29.

³ ПСЗ, изд. 2, т. XXIX, отд. 1, стр. 512-514.

Изменения в бийских судах происходили по линии эволюции системы наказания. Известно, что прежде в решениях биев преобладала имущественная ответственность. В редких случаях применялись санкции, связанные с лишением свободы, телесным наказанием, тем более с преданием смерти. Теперь могли быть назначены: содержание под арестом, ссылка в Сибирь, избивание розгами и т. д. Положением от 19 мая 1854 г. устанавливалось, что сечение розгами по приговорам биев осуществляется в пределах от 10 до 60 ударов; арест – от семи дней до одного месяца сверх имущественной ответственности.

Причем не оставляет сомнения то, что острие этих мер главным образом было направлено против рядовых кочевников. Многочисленные категории знати (султаны, муллы, старшины, пожалованные чинами, наградами и т. д.) были защищены законом от телесных и некоторых иных видов наказаний.

Правительство узаконило также право общественного суда, по которому коллективы на основании приговоров удаляли из своей среды «порочных» людей. Причем решение это должно было получить одобрение приказа и утверждение областного начальника (положение 1854 г.). Нетрудно видеть, что прежнее традиционное право общины рассматривать на своих сборах вопросы внутренней жизни коллектива, в том числе и вопрос об ответственности отдельных его членов перед обществом, было подчинено задачам царизма.

Итак, для судебной организации интересующего нас периода характерны: а) постепенное усиление роли общих судов и имперских законов; б) сохранение бийских судов по исковым делам; в) тенденция к слиянию частных бийских судов с официальными органами.

Выводы

Оценивая реформу 1822 г., нужно отметить два момента. С одной стороны, она стремилась упорядочить управление казахской степью: искоренить междоусобицу, установить спокойствие и создать некоторые условия для хозяйственного развития, с другой – все это было подчинено и служило целям колониальной политики, во имя которой совершались преобразования. Отсюда реформа 1822 г. имела противоречивый характер. Она провозгласила немало положительных начал и в то же время имела черты, существенно ограничивающие их осуществление.

Для реформы 1822 г. характерны своеобразные методы приложения колониальных планов к конкретно-историческим условиям казахского общества того времени. Этим она выгодно отличается от

уложений, принятых в других частях Казахстана в первой половине XIX в. Ее особенностью является то, что она в значительной степени брала казахское общество таким, каким оно являлось накануне реформы, и определила курс на приспособление и постепенное изменение внутреннего строя общества. На первом плане колониальной политики стоял вопрос политического подчинения населения обширной территории.

Как всякий акт державной власти, продиктованный в первую очередь интересами колониального закабаления другого народа, «Устав о сибирских киргизах» 1822 г. по своей природе не мог не быть антинародным актом.

Но если подходить к реформе 1822 г. с точки зрения объективной роли, которую она сыграла в экономическом и политическом развитии казахского общества, то следует признать ее прогрессивное значение. Она способствовала развитию земледелия, оседлости и торговли среди местного населения, помогла ослабить силу феодальной раздробленности и вытекающей отсюда постоянной междоусобицы, содействовала сближению казахского и русского народов.

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ В МАЛОЙ И ВНУТРЕННЕЙ ОРДАХ

Отмена ханской власти и вопросы реформы управления

В 1824 г. последний хан Младшего жуза, Ширгазы, был вызван в г. Оренбург и определен «первоприсутствующим» в Пограничной комиссии. Так произошла ликвидация тяготевшей над народом ханской власти в этой части Казахстана, потерявшей к этому времени всякое влияние в обществе.

Отмена ханской власти осуществилась без сколько-нибудь значительных осложнений. Она была подготовлена всем ходом развития казахского общества. В отличие от Среднего жуза власть хана здесь была весьма слабой.

В первой половине XIX в. внутренняя и внешнеполитическая обстановка Младшего жуза, как и прежде, оставалась сложной. С севера наступало царское правительство, с юга – Хивинское и Кокандское ханства. Некоторые влиятельные султаны повели борьбу за образование «особых» владений, стоящих между этими основными силами. Строительство новой Илецкой укрепленной линии и захват территории Илецкого бассейна еще больше осложнили политическую обстановку. Участились набеги небольших казахских отрядов на пограничные пункты и селения, создавались вооруженные отряды в степи для борьбы со среднеазиатскими ханствами.

Власть хана становилась формальной. Неся службу царскому правительству, он в то же время был связан с феодальными группировками, противодействующими официальной политике. В 1817 г. Оренбургская пограничная комиссия предупреждала хана Ширгазы Айчувакова по поводу его бездействия. Он был поставлен в известность о том, что если положение не изменится, то правительство вынуждено будет «приступить к определению в Орде другого хана, более расположенного к сохранению верноподданнического долга».¹

Пограничные органы уже давно вынашивали план ликвидации ханской власти в Младшем жузе. И если она все же сохранилась до конца первой четверти XIX в., это произошло лишь потому, что еще не созрели условия для ее уничтожения.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 245, л. 4.

В 1823 г. предпринимается последняя попытка бороться с внутренними неурядицами при помощи хана. «Для приведения Меньшей Киргиз-кайсацкой орды в спокойное положение» создается особая комиссия в составе хана, султанов, крупных старшин и мулл.¹ По замыслу ее учредителей, комиссия должна была заняться в первую очередь разбором взаимных претензий родов, служивших причиной беспорядков в степи. Затея эта кончилась провалом. Тогда признали необходимость принятия энергичных мер по упразднению самой ханской власти. К тому же в Среднем жузе, где прежде по существу не было пограничного органа управления казахами, успешно осуществлялся план управления без хана. «Убедившись долгим и дорогим опытом в непригодности для киргизов и вредности для нас ханского ими управления, окончательно упразднили ханское достоинство», — писал один из ответственных чиновников.²

Во Внутренней орде ханская власть продержалась несколько дольше. Бывший воспитанник астраханского гражданского губернатора Джангер, встав у власти, заслужил доверие правительства. Он неоднократно удостоивался приема царя и был пожалован чином генерал-майора русской армии. После его смерти в 1845 г. ханская власть была ликвидирована и управление ордой перешло в руки Временного совета, в котором вначале наряду с русскими чиновниками сидели потомки и родственники хана. Так, к середине XIX в. ханская власть окончательно исчезла на всей территории Казахстана.

Неудовлетворительное состояние осуществления государственной политики в Младшем жузе отчасти объяснялось несовершенством системы управления. Еще при ханах ставились вопросы ее преобразования. Не было недостатка в различных предложениях и построениях. Однако многие из них так и не получили признания.

В 1823 г. оренбургский губернатор обратился с проектом реформы в Азиатский комитет, где он обсуждался в конце того же и в начале 1824 г. Проектом предлагалось разделить казахское население Младшего жуза, включая и Букеевскую орду, на четыре части: Западную, Среднюю, Восточную и Внутреннюю. В каждой из них должны были быть три степени управления: а) управление аулами; б) управление родами, «из аулов соединенными» и в) управление целой частью, составленной из родов. Носителями власти являлись: в ауле — старшина, в роде — «частный правитель», в части — старший султан и хан с

¹ В ее состав вошли, кроме хана, султаны Темир Иралиев, Медеткалий Турдалиев, старшина Есенгельды Жанмурзин, муллы Абдрахман Шарипов, Сулейманов и ахун Габдрахманов (*Добросмыслов А.И.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань, 1904, стр. 20-21).

² *Григорьев В.* Русская политика по отношению к Средней Азии. Спб., 1874, стр. 24.

созданными при них советами. Перечисленные должности являлись выборными и замещались только казахами.

При обсуждении этого раздела проекта в Азиатском комитете с участием М. Сперанского серьезные возражения вызвала ничем не оправданная двойная власть в частях орды (хан и старший султан). Было решено, что поскольку «из сего двоеначалия непременно возникнут неудобства, притязания и ссоры», согласиться на учреждение только власти старшего султана. Азиатский комитет полагал нужным Внутреннюю орду во главе с ханом оставить в прежнем положении, хана зауральских казахов Ширгазы Айчувакова определить «первоприсутствующим» в Пограничной комиссии и тем самым лишить его власти в степи. Впредь сношение пограничных органов со степью должно было осуществляться, помимо хана, непосредственно через старших султанов, назначенных на эту должность из дома Абулхаир-хана. Комитет заявил, что «по расстроенному состоянию Орды, комитет на сей раз признавал бы неудобным позволить киргизам избрание оных (т. е. старших султанов. – С.З.), а полагал бы определить их от правительства, назначив именно достойнейших».¹ Мнение Азиатского комитета в марте 1824 г. было представлено царю и одобрено им.

Реорганизация управления в Младшем жузе, отличаясь организационно от преобразований, происшедших в Среднем жузе, была сходна с ними по существу. Общим в организации являлось то, что здесь, как и там, в основе административного деления населения лежала старая родовая номенклатура с известными ограничениями. Во главе частей, так же как и в округах, стояли старшие султаны (для отличия в Младшем жузе они назывались султанами-правителями).

Но реформа 1824 г. имела и ряд особенностей, которыми она отличалась от «Устава о сибирских киргизах». Это различие заключалось не только в том, что округов (частей) было организовано меньше, а власть султанов-правителей не была ограничена советом (приказом), как это было сделано в Среднем жузе. Существенной особенностью ее являлось то, что она не охватила правовым регулированием аульные и родовые звенья управления. Кроме замечания о подчинении начальников отделений (подотделений) и родоправителей султанам-правителям, о них почти ничего не было сказано.

Ограниченность и пробелы закона были восполнены крутыми мерами властей на практике. После введения «Положения» 1824 г. Оренбургское губернаторство проводило курс решительного усиления роли пограничных властей, военных судов и общеимперских законов, значительного ограничения судебных прав биев. Заметно

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 331, л. 1-12, 15.

возрастает роль карательных отрядов и прямого насилия. Эти меры отчасти проводились как ответная реакция на выступление части казахов против колониальных мероприятий. В этом вопросе имело значение и то, что среди оренбургских чиновников явно преобладала группа, отстаивающая проведение жесткой политики по отношению к местному населению.

Такой курс получил законодательное оформление в «Положении об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г.¹

«Положение» 1844 г. по кругу вопросов, охватываемых в нем, по структуре и по технике составления невозможно сравнить с «Уставом о сибирских киргизах». Так, например, неясно, как формируются новые административные единицы – дистанции и аулы, какими конкретно полномочиями обладают они в области управления, суда и в хозяйственных вопросах. «Положение» явно исходит из того, что управление казахской степью на основе писаных законов вовсе не обязательно. «Положение» 1844 г. свидетельствует об отрицательном отношении правительственных органов к развитию элементов земледелия и оседлости среди местного населения.

Исключением, пожалуй, являются вопросы суда в казахской степи, которые получили в «Положении» сравнительно более детальную регламентацию. Как мы увидим ниже, в этой области предполагалось осуществить серьезные изменения.

Как известно, одной из самых сложных и обширных функций органов местной власти в Казахстане была судебная. Собственно управление обществом заключалось в основном в отправлении судебной функции. Поэтому неудивительно, что в «Положении» 1844 г. разработке вопросов суда уделяется особое внимание.

«Киргизы Оренбургского ведомства, – говорится в «Положении», – по делам в измене, убийстве, разбоях, барымте, захвате русских и в возмущении своих соплеменников против правительства судятся военным судом» (§ 56). Это совершенно не похоже на то, что было введено в Среднем жузе М. Сперанским. Подобные категории дел там подлежали рассмотрению в окружных приказах. Далее было установлено, что «за воровство-кражу, воровство-мошенничество у прилинейных и других жителей свыше 20 рублей серебром, корчемство, насилие всякого рода и тайный переход через линию, киргизы судятся в Пограничной комиссии гражданским уголовным судом на основании общих узаконений» (§ 57).

В ведении биев и местной власти оставлены лишь незначительные категории дел даже из числа гражданских. На основании «народных»

¹ ПСЗ, изд. 2. т. XIX, отд. 1, стр. 392-401.

обычаев на местах могут быть рассмотрены дела с иском до 50 руб. серебром. Причем по желанию сторон и они могут быть переданы на «словесный суд» Пограничной комиссии или обжалованы в ней.

Явно бросается в глаза стремление превратить органы местной власти, в том числе бийские суды, в карательно-полицейские органы в степи. Это видно из перечня тех мер, которые составили их неперемennое полномочие: заключение под стражу, наказание розгами, отдача в солдаты, ссылка в Сибирь на поселение и т. д. Если учесть, что местные суды разбирали дела незначительного характера, то подобные меры выглядят слишком суровыми.

«Положение» 1844 г. несмотря на давление пограничных органов внедрялось медленно и вызвало серьезную реакцию в казахском обществе. Следственный порядок, розыскные действия, установленные даже по маловажным делам, и связанное с ними наводнение степи агентами, чиновниками-следователями, а также массовые вызовы свидетелей в г. Оренбург создавали лишь дополнительные трудности как для населения, так и для самого дела. Даже верные царизму султаны обращались с жалобой на осложнения, вызванные этим законом. По свидетельству одного из чиновников, при посещении им султанов-правителей последние жаловались «на существующий теперь в силу нового положения следственный порядок» и на обилие заведенной в связи с этим переписки.¹

Среди чиновников Оренбурга и в правительственных верхах начались толки о дополнении и изменении отдельных положений закона 1844 г. Характерна служебная переписка, начатая действительным статским советником Любимовым. После знакомства с системой местного управления в Младшем жузе он представил в Министерство иностранных дел пространную записку, в которой, между прочим, писал, что нужно передать «всякие исковые и тому подобные дела между киргизами словесному разбирательству в Орде и решению по их обычаям». Он рекомендовал учредить при султанах-правителях совет из старейшин, задачей которого было бы рассмотрение этих дел.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский, у которого было запрошено мнение по поднятым в записке Любимова вопросам, согласился с предложением об изменении порядка рассмотрения исковых дел. Он отмечал, что вопреки предписаниям закона население отдаленных от линии аулов и так судится у своих начальников, независимо от размера иска. «Прекратить же это не только возможности нет, но и не предвидится до тех пор, пока бии совершенно не потеряют своего векового в народе значения судей».

¹ ЦИИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2833, л. 3.

Он возражал против создания совета при султанах-правителях с судебной функцией. Лучшей мерой он находил передачу гражданских дел биям.¹

В начале 50-х годов появился новый вариант положения о преобразовании управления, предложенный Оренбургской пограничной комиссией. Он был составлен с учетом уроков последних лет, с известным отступлением от принципов, узаконенных «Положением» 1844 г. Министерство иностранных дел, обсуждая этот проект, пошло еще дальше, отметив, что для казахского населения важным является «скорый суд и расправа» и сочло нужным «отменить всякого рода излишние формальности, не свойственные быту кочевого народа и которые только влекут к проволочке да и к излишней переписке...». Далее министерство указывало, что прежние порядки, навязанные казахскому населению, мало способствовали осуществлению правительственных целей. «Главное наше желание, чтобы не отделять, а по возможности более и более привязывать киргизов к правительству», – сообщалось в письме оренбургскому и симбирскому генерал-губернатору. Как лучшее средство для достижения этой цели рекомендовалось «сколько можно менее входить во внутренний распорядок киргизов, т. е. отнюдь не вводить у них (и даже постепенно к сему не готовить) порядка внутреннего государственного управления, который по кочевому быту киргизов им вовсе не свойственен, а представлять им управляться и вестись внутри степи своими обычаями, сколько это будет возможно, и своими киргизскими властями. Нам же только наблюдать за их действиями, смотреть, чтобы не было каких-нибудь важных злоупотреблений, пресекать всякие в степи беспорядки, вселять в киргизах повиновение и покорность и т. п. Сия система, без сомнения, есть самая лучшая, вполне сие убеждает многолетний опыт».

Предполагалось в области суда перенять положение, существовавшее в Среднем жузе: гражданские дела с иском до 600 руб. серебром передать в подсудность биев.²

Обсуждение проектов тянулось так долго, что «Положение» 1844г., введенное на пятилетний срок, оставалось без существенного изменения до середины 60-х годов XIX в.

Вопрос об организации местной власти и управления будет рассмотрен нами особо. Здесь следовало лишь отметить, что в политике Оренбургского губернаторства особое внимание уделя-

¹ Там же, д. 2833, л. 42-45, 52-55.

² Там же, д. 2510, л. 286-287, 296-297.

лось полицейской функции местных органов власти. Его интересовали не вопросы управления вообще на местах, а проведение полицейско-карательной функции от имени правительства. В силу этого учреждение должностей дистанчных начальников, попечителей казахов привело к известному расстройству старой системы управления и в то же время не создало прочной базы пограничным властям в степи. В одной из записок Областное правление оренбургских казахов в начале 60-х годов прошлого столетия, объясняя причину отсутствия выборной системы в органах местной власти, писало, что «все почти должности участкового управления имеют часто полицейский характер, для занятия коих требовались агенты».¹

Все это свидетельствует о том, что а) в Младшем жузе после отмены ханской власти Оренбургское губернаторство проводило более жесткую политику усмирения населения и ломки старых порядков, чем Сибирское губернаторство в Среднем жузе; б) проблема реформы местного управления в течение длительного времени не нашла здесь удовлетворяющего правительство разрешения; в) к середине XIX в. появляется тенденция к унификации системы управления как в Младшем, так и в Среднем жузах.

Власть и управление в Младшем жузе

Одновременно с вызовом хана Ширгазы в г. Оренбург были приглашены генералом Эссенем султаны Каратай Нуралиев, Темир Ираляев и Жума Кудаймендиев. Каждый из них являлся в сопровождении свиты. Так, султан Каратай привел с собой трех султанов, 10 старшин и несколько тюленгутов. В результате переговоров, длившихся полтора месяца, они получили назначение султанами-правителями частей Младшего жуза, принесли клятву верности, с подарками, инструкциями по службе вернулись в степь. Следует заметить, что все три султана пользовались в то время большой властью и влиянием в казахском обществе. Султаны Каратай и Жума в свое время были избраны ханами и этот титул и власть сохранили до получения новых должностей и званий.

Итак, в 1824 г. Младший жуз был разделен на три части. В Восточной части основное ядро населения составили выходцы из поколения Аргын, Средняя часть формировалась из поколения Жетыру, в состав Западной части вошли преимущественно аулы из поколения Бай-улы. Родовые коллективы поколения Алим-улы распределялись

¹ Там же, л. 3277, л. 113.

в основном между двумя последними частями. Султанам-правителям было установлено жалование, каждому в размере 100 руб. с серебром и по 60 четвертей ржаной муки в год. При них находились помощники, письмоводители, рассыльные, частью получающие жалование, частью кормящиеся за счет населения. При назначении султаны-правители жаловались позолоченной саблей со шнуром и именной печатью.

Круг обязанностей султанов-правителей, а также других местных органов власти определялся так: «Надзор за поведением киргизов, содержание их в порядке и всегдашней верности и послушании правительству, а также собрание по возможности вернейших сведений о народонаселении, числе кибиток и скотоводстве, состоящих в их ведении киргизов, и вообще приведение в исполнение мер, какие будут предписываемы комиссиею. Султаны-правители, должны влиянием своим и имеющимися в их распоряжении средствами всемерно стараться об искоренении в степи баранты и вообще всякого самоуправства» (§§ 46 и 47 «Положения» от 14 июня 1844 г.). Существо их деятельности можно изложить кратко: «Управлять, чтобы проводить колониальную политику в степи».

Разделение орды было проведено в зависимости от расселения родов и степени влияния среди них султанов-правителей. В результате такого положения возникала крайняя неравномерность в распределении пространства и населения между отдельными частями орды. К 1843 г. Западная часть охватывала территорию с населением 76 тыс. кибиток, а Восточная часть имела лишь около 18 тыс. кибиток.¹

Для характеристики власти правителей частей имеют значение два обстоятельства. Первое – это то, что они назначались из султанов дома Абулхаир-хана. Мы уже говорили о серьезном падении престижа султанов в Младшем жузе, хотя часть их не переставала претендовать на власть. Многие видные местные феодалы, надеясь захватить власть, выступали против господства султанов. Таким образом, в этих условиях узаконение диктатуры султанов не могло способствовать усилению власти и ее влияния в обществе. Она могла существовать постольку, поскольку опиралась на силу и прямую поддержку пограничных властей.

Это отражалось в том, что при каждом султানে-правителе в целях его безопасности находилась военная команда в составе от 100 до 200 человек, которая охраняла и постоянно сопровождала его в разъездах по степи. Основные ставки султанов-правителей были расположены не в степи, а в пограничной полосе, в казачьих станицах и укреплениях:

¹ Там же, д. 366, л. 1.

правитель Западной части – в форпосте Затонном, Средней части – в станице Изобильной, Восточной части – в станице Усть-Уйской.

О султанах-правителях и их отношениях к ханскому дому Абулхаира дают представление следующие сведения¹ (табл. 17).

Таблица 17

Части орды	Имена султанов-правителей	Годы упр-ия	Фамильная ветвь, откуда они происходят
Западная	Каратай Пуралиев	1824-1826	внук Абулхаира, сын Нурали-хана
	Шингалий Орманов	1826-1830	правнук Абулхаира, внук Нурали-хана
	Баймухамед Айчуваков	1830-1847	внук Абулхаира, сын хана Айчувака
	Мухамбеткалий	1847-1867	правнук Абулхаира, внук хана Айчувака
Средняя	Тяукин Темир Ералиев	1824-1825	внук Абулхаира, сын хана Ералия
	Медеткалий Турдалиев	1825-1828	правнук Булхаира (брат Абулхаир-хана)
	Мата Магометкакалиев	1828- 1829	правнук Абулхаира, внук Нурали-хана
	Арстан Джантюрин	1841-1855	из дома Абулхаира, сын хана Джантюре
Восточная	Мухамбетжан Баймухаметов	1855-1869	правнук Абулхаира, внук хана Айчувака
	Жума Кудаймендиев	1824-1830	племянник хана Каипа, изгнанного из Хивы
	Джантюре Джигангеров	1830-1835	внук хивинского хана Каипа
	Шотай Бахтигереев	1835-1841	потомок хана Аблая
	Ахмет Джантюрин	1841-1851	сын Джанггоре Джигангерова, правнук хана Каипа
	Магомет Джантюрин	1851-1869	брат султана-правителя Ахмета Джантюрина (из дома Абулхаира)

За все время существования должностей султанов-правителей их ни разу не занимали лица, не имеющие султанского титула. Более того, в первых двух частях орды (Западная и Средняя) безраздельно господствовали дети хана Абулхаира, а в Восточной – султаны из дома хана Каипа, влияние которого было особенно значительным на юге Казахстана.

¹ *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк, т. I, вып. I. Оренбург, 1900, стр. 274-275.

Помощниками султанов-правителей вначале являлись также султаны. По инструкции, составленной Пограничной комиссией для помощников султанов-правителей, они были обязаны: а) исполнять поручения не только султана-правителя, но и «предписания пограничного начальства, если оно в каких-либо случаях признает нужным сделать оные прямо на имя ваше»; б) следить за спокойствием и внушать населению, что виновные «не только сами строго будут преследуемы и наказуемы, но и ордынцев своих и кочующих с ними в одних аулах будут подвергать ответственности»; в) задерживать и доставлять «злодеев» к ближайшему линейному начальнику; г) разбирать ссоры по мелким делам, а по уголовным делам виновных препровождать в Пограничную комиссию.¹

Другим обстоятельством, определявшим характер власти султанов-правителей, являлось то, что они с самого начала создавались как филиал или база Пограничной комиссии в степи, обязанные исполнять ее поручения. Канцелярия султанов заваливалась различными бумагами, запросами, поручениями из г. Оренбурга, в большей части связанными с производством розыска и следствия. По официальным данным, у отдельных правителей количество только одних исходящих бумаг в течение года доходило до 3000. Как писал один из царских чиновников, переписка на казахов «производит самодурное впечатление».² Поток бумаг говорил не об оперативности решения вопросов, а о бюрократизме.

Ниже приводится движение дел по канцелярии султанов-правителей³ (табл. 18).

Таблица 18

Показатели	По Восточной части	По Средней части	По Западной части	Всего
Остаток нерассмотренных дел на 1 января 1849 г.	260	2383	430	3073
Поступило дел в течение 1849 г.	234	241	291	766
Решено в течение 1849 г.	146	58	218	422
Остаток дел на 1 января 1850 г.	318	2566	503	3417

Число нерассмотренных дел к концу каждого последующего года все более возрастало и на 1 января 1850 г. составило внушительную

¹ Там же, стр. 276-277.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 2833, л. 4.

³ Там же, л. 5027, л. 16-17.

цифру – около 3,5 тыс. Можно привести характерный пример: не говоря уже о ликвидации дел, накапливающихся с прошлого года, в течение 1849 г. было рассмотрено лишь немногим более половины вновь поступивших дел. Приведенные данные показывают, насколько глубоко волокита и канцелярщина проникли в деятельность султанов-правителей. Н. Игнатьев, посетивший казахскую степь в 1858 г., назвал эту систему «жалким управлением» и сообщил о своем тяжелом от нее впечатлении генерал-губернатору Катенину и председателю Пограничной комиссии В. Григорьеву.¹

Взяточничество, поборы, насилие над населением были неотъемлемыми атрибутами власти султанов-правителей. Авторитетная правительственная комиссия, ревизовавшая казахскую степь в середине 60-х годов, отметила, что должностные лица «смотрят на место как на источник дохода и позволяют себе вопиющие злоупотребления».

Против одного из правителей султана Мухамбетжана Баймухаметова Пограничная комиссия под тяжестью жалоб вынуждена была возбудить следствие за то, что он: а) в 1845 г. отобрал у казаха Буранкула Карынова из рода Табын 3-х лошадей и незаконно получил с него же 140 руб. и один халат; б) такого же рода насилие было допущено в отношении казаха Ералия Тебекова; в) получал взятки при разборах дел о сенокосных угодьях.²

Диктатура султанов оттолкнула от них многие кочевые коллективы. Они уходили в глубь степи, отказывались выполнять их распоряжения. Такие многочисленные и сильные родовые коллективы, как Адай и Шумишты-Табын, кочевавшие в юго-западной и юго-восточной частях степи, часто выгоняли из своих владений посланцев султанов-правителей, отказывались им повиноваться.³ Оренбургская пограничная комиссия в отчете за 1841 г. отмечала, что «в глубине степи, куда еще не достигают распоряжения и власть начальства, киргизы живут почти в совершенном безначалии и поэтому имеют все возможности производить хищничества и злодейства».⁴

Освобождение от должностей султанов Юсупа Нуралиева (Средняя часть) и Шутая Бахтигереева (Восточная часть), произведенное в 1841 г., за «слабость» и другие подобные меры не принесли в конечном счете желаемого результата.⁵

Сравнительно сложной была структура низовой местной власти. В 1831 г. среди казахов, примыкавших своими кочевьями к погра-

¹ *Игнатьев Н.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897, стр. 257.

² ЦГИЛ КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2841, л. 6.

³ Там же, д. 3741, л. 6.

⁴ Там же, д. 346, л. 5.

⁵ Там же, л. 25.

ничной полосе, организуются административные участки, названные дистанциями. Круг обязанностей дистанчных начальников определялся таким образом: а) «главным предметом заботливости вашей должно быть, чтобы киргизы вверяемой вам дистанции не были допускаемы до шалостей и преступлений и чтобы они были предохраняемы от обид и притеснений»; б) выполнять распоряжения султана-правителя, Пограничной комиссии, военного губернатора и линейных начальников (комендантов крепостей); в) пресекать недружелюбные акты казахов по отношению к линейным жителям, извещать начальство о происшестввиях в степи «о злонамеренных слухах и намерениях подданных».¹

Внутри дистанции образуются более мелкие единицы управления – старшинства (местности или аулы). Председатель Пограничной комиссии Генс составил для местных начальников специальную инструкцию, основное содержание которой сводилось к таким пунктам: 1) «заведовать всеми ордынцами без исключения и без различия родов, отделений и званий кочующими при линии против дистанции...»; 2) удалять из пределов владения тех, которые не будут подчиняться его власти; 3) без разрешения местного начальника никто не может самовольно вселяться в пределы его владения; 4) установить наблюдение за населением, чтобы предотвратить с его стороны какие-либо нарушающие порядок акты; 5) производить сбор денег и имущества по взысканию подати; 6) местный начальник подчиняется дистанчному начальнику, а через него султану-правителю, а также докладывает и выполняет распоряжения коменданта крепости, в районе которой расположено владение; 7) «...никакой посторонний султан или старшина и никакой Ордынский начальник, кроме дистанчного начальника и султана-правителя, не имеют права вмешиваться в дела ваши и делать какие-либо распоряжения»; 8) казахи могут сноситься с линейными жителями только через местного начальника, который в то же время является депутатом от казахской стороны в судебных и следственных делах, разбираемых в крепости.²

Дистанчное устройство впоследствии распространилось и на степные аулы. В 1839 г. такое деление было совершено среди кочевников, располагавшихся против Новой линии.

В начале 40-х годов дистанчная система охватила часть рода Адай в районе Ново-Александровского укрепления.³

После принятия «Положения об управлении оренбургскими

¹ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. I, вып. I. Оренбург, 1900, стр. 308-309.

² Там же, стр. 303-308.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 366, л. 54-55.

киргизами» 1844 г., в котором отмечалось, что султаны-правители, дистанционные и аульные начальники составляют три звена местной власти, дистанционным устройством стала охватываться вся степь, включая и глубинные аулы.

В начале второй половины XIX в. в Малом жузе уже существовали 54 дистанции, подразделявшиеся по своей территории на три разряда. Начальники дистанций первого разряда (их было 14) получали государственный оклад по 75 руб. серебром в год, второго разряда, число которых составляло 13, – по 50 руб. серебром, и начальники дистанции третьего разряда получали из казны по 30 руб. серебром в год. На особом положении находились начальники 53 и 54 дистанций, территориально примыкавших к Уральскому и Оренбургскому укреплениям. Им полагалось в виде исключения жалованье 125 руб. серебром в год каждому.¹

Дистанции были подчинены султанам-правителям. Организация дистанции осуществлялась на основе территориальной определенности населения. Смещение родовых групп произошло в особенно значительных размерах в прилинейных дистанциях.

О размерах прилинейных дистанций некоторое представление дает нижеследующая таблица, данные которой относятся к 1854 г.²

По сведениям И. Казанцева, на территории Младшего жуза к середине XIX в. насчитывалось 33 рода,³ распределенных между 54 дистанциями. Простое сопоставление этих цифр показывает несоответствие власти родоправителей и дистанционных начальников. Известно, что не каждый род имел одного родоправителя. Во многих из них властвовали 2 – 3 и более биев и старшин. Несомненно, что большинство наиболее влиятельных родовых глав сделалось дистанционными и аульными начальниками, однако, как будет идти речь несколько ниже, часть из них в действительности осталась без официальных должностей.

Учет территориального расселения в дистанциях способствовал закреплению родосмещения. По родовому составу 21 и 22 дистанции в 1852 г. имели следующую характеристику⁴ (табл. 19).

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 67-70.

² ЦГИА Ка-зССР, ф. 4, оп. 1, д. 5117, л. 6, 8-9, 24, 60.

³ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, стр. 62.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3598 л. 21-28.

Нумерация, присвоенная дистанции	Родовая принадлежность населения	Число хозяйств
21	Поколение Кыпшак, 15 отделений	348
	Род Керей, 2 отделения	6
	Поколение Аргын, 7 отделений	19 388
	Род Алаш	4
22	Род Жаббас, 6 отделений	12
	Поколение Аргын	15
	Род Керей	23
	Поколение Кыпшак	1 429
	Другие родовые группы	390

В составе рассматриваемых дистанций имелись хозяйства из разных родов и различных отделений, входившие мелкими группами. Все это говорит о процессе глубокого разложения казахского рода и о тенденции объединения населения по территориальному принципу.

Однако при преобладании кочевого скотоводства разделение населения исключительно по территории не могло осуществляться без трудностей, без компромисса с фактором родовой принадлежности.

21 и 22 дистанции, несколько отдаленные от линии, относились к степным районам. По сравнению с прилинейными дистанциями они были малы по составу, но зато превосходили их по обширности кочевых участков.

Дистанции делились на аулы (местности). Аулы в Младшем жузе отличались от административных аулов в Среднем жузе (50 – 70 кибиток), тем более они не были похожи на хозяйственные первичные ячейки. В административном ауле бия Джанакова, подчиненного управлению 57 дистанции, в 1855 г. было 157 кибиток, в другом ауле этой же дистанции, которым руководил бий Танатаров, – 556 кибиток.¹ Дистанция, организованная в роде Адай, имела 10 административных единиц; некоторые из них были весьма обширными. Приблизительно 150 тыс. дворов составляли 240 аулов, т. е. в среднем на каждый аул приходилось более 600 хозяйств.

Вопрос о размере дистанции и аулов законодательно не был разработан. В «Положении» 1844 г. было сказано, что в ауле может быть

¹ Там же, д. 5117, л. 32 – 33.

«до 40 кибиток и более». В начале второй половины XIX в. вносились предложения, чтобы в каждой дистанции было от 2000 до 2300 кибиток, а в ауле – от 200 до 400. Предполагалось ликвидировать чересполосицу и ограничить перекочевку коллективов рамками определенных угодий. Генерал Баллюзек, ведавший делами казахов, в 1868 г. писал, что «настоящее разделение области на дистанции и местности произведено было, применяясь большею частью к родовым началам в Орде, отчего произошло неравномерное распределение кибиток в дистанциях и местностях, в одних очень мало, а в других, например, чрезмерно много и самые дистанции расположены не сплошь, а чересполосно и смешанно с другими... Некоторые от своих прямых начальников кочуют в расстоянии нескольких сот верст».¹

Начальники аулов постоянного оклада от казны не получали. Им выдавались за усердную службу денежные награды и подарки вещами.

Организация дистанций и административных аулов ограничила власть прежних родовых начальников, не получивших официального признания, но все же их не ликвидировала. По собранным с мест сведениям, родовая структура жуза определялась следующим образом² (табл. 20).

Таблица 20

Поколение	Родовой состав поколения				Часть орды, куда вошло основное ядро данного поколения
	Роды	Отделения	Подотделения	Колена	
Бай-улы	12	55	91	15	Западная часть
Жетыру	7	45	35	15	Средняя часть
Алим-улы	6	23	95	26	Западная и Средняя части
Аргын	8	64	н/св	н/св	Восточная часть

Мы уже указывали, что ни одна из этих родовых единиц не была чистой. В составе каждой из них всегда находились выходцы из других родовых подразделений, приобщившихся к основной группе, родовое название которой становилось затем общим. Нас сейчас интересует не эта сторона вопроса. Независимо от состава кочевое подразделение являлось им постольку, поскольку оно было в той или иной степени обособлено, имело свой строй и внутреннюю власть.

¹ Там же, л. 3805, л. 1-2.

² Казинцев И. Описание киргиз-кайсака. Спб., 1867, стр. 62.

Не всегда роды могли иметь родоправителя, но почти в каждом отделении и подотделении были возглавлявшие его бии и старшины. При организации дистанций и административных аулов часть из них получила официальное признание, а часть продолжала оставаться на положении родовых начальников. Причем власть наследственных вожаков была гораздо авторитетнее, чем власть новых ставленников, получивших эту должность от царского правительства.

Пограничные органы, с одной стороны, были не в силах не считаться с родовой номенклатурой и системой феодальной власти, с другой – не могли признавать власть тех родовых начальников, которые по объективным условиям не несли службу в интересах правительства. Этим объясняется двойственный, противоречивый характер политики пограничных властей в степи.

Чиновник Министерства иностранных дел Любимов во время посещения казахской земли в 1846 г. убедился, что многие из дистанционных и аульных начальников «уклоняются от исправления возложенных на них должностей». Имея прямое поручение ознакомиться с состоянием степного управления, он встречался с местными чиновниками. В представленной записке как способ, устраняющий существенные проблемы в управлении степью, он рекомендовал впредь «принять за правило: определять в дистаночные и местные или аульные начальники не иначе как родоначальников и начальников разных отделений и подотделений киргизов».¹ На это Оренбургское управление ответило, что хотя оно придерживается в своей политике в известной степени этой линии, делая уступки старой системе власти, однако нельзя не видеть, что принятие ее полностью означало бы «прямое зло, толкающее их к обособленности от властей».²

Таким образом, наряду с утвержденными местными начальниками существовала власть родовых владельцев. Первые выступали в основном в роли исполнителей поручений и агентов пограничных властей, а вторые – как носители частной феодальной власти.

В отчете Оренбургской пограничной комиссии за 1862 г. приведена характеристика системы власти в степи³ (табл. 21).

По данным, сообщаемым Оренбургской пограничной комиссией, на 241 официального начальника приходилось 107 неофициальных. Причем сюда не входили многочисленные старейшины хозяйственных аулов, подчиненные старшинам отделений и подотделений родов.

В 30–40-х годах была сделана попытка создать новое администра-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2833, л. 10-12.

² Там же, л. 63-69.

³ Там же, л. 5255, л. 16.

тивное звено между султанами-правителями и дистанциями с целью приобщения к государственной политике частных родоправителей.

С этой целью в 1841 г. население в составе поколения Аргын, перешедшее из Сибири в Оренбургское ведомство, было разделено между пятью управлениями: 1) отделение Узен; 2) отделение Кулденен поколения Кыпшак; 3) отделение Назар; 4) отделения Таяу и Кабак и 5) подотделение рода Карабас-Шекты.

Через год были признаны самостоятельными управлениями во главе со своими родоправителями роды Жаббас и Алтын.

Таблица 21

Должности	По Вос- точной части	По Средней части	По Западной части	Всего
Султаны-правители	1	1	1	3
при них письмоводители	1	1	1	3
** писцы	1	1	1	3
** помощники	1	1	1	3
Начальники дистанций:				
I разряда линейных	5	1	—	6
** степных	1	5	—	6
II разряда линейных	1	8	6	15
** степных	1	1	—	2
III разряда линейных	1	3	4	8
Подчиненные дистанчным на- чальникам аульные начальники	87	99	55	241
Управляющие степными родами и отделениями	6	3	33	42
Подчиненные им старшины отделений и подотделений родов	3	6	56	65

В составе последних были образованы соответственно пять и три дистанции.¹ Забегая вперед, заметим, что в связи с упрочением позиции царского правительства в Казахстане и победой его в борьбе со среднеазиатскими ханствами, начиная в особенности с 60-х годов XIX в., стала проводиться активная политика по огосударствлению носителей частной власти и усилению роли наместников.

Все должностные лица в Младшем жузе от аульного начальника до султана-правителя назначались военным губернатором Оренбурга. Председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский от-
сутствие выборов в Младшем жузе объяснял так: «Представить выбор

¹ Там же, д. 366, л. 54-56.

этот собственно народу значило бы возбудить в нем притязание на власть избирательную, влекущую за собой, как известно, всенародную смуту».¹ Позиция колонизаторов здесь выражена ясно и недвусмысленно.

Одной из особенностей организации местной власти в Младшем жузе было введение должностей под названием «попечители прилинейных киргизов», которые занимали только русские чиновники (§16 «Положения» 1844 г.). Внешне они создавались как органы покровительства казахам в их связях с прилинейными жителями. В действительности они организовывали и вели агентурную работу, производили следствие, выполняли различные поручения Пограничной комиссии и отправляли власть среди казахов.

Вся линия была разделена на 6 попечительств: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое и Михайловское. Попечителям полагалось жалованье 775 руб. серебром в год. При них находились переводчики.

Из изложенного можно видеть, что в основе реорганизации местного управления как в Младшем, так и в Среднем жузах лежат одни и те же мотивы и планы. Однако способы и формы реализации этих планов и целей были неодинаковы.

Власть и управление во Внутренней орде

Система власти и управления, существовавшая при хане Джангере, сохранилась и после его смерти. Она была несколько усовершенствована и развита, но существенного изменения не претерпела.

Как упоминалось, в 1845 г. создается Временный Совет по управлению ордой, подчиненный Оренбургской пограничной комиссии.

Председателем Совета стал брат умершего хана Адил Букеев, а членами – два казахских султана – Щуке Нуралиханов, Мендигерей Букейханов и чиновник Министерства государственных имуществ. Деятельность Совета строилась по принципу работы присутственных мест. Вопрос, вызвавший два мнения, передавался на суждение Пограничной комиссии.² К 1858 г. штат Временного Совета возрос до 24 человек с годовым жалованьем 15950 руб. серебром, его председателями стали назначаться русские чиновники, а султаны находились на положении советников.³

Царские чиновники стали постепенно хозяйничать в орде еще при жизни хана Джангера. В 1828 г. после посещения орды сенатором Эн-

¹ Там же, л. 2833, л. 70.

² ПСЗ, изд. 2, т. XXII, отд. 1, стр. 117.

³ ПСЗ, изд. 2, т. XXXIII, отд. 3, стр. 12.

гелем к хану был приставлен «попечитель орды», представлявший интересы русских в местных судах. В действительности он был обязан «вообще наблюдать за спокойствием и благоустройством всей Орды».¹

На местах действовала относительно стройная система управления. Орда делилась на части (округа), части – на владения родопривителей, последние – на старшинства.

В отличие от других частей Казахстана здесь двоевластие почти не имело места.

Внутренняя орда занимала строго ограниченную территорию. Земельные отношения в ней раньше, чем в других казахских землях, облекались в юридическую форму собственности, родовые группы имели ясно выраженную территориальную определенность. Общественная и политическая жизнь в орде была стабилизирована. Влияние ханской и пограничных властей было более обширным и проникающим, чем в других ордах. Кроме того, развитие товарно-денежных и долговых отношений, падение кочевого скотоводства и близость оседлых центров обусловили в значительной степени ослабление патриархальных пережитков в общественных отношениях и сознании народа. Все это вместе взятое предопределило относительно устойчивую систему управления.

В начале второй половины XIX в. орда состояла из семи частей: Камыш-Самарская, Таловская, Нарынская, Калмыкская, Торгунская, Первый прикаспийский округ (или Первая приморская часть), Второй прикаспийский округ (или Вторая приморская часть).² Деление происходило исключительно по территориальному признаку. За каждым родом еще при хане были закреплены определенные земельные участки для весеннего, летнего и зимнего кочевания. Территориальная определенность в административном устройстве при этом не противоречила родовому делению.

Во главе частей в основном находились султаны из дома Букейхана или их ближайшие родственники. В большинстве своем они являлись крупными землевладельцами, распоряжавшимися обширными угодьями на правах наследственной собственности, владевшими огромными стадами скота. Возвышению этой группы султанов во многом способствовала политика ханов, в особенности Джангера, закрепивших за ними лучшие земельные пространства. Надо заметить, что султаны из этой группы в середине XIX в. преобладали и среди родопривителей.

¹ ПСЗ, изд. 2, т. III, стр. 370.

² ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 79, л. 21.

При каждом управляющем частью была своя канцелярия, нередко с делопроизводителем-муллоу, впоследствии замененным русским чиновником.

В 1853 г. числилось 14 родоправителей, подчиненных управляющим частями (табл. 22).

Как явствует из таблицы, за исключением одного, родоправители являлись султанами. Причем 6 из 13 султанов принадлежали к дому Букей-хана (Букейхановы и Шигаевы). Если принять во внимание, что во Временном Совете по управлению ордой сидели представители исключительно этой фамильной ветви, в основном они находились и во главе частей, то можно сказать о политической привилегии этой группы султанов в системе управления, которую они сохранили и после ликвидации ханской власти в орде.

Таблица 22

Титулы и имена родоправителей	Роды, которыми они управляли	Принадлежавший им скот			
		верблюды	лошади	КРС	мелкий скот
Султан Адил Букейханов	Адай, Есентемир, Маскар	56	990	26	2326
Султан Ахметкерей Хансултанов	Байбакты	н/св	н/св	н/св	н/св
Султан Мендигирей Букейханов	Шеркеш	130	2100	200	5000
Султан Кушакгалий Шигаев	Кзыл-Курт	50	321	34	812
Султан Мухамбеткалий Касымов	Кете	н/св	н/св	н/св	н/св
Султан Жанбубек Беккалиев	Алаша	31	480	42	423
Султан Хангерей Хансултанов	Жетыру	4	220	–	–
Султан Жинганшах Жингалиев	Тана	107	1250	213	1100
Султан Жанхан Утебалиев	Жаббас	н/св	н/св	н/св	н/св
Султан Тауке Букейханов	Иссык	33	270	23	822
Султан Мирхайдар Шигаев	Кзыл-Курт	н/св	н/св	н/св	н/св
Султан Бесжан Абулгазиев	Туленгут	5	16	7	35
Ситбаттал Балкин	Берш	н/св	н/св	н/св	н/св
Султан Даулеткерей Шигаев	Ногай	н/св	н/св	н/св	н/св

В приведенных данных показано, что каждый родоправитель ведал делами одного рода (кроме султана Адила Букейханова). Имеются основания полагать, что в действительности в некоторых родах существовали не один, а два-три родоправителя (в зависимости от величины рода), среди которых один являлся старшим.

Такая мысль подтверждается тем, что в других сведениях, относящихся к этому же времени, наряду с указанными выше родо-правителями приводятся имена других. В одном из официальных документов 352 г. наряду с названными выше султанами в тех же родах в качестве родоправителей упоминаются Тугум Шигаев (род Кете), Батыргалий Шимсултанов (род Жаббас), Арэнжан Мучегалиев (Ногай).¹ При всем этом число родоправителей было невелико и едва ли превышало 20 человек. Родоправители обладали крупным скотоводческим хозяйством.

Часть старшин еще при ханах назначалась центральной властью. Как правило, ими становились те, кто фактически удерживал в своих руках власть в отделениях и подотделениях родов. Поэтому право назначения старшин, сохраненное за ханами, вовсе не вело к изменению системы власти и управления в низовых административных ячейках. В то же время оно свидетельствовало о тенденции постепенного огосударствления местных начальников. В основном такой порядок сохранялся и после отмены ханской власти, только ханская функция перешла Пограничной комиссии, которая выдавала свидетельства на занятие должностей старшин по представлению Временного Совета.

Специального учета старшин долго не существовало. Одни из них были утвержденными, другие – признанными, а третьи находились на положении фактического руководителя. Одна группа старшин имела наследственную власть, другая пришла к власти в результате выборов. Вообще старшинством считалось любое подразделение, имеющее обособленное кочевье и непосредственно подчиненное родоправителям. Таким образом, хозяйственные аулы, а также небольшие группы кочевников, входящие в состав отделений и подотделений родов, не являлись старшинством. По сведениям Временного Совета, в 1862 г. в орде должно было быть 224 старшины.² Проверкой, произведенной в том же году чиновником Плотниковым, установлено, что имеется всего 178 старшин, а не 224, как полагали. Причем оказалось, что у многих старшин владения состояли из 20 – 50 кибиток, а некоторые имели менее 10 дворов. Одно из старшинств было составлено из двух родственных хозяйств.³

В дальнейшем было проведено укрупнение старшинств с сокращением их до 82.

Большинство старшин имело закрепленные за ними личные земельные владения для строительства жилья, сенокосения, а иногда и для

¹ Там же, д. 4598, л. 85–86.

² Там же, д. 79, л. 22.

³ Там же, д. 86, л. 8.

занятия земледелием. Старшины занимали для своего хозяйства наиболее плодородные участки земли, принадлежавшей всему коллективу, делами которого они ведали. Более подробно об этом нами сказано в опубликованном ранее исследовании.¹ Об объеме личных скотоводческих хозяйств старшин говорят следующие данные² (табл. 23).

Таблица 23

Старшины	Отделения рода	Количество скота в их владении				
		К-во юрт в стар- шинстве	верблю- ды	лошадей	КРС	мелкого скота
Род Тана						
Жантуреев Т.	н/св	91	8	42	10	259
Жубанов Б.	*	65	15	395	19	120
Жатокаев К.	*	243	2	13	10	74
Шубаров И.	*	48	5	28	10	152
Тасбулатов А.	*	98	39	195	88	926
Тугелов И.	*	37	3	7	17	64
Туркесбаев Б.	*	97	3	13	28	134
Атрауев А.	*	143	5	35	50	201
Ихабов К.	*	97	5	35	17	123
Кыдырбаев Б.	*	69	8	32	17	164
Тубетов И.	*	59	4	73	8	254
Кениров К.	*	200	8	35	4	60
Род Берш						
Шитемиров	Жайык	45	10	100	10	100
Идулов Ж.	*	118	5	34	10	80
Койбаков Ж.	*	10	3	49	3	80
Жакаев Т.	Баскаса	125	10	33	12	115
Жабагаев Б.	*	113	5	30	10	80
Еркинбаев С.	*	109	6	10	10	54
Жаманов И.	Есен	57	3	20	5	82
Дуйсенбаев Б.	Есенгуль	175	6	25	6	100
Жакунаков Ж.	Есен	60	4	15	5	60
Кушалов Я.	Жайык	39	2	4	4	40
Бектурганов К.	Есенгуль	72	10	60	8	200

¹ См. С.З. Зимапов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958.

² ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 552, л. 1-35.

Итунганов С.	Жайык	36	1	1	7	–
Балыкбаев Н.	Есен	211	2	5	10	25
Досалтев Н.	Байгус	61	7	20	20	120
Куанов Д.	Жанбыр-шы	243	10	60	22	315

Отделение Жайык рода Берш делилось на 5 старшинств, другое отделение, Баскаска, – на 3 старшинства. То же положение присуще и другим отделениям рода. Это еще раз свидетельствует о том, что редко целое отделение рода образовывало одно старшинство и что последнее представляло более мелкую административную единицу.

Далеко не равномерным было распределение кибиток между старшинствами. Внутри одного и того же рода встречаются старшинства с 10 кибитками и старшинства, достигающие 250 кибиток.

Старшины в основной массе владели скотом в количестве более чем достаточном для удовлетворения нужд одной семьи, но в то же время они не являлись настолько богатыми, чтобы их можно было отнести к категории крупных скотовладельцев. По имущественному положению они скорее всего занимали среднее звено в феодальной иерархии.

Кроме перечисленных должностных лиц, существовали так называемые «депутаты», назначавшиеся еще при хане в основном из среды султанов по делам ханства за его пределами. Они в известной степени несли посольские обязанности: осуществляли надзор за казахскими аулами, кочевавшими вне территории ханства, представляли интересы казахов, официальную степную власть в их связях с другими народами, в том числе в судебных тяжбах и т. п. Деятельностью депутатов (их было 14 человек) охватывалась вся пограничная линия.

Система местной власти была организована по принципу кормления. За отдельным исключением должностные лица жалованья не получали. Они должны были кормиться за счет доходов, получаемых ими с населения. Сам Временный Совет заявлял, что такое положение «неизбежно служит поводом к развитию лихоимственных наклонностей в должностных ордынцах».¹

При системе кормления, как правило, поборы, взятки со стороны начальников становятся обычным явлением. Правда, в казахском обществе были и некоторые сдерживающие обстоятельства. Старшина

¹ В 1862 г. получали жалованье: 2 управляющих из 7 по 450 руб. серебром в год (I и II прикаспийские части), 4 депутата по 100 руб. серебром в год (находившиеся в городах Астрахани, Гурьеве, Новоузенске, в Красноярском уезде) и 29 старшин (из 78) по 100 руб. серебром в год. Кроме них получали вознаграждения русские чиновники, некоторые писмоводители (ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 1, л. 86, л. 9-10).

назначался из среды самого коллектива и с определенным числом его членов имел родственные связи. Кроме того, власть родовых начальников была не так обширна, как в развитых феодальных государствах.

Среди архивных документов часто встречаются жалобы на злоупотребления и поборы местных чиновников. В 1851 г. правитель рода Ногай султан Мучегалиев при определении Айтуганова С. старшиной в отделение Жабар взял с него в виде взятки 350 руб.¹ Специальной проверкой было установлено, что старшинские должности продавались и султаном Шигаевым К., управляющим I Прикаспийской частью.² Характерным примером является жалоба казахов родов Адай и Берш, поданная в 1855 г. О деятельности указанного султана они писали: «Ежели ордынцы, имеющие тяжбы, явятся к Шигаеву с деньгами, то жалобы их он разбирает в скором времени; если же иногда киргизы приходят без подарков, то не только не разбирает их жалобы, но даже и не показывается им, которые бывают вынуждены возвратиться в свои аулы».³

Судебная власть в орде все более сосредоточивалась в руках Временного Совета, управляющих частями, родоправителей, старшин и депутатов. Многие бии успели превратиться в должностных лиц, деятельность частных судов биев все больше сводилась к минимуму.

Организация власти и управления во Внутренней орде имеет ту особенность, что она создавалась и развивалась в условиях более полного подчинения края влиянию центральной (ханской) и пограничных властей. Далее, она отражала экономические и географические условия существования орды. Ограниченность кочевой территории и радиуса перемещения по ней скотоводов, развитие элементов оседлости среди населения, рост экономического влияния оседлых центров – все это наложило существенный отпечаток на политический режим общества в этой части Казахстана.

Выводы

Политический режим, существовавший в Малой и Внутренней ордах, находился под постоянным воздействием двух сил: с одной стороны, он отразил исторический путь и экономическое положение казахского общества, с другой – политику империи и местных колониальных властей. Методы работы Оренбургского губернаторства,

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 5908, л. 8.

² ЦГИА КазССР, Ф. 4, оп. 1, Д. 5431, л. 64.

³ Там же, л. 5.

основного органа царского правительства в этой части Казахстана, были гораздо грубее и реакционнее, чем, скажем, методы деятельности Сибирского губернаторства в Среднем жузе. Достаточно сказать, что оно вело курс на увековечивание отсталого быта казахов, часто прибегало к силе в ходе колониального подчинения местного населения.

Как отражение этих двух факторов, борьба между представителями официальной и частной властей составляет характерную черту рассматриваемого нами периода. Общее направление политического развития казахского общества было таково, что первая постепенно брала верх над второй.

Одной из особенностей развития Младшего жуза является то, что здесь правительством была предпринята попытка открыто опереться на пограничных чиновников и небольшое число ставленников в степи при существенном ограничении полномочий прежних родовых начальников. Именно такой характер имело «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1844 г. Однако правительство впоследствии убедилось, что без союза с влиятельной частью местной знати успешное осуществление колониальной политики невозможно.

Система власти и управления, имевшая место во Внутренней орде к середине XIX в., представляет более совершенный вариант политического режима, достигнутого в период от начала проведения колониальной политики до фактического и полного присоединения Казахстана к России.

Методы и формы колониального управления казахским населением, порой, противоречивые, носившие печать субъективизма, были подчинены одной общей цели – превращению Казахстана в покорный край, в источник новых прибылей.

Независимо от того, насколько те или иные преобразования в области управления были удачными или неудачными, в конечном счете они подготовили условия для превращения казахской степи в обычную окраинную провинцию русского государства.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

Условия проведения колониальной политики и ее основные направления

Россия как колониальная страна выступила на историческую арену гораздо позже, чем Англия, Испания, Голландия и некоторые другие главные колониальные страны Запада, т. е. тогда, когда эти страны уже успели создать во всех частях света опорные пункты для дальнейшего продвижения. Это не могло не наложить определенно-го отпечатка на колониальную политику России.

Другим условием, также повлиявшим на конкретные формы и тактику осуществления колониальной политики России, является то, что она встала на этот путь будучи в экономическом отношении более отсталой страной по сравнению с колониальными странами Запада.

В то же время она занимала удобное положение, четко охарактеризованное В.И. Лениным: «Россия находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее окраинах».¹

Естественно, что она занялась в первую очередь колонизацией обширных земель своих слабых соседей, тогда как страны Запада колонизацию осуществляли в отдаленных от своей страны территориях, преимущественно морским путем.

Как известно, политика колониализма является порождением капиталистического способа производства, его выражением и непременным спутником. Она призвана завоевать и создать внешние рынки, в которых капитализм постоянно нуждается. «Необходимость внешнего рынка для капитализма объясняется вовсе не невозможностью реализовать продукт на внутреннем рынке, — писал В.И. Ленин, — а тем обстоятельством, что капитализм не в состоянии повторять одни и те же процессы производства в прежних размерах, при неизменных условиях (как это было при докапиталистических режимах), что он неизбежно ведет к безграничному росту производства, перерастающему старые, узкие границы прежних хозяйственных единиц».²

¹ Ленин В.И. Соч., т. 3, стр. 522.

² Там же, стр. 519.

Для России второй половины XVIII и первой половины XIX вв. характерно относительно интенсивное развитие капиталистической мануфактуры. Хотя оно еще не привело к установлению господства капитализма в масштабе всей страны, тем не менее мануфактурное производство, в основе которого лежал «свободный капитал» и его законы, все больше нуждалось в расширяющихся рынках как внутри, так и вне страны.

В дальнейшем происходит значительный рост предприятий капиталистического типа. Если в 1804 г. было 2399 фабрик и заводов обрабатывающей промышленности с числом рабочих 95,2 тыс. человек, то к 1860 г. число предприятий возросло до 15338, а число рабочих – до 565,1 тыс. человек.¹ Темпы развития промышленности в первой половине XIX в. были гораздо выше, чем в предыдущий период. Ф. Энгельс в 1848 г. писал, что «в России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа».²

Как растущая страна Россия нуждалась в рынках сбыта товаров. В экспорте видное место занимали хлеб и хлопчатобумажные изделия.

Даже при барщинном хозяйстве в ряде губерний России имело место перепроизводство хлеба. Между тем цены на русский хлеб в странах Запада росли исключительно медленно, а иногда не оправдывали самого вывоза.³ К этому следует добавить, что в ряде стран Запада существовали ограничения, препятствующие хлебной торговле, как, например, хлебный закон в Англии, отмененный лишь в середине XIX в.

Хлопчатобумажная промышленность России относилась к числу наиболее развитых отраслей промышленности. Если в 1804 г. число фабрик бумажных тканей достигало 199, то к 1860 г. оно составило 1200. За этот период соответственно выросли суконные фабрики – с 157 до 706.⁴ В 1820 г. в России вырабатывалось 32 млн аршин хлопчатобумажных тканей.⁵

Вопрос о дополнительных рынках, в особенности для указанных выше товаров, был вопросом «большой политики». Одно только расширение внутренних рынков, без дополнительных внешних рынков, не могло существенным образом разрешить проблему сбыта. Как следствие, в этот период быстро росли и внешнеторговые

¹ Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX-XX веках. М., 1950, стр. 27.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. V, стр. 247.

³ Экономическое развитие России, вып. 1. М., 1928, стр. 4-5.

⁴ Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX-XX веках. М., 1950.

⁵ Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.). М., 1954, стр.11.

операции. Если баланс внешней торговли России в 1754 – 1758 гг. достигал по ввозу 32 900 тыс. руб. и по вывозу – 40 270 тыс. руб., то в 1799 – 1803 гг. соответственно он составлял 252460 тыс. руб. и 340 190 тыс. руб., т. е. оборот вырос почти в 8 раз.¹ Свидетельством того, насколько новые колониальные приобретения благоприятно отражались на экономическом развитии России, может служить «скачок» в товарном обращении, совершенный в связи с расширением владений в районе Причерноморья. Достаточно сказать, что за 1776 – 1812 гг. торговые обороты черноморских и азиатских портов России увеличились в 50 раз.²

До вступления царизма на территорию Казахстана и Средней Азии им были завоеваны Сибирь, Нижнее Поволжье, районы Кавказа и порты Северного Причерноморья. Царское правительство накопило значительный опыт в колониальной экспансии.

До середины XVIII в. государственным деятелям России Казахстан представлялся обширным степным районом, населенным кочевниками-номадами, еще не вполне освоившими гражданские условия жизни. В то время мало кто рассматривал Казахстан в качестве крупного экономического источника обогащения. Анализ официальных документов и конкретных шагов, предпринимавшихся Россией в этом направлении, убеждает нас в том, что на первоначальном этапе проведения колониальной политики над экономическими интересами России в Казахстане преобладали ее стратегические интересы. Казахская земля лежала на пути к Китаю, среднеазиатским ханствам и богатой Индии. Это являлось главной движущей силой в политике, осуществлявшейся царизмом, начиная с Петра I.

Как передают, Петр I в бытность его в г. Астрахани во время Персидского похода в 1722 г., ознакомившись по расспросам о состоянии казахских орд, сказал, что «киргиз-кайсацкая степь всем азиатским странам и землям ключ и ворота».³ Несмотря на то, что основные силы империи были заняты на главных участках «большой политики» – на западе и юго-западе, – Петр I снаряжает крупный отряд Бековича-Черкасского для похода через казахскую степь в Хиву. Характерно, что Казахстан рассматривался как плацдарм для продвижения на юг. Знаток истории Востока профессор Петербургского университета В. Григорьев, лично участвовавший в проведении колониальной поли-

¹ *Вирс В.Х.* Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. Спб., 1807, приложение, табл. 13.

² *Арсеньев К.И.* Начертание статистики Российского государства, ч. I. Спб., 1818, стр. 159.

³ *Витевский В.Н., Неплюев И.И.* Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года, т. I. Казань, 1889 – 1892, стр. 136.

тики в Казахстане в середине XIX в., указывает, что основной целью правительства Петра I было «проложить русскому купечеству через степи ея (Средней Азии. – С.З.) дорогу к сокровищам Индии, которыми, знал он, обогащались проникавшие туда морями приятели его голландцы и другие западноевропейские народы».¹ Неудача, постигшая отряд Бековича, не могла изменить основное направление политики. Она научила осторожности, познакомила с особенностями как Казахстана, так и Средней Азии. Это ясно видно из инструкции высших органов, данной чиновнику Кириллову в 1734 г., который должен был обосноваться с военным отрядом на границе с Младшим жузом. Ему предлагалось по возведении города-крепости на р. Ори готовить судно и перевести его в разобранном виде на Аральское море для выхода к Сыр-Дарье, т. е. непосредственно к границам среднеазиатских ханств.²

Относительно активная сначала в отношении среднеазиатских ханств политика стала затем заменяться более «пассивной», политикой подготовки и выжидания. В то же время Россия занялась упрочением своих позиций в Казахстане и подготовкой его как плацдарма для захвата Средней Азии. Существует целый ряд причин, заставивших царское правительство заняться в первую очередь реализацией плана-минимума (упрочение в Казахстане), прежде чем приступить к осуществлению плана-максимума (выход к границам Индии посредством завоевания среднеазиатских ханств). На обширной территории империи как внутри страны, так и на ее окраинах назревали мощные классовые движения трудящихся масс и покоренных народов, выступающих против самодержавия. Кульминационным пунктом явилось крестьянское восстание под руководством Е. Пугачева, охватившее огромную территорию Южной и Центральной России.

В захватнической политике царизма среднеазиатский вопрос не был главным. Основная задача внешней политики, заключавшаяся в выходе к Черному морю и через него к морским и океанским просторам, потребовала больших усилий и не была окончательно решена даже к середине XIX в. В «замораживании» среднеазиатской политики существенное значение имело и то, что с приходом к власти во Франции Наполеона «западный вопрос» стал одним из главных в политике ряда ведущих государств Европы, в том числе и России. Последовавшее затем нападение наполеоновских войск на Россию в начале XIX в. серьезно расстроило планы царизма.

Вплоть до начала XIX в. царское правительство придерживалось

¹ Григорьев В. Русская политика в отношении Средней Азии. Спб., 1874, стр. 11-12.

² ПСЗ, изд. 1, т. IX, стр. 327.

тактики обеспечения защиты имперских границ и постепенного вовлечения казахской степи в орбиту влияния и товарного обращения. Задача завоевания народов Средней Азии и выход к обширным рынкам Индии на время была оттеснена «местными», ближайшими задачами. К тому же принятие подданства России ханом Абулхаиром в 30-х годах XVIII в. в действительности не вело к подчинению казахов. Подданство казахских жузов еще должно было быть обеспечено. В процессе более близкого соприкосновения взгляды, по которым Казахстан рассматривался лишь как переходный этап, плацдарм, стали понемногу изменяться, уступая место планам его освоения.

В Казахстане был открыт богатый скотоводческий край, испытывавший нужду в хлебе и промышленных продуктах, сбыт которых для России являлся жизненно необходимым. Более того, здесь можно было реализовать низкосортные, залежалые товары, не находившие сбыта на рынках других стран, причем по высоким ценам.

Политика экономического подчинения края встретила с серьезными трудностями, связанными в первую очередь со сложностью внутренних и внешнеполитических условий Казахстана конца XVIII и начала XIX вв. Периоды роста товарооборота заменялись периодами его упадка.

Для Казахстана описываемого периода характерна политическая раздробленность и связанный с нею рост междоусобной борьбы. Последняя все больше переплеталась с растущими антиханскими и антиколониальными выступлениями масс. Подчинение Казахстана встретило сопротивление и крупной местной знати, лишавшейся былых привилегий. Основная цель этого движения совпадала с целью движения грузинских дворян, возникшего после присоединения Грузии к России, о которых И.В. Сталин писал следующее: «Существовал, например, у нас так называемый дворянский «национальный вопрос», когда – после «присоединения Грузии к России» – грузинское дворянство почувствовало, как не выгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которое оно имело при грузинских царях, и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им таким образом судьбу грузинского народа».¹

Не менее сложными были внешнеполитические отношения Казахстана. Планы захвата казахских земель вынашивал и осуществлял ряд государств. Кроме России на южные области претендовали Хива и Коканд. Феодалный Китай в этот период не проводил активной по-

¹ Сталин И.В. Соч., т. 1, стр. 32.

литики по отношению к Казахстану, по существу предоставив поле борьбы двум указанным выше силам. Экспансионистская политика Хивы и Коканда отличалась особенной жестокостью. Они не только облагали казахское население, оказавшееся временно под их влиянием, тяжелыми поборами, но путем вооруженного нападения систематически и открыто грабили имущество, истребляли людей. Так они поступили в отношении родов Шомекей и Шекты на Сыр-Дарье в 1842 г.¹ В феврале 1851 г. кокандцы из крепостей Ак-Мечеть и Шим-Корган в числе 900 человек в течение трех дней совершали погромы в родах Торткара, Шомекей, Шекты, кочевавших в Кара-Кумах, и угнали более 10 000 баранов, 2000 верблюдов и 2500 лошадей.² Такие набеги производились постоянно и приняли широкие масштабы, особенно в первой половине XIX в.

Грабительская политика среднеазиатских ханств оттолкнула от них казахское население и усилила позиции России. В правительственные органы поступала масса писем от казахов, расселенных в основном в бассейне Сыр-Дарьи и Кара-Кумов, выражавших желание перейти во владение России и просивших защитить их от произвола среднеазиатских ханов. Население родов Адай и Шомыш при появлении в районе их кочевья крупного отряда хивинцев попросило защиты у султана-правителя Баймухамеда Айчувакова, находившегося под властью России.³ Род Шомекей выразил готовность перекочевать с юга к р. Уралу.⁴ Таких примеров можно привести очень много.

Колониальная политика царизма представлялась казахскому населению «меньшим злом» по сравнению с политикой ханств Средней Азии.

Среднеазиатские ханства сами по себе не представляли большой силы. Но там, где колониальная политика царизма встречала сопротивление народа, действия и соперничество их не могли не иметь определенной опасности для России.

Используя религиозные и национальные чувства народа, среднеазиатские феодалы подстрекали казахов к выступлению против России, вдохновляли и открыто помогали той части знати, которая боролась за восстановление своих потерянных прав и привилегий в связи с наступлением царизма.

Хивинский хан Рахим-Куль под угрозой наказания запретил всем родам, примыкавшим своими кочевьями к его владениям, отдавать сборы русскому правительству. В 1843 г. он запретил роду Адай

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 366, л. 14.

² Там же, д. 5068, л. 92.

³ Там же, д. 3741, л. 3.

⁴ Там же, д. 366, л. 14.

платить русским купцам возмещение скотом за награбленные у них товары.¹ Султан-правитель западной части Младшего жуза представил в 1846 г. в Оренбургскую пограничную комиссию требование хивинского чиновника, в котором последний угрожал ему за несвоевременное отправление подарков в Хиву.²

Среднеазиатские ханы вначале имели некоторый территориальный успех. Они глубоко вклинились в южные кочевья казахов, возвели ряд укрепленных пунктов по Сыр-Дарье, использовали отдельные феодально-монархические движения.

Царское правительство хорошо понимало, что превращение Казахстана в колонию, а затем в составную часть империи невозможно без покорения среднеазиатских ханств. Выполнение этой задачи обеспечивало к тому же осуществление давних планов выхода к рынкам Азии.

Неудача, постигшая генерала Перовского, направленного в 1839 г. во главе большого отряда в Хиву, заставила правительство еще более усилить подготовку к вторжению в Среднюю Азию. (Возведение ряда укрепленных пунктов, уходящих к югу – к берегам Сыр-Дарьи).

Среднеазиатские ханства были очень встревожены продвижением России в глубь степи. Наряду с проведением мероприятий по укреплению границ они предпринимают шаги к улучшению отношений с Россией. После похода Перовского посланники этих стран все чаще являлись к императорскому двору и оренбургскому губернатору. В начале 1841 г. посланник Хивы Ижбай Бабаев «в знак дружелюбия» доставил в г. Оренбург семь русских пленных.³ Перед этим послы бухарского эмира во главе с муллой Сеидовым в составе 39 человек посетили г. Оренбург «с выражением желания жить в мире»,⁴ а представитель Хивы Антаняз Муфтии был принят императором, которому он передал «уверения в искреннем желании хана соблюдать приязненные сношения с Россией».⁵ В 1842 г. в Оренбург прибыл посланник Бухары Караулбек Гынаков в сопровождении свиты из 17 человек с намерением вручить подарки императору.⁶

Эти взаимные «уверения» в дружбе служили лишь ширмой. Истинные цели посланников, отправляемых той или другой стороной, заключались в получении различных сведений политического и военного характера.

¹ Там же, л. 16.

² Там же, д. 3741, л. 4.

³ Там же, д. 342, л. 3.

⁴ Там же, д. 346, л. 35.

⁵ Там же, д. 342, л. 3-4.

⁶ Там же, д. 363, л. 4.

В начале второй половины XIX в. русскими войсками был взят опорный пункт кокандцев на р. Сыр-Дарье – Ак-Мечеть. В 70-х годах пало Хивинское ханство. Остальные феодалы признали протекторат России. Таким образом, русское государство, используя Казахстан как плацдарм, во второй половине XIX в. вышло к обширным просторам Азии. Соперничество среднеазиатских ханств было уничтожено.

Здесь следует сказать и об англо-русских противоречиях в среднеазиатских делах. Англия, как крупная колониальная держава, имеющая жизненные интересы в Азии, в России видела своего главного и опасного соперника в этой части света. Классической ареной борьбы между этими колониальными державами стала Малая Азия. Среднеазиатская проблема оставалась на втором плане. Однако серьезные успехи России в Казахстане и приближение ее войск к среднеазиатским ханствам вынудили Англию принять существенные меры для противодействия продвижению России на юг.

В центре политики Англии стояла крупнейшая и богатая колония – Индия, и интересы ее безопасности, поэтому она считала необходимым занять все подступы к ней и тем самым закрыть путь интересам других стран в этой огромной стране.

Осью британской политики в Средней Азии, как описывает доктор Руир, была глубокая мысль, высказанная еще в XVI в. Абул-фаэлом, автором книги «Аин-е-Акбари». «Со времени глубочайшей древности Кабул и Кандахар всегда рассматривались как ворота в Индостан, первый – со стороны Турана, второй – со стороны Ирана; если оба эти пункта надежно охранены, обширная индийская империя обеспечена от вражеских нашествий».¹

По Гюлистанскому миру 1813 г. Россия включила в свои границы Дагестан, Ширбан и морское побережье вплоть до устья Аракса. Несколько позже по Туркманчайскому миру Россия закрепила за собой Ереван и Нахичеван и утвердила свою власть в Армении вплоть до Арарата и Аракса. Таким образом, Россия создала реальную угрозу интересам Англии в Индии со стороны Персии. Планы России, связанные с занятием земель среднеазиатских ханств, еще более усилили опасения англичан.

Колониальные происки Англии заметно активизировались. В 1830 г. в Кабул был отправлен Берне, в 1837 г. в Герат прибыл английский офицер Поттигер. В 1839 г. англо-индийская армия численностью 21 000 человек пересекла афганскую границу и завладела страной.²

¹ Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. Перевод с французского. М., 1924, стр. 70.

² Дост-Мохаммед перед этим обратился за помощью в Петербург. Однако миссия Виткевича, посланная для переговоров с ним и оказания помощи, не была успешной.

В среднеазиатские ханства был послан ряд английских агентов для возбуждения населения против России. В Коканд был отправлен Канноли, в Бухару – Стоддорт, в Хиву – Аббот и др.¹ Они развернули активную деятельность: предлагали ханам английскую помощь, давали консультации по организации армии.

В Казахстане англичане вряд ли имели сколько-нибудь серьезное и непосредственное влияние. Они предпочитали действовать за спиной среднеазиатских ханов. Во время осады русскими войсками кокандского укрепления Ак-Мечеть, по некоторым данным, англичане снабжали крепость оружием и боеприпасами. Существует версия о том, что капитан Аббот в 1840 г. в урочище Актау собрал казахских султанов – сторонников Кенесары и обсуждал с ними вопросы усиления борьбы с Россией.² Мы склонны сомневаться в правдоподобности этой версии не только потому, что вряд ли Аббот мог играть существенную роль в казахских делах, но и потому что, по архивным данным, он еще в мае 1839 г., будучи ограбленным и раненым казахами рода Адай, прибыл в Ново-Александровское укрепление и был интернирован русскими властями.³

Казахам отчасти было известно о деятельности англичан в среднеазиатских ханствах. Один из султанов Младшего жуза сообщал в 40-х годах XIX в. в правительственные органы о том, что по сведениям, полученным им от осведомленных лиц, англичане «возмутили Коканд против Бухары, отчего загорелась между ними война».⁴

В 1852 г. бий Б. Шаймарданов из рода Адай писал в пограничную комиссию следующее: «Хивинец Кудайкуль, приезжавший в нынешнем году в наши аулы для торговли, рассказал, что осенью прошлого года приехали в Хиву три англичанина из бухарского города Тарвар... Хан хивинский находился в большом страхе от англичан, потому что они подошли близко к его владениям; что англичане народ вообще вероломный потому, что большею частью покоряют себе владения посредством обмана и хитрости, а если этим путем сделать то не успеют, тогда прибегают к оружию; что они только думают, чтобы покорять государства».⁵ Это сообщение примечательно тем, что в нем дается меткая характеристика колониальным устремлениям Англии.

Англо-русское соперничество в Средней Азии заметно обостри-

¹ Туркестанский сборник, т. 51, стр. 241. Фонд библиотеки имени Алишера Навои, г. Ташкент.

² Федюкин С. Англо-американские империалисты – злейшие враги казахского народа. Алма-Ата, 1953, стр. 7.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 101-102.

⁴ Там же, д. 346, л. 37.

⁵ Там же, д. 3623, л. 2.

лось с выходом России к границам Хивы и Коканда. Оно стало еще более сложным и острым в связи с приближением России к границам Афганистана в третьей четверти XIX в.

Как известно, мощным оружием англичан была торговля. Они в этой части обладали громадным опытом и большими возможностями, предпринимая меры для экономического вытеснения русских с рынков Средней Азии. В 1841 и особенно в 1842 гг. англичане завезли большое количество товаров в Бухару и стали продавать их по заниженным, нередко убыточным для себя ценам. Русские товары не выдержали конкуренции и оказались вытесненными. Убеденные в полной победе англичане спустя два года подняли цену на товары так, что русские купцы имели возможность взять реванш за прежнее поражение.¹

Следует отметить, что английское влияние непосредственно на среднеазиатские ханства осталось незначительным. Однажды представители Англии были даже изгнаны из владений этих стран (после неудачного похода Перовского 1839 г., когда хивинские правители, убедившись в своей безопасности, не нуждались в помощи английских агентов).

В таких, в основном, условиях осуществлялась колониальная политика России в Казахстане в конце XVIII и первой половине XIX вв.

Из изложенного видно, что завладение казахской степью не составляло конечной цели внешней политики России. Казахстану отводилась двойная роль. С одной стороны, освоение его привлекало своей экономической выгодностью.

Достаточно сказать, что к середине XIX в. Казахстан становится одним из крупных рынков сбыта товаров и источником вывоза скота и скотоводческого сырья в метрополию. Ирбитская ярмарка в Пермской губернии, куда вывозилось для перепродажи огромное количество скота и сырья из Казахстана, превращается во вторую по величине оборота ярмарку в стране, уступая только Нижегородской. С другой стороны, казахская степь рассматривалась как связующее звено между Россией и среднеазиатскими владениями, как плацдарм для подготовки нападения на последние с целью выхода к рубежам Индии и Афганистана.

Частичное экономическое «завоевание» Казахстана было использовано для его политического завоевания. Между этими сторонами политики была неразрывная, взаимодополняющая связь, которая заключалась в том, что экономическое «завоевание», в свою очередь, могло быть прочным и глубоким только при условии закрепления и обеспечения его политическим завоеванием края. Царское правительство не ограничивало

¹ Туркестанский сборник, т. 52, стр. 242. Фонд библиотеки имени Алишера Навои, г. Ташкент.

свои действия экономическими рамками. Оно нередко прибегало к покорению отдельных частей Казахстана насильственным образом. Само по себе экономическое проникновение предполагало и не обошлось без насилия. И.В. Сталин в беседе с сотрудником газеты «Правда» по поводу организации Российской Федеративной Республики в 1918 г., имея в виду Крым, Закавказье, Туркестан, Казахстан и другие окраинные владения бывшей царской империи, говорил, что «области эти составляют не свободные и независимые территории, а насильственно втиснутые в общероссийский политический организм единицы... История «объединения» этих территорий представляет сплошную картину насилий и угнетения со стороны старых российских властей».¹

В центре внимания колониальной политики в интересующий нас период стояло превращение Казахстана в составную часть русского государства и распространение на него законов империи вплоть до административного переустройства на основании «учреждения о губерниях». Этот план стал реализовываться более или менее успешно начиная со второй четверти XIX в.

О методах осуществления колониальной политики

Методы проведения политики тесно связаны с ее существом. Колониальная политика России в Казахстане, как всякая подобная политика, являлась реакционной. Эта основная черта обнаруживается не только в целях, которые преследует политика, она отражается также в средствах и методах достижения этих целей.

Колониальная политика царизма характеризовалась теми же движущими силами и законами, которые присущи колониальной политике вообще. Вместе с тем, разумеется, она имела свои особенности.

Царское правительство не предпринимало в Казахстане завоевательских походов. Оно использовало вооруженную силу, как правило, в виде карательных отрядов. Это меньше всего объясняется какой-то особенной природой колониальной политики царизма. Казахские ханы приняли подданство России еще до того, как Россия была готова к подобным завоеваниям в Средней Азии.

Как было указано выше, принятие подданства, однако, не вело к беспрекословному повиновению народа власти русского государства.

Одним из испытанных методов колониального проникновения являлось привлечение верхушки местной знати на свою сторону посредством подкупа, запугивания, взаимно выгодных сделок. О конкретных шагах царского правительства в этой области, равно и об

¹ Сталин И.В. Соч., т. 4, стр. 67.

их результатах, более подробно говорилось в разделах, посвященных системе местной власти.

Здесь следует лишь заметить, что колониальная политика не могла осуществиться без союза правительства с аристократической верхушкой казахского общества. Такой союз в тех исторических условиях был основной силой, обеспечивающей феодальное и колониальное угнетение казахского народа. Но его следовало еще подготовить и укрепить, а если нужно – завоевать.

Лучшим способом, обеспечивающим покорение казахов, было признано возведение укрепленных пунктов с военными гарнизонами в глубине степи, ближе к владениям среднеазиатских ханств. Как мы увидим далее, в этом направлении деятельность правительства протекала наиболее активно и не обманула надежд колонизаторов.

Для обеспечения безопасности южных границ Западной Сибири в 1715 г. была образована так называемая Сибирская укрепленная линия.¹ Со строительством новых крепостей: Омской, Железнинской, Ямышевской (1717 г.), Семипалатинской (1718 г.), Усть-Каменогорской (1720 г.) и Петропавловской (1745 г.) – границы линии намного продвинулись на юг, и Россия подошла непосредственно к территории Среднего жуза.² Со стороны Младшего жуза была проведена Оренбургская укрепленная линия (1735 г.).

С занятием Илецких соляных копей (1754 г.) и с устройством на этом участке ряда новых укрепленных поселений Оренбургская линия вклинилась на 50–100 км в районы кочевья Младшего и отчасти Среднего жузов. Проведение Ишимской пограничной линии, соединявшей Урало-Уйскую и Иртышскую линию, выдвинуло русскую границу со стороны Западной Сибири на 50–200 км к землям Среднего жуза.

К середине XIX в. Оренбургская пограничная линия (включая сюда Уральскую и Новоилецкую) проходила от Каспийского моря по р. Уралу, через Илецк и Верхнеозерную крепость до Елабумского форпоста на р. Тоболе. Общая протяженность этой линии составила около 1550 верст. Сибирская линия, занимавшая площадь 1502 версты в длину, простиралась от Елабумского форпоста до китайской границы у Усть-Бухтарминской крепости.³

Первая половина XIX в. ознаменовалась строительством ряда опорных укрепленных пунктов непосредственно в кочевьях казахов, в глубине степи. Строящиеся крепости, проникая на юг, обра-

¹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири, т. III. М., 1867, стр. 44.

² О древних союзах киргиз-кайсаков. Спб., 1886, стр. 32.

³ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, стр. 6-7.

зовывали новые линии. На территории Младшего жуза возводятся укрепления: Уральское¹ на урочище Жар-Мола у р. Иргиз (1845 г.), Оренбургское² – на урочище Жарык-Уткель на р. Торгай (1845 г.), Ново-Александровское – на Мангышлаке (1843 г.), Раимское – в низовьях Сыр-Дарьи у урочища Раим (1847 г.), Карабутакское – между Уральским укреплением и Орской крепостью (1848 г.), Эмбенское – на стыке рек Эмбы и Темир (1862 г.).³ После взятия генералом Перовским кокандской крепости Ак-Мечеть в начале второй половины XIX столетия образуется комплекс укреплений в бассейне р. Сыр-Дарьи (Перовское, Кармакты, Джулек, Казалы и др.).

Таким образом, со стороны Оренбургской пограничной линии Россия к середине XIX в. уже вышла к южным кочевьям казахов Младшего жуза, к границам среднеазиатских ханств.

Такая же картина наблюдалась и со стороны Сибирской пограничной линии. Места пребывания окружных приказов были превращены в укрепления с воинским гарнизоном: Баян-Аульское (1830 г.), Кокчетавское (1839 г.), Атбасарское (1840 г.), Каркаралинское (1842 г.), Аягузское (1842 г.) и Аман-Карагайское (1843 г.).⁴ В дальнейшем строительство новых пунктов развивалось по зимовьям Большой орды и завершилось в начале второй половины прошлого столетия возведением укрепления Верного (ныне Алма-Ата).

Как сообщал генерал-губернатор Западной Сибири, только на территории Среднего и Младшего жузов к 1852 г. насчитывалось до 100 отдельных военных отрядов и пикетов.⁵ По данным военного губернатора Сыр-Дарьинской линии Д. Романовского, к началу второй половины XIX в. колониальные войска, расположенные в Казахстане, исчислялись 23 линейными батальонами, не считая этапных и других команд. Кроме того, казачье войско (Уральское, Оренбургское и Сибирское) состояло (вместе с семьями) из 400 000 человек.⁶

Возведение укрепленных пунктов и организация новых линий, уходящих далеко в глубь степи, шли вместе с усилением власти и влияния колониальных органов в Казахстане. Особенно это стало заметным после отмены ханской власти и организации частей (в Младшем жузе) и округов (в Среднем жузе).

¹ Переименовано в г. Иргиз (1868 г.).

² Переименовано в г. Торгай (1868 г.).

³ *Макшеев А.* Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. Спб., 1891, стр. 7-9.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, л. 3043, л. 15, 19, 24, 36, 42, 70.

⁵ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, составленный Серебрянниковым, 1851 – 52 гг., т. III. Ташкент, 1915, стр. 177.

⁶ *Романовский Д.И.* Заметки по Среднеазиатскому вопросу. Спб., 1868, стр. 21.

Укрепленные пункты, расположенные по определенному плану, дали возможность стягивать и накапливать новые силы для дальнейшего продвижения вперед. Вместе с тем они имели большое значение для постоянного устрашения казахских кочевий. Эти пункты использовались и как центры военно-административного управления, для развития торговли и обеспечения безопасности караванной торговли между Россией и среднеазиатскими, ханствами а также Китаем.

До 40-х годов XIX в. в правительственных кругах господствовало мнение, по которому казахский народ можно было держать в покорности лишь одними карательными или, как они тогда назывались, летучими отрядами.¹ Генералы Сухтелен (1830 – 1832 гг.) и Перовский (1833 – 1842 гг.), возглавлявшие операции в Казахстане, средства покорения края видели «в производстве поисков» военными силами. Таковые «поиски» особенно усилились и приняли широкий размах с начала XIX в., о чем достаточно убедительно говорит далеко не полное перечисление главных «поисков», совершенных вооруженными силами России. В 1810 г. для установления «тишины и мира» в кочевьях султана Габбаса, сына Валихана, снаряжены отряды капитана Часовщикова (225 казаков), майора Морозова (при двух ротах).² Карательную функцию осуществляли в степи и отряды инженерных офицеров (1821г.), Милорадовича (в составе более 2500 солдат 1823 г.), Назарова (1825 г.), Берга (1826 – 1827 гг.), Данилевского, Мансурова (1836 г.), Геке, Падурова (1837 – 1838 гг.) и многих других.³

Карательные отряды посылались в степь и без всякого на то повода со стороны населения, нередко просто для поддержания «авторитета» власти. Например, генерал Перовский, предполагая, что неудачный поход в Хиву может иметь нежелательные последствия в Казахстане, с целью только предупреждения возможных инцидентов направил к Аральскому морю крупный отряд генерал-майора Жемчужникова в составе 1337 человек при шести орудиях.⁴

Карательные отряды бесчинствовали, грабили местное население. Одно только подозрение в «неуважении» к колониальным властям или выражение недовольства отдельными мероприятиями чиновников во многих случаях являлось достаточным поводом для разорения кочевьев, убийства людей.

В 1814 г. комендант Кизильской крепости Крюков и его адъютант с группой солдат без всякого повода угнали из отделения Аккуз рода Жагалбайлы 225 лошадей, 10 верблюдов и 787 баранов.⁵ В 1825

¹ *Венюков М.* Россия и Восток. Спб., 1877, стр. 177.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 218, л. 38, 41.

³ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 186, стр. 41-45.

⁴ Там же, стр. 56.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 237, л. 10.

г. отряд полковника Берга в устье р. Эмбы захватил 266 человек по подозрению в грабеже астраханских рыбопромышленников. При конвоировании их в г. Уральск 13 человек были отпущены обратно. 33 человека расстреляны за «сопротивление», двое умерли.¹ Весьма типичным является действие отряда подполковника Гаюса в 1841 г., имевшего официальное задание поймать и наказать лиц, совершающих кражу скота у прилинейных жителей. Прибыв в расположение рода Табын в Кара-Кумах, отряд разорил и разграбил 17 аулов. То же самое он повторил в роде Шомекей, опустошив 30 аулов. При этом жестокость отряда не знала предела: имущество сжигали, глумились над женщинами, расстреливали детей и стариков. В действительности оказалось, что эти аулы были совершенно не причастны к кражам. Вот что писал о действии этого отряда ставленник царизма султан Ахмед Джантюрин: «В этих аулах так беспощадно прибиты люди, что весьма незначительное число из них осталось живыми и то спаслись кое-как бегством. По собранным мною же сведениям, подвергавшиеся этому несчастью киргизы никогда к линии не прикочевывали, а всегда находились близ Сыр-Дарьи».²

Другой султан-правитель, Баймухамед Айчуваков, отличавшийся особым усердием перед правительством, 1 ноября 1841 г. доносил в Пограничную комиссию о том, что команда Гаюса «без всякой пощады побилла всех тех, кои могли ей встретиться в глаза. Из этой гибели спаслась самая малая часть, которая успела скрыться... в густом саксауле. Затем женский пол весь предан был ею позорному посрамлению... После этого всякого возраста их дети, до самых грудных, давно лишенные уже одним страхом всяких чувств, изрублены и сожжены в огонь, и кибитки их с имуществом, какое только она не смогла взять с собою, обращены в пепел».³

Еще М. Венюков отмечал, что мнение о положительной роли «летучих» отрядов было выгодно для казачьей знати, находившей здесь возможность «бесконтрольного распоряжения в аулах».⁴

Нельзя сказать, что существовало прямое распоряжение со стороны высших органов государства об устройстве таких погромов. Правительственная администрация в Казахстане обладала большой самостоятельностью. Разумеется, действия этих органов совершались с одобрения или молчаливого согласия высших инстанций. Автором политики карательных отрядов в степи считают оренбургского военного губернатора Неплюева, утверждавшего, что «нет другого способа управиться с киргиз-кайсаками, как резать их».⁵

¹ Там же, д. 4739, л. 5.

² Там же, д. 2003, л. 3.

³ Там же, л. 15.

⁴ *Венюков М.* Россия и Восток. Спб., 1877, стр. 177.

⁵ Архив Государственного Совета, т. I, ч. II. Спб., 1869, стр. 818.

Один из дальновидных и деятельных военных губернаторов Оренбурга барон Игельстром в одном из своих донесений на имя императора еще в 1789 г. писал, что по прибытии в г. Оренбург он нашел, что до него для установления в казахской степи спокойствия и тишины рекомендовалось «...делать колико возможно чаще и свирепые баранты...».¹ К таким донесениям центральные органы, как и следовало ожидать, оставались глухи. К народам окраин, да еще выступающим против колониализма, можно было применять любые средства насилия, лишь бы обеспечить осуществление главной цели – колонизации. Император Александр I в предписании астраханскому губернатору Кожевникову от 17 июля 1808 г., требуя принятия эффективных мер для обеспечения безопасности прилинейных поселенцев от нападения казахов, только между прочим напомнил о том, что для взаимных угонов скота прилинейные жители «сами подавали к тому повод».²

Весьма откровенным оказался генерал Кауфман – правитель Туркестана. Выступая в 1368 г. в г. Ташкенте перед знатью города и его окрестностей, сказал следующее: в 20 – 30-х годах в казахской степи «администрация была дурная. Наши чиновники, в особенности казацьи начальники, были настоящими грабителями. Мы преследовали у киргизов баранту и разбой, а посылаемые часто в степь отряды действовали подчас хуже самых вольных сынов степей. До сих пор еще живет в памяти киргизов имя одного казачьего полковника, грозы киргизов, посланного для наказания провинившихся аулов одного из значительных родов Большой орды. Он послал сначала разведать их главное скопище, напал перед рассветом на аулы, отогнал всех лошадей и перебил до 3 тыс. киргизов. Такие случаи русской баранты у киргизских барантовщиков были очень часты, и многие начальники, по преимуществу из казаков, составили себе порядочное состояние».³ Это откровенное признание одного из самых высокопоставленных царских чиновников, вынужденного приоткрыть некоторые не особенно приглядные стороны колониальной политики царизма в Казахстане, свидетельствует о многом.

Безнаказанность насилия поощряла бесчинства над казахами, особенно со стороны воинских начальников. В 1841 г. казашка, проживающая в Баян-Аульском округе, вблизи Кайдаульского пикета, жаловалась на то, что казаки по распоряжению командир отряда урядника Новикова «режут ее баранов, которых всего у нее оста-

¹ Там же.

² ЦГИЛ КазССР, ф. 4, оп. 1. д. 214, л. 48.

³ Туркестанский сборник, т. 6. стр. 276. Фонд библиотеки имени Алишера Навои, г. Ташкент.

лось шесть».¹ Такие факты имели широкое распространение. Этого не скрывал сам полковник Витевский, возглавлявший пограничное управление сибирскими казаками. В своем письме от 19 октября 1841 г., разосланном всем командирам отрядов, он указывал: «При объезде моем внешних округов доходили до меня многие жалобы, что казаки, служащие в отрядах, быв командированы окружным приказом по делам службы, в округе делают киргизам разные притеснения, бесчинства и вымогательство».²

Следует заметить, что не все чиновники и солдаты, принимавшие участие в той или иной степени в проведении колониальной политики царизма в Казахстане, были жестокими, алчными, несправедливыми. Среди них находились умеренные, даже люди передовых взглядов, нередко выступавшие против отдельных сторон колониальной политики, в защиту интересов казахского населения.

Современники отмечали, и это подтверждается документальными данными, что военный губернатор Оренбурга барон Игельстром, будучи ярким сторонником колонизации Казахстана, все же в отличие от других губернаторов, проводил сдержанную по отношению к местному населению политику. Он осуждал Неплюева, бывшего до него губернатором, за его метод «карательных отрядов», за его грубое и чересчур высокомерное отношение к представителям казахского населения. В одном из писем императору он писал: «...Сверх того нельзя мне также молчать, что презрение его (Неплюева. – С.З.) к киргиз-кайсакам до такой степени простиралось, что казалось мерзил он и гнушался одним напоминанием имени султана или старшины».³ Сравнительно гуманно относился к местному населению начальник Оренбургского края Генс. Современники писали о нем, что «вел он скромный образ жизни, умер нищим, имея полную возможность обирать киргизов».⁴ Передовыми взглядами выделялся В. Григорьев, будущий профессор Петербургского университета, крупный востоковед, на протяжении десяти лет возглавлявший Оренбургскую пограничную комиссию в середине XIX в. В. Григорьев был сторонником проведения колониальной политики с учетом и на основе глубокого изучения особенностей быта и общественных отношений казахов. Он возмущался жестокими приемами и чиновничьей тупостью руководителей, проводивших колониальную политику в Казахстане.

Заслуживает внимания письмо В. Григорьева, посланное им одно-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 7, д. 784, л. 1.

² Там же, д. 790, л. 2.

³ Архив Государственного Совета, т. 1, ч. II. Спб., 1869, стр. 818.

⁴ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 58.

му из своих близких друзей 17 февраля 1858 г. В нем он с огорчением, писал: «Как ориенталист, я, на беду мою, понимаю Азию и азиатцев, а те, которые руководят моими действиями, не знают аза ни в том, ни в другом, и, меряя все на европейский аршин, седлают корову арчаком, а коня запрягают в ярмо. И никак этого никому не растолкуешь. Станешь доказывать, так обижаются, и тебе же говорят, что не понимаешь дела».¹

Отдельные голоса протеста против крайне жестоких карательных отрядов раздавались и в печати. В начале второй половины XIX в. в московских «Биржевых ведомостях» появилась статья корреспондента, восхваляющего поступок одного из начальников казачьих отрядов, который во время бунта Кенесары, а затем Исета «вырезывал у живых киргиз ремни из спины». Неизвестный корреспондент на страницах той же газеты выступил с резким осуждением указанной статьи, а поступок начальника отряда назвал «варварством».²

Люди, подобные В. Григорьеву, насчитывались единицами. Естественно, что появление среди руководящих чиновников представителей умеренных взглядов в известной степени облегчало в течение определенного времени положение угнетенного народа. Однако это «облегчение» всегда происходило в рамках активного осуществления колониальной политики. Поэтому оно не могло изменить того, что являлось продуктом такой политики.

На вооружении царизма находился традиционный и испытанный коронованный метод колониализма — «разделяй и властвуй». Несомненно, что ни военные отряды, ни укрепления и чиновники не могли бы противостоять сплоченному натиску народов колонии, нередко в десятки и сотни раз превышающих число поработителей. Поэтому для сохранения господства перед колонизаторами стояла задача разделить народы, натравливая их друг на друга, и не допускать их сплочения.

Первый начальник пограничной экспедиции Кириллов в своей записке, одобренной впоследствии правительством, указывая на взаимную вражду между калмыками и казаками, еще в 1734 г. писал: «...Да и впредь всегда их в том содержать надобно и ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизов обратить, как и было в прошлом году... а напротив того буде киргиз-кайсаки что сделают, то на них калмык и башкиров послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения россий-

¹ *Веселовский Н.И.* В.В. Григорьев по его письмам и трудам. СПб., 1887, стр. 175.

² Туркестанский сборник, т. 25, стр. 331. Фонд библиотеки имени Алишера Навои, г. Ташкент.

ских войск».¹ Государственный Совет 23 марта 1775 г. предписал: «... Усмирять их произведением между ними разврата и несогласия».²

Царское правительство неоднократно организовывало взаимные нападения, в особенности между калмыками и казахами. В период известного восстания Карасакала, массовых откочевок калмыков в пределы Китая в середине и в конце XVIII в. правительству удалось натравить на них казахов. Характерным примером может служить тактика губернатора Неплюева. Во время башкирского бунта в середине XVIII в. он обратился с письмом к казахской знати, готовой ради добычи совершить что угодно, призывая ее напасть на башкиров. Нападение казахов вызвало ответную реакцию среди башкир, обратившихся к губернатору с просьбой разрешить им отомстить казахам.

Желая столкнуть народы и в то же время из-за политических соображений не решаясь открыто это показать, он послал в лагерь башкиров переводчиков, которые тайно склоняли их к нападению на казахские аулы. Выполняя наставление Неплюева, переводчики заявляли, что «генералу позволить им ехать за Яик нельзя, что они могут поехать: взыскания за их действия не будет никакого».³ Башкиры в точности исполнили тайное желание губернатора, но когда казахи в составе не то 20, не то 30 тысяч человек готовили контрудар, из-за боязни, что конфликты перерастут в массовые беспорядки, путь им был прегражден русскими войсками. «Калмыки воруют по науке российских командиров, – указывали казахские старшины в одном из своих заявлений в 1744 г., – а расставленные де по Яику караулы, только де они с калмык берут скупое, коих де к нам для воровства и пропущают».⁴

Родовая разобщенность и феодальные распри за власть были использованы царизмом для разжигания межродовой вражды среди казахского населения. Взаимные нападения получили особенно широкое распространение в конце XVIII и в первой половине XIX вв. Они даже приняли опасный для экономических интересов России характер. Участились случаи ограбления торговых караванов; вывозу скота из степи к пограничным линиям и обменной торговле с казахами был нанесен ущерб. Правительство предпринимало кое-какие меры для ослабления и против крайностей внутренних межродовых конфликтов, хотя никогда не стремилось покончить с ними полностью.

¹ ПСЗ, изд. 1, т. IX, стр. 311.

² Архив Государственного Совета, т. I, ч. П. Спб., 1869, стр. 802.

³ *Алекторов А.* История Оренбургской губернии. Изд. 2. Оренбург, 1883, стр. 45-46.

⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. II, ч. 2. Алма-Ата, 1948, стр. 86.

Жалобы на угон скота и нападение, поступающие сотнями в органы власти, во многих случаях не разбирались, переходя от одной инстанции к другой. Лучшим способом считалось не решать подобные дела окончательно, чтобы постоянно держать народ в состоянии внутренних раздоров.

Вплоть до середины XIX в. правительство твердо проводило курс, направленный на использование мусульманской религии, как средства воздействия на умы народа и усиления влияния России в казахской степи. Екатерина II, проповедовавшая идею «просвещенного правления», указом от 2 мая 1783 г. предписала управляющему Уфимским и Сибирским наместничеством Апухтину строить мечети для казахов, чтобы вселить им «лююдкость и лучшее обхождение». Скоро были построены мечети в городах Оренбург, Верхне-Уральск, Троицк и Петропавловск. Императрица по поводу открытия мечети в 1785 г. собственноручно написала: «Сие и может послужить со временем способом к воздержанию их (т. е. казахов. – С.3.) от своевольств лучше всяких строгих мер».¹

Строительство временных и постоянных мечетей развернулось не только на линии, но и непосредственно в кочевьях. Было найдено нужным возведение мечетей силами и средствами казны в кочевьях хана Вали в 1782 г.,² между форпостами Селярским и Кривым в 1802 г.,³ в Большой орде на территории владения султана Сюке в 1819 г.⁴ и в кочевьях главных родов.⁵

Вопрос о настоятелях этих мечетей и муллах вообще, которым будет доверена постановка ислама на службу колониальной политике России, являлся областью постоянной заботы правительственных органов. В итоге решили мулл выбирать из наиболее преданной части казанских татар, подготовку их из коренного населения не производить и вести политику ограничения религиозного влияния, идущего со стороны среднеазиатских ханств.

В одной из инструкций, данных правительством оренбургскому губернатору, говорилось, что «снабжение разных родов киргизских муллами немалую пользу в делах наших принести может, почему вы и старайтесь определить оных, истребовав из казанских татар людей надежных, дав им потребные наставления к удержанию киргизов в верности к нам и удалении их от набегов и хищничества в границах

¹ Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов. – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 32. Оренбург, 1915, стр. 59.

² ПСЗ, изд. I, т. XXI, стр. 406.

³ Там же, т. XXVII, стр. 68.

⁴ Там же, т. XXXVI, стр. 28.

⁵ Там же, т. XXII, стр. 604-605.

наших».¹ Эта установка была подтверждена именным повелением царя оренбургскому губернатору Игельстрому от 21 апреля 1787 г.²

Степь стала наводняться муллами. Число их росло весьма быстро, и в середине XIX в. они кое-где стали образовывать религиозную касту (Внутренняя орда), претендовать на право разбирать гражданско-семейные дела. Они захватили в свои руки основные нити местного (аульного) просвещения, стали пользоваться определенным влиянием на общество, чего нельзя было сказать даже относительно второй половины XVIII в.³

Ислам особенно прочно утвердился во Внутренней орде в период ханства Джангера. Здесь появляется стройная система субординации в религиозной иерархии, часть прежних функций биев переходит в руки «указных» мулл, расставленных в каждом роде и в его больших подразделениях. Обычное право стало вытесняться правовыми догмами ислама,⁴ нежелающих загоняли в мечеть силой оружия.

Распространение ислама стало принимать со временем крайне нежелательное для России направление. Наряду с «правительственными муллами» в степи появились миссионеры среднеазиатских ханств и самозванцы, воспрепятствовать деятельности которых было невозможно. Разумеется, большей частью они выполняли роль агентов – соперников царизма. Кое-где стали появляться признаки местного религиозного фанатизма, направленного против «неверных». Исламские центры, находящиеся в Бухаре, Коканде, старались прибрать к своим рукам казахские земли, возбудив их население против России. Историческая общность, единство веры, быта, отчасти и языка помогали им приобрести известное в этом преимущество.

Поставленное перед этими фактами, порожденными отчасти собственными стараниями, правительство начинает пересматривать свои прежние позиции. В документах, начиная со второй четверти XIX в., более не встречается указаний о строительстве новых мечетей. Хотя назначение новых мулл продолжалось, пограничные власти принимают постановление, запрещающее занимать должность мулл лицам, получившим подготовку в среднеазиатских ханствах.

В дальнейшем правительство отказалось от поддержки ислама, поскольку его распространение отрицательно сказывалось на целях колониальной политики.

Поддержка ислама правительством и насаждение его среди казахского населения было крайне реакционным явлением. Религия

¹ Там же, стр. 493.

² Там же, стр. 839.

³ См. об этом соответствующую главу о духовенстве в первой части работы.

⁴ Хан Джангер составил уложение на основании правил корана и других религиозных сборников.

опутывала своими сетями трудящиеся массы, тормозила рост их классового сознания, уводила их от действительности.

Об антинародности политике царизма в Казахстане свидетельствует такой факт. В период хозяйственной разрухи и голода, которые охватили население Младшего жуза в начале XIX в., царское правительство не нашло иного выхода, чтобы «облегчить жребий людей сих», кроме продажи в рабство казахских детей. Именным Указом царя от 23 мая 1808 г. разрешалось «всем российским подданным свободных состояний покупать и выменивать на линии киргизских детей...». Оговорка о том, что по достижении 25-летнего возраста их обязаны отпустить на свободу, была пустой формальностью.¹ Запрещение держать казахских детей в качестве рабов последовало только в 1825 г., и то после выступления влиятельной группы либералов в государственных органах.²

Что касается представителей других народов, которые в качестве пленников доставлялись казахами на укрепленные пункты, то и к ним царское правительство было бесчеловечно жестоко. В 1757 г. сенат санкционировал покупку купцам и разночинцам таких пленников и превращение их в рабов. «...Таковым пленникам быть за их купцами вечно», – было сказано в решении сената.³ Это положение держалось более 65 лет.

Попавшие в арестантские роты казахи по отбытии наказания не возвращались к своей семье, на родину. Их отдавали частью в солдаты, частью отправляли в Иркутскую губернию на пожизненное поселение.⁴ Если учесть, что малейшее неповиновение влекло за собой наказание и в арестантских ротах побывало много людей, становится очевидной суровость этого метода.

Нами раньше указывалось на то, что основной задачей внешней политики России в Казахстане было его экономическое закабаление и закрепление кабалы посредством политического завоевания. Изложенное выше показывает, что в методах осуществления этих целей сочетались административные (привлечение феодальной верхушки на свою сторону, захват местной власти), военные (карательные отряды, «поиски»), судебные (ограничение судов биев и применения обычного права, усиление влияния имперского права и суда) и идеологические (использование ислама, татарских мулл) средства.

¹ ПСЗ, изд. 1, т. XXX, стр. 275-276.

² Там же, т. XI, стр. 525.

³ Там же, стр. 522.

⁴ ПСЗ, изд. 2, т. XIII, отд. I, стр. 720.

Колониальные органы управления

Организация управления вассальными и колониальными территориями имеет свои особенности. Органы, создаваемые при этом, их структура и полномочия зависят не только от целей, для достижения которых они учреждаются.

Колониализму присущи противоречивые тенденции: с одной стороны, колониальная держава стремится все больше усилить свое влияние на зависимую страну, навязать ей свою волю, с другой – народы колоний борются за сохранение остатков свободы и независимости, против политического и нравственного унижения, которое приходит к ним вместе с колониализмом. Колонизаторы не могут проводить и закреплять свою политику без создания особого аппарата. Отсюда сопротивление распространению колониализма выступает и как реакция на развитие его аппарата. Такая борьба составляет одну из характерных закономерностей колониализма.

Колониальные органы управления в Казахстане оформились не сразу. Первые из них создавались с весьма ограниченными функциями: на них в основном были возложены задачи контроля за соблюдением договорных обязательств, взятых казахскими ханами. Однако поскольку эти обязательства вытекали из отношений подданства казахов и признания приоритета России, то с самого начала эти органы, как бы они ни были слабы, обладали качественными чертами властвующих органов. Впоследствии они из органов «сношения» переросли в начале XIX в. в органы управления в полном смысле этого слова.

До отмены ханской власти колониальное управление казахской степью главным образом осуществлялось через ханов. Отдельные попытки правительства связаться с крупными местными феодалами и управлять степью через них, минуя ханов, не принесли существенного успеха.

Колониальное управление в Казахстане первоначально приняло форму пограничного управления. В тех исторических условиях, когда сохранилась политическая самостоятельность ханств и задача, стоявшая перед русским государством, заключалась в изучении края и подготовке сил для наступления в глубь Казахстана, управление «с границы» было наиболее целесообразной и возможной формой связи России с казахским обществом, с начала XIX в. органы колониального управления стали переводиться «с границы» в степную полосу.

В системе колониального управления господствовали военные. Сам по себе этот факт говорит о многом. Методы прямого насилия

и запугивания занимали видное место в деятельности этих органов. Командиры крепостей и отрядов, расположенных в пограничной полосе, в зонах своего влияния имели значительную административную власть над кочевыми группами.

В данном случае нас больше всего интересуют специальные органы управления, учрежденные правительством для связи с казахским обществом и влияния на него.

Для правильного понимания целей, задач и развития колониальных органов управления в Казахстане первой половины XIX в. важно отметить некоторые предшествовавшие этому периоду события.

С «присоединением» ханства Абулхаира к России сложились новые отношения между обоими государствами. Эти отношения определились взаимными обязательствами, принятыми русским государством и казахским ханством. В заключении Коллегии иностранных дел, одобренном императрицей 30 октября 1730 г., по поводу письма Абулхаир-хана и устного заявления его посланников о переходе казахов Младшего жуза в подданство России, сказано, что «в подданстве они – кайсаки у ее императорского величества желают быть на следующих кондициях: 1) обещаются они служить ее и. в. верно и платить ясак так, как служат и платят оной ясак башкирцы. 2) Чтобы им от подданных российских обид и разорения никакого не было. 3) Ежели на них – кайсаков будут нападать какие неприятели, чтобы они могли от того протекцией ее и. в. охранены были и счислять бы их с подданными российскими. 4) Чтобы они с Контайшой и с волжскими калмыками имели прежде сего войну, а ныне с оными примирились. Токмо башкирцы с ними кайсаки. без соизволения ее и. в. не мирятся и дабы повелено было им с оными башкирцы быть в мире и в соединении. 5) Чтобы от них взятых ясырей башкирцы и протчими русскими подданными им кайсакам возвратить, а они обещаются взятых ясырей, российских подданных отдать».¹ Сверх того, Абулхаир-хан в письме на имя императрицы Анны Иоанновны от 2 января 1732 г. обязался с ордой нести ей службу и охранять русские торговые караваны в казахской степи.²

Указанные условия, часть которых была включена стараниями царского правительства, легли в основу подданства казахов Младшего жуза и были официально одобрены сторонами. Следует сказать, что далеко не все условия оказались впоследствии реальными и вы-

¹ Архив внешней политики России, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1730-1731 гг., д. б/н, л. 45.

² Там же, 1731 г., оп. 122/1, д. б/н, л. 94.

полнялись. Однако они составили правовую и политическую основу взаимоотношений казахского ханства и русского государства.

Естественно, что русское правительство более всего проявляло заботу о том, чтобы условия подданства со стороны ханства выполнялись неукоснительно, дабы, используя их, превратить его в вассальную, а затем в колониальную территорию.

Еще в начале 1733 г., во время аудиенции ханского посланника султана Ералы у императрицы Анны Иоанновны в присутствии канцлера Остермана, обсуждались условия подданства казахов и вопросы управления ими.¹

Отправкой в 1734 г. военной экспедиции в пограничную с казахским ханством зону с задачей строительства опорного пункта в устье р. Ори было положено начало организации специального правительственного органа по сношению с Казахстаном. Хотя внешне это мероприятие проводилось как удовлетворение просьбы Абулхаирхана, просившего царя построить ему ставку, однако истинным желанием правительства было, как указывал руководитель экспедиции И. Кириллов, иметь в районе соприкосновения с казахами центр политического влияния наподобие городов Астрахани и Уфы в зонах расселения татар и башкиров. Новый орган, за которым вначале сохранилось название Оренбургской экспедиции, согласно «высочайшей» инструкции, данной ее руководителю,² должен был удерживать казахов в повиновении, предотвращать самовольный переход их за р. Урал, изыскать возможность отправки торгового каравана в Бухару, привлекать купцов для торговли на границе, производить разведку руд в степи, покупать лошадей у казахов для кавалерии, стараться выйти к Аральскому морю и построить на нем пристань. В первое трехлетие Оренбургская экспедиция не проявляла активности в казахских делах. Будучи занята взбунтовавшимися против колониального режима башкирами и имея основным местом расположения г. Самару, она оказалась вдали от Казахстана. Небольшой гарнизон, оставленный в Оренбурге, находился в жалком положении.

Некоторое оживление деятельности Экспедиции в Казахстане произошло с назначением в 1737 г. ее начальником Татищева. В указе императрицы о его назначении выражалось желание, чтобы «киргиз-кайсаки в наилучшем приласкании были, и от всяких противных предприятий удержания особливое попечение имелось».³ В официальной переписке с этого времени Оренбургская экспедиция

¹ Сборник узаконений о киргизах степных областей, собранный И. Крафтом. Оренбург, 1898, стр. 27.

² ПСЗ, изд. 1, т. XI, стр. 323-330.

³ Добросмыслов А.И. Тургайская область, т. I, вып. I. Оренбург, 1900, стр. 22.

называлась Оренбургской комиссией. В связи с образованием Оренбургской губернии в 1744 г. комиссия, как орган самостоятельный, была упразднена.¹ Оренбургскому губернаторству вменялось в обязанность управление казахской степью. В 1781 г. Оренбургская губерния, переименованная в область, входит в состав вновь организованного Уфимского наместничества с центром в г. Симбирске. В г. Оренбурге организуется орган по делам казахов под именем Пограничной экспедиции во главе с обер-комендантом города, впоследствии она переименовывается в Пограничную комиссию с более широкими полномочиями и задачами (1799 г.).² По Положению 1844г. она состояла из председателя, его товарища и четырех советников. «Зауральская киргизская степь» в 1859 г. была переименована в «Область Оренбургских киргизов», а управляющий ею в правах приравнивался к губернатору.

Пограничная экспедиция до конца XVIII в. оставалась второстепенным, подсобным учреждением при губернаторах. По свидетельству А. Добросмыслова, она готовила различные справки для начальников, выдавала жалованье местным чиновникам, собирала сведения и аккуратно сообщала их губернатору, редко принимая самостоятельное решение даже по простым вопросам. А так как губернатор часто менялся, то решения им зачастую принимались без серьезного знания положения на местах.³

В первой половине XIX в. Пограничная комиссия становится основным органом колониального управления обширными владениями казахов, лежащими к югу от р. Урал.

Пограничная комиссия не являлась чем-то исключительным, учрежденным лишь для Казахстана. Подобные комиссии создавались царским правительством повсеместно и на других окраинах. В начале 20-х годов XVIII в. Пограничная комиссия была учреждена в Сибири на китайской границе для рассмотрения дел, касающихся двух соседних народов.⁴ Комиссия существовала на русско-турецкой границе и в г. Астрахани по делам калмыков (1825 г.).

Пограничная комиссия там, где она учреждалась, обладала в известной степени арбитражной функцией. Особенно это заметно в отношениях между двумя независимыми странами. В ней рассматривались при участии законных представительств сторон претензии и споры, возникающие на границе, вытекающие из экономических

¹ Рычков П. Топография Оренбургская, ч. I. Спб., 1762, стр. 7, 9. В дальнейшем орган, ведавший делами казахов в г. Оренбурге, стал вновь называться пограничной экспедицией, но он уже был подчинен губернской власти.

² Васильев А. Исторический очерк русского образования в Тургайской области. Оренбург, 1896, стр. 2.

³ Добросмыслов А.И. Тургайская область, т. I, вып. I. Оренбург, 1900, стр. 196.

⁴ ПСЗ, изд. 1, т. VII, стр. 209.

и политических отношений. Комиссии, учреждаемые по делам вассально зависимых территорий, более походили на органы колониального управления, нежели на смешанные комиссии.

Само по себе название «Пограничная комиссия» говорит о том, что она является двусторонним органом, включающим комиссаров (представителей) той стороны, на границе которой она создана (например, привлекались турецкие и китайские комиссары в соответствующих комиссиях). Оренбургская пограничная комиссия, в отличие от некоторых других органов, возникла в условиях осуществления царизмом колониальной политики по отношению к Казахстану.

Еще в период Абулхаир-хана начальник Оренбургского края Татищев пытался привлечь к работе комиссии представителей казахских ханств. С этой целью по договору с ханом в 1738 г. он учредил при комиссии суд для рассмотрения дел о спорах между русскими купцами и казахами. Членами суда были определены, наряду с русскими чиновниками, два казахских старшины – по одному от Малой и Средней орд.¹ О деятельности этого суда ничего не известно. Судя по косвенным источникам, вряд ли он функционировал. Спустя некоторое время за осуществление этой идеи в более широком плане берется первый оренбургский губернатор Неплюев. Несколько султанов и старшины, «избранные от киргизского народа», стали членами Пограничной комиссии с правом участия в «обсуждении» всех вопросов. Их обязанности сводились к выслушиванию содержания различных решений по рассказам переводчиков, подготовленных заранее чиновниками, затем они прикладывали свои печати, которыми они были наделены правительством. Приглашая представителей казахской знати для участия в работе комиссии, губернатор Неплюев вовсе не желал сделать ее хотя бы в какой-то мере представительным органом. Он заботился лишь о «смягчении нравов казахов», желая «ознакомить их с обществом русских чиновников».² Вскоре эти «марионеточные» члены комиссии, которым становилась понятной их роль, перестали являться в Оренбург.

Значительные изменения в системе управления казахской степью произошли в период власти генерал-губернатора Игельстрома, вступившего в эту должность в середине 80-х годов XVIII в. Будучи ревностным сторонником колониальной политики, обладая талантом государственного деятеля, он активно берется за реформу управления, приспособлявая его к текущим задачам правительства.³

¹ *Добросмыслов А.И.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань, 1904, стр. 9.

² *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, стр. 57.

³ Барон Игельстром о себе писал: «Первейший долг, возложенный на меня от августейшей нашей монархии, состоит в восстановлении спокойствия и тишины в народе киргиз-кайсаком и приведении оного к повиновению, верным подданным приличному» (Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М. – Л., 1940, стр. 60).

Еще в 1783 г. при генерал-поручике Апухтине ставился вопрос об учреждении пограничного суда в Оренбурге, «в котором бы обоюдных сторон ссоры разбираемы были».¹

Пограничный суд был официально открыт 3 октября 1786 г. в г. Оренбурге с отделением в Калмыковской крепости. Ему поручалось «быть в разборе оных судных гражданских и уголовных дел с киргизцами случающихся, а до управления сим народом власть его не распространяется»;² «в случающихся между ними (казахами. – С.З.) распрях и обоюдных жалобах доставлять им посредством учрежденного пограничного суда скорое и справедливое удовлетворение».³

Действительной причиной, побудившей пограничные власти прибегнуть к созданию особого органа, являлось то, что Пограничная экспедиция была не в состоянии разобраться в массе судебных дел и обеспечить исполнение решений, вынесенных по ним.

У правительства были серьезные основания для беспокойства. Взаимные нападения мелких групп казахов, калмыков и башкир, ограбление торговых караванов в степи, пленение жителей пограничных районов оставались распространенными явлениями. Со временем составил клубок взаимных обвинений, для разрешения которых стороны часто обращались в правительственные органы. Последние первоначально пытались урегулировать эти отношения через ханов и местных начальников. Но эти попытки потерпели неудачу. Учреждением пограничного суда правительство намеревалось приобрести действенную организацию, способную не только решать споры под углом зрения интересов колониальных властей, но также завоевать новые и упрочить старые позиции в Казахстане.

С самого начала пограничный суд являлся органом, чуждым населению. Он создавался без учета особенностей развития казахского общества, имел большой состав и громоздкое делопроизводство, опутанное множеством формальностей.

Присутствие пограничного суда состояло из 16 человек: председатель (он же оренбургский оберкомендант), два судьи – из русских офицеров, два купца, два человека из прилинейных деревень, один казахский султан и шесть старшин (по два из трех главных поколений Младшего жуза), один депутат от башкиров, один от мешеряков. В состав суда вошли от поколения Алим-улы Рахманберды Куттубаев, Базарбай Кудайбергенов, от поколения Бай-улы – Бегайдар Жанабайбатыров, Ярмухамед Русанбиев, от Джетыру – Аргилбай Шакбаев и Кулбай Жарасов.⁴

¹ *Добросмыслов А.И.* Тургайская область, т. 1, вып. 1. Оренбург, 1900, стр. 181.

² ПСЗ, изд. 1, т. XXII, стр. 143.

³ Там же, стр. 839 (из именного Указа от 21 апреля 1778 г.).

⁴ ПСЗ, изд. 1, т. XXII, стр. 605; *Добросмыслов А.И.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904, стр. 11 – 12; *Левшин А.* Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832, стр. 280.

Рассмотрение и решение вопросов в суде происходило на основании законов Российской империи. Язык, форма и принципы ведения дела в нем были совершенно непонятны представителям казахских родов.¹ Немаловажное значение имело то, что казахские старшины, представлявшие родовые объединения, по возвращении в свои кочевья нередко подвергались нападкам со стороны многочисленной местной знати за участие в невыгодных для них решениях в Оренбургском пограничном суде.

В пограничный суд казахи обращались редко. Губернатор Игельстром, чтобы придать суду видимость деятельности, стал направлять ему сведения о разных происшествиях в орде. Следуя примеру Игельстрема, подобного характера бумаги стали поступать в суд от пограничной экспедиции, войсковых атаманов, командиров и начальников пограничных дистанций. В результате началась бесконечная переписка, в которой окончательно погряз пограничный суд.

Авторитет суда упал, казахские старшины скоро перестали участвовать в нем, и он превратился из «представительного» органа, связывающего пограничную власть с казахским обществом, в одно из звеньев колониального управления. Пограничный суд и пограничная экспедиция были в 1799 г. упразднены. На их месте была создана Пограничная комиссия с более широкими полномочиями.² Она просуществовала до конца 1859 г., вплоть до образования Областного управления оренбургскими казахами. Предусматривалось введение в состав Пограничной комиссии наряду с двумя асессорами одного султана и двух старшин из казахов. В 1819 г. состав комиссии был дополнен двумя русскими советниками.

Как дополнение к пограничному суду в качестве его филиалов по решению оренбургского губернатора в свое время были образованы непосредственно в районе кочевьев главных родов судебные органы под названием расправы. По первоначальному проекту предусматривалось иметь по одному суду в каждом из трех поколений Младшего жуза.³ Затем было решено (1789 г.) иметь дополнительно по одному суду в Алимулинском и Байулинском поколениях и по одной отдельной расправе в родах Джагалбайлы (1789 г.),⁴ Кердары (1791 г.)⁵ и в отделении Нуртай поколения Бай-улы (1794 г.).⁶ Расправы наделялись

¹ Сам губернатор Игельстром признавал, что казахам «казался диким предмет сей, и они во время учреждения пограничного суда не имели еще об оном ни малейшего понятия и доверенности к нему» (Архив Государственного Совета, т. I, ч. П. Спб., стр. 829).

² О древних союзах киргиз-кайсаков. Спб., 1886, стр. 20.

³ ПСЗ, изд. I, т. XXII, стр. 950.

⁴ Там же, т. XXIII, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 247.

⁶ Там же, стр. 591.

широкими судебными и даже административными полномочиями. Они рассматривали различные споры, иски и жалобы, имеющие как гражданский, так и уголовный характер. Родовые начальники обязывались решения судов «безоговорочно и отлагательства времени производить в действие и исполнять». В определении роли судов сказано, что «расправе надлежит иметь бдение, дабы в родах тех, которые состоят в ея ведомстве... сохранены были благочиние, добронравие и порядок». Они подчинялись губернатору и пограничному суду и обеспечивали исполнение их указаний и решений.¹

В расправах дела решались на основе норм обычного права казахов. Недовольные решениями могли обратиться в пограничный суд. Несмотря на то, что расправы были гораздо ближе и понятнее народу, чем Пограничный суд, однако они также имели существенные недостатки, с самого начала обрекавшие их на бездеятельность.

Правительство, создавая расправы, не учло того, что многочисленная бийская группа, всецело узурпировавшая судебную власть в родовых подразделениях, имевшая еще серьезное влияние среди народа, не могла поступиться своими интересами в пользу новых учреждений. Более того, новые суды не обладали средствами и возможностями, необходимыми для отправления судебной функции в степи, которыми обладали бийские суды. Принимая жалобы, расправы не только не имели средств раскрытия, преследования ответчиков, но и реальных условий для обеспечения исполнения принятых решений. Не было также стабильности в постановлениях новых судов. Недовольные стороны часто обращались в вышестоящие органы для пересмотра дела. Прямая связь судей с колониальными органами, которыми они оплачивались, казенно-канцелярский метод, введенный в расправах, отталкивали от них население, все еще находящееся под влиянием отсталых норм права и бийской формы судопроизводства.

Расправы, по сути дела, не успев встать на ноги, стали падать. Все меньше и меньше обращались к ним за решением. Источники сообщают, что старшины,² введенные в расправы, перестали в дальнейшем собираться в полном составе, хотя проявляли большую заботу о своевременном получении установленного для них государственного жалованья.

Не спасло расправы привлечение губернатором Игельстромом для работы в них таких крупных и влиятельных биев Младшего жуза, как Суфр, Коккуз и Турмамбет.³

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М – Л., 1940, стр. 100-101.

² Расправа состояла из председателя и двух членов из феодальной знати. Они были обязаны ежедневно собираться для приема жалоб и их рассмотрения. При каждой расправе находился мулла, обязанный вести запись допроса, протокол и составлять различные рапорты и отчеты от имени суда.

³ Архив Государственного Совета, т. II. Спб., 1869, стр. 828.

Расправы бездействовали и были официально ликвидированы в 1804 г. Царское правительство было вынуждено передать функции упраздненных судов хану, учрежденному 31 мая 1806 г. ханскому совету и родовым начальникам, которые, кстати, потратили немало усилий, чтобы сделать расправы мертворожденными. Губернатор Игельстром собирался углубить свои начинания новыми введениями. В 1789 г. он предложил Государственному Совету разделить Младший жуз на шесть частей, учредить в каждой из них по одной расправе.

В масштабе орды он предполагал создать главное управление, включив хана в качестве первоприсутствующего. Вводилась должность прокурора орды. Игельстром считал возможным первое время обязанность прокурора возложить на батыра Срыма. По его мнению, в каждой части должна была находиться команда тюленгутов в качестве военной силы.¹

Это предложение не могло осуществиться, ибо созданные расправные суды разваливались и не оправдывали надежд, которые на них возлагались. В скором времени встал вопрос не о развитии и углублении новой реформы, а об отказе от нее. Полковник Гранкин, хорошо осведомленный о положении дел в Младшем жузе, еще в 1788 г. писал, что «ныне же оные расправы почти не существуют...».²

Как видно из заявлений самих авторов реформы, цель ее состояла в укреплении органов колониального управления путем приобщения к его деятельности представителей крупной местной знати, в подготовке условий для управления степью без хана, подобно башкирам.³

К середине XIX в. вся прилинейная полоса, примыкавшая к владениям зауральских казахов, была разделена на шесть участков, в каждом из которых находился «попечитель прилинейных киргизов» из числа русских чиновников, обязанный осуществлять разбор дел, возникающих в основном между казахами и русскими. Согласно инструкции, он не вмешивался во внутренние дела казахских родов, постоянно находясь на пограничной линии. На деле прилинейные попечители вели наблюдение за положением в казахских родах, прикочевавших к линии, собирали сведения о них, т. е. вели систематическую агентурную работу каждый на своем участке.

До принятия «Устава о сибирских киргизах» казахи Среднего жуза в той части, на которую распространялась власть пограничной администрации, находились под главным надзором оренбургского началь-

¹ Там же, стр. 850.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М., – Л., 1940, стр. 105.

³ См. письмо Игельстрема от 30 ноября 1788 г. (Архив Государственного Совета, т. I, ч. 2. Спб., 1869, стр. 824).

ства. Сибирская пограничная комиссия, имевшая местом пребывания г. Омск, занималась лишь незначительными, второстепенными вопросами в управлении Среднего жуза. Она состояла из двух чиновников, подчиненных командиру Сибирского корпуса. Некоторую работу здесь проводили командиры отрядов и военных укреплений. В их обязанности входили, кроме специальных функций, наблюдение за состоянием казахского общества, посылка тайных разведчиков, ведение таможенных операций, организация торговли с казахами-кочевниками, защита преданных правительству коллективов.

Сибирь по положению 1822 г. была разделена на Западную и Восточную части во главе с отдельными генерал-губернаторами. К Западной Сибири, с центром в г. Тобольске (до 1839 г.), а затем в г. Омске, отнесены Тобольская, Томская губернии и Омская область.

Омская область состояла из Омского, Петропавловского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского внутренних округов. Казахская степь, занятая кочевьями Среднего и Большого жузов, по мере ее колонизации должна была войти в состав Омской области в качестве внешних округов.

В 1838 г. в связи с переходом Главного управления Западной Сибири в г. Омск Омская область была упразднена. Для управления казахами Среднего и Большого жузов было учреждено в г. Омске пограничное управление. Оно подчинялось Главному управлению Западной Сибири, осуществляя бдительный «надзор за правильным и успешным течением дел» в степи. Пограничный начальник пользовался по гражданским делам правом губернатора, по военным делам – командира дивизии.¹ К этому же времени завершилась работа по организации округов в Среднем жузе. Так называемые «внутренние казахи», кочевавшие внутри пограничной линии в пределах Тобольской и Томской губерний, хотя в первое время были приписаны к организованным округам на внешней стороне линии, фактически ими не управлялись. Находясь чаще на землях Омского, Калыванского, Барнаульского и Бийского округов, они в большей степени находились в зависимости и под властью органов указанных округов, нежели под управлением пограничного начальника, надзиравшего за казахами Среднего жуза. Такое положение со временем породило неудобство в управлении многочисленными казахскими аулами, кочевавшими на внутренней стороне. Этот недостаток был устранен новой реформой от 19 мая 1854 г., по которой казахская степь была разделена между двумя областями. Внутренние казахи были объединены в Семипала-

¹ Сильвергельм I. Военно-статистическое обозрение киргизской I степи Западной Сибири, т. XVII, ч. 3. СПб., 1852, стр. 3.

тинскую область и составили как бы восточную часть края. В состав области сибирских казахов вошли внешние округа. В связи с этим Омское пограничное управление было переименовано в «Правление областью сибирских киргизов», а пограничный начальник возведен в должность военного губернатора. Для Семипалатинской области было учреждено «Особое управление Семипалатинской областью» во главе со своим военным губернатором.

Пограничные суды, хотя гораздо позже, чем в Младшей орде, возникли также и на границе со Средней ордой. В указе, данном оренбургскому генерал-губернатору Апухтину в 1784 г. об организации пограничного суда в г. Оренбурге, отмечалось, что «подобный сему весьма нужно учредить и от стороны Средней киргизской орды». Однако более десяти лет никто об этом не вспомнил.

Взаимные претензии и споры между русскими и казахами рассматривались у начальников пограничных городов, среди которых видное место занимал Петропавловск. Впоследствии по спорным делам казахи стали вызываться в г. Тобольск, где находилась канцелярия сибирского ведомства, что создавало большие трудности для местного населения. Такое положение послужило причиной обращения хана Вали в правительственные учреждения об организации в официальном порядке пограничного суда в г. Петропавловске, которое было удовлетворено в 1798 г.¹

Развитие органов колониального управления было тесно связано с успехами колониальной политики царизма в Казахстане. С отменой ханской власти в начале 20-х годов XIX в. Казахстан стал превращаться в составную часть империи. Местное управление постепенно сливалось с пограничным, составляя с ним единую систему государственных органов.

Колониальный аппарат в Казахстане, как и всюду, держался на насилии, меньше всего заботился об интересах местного народа, выступал как олицетворение колониального произвола.

Земельная политика

Как общее правило, борьба за колонию представляет собой борьбу за незанятые свободные земельные участки, доступные для переселения, за рынки сбыта товаров и получение сырья для нужд метрополии. В.И. Ленин указывал, что основными признаками колонии в политико-экономическом смысле являются: «1) наличность незанятых, свободных

¹ Архив Государственного Совета, т. 1, ч. 2. Спб., 1869, стр. 931; ПСЗ, изд. 1, т. XXV, стр. 409.

земель, легко доступных переселенцам; 2) наличие сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, «которые, при других обстоятельствах, им пришлось бы изготавливать самим».¹ В этом положении дана экономическая сущность и конечная цель политики, направленной на колонизацию той или иной территории. Но из этого вовсе не следует, что основные экономические цели выступают на всех этапах проведения колониальной политики как ее главные и непосредственные практические задачи, тем более тогда, когда не решены еще вопросы политического завоевания колонии.

Вопрос о земле хотя и занимал одно из центральных мест в экономической политике царизма, однако в рассматриваемый период не стал еще ведущим вопросом государственной политики в Казахстане. Непосредственной экономической задачей колониальной политики являлся не захват лучших земельных угодий с целью переселения туда населения, а расширение границ государственных владений вообще для приобретения новых источников извлечения доходов.

До вступления на казахскую землю Россия завладела богатой Сибирью, располагавшей обширнейшими незанятыми плодородными земельными угодьями, которые были еще далеко не освоены. В высших официальных кругах, формировавших государственную политику, на Казахстан смотрели как на пустынную и степную область, не пригодную для сколько-нибудь существенного развития земледельческого производства. Отсюда основным содержанием земельной политики царского правительства в Казахстане рассматриваемого периода было не экономическое освоение его территории, хотя частично оно имело место, а приспособление местного земельного вопроса к интересам империи.

Следует отметить господствовавшее одно время мнение, что на территории Казахстана живут кочевники-номады, для которых не существует земельного вопроса и, что правительство будет свободно распоряжаться землей подданных по своему усмотрению. При такой точке зрения казалось излишним уделять особенное внимание земельной политике.

В действительности вопрос о земле был одним из самых запутанных в казахском обществе, к тому же колониальная экспансия царизма еще больше усугубила его. Для скотоводов-кочевников земельные пространства являлись главным условием существования. И народ был далеко не безразличен к тому, в каком направлении и как реша-

¹ *Лешин В.И.* Соч., т. 3, стр. 520.

лась проблема земли официальными органами. Ложное представление о том, что для кочевников не существовало земельного вопроса, скоро развеялось. Если пограничные органы все больше и относительно активнее стали заниматься земельным вопросом в Казахстане, что характерно для середины XIX в., то это объяснялось не заботой о землеустройстве местного населения. Наоборот, вопрос стоял о порабощении народа и приспособлении проблемы землепользования в крае к целям колониальной политики. Не сразу были выработаны правительством основные направления политики в земельном вопросе в Казахстане. Решение его вначале было почти всецело предоставлено на усмотрение местных пограничных властей. Неудивительно, что вплоть до середины XIX в. в различных частях степи проводилась различная, порою противоречивая политика в отношении земли.

Одним из основных моментов в земельной политике был вопрос о том, развивать земледелие, следовательно и оседлость, среди кочевого казахского населения или воспрепятствовать этому процессу. Постановка такого вопроса меньше всего была связана с инициативой власти. Она диктовалась ходом экономического развития казахского общества. Занятие земледелием, переход к полуоседлости и оседлости среди казахов заметно стали развиваться в первой половине XIX в. В этих условиях возник вопрос о том, как должны относиться государственные органы к этим явлениям, какое значение они будут иметь в перспективе для колониальной политики. К решению его ответственные чиновники, не будучи связанными единой установкой, подходили по-разному в различных частях Казахстана.

Типично колонизаторская политика осуществлялась в Младшем жузе, находившемся под эгидой оренбургских начальников. Оренбургские губернаторы Сухтелен (1830 – 1832 гг.) и Перовский (1833 – 1842 гг.) в своей деятельности исходили из твердого убеждения в том, что казахи должны оставаться «вечными кочевниками».¹

По их мнению, только в таком состоянии они могли быть полезными для России как крупные поставщики скота, продукции скотоводства и как потребители русского хлеба и промышленных товаров. Прямыми их распоряжениями запрещалось прилинейным казахам возводить жилые постройки и заниматься земледелием. Были случаи сноса построенных казахами домов под видом незаконного занятия угодий (Внутренняя орда).

В обширном «Положении об управлении Оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г. в обязанность Пограничной комиссии

¹ *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. Спб., 1890, стр. 139.

вменялось все: наблюдение за местной властью, охрана лесов, предупреждение пожаров, освобождение пленных, надзор и поощрение меновой торговли в степи и т. д. В нем не было только упоминания о земледелии и оседлости среди казахов, как будто этот вопрос вообще не существовал.

Однако вопреки желаниям и стараниям пограничных руководителей строительство землянок, а в некоторых местах и домов, а также переход к возделыванию полей, продолжали распространяться. Оказавшись бессильным предотвратить развитие этого процесса, генерал Сухтелен в свое время предпринимал попытку узаконить положение, по которому прилинейные казахи могли строиться и заниматься земледелием только на отведенных для этих целей определенных участках. Чиновники из Оренбургской комиссии были гораздо практичнее и умнее своих начальников. В отчетном документе комиссии за 1839 – 1840 гг. они писали: «Прилинейные киргизы, чувствуя недостаток в землях, принялись местами за хлебопашество, которое может год от году усиливаться и нанесет неминуемо вред меновому торгу и хлебопашеству внутреннему. Но неудобно ему препятствовать и жестоко было бы отнимать у народа способы существования».¹ Когда Перовский в 1853 г., посетив второй раз через 15 лет бассейн р. Илека, застал там множество пашен казахов, которых не было прежде, он с раздражением доносил военному министру, что это «весьма невыгодно для нас и не приносит никакой пользы самим киргизам».² В 1854 г. Пограничная комиссия получила замечание от губернатора за то, что она не сумела своевременно воспрепятствовать развитию оседлости среди прилинейных казахов.³

В результате отрицательного отношения органов власти оседлости казахов в районе Приуралья, несмотря на его близость к пограничным оседлым центрам, возведение постоянного жилья, по сравнению с другими прилинейными зонами, получило самое незначительное развитие. По официальным данным, относящимся к 1854 – 1855 гг., в пределах территории 1 – 5 прилинейных дистанций на 7472 кибитки приходилось 4 дома и 381 временная землянка.⁴

Запретительная политика в отношении местного населения просуществовала до начала второй половины XIX в. Генералу Катенину, заменившему в г. Оренбурге Перовского (1857 г.), пришлось отказаться от линии своего предшественника. Он не только возбудил ходатайство перед Министерством внутренних дел об изменении преж-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 4-5.

² *Веселовский Н.И.* В.В. Григорьев, по его письмам и трудам. Спб. 1887, стр. 132.

³ *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 163-164.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5117, л. 6-9, 24.

него курса, но и снарядил рекогносцировочные команды в степь для изыскания новых районов, удобных для земледелия. С 1861 г. было разрешено отводить по просьбе местного населения участки под пашни и жилье в бессрочное пользование.¹

Иначе сложилась земельная политика в Среднем жузе, делами которого ведало Западно-Сибирское губернаторство. Здесь, в отличие от Младшего жуза, установилась в основном поощрительная политика в отношении занятия земледелием и перехода населения к оседлости. Существенную роль в этом играло принятие в 1822 г. «Устава о сибирских киргизах». В нем было записано: «...Каждому киргизу, который пожелает производить хлебопашество или иметь другие на месте хозяйственные заведения, отводить для сего по 15 десятин на душу» (§ 172). Причем в обязанность местным начальникам вменялось содействие населению и поощрение тех, кто добивался успехов в земледелии и пчеловодстве. «Киргиз, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и проч., равно и все те, которые окажут в сих делах отличные успехи, – говорилось в «Уставе», – получают право на особенную награду, о назначении которой представлять на Высочайшее усмотрение» (§ 187).²

Просьба об отводе земельных участков удовлетворялась без особых формальностей. В 1842 – 1843 гг. в пограничное управление обратились бий Малдыбаев из Аман-Карагайского округа о закреплении за ним урочищ Калын-Камыс, Токмулда, Кайран-Куль, Кортурган, Абал-Узень для строительства деревянных домов и заведения пашни,³ бий Акылбек Нукурбеков из Исенбакты-Кереевской волости Акмолинского округа с просьбой разрешить занять урочища Кзыл-Агаш, Кзыл-Булак для аналогичных целей⁴, бий Кенжигара из Багышевской волости Кокчетавского округа о дозволении ему строить жилье на занимаемом им участке.⁵

Таких заявлений и ходатайств было много. Как правило, они удовлетворялись, если земельные участки фактически принадлежали им или относились к категорий незанятых. В одном из архивных документов говорится, что многие казахи в начале 40-х годов владели небольшими строго определенными участками, на которых проводили зиму, строили жилье и обрабатывали поля.⁶ В 1844 г. в Баян-Аульском округе было 17 благоустроенных деревянных домов, при-

¹ Там же, д. 5242, л. 1.

² ПСЗ, изд. 1, т. XXXVIII, стр. 425-426.

³ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1002, л. 1-2.

⁴ Там же, д. 1322, л. 1.

⁵ Там же, д. 1319, л. 2.

⁶ Там же, д. 1578, л. 4.

надлежавших казахам.¹ Пограничное управление сибирских казахов в годовом отчете за 1842 г. сочло нужным отметить, что «киргизы Кокчетавского, Аман-Карагайского, Баян-Аульского и частично Акмолинского округов, кочующие вблизи линии, от частовременных сношений с русскими привыкли уже к русской жизни и, подражая русским, выстраивают себе при зимовых местах и даже при приказах дома и другие заведения, в которых и помещаются».²

Генерал-адъютант Анненков в официальной записке от 1851 г. указывал, что здесь «начала оседлости уже положены и развиваются с некоторыми успехами везде, где киргизы имели случаи более свыкнуться с русскими». По его подсчету, в степи уже построено казахами 111 домов.³ Спустя год и. о. генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорт доносил военному министру о том, что некоторые казахи стали заготавливать на зиму сено и что на урочищах Урук и Манбарак Кокчетавского округа селится старшина Тангаров с намерением возвести там 20 домов по образцу русских населенных пунктов. Это будет «первое чисто киргизское селение. Я их особенно к тому поощряю», – сообщал далее губернатор.⁴

Органы власти оказывали известное содействие местному населению в приобретении земледельческих орудий и семян. «Устав» 1822г. давал на этот счет конкретное указание. «Областное начальство, – говорилось в нем, – заботится, дабы требования на земледельческие инструменты могли быть удобно удовлетворены покупкою и меною на линии или в самой степи».⁵ Хотя нельзя было ожидать проявления особого усердия со стороны царских чиновников в выполнении этого положения «Устава», тем не менее сам факт наличия такого предписания имел определенное значение.

В 20-х годах XIX в. генерал-губернатор Западной Сибири приказал казачьим командам, стоящим в глубине степи и при окружных приказах, иметь при себе земледельческие орудия для оказания необходимой помощи и обучения земледелию казахов посредством вспашки и обработки их полей. Начальник Омского областного управления полковник Броневский в 1824 г. в письме Каркаралинскому окружному приказу разъяснял, что солдаты из казачьего отряда должны в первое время сами вспахать небольшие земельные участки казахов под залог или под другие не обременительные для них условия.⁶

¹ Там же, д. 3, л. 425.

² Там же д. 943, л. 23.

³ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, составленный А. Серебренниковым, т. III. Ташкент, 1915, стр. 170.

⁴ Там же, стр. 42, 43.

⁵ ПСЗ, изд. 1, т. XXXVIII, стр. 425.

⁶ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 336, л. 7-8.

Уже в начале 1825 г. ряд старшин обратился в Кокчетавский окружной приказ с просьбой помочь им приобрести русские сельскохозяйственные орудия. Омское областное управление разрешило приказу купить на линии такие орудия на сумму до 1000 руб. и распределить их среди казахов с последующим удержанием стоимости.¹ В 1831 г. группа семей из Тюмен-Шекты-Аргынской волости просила начальника военного отряда подполковника Набокова помочь ей закупить у русских семенное зерно в размере 40 пудов. Областной начальник, узнав об инициативе местного населения, заявил: «Я весьма одобряю похвальное Тюмен-шекты-аргынских старшин намерение»².

Надо отдать должное, что Областное управление сибирскими казахами предприняло некоторые меры, направленные на облегчение положения семей, переходящих к земледелию и оседлости. Иногда оно выделяло специальные фонды для оказания кочевникам помощи семенами. По данным, относящимся к августу 1832 г., в одном только Кокбектинском округе помощь семенами получили 43 семейства (среди них два султана, два старшины, восемь биев). Им выдали 276 пудов зерна на общую сумму 414 руб. По некоторым сведениям, в 1864 г. казахам было отпущено сельскохозяйственных орудий на 385 руб.⁴

Разумеется, не все желающие приобрести семена и сельскохозяйственный инвентарь получали их. То, что вывозилось в казахскую степь, далеко не покрывало потребности казахского общества. В общем и целом в первой половине XIX в., как и позже, в казахском земледелии господствовали примитивные орудия. Однако само по себе знакомство с более совершенными орудиями, там где это имело место, должно было послужить известным стимулом для перспективного развития производительных сил в сельском хозяйстве.

В историческом архиве Казахской ССР хранится ряд документов, в которых запечатлен прогрессивный процесс усиления тяготения кочевого казахского населения к земледелию. Некоторые семьи не ограничивались просьбой о помощи орудиями, требовали учить их, как вести сельскохозяйственное хозяйство. Пограничное управление разрешало отдельным представителям местной знати держать наемных русских крестьян для возделывания полей, в качестве учителей. Старшина Атабаев из Джабар-Караульской волости в письме на имя омского областного начальника от 1831 г., выразив желание заниматься земледелием, просил найти ему «какого-нибудь сословия русского

¹ Там же, д. 417, л. 2.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4818, л. 3.

³ Там же, л. 73.

⁴ *Терентьев М.А.* Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб., 1874, стр. 12.

человека, пахаря, который бы знал производство хлебопашества».¹ В некоторой степени об отношении колониальных властей к подобного рода просьбам казахов свидетельствует такой факт. Командир Отдельного сибирского корпуса письмом от 17 сентября 1831 г. предложил омскому областному начальнику «дать бию Туртугульской волости Бостаю Турсунбаеву к весне 1832 года пять человек казаков для научения киргизов хлебопашеству».²

В соответствии с «Уставом» 1822 г. губернатор Западной Сибири Вельяминов в 1833 г. представил первую группу казахов в числе 20 человек к поощрению за заведение пашен. Сибирский комитет согласился с предложением, «чтобы поощрить к земледелию и прочим киргизов, частью положивших к тому начало, частью же намеревающихся приступить к тому». Один из них награжден медалью, другие – кафтанами.³

Вышеизложенные факты приведены нами для того, чтобы показать официальный курс, которым определялась земельная политика правительства на территории Среднего жуза.

Как известно, к середине XIX в. в бассейне Сыр-Дарьи образовалось третье управление, подчиненное военному министерству. Здесь стала проводиться в земельном вопросе такая же политика, как и в Среднем жузе. В одном из писем заведующего Сыр-дарьинскими казаками, написанном им в 1862 г. на имя чиновника Карпова, предписывалось: «...Стараться благоразумными мерами приохачивать киргизов к этому занятию (земледелию. – С.З.) и отличавшихся более противу других по этой части хозяйства представлять об них мне, а также сообщить о тех, которые проведут новые ирригационные каналы».⁴

Поощрение земледелия, разумеется, проводилось в таких пределах, в которых оно служило интересам колониальной политики. Генерал-лейтенант Гасфорт в одной из своих записок от 12 февраля 1852 г., называя казахов пастухами, писал: «В таком только быту они могут быть для нас полезными и невредными... Все их образование должно ограничиваться приведением в полуоседлое и более нравственное состояние, не уничтожая пастушеского быта»⁵

Чем можно объяснить более благоразумную политику в вопросах земледелия, которая осуществлялась в основном на территории

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, д. 4818, л. 9.

² Там же, л. 103.

³ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. – Л., 1949, стр. 210.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 384, оп. 1, д. 6, л. 8.

⁵ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, составленный А. Серебренниковым, т. III. Ташкент, 1915, стр. 21.

Среднего жуза? Губернаторство Западной Сибири исходило из того, что с переходом части кочевников к некоторой оседлости будет легче управлять народом, в степи установится спокойствие, тем самым будут подготовлены условия для дальнейшего продвижения в глубь страны с выходом к ее юго-восточным и южным рубежам. И надо сказать, что такая политика и те небольшие сдвиги, которые наметились в земледелии в первой половине XIX в., сыграли известную роль в колониальном проникновении царизма в Казахстан. Напротив, там, где проводилась иная, противоположная этой, политика (например в Младшем жузе), правительство натолкнулось на смелое сопротивление местного населения и в конце концов вынуждено было изменить ее, хотя этого весьма не хотелось некоторым колонизаторам.

Занятие части кочевников обработкой полей и связанный с ней переход к оседлости обуславливалось общим ходом экономического развития казахского общества, в частности разложением и падением значения кочевого экстенсивного скотоводства. Противодействие этой закономерной тенденции развития не могло иметь длительного успеха.

Разнобой в земельной политике объясняется также слабой связью между отдельными управлениями, осуществлявшими власть на территории Казахстана, и отсутствием единого центра координации деятельности этих органов. Вопросы, относящиеся к Казахстану, рассматривались в Сенате, Государственном Совете, в министерствах иностранных и внутренних дел, государственных имуществ и военных дел, Сибирском комитете. Причем решение одного из этих учреждений часто оставалось неизвестным для других. Это и неудивительно, если учесть, что казахская степь была разделена в административном отношении между различными центральными управлениями и ни одно из них, можно сказать, не занималось вопросами всей политики в полном объеме. В текущей политике местные пограничные начальники имели значительную свободу.

Нельзя сказать, что вопросы земельной политики в Казахстане не обсуждались в высших органах власти и управления. В 1820 г. Азиатский комитет рассмотрел прошение депутатов султана Кудайменды из Среднего жуза о посылке «в их кочевье мастеров для постройки деревянных домов и землепашцев для обучения киргизов». Комитет принципиально не возражал против удовлетворения этой просьбы и передал ее на усмотрение сибирского генерал-губернатора. Более определенно комитет высказался в 1832 г. «Выгоднейшим для нашей промышленности, — сказано в журнале Комитета, — чтобы киргизы оставались кочевым народом с некоторым устройством,

могущим укоротить наклонность их к хищничеству и неповиновение начальству».¹ Почти в это же время (1835 г.) Комитет министров обнародовал следующее решение: «Для поощрения киргизов к разведению хлебопашества дозволить в течение десяти лет отпускать во внешние округа Омской области всякого рода зерновой хлеб и земледельческие орудия для киргизов без пошлин».² В решениях высших правительственных органов, как правило, штамповались представления губернаторов, хотя они часто противоречили друг другу.

Русское государство рассматривало себя верховным собственником всего земельного пространства, а казахов – лишь его владельцами. Начиная со второй четверти XIX в. была введена подать за пользование государственной землей под названием кибиточный сбор и ясак.

Органы, осуществлявшие власть от имени государства, опираясь на права «верховного собственника», считали для себя законным отторгать земельные угодья у местного населения по своему усмотрению. Земельное изъятие заметно стеснило хозяйства кочевников-скотоводов уже в первой половине XIX в. В дальнейшем оно еще более усилилось.

Вдоль всей сибирской линии общей протяженностью около 1500 верст была установлена так называемая десятиверстная полоса, объявленная исключительным государственным владением, полностью изъятым из пользования казахов. Она проходила по самым лучшим прибрежно-луговым и другим пастбищным местам. Отторжение этих угодий тяжело отразилось на положении кочевых родов, располагавшихся прежде в этом районе. Такая же политика осуществлялась на оренбургской линии. Это было лишь началом более крупного наступления на земельные владения казахов. В 1810 г. появилось официальное решение занять земли, простирающиеся между реками Илек и Бердянка к югу от г. Оренбурга. Спустя несколько лет весь плодородный Илецкий район с соляными копиями был заселен государственными людьми. Один из царских чиновников, говоря о заселении, заметил, что «захват лучших частей степи не мог нравиться киргизам».³

К середине XIX в. основные плодородные земельные массивы, примыкавшие к пограничной линии, оказались отторгнутыми у казахов. «Я должен здесь заметить, – писал командующий сибирской линией генерал Гасфорт в 1854 г. в одном из своих донесений, – что

¹ См. *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л., 1949, стр. 203, 208.

² ПСЗ, изд. 2, т. X, отд. 1, стр. 788.

³ *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 109 – 110.

водворенные в степи казаки стесняют киргизов не разработыванием полей, отводимых им для хлебопашества, а более – отнятием у них выгоднейших лугов и пастбищ под свои табуны».

Вряд ли можно объяснить чем-либо другим, кроме произвола колониальных властей, запрещение казахам заниматься рыболовством даже в некоторых внутренних водоемах степи.

Так, на Камыш-Самарских озерах и на озере Сакрым, лежащих внутри кочевьев казахов Внутренней орды, запрещалась ловля рыбы под тем предлогом, что «этим не занимались их предки».¹ Казачья монополия в рыболовстве была установлена в водах Иртыша, Ишима и других водоемов.

Земельный вопрос приобрел особую остроту в Младшем жузе, где кочевые аулы, лишенные лучших зимовий по Илеку и Уралу, оказались на положении арендаторов угодий.

Ниже приводятся некоторые данные о казахском скоте, пасшемся на землях оренбургского военного округа зимой 1858 г. за определенную плату² (табл. 24).

Таблица 24

Казачьи полки, земли которых сдавались в аренду казахам	Количество скота, находящегося на арендованных землях			
	верблюдов.	лошадей	крупн. рог. скота	мелкого скота
2-й полковой округ	35	150	370	4500
3-й полковой округ	—	73	140	1568
4-й полковой округ	53	336	429	1707
5-й полковой округ	315	183	510	4150
6-й полковой округ	29	—	—	1156
7-й полковой округ	—	1700	—	—
8-й полковой округ	—	745	20	330
12-й полковой округ	—	11279	895	8876
На землях Уральского казачьего полка	331	50246	1161	38909
Всего	763	64712	3525	61196

Аулам, постоянно жившим на землях, принадлежавших казачьему войску, разрешалось косить сено во вторую очередь, после уборки

¹ Бабаджанов С. Спор уральских казаков с киргизами Внутренней орды. - Газ. "Деятельность" 18686. №109.

² ЦГИА Каз ССР6, ф.4, оп. 1, д. 2848, л. 22, 37, 109.

его казаками.¹ В отчете пограничной комиссии за 1856 г. показано, что в районе Новой линии (Илецкий бассейн) проживало казахов 9491 двор. Им разрешалось только зимовать за определенное вознаграждение («плакатная плата»), причем на лето они могли оставлять лишь одного сторожа на каждый аул для присмотра за зимовыми местами без права косить сено.²

Политика колониальных властей в земельном вопросе послужила одной из определяющих причин усиления народного недовольства и открытого выступления против нее. Чиновник Долгаришнов, побывавший в начале 1822 г. в казахских родах, кочевья которых были объявлены войсковыми территориями, писал, что они выражали «такое свое неудовольствие, что как они лишены зимовых мест, то ежели им те места по-прежнему будут и они расположатся для зимовки при р. Илеке, всех похищенных с российской стороны лошадей возвратит не преминут».³

Другой чиновник, посетивший эти коллективы в том же году, сообщал, что многие из них «действительно намерены причинить нашей линии вред... за то, что они удалены от р. Илека за 15-верстное расстояние, и что ныне кочуя в степях не находят для себя и скота своего постоянного пристанища в жестокое время зимы». Один из руководителей местного народного бунта, вызванного земельными притеснениями царизма, Жоламан Тленчиев, в апреле 1822 г. писал генерал-майору Бородину, что главная причина бунта – лишение кочевий по Илеку. Он просил упразднить Новую линию по р. Илеку, заявив, что «тогда будем приятелями».⁴

«Устав» 1822 г. запрещал вселяться кому бы то ни было со стороны пограничной линии в кочевья казахских аулов. Переселение как массовое явление для рассматриваемого периода не характерно, но оно уже началось. Ставки окружных приказов оказались наиболее удобным местом для заселения их казаками и крестьянами. Правда, вначале оно вызвало отрицательную реакцию среди местного населения, но вскоре все «уладилось». Сибирский комитет в 1836 г. нашел нужным направить в каждый округ по 500 – 1000 русских крестьянских дворов. «Киргизы уже привыкли некоторым образом смотреть, как казаки у них строятся и бывшие споры о некоторых местах уже кончены», - указывал при этом Комитет.⁵

Казачья верхушка в станицах и военных городках быстро расши-

¹ Там же, д. 2510, л.61

² Там же, д. 5163, л. 2–3.

³ Там же, д. 1.856, л. 27.

⁴ Там же, л. 64, 141.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 388, оп. 1, д. 444, л. 129–130.

ряла свои земельные владения за счет захвата и включения близлежащих территорий в зону поселенцев.

Влияние колониальной политики на внутренний земельный строй казахского общества в рассматриваемый период оставалось еще минимальным. Некоторые незначительные изменения, наблюдавшиеся в режиме землепользования в отдельных местах, были вызваны не столько действиями властей, сколько развитием элементов оседлости среди части кочевых коллективов и другими объективными факторами.

Деятельность пограничных органов в земельном вопросе в основном сводилась к рассмотрению отдельных ходатайств, поступавших преимущественно от знати, перешедшей на службу царизму, об отводе и закреплении за нею земельных участков. Подобные просьбы феодалами делались обычно для того, чтобы оградить свои земельные интересы от покушения других богачей и казачьей знати авторитетом колониальных органов. Прежде чем принять решение по таким заявлениям, удостоверялось через местных начальников, действительно ли эти места, на которые претендует заявитель, не принадлежат другим коллективам.

Причем все это делалось формально, поэтому крупный феодал всегда мог присвоить территорию своих слабых сородичей и соседей. Эти меры не изменяли прежнего земельного строя, характерного для феодального, казахского общества. Их значение заключалось лишь в том, что фактические земельные отношения облекались в форму признания их со стороны официальных властей.

В первой половине XIX в. было положено начало промышленной разработке земных недр Казахстана. В особенности на территории Среднего жуза стали возникать первые горно-рудные предприятия по добыче угля, свинца, серебра и золота. С возникновением этих предприятий началось отторжение у казахов земельных площадей в глубине степи.

Однако в интересующее нас время подобные изъятия из-за незначительности почти не отражались на экономическом положении скотоводов. Они стали заметными только впоследствии.

Итак, в рассматриваемый период основным в земельной политике царизма в Казахстане было: во-первых, попытка использовать и подчинить земельный вопрос интересам колониальной политики посредством удержания части казахов в состоянии кочевников-скотоводов (в Младшем жузе) и поощрения другой части к переходу к земледелию и оседлости (в Среднем жузе); во-вторых, захват лучших и обширных площадей, примыкавших к пограничной полосе и в районе укрепленных пунктов на нужды войск, казачьей знати и чиновников; в-третьих, изъятие из ведения казахских родов отдельных площадей в целях промышленной разработки их недр; в-четвертых,

закрепление земельных участков за отдельными представителями местной знати и кочевых коллективов с целью их приобщения к системе колониальной политики.

Торговая политика

Сбыт залежалых товаров и приобретение скотоводческого сырья были для России экономической необходимостью. Помимо этого, торговые связи считались лучшим средством экономического и политического закабаления более слабых областей. Неудивительно поэтому, что политика в области торговли в Казахстане оказалась более разработанной и совершенной, чем другие вопросы экономической политики.

Одним из основных условий принятия Младшего жуза в подданство России было поставлено развитие торговых связей. В жалованной грамоте Абулхаир-хану от 19 февраля 1731 г. содержалось следующее наставление: «...Тако же купцам российским подданным, ездящим из Астрахани, из других мест с караванам и особо к вам и через ваши жилища и кочевья в другие места, никакого препятствия и обид не делать, но наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах им вспоможение чинить».¹ Особой инструкцией, данной первому начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову, предлагалось на месте «найвящее побуждение коммерции учинить» и разработать соответствующее этим целям тарифное и таможенное положение.²

В 1738 г. начальнику Оренбургской комиссии Татищеву предложили учредить «малый торг» для закупки у казахов верблюжьей шерсти для нужд фабрик.³ В дальнейшем правительство предоставило ряд привилегий купцам, казакам, а также казахам, которыми предполагалось дать толчок к развитию торговли в степи.

Особое место в торговой политике занимали вопросы организации торговых пунктов вначале вдоль всей русско-казахской границы и создание благоприятных тарифных, таможенных и иных условий торговцам и кочевникам, прибывающим со своими товарами.

Относительно быстрому развитию торговли между Россией и Казахстаном во многом способствовала покровительственная таможенная политика правительства. При официальном открытии меновой торговли в 1736 г. таможенная пошлина со скота и товаров, пригоняемых и привозимых на линию казахами и иноземными тор-

¹ ПСЗ, изд. I, т. VIII, стр. 387.

² Там же, т. IX, стр. 327.

³ Там же, т. X, стр. 408.

говцами, была установлена в размере двух процентов их стоимости. Спустя три года она увеличилась до трех процентов, а позже до пяти процентов.¹ Даже при этом она была весьма низка по сравнению с таможенными тарифами, установленными на других границах. В начале второй половины того же столетия пошлина с казахских товаров была отменена вообще. Привилегиями пользовались и русские купцы и промышленники.² Указом от 15 февраля 1738 г. на казаков по оренбургской и сибирской линиям распространены так называемые «казацкие привилегии», которыми предусмотрена беспошлинная торговля по месту жительства.³ Нами уже указывалось, что вывоз зерна составлял насущную необходимость для России, обусловленную особенностями ее экономического развития.

В целях поощрения торговли решением правительства от 15 октября 1852 г. отменяется таможенный сбор с зерна и муки за вывоз их в казахскую степь через сибирскую и оренбургскую линии.⁴

Правительство заботилось не только о торговле в пограничной зоне, но и внутри степи. С этой целью с начала XIX в. установилась беспошлинная внутри степи торговля для русских купцов. Следует заметить, что развитие внутренней торговли, в отличие от пограничной, задерживалось и было далеко неустойчивым. Неустроенность степи, народные волнения против колониальной политики, распри между родами, феодальные движения, столь характерные для конца XVIII и первой половины XIX вв., серьезно мешали развитию внутренней торговли с участием русских товаров. Торговые караваны часто подвергались ограблению. В этих условиях беспошлинная торговля в степи становилась некоторым стимулом для торговцев. Купцам отводилось благоустроенное жилье, их безопасность охранялась во время следования с товарами. Командиры крепостей, форпостов и отрядов имели строгое предписание оказывать в необходимых случаях и военную помощь купцам. В г. Оренбурге и других пунктах возникли смешанные комиссии с представительством от казахов и русских купцов для рассмотрения возможных торговых претензий и споров между ними.

В период упадка торговли с казахами правительственные органы предпринимали энергичные меры по ее восстановлению. В степь посылались карательные отряды для наказания родов, препятствовавших другим родам пригонять скот на линию. Оренбургский военный губернатор

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб 1832, стр. 228-229.

² *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. ч. I. Спб. 1762, стр. 321.

³ ПСЗ, изд. 1, т. X, стр. 415.

⁴ Там же, т. XXVII, отд. № 1, стр. 321.

в 1805 г. специальным письмом обратился к султанам, биям, старшинам и всему народу с требованием положить конец барымте и внутренним беспорядкам, являвшимся основной причиной упадка торговли на линии. Он приглашал их прибыть в г. Оренбург со скотом, обещал полную безопасность ведения торговли.¹ Председатель Пограничной комиссии в июле 1833 г. писал батыру Асау Баракову – одному из влиятельных лиц Младшего жуза: «Уведомляю Вас, что меновой двор давно уже открыт. Товары дешевы и запасено их много. Начальство будет оказывать приезжающим для мены всякое уважение и снисхождение. Никто не будет захвачен и никому не будет никакой обиды. Надеюсь, что Вы приедете с приверженными Вам киргизами для полезного Вам торгога».²

Постепенно происходило известное сращение купцов с колониальным аппаратом. Оно явилось следствием не только того, что многие ответственные государственные служащие сами вели выгодную торговлю. Коренные экономические интересы государства совпадали с интересами купцов и поддерживались ими. Купцы являлись как бы экономическими агентами государства, проникавшими в глубь казахской степи. Если власть закабаляла народ политически, то торговцы закабаляли его экономически. По просьбе купцов пограничные начальники заводили новые торговые пункты, приглашали кочевые аулы на торг и т. п. Комендант крепости Троицка в одном из донесений писал: «По убедительной ко мне просьбе торгующего в Троицком меновом дворе купечества письмом моим... приглашал я киргизов Япасского рода приблизиться кочевьем своим к линии для торгога и мены в Троицком меновом дворе, заверяя при том, что ни от кого и никаких обид им быть не может».³

Строительство лавок и учреждение торговых пунктов на казахской земле вошло в ряд основных законных обязанностей властей. Именным указом императора в 1806 г. предлагалось открыть несколько меновых пунктов на территории Внутренней орды.⁴ Положение о сибирских казахах от 1838 г. содержало требование организовать от казны при каждом приказе в степи лавки и базары (§ 35).

При прямом содействии властей к середине XIX в. возникли как на линии, так и в степи значительные торговые центры, где господствующее положение занимали русские купцы. Среди этих пунктов крупными торговыми оборотами выделялись города Оренбург, Троицк, Петропавловск и Семипалатинск. Быстро росло торговое значение вновь организованных в бассейне Сыр-Дарьи фортов Казалы и

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 206, л. 116–117.

² Там же, д. 1550, л. 3.

³ Там же, л. 9–10.

⁴ ПСЗ, изд. 1, т. XXIX, стр. 289.

Перовска.

Об этом свидетельствуют следующие данные¹ (табл. 25).

Таблица 25

Годы	Количество торговых лавок	
	в форте Казалы	в форте Перовском
1855	—	25
1856	26	35
1857	35	47
1863	175	142

Эта таблица весьма показательна для характеристики продвижения и развития колониальной торговли в глубине казахских степей.

Задача превращения Казахстана в крупного поставщика скота и скотоводческого сырья для метрополии, несмотря на отдельные неудачные и неблагоприятные периоды, в целом успешно претворялась в жизнь. Это особенно наглядно выступает в развитии торгового оборота в Оренбурге.

В 1738 г. в Оренбурге был построен обширный меновой двор. К середине того же столетия в нем было 344 лавки и 148 амбаров для хранения товаров. По свидетельству П. Рычкова, Оренбургский меновой двор по обороту, величине и оформлению мог соперничать со знаменитыми Новгородскими рядами.²

Рост сбыта скота казахами в г. Оренбурге можно проследить из следующих данных таможни (табл. 26).³

Приведенные сведения, которые, по показанию самих работников таможни, не всегда отражали весь объем торгового оборота в городе, убедительно говорят о растущем значении Казахстана как крупного поставщика скота для нужд внутренней России.

¹ Туркестанский сборник, т. 5, стр. 275; Мейер Л. Киргизская ст. Оренбургского ведомства. Спб., 1865, стр. 174–175.

² Рычков П.И. Топография Оренбургская, ч. II. Спб., 1762, стр. 19.

³ См. Левшин А. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., стр. 221–224.

Количество проданного казахами скота

Годы	лошадей	КРС	баранов	козлов	всего голов скота
1745	552	2	3053	52	3659
1755	1762	15	13147	334	15258
1765	1626	199	55134	4540	61499
1775	1218	164	172495	3733	177610
1785	2013	362	202151	6452	210978
1795	1100	431	241749	8510	251790
1805	776	401	105240	4452	110869
1815	21	707	40013	761	41502
1820	68	1074	160296	3268	164706

Пограничная комиссия в 1839 г. отмечала, что зауральские казахи сбывают ежегодно на оренбургской линии до 600 000 голов баранов, примерно на 5 млн руб.¹ В 1855 г. по отчету той же комиссии на рынки поступило 465 128 баранов, 1872 головы крупного рогатого скота, 5906 лошадей, не считая других видов скотоводческого сырья.²

Аналогичное положение было характерно и для Среднего жуза. Достаточно сказать, что к середине XIX в. ежегодно через сибирскую линию перегонялось около 400 000 одних только баранов.³

Наряду со скотом из Казахстана вывозились крупные партии скотоводческого сырья и мехов. Продано казахами только на оренбургской линии:⁴

Годы	Мерлушек, шт.	Кож сырых, шт.	Шерсти, пуд.
1853	577 268	141 149	12 074
1858	732 495	263 986	29 691

Обменная торговля с казахами была исключительно выгодной для купцов, несмотря на некоторое увеличение таможенных пошлин, а также других податей, которыми они облагались в первой половине XIX в. Быстро росли их оборотные капиталы. Издержки

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 32.

² Там же, д. 5144, л. 10.

³ *Идаров*. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Журнал Министерства внутренних дел, 1854, август, стр. 25.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5207, л. 6.

с лихвой покрывались незначительной частью торговых прибылей. Выгодность торговли с казахами тянула сюда с каждым годом новые отряды купцов. Казачья верхушка, командиры расквартированных в Казахстане воинских частей и чиновники не устояли перед соблазном получать посредством торговли крупные прибыли. Особенно массовое участие в торговле этой категории людей представлялось правительству опасным явлением, способным усилить и без того немалые злоупотребления. «Строго воспрещается чиновникам и команде, находящимся в округе на службе, производить с киргизами торговлю ни лично, ни через других, – говорилось в одном из писем омского областного начальника. – Для чиновников, получающих достаточное жалование, торговля таковая и не прилична и законопротивна».¹

Торговля в Казахстане была выгодна для России и по своей структуре. Вывоз товаров из России к линии постоянно возрастал. В таком же темпе развивался и ввоз казахских товаров.

По данным таможенного департамента по оренбургской и сибирской линиям, рост товарооборота за 1856 – 1866 гг. составил:²

Годы	Вывоз, руб.	Ввоз, руб.
1856	2 935 289	5 098 964
1866	10 847 335	9 479 162

Несмотря на приобретение метрополией крупных партий скота и скотоводческой продукции вывоз товаров из России на линию растет быстрее, чем ввоз. Это говорит об усиленном овладении казахстанским рынком и наличии выгодного и сбалансированного обмена товарами.

В торговой политике правительства видное место занимало использование территории Казахстана для выхода к среднеазиатским рынкам. При заложении г. Оренбурга один из высокопоставленных чиновников писал о значении этого пункта, что он «весьма нужен не только для одного содержания киргизов, но и для отворения свободного с товарами пути в Бухару, в Водокшан, в Балх и в Индию».³

Вплоть до середины XIX в. караванная торговля со среднеазиатскими ханствами не смогла получить серьезного развития. Каждый раз, когда приходилось отправлять подобные поезда, требовалось сопровождать их значительными военными силами, чтобы обеспечить им безопасность в пути. Нередко и конвоируемые торговые караваны

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 336, л. 8–9.

² Туркестанский сборник, т. 8, стр. 7. Фонд библиотеки имени Алишера Навои, г. Ташкент.

³ ПСЗ, изд. 1, т. IX, стр. 312.

подвергались нападению. Но несмотря на это, через степь прокладывались караванные пути, возникали постоянные дворы для купцов, следовавших в Среднюю Азию. Товары из Оренбурга и Троицка в земли каракалпаков, Хивинского ханства и Бухары перевозили через владения Младшего жуза по Сыр-Дарье. Купцы с сибирской линии шли через Петропавловск в Ташкент, Коканд, Бухару и китайский город Кульджу; из Семипалатинска – в Чугучак, Кашгарию, Кульджу и в Кокандское ханство. Состояние торговли со среднеазиатскими ханствами (в тыс. рублей ассигн.) в сравнительном плане характеризуется следующими данными (табл. 27).¹

Таблица 27

Годы	Русско-казахская торговля		Торговля России со среднеазиатскими ханствами	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
1833	4625	4665	2667	3377
1834	4673	4617	2330	3059
1836	4307	4569	2388	5793
1837	3724	4508	2829	4517
1838	3440	3748	2062	4155
1839	33119	3590	2806	4811
1840	3525	3832	4073	5950

В начале 30-х годов почти две трети всех товаров, вывезенных Россией в Среднюю Азию, поглощались казахстанским рынком. В дальнейшем вывоз товаров в среднеазиатские ханства растет сравнительно быстро, обгоняя вывоз товаров в Казахстан. Из таблицы видно, что торговля со среднеазиатскими ханствами еще не вполне налажена, имеется существенный дефицит (разрыв) во внешнеторговом балансе. Это объясняется не столько недостаточностью торговой возможности России, сколько неналаженностью экспортной торговли.

Среднеазиатские рынки поставляли России в основном хлопок. На оренбургской и сибирской линиях среднеазиатские купцы закупали русские товары, которые затем перепродавали на обратном пути казахам и частью завозили на рынки своих земель. Таким образом, связь со среднеазиатскими рынками в значительной степени осуществлялась и на русской границе.

¹ См. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л., 1949, стр. 193.

В 1835 г. таможенными Оренбурга и Троицка было зарегистрировано прибытие из Средней Азии товаров на 5372 вьючных верблюдах. В 1839 и 1841 гг. они составили соответственно 6568 и 8576 верблюдов.¹ Весьма показательно, что в 1855 г. на оренбургскую линию из Средней Азии прибыло уже 20 580 верблюдов и 939 подвод с товарами. В этом же году с линии отправились с товарами в Среднюю Азию 5983 верблюда и 4881 подвода.² Идея использования казахской земли для выхода с товарами к рынкам Средней Азии стала осуществляться.

Правительство небезразлично относилось к среднеазиатским торговцам, наводнявшим казахскую степь своими товарами. Надо сказать, что внутренняя торговля в Казахстане вплоть до середины, XIX в. в основном находилась в их руках. Теперь при непосредственном содействии колониальных властей они стали вытесняться русскими купцами.

Торговое соперничество между Россией и среднеазиатскими ханствами в Казахстане не было острым и не развивалось до серьезного конфликта. Объем казахстанских рынков был настолько обширен, что смог поглотить товары обоих конкурентов. Царское правительство даже не прибегало к таможенным запретам и ограничительным барьерам в отношении товаров среднеазиатских государств. Однако правительство и при этих условиях не могло не осуществлять политику вытеснения чужих товаров из казахстанских рынков, поскольку этого требовали растущие экономические связи России и Казахстана. Политика эта в основном проводилась экономическими методами и весьма успешно.

Торговля в Казахстане имела колониальный характер. Сюда вывозились преимущественно низкосортные, залежалые промышленные товары, не находившие достаточного сбыта на внутренних рынках России. Колониальный характер торговой политики заключался и в том, что эти товары продавались местному населению по высоким ценам, часто на кабальных условиях. Благодаря официальной торговой политике купцы быстро богатели, получая крупные прибыли от торговли с казахами.

Правительственные органы не только не предпринимали мер по ограждению интересов населения от обмана, мошенничества, надувательства со стороны колониальных торговцев, но и сами участвовали в них. Чиновник, не державший приказчиков, агентов, ведущих торговлю на его капитал, был редкостью.

Колониальный характер пограничной торговли проявлялся также в искусственном замораживании цен на скот и скотоводческое сырье,

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1550. л. 109.

² Там же, д. 5144, л. 31.

при общем повышении цен на товары, реализуемые русскими и другими купцами.

Торговая политика в Казахстане стала органической частью экономической политики царского правительства в колониальных окраинах. Некоторые особенности ее порождались условиями, с которыми царизм встретился в этом крае. Казахстан оказался областью, богатой скотом, в то же время почти не имеющей своей промышленности и хлеба. Следовательно, он обещал стать крупным рынком для русского хлеба и промышленной продукции, в том числе в значительной степени – мануфактурных изделий, в сбыте которых на внешних рынках ощущалась острая необходимость. К тому же население края оказалось мало просвещенным в торговых делах, что создавало благоприятную почву для ведения неэквивалентных торговых операций.

В процессе осуществления торговой политики в Казахстане, в конечном счете направленной на использование его материальных ресурсов, правительству пришлось преодолевать соперничество среднеазиатских ханств на казахстанских рынках. Но по мере политического подчинения Казахстана росло и монопольное положение русского государства в торговле.

Финансовая политика

Выгода, получаемая от торговли в Казахстане, косвенно перекрывала все издержки, затрачиваемые на колонизацию. Это обстоятельство оказало определенное влияние на финансовую политику правительства, под которой принято подразумевать систему податей и сборов и других источников прямого дохода.

При переходе казахов в подданство России предполагалось, что они будут нести какие-то повинности по отношению к русскому государству. Абулхайр-хан в своих первых письмах правительству писал, что «ясак по 4000 лисиц прислать обещаюсь». Подобные заверения были даны также ханами Семеке и Мухаммедом Каиповым. Впоследствии эти обещания в силу ряда обстоятельств не были выполнены.

Принятие подданства казахами не вело сразу к их полному политическому и экономическому подчинению. Потребовалось более столетия после присяги хана Младшего жуза о принятии им подданства России, чтобы добиться осуществления подданства на практике. В этих условиях было невозможно облагать население прямыми налогами, тем более рискованно проводить обременительную для народа финансовую политику, основанную на силе, поскольку она могла только отпугнуть его и повредить делу колониального покорения края.

Царское правительство не могло не учитывать того важного обстоятельства, что для казахского общества при ханах не были характерны узаконенные, государственные сборы, обеспечиваемые принудительной силой власти. Они облекались в форму исполнения дедовских обычаев, «добровольных» приношений. Все это объясняло большую осторожность, которую проявляло правительство при обложении казахов различными поборами.

Государственная подать начала вводиться только в 30-х годах прошлого столетия. Она именовалась «кибиточным сбором» – в Младшем жузе, «ясаком» – в Среднем жузе, зекетом и согумом – во Внутренней орде. Кроме этих сборов общего характера существовал ряд местных и специальных повинностей для населения.

Кибиточный сбор в Младшем жузе был введен, начиная с 1837 г., вначале для прилинейных аулов. Затем он постепенно, по мере охвата орды политическим влиянием, распространялся на всю ее территорию. С каждой кибитки взималось по 1 руб. 50 коп. серебром.¹ Поступления от сборов постоянно росли, за 20 лет увеличившись более чем в пятнадцать раз.²

Годы	Сборы	Годы	Сборы
1840	14 954 р. сер	1847	93 570 *
1841	57 690 *	1848	97 137 *
1842	72 500 *	1849	117 293 *
1843	90 825 *	1850	113 002 *
1844	87873 *	1851	121 622 *
1845	88 214 *	1852	125 459 *
1846	100 205 *	1853	125 792 *

Получение ясака в Средней орде происходило на другой основе. По «Уставу» 1822 г. ясак собирался со скота: от ста голов – одна голова, за исключением верблюдов, изъятых из обложения. Ясак вводился там, где были организованы округа, и по истечении пятилетнего льготного времени, в течение которого должно было завершиться новое административное устройство населения.³ Ясак стал взиматься с 1832 г. вначале с населения Каркаралинского и Кокчетавского округов,⁴ для которых были установлены в течение первых шести лет после их организации льготные условия, «дабы дать киргизам сим еще некоторое время приобвыкнуть к вводимому податному

¹ Там же, д. 366, л. 31.

² Там же, д. 3277, л. 162-163

³ ПСЗ, изд. 1, т. XXXVIII, стр. 424. В округах ясак введен по истечении восьми лет после их организации вместо пятилетнего льготного срока по «Уставу».

⁴ ПСЗ, изд. 2, т. VII, стр. 917.

порядку».¹ Они состояли в том, что со 150 голов крупного рогатого скота, а также с такого же количества мелкого скота и с каждых 200 лошадей взималось в ясак по одной голове скота, тогда как «Устав» предусматривал брать в подать одну сотую часть поголовья.² В Акмолинском, Баян-Аульском, Уч-Булавском и Аман-Карагайском округах обложение ясаком производилось с 1841 г. с распространением на население этих округов на первое трехлетие льготных условий исчисления налога.³ Так постепенно охватывались податной политикой Средний и частью Старший жузы.

Ясак мог вноситься скотом или деньгами. В этих целях в официальном порядке были установлены эквиваленты: взрослая и годная для кавалерии лошадь оценена в 10 руб. серебром, одна голова крупного рогатого скота – 5 руб. 72 коп. серебром, мелкого скота – 57 коп. серебром. В 1838 г. сбор от ясака в денежном выражении составил 23277 руб. серебром, а через 10 лет возрос до 110000 руб. серебром.⁴

Для правительства было весьма выгодно получать налог натурой. От сбыта податного скота промышленникам пограничные власти имели дополнительные прибыли. Сравнительно низкая оценочная стоимость скота, а главным образом, злоупотребления различных должностных лиц при сборе скота в счет подати ставили казахов в невыгодное положение. Поэтому уже к середине XIX в. появляется тенденция расплачиваться деньгами, хотя это и не могло существенно облегчить участь народных масс. Как реакция на эту тенденцию, решением Государственного комитета от 29 октября 1851 г., под видом покрытия расходов по управлению, цены на скот, взимавшийся в ясак, были повышены.⁵

Укрепление позиций царизма в Казахстане привело к еще большему повышению налогов. Согласно положению об управлении Семипалатинской областью от 19 мая 1854 г., ясак вносился по одной голове с каждых 60 голов скота, за исключением верблюдов.⁶ Сопоставляя порядок обложения населения податью в Младшем и Среднем жузах, следует сказать, что в последнем ясак был построен на более «разумной» основе. Он собирался соразмерно богатству налогоплательщика, тогда как при

¹ Там же, т. X, отд. 2, стр. 1051.

² Там же, т. XXII, отд. 1, стр. 811.

³ Там же, т. XVI, отд. 2, стр. 147-148.

⁴ Из донесения губернатора Западной Сибири Анненкова от 1851 г. (Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, составленный А. Серберниковым, т. III. Ташкент, 1915, стр. 169).

⁵ Лошадь оценена в 13 руб. серебром, крупный рогатый скот – 8 руб. серебром, баран – 1 руб. серебром (ПСЗ, изд. 2, т. XXVI, отд. 2, стр. 68).

⁶ ПСЗ, изд. 2, т. XXIX, отд. 1, стр. 503.

кибиточном сборе принималось во внимание отвлеченное, не характеризующее материальное положение понятие – жилье, двор. Подворное исчисление устраивало обеспеченную и богатую часть населения.

Чиновник Любимов в письме, представленном в Министерство иностранных дел в 1846 г., обратил внимание на необходимость приведения кибиточного сбора «в большую уравнительность». Он писал, что «теперь беднейший из киргизов платит наравне с самым богатым, т. е. по 1 руб. 50 коп. серебром в год с кибитки, налог этот для первого в высшей степени тягостен, для второго не чувствителен, бедные киргизы иногда находятся в необходимости продавать последнее свое имущество (таганы, котлы и т. п.), чтобы заплатить требуемую с них подать».¹

Председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский, у которого было запрошено мнение относительно письма Любимова, согласился с ним и отметил, что кибиточный сбор в существующей основе «есть сущая несправедливость».²

Получение ясака в Среднем жузе вызывало некоторые трудности. Переучет скота, данные которого служили основанием для обложения населения, производился через каждое трехлетие. Но каждую зиму бескормица и джут обрушивались на голову то одних, то других родов. Властям постоянно поступали жалобы на гибель скота с просьбами об уменьшении размера налога, о производстве нового досрочного переучета. Богачи зачастую скрывали часть своего скота, ревностно учитывая скот крестьян.

Правительственные органы были обеспокоены не столько жульничеством богачей, сколько тем, что численность скота резко сокращалась, следовательно, несмотря на рост числа налогоплательщиков, соответственно уменьшался и доход. Поэтому начиная с конца 60-х годов XIX в. и в Среднем жузе вводится подворное обложение (по 3 руб. серебром с каждой юрты).

Во Внутренней орде после смерти последнего хана – Джангера все его официальные доходы перешли к казне. Зекет взимался со скота, а согум, предназначенный раньше для личных нужд хана, собирался по участкам.³ Поступление от них составило:⁴

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2833, л. 5-6.

² Там же, л. 57.

³ Участок состоял из 15 кибиток (5 состоятельных и 10 малообеспеченных хозяйств), и им вносилось в счет согума одна голова крупного рогатого скота или шесть баранов (ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 8421, л. 34).

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5042, л. 23.

Годы	Зекет	Согул
1846	50402 р. сер.	319 быков
1847	51122 *	390 *
1848	51422 *	383 *
1849	45726 *	429 *

Таким образом, только от общих обложений населения к середине прошлого столетия правительство ежегодно имело около 300 000 руб. серебром. Существовал ряд других разовых и специальных сборов, служивших серьезным дополнением к общеобязательным сборам.

Одной из таких доходных статей казны являлся так называемый «билетный» (или «плакатный») сбор. Лица, находящиеся на заработках у прилинейных жителей, рыбопромышленников, на горнорудных и других предприятиях, должны были вносить по 50 коп. ассигнациями (или 15 коп. серебром) за каждый месяц работы. В рассматриваемый период казахские трудящиеся массами уходили на временные заработки, что дало возможность властям укрепить финансы.

В архиве Оренбургской пограничной комиссии сохранилась «записка, составленная из дел счетного отделения и архива о деньгах, собранных за билеты с 1817 г., поступивших на приход по книгам 1850 г.»¹ Ниже приводятся ее данные.

Годы	Сборы	Годы	Сборы	Годы	Сборы
1817	10 286 р.	1827	26 513 р. сер.	1838	13 532 р. сер.
1818	11 309 *	1828	22 528 *	1839	15 948 *
1819	13 029 *	1829	29 149 *	1840	17 800 *
1820	11 924 *	1830	27 238 *	1841	15 675 *
1821	17 979 *	1831	26 020 *	1842	15 117 *
1822	17 457 *	1832	32 426 *	1843	13 982 *
1823	19 312 *	1833	35 811 *	1844	15 830 *
1824	29 270 *	1834	29 241 *	1845	15 095 *
1825	22 892 *	1835	45 116 *	1846	12 611 *
1826	24 481 *	1836	48 104 *	1847	13 966 *
1837	45 951 *	1848	14 261 *	1849	13 251 *

В Средней орде ежегодно выдавалось до 10 тыс. увольнительных билетов. В силу ряда обстоятельств плата за них не взискивалась.²

Во Внутренней орде сбора поступило в 1846 г. 111 руб. серебром, в 1847, 1848, 1849 гг. соответственно 108, 294, 238 руб. серебром.

¹ Там же, д. 2511, л. 205.

² ЦГИА КазССР, ф. 345, оп 1, д. 205, л. 20.

Характерным для этого вида сбора является его постоянный рост из года в год. Он показателен для тех существенных изменений, которые происходили в экономической жизни казахов. Упадок и разложение кочевого скотоводства с его аульной общиной, значительная деградация, наблюдавшаяся в рядах слабообеспеченного крестьянства, – все это, несомненно, получило отражение в росте работников, находящихся на заработках вне кочевых коллективов.

Поставка верблюдов на нужды войск была узаконена в середине XIX в. До этого сбор верблюдов производился в разовом порядке, большей частью с применением силы, и более походил на насильственный захват имущества.

Во время хивинского похода в конце 30-х годов силой оружия было собрано в Младшем жузе около 10 тыс. верблюдов. Почти все они погибли во время похода, и хозяева компенсации за них не получили. В 1840 г. сбор верблюдов повторился. Многие роды, отказавшиеся их поставить, очень дорого заплатились, вызвав расправу отряда полковника Бизякова.¹

«Верблюжья повинность», превращенная в ежегодные обязательные поставки, в начале второй половины XIX в. имела следующую характеристику:²

Годы	Количество верблюдов	Годы	Количество верблюдов
1853	8285	1858	1264
1854	6194	1859	2264
1855	6631	1860	1967
1856	9854	1861	1813
1857	3982	1862	187

Отдавать казне верблюда, исключительно ценного в степи, за низкую плату являлось тяжелой обязанностью. В этом вопросе «добровольность» не существовала. Сплошь и рядом органы власти прибегали к насилию, чтобы обеспечить поставки. За время хивинского похода 1873 г. командованию требовалось 2500 верблюдов. Посредством запугивания удалось собрать у адайцев всего 900 голов. Выход из создавшегося положения был найден: внезапным нападением на аулы была отбита у них и остальная, недостающая, часть.³

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 366, л. 32.

² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 269.

³ Арский Л. Степь и оазис. Русский вестник, 1879, № 8, стр. 131.

За зимнюю пастьбу скота на землях отрядов, а также за занятие угодий, признанных принадлежащими внутренним владениям государства, казахские аулы платили определенное вознаграждение.

Царским указом в 1879 г. было установлено, что казахи, занимающие своими кочевьями правый берег р. Иртыша между Омской и Семипалатинской крепостями, вносят «ремонтную пошлину» в размере одного процента скота, преимущественно в натуре – лошадьми. (На указанном участке кочевало до 15 тысяч кибиток).

7 августа 1800 г. правительство постановило: «С киргиз-кайсаков, приходящих в границу нашу для кочевания зимою, собрать со 200 лошадей по одной годной для ремонта драгунских полков и с прочего скота на том же основании в пользу госпиталей полков, по линии расположенных».

Кроме ремонтной пошлыны взыскивалась также и «прогонная пошлына». На сибирской линии от подобного рода пошлыны в 1800 г. было собрано 3960 р.¹

Нами уже указывалось, что в связи с захватом лучших прилинейных угодий казахов значительное число последних вынуждены были пользоваться «внутренними» землями, в особенности для зимней пастьбы скота. Только на землях Оренбургского военного округа в 1858 г. зимой паслось более 500 тыс. одних только лошадей казахских аулов. При пропуске скота на внутреннюю сторону чиновники произвольно брали плату скотом. Лишь незначительная часть сборов, оставшаяся от удовлетворения личных потребностей казахских атаманов, поступила в доход государства. Мы не располагаем данными об объеме этих поступлений в целом,² но несомненно, что они были значительными.

Среди специальных повинностей следует указать на подводную, дорожную и почтовую.

С организацией округов, волостей и административных аулов специальными положениями была установлена обязанность населения перевозить от одного аула к другому посыльных между приказами, волостными учреждениями, между волостными центрами и аулами. На таких же основаниях доставлялись средства передвижения различным чиновникам, находящимся в командировках. Разъезды по степи становились весьма частым явлением, и это чувствительно отражалось на положении в особенности слабо обеспеченных коллективов.

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. II. Спб., 1868, стр. 226.

² В одном из документов сказано, что за тебенежку казахского скота на территории 12-го Оренбургского казачьего полка взыскано 460 руб. серебром (ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 2848, л. 22).

По сообщению М. Красовского, для приезжающего по делам службы чиновника аулом, где он останавливался, ставилась отдельная юрта и поставлялось питание. Обычно расходы первого дня при этом нес хозяин дома, принимавший чиновника. В дальнейшем они раскладывались на весь аул.

Об объеме подводной повинности говорят следующие факты: только на нужды Каркаралинского окружного приказа каждая волость два раза в течение года сроком на один месяц выставляла 24 лошади с 12 людьми с полным снаряжением для верховой и вьючной езды. Для некоторых волостей подводная повинность заменялась денежной.

По сообщению М. Терентьева, в начале второй половины XIX в. сыр-дарьинские казахи обязывались: а) доставлять верблюдов в казну, б) заготавливать саксаул для флотилии за установленную плату, в) выделять вожаков и сопровождать торговые и другие караваны, г) содержать в исправном состоянии дороги и мосты. Кибиточная подать в этом районе была введена в 70-х годах.¹ Налоговая политика царского правительства в Казахстане имела колониально-классовый характер. Основная ее тяжесть падала на плечи трудящихся масс казахов. Крупная феодальная знать, перешедшая на службу царизму, большей частью освобождалась от несения сборов и повинностей. По тем или иным мотивам власти находили способ переложить налоговое бремя на рядовых кочевников.

От уплаты ясака в Средней орде были освобождены старшие султаны, волостные управители, заседатели, а также потомки ханов Валия и Букея.² Этим кругом лиц в основном охватывались значительные слои местных богачей. В Младшем жузе повинности фактически не распространялись на султанов-правителей, влиятельных биев и старшин, а во Внутренней орде – сверх того на бывших ханских советников, тарханов и детей хана Джангера.

Государственные денежные повинности в известной степени способствовали развитию товарно-денежных отношений в казахском обществе. Для того чтобы вносить, надо было иметь деньги, а деньги в основном поступали через рынок. В отчете Баян-Аульского окружного приказа за 1844 г. сказано, что торговля в округе развита слабо, а те, кто гонит свой скот на линию, делают это для того, чтобы при-

¹ Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России. Спб., 1874, стр. 20.

² Не платили ясак: потомки ханов Букея и Валия за 100 лошадей, 1500 голов крупного рогатого скота и 1500 баранов, старшие султаны – за 300 лошадей, 200 голов крупного рогатого скота и 200 баранов, заседатели – за 200 лошадей, 100 голов крупного рогатого скота и 100 баранов, управляющие волостями – за 100 голов каждого вида скота. По закону, часть скота, составляющая разницу над указанными цифрами, налогом облагалась (ПСЗ, изд. 2, т. VI, стр. 390-392).

обрести муку и деньги для внесения ясака.¹ Часто налогоплательщики занимали деньги у купцов и других лиц с условием уплаты скотом или под проценты. Такое положение было характерным для всего казахского общества.

Денежные сборы в период, когда многие еще не имели денег или имели их недостаточно, зачастую ставили рядовых кочевников в кабальные условия от владельцев капитала и феодальной знати, оказавшей «помощь».

«...Понадобятся киргизу, например, деньги под уплату ясака или для других надобностей, – пишет М. Красовский, – он справится сначала, есть таковые у волостного торговца, а потом уже едет занимать у базарных купцов и т. д.»²

Источники сообщают, что тот, кто был ответствен за сбор подати на местах (волостные управители, старшины), поскольку надо было ее внести своевременно, нередко недостающую часть денег брал на определенных условиях у русских, татарских купцов. Последующие сборы с населения преимущественно натурой давали ему возможность покрывать все расходы, проценты и получить значительные прибыли. Разумеется, сборщик не обходился при этом без злоупотреблений. Весьма правдоподобен и характерен рассказ бедняка-джатака Тулебая, записанный Гейнсом в начале 60-х годов прошлого столетия. Он говорил, что в счет «ясака платит две мерлушки в год (каждая стоимостью 10-25 коп. серебром). Аульный старшина за ясаком не приезжает, а сам уплачивает подати за весь аул, для чего берет деньги на проценты у торгашей-татар. Сколько берет он денег и сколько в действительности нужно платить ясака – хозяева не знают. По уплате ясака аульный старшина раскладывает долг пропорционально состоянию на всех лиц, составляющих аул. За сим он дает татарину ярлыки, в которых означено, с кого и сколько нужно получить денег. По этим ярлыкам татарин при помощи аульного и собирает свои долги».³

Быть сборщиком являлось мечтой каждого чиновника. Эта должность давала возможность полностью «кормиться» за счет народа. Органы власти не только не предпринимали мер против злоупотребления своих местных агентов, но нередко сами участвовали в незаконных поборах. Председатель Пограничной комиссии В. Григорьев в письме Вельяминову-Зернову от 7 августа 1857 г. писал, что царскими чиновниками «кибиточная подать на Сыре, говорят, собиралась не то три, не то четыре раза в год».⁴

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3, л. 420.

² *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. II. Спб., 1868, стр. 298.

³ *Гейнс.* Киргизские очерки. – Военное обозрение, 1866, №7, стр. 113.

⁴ *Веселовский Н.И.* В.В. Григорьев, по его письмам и трудам. Спб. 1887, стр. 165.

Советник пограничного управления сибирскими казахами Коченов в рапорте от 28 декабря 1842 г. сообщал, что управляющий Айдабульской волостью бий Кылжырбай Турсунбаев при сборе ясака взыскал излишек с волости: баранов – 49, лошадей – 15, коров – 4, верблюдов – 1, кож – 10 и один ковер.¹

Злоупотребления местных чиновников были настолько явны, что председателем Пограничной комиссии Генсом было внесено предложение о лишении султанов-правителей права сбора кибиточной подати и передаче его местным биям и старшинам. Однако его предложение не было одобрено в высших инстанциях.²

Положением 1844 г. об управлении оренбургскими казахами установлено, что «кибиточный сбор производится киргизскими дистаночными начальниками и начальниками аулов и доставляется в комиссию установленным для сего порядком» (§ 84). Однако за султанами-правителями сохранялся контроль за действиями местных старшин. «Султанам-правителям вменяется в непременную обязанность строго соблюдать за правильным взиманием кибиточного сбора...», – говорится в положении (§ 85).

Колониальное угнетение в сочетании с местно-феодальными поборами еще больше усугубило бедственное положение основной массы трудящегося населения, вызвав среди некоторой его части сопротивление. Управляющий Бабы-Бабышевекой волостью Кокчетавского округа 12 мая 1840 г. сообщал в приказ о том, что казахи, кочующие в Омском и Тюкалинском округах, «делают всегда посланным за сбором с них ясака аульным старшинам сопротивление».³ Один из начальников прилинейных казахов в Младшем жузе в 1851 г. писал, что казахи «дюрткаринского рода скрывают кибитки разложением и зарытием в землю или оставлением в степи, чтобы избежать платы за кочевание».⁴

«Неисправные» должники подвергались преследованию со стороны колониальных властей. Не раз взбунтовавшимся аулам пришлось испытать набеги карательных отрядов. Постоянный страх перед властью был той силой, на которой основывалась податная система.

На юге казахов обирали среднеазиатские ханы и их ставленники. Причем угнетение здесь было более жестоким, грубая сила и произвол открыто управляли податными отношениями.

В период правления ташкентского владельца Юнус-Ходжи казахи, подпавшие под его власть, по А. Левшину, вносили по одному

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1298, л. 26.

² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865. стр. 58.

³ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4853, л. 2.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4459, л. 2.

барану от ста голов.¹ Казахи, кочевавшие в Джузакском округе, вблизи Чим-Кургана, платили: зекет – со 100 баранов одного и с 10 верблюдов одного барана; хараджу – налог с посева, доходивший до одной четвертой части всего урожая. Кроме того, на содержание хакима Чим-Кургана взималось по 20 коп. серебром с двора.² В 1852 г. русский чиновник Осмоловский собрал на месте интересные сведения об отношении ак-мечетских кокандцев к окрестному казахскому населению. По его словам, кокандцы с «помощью всех возможных насиллий» с каждой кибитки ежегодно взыскивали до 6 баранов, а с богатых брали вдвое больше. Сверх того, «по традиции», сборщиков податей (зекетши) и их помощников население «одаривало» множеством приношений. С поля они брали одну треть урожая. Каждая кибитка обязана была доставлять 24 мешка угля, 4 вьюка саксаула на быках и 1000 снопов камыша. Аулы, отдаленные от укреплений, вместо угля, саксаула и сена отдавали скот или хлеб по оценкам властей. Существовала серия других повинностей: а) работа на кокандцев – возделывание их полей, ремонт крепостных стен и др. (каждая семья должна была отработать неделю в течение месяца); б) участие в чистке конюшен, хлевов и прочих мест в крепостях 6 раз в год (на эту работу привлекалось все взрослое население близлежащих районов); в) каждый здоровый казах в случае войны или набега врагов должен был служить в рядах кокандской армии со своим конем и снаряжением. «Все это положило печать нищеты и рабства на кокандского киргиза», – заключает автор.³

Русский купец Кайдалов, побывавший в 20-х годах прошлого столетия в районе Ак-Мечети, в период господства там хивинских властей, рассказывает о встрече в урочище Сарша-Кум на р. Куван с казахами, с возмущением говорившими ему, что хивинские хакимы «ненавистны, ибо угнетали их сбором подати за пастбище скота».⁴

Неудивительно, что в особенности в бассейне Сыр-Дарьи и Приаралья до 60-х годов XIX в. не стихали постоянные конфликты и стычки между казахскими родами и среднеазиатскими порабитителями. Тяжелые поборы со стороны южных правителей, невыносимые для рядовых казахов, стесняли власть и местных родовых начальников, что имело немаловажное значение в организации сопротивления колонизаторам.

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 163.

² *Бекчурин Д.* Туркестанская область. Казань, 1872, стр. 33-34.

³ *Макшеев.* Описание пизовьев Сыр-Дарьи. Спб., 1856, стр. 60-61.

⁴ *Кайдалов Е.* Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 годах, ч. II. М., 1827, стр. 123.

Со взятием русскими войсками основной крепости кокандского ханства, Ак-Мечети, влияние России на юге Казахстана становится преобладающим.

Падение хивинского ханства в начале 70-х годов привело к окончательному уничтожению колониальной системы среднеазиатских ханств и к утверждению там более утонченной колониальной системы царизма, а следовательно и тех порядков, которые уже существовали в других частях Казахстана.

Выводы

Первая половина XIX в. представляет собой решающий этап колониального наступления царизма на Казахстан и через него в пределы среднеазиатских ханств.

Экономическое закабаление царизмом казахского народа осуществлялось в формах: а) отторжения лучших угодий, вначале в прилинейной полосе, у местного населения; б) развития неэквивалентной, неравной торговли, с обеспечением ряда преимуществ русским купцам; в) вывоза из степи, в порядке обмена на залежалые товары, громадного количества скота и скотоводческой продукции внутрь государства; г) установления системы налогов и сборов с населения; д) культивирования кочевого быта в одной части общества, содействия развитию некоторых элементов земледелия и оседлости – в другой.

Политическое закабаление общества осуществлялось: а) экономической экспансией, б) возведением военных укреплений в пограничной зоне, а затем в глубине степи; в) применением оружия и совершением частых военных набегов на непокорные или подозреваемые в непокорности аулы; г) организацией колониальных органов для сношения с ханами, а после ликвидации ханской власти – для непосредственного управления степью; д) подчинением местных политических и правовых институтов интересам колониальной политики; е) союзом с верхушкой казахского общества; ж) частичной ломкой старой системы управления и распространением на казахскую землю общих начал административного устройства империи и отчасти ее законов.

Сам по себе вопрос о колониальной политике является узким. Колониальная политика характеризуется природой намерений тех правителей, которые ее разрабатывают и проводят. Имеется другой, более обширный вопрос, лежащий за ее пределами, но связанный с нею. Это – объективные последствия осуществления колониальной политики. Они не охватываются намерениями колонизаторов, кото-

рые, как правило, препятствуют наступлению нежелательных для них результатов. Однако законы общественного развития неумолимы: то, что должно наступить рано или поздно, — наступит, несмотря на противодействие личностей. Иногда эти результаты обнаруживаются и оцениваются быстро, а иной раз им воздается должное по истечении длительного времени.

Колониальная политика, как политика, направленная на закабаление другого народа, — реакционна. Но не все объективные изменения, происшедшие под ее воздействием в период ее осуществления, являлись реакционными. Здесь мы сталкиваемся с двумя вопросами различного характера, но связанными между собой. В одном случае имеем дело с целями государства, а в другом — с объективными категориями общественного развития. Смещение этих вопросов может привести к серьезным ошибкам. Тем более опасно рассматривать эти вопросы вне истории, вне конкретных условий и времени. Так, земельная политика царизма, направленная на захват казахских земель, разумеется, не была положительным явлением. Но она объективно способствовала развитию элементов оседлости и земледелия, возникновению национально-освободительного движения, в ходе которого трудящиеся массы получали классовую закалку. Эти явления были уже прогрессивными.

Среди явлений, связанных с колониальным подчинением Казахстана, можно отметить отрицательные: захват земель аулов, ограничение развития оседлости среди местного кочевого населения, колониальное угнетение, устрашение и запугивание, на которых держалась колониальная система, и т. д.; и положительные: развитие элементов земледелия, оседлости, сенокосение, ослабление крайностей родовых пережитков и патриархальной идеологии, ликвидация ханства, феодальной междоусобицы, барымты, усиление экономических связей с Россией, общение с русским крестьянством, появление предприятий капиталистического типа и формирование рабочих слоев из среды местного населения и т. д. Между отрицательными и положительными явлениями существует неразрывная связь — одно способствует формированию и развитию другого, — выражающая наличие противоречивых начал в единстве.

Заключение

Государственность и ее система, власть и ее режим представляют собой сложное общественное явление. Идеология и политика, в соответствии с которыми организуются эти учреждения, составляют в свою очередь отражение экономических процессов, происходящих в недрах общества.

В характере власти и управления кроме состояния экономического развития общества отражается ряд других социальных и идеологических факторов, а именно: отношения между классами и их группировками, уровень зрелости общественных идей, взглядов и способность классов бороться за их осуществление, характер непосредственных задач, стоящих перед господствующими в обществе социальными силами, исторические особенности и традиции, связи и отношения между народами. Все эти факторы органически связаны между собой и сущность их в свою очередь определяется материальными условиями существования общества. Сложное переплетение явлений, воздействующих на политическую организацию общества, не всегда может быть понято и учтено классами, которые преобладают в сфере власти и проводят через нее свою волю. Это особенно характерно для феодального общества, в системе государственности которого господствует в большей степени стихийность и произвол. Сознательный учет всех этих особенностей и факторов или главных из них реально возможен лишь тогда, когда политический аппарат не будет использован и построен как орудие узкой касты, как орудие угнетения большинства населения. Однако независимо от того, насколько желают те или иные классы, занимающие руководящее положение в обществе, считаться и считаются теми или иными действующими факторами, последние как объективные явления сами пробивают себе дорогу и непременно так или иначе, в той или иной форме отражаются в политическом строе общества.

Нельзя забывать и того, что в системе государственности сознательный элемент имеет больший вес, чем, скажем, в области социальных и экономических явлений. Собственно говоря, власть организуется по образу мыслей господствующего класса. Но эта сознательная деятельность ограничена известными рамками, т. е. обусловлена и вытекает из требований экономических интересов. Система власти и управления, конкретные их органы, а также полномочия и деятельность их представляют собой реализованную политическую форму экономических, социальных, идеологических и историко-традиционных явлений. Следовательно, анализ политиче-

ского строя любого общества включает как раскрытие содержания и сил, предопределяющих его, так и конкретных форм и особенностей этого строя и влияющих на них факторов.

Говоря о связях экономических и политических отношений, господствовавших в Казахстане первой половины XIX в., нельзя не заметить, что: а) ханская власть как разновидность раннефеодальной монархии отражала низкий уровень развития производительных сил казахского общества, ее характерная слабость объяснялась преобладанием в обществе местной экономической инициативы и силы; б) конкретные формы власти и управления на местах отражали не только природу феодального экономического базиса и государственности, они во многом обуславливались формой производства, режимом хозяйственного быта, соотношением классов и классовой борьбы, а также влиянием, которое оказывалось на казахское общество извне.

Существенным является вопрос о системе, конкретном содержании господствующей политики и о формах ее осуществления. Казахстан в первой половине XIX в. становится ареной столкновения политических замыслов местной феодальной знати, правительственных кругов России и среднеазиатских ханств. Местная феодальная знать отстаивала свои экономические и политические привилегии. При этом она опиралась на старую систему власти с родовой номенклатурой. Россия стремилась превратить казахскую землю в обычное имперское владение с распространением на нее системы внутренних учреждений и, наконец, среднеазиатские ханства навязывали восточно-деспотическую систему власти и управления, под флагом которой осуществлялось подчинение южных областей Казахстана. Все три линии в общей политике имели свои зоны распространения и преобладания. Часто они приходили в столкновение и завязывали между собой открытую или скрытую борьбу. К середине XIX в. царизм явно стал брать верх над другими конкурентами. Окончательно вытеснив среднеазиатские ханства, подорвав влияние местной феодальной знати, он пошел на компромиссную сделку с ней, рассчитывая в дальнейшем подчинить ее своим интересам. Таковы характер и эволюция развития политики власти в Казахстане рассматриваемого периода.

Другой стороной вопроса, более существенной, являются объективные отношения и результаты, которые сложились или развивались в процессе и под влиянием осуществления захватнической политики. Эти два вопроса лежат в разной плоскости. Оценка объективных результатов того или иного режима должна быть строго конкретна и дана в историческом плане.

Если подходить с этой точки зрения ко всему тому, что произошло в политической жизни Казакстана первой половины XIX в., то можно установить следующее:

1. Осуществление колониальной политики и распространение влияния царского правительства в Казахстане ускорили падение феодальной ханской власти с султанско-бийской системой управления, ставшей к этому времени отжившей и устаревшей формой власти. Объективными результатами этого изменения было постепенное усиление связей между отдельными частями общества и ликвидация раздробленности с вытекающими отсюда последствиями.

2. С присоединением частей Казахстана к России в результате соприкосновения с обществом, стоявшим на более высокой ступени развития, среди кочевников усиливается процесс перехода к оседлости и занятию земледелием, изменяется, хотя и медленно, отсталый во многом патриархальный быт казахов. Среди ограниченной части, в первую очередь верхушки общества, распространяется образование.

3. В результате ликвидации политической и экономической обособленности казахского общества, несмотря на то, что царизм, безусловно, хотел удержать казахов в окружении кордонов, казачьей аристократии и чиновников, создаются реальные условия для сближения трудовых народов Казахстана и России.

Царское правительство, несмотря на все свои преступления, совершенные в Казахстане, было бессознательным орудием прогрессивных свершений. Как ни трагично зрелище разрушения устоявшегося общественного режима и порядков, с точки зрения исторической перспективы развития общества объективные результаты этого разрушения имели глубоко положительный смысл.

Марксизм твердым условием анализа и оценки общественно-политических явлений в истории ставит всестороннее их исследование, в том числе с точки зрения их отношения к поступательному развитию общества; с точки зрения их роли в развитии классового сознания народа, воспитания в нем решительности в борьбе за свои коренные, классовые интересы, а также с точки зрения места и роли их в приобщении трудящихся масс страны к международным демократическим и революционным тенденциям и движениям. Если рассмотреть присоединение Казахстана к России с точки зрения оценки всех изложенных выше объективных критериев, то оно было глубоко прогрессивным явлением. В этом нас убеждает исследование, изложенное в данной работе.

РОССИЯ И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО

1982 г.

*В монографии, изданной
в 1982 году, рассматривается социально-
экономическая и государственно-правовая структура
ханства, ее эволюция и тенденции развития, обусловленные
прогрессивным влиянием России, ее демократических институтов
и передовой культуры.*

*Букеевское ханство (1801 – 1845 гг.) – казахское государственное
объединение, находившееся в районе нижнего течения Волги и
Урала, – в силу ряда обстоятельств ощущало интенсивное
и разностороннее влияние России.*

- **ВВЕДЕНИЕ**
- ***I. БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО НА «ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЕ» РОССИИ***
  1. Россия и Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в.
  2. Образование Букеевского ханства
  3. Букеевское ханство: его место в политике русского государства и в истории Казахстана
- ***II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ БУКЕЕВСКОГО ХАНСТВА И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ РОССИИ***
  1. Экономические связи России и ханства
  2. Тенденция к оседанию кочевого аула
  3. Новое в земельных отношениях
  4. Ослабление патриархально-родовых учреждений и связей населения
  5. Расширение торгово-рыночных отношений
  6. Социальные отношения и их обострение
  7. Накал освободительного движения
- ***III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХАНСТВА***
  1. Букеевское ханство как зависимое феодальное государственное образование
  2. Ханская власть и царское правительство
  3. Основные направления в деятельности ханской власти
  4. Ханско-султанский дом
  5. Совет двенадцати биев
  6. Аппарат управления при хане
  7. Местное управление
- ***IV. ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА В БУКЕЕВСКОМ ХАНСТВЕ***
  1. Становление культурных связей России и ханства
  2. Мектебы
  3. Школа в Ханской ставке
  4. Казахские дети в учебных заведениях России
  5. Оружейная комната
  6. Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи
  7. Заключение

Введение

История развития взаимоотношений Казахстана и России, с одной стороны, – история присоединения края к Российской империи и превращения его в колонию, а с другой – история складывания и развития стабильных связей и межнационального общения. Важным звеном в цепи исторических событий, составляющих этот процесс, является история Букеевского ханства.

Букеевское ханство возникло в начале XIX в., когда связи Казахстана и России стали более тесными. Многие особенности этого периода, а именно: политика царского правительства в Казахстане, методы и формы ее реализации, втягивание казахского общества в орбиту интересов империи, а главное – объективные процессы, происходившие в различных областях жизни казахского народа, заметно отложились и на истории Внутренней орды.

Научный интерес к истории Букеевского ханства обусловлен тем, что оно в силу своего географического и политического положения первым из казахских ханств оказалось в структуре Российской империи, не теряя при этом некоторой своей политической обособленности во внутреннем управлении. Это обусловило более тесное, чем в других частях Казахстана, общение трудовых слоев казахского населения с населением русских крестьянских деревень и казачьих поселений, что привело к более сильному влиянию русского общества на казахское в сферах хозяйства и культуры, образа жизни и быта. В то же время Букеевское ханство рассматривалось царским правительством как арена для проведения колониальной политики, распространявшейся на весь Казахстан.

В истории Букеевского ханства наиболее четко, концентрированно отразились развитие русско-казахских отношений, изменения, которые происходили в системе господствующих патриархально-феодалных отношений, в сферах культурной и идейной жизни, хозяйства и быта казахского населения в условиях усиливающегося влияния России.

Хронологические рамки нашего исследования ограничены первой половиной XIX в. Букеевское ханство было образовано фактически в начале XIX в., юридически – в 1812 г. Хотя последний хан Букеевской орды умер в 1845 г. и ханская власть после него не восстанавливалась, вопрос о назначении нового наследника хана не снимался в правительственных органах вплоть до середины 50-х гг. С этого времени можно говорить об окончательном упразднении Букеевского ханства.

Историю возникновения, развития и упразднения Букеевского ханства нельзя рассматривать в отрыве от добровольного присоединения края к России. Существует довольно обширная литература, посвященная присоединению Казахстана к России, ее различным аспектам и периодам. Среди них наиболее значительными и важными были исследования Е.Б. Бекмаханова, Н.Г. Аполловой, В.Я. Басина.¹

Если говорить о трудах советских ученых, так или иначе рассматривающих вопросы истории Букеевского ханства, то следует отметить, что почти все они посвящены крестьянскому восстанию под руководством Исатая Тайманова, являющемуся важнейшей вехой в истории национально-освободительного движения казахского народа. Не только историки, но и литературоведы проявили значительный интерес к этому событию большого социального значения, чему в немалой степени способствовал тот факт, что один из руководителей восстания Махамбет Утемисов был талантливым поэтом-импровизатором, отразившим в своем искусстве пафос революционной борьбы и трагедию борьбы за свободу народа в мрачные годы средневековья. Его деятельность и произведения занимают особое место в многочисленных исследованиях филологов.

Исследуя причины крестьянского восстания в Букеевском ханстве, авторы в большей или в меньшей степени освещали вопросы его экономического и социально-политического развития. Первым из советских историков, изучавших Букеевское ханство под углом зрения обострения социальных отношений в нем, был А.Ф. Рязанов. В работе, посвященной освободительной борьбе казахов Западного Казахстана в XVIII и первой трети XIX в., событиям в Букеевском ханстве он уделил значительное место. Он первым в советской литературе поставил и пытался решить ряд вопросов социальной и политической жизни ханства: причины его образования, характер ханской власти и учреждение ханского совета, изменения в земельных отношениях и причины восстания под руководством Исатая Тайманова. Наряду с правильными положениями и догадками в этой работе имеется ряд существенных недостатков, связанных с тем, что автор рассматривал казахское общество XIX в. как родовую организацию. «Казахи жили родовым строем, — писал он. — Родовая организация как естественная форма кочевого общежития вполне соответствовала тогдашним формам хозяйственной жизни народа... Казахи сохраняли в непри-

¹ Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; она же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX в. М., 1960; Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

косновенности родовой строй».¹ Исходя из этого тезиса, он делает вывод, что причиной усиления власти хана Джангира в Букеевском ханстве был распад родового строя, в результате чего «родовые старшины с каждым годом теряли свое влияние и находились в полной зависимости от хана»². Правильно подмечая новые явления в социальной и хозяйственной жизни региона, не характерные прежде для казахского общества, А.Ф. Рязанов не всегда их правильно объяснял. Так, по его мнению, с раздачи земель в личную собственность верухшке общества началось противопоставление интересов знати и рядовых кочевников. В результате такой земельной политики хана, как указывал автор, «привилегированные классы, «белая кость», были противопоставлены простому, или «черному» народу».

Позднее А.Ф. Рязанов опубликовал книгу «Восстание Исатая Тайманова»,³ насыщенную интересными фактами и событиями, связанными с формированием и ходом восстания. Как и в первой работе, причины важнейших событий, в том числе восстания Исатая, он ищет в родовой организации, присущей якобы казахскому обществу рассматриваемого периода, и ее ломки в условиях Букеевского ханства. Основное зло, по его мнению, заключалось в том, что «Джангир-хан производил в Орде ломку этого строя, насаждая феодально-поместную систему, совершенно несоответствующую формам кочевого общепития».⁴

Истории освободительного движения казахского народа в XVIII-XIX вв. посвятил ряд своих оригинальных трудов М.П. Вяткин. В работе «Батыр Срым»⁵ дана глубокая и широкая картина народного движения в Младшем жузе в последней четверти XVIII в., влияние которого определенным образом сказывалось на политической жизни Букеевского ханства. Эта работа была удостоена Государственной премии СССР. Собственно о Букеевском ханстве, о его истории интересные идеи и отдельные краткие описания содержатся в его обобщающем труде «Очерки по истории Казахской ССР».⁶ В них делались продуктивные попытки вскрыть общее и особенное в развитии земельных и патриархально-феодальных отношений в Букеевском ханстве, а также некоторых сторон политики царского правительства в этом регионе. Созвучны современной трактовке взгляды автора на развитие земельных

¹ *Рязанов А.Ф.* Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797-1838 гг.). Кзыл-Орда, 1926, с. 187.

² Там же, с. 193.

³ *Рязанов А.Ф.* Восстание Исатая Тайманова (1836-1838 гг.). Кзыл-Орда, 1927.

⁴ Там же, с. 5.

⁵ *Вяткин М.П.* Батыр Срым М. – Л., 1947.

⁶ *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941.

отношений в ханстве: «Поражает, с какой легкостью совершался переход земель в частную собственность султанов и богатых казахов – баев, – писал М.П. Вяткин. – Отметить это обстоятельство следует потому, что оно косвенно подтверждает наличие у казахов своеобразной узурпации (захвата) общинной земли, обусловленной кочевым характером хозяйства».

Автор высказывал верное мнение о том, что «резкое углубление феодальных отношений» в ханстве начинается с периода прихода к власти хана Джангира, вступившего в ханскую должность «с навывками и претензиями русского помещика-крепостника».¹ Говоря об объеме его власти, М.П. Вяткин замечал, что «он держался как восточный деспот»,² несмотря на то, что функции его как хана были царским правительством весьма ограничены.³

В изучении социально-экономической истории Букеевского ханства в связи с главной задачей освещения восстания под руководством Исатая существенным шагом вперед была монография В.Ф. Шахматова «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова»,⁴ опубликованная в середине 40-х гг. Более половины ее объема посвящено материальным факторам, приведшим к восстанию. Работа написана на основе большого числа документов и материалов, которые впервые автор ввел в научный оборот. Более полно в этой книге освещены вопросы образования Букеевского ханства, внешние и внутренние факторы, обострившие земельные отношения в обществе.

Разумеется, в фокусе исследования находились вопросы подготовки и хода восстания, причины его поражения. Уточнены и конкретизированы отдельные эпизоды и периоды развития восстания в ханстве, дана характеристика некоторых активных его участников.

И. Кенжебаев в своей книге «Тайманулы Исатая»⁵ широко привлек наряду с опубликованными и архивными материалами фольклорные и народные источники, передававшиеся из поколения в поколение, из уст в уста, имевшие прежде значение неписанной истории народа.

Наше исследование, таким образом, в определенной мере стало возможным благодаря трудам предшествующих авторов, на которые мы опираемся. Нами Букеевское ханство, его социально-экономическая структура и политико-правовой статус рассматриваются в связи с

¹ Там же, с. 347.

² Понятие «восточный деспот» как форма политической власти имеет специфическое содержание и атрибуты. Наше исследование показало, что власть Джангир-хана мало подходит на власть восточного деспота в ее традиционном значении.

³ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 247.

⁴ Шахматов В.Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

⁵ Кенжебаев И. Тайманулы Исатая. Алматы, 1977.

политикой русского государства на окраинах вообще, в Казахстане в частности, и в плане развития взаимоотношений между Россией и Казахским обществом. В данной постановке история Букеевского ханства прежде не освещалась в специальных исследованиях. Такие комплексные вопросы, как политическая организация ханства и влияние на нее царского правительства, а также вопросы воздействия русской культуры и просвещения на внутреннюю жизнь казахского общества и их прогрессивные последствия не рассматривались вовсе.

В нашей работе использован большой круг источников и прежде всего архивные материалы, извлеченные автором из фондов Центрального государственного архива Казахской ССР, областных архивов Оренбурга и Астрахани, отчасти Центрального государственного военно-исторического архива и архива Министерства иностранных дел России в г. Москве. Особенно богат документами и материалами, относящимися к нашей теме, Центральный государственный архив Казахской ССР, его фонды 4 (Областное правление оренбургскими киргизами) и 78 (Временный совет по управлению Внутренней ордюю). В них отложились ханский архив, в особенности со времени вступления на ханский престол Джангира (с 1825 г.), переписка и различные сведения, составленные Временным советом по управлению Внутренней ордюю (Букеевским ханством), в которых встречается немало ценных фактических данных, относящихся к ханскому периоду. В фондах архива почти полностью сохранилось обширное делопроизводство Оренбургской пограничной комиссии, ее различных отделов (столов), осуществлявших контроль и надзор за Букеевским ханством, за деятельностью и политикой его правителей – ханов, а также за внутренней жизнью казахского общества этого региона. В свое время А.Ф. Рязанов, М.П. Вяткин, В.Ф. Шахматов и другие советские исследователи также оперировали этими фондами и использовали их в своих трудах. Но каждый новый исследователь открывает в архивных фондах немало новых материалов, фактов и сведений, подходит к изучению уже известных документов и материалов с новой точки зрения. Именно этими соображениями руководствовались мы в наших поисках материалов в архивных хранилищах.

Значительную источниковедческую ценность для нашего исследования имели опубликованные до революции книги, статьи, обзоры, путевые заметки, хроники ученых-ориенталистов, путешественников, чиновников, купцов и офицеров, изучавших внутреннюю жизнь Букеевского ханства или посещавших его по торговым и служебным делам, а также служивших в канцелярии хана. Эти публикации разбросаны в самых различных печатных органах – журналах и газетах,

выходивших в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Астрахани, Уфе и Оренбурге.

Дополнительную группу источников составляли документы, опубликованные в материалах по истории Казахской ССР. Таких сборников только два. В четвертом томе «Материалов по истории Казахской ССР», подготовленных в 1940 г. под руководством М.П. Вяткина, имеется около 20 документов, связанных исключительно с земельным вопросом в Букеевском ханстве.¹ Несколько разнообразнее документы в сборнике, посвященном казахско-русским отношениям в XVIII-XIX вв.² Однако в нем оказалось лишь несколько документов, содержащих отрывочные сведения о Букеевском ханстве.

---

¹ Материалы по истории Казахской ССР (1785 – 1828 гг.). Т. 4. М. – Л., 1940, с. 256 – 296.

² Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (1771 – 1867 гг.) Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

ГЛАВА I

БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО НА «ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЕ» РОССИИ

Россия и Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в.

К началу XIX в. значительная территория северного, северо-западного и центрального Казахстана фактически входила в Российскую империю в виде зависимых, колониально-зависимых владений. В то же время казахи оставались отгороженными от русского общества пограничными кордонами, пикетами, постами, крепостями и военными линиями. До конца первой четверти XIX в. колониальное управление казахской степью осуществлялось через ханов, в большей части утверждаемых царским правительством, и специальными органами, учрежденными колониальными властями. Значение последних в системе управления краем все больше возрастало и стало доминирующим после отмены ханской власти.

Основными центрами колониального управления Казахстаном были Оренбург и Омск. В Оренбурге функционировала Пограничная комиссия (с 1799 г.), а в Омске – Сибирская пограничная комиссия – Пограничное управление (с 1838 г.), осуществлявшие «надзор за правильным и успешным течением дел» в степи. Это были оперативные органы по делам Казахстана при губернаторах, сосредоточивших в своих руках высший надзор и руководство казахскими областями. По мере колониального подчинения края органы правительственного управления и местной администрации («туземное управление») сливались в единую систему государственного управления.

Колониальной политике русского государства, как и любой другой форме колониализма, были присущи противоречивые тенденции: с одной стороны, колониальная держава стремится все больше усилить свое влияние на внутреннюю жизнь зависимой страны, навязать ей свою волю и интересы, с другой – народы колоний борются за сохранение своей свободы и независимости против колониального гнета, политического и экономического засилия. Именно такая ситуация была характерна для Казахстана первой половины XIX в.

На политику царского правительства в Казахстане, на русско-казахские отношения оказали определяющее влияние внешне- и внутривнутриполитическое положение самодержавия.

Политическая обстановка в стране была сложной и противоречивой: усиление и без того невыносимого крепостного гнета вызыва-

ло волну мощного протеста, завершившегося в 1825 г. восстанием декабристов. Реакция, наступившая после поражения восстания, сделала жизнь народа еще более невыносимой. В обществе зрели революционно-демократические силы.

Антинародная политика самодержавия внутри России продолжалась и на окраинах. Военно-феодалная монархическая система, охваченная внутривластным кризисом, стремясь выйти из создавшегося положения, начала активную внешнюю политику, направленную на расширение пределов империи к югу.

Младший жуз, самый обширный из трех казахских жузов, занимал территорию около 850 000 кв. верст¹ – от Урала, Тобола до низовьев Сырдарьи. На юге он граничил с Хивинским и Кокандским ханствами и отдельными туркменскими, каракалпакскими владениями, а на севере примыкал к землям Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний, отделенным буферной укрепленной зоной, проходящей по р. Уралу и Илеку. На западе жуза находилось Каспийское море, а на востоке проходили земли Среднего и Старшего жузов. Население Младшего жуза в начале XIX в., по некоторым данным, насчитывало более полумиллиона человек, или 100 тыс. кибиток. Оно состояло из трех крупных племенных объединений – байулы, алимулы и жетыру, каждое из которых, в свою очередь, включало в свой состав несколько родов.

Младший жуз первым среди казахских жузов принял российское подданство в 30-х гг. XVIII в. Процесс этот был длительным. В течение десятилетий, постепенно, царское правительство усиливало свое влияние в казахском обществе. В начале XIX в. немногим более одной трети территории Младшего жуза входило в состав Российской империи. Значительные пространства в центральной и южной части региона – в бассейне Аральского моря и Сырдарьи, в районе Усть-Урта и Мангышлака – эпизодически попадали под власть хивинского хана и выступавших в союзе с ним туркменских владельцев. Ряд казахских родов, кочевавших в этих районах, оставался независимым.

Младший жуз, таким образом, представлял наибольший интерес для царского правительства, поскольку здесь продвижение колониальных властей в глубь степи было более успешным и быстрым, а казахские ханы с середины XVIII в. превратились, по сути, в послушное орудие колониальной администрации. Влияние г. Оренбурга как политического, административного центра, расположенного на северной границе Младшего жуза, было более глубоким в этой части

¹ Ханьков Я.В. О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней или Буковской ордою. – Журн. Министерства внутренних дел (МВД), ч. 8, 1844, с. 11.

Казахстана, чем влияние других пограничных городов в Среднем и Старшем жузах.

Младший жуз занимал важное место в стратегических и экономических планах русского самодержавия на юге империи, в покорении среднеазиатских ханств. Именно поэтому свои многие начинания по колонизации казахских степей правительство опробовало в Младшем жузе.

Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в. переживал один из наиболее трудных периодов своей истории. Внутриполитическая обстановка в нем была сложной и противоречивой. Усилилась политико-административная раздробленность региона, сказывались последствия длительной (1783 – 1797 гг.) народной войны под руководством батыра Срыма, направленной против ханско-султанской власти.

Престиж ханской власти упал до такой степени, что царское правительство серьезно думало об ее упразднении. После убийства в 1797 г. повстанцами хана Есима был учрежден ханский совет, председателем которого и одновременно в фамильном звании хана был определен престарелый султан Айчувак, но власть совета была малоэффективной. Отделившиеся от хана родовые объединения провозглашали своих ханов. Прямое вмешательство колониальных органов во внутреннюю политическую жизнь жуза еще более осложняло обстановку.

Один из известных дореволюционных исследователей истории колониальной политики России в Средней Азии Ф.И. Лобысевич, описывая создавшееся в 70 – 90-х гг. XVIII в. положение в Младшем жузе, писал: «Беспорядки и насилия в Малой орде с каждым годом все усиливались. В продолжение тридцати лет мы не достигли ни малейшего результата в отношении упрочения нашей власти в киргизских степях, а тратили немало денег на ограждение себя от «заграничных» подданных укрепленными линиями, на подарки и жалованья ханам и его родственникам... Отряды войск посылались в степь для наказания разбойничьих шаек, но удары их сыпались большей частью на невинных и тем только увеличивали беспорядки».¹

Неустойчивый экономический потенциал казахского общества, связанный с кочевым экстенсивным скотоводством, был в сильнейшей степени расстроен и истощен в годы народной войны действиями царских и ханских карательных отрядов. Стихийные бедствия – джугы, постигшие Младший жуз в 1795/96, 1800/01 гг., еще больше усилили обнищание трудового населения. Граф Потоцкий в письме к Министру внутренних дел Кочубею в 1806 г. писал, что бедность казахов Младшего жуза «чрезвычайна, и одно зло рождает другое.

¹ Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношениях. Спб., 1900, с. 51, 55.

Юрты или кибитки их, которые должны были бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты лишь шерстяными тряпками, обратившимися в лоскутья. Сами киргизцы покрыты лохмотьями».¹ Крайняя нужда вынуждала казахов продавать своих детей линейным жителям и хивинцам. Как указывает А.И. Левшин, в 1815 г. в районе г. Гурьева в течение только одного месяца было продано около 200 казахских детей. Причем «за мальчиков платили по 4 и по 3, а за девочек по 3 и 2 куля ржаной муки».²

Хивинский хан и туркменские владельцы, воспользовавшись внутренними неурядицами, усилили против Младшего жуза свои наступательные операции. Так, в начале 20-х гг. XIX в. хивинский хан с 10000 войском неожиданно напал на казахские аулы, кочевавшие в долине Сырдарьи. Было убито около 350 казахов, взято в плен 1035 женщин, угнано 4173 верблюда, 7085 лошадей, 1138 голов крупного рогатого скота, 45645 баранов. Кроме того, насильно в виде зякета было собрано в 100 аулах 17573 барана, 2364 верблюда.³ Оренбургский военный губернатор Волконский в 1804 г. писал, что «народ киргиз-кайсацкой Меньшей орды по причине междоусобной баранты не только потерял тишину и спокойствие, но уже стоит на краю гибели».⁴

До начала XIX в. царизм прежде всего и больше всего заботился об укреплении своих политических позиций в Казахстане. Не подчинив себе край, нельзя было рассчитывать на него как на источник сырья для русской промышленности и тем более нельзя было обеспечить безопасность прохождения торговых караванов и военных отрядов, направлявшихся в среднеазиатские ханства. Важные караванные пути, соединяющие Оренбург и Орск с Хивой, Бухарой и Ташкентом, а также Астрахань, Саратов с Хивой и Ургенчем, проходили по территории Младшего жуза.

Для осуществления намеченных целей царское правительство избрало путь нарастающего военного давления и союза с крупными местными феодалами во главе с ханом, постепенного превращения их в послушное орудие царской воли. Эти два способа реализации колониальной политики использовались одновременно.

Указом 1756 г. почти все правобережье Урала было объявлено землями Уральского и Оренбургского казачьих войск. В 70-80-х

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 236-237.

² *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832, с. 88-89.

³ *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 37.

⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 224.

гг. лучшие пастбищные пространства между устьями рек Волги и Урала, протянувшиеся на 350 верст, были пожалованы русским помещикам.

Пограничная линия все более отодвигалась в глубь казахской степи. От возведения на ней военных крепостей, редутов, пикетов и форпостов правительство все больше переходило к созданию более подвижной военной линии, вдоль которой сосредоточивались крупные контингенты войск и откуда совершались вылазки военных отрядов для усмирения «неподатливых» казахских родов и аулов. При постройке Новолипецкой линии (20-е гг. XIX в.) территория между р. Илеком и Уралом, наиболее ценная в экономическом отношении, отошла в распоряжение колониальных властей. Так было и при возведении новой линии между крепостями Орской и Троицкой в 30-х гг.

Военное давление на население Младшего жуза осуществлялось не только и не столько сооружением укрепленных линий и продвижением их в глубь степи, сколько систематическими нападениями специально высылаемых вооруженных отрядов на казахские аулы, чтобы держать последних в страхе и повиновении. В одном из донесений батыра Срыма Екатерине II от 1790 г. сказано, что атаман Уральской крепости Дарыков с многочисленным отрядом «напал на безвинных ваших подданных киргиз-казахов, разгромил 225 кибиток, убил 140 человек, увел 57 пленных и бесчисленное множество лошадей, верблюдов, коров и баранов».¹ Нередко подобные набеги устраивались офицерами с целью обогащения.

Это со временем серьезно стало беспокоить Екатерину II, которая вынуждена была издать в 1784 г. особый Указ о запрещении «своевольства против киргизцев» со стороны казачьего войска и о «жесточайшем наказании яко злейшего преступника, который поведением своим дает причину к нарушению спокойствия подданных».²

Царское правительство делало все, чтобы привлечь на свою сторону хана и наиболее влиятельную султано-бийскую группу. Эта политика имела по крайней мере две важные стороны: она ослабляла власть хана и, следовательно, ставила в зависимость от царизма.

В свое время Екатерина II, задумавшая установить бесханское управление в крае, предписала оренбургскому генерал-губернатору: «Но буде бы необходимость обстоятельств потребовала достоинство хана в орде восстановить, то и в таком случае полезнее держаться прежнего мнения об умножении их числа и чтобы каждый из таковых ханов не был силен в орде и зависел от вас, как и прочие подчиненные вам в губернии и

¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 137.

² Там же, с. 111.

ю уездам».¹ Докладывая императрице об исполнении ее указания и о своей политике в Младшем жузе, Оренбургский генерал-губернатор Игельстром в ходе подавления восстания под предводительством Срыма Датова писал, что он «отложившихся от хана старался сколько возможно не допускать примириться с ним, в чем руководствовало меня Ваше Императорского величества именное повеление от 27 ноября 1785 года... разделение киргиз-кайсацкой меньшей орды, конечно, выгодно для Вашего Императорского величества будет».²

Курс, направленный на ослабление власти ханов и превращение их в послушную исполнительную силу, целеустремленно проводившийся царским правительством в течение десятилетия, завершился их упразднением в Среднем жузе в 1822 г., в Младшем жузе – в 1824 г., Букеевское ханство, выделившееся из Младшего жуза как «преданное престолу» продержалось еще 20 лет. После смерти хана Джангира в 1845 г. Управление ордой было передано Временному совету: вначале во главе с одним из родственников Джангир-хана, а затем во главе с русским чиновником, назначенным царским правительством.

Образование Букеевского ханства

В начале XIX в. значительные группы казахского населения Младшего жуза перешли во внутренние пределы Российской империи и образовали между низовьями рек Урала и Волги новую орду,³ получившую название Внутренней (по географическому расположению), или Букеевской (по имени первого хана Букея).

Как сообщают источники, вначале на правобережье Урала перешло около пяти тысяч семей. В последующие годы население нового региона продолжало расти за счет притока людей из-за Урала. В 1803г. здесь уже было 7500 кибиток.⁴ По подсчету чиновника Оренбургской пограничной комиссии Кузнецова, в 1825 г. население ханства насчитывало 10490 кибиток.⁵ По данным канцелярии Астраханского губернатора, в 1845 г. на внутренней стороне находились уже 52 129 кибиток казахских кочевников.⁶ Более скромную цифру называет полковник М. Иванин, управлявший ордой после смерти Джангир-

¹ Там же, с. 76.

² Шихматов В.Ф. Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, с. 8-9.

³ Орда – относительно обособленная часть казахской земли, имеющая свой административно-политический статус; ханство – орда, возглавляемая ханом.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, он. 1, д. 391, л. 66.

⁵ Там же, д. 284, л. 24-25.

⁶ Астраханский облархив, ф. 734, оп. 1, д. 11, л. 1

хана. По его сообщению, в этот год население ханства составляло более 30 тыс. кибиток.¹

Большинство дореволюционных авторов, описывая отдельные стороны жизни казахов Внутренней орды, связывали ее возникновение с личностью султана Букея. Так, по мнению А. Евреинова, переход казахов на правобережье Урала был связан в первую очередь с тем, что султан Букей «вернее других понял, что совершенное спокойствие можно снискать только под непосредственным покровом русского правительства».² Т. Медведский, наоборот, делает акцент на корыстолюбии Букея, его жажде власти и богатства: «Букей, желая получить ханское достоинство, задумал перейти на правую сторону реки Урала», – отмечает он.³ «Букей стремился, как и брат его султан Каратай, к достижению тем или иным путем ханского звания», – указывает известный исследователь А. Добросмыслов,⁴ Л. Мейер возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде.⁵ М.И. Иванин еще более определенно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды: «Во второй половине прошлого столетия (т. е. XVIII в. – С.3.) возникли между племенами киргизов междоусобия и взаимные грабежи, почему в начале нынешнего века миролюбивый киргизский хан Букей, один из потомков Абулхаир-хана, спасаясь от демократической партии зауральских киргизов, с значительной частью султанов и оставшимися ему подвластными киргизами перешел в 1801 г. к нам на правую сторону реки Урала».⁶ Автор старается показать Букея с подвластными ему казахами как нечто единое, в экономическом и социальном отношении целое, противостоящее «демократической партии зауральских киргизов».

В объяснении причин возникновения Внутренней орды нет единения среди советских исследователей. Автор специального исследования об истории освободительного движения казахов Младшего жуза А. Рязанов считал, что возникновение Внутренней орды явилось результатом междоусобной борьбы поколений жетыру и байулы. «Часть казахов байулинского поколения, – пишет он, – будучи стеснены семиродцами, откочевали во главе с султаном Буке-

¹ *Иванин М.И.* Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда. – Эпоха, 1864, №12, с. 6.

² *Евреинов А.* Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казахья орда. – Современник, 1851, № 10, с. 51.

³ *Медведский Т.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. – Журн. Министерства государственных имуществ (МГИ), 1862, № 8, с. 285.

⁴ *Добросмыслов А.* Тургайская область. – Известия Оренбургского отдела РГО, вып. 16, 1901, с. 231.

⁵ *Мейер Л.* Указ соч., с. 39.

⁶ *Иванин М.И.* Указ соч., с. 15.

ем на внутреннюю сторону... и образовали здесь Внутреннюю, или Букеевскую, орду». Однако в последующем факты не подтвердили это положение. Перешедшие на правый берег Урала казахи принадлежали к поколениям байулинцев, семи-родцев, хотя на начальном этапе преобладали первые. М.П. Вяткин считал, что возникновение этой орды было связано с жестоким хозяйственным кризисом, выразившимся, в частности, в росте земельной тесноты в результате углубления процесса феодализации.¹ В то же время М.П. Вяткин считал, что переход части населения Младшего жуза на правобережье Урала и образование особого ханства были логическим итогом того процесса, который берет свое начало в 50-х годах XVIII в.,² т. е. он связан с борьбой за освоение новых кочевий, длившейся почти половину столетия. Несколько иную точку зрения развивает В.Ф. Шахматов. Образование казахского ханства между Волгой и Уралом он рассматривает в первую очередь как продукт колониальной политики царизма. «Образование Букеевской орды, – пишет он, – тесно связано с общим направлением колониальной политики царизма в Казахстане и с тем хозяйственно-политическим кризисом, который охватил Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в. вследствие феодализации казахского общества».³

Мы уже высказывали мнение, что нельзя искать основные причины образования Букеевского ханства в колониальной политике царского правительства, тем более нельзя считать его непосредственным порождением этой политики. Решающим фактором образования Букеевского ханства была та острая социально-политическая ситуация, которая создалась в Младшем жузе после подавления народного восстания под руководством Срыма.⁴

Сходной точки зрения придерживался и Е.Б. Бекмаханов. «В действительности колониальная политика царизма, – указывал он, – не являлась главной причиной образования Внутренней орды».⁵ Образование Внутренней орды, по его мнению, «было вызвано глубокими социальными причинами, тесно связанными с напряженной внутренней и внешнеполитической обстановкой Младшего жуза в рассматриваемый период».⁶ В одной из последних своих работ Е.Б. Бекмаханов уточнил эту мысль, указав, что главным в содер-

¹ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 242.

² Вяткин М.П. Батыр Срым, с. 174.

³ Шахматов В.Ф. Указ, соч., с. 8.

⁴ Зиланов С.З. К вопросу о предпосылках и образовании Внутренней орды. – Вестник АН КазССР, 1956, № 1, с. 46-57.

⁵ Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России, с. 68.

⁶ Там же.

жании этой напряженной обстановки было стремление казахских шаруа «избавиться от жестокого ханско-феодалного гнета и разорительных набегов среднеазиатских правителей».¹

Разумеется, колониальная политика царского правительства играла значительную роль в общественной и политической жизни казахского народа. Переселение казахов на правый берег Урала не противоречило направлению колониальной политики царизма и поэтому получило известную поддержку у пограничных властей.

Судя по источникам, образование Букеевского ханства происходило следующим образом. Командир Астраханского казачьего полка полковник Попов, «имея доверие хана, батыров» Младшего жуза, в 1799 г. «начал предлагать киргиз-кайсацкому хану, брату хана Букею, Нуралиеву, чтобы он с его подведомственными перешел на сию сторону Урала для кочевания», т. е. в зону двуречья между Волгой и Уралом, которая к этому периоду не была занята и считалась казенной территорией. Полковнику Попову, действовавшему с согласия Астраханского военного губернатора Кнорринга, без особого труда удалось склонить султана Букея.² Султан Букей, в свою очередь, стремился к власти и, не рассчитывая получить ее в Младшем жузе, решил воспользоваться представившимся случаем и с помощью правительства обосновать на правом берегу Урала свое отдельное ханство. Как трезвый и расчетливый деятель он понимал, что его шаг найдет поддержку и среди части казахского населения, ищущего выход из создавшегося критического положения в Младшем жузе. Один из современников событий указывал, что султан Букей решился перейти на внутреннюю сторону «вследствие разных дружеских советов и внушений» со стороны царских чиновников.³ Об этом факте писал позже и султан Шигай – брат Букея, один из непосредственных участников этих переговоров. «Покойный брат мой хан Букей Нуралиев прошлого, 1801 года... приглашен был Астраханским военным губернатором Кноррингом через присылаемого астраханского кордона начальника бывшего генерала Попова перейти на внутреннюю сторону реки Урала во всегдашнее подданство России... Хан Букей перешел со мною и другими султанами – братьями нашими и с подвластными киргизцами с десятью тысячами кибиток, со всем скотом и имуществом».⁴

¹ *Бекмаханов Е.Б.* Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, 1966, с. 44.

² Об ориентации султана Букея говорит его письмо военному министру Вязмитинову от 22 февраля 1806 г. Он писал: «Будучи столь усердно расположен к России, что посвятил себя по смерти свою быть в послушании его И. В. и высочайшим его узаконениям» (Материалы по истории Казахской ССР, т. 4. М. – Л., 1940, с. 267).

³ *Небольсин П.И.* Очерки волжского низовья. – Журн. МВД, т. 39, 1852, с. 225.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 8, л. 5.

Султан Букей написал письмо на имя Астраханского военного губернатора с изъявлением желания «быть с подвластным ему народом во подданстве Государя Императора Всероссийского и о позволении ему и народу киргизскому кочевать навсегда между Уралом и Волгою».¹ Письмо свое султан Букей закончил просьбой определить при нем казачью сотню из состава Астраханского полка и пограничное управление новой Казахской ордой поручить полковнику Попову. Военный губернатор Кнорринг письмо и представление направил на рассмотрение царю. 11 марта 1801 г. царь Павел I издал указ: «Председательствующего в Ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орды Букея султана сына Нуралыханов принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелают, и в знак моего благоволения назначаю я ему медаль Золотую с моим портретом, которую носить на шее на черной ленте; Астраханского же казачьего войска командиру Попову пожаловал я чин генерал-майора, в награждение за усердное его и успешное поведение в усмирении киргиз-кайсацких народов; ваше же представление по поводу сего во всей силе утверждаю».²

В указе Павла I явно просматривается заинтересованность правительства в переходе части казахского населения на правобережье Урала под предводительством хана Букея. Как недвусмысленно явствует из документа, царь связывал это «с усмирением киргиз-кайсацких народов» и считал серьезным успехом его колониальной политики в крае.

В дореволюционной и советской литературе, как указывалось нами ранее, получил распространение взгляд, по которому образование Букеевского ханства рассматривалось как продолжение и определенный итог сезонного кочевания казахских аулов на внутренней стороне, имевшего место еще в середине XVIII в. Странники этого взгляда считали, что интересы сугубо хозяйственного освоения новой территории – этот традиционный мотив – был главным при переходе казахского населения на правый берег Урала.

Территорию между низовьями рек Волги и Урала, где впоследствии образовалось Букеевское ханство, почти до конца XVIII в. временами, по сезонам занимали кундровские, астраханские татары и калмыки, ведущие кочевое хозяйство. В источниках того времени этот регион (районы Нарынкума и Прикаспия) именуется Астраханской степью. Здесь не было постоянных поселений кочевников-скотоводов. Отдельные казачьи и крестьянские поселения и промыслы по добыче рыбы располагались вдоль р. Урал и по берегам моря.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. 24. Спб., 1830, с. 571, 572.

² Там же, с. 572.

По официальному исчислению, в Астраханской губернии, преимущественно на левом берегу Волги, было более 32 млн. десятин пустопорожной земли.

Судя по архивным источникам, байские аулы, зимовавшие недалеко от р. Урал, спасая многочисленный скот в суровую зиму 1748/49 г., с разрешения оренбургского губернатора Неплюева, впервые перешли на правый берег р. Урал. В 1755 г. хан Нуралы добился от губернатора права зимовать со скотом на внутренней стороне.¹ В 1758 г. в г. Оренбурге на приеме у генерал-майора Тевкелева и советника Рычкова Нуралы-хан представил только своих братьев и просил «допущении с их кайсацким народом к Яику реке в зиму кочевать, скот на внутренней стороне содержать».²

Годом раньше оренбургское начальство по просьбе Нуралы-хана распорядилось, чтобы на правый берег «в случае суровой зимы пропускались только табуны ханской фамилии».³ Во всех этих случаях вопрос о переселении казахов на постоянное местожительство не ставился, речь шла о временном пастбищном содержании скота крупных феодалов, в особенности в зимний период. Главным образом этого и добивались Нуралы-хан, его родственники и влиятельные султаны в интересах своих хозяйств. Трудовая часть крестьянства переходила постольку, поскольку была связана с султанскими хозяйствами. Источники сообщают, что перегонялись на зиму в основном табуны лошадей, принадлежащие хану и его братьям. Из неоднократных обращений Нуралы-хана к пограничным властям видно, что он преследовал узко личные интересы.

Оренбургская пограничная администрация, проводившая в жизнь колониальные устремления царизма в Казахстане, вела двойственную политику. С одной стороны, она всецело стояла на стороне хозяйственных интересов жителей военных казачьих поселений, уже возникших во внутренней стороне, с другой – нуждалась в услугах влиятельной части казахской знати. Только совместные усилия царских колонизаторов и казахских феодалов могли на деле обеспечить реальное осуществление политики правительства. В силу этих причин пограничные власти вынуждены были порой пропускать скот казахской знати в районы двуречья.

С конца XVIII в. характер, масштаб и мотивы перехода казахов на правый берег Урала, на внутреннюю сторону, изменились. Процесс стал трудно регулируемым, во многом стихийным и массовым.

¹ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, д. 21, л. 62.

² Там же, д. 6, л. 3.

³ Там же, д. 21, л. 6-8.

Изнуренные невзгодами люди, несмотря на препятствия, осваивали новый район. Так постепенно встал вопрос о постоянном заселении этого района. Это движение народных масс было столь значительно, что царское правительство не могло уже не считаться с ним, не рискуя потерять влияние в казахской степи.

После кровавого подавления народного восстания, руководимого батыром Срымом, переселение части населения Младшего жуза на внутреннюю сторону стало необходимостью и явилось своеобразным продолжением этой борьбы, но в других условиях и на другом уровне.

Вооруженное массовое выступление против ханской власти, с особенной силой проявившееся в последней четверти XVIII в., пошло на убыль. Ханы, султаны и их окружение, против которых было направлено народное восстание, учинили жестокий террор. Гонения и преследования участников восстания и родовых коллективов, сочувствовавших ему, приняли широкие масштабы. Как всегда в таких случаях, ханские люди и колонизаторы старались столкнуть казахские роды и отделения между собой. Спокойствие и привычный хозяйственный ритм кочевника были нарушены. Разруха хозяйства и страдание трудовых масс были так велики, что вопрос выжить, пережить трудный период стал для них самым главным.

Правительство в новых условиях сочло необходимым пойти «навстречу» желаниям казахского населения. Этим оно рассчитывало войти в доверие к народу, что было важно для успешного проведения колониальной политики. Уступая территорию, правительство намеревалось также в той или иной степени разрядить напряженность социальной борьбы в Младшем жузе, принимавшую антиколониальный характер.

Царское правительство своевременно позаботилось о том, чтобы переселение прошло организовано, во главе с вожаком, который был бы надежным исполнителем воли пограничных властей. Такой личностью оказался султан Букей, председательствовавший в то время на ханском совете. По характеристике начальника Оренбургского края он был предан «престолу высокомонаршему».

Первые и многие из последующих переселенцев в основной своей массе имели очень мало скота, вместо кибиток - тентовые лачуги (курке), т. е. представляли собой бедные и беднейшие семьи. «В эпоху перехода поколения, составлявшие Внутреннюю орду, были беднейшими из кайсаков», — писал один из очевидцев.¹ В донесении асессора Кузнецова на имя губернатора Эссена от 1825 г. говорится,

¹ Сведения о Внутренней Киргизской орде. — Журн. МГИ, ч. 1, 184, с. 26.

что «приход их (казахов Букеевского ханства. – С.3.) из-за Урала, по разведанным моим от достоверных и знающих людей сведениям, был настолько беден, что весьма немногие из ордынцев пригнали не более 100 баранов».¹ В 1809 г. было взято на учет 946 кибиток, перешедших из-за Урала в район Нарынкума. При этом у них было всего 434 верблюда, 1567 лошадей, 1124 головы рогатого скота и 15273 барана,² т. е. на каждую кибитку приходилось в среднем менее двух лошадей, одна-две коровы и по 16 голов баранов. Такое хозяйственное положение было результатом крайнего обнищания. Если иметь в виду, что скот распределялся между одноаульцами крайне неравномерно и что среди бедных были «богатые из бедных аулов», то можно реально себе представить картину, при которой многие среди указанных семей были безлошадными, бесскотными или почти бесскотными. Сенатор Энгель после обстоятельного ознакомления на месте с внутренней жизнью Букеевского ханства в 1828 г. в своей записке отмечал, что казахи при переходе на земли между Волгой и Уралом находились в «совершенной нищете».

Неправомерно утверждение некоторых дореволюционных авторов, что переселенцы во внутреннюю сторону России составляли проханскую группу, противостоящую «демократической партии» зауральских киргизов. «Причиной отделения этой части (т. е. образования Внутренней орды. – С. 3.), – указывает один из них, – были возникшие в конце прошлого столетия в Малой киргизской орде смуты, распри и междоусобия, вследствие чего приверженные к ханам и преданные русскому правительству киргизы подвергались нападениям и грабежам мятежников».³ Надо заметить, что такое мнение даже среди царских чиновников, непосредственно наблюдавших переход казахских аулов в район междуречья, встречается очень редко. Попытка представить переселенцев как «приверженцев ханов и преданных русскому правительству» в основе своей имела стремление выдать желаемое за действительное и представить в розовом свете политику русского государства на восточных окраинах.

Факты говорят о другом. Откочевщики в основном были непосредственными участниками движения Срыма. Род байбакты, бывший ядром народного восстания в Младшем жузе, возглавил переселенческое движение и составил одну из самых многочисленных групп. На внутреннюю сторону к 1814 г. из рода байбакты перешла 641

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 291.

² Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 513, л. 15-19.

³ *Троицкий Н.* Взгляд на Внутреннюю киргизскую орду. – Отечественные записки, 1848, т. 8, № 6, с. 98.

кибитка,¹ а к середине XIX в. они составили около 3 тыс. семей.² Сам батыр Срым, завоевавший большое уважение народа и признанный им организатор и руководитель борьбы с ханской властью, и многие его ближайшие сподвижники были активными агитаторами за переход населения в пределы России. Как писали современники событий, султан Букей в первую очередь заручился поддержкой батыра Срыма и «вместе с ним стал склонять народ к согласию на перекочевку».³

Царское правительство неоднократно указывало, что переходящие на правый берег Урала казахские аулы были из бедных. В предписании царя Александра I, данном сенату 23 мая 1808 г., указывалось, что «из донесений оренбургского военного губернатора и других дошедших к нам сведений мы усмотрели, что киргизцы из подданных наших, близости к оренбургской линии и по всей границе от Каспийского моря до Сибири кочующие, пришли по разным случаям в столь бедственное состояние, что, не находя средств к пропитанию, многие из них покушаются даже на продажу детей своих в рабство хивинцам, по торговле туда приезжающим».⁴ На это указывал царь в повелении, данном в том же году оренбургскому военному губернатору Волконскому.⁵

Среди причин, повлиявших на массовый переход казахского населения на правобережье Урала, указываются и взаимная борьба, беспокойствие, которые царили в конце XVIII и начале XIX в. в Младшем жузе. Так, Л. Мейер, положительно отзываясь о личности султана Букея, в то же время возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде.⁶ Более ясно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды М. Иванин.⁷

А. Евреинов, хорошо знавший жизнь орды, по его словам, достоверно узнал от султана Чуки Нуралиханова, являвшегося приближенным лицом и переводчиком султана Букея в момент его перехода во внутреннюю сторону, что, «убедив советами и доводами султана Шигая и Срыма-батыра, – сильных влиянием на киргизов, – Букей вместе с ними стал склонять народ к согласию на перекочевку».⁸ Этот наблюдательный, добросовестный в передаче сведений исследователь считал, что влияние батыра Срыма имело решающее значение в переходе части населения Младшего жуза на правобережье Урала. Говоря о снятии с обжитых,

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 4.

² *Иванин М.И.* Указ. соч., с. 11.

³ *Евреинов А.* Указ. соч., с. 52.

⁴ ПСЗ, т. 30, с. 275 (№ 23038).

⁵ Там же, с. 276 (№ 23039).

⁶ *Мейер Л.* Указ. соч., с. 24.

⁷ *Иванин М.И.* Указ. соч., с. 15.

⁸ *Евреинов А.* Указ. соч., с. 52.

привычных мест тысячи семей, он писал: «Такое событие для человека, знающего родовую привязанность киргиза к раздолью и безграничной степи, где он всегда имел возможность уйти за сотни верст от постылого места, кажется с первого взгляда странным. Как бы ни была смутна, тревожна жизнь киргизов за Уралом, для них еще открывалось обширное пространство, на котором могли они беззаботно кочевать, что и сделали многие, тогда как здесь, ясно видели они, приходилось отказаться от дикой свободы. Понять истинную пользу дела ордынцы не могли, а между тем добровольно оставляли свои родные степи и родственников, которые не пожелали участвовать в переходе. Это объясняется только влиянием на народ немногих чтимых им лиц».¹ По его мнению, одного влияния султана Букея для перехода было мало. «Потребовались резкий пример, сильная воля. То и другое представлял в себе Срым-батыр – лицо замечательное в событиях Малой орды второй половины XVIII столетия. Одаренный от природы непомерными физическими силами, обширным умом, сильной волею, отважный, предприимчивый, хитрый и честолюбивый, он был, так сказать, народным кумиром. Ордынцы видели в нем свою славу, потому что самым простым своим происхождением Срым принадлежал им».² Он, «одобряя мысль султана Букея... стал содействовать ему в склонении киргизов к перекочевке. Его желание и речи имели сильнейший успех».³

В переходе казахов во внутренние пределы империи важную роль играл земельный вопрос. Скотоводы надеялись получить пастбища, поправить свое хозяйство. Однако не это было главным поводом к перекочевке массы казахских аулов. Правобережье Урала было хорошо известно казахам, и иллюзий они себе не строили. Известно, что земельные отношения во Внутренней орде оставались не менее сложными, чем в Младшем жузе. По почвенным, климатическим и иным естественно-географическим условиям территория Внутренней орды была не лучше, если не хуже территории, занимаемой переселенцами до откочевки. При всем своем определяющем значении в жизненном цикле скотовода вопрос о пастбище в конкретных условиях переселения не выдвигался на первый план.

Территориальные пределы Букеевского ханства были определены правительственным Положением о назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской, утвержденным царем 19 мая 1806 г. В нем было сказано, что казахам «под предводительством султана Букея дозволяется кочевать, начи-

¹ Там же, с. 52-53.

² Там же, с. 53.

³ Там же, с. 54.

ная от реки Узенья до горы Богды., а от сей горы через Чапага на Ватагу Дудацкую или Телепневу до моря».¹ Им разрешалось иметь зимовку при море, пользоваться в этих целях и другими местами, заросшими камышом, «какие свободными и в казенном ведомстве, состоящими найдены будут». В Положении также указывалось, что отведенную для казахов территорию, «однако не отдавать им в удел, доколе они на сей стороне Урала во всегдашнем требовании не остепенятся».² Из общей площади ханства, исчисляемой около 6 500 тыс. десятин, считалось лугов 100, камыша – 12, пригодных для пастбища земель – 5 200 тыс. десятин, «в числе которых много солонцов, мелких соленых озер и соляных грязей, бесплодной степи – 192 тыс., песку – 420 тыс. десятин».³

Вдоль северной и северо-восточной границ ханства протекали две реки – Большой и Малый Узень, побережья которых изобиловали сенокосными угодьями и служили укрытием для скота зимой. Такую же хозяйственную ценность имели районы Камыш-Самарских озер. Эти участки длительное время были объектами споров между казахами и казачьими поселениями и в конце концов отошли к последним. Районы, прилегающие к Каспийскому морю, чередующиеся с камышовыми зарослями, служили естественным укрытием для скота во время зимней стужи и буранов. В низинах речек Паники и Торгунь находились небольшие луга. В центральной части ханства простирался огромный песчаный массив, называемый Нарынкум (Нарын-пески). Чиновник Оренбургской пограничной комиссии Кузнецов, несколько раз лично осмотревший землю Букеевского ханства, описывает ее следующим образом: «Степь сия или вообще песчана, где произрастает редкий и низкий подножный корм и в засушливые годы без дождей в иных местах по жаркому климату выгорающий до основания, или наполнена великими пространствами солонцевато-глинистой земли, неудобной ни к чему, на коей произрастает одна только низкая и редкая полынь, по нужде употребляемая в пищу для скота зимою, когда от морозов не столько делается горькою».⁴ М. Иванин, живший в течение ряда лет во Внутренней орде, отмечал, что территория орды годна «только при кочевой жизни, и она может доставлять населению средства к их существованию только при умеренности их в пище и ограниченности их нужд и потребностей».⁵

Образование нового ханства не сразу было признано правитель-

¹ ИСЗ, т. 29, с. 289 (№ 22135)

² Там же.

³ Еврешинов А. Указ. соч., с. 58.

⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 289.

⁵ Иванин М.И. Указ. соч., с. 7.

ством, хотя султан Букей с момента перехода на правобережье Урала именовал себя ханом. Правда, астраханский военный губернатор Кнорринг в своем представлении царю в начале 1801 г. называл султана Букея ханом Киргиз-кайсацкой орды.¹ До официального провозглашения ханства (1812 г.) в официальных документах он проходил как «султан Букей с подвластными» или «султан Букей с народом».

Царским указом от 17 июля 1808 г. было установлено двойное подчинение Букеевского ханства – Астраханскому военному губернатору и Оренбургской пограничной комиссии, специальному органу по Управлению казахами Младшего жуза.²

Букеевское ханство: его место в политике русского государства и в истории Казахстана

Букеевское ханство территориально располагалось в пределах метрополии России, на землях, называющихся прежде Астраханской степью. Оно имело общую границу с помещичьими, казачьими и крестьянскими поселениями Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний. По своей территории, населению и управлению ханство было небольшим политическим образованием. Близость русских поселений, тесные контакты казахов с его жителями оказали значительное влияние на развитие Букеевского ханства. Оно развивалось более ускоренно, чем Зауральская степь.

Царское правительство, принимая «к себе охотно султана Букея с подвластными», первоначально надеялось этой мерой, с одной стороны, укрепить подорванные в результате участия в подавлении народного восстания позиции, а также предотвратить возможное отчуждение части населения от «верных» ему степных наместников, с другой стороны, проводя политику усиления прямого Управления казахским обществом путем ослабления и последующего упразднения власти ханов в Младшем жузе, оно рассчитывало раздробить власть, умножить число отдельных владений, что позволяло укрепить влияние здесь русского государства. Правительство хотело также разрядить политическую обстановку в казахском обществе, обострившуюся в результате восстания, длившегося 14 лет.

Идея использования Букеевского ханства в качестве «показательного» владения, служащего для других казахских земель образцом того, что может дать политика русского государства кочевому наро-

¹ ПСЗ, т. 26, с. 571 (№ 19773).

² ПСЗ, т. 30, с. 435-437 (№ 23164).

ду, возникла в ходе расширения притока сюда населения из-за Урала. В основе этого замысла лежали сугубо практические интересы: усиление и углубление влияния колониальной политики царизма в казахском обществе.

Правительство рассчитывало, что казахская знать и степное население, видя «тишину и спокойствие», рост обмена и торговли, скотоводческого хозяйства и «справедливое» под надзором правительства управление, все больше будет тяготеть к царскому правительству, активнее принимать его сторону. Руководствуясь этими соображениями, царское правительство установило самый тесный контакт с ханом Букеевской орды, проводило покровительственную политику по отношению к ханству.

Правительство рассчитывало образовать также из среды казахских султанов, биев и старшин, преданных его политике, группу, которая проводила бы политику царской администрации среди казахского населения Оренбургского ведомства. Эту задачу намного легче было решить в условиях Букеевского ханства, поставленного под непосредственный надзор оренбургской колониальной администрации.

Султан Букей в свою очередь стремился укрепить собственные позиции не только на правобережья Урала, но постепенно распространить влияние и на казахов Младшего жуза, кочующих в Зауралье. Эти притязания в какое-то время были реальными. Росло число кочевых коллективов, оставляющих или желавших оставить своих ханов в Младшем жузе и перейти во внутреннюю сторону. Султан Букей рассчитывал на поддержку этой части населения. Еще одно обстоятельство укрепило его позиции. После убийства в 1812 г. хана Младшего жуза Джанторе одна из двух группировок родов избрала своим ханом султана Букея, кочевавшего на другой стороне Урала. В связи с этим перед оренбургской администрацией встал трудный вопрос: насколько эффективна будет его власть на обеих сторонах Урала – во Внутренней орде и в Младшем жузе. В указе 1812 г. об официальном признании султана Букея ханом Внутренней орды оговаривалось, что его власть распространяется и на роды Младшего жуза. В конце концов, однако, было решено, что целесообразнее султана Букея оставить ханом Внутренней орды.

Расположение Букеевского ханства в непосредственной близости и под контролем пограничных органов тем более было важно для царского правительства, что его влияние на казахское общество в целом, в Младшем жузе в частности, оставалось в то время номинальным. Характеризуя уровень развития казахско-русских отношений этого

периода, В.Я. Басин справедливо считает, что «для XVIII и начала XIX в. употребление термина «подданство» по отношению к казахам представляется неправомерным. Здесь речь идет о российском протекторате. Говорить о российском подданстве правомерно лишь со времени распространения на казахов общероссийских законов, то есть – не ранее середины 50-х гг. XIX в.»¹

Экономические интересы в качестве первоочередной задачи на начальном этапе образования и сложения Букеевского ханства царским правительством не выдвигались, хотя всегда имелись в виду. Астраханский военный губернатор Завалишин запросил в 1803 г., в разгар переселенческого движения, мнение командира астраханского казачьего полка Попова, который был одним из инициаторов «приглашения» султана Букея, о том, «какой пользы... на предбудущее время для России от них (т. е. переселяющихся казахов. – С.3.) ожидать можно?»² На это генерал-майор Попов ответил: «Польза, ожидаемая от них, та, что, когда они с таким великим числом скота останутся, какой при них был прежде, то оный будет в России и не будут пользоваться им хивинцы и бухарцы, как до сего делалось; народ же сей, когда обрусееет, то останется на таком точно основании, как и другой в астраханской губернии азиатский народ, кочевые калмыки и трухманские татары».³

Начиная с 20-х гг. Букеевское ханство становится значительным поставщиком скота и продукции из него для метрополии. Сенатор Энгель, обследовавший ханство в 1828 г. по заданию Министерства иностранных дел, сделал заключение, что «торговля сия весьма важна и достойна особенного внимания и поощрения».⁴ Ежегодно из ханства вывозилось в Россию по крайней мере 300000 голов баранов, стоимость которых составляла не менее 1 800000 руб., и продукции скотоводства более чем на 200000 руб. Важной мерой поддержания скотоводческого хозяйства казахов и его дальнейшего развития Энгель считал расширение пастбищных угодий казахов за счет возвращения захваченных уральским войском земель и наделения их новыми участками.

В отчете Оренбургской пограничной комиссии за 1839 и 1840 гг. о положении в Казахской степи, направленном в Азиатский департамент МИД, есть специальный раздел, названный «Польза от киргизов». В нем говорилось: «Хотя государственная казна не получает от народа этого значительного, прямого денежного дохода, но киргизцы, продавая и променивая произведения скотоводства своего, приводят

¹ Басин В.Я. Указ. соч., с. 258.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 256.

³ Там же, с. 257.

⁴ Там же, с. 293.

в оборот важный капитал и потребляют значительное количество произведений фабрик и внутреннего сельского хозяйства, водят караваны и тем способствуют торговле России со Средней Азией, которая без посредства их едва ли была бы возможна».¹

В политике России, проводимой в Букеевском ханстве, имелись как удачи, так и промахи. Правительство настолько приблизило к себе ханскую власть, что вопрос об удержании ее в «постоянном послушании» как таковой был снят. Как султан Букей и его брат Шигаи, так и Джангир – сын Букея, поочередно занимавшие должности хана, оставались усердными и надежными проводниками царской власти. Хозяйственная жизнь в ханстве стабилизировалась: были осуществлены распределение и перераспределение пастбищных и сенокосных угодий между родовыми подразделениями и крупными аулами, пресекался самовольный захват пустующих земель, удалось привязать хозяйственные коллективы к определенным местностям и кочевым путям, была ограничена барымта (угон скота за неуплату куна). Внутренняя торговля и торговые связи с русскими губерниями приобрели устойчивый характер, были изжиты ограбления иноземных торговцев и торговых караванов. Усилия правительства и его пограничных органов, осуществлявших руководство ханством, были в целом успешными. На основе традиционной организации была создана более действенная, с точки зрения правительственных органов, система власти и управления в ханстве.

К неудачам правительственных мер, осуществленных в союзе и совместно с ханской властью, можно отнести курс на централизацию власти и управления в орде в руках хана и его ближайших сановников; ориентацию хана на колониальную власть и ослабление его традиционных связей с кочевыми коллективами и их предводителями; навязывание населению воли пограничных органов и ханской власти; стремление ханской власти перестроить земельные отношения, с тем чтобы поставить трудовые кочевые и аульные коллективы в полную или, по крайней мере, в значительную зависимость от хана, ханской фамилии и его приближенных.

Царское правительство, увлеченное мерами «приобщения» ханства, не предвидело последствий, к которым могли привести и привели эти меры. Добиваясь усиления и эффективности действия ханской власти, правительство само стало причиной потери ее авторитета в народе и ослабления. Царизм хотел превратить Букеевское ханство в «благодатное общество», выращенное под своей эгидой. Вместо этого он получил бунтующее общество, обнажающее и разоблачающее

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 55.

антинародную сущность этой политики. Крестьянское восстание под руководством Исатая и Махамбета в 1836 – 1838 гг., направленное против хана, султанов и бийской знати, а также против колониальной политики царизма, серьезно пошатнуло устои режима в ханстве и заодно во многом опрокинуло планы правительства в этом регионе.

Букеевское ханство занимает особое место в истории Казахстана. Сам факт перехода значительной группы кочевников-скотоводов в пределы России и образование там нового казахского ханства с 200-тысячным населением представляет исключительное явление.

Если рассматривать это событие на фоне той политической обстановки, которая сложилась в Казахстане в конце XVIII – начале XIX в., когда то и дело вспыхивали местно-монархические и сепаратистские движения и было значительным противодействие колониальной политике царизма в крае, когда отсталое и задавленное казахское трудовое население было опутано идеологией институтов патриархально-феодальной системы, то значение образования Букеевского ханства на внутренней стороне России можно расценивать как новый этап в многовековой истории казахско-русских отношений.

Переход части населения Младшего жуза на правобережье Урала и образование там нового ханства были сопряжены со многими трудностями. Наибольшей из них было сопротивление монархических групп с антирусским настроением, пытавшихся сорвать этот процесс. Они неоднократно покушались на жизнь султана Букея и его приближенных, убивали их представителей, проводили агитацию с целью организовать обратную откочевку переселенцев. О них султан Букей писал инспектору Астраханского кордона Завалишину в письме от 15 декабря 1803 г.: «Они намерены посягнуть даже на жизнь мою за противность, что я с моими благомыслящими подвластными предался в подданство Его Императорского Величества и от зависти, что весь народ киргизский более имеет ко мне склонности, нежели к прочим султанам».¹

Русское государство обладало огромными потенциальными возможностями влияния на казахское общество в политической и военной, экономической и культурной областях. Это влияние усиливалось из года в год и все больше определяло развитие края. Политическое влияние, связанное с проведением колониальной политики и направленное на уничтожение казахской национальной государственности и на превращение края в обычную колониальную территорию с вытекающими отсюда последствиями, имело негативное значение. Наоборот, экономические связи и идейное общение русского, имевшего богатые демократические и революционные традиции, и казахского народов и связанное с ними

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 261

хозяйственное, культурное и идейно-политическое влияние на казахское общество имели не только общецивилизационное значение.

Значение Букеевского ханства в истории Казахстана заключается в том, что оно явилось той частью Казахстана, которая наиболее наглядно отражала плодотворность и перспективность углубления русско-казахских отношений. Здесь воздействие и влияние России и русского общества на все пласты и области внутренней жизни казахского общества были наиболее активными и повсеместными. Позитивные изменения в хозяйстве, мироощущении, идейной жизни, культуре и нравах населения со временем стали реальными явлениями и факторами общественной жизни.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ БУКЕЕВСКОГО ХАНСТВА И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ РОССИИ

Экономические связи России и ханства

Экономические связи между Россией и ханством складывались и развивались и в рамках официальной политики, и вне их, нередко в противовес этой политике. Политика правительства часто не совпадала с развитием экономических связей двух обществ, а потому служила препятствием на этом пути. Не всегда результаты этой политики соответствовали тем планам и намерениям, которые закладывались в нее по линии государства. На этой основе возникали противоречия между официальной экономической политикой царизма и порожденными ею последствиями. По мере укрепления и расширения хозяйственных и экономических связей между русским и казахским населением возникали стихийные явления, выходящие из-под управления, но влияющие на официальную экономическую политику.

Говоря о внешней экономической политике царского правительства вообще, в Казахстане в частности, мы должны иметь в виду, что в основных своих чертах она отражала конкретный хозяйственный строй самодержавия, его противоречия и реальные интересы тех классов, которые занимали доминирующее положение в структуре этого строя и находили полную поддержку со стороны правительства.

В недрах феодально-крепостнического строя русского государства интенсивно развивались буржуазные отношения. С 1800 по 1860г. число предприятий в стране возросло в 7 раз и составляло 15 тыс., а количество рабочих, занятых в них, за это время увеличилось в 4 раза (около 800 тыс. чел.).

Более 1/3 из них были наемными рабочими.¹ «Всякая страна, — указывает В.И. Ленин, — с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги».² Эта характеристика приложима и к колониальной политике самодержавной России.

¹ Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974, с. 10

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 379.

В инструкции, данной Министром коммерции Н.П. Румянцевым поручику П.Я. Гавердовскому, который в 1802 г. отправлялся в Бухару, говорилось, что при прохождении через кочевья казахов Младшего жуза необходимо сделать наблюдения «...положения мест, свойства в народах киргизских и касательно средств к обеспечению нашего торгова... при выезде Вашем из Орска примечания достойны при вершинах реки Ори и Эмбы горы Мугоджарские, где, по многим удостоверениям, скрыты богатые руды».¹ По прибытии в Бухару ему предписывалось добиться от хана охранительных листов для русского купечества, «когда оно или лично, или особенно, или целым караваном вознамерится предпринять путь в Кабул, Кашемир, Кандагар, Тибет и в прочие прилежащие индийские или персидские владения».² Определяя перспективу развития внешних экономических связей на юге, министр коммерции указывал, что «Бухара сама по себе не заслуживала бы дальнего внимания, если, как уже сказано, не была она пунктом соединения путей, к китайскому, персидскому и индийскому торгу ведущих».³ Командующий войсками Сибирской линии Г.И. Глазенап, как это видно из его письма министру иностранных дел Н.П. Румянцеву от 30 сентября 1811 г., неоднократно получал от последнего повеление «о распространении торговли в Сибирском краю»⁴ путем вовлечения в нее наряду с казахской степью и Кокандского ханства.

Экономическая отсталость, патриархальный быт, непросвещенность колонизуемых восточных окраин не только не служили препятствием успешному осуществлению колониальной политики, но являлись благоприятными условиями для проведения экономической политики царского правительства. В.И. Ленин указывал на полуфеодалную эксплуатацию «инородцев»⁵ как на одну из черт колониальной политики царизма.

Экономический потенциал Букеевского ханства почти исключительно составляло скотоводство и его продукты. Считалось, что начиная со второй четверти XIX в. поголовье скота в нем стабильно держалось на уровне двух миллионов голов. Ханство ежегодно обменивало на продовольственные и промышленные товары до 400 тыс. голов разного скота и другой скотоводческой продукции, включая шкуры и шерсть. Причем все это шло в Россию.

В соответствии с климатическими, природными и хозяйственными

¹ Внешняя политика России XIX-начала XX в. Серия 1, т. 1.

² Там же, с. 335.

³ Там же, с. 336.

⁴ Там же, серия 1, т. 6. М., 1962, с. 185.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 318.

ми условиями разведению мелкого скота (баранов) и лошадей уделялось в ханстве большое внимание.

Скотоводческое хозяйство, занимавшее монопольное положение в экономической структуре общества, носило экстенсивный характер и покоилось на кочевой и полукочевой системе, определявшей быт населения. Земледелие не имело существенного значения в системе общественной экономики. Уровень развития производительных сил, в частности орудий и средств производства, оставался низким. Ремесленное производство было примитивным и не имело самостоятельного значения. Оно не развивалось дальше домашних потребностей и базировалось на несовершенных орудиях производства.

Расширение торговли было главной целью в экономической политике царского правительства. Уже в царском Указе 1806 г., определившем территориальные пределы ханства, содержалось указание об учреждении постоянного торгового пункта и ярмарки в районе среднего течения реки Актюбе и в других местах внутри ханства. На территории ханства в 30-х гг. появились торговые центры с большим оборотом. Интенсивное развитие торговли, однако, не повлекло за собой развитие ремесел, как это обычно бывает, что объяснялось характером торговых отношений в орде. Развитие торговли основывалось на растущих потребностях в скоте и продуктах, вырабатываемых из него.

Одним из наиболее значительных торговых центров была ханская ставка. Учрежденная в 1832 г. ярмарка при ней функционировала два раза в год: весной – с 15 апреля по 15 мая, и осенью – с 15 сентября по 15 октября. По сведениям ханской канцелярии, только в 1839 г. на эти ярмарки из глубины степи поступило на продажу 4 122 головы крупного скота (верблюдов, лошадей и рогатого скота), 68 498 баранов, 6 419 пудов шерсти, разных шкур 30 009 штук. В свою очередь иноземные торговцы и русские крестьяне привезли на ярмарку промышленных товаров и хлебных продуктов на 2 420 700 руб. ассигнациями. Причем из них были реализованы товары на сумму 1 237 400 руб.¹ В 1851 г. объем торгового оборота на ярмарках при Ставке составил более 1 млн. руб. серебром.

Торговые ярмарки в ханстве становились все более многолюдными и разноязычными. Здесь налаживались контакты, обмен товарами, сходились лицом к лицу степные кочевники и горожане, скотоводы и земледельцы, аульные кустари и мастера городских цехов, опытные купцы и неискушенные в торговле нерасчетливые пастухи, российские промышленники и степные богачи, крестьяне и казахские ша-

¹ Сведения о Внутренней киргизской орде. – Журн. МГИ, 1841, ч. I. с. 274

руа. Словом, эти ярмарки были важны не только в экономическом плане. Они вместе с тем знакомили и сближали людей разных местностей и национальностей, способствовали взаимному познанию. Достаточно сказать, что в 1845 г. на весенней ярмарке при Ханской ставке приезжих торговцев было до 1000 чел. из 15 губерний России,¹ в 1847 г. – более 1500, а в 1851 г. – более 2000 чел.² Эта ярмарка пользовалась широкой известностью далеко за пределами ханства. Так, в наиболее многочисленной из них, весенней ярмарке 1846 г. приняло участие 3883 чел., из которых 2700 чел. составляли местные жители – казахи, а 1183 чел. приезжие – русские купцы, мещане и крестьяне; татары, армяне, калмыки – 65, туркмены – 10, хивинцы, казаки.³ Вот как описывает очевидец эту ярмарку: «Огромные стада курдюков покупаются и вымениваются приезжающими в орду русскими купцами, казаками и татарами и пригоняются на Урал и за Волгу – в Астрахань, Камышин, Самару». По его словам, татары, перегоняя скот внутрь России, «занимаются довольно успешно салотоплением, деланием свечей и мыла, а также обработкою кож», а купленных у казахов лошадей они «переторговывают в русских селениях Саратовской губернии и других... Крестьяне предпочитают киргизских лошадей всяким заводским для земледельческих работ».⁴

Ханская ставка была не единственным торговым местом. Казахи вели оживленную торговлю в Астрахани, Саратове и Уральске, участвовали в Булхонской и Новоузенской ярмарках.⁵ Районы кочевьев аулов также были покрыты густой сетью передвижных торговых точек. Титулярный советник Пограничной комиссии Кузнецов в 1824 г. доносил, что торговые люди, приезжающие со стороны Волги и Урала, ездят «по пространству всей орды» и что они за наличные деньги покупают у местного населения от 100 до 150 тыс. баранов.

Место и значение Букеевского ханства в торговой политике царского правительства вообще, в снабжении метрополии скотоводческой продукцией в частности, более наглядно выступают на общем фоне развития русско-казахских торговых связей. По данным М.П. Вяткина, из Казахстана в Россию было вывезено основного торгового вида скота – баранов: в 1803 – 1807 гг. – 406 715, в 1808 – 1812 гг. – 318 202 головы.⁶ А

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, св. 5, д. 38, л. 296-297.

² *Алекторов А.Е.* Из письма хана Джангира к графу Перовскому. – Астраханский листок, 1892, № 258.

³ *Киттары М.Я.* Ставка хана Внутренней киргизской орды. – Журн. МВД, т. 28, 1849, с. 182-183.

⁴ *Есинов Г.* О киргизах орды Джангира Букеева. – Журн. МГИ, 1841, 4. с. 295.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 29.

⁶ *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР, с. 215.

из одного Букеевского ханства, по неполным сведениям его правителя султана Шигая, в 1814 г. переправлено в Россию 277 100 баранов.¹

По данным оренбургской таможни, на меновых дворах и торговых пунктах при Орской, Илецкой, Уральской, Калмыковской и Гурьевской заставах, а также при самой таможне в 1841 г. было выменено 116 832 головы баранов.² Согласно журнальной записи департамента мануфактуры, в 1827 г. в Россию было переправлено из Букеевского ханства около 400 тыс. баранов, 3000 голов лошадей и различных продуктов скотоводства на общую сумму 2 925 000 руб.³

При этом надо иметь в виду, что оренбургская таможня обслуживала обширные зоны Младшего жуза и северо-западную часть Среднего жуза, территория и население которых во много раз были больше, чем в Букеевском ханстве.

До упразднения ханской власти царское правительство не имело прямой экономической выгоды от Букеевского ханства: ханство не облагалось сборами и пошлинами, оно не несло официальной материальной повинности перед казной русского государства. Торговля считалась главным каналом экономической связи между Россией и ханством. А. Евреинов, очень хорошо знавший положение в этой части, указывал, что «орда скотом своим, сырыми произведениями, салом и шерстью снабжает не только прилегающие к ней губернии, но привлекает к себе потребителей изнутри Империи, скупая от них предметы своих нужд, и таким образом является замечательным торговым двигателем».

В отдельные годы по просьбе пограничных властей производился сбор верблюдов для нужд царских военных экспедиций и отрядов. Так, в 1829 г. Джангир-хан передал оренбургскому губернатору 500 верблюдов «для нужд России», купленных им в казахских аулах на сумму 56 053 руб.⁴

Контакты Казахстана с Россией, которые становились из года в год более активными, отразились в некоторых изменениях, в формах и структуре экономической жизни Букеевского ханства. Причем эти изменения, поскольку они явились результатом влияния более развитой системы экономики России на отсталую экономику кочевого, полукочевого казахского общества, выступали как прогрессивные и перспективные.

Заметно изменился быт казахов. Под влиянием русских поселен-

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 12.

² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1550, л. 165.

³ Приводится по кн.: *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Спб., ч. 3, 1832, с. 234.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 146.

цев и с одобрения правительства степная знать стала строить дома и хозяйственные постройки. Это способствовало оседанию кочевников. В 30 – 40-х гг. домостроительство стало довольно распространенным явлением в Букеевском ханстве. Родоначальники и султаны, бии и старшины, прежде изредка сооружавшие на зиму землянки, теперь стремились строить и добротные дома. Лес и другой строительный материал доставлялся в орду с берегов Волги, из Новоузенского, Николаевского, Камышинского, Черныярского, Царицынского и Астраханского уездов, входивших в состав Саратовской и Астраханской губерний.

Новым явлением в экономике Букеевского ханства были первые опыты сооружения с помощью приглашенных русских специалистов плотин на реках и артезианских колодцев для орошения полей. С помощью плотины, сооруженной на р. Торгунь в 30-х гг. XIX в., удалось поднять уровень воды на 3 сажени и образовать пруд длиной 25 верст и шириной до 40 саженей. Плотина была построена наемными рабочими и стоила хану около 6 тыс. руб. ассигнациями. Пруд использовался для орошения низменности, и ежегодно на этой территории скашивалось до 600 стогов сена, а цена одного стога сена зимой доходила иногда до 100 руб. серебром.¹ Из двух вырытых артезианских колодцев один, в урочище Жас-Кус, давал воду. По свидетельству современников, «для орошения полей от засухи... Джангир-хан предполагал строить в разных местах артезианские колодцы».²

Делались попытки в ханстве улучшить местные породы лошадей путем приобретения жеребцов с государственных заводов. Профессор ветеринарии Э. Островский, посетивший Внутреннюю орду в середине 50-х гг., после осмотра табунов лошадей, принадлежавших хану Джангиру, отмечал, что «появились в них новые виды аргымаков под влиянием жеребцов благородной породы», приобретенных из Императорского орловского конного завода.³

Влияние России на структуру экономической жизни патриархально-феодалного казахского общества было благотворным, но значение его нельзя преувеличивать. Оно наталкивалось на отсталость, косность, консерватизм, характерные для Казахстана первой половины XIX в. И все же уже в тех незначительных экономических и социальных изменениях просматривалось будущее развитие отношений между Россией и Казахстаном.

¹ *Иванши М.И.* Указ. соч., с. 16.

² *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, с. 218.

³ *Островский Э.* Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью. – Журн. МВД, ч. 34, 1859, № 5, с. 36 – 37.

Тенденция к оседанию кочевого аула

В Младшем жузе земледелие не было развито. Казахи до перехода на внутреннюю сторону оставались в полном смысле слова кочевым народом. За отдельными исключениями, они не заботились о постоянных жилищах, не заготавливали корма для скота на зиму, скотоводство носило экстенсивный характер. Такое положение в основном сохранялось всю первую половину XIX в. В очерке о Младшем жузе М. Михайлов (1867) сообщал, что казахи жили круглый год в кибитках.¹ М.И. Иванин, который в начале второй половины XIX в. непосредственно изучал быт казахов, также подтверждал, что жители Младшего жуза «вели совершенно кочевую жизнь, не заботясь о запасе сена на зиму».² Л. Арасанский (1868 г.) отмечал, что в Младшем жузе казахи переходят к полуоседлой жизни только вынужденно, из-за бедности, а кочевой образ жизни является привилегией зажиточной части населения.³ В полевом журнале экспедиции 1824г., составленном капитаном Вильховским и подполковником Балкашиным, записано, что экспедиция проехала по р. Уилу, Тайсойган к Калмыковской крепости, прошла десятки урочищ, которые являлись зимовыми местами зауральских казахов, однако только на одном из них были обнаружены признаки заготовленного сена. Хозяйство населения было примитивным и находилось почти в полной зависимости от природных условий. В неблагоприятные годы, в период гололедицы, джута, стихийных бедствий, хозяйства казахов терпели огромный ущерб.

В Букеевском ханстве намного раньше, чем в Младшем жузе, начался процесс перехода кочевых аулов в полуоседлое состояние. На это были свои причины: ограниченность территории ханства, сделавшая невозможными далекие сезонные переходы по пастбищам с юга на север; относительно ускоренное формирование общественного мнения о преимуществе полуоседлого и оседлого образа хозяйствования и жизни под воздействием суровых материальных испытаний и растущего общения с оседлыми и полуоседлыми народами России, в первую очередь – с русской деревней. Не последнюю роль в этом процессе играла официальная политика ханской власти, поддержанная правительственными органами и направленная на определенное поощрение перехода казахского кочевого населения к оседлости и полуоседлости.

¹ Михайлов М. Киргизы. – Литературная библиотека. СПб., 1867, июнь, с. 285.

² Иванин М.И. Указ. соч., с. 14.

³ Арасанский Л. Причины волнения в киргизских степях. – Деятельность, 1869, № 98.

Уже в 30-х гг. стала заметной тенденция к оседанию кочевников. Быстро увеличивалось число домов и землянок.¹ К 40-м годам XIX в. территория ханства покрылась сетью разбросанных по урочищам многочисленных глиняных и бревенчатых изб, землянок, среди которых размерами и отделкой особенно отличались дома султанов и родовой знати. Так, вблизи Камыш-Самарских озер с 1820 г. по 1850 г. было построено более ста жилищ, в том числе немало добротных деревянных и глиняных. Принадлежали эти дома в основном местной знати. В урочищах Теректы имелось около 30, Мечеть – 44, Дуйсе – 35, Тулубай – 15, Умирбек и Темирбек – 20, в долине реки Узень – 15 землянок.² В 50-х гг. постоянные зимние жилища с хозяйственными пристройками имели 2/3 населения.³

В середине кочевьев казахских родов возникали населенные пункты, которые впоследствии стали административными, торговыми и культурными центрами. Наиболее значительным среди них было селение Хан-Кала (Жангир-Кала), или, как в русских источниках, Ханская ставка. Его основание началось в 1826 г. Вначале Джангирхан построил для себя небольшую избу, а через два года на дарованные средства императора и с помощью русского инженера возвел деревянный ханский дворец с боковыми флигелями.⁴

Вокруг этой постройки оседали родственники и люди хана, русские, армянские и татарские торговцы, уральские казаки и др. В 1841 г. здесь насчитывался уже 41 дом, а в 1846 г. – 89. Эти дома распределялись следующим образом: хану принадлежали 6 домов, султанам – 4, азиатским чиновникам ханской канцелярии, приглашенным из Оренбурга, – 4, русским – 10, казанским татарам – 13, армянам – 2, астраханским мещанам – 5, казахам – 41, 2 дома занимали казачьи отряды. Кроме того, при этих домах имелось 46 лавок,⁵ а через 5 лет, т. е. в 1851 г., их было уже 152, из них 114 деревянных.⁶

В Ханской ставке кроме администрации хана размещались ахун – главный мулла ханства, для которого была построена мечеть, школа для казахских детей с обучением на казахском и русском языках, собрана коллекция древнего казахского оружия, размещались ханские

¹ До возникновения Букеевского ханства эта территория представляла собой безлюдную пустыню, покинутую кочевниками-калмыками. Сенат в докладе Императору Александру I в 1803 г. писал, что там «нигде и никаких селений не заведено» (Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4. М. – Л. 1940, с. 257).

² ЦГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 193 – 196.

³ Медведский Т. Указ. соч., с. 295.

⁴ Он состоял из 23 комнат и бани; в центральном корпусе было 7 комнат, в мезонине – 2, в пристройке по обоим бокам – 6, в двух флигелях – 8 комнат.

⁵ Киттары М.Я. Указ. соч., с. 111.

⁶ Иваниц М.И. Указ. соч., с. 15.

туленгуты – служители ханского двора. Население было многонациональным. По данным 1851 г., в Ханской ставке проживало: 346 казахов, 193 татарина, 120 русских, 13 башкир, 15 армян, кроме того, 134 уральских и астраханских казаков, несших военную службу.¹

Вторым по величине населенным пунктом был Торгунь-Кала, или летняя ставка, находившийся к северо-западу от Ханской ставки, на берегу р. Торгунь. Это селение возникло в середине 30-х гг. в качестве летней резиденции хана. В нем в 1846 г. насчитывалось 9 – 10 домов и несколько мелких хозяйственных построек, среди которых возвышался двухэтажный ханский дом, состоявший из 12 комнат. При нем, как описывает очевидец, имелся «сад с решеткою и рвом, обсаженный вишневыми деревьями с купальнею».²

Обращает на себя внимание то, что в Букеевском ханстве в первую очередь строила дома, переходила к полуоседлой жизни зажиточная часть населения, знать «белой» и «черной» кости, тогда как раньше такой образ жизни был уделом жатаков, наиболее беднейших из казахов. «К оседлости прежде всего переходят бедняки, – писал академик Бартольд, – не имеющие возможности кочевать жатаки».³ Другой характерной чертой этого процесса было то, что в Букеевском ханстве переход к полуоседлой жизни не был связан непосредственно с земледелием, как это наблюдается в жизни других народов и других районов Казахстана. Почвенные и климатические условия орды не благоприятствовали ведению земледельческого хозяйства.

Переход к полуоседлому и оседлому образу жизни обусловил изменение цикла и формы хозяйствования. Сенокосение, оборудование зимних укрытий для скота начинают занимать значительное место в экономике скотовода. «Когда приходило покосное время, они (т. е. жители Букеевской орды. – С. З.) отправлялись на свои покосы и скошенное сено свозили к своим зимовкам, для топки домов зимой они свозили к ним кизяк. Зимовки свои они обрывали канавами, устраивая из вынудой земли земляные валы, и через то делая ограды для охранения от сильных стуж хотя бы части более нежного и вновь родившегося скота».⁴ Э. Островский, побывавший в Букеевской орде в 1859 г., отмечал: «Летом киргизы начинают запасаться сеном для зимы и начинают иногда луга вблизи своих зимних кочевков».⁵ О том же писал И. Казанцев, служивший в течение 20 лет при канцелярии оренбургского губернаторства и хорошо знавший внутреннюю жизнь орды. «Многие

¹ *Иванин М.И.* Указ. соч., с. 15.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 104.

³ *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 120.

⁴ *Иванин М.И.* Указ. соч., с. 16.

⁵ *Островский Э.* Указ. соч., с. 76.

киргизы стали заготавливать корм и устраивать зимовки».¹ «Уже некоторые из кочующих, – подтверждал А.Терещенко, побывавший в Орде в начале 50-х гг. XIX в., – начали заводиться домиками и землянками, строить хутора кибиточные, приучаться к косе и сохе».² Жители Букевской орды «...всегда запасают на зиму сено, – писал один из очевидцев, – как подспорье подножному корму и как средство поддерживать силы животного в трудные периоды зимнего времени».³

Тенденцию к оседанию кочевого аула, ставшую к середине XIX в. значительной, дореволюционные авторы, многие из которых состояли на службе у царского правительства, стремились всецело связывать с политикой Джангир-хана, его личностью и убеждениями.⁴ «Хан старается, – писал Г. Есипов, – убеждением и увещанием приучить киргизов к одной весьма важной мере в этом отношении, а именно: к постоянным зимовым кочевьям».⁵ «Джангир, чтобы стимулировать домостроительство в Ханской ставке, наделял желающих землею безвозмездно»,⁶ – указывает другой автор. Еще больший акцент на это делает М. Троицкий. «В последнее двадцатилетие, – читаем в его записке, – под благоразумным управлением хана Джангира Букеева, генерал-майора русской службы, развилась в киргизах склонность к оседлой жизни».⁷

Нетрудно понять этих авторов – они были заинтересованы в хане Джангире, верном проводнике правительственной политики во Внутренней орде. Этим мы не хотим сказать, что ханская политика не играла никакой роли в объективном процессе оседания кочевников-скотоводов. Убеждения хана Джангира, связанные с признанием пользы перехода кочевников в полuosедлое состояние, а также его политика в этом направлении играли положительную роль в развитии этой тенденции, но не определяли ее зарождение и оформление как общественного явления.

Хан Джангир видел в оседании кочевников не столько пользу «гражданского устройства» населения, сколько выгоды управления им. В одной из своих записок он писал: «Пример, который я подал к домозаведению, и мои личные убеждения побудили родоначаль-

¹ Казанцев И. Указ. соч., с. 218.

² Терещенко А. Указ. соч., с. 75.

³ Медведский Т. Указ. соч., с. 293.

⁴ Бытовало мнение, что Джангир-хан, женившись на дочери оренбургского муфтия Фатиме, воспитанной в условиях оседлой городской жизни, стремясь угодить ей, стал сторонником оседания кочевников и возведения постоянной ставки управления.

⁵ Есипов Г. Указ. соч., с. 299.

⁶ Евреинов А. Указ. соч., с. 62.

⁷ Троицкий Н. Указ. соч., с. 99.

ников и некоторых старшин к постоянному устройству на зимовках домов и землянок с некоторыми хозяйственными принадлежностями. При дальнейших внушениях и убеждениях очевидностью удобства и пользе этого, киргизы начали мало-помалу устраивать землянки. Стремление к таким постройкам при почти всегдашних зимних холодах развивалось столь быстро, особенно в Нарын-песках и к Малому Узеню, что я сам изумлен был многочисленностью землянок: число их далеко заходит за тысячу. Каждый зажиточный киргиз думает и старается, несмотря на трудности доставки и дороговизну леса, сделать себе землянку. Все эти жилища в орде можно разделить на зимовые ставки родоначальников и зимовки старшин и простых киргизов. Первые находятся на зимовых местах, занимаемых родоначальниками, и состоят из небольшого дома для самого родоначальника, двух-трех землянок для других помещений и самых необходимых небольших хозяйственных построек. Вторые расположены на участках, назначаемых мною отделениям родов для зимнего их кочевья: эти зимовки состоят из глины и небольших домов. На зимовки султаны, старшины и киргизы прикочевывают с наступлением осенних холодов; кто имеет дома и землянки – живет в них, а у кого их нет, тот по-прежнему живет в кибитке до наступления теплого весеннего времени. С этой поры все выходят со скотом на летние пастбища, в степь, и кочуют опять с лета до холодов».¹

Многие современники переход казахов к полуоседлости и оседлости, домостроительству и сенокосению связывают с массовой гибелью скота в зимние месяцы 1827 и 1828 гг. Колоссальный урон, понесенный в эти годы скотоводами, заставил их искать пути самосохранения. По данным Астраханского губернатора, в 1827г. от бескормицы – джута – в ханстве пало до 111 тыс. лошадей, 45 тыс. голов крупного рогатого скота, около 6 тыс. верблюдов и 220 тыс. баранов,² а в 1828 г., как сообщает чиновник оренбургского губернаторства, в результате жестоких и длительных буранов жители Букеевского ханства потеряли 10 500 верблюдов, 280 500 лошадей, 75 480 голов скота и 1 012 000 баранов. В период вьюги, как описывает тот же автор, «весь скот шархнул к северу, в Саратовскую губернию, частью попадал в овраги и рытвины, частью замерз на голой степи, частью был утаен поселенцами разных деревень».³ Массовая гибель скота в результате бескормицы и стихийных бедствий на-

¹ *Небольсин П.И.* Указ. соч., с. 235-236.

² Цитируется по кн.: Вяткин М.П. Указ. соч., с. 248.

³ *Бларамберг И.Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. Ч. 2. Спб., 1848, с. 38.

блюдалась и в последующие годы. Так, в одном из донесений было сказано, что только в течение трех дней – 21 – 23 марта 1833 г. – от сильного мороза с бурей, который ударил после сильного дождя, погибло более 15 тыс. лошадей, а также баранов «во всей орде великое число».¹ В суровую зиму 1832 г. скотоводы в районе Приморья потеряли почти половину всего скота, а казахи северной части орды в массовом порядке начали переходить в пределы соседней Саратовской губернии.² В зиму 1840 – 1841 гг. в ханстве погибло более 150 тыс. голов разного скота.³

Казахские аулы, не успев оправиться от одного джута, попадали в другие, не менее опустошительные. В этих условиях культивирование сенокосения там, где было возможно, постройка пусть даже примитивных укрытий для скота и возведение зимних жилищ явились необходимостью в хозяйственном и жизненном цикле кочевников-скотоводов. В Букеевском ханстве быстрее, чем в Зауральских степях, эта необходимость становилась реальностью. Имеющиеся в архивах материалы содержат немало сведений о планомерной заготовке сена казахами не только в районах стойбищ, но и на арендуемых землях. Так, на землях князя Юсупова и графа Безбородько, что лежали на побережье Каспийского моря, казахи систематически заготавливали сено.⁴ В 1830 г. они накопили на этих землях около 550 тыс. снопов.⁵

Тенденция к оседанию и переход части казахских семей в полуоседлое и оседлое состояние внесли определенные изменения в структуру их хозяйственной жизни, расширили и сделали более разнообразными потребности хозяйственного и домашнего обихода.

Полуоседание кочевников привело к некоторому росту числа возделываемых полей около зимних жилищ, хотя почвенные и климатические условия здесь были крайне неблагоприятны для развития земледелия. И.Ф. Бларамберг отмечал, что территория, занимаемая ими, является «совершенно неудобной для хлебопашества и почти безводная».⁶ Об этом же писал и Г.О. Есипов. По его мнению, «орда рассеяна по огромной степи совершенно неудобной для хлебопашества и годной единственно для скотоводства».⁷ Царское правительство не было заинтересовано в развитии земледелия в казахских степях, в нем оно видело причину нарушения системы колониальной

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 6, л. 38.

² ЦГДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 55-56.

³ Есипов Т. Указ. соч., с. 297.

⁴ ЦГДА, ф. 1290, оп. 2, д. 452, л. 5.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Бларамберг И.Ф. Указ. соч., т. 14, ч. 3, с. 26.

⁷ Есипов Г.О. Указ. соч., с. 294.

торговли, рынков сбыта. «Существует мнение, – писал чиновник из центрального статистического комитета А. Артемьев, – что киргизов необходимо отвлекать всеми мерами от земледелия, что развитие его между ними причинит вред русским, сделает подрыв нашей меновой торговли, потому что прилинейные жители тогда не будут иметь возможности сбывать свой хлеб киргизам».¹ Правда, этот взгляд мало повлиял на жизнь Букеевского ханства.

Начиная с 30-х гг. земледельческое производство получило некоторое развитие. В процессе перехода к полuosедлой жизни казахи, хотя еще в незначительных размерах, начали обрабатывать целину. В летнее время при зимовках оставались семьи, которые занимались посевом.² Некоторые султаны нанимали для земледельческих работ русских крестьян. В урочищах Каракуль, Пороги, Сарай-Шиганак, в окрестностях форпоста Талового, по берегам р. Большой Узень отдельные семьи занимались обработкой полей и сеяли просо и хлеб.³ Орудия труда и способы земледелия у казахов были примитивными.

В связи с ростом потребностей населения в ремесленных товарах, что было обусловлено переходом населения в полuosедлое состояние и влиянием быта оседлых соседей на образ жизни казахов в Букеевской орде, начиная со второй четверти XIX в., несколько увеличилось значение ремесленного дела. Советник Букеевской орды С. Бабаджанов в своих письмах сообщает, что хан Джангир в свою бытность на Кавказе пригласил в орду золотых и серебряных дел мастеров, которые обучали своему искусству казахов.⁴ Журнал «Сын Отечества» в 1840 г. писал, что казахи орды «получили посредством русских познания во многих ремеслах»,⁵ но в целом ремесло, как и земледелие, в первой половине XIX в. в орде развивалось медленно и сохраняло в основном бытовой характер, уровень навыков производства оставался весьма низким.

Процесс оседания населения и связанные с ним изменения экономической жизни общества оказали влияние и на жизнь казахского аула, внутренние и межаульные отношения.

Аул являлся первичной хозяйственной ячейкой в кочевом казахском обществе. Вместе с тем он был социальной клеточкой и низовой, простейшей структурой общественного управления. При всем этом главным фактором, определявшим внутреннюю жизнь и организацию аула, оставались интересы ведения скотоводческого хозяйства, основанного на кочевой и полукочевой системе.

¹ Артемьев А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского воеводства. – Журн. МВД, октябрь, 1859, с. 37.

² Шахматов В.Ф. Указ. соч., с. 40.

³ Оренбургский листок, 1887, № 29; Журн. МВД, 1859, февраль, с. 70.

⁴ Северная пчела, 1861, № 4.

⁵ О Внутренней, или киргиз-кайсацкой, орде. – Сын Отечества, 1840, ч. 5, с. 233.

По своему быту и организации он был подвижным и мобильным и, несмотря на отсталость, патриархальность, обладал значительной чувствительностью к изменениям внешних условий. Он реагировал на происходящее вокруг и на политику властей, относящуюся к внутренней жизни аула, почти мгновенно и непосредственно. Это имело свои плюсы и минусы.

Число хозяйств, входящих в казахский аул в различных частях края, зависело от многих причин: от состоятельности его членов, времени года, травостоя, безопасности кочевой полосы, длины перехода и т. д. «Аулы, или, лучше сказать, семейства, – писал Г. Броневский (1830 г.) о Среднем жузе, – бывают, смотря по величине фамилии, от 5 до 70 юрт».¹ «Стан от 10 до 100 и более кибиток с семействами, происходящими от одного поколения и кочующими всегда вместе, называется улусом, или аулом, и заведывается большей частью аксакалом, белобородым стариком преклонных лет», – писал журнал «Сын Отечества». Судя по этим и другим данным,² крупные аулы, каждый из которых имел в своем составе от 50 до 100 семейств, были нередкими в Среднем и в Младшем жузах. В то же время стало заметным дальнейшее уменьшение аула всюду. Мейер, служивший в пограничных органах и изучавший жизнь казахов, сообщает, что в 50 – 60-х гг. в Зауральской степи много было аулов по 15 кибиток в каждом.³

В Букеевском ханстве процесс дробления аула был особенно сильным. Причину такого положения следует искать в особенностях внутренней жизни казахского общества этого региона, в режиме и формах его хозяйствования. Имели значение и ослабление феодальных и межродовых усобиц, известная стабилизация общественной жизни в ханстве. На факты дробления аулов во Внутренней орде указывали многие исследователи.⁴ Так, Э. Островский писал, что по дороге из Астрахани в Букеевскую ставку «через каждые 20 – 30 и более верст встречается по одной или по несколько киргизских кибиток, составляющих их аулы». Дробление хозяйственной ячейки – аула – на мелкие части нельзя расценивать иначе как стремление отдельной семьи отпочковаться в аул. Это было одной из общественно-хозяйственных особенностей Внутренней орды первой половины XIX в.

Исторически в основе формирования аула лежали кровнородственные связи его членов. В рассматриваемый период в составе большинства аулов нередко доминировали группы хозяйств, связан-

¹ *Броневский Г.* Записка о киргиз-кайсацкой средней Орде. – Отечественные записки, 1830, ч. 42, с. 186.

² *Казинцев И.* Описание киргиз-кайсака. Спб., 1867, с. 34.

³ *Мейер Л.* Указ. соч., с. 247.

⁴ *Островский Э.* Указ. соч., с. 66; Медведский Т. Указ. соч., с. 290.

ные непосредственными и дальними родственными отношениями. Это давало повод многим русским путешественникам и чиновникам видеть в казахском ауле подобие союза кровноблизких семейств или большой патриархальной семьи. Царский офицер, в течение ряда лет участвовавший в управлении казахской степью Сибирского ведомства, Г. Броневский писал, что «аул как бы одно семейство, дети и близкие родственники суть подчиненные бия-старшины».¹ А. Евреинов также усматривал в ауле нечто единое. По его словам, аул в Букеевском ханстве составляет «почти всегда одно семейство, где старший, как глава его, распоряжается всем. Голос его – закон остальным».²

От аула как начальной общественной организации и хозяйственной ячейки с низовым управлением следует отличать выбившиеся из аула по разным причинам небольшие семейные группы или отдельные семьи, жившие в отдельные сезоны года обособленно в пространстве и по-своему вольно.

Но и эти кочевники всегда имели своего покровителя из знати, независимо от того, кем он приходился им с точки зрения родства и где кочевал в данный момент.

Структуру аула того периода можно представить как ядро и его окружение. Ядро аула выступает доминантой во внутренней жизни коллектива: оно осуществляло власть, сосредоточивало скот и владения пастбищными участками и зимовкой. Нередко в ядро аула входили хозяйства, имеющие родственные связи, как правило, не далее третьего колена. Это, однако, не делало отношения между ними в сфере социально-экономической жизни кровнородственными, хотя в определенной мере «смягчало» их, придавало им патриархальный характер. Родственные отношения больше всего сказывались в сфере быта, традиций и патриархальных общественных учреждений. Среди членов ядра аула, как бы они ни были близки друг другу по родственной линии, существовала имущественная обособленность и имущественное различие, которые и определяли место каждого из них в социальной жизни как внутри ядра аула, так и в ауле в целом.

Окружение ядра аула составляли дальние родственники и так называемые кірме – пришельцы из других родовых групп, занимающие подчиненное, номинальное положение по отношению к основной группе, составляющей ядро аула.

Процесс смешения выходцев из разных подродовых ветвей при

¹ Броневский Г. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. – Отечественные записки, 1830, т. 42, с. 91.

² Евреинов А. Указ. соч., с. 84.

формировании аулов в Букеевском ханстве также был более глубоким, чем в Зауральской степи. На это обращали внимание многие современники, участвовавшие в управлении ордой после смерти Джангир-хана. Так, М. Иванов указывал, что в Букеевской орде «почти нет ни одного отделения, в котором значительное число кибиток не кочевало бы в других отделениях и родах, перемешавшись по всей орде».¹

Своеобразием аульной организации в Букеевской орде являлось также выделение богатых хозяйств с работниками из крупного аула в подаул с целью получения привольных пастбищ.

К рассматриваемому нами периоду казахские аулы перестали быть кровнородственной организацией, в которой доминировали отношения родственной солидарности. Аул представлял собой малое сообщество собственников, богатых и бедных, знати и тружеников, влиятельных и подданных. Хозяйства, объединенные в аулы, находились в состоянии хозяйственной, экологической и социальной зависимости друг от друга. Аул был не только хозяйственной ячейкой, но и организацией низового самоуправления, во главе которой стоял предводитель, старейшина, аксакал, обладающий определенной прерогативой власти в системе отношений господства и подчинения, часто прикрытых патриархальной оболочкой.

Новое в земельных отношениях

Земельные отношения в Букеевском ханстве имели свои внутренние и внешние проблемы. Через всю его историю проходят территориальные споры между ханством, с одной стороны, и уральскими, астраханскими казачьими поселениями, прикаспийскими помещичьими владениями – с другой. Хан Букей через своих депутатов, направленных к царю в 1814 г., передал жалобу, что «некоторые частные люди завладели землями, издавна киргиз-кайсакам для кочевья в Астраханской губернии пожалованными».² Султан Шигай, исправлявший ханскую должность после смерти Букея, в 1819 г. сообщал Оренбургскому военному губернатору, что землемер из Астраханской губернии отторгнул из владения ханства полосу на его западной территории шириною до 40 верст. К тому же, как он писал, плодородные обширные участки по р. Большой Узень захвачены Уральским войском вопреки царскому Положению об отводе земель казахам.³

По предписанию Министерства иностранных дел, куда стекались

¹ *Иванов М.П.* Указ. соч., с. 18.

² Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 276

³ Там же, с. 277.

жалобы о захвате части территории Букеевского ханства, создавались комиссии астраханского и оренбургского губернаторств, посылались группы землемеров для уточнения, в который раз, земельных пределов ханства и рассмотрения споров. Ответственный чиновник Оренбургской пограничной комиссии Кузнецов в донесении губернатору от 20 июля 1825 г. указывал, что одна спорная территория – это участок между р. Большого и Малого Узеня, простирающийся до Камыш-Самарских озер, имеющий в поперечнике 30 – 50 верст, в длину около 150 верст, где зимуют ежегодно около 3000 кибиток со скотом, «зимнее пребывание их сохраняет скотоводство, но и здесь неизвестно почему Уральское казачье войско их не допускает».¹

Казахские аулы и роды, перекочевавшие во внутреннюю сторону, по своему хозяйственному укладу, образу жизни, традициям и обычаям в первое двадцатипятилетие оставались такими же, какими были до перехода. Они оставались кочевыми скотоводами и изредка занимались земледелием на небольших оазисных участках среди песков. Освоение новых территорий под пастбища проходило по традиционной схеме: сильные кочевые коллективы обосновывались на лучших угодьях и устанавливали на них свои права, а вновь прибывающие аульные группы осваивали периферийные, свободные, менее ценные пастбищные массивы. Правители (султан Букей, а после него султан Шигай) не меняли складывающиеся земельные отношения. «Так как число переселившихся было незначительно, сравнительно с пространством представленных им земель, то Букей не видел надобности прибегать к особым наделам отдельным общинам и лицам: киргизы разместились по степи, как хотели. Они часто переходили с места на место, но споров из-за отдельных участков не возникало. Короче, при Букее и после – в первое двадцатипятилетие настоящего столетия о наделах, а следовательно, и о поземельной собственности не было и речи».²

Такое «мирное», во многом стихийное освоение нового района продолжалось недолго. В связи с приливом новых групп кочевников из-за Урала, а также с выдвиганием родовых коллективов, претендующих на лидерство, на особое положение в новом ханстве вообще, система землевладения, ее структура и содержание стали претерпевать изменения.

Ограниченность пастбищных угодий с самого начала образования орды на первый план выдвинула проблему интенсивного вместо традиционного пространственного их освоения. Надо также иметь

¹ Там же, с. 288.

² *Медведский Т.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. – Журн. МГИ, 1862, с. 286.

в виду, что царское правительство собиралось сделать Внутреннюю орду «примерным» уголком Казахской степи в смысле управления и пользы колониальной опеки. Эта политика существенным образом опиралась на земельные отношения.

Среди ответственных царских чиновников, проводивших колониальную политику в Казахстане, было распространено мнение, что традиционное казахское землепользование подвижно и неопределенно, что вносило хаос в управление и затрудняло выполнение задач царского правительства в Казахстане. Было решено на территории Букеевского ханства испытать новый подход к казахскому земельному вопросу. Отдельные земельные участки официально закреплялись за местной знатью и определенными кочевыми коллективами. Теперь они могли кочевать только в пределах отведенных им земель.

Сенатор Энгель после ознакомления на месте с положением в ханстве 4 февраля 1828 г. подал записку управляющему Министерством иностранных дел графу Нессельроде, в которой проводил идею, что кочевое казахское население орды «не иначе основаться может, как приобретением собственности, охраняемой законами».¹ «Можно бы представить главному над ними начальству испытать следующий способ, – писал он. – Киргизы летом кочуют по всей степи на так называемых общих пастбищах, но зимою каждый род привык «отходить» в свои места, расположенные в Нарын-песках, в районах моря и Камыш-Самарских озер. Найдутся в других местах годные участки для зимования, закрепить бы эти участки желающим иметь в их исключительную собственность». Отвечая на вопрос, какие последствия могут иметь эти меры, сенатор Энгель рисовал такую картину: «Новые собственники сии, заведя какое-либо хозяйство и со временем построив жилые дома, не станут, вероятно, покидать заведения свои без надзора во время отсутствия на летнее кочевье и будут оставлять при оных караулы, да и сами возвращаться по временам для кошения сена и уборки хлеба и огородов. Постепенно заботливость подобная, естественно, возрастать должна, и, наконец, понятие о собственности исключительной и неотъемлемой под защитой законов привяжет и киргиз к месту, которое содержит в себе прочное благосостояние, чего они теперь вовсе чужды, не быв привязаны к месту общего владения, где после потравы корма не оставляют они ничего, чем бы дорожить могли. Надеяться можно, что тогда будут берегаемы леса, растущие по многим местам, теперь без пощады истребляемые и сжигаемые».²

¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 295. 64

² Там же.

Этот план нашел положительный отклик и был санкционирован оренбургским губернатором, под надзором которого находилось Букеевское ханство. Расчетливый хан Джангир усмотрел в этом плане возможность для создания и упрочения социальной опоры ханской власти в лице крупных землевладельцев, возможность усиления влияния центральной ханской власти и для ослабления позиции «старой знати» в родах, не оказывающей поддержку его многим нововведениям в ханстве.

Хан Джангир осуществил этот план иначе, чем предлагало правительство. Он раздал в собственность не только незанятые зимние места, но распределил и перераспределил почти все лучшие и удобные угодья, наделив ими главным образом султанов, ходжей, наиболее влиятельных биев и старшин. Хан в письме от 12 декабря 1830 г., адресованном председателю Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генсу, напоминал ему: «Вы мне советовали приступить к сей мере, особенно же к султанам-родоправителям».¹ Далее хан откровенно заявлял, что этими мероприятиями «между разными народными выгодами доставился бы мне способ устранять некоторых из султанов, кои по многочисленности своей чувствительно уже начинают становиться в орде лишними».²

В результате земельной реформы луговые места и лучшие пастбищные массивы оказались сосредоточенными в руках самого хана и крупных феодалов. Сам хан официально закрепил за собой 400 тыс. десятин лучших угодий, где были посажены его туленгуты, слуги с хозяйствами. Ханское владение имело все черты феодального домена с особенностями кочевого общества. В письме к правителю нескольких родов Тауке Букейханову в 1841 г. хан, указывая точные границы своего владения в районе Камыш-Самарских озер, требовал от него объявить всем подвластным султанам, старшинам и населению, кочующим в том районе, «осуществлять просмотр и охрану этих участков, не пользоваться ими без разрешения».³ За султанами Мушегали и Шингали Урмановыми было закреплено 700 тыс. десятин, земельное владение брата хана султана Менлигирея Букейханова и тестя Караулходжи Бабаджанова составляли по 400 тыс. десятин угодий. «И многие другие стали собственниками более или менее в огромных размерах».⁴ Для рода ногай, самого малочисленного, но самого близкого хану за заслуги перед ханом было отведено 1800 тыс. десятин. Военный оренбургский губернатор в 1847 г. писал, что «ногаевский род владеет почти 1/4 всех поземельных угодий

¹ Приводится по кн.: *Шахматов В.Ф.* Указ. соч., с. 49.

² Там же.

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 32, л. 1.

⁴ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 50, 42, л. 19.

в орде, а остальные 16 родов пользуются 3/4, не стоящими по удобству одной четверти, отведенной ногайцам».¹ В итоге в исключительном владении крупной знати и рода ногай оказалось в общей сложности около 60 – 70% всех угодий, которыми располагало ханство.

После смерти хана было установлено, что он «большую часть земель этих или раздал по своему произволу и усмотрению родственникам и приближенным своим, или продал отделениям разных родов и даже нередко богатым ордынцам в исключительное каждому пользование».² В результате этого оказалось, как признал сам губернатор, «у одних земли чрезвычайно много, а другие не имеют ничего и вынуждены платить за кочевку свою по произволу тех, у коих занимают места».³

Щедро были наделены землей влиятельные родовые начальники. В ряде случаев, согласно ханскому акту, они являлись собственниками не только лично им принадлежащих луговых и зимних участков, но и всей площади, отведенной подвластным им кочевникам. Это усилило не только значение родовых управителей, превратившихся уже в наместников ханской власти, но и эксплуатацию трудовых крестьян, злоупотребления со стороны этой группы знати в распределении кочевьев между аулами и отдельными хозяйствами.

Наряду с крупным землевладением формировалось мелкое крестьянское землевладение, которое распространялось в основном на места зимних стоянок и сенокосные луга. В отношении сенокосения «у киргизов нет общинного владения в том виде, как оно существует у русских, – писал Т. Медведский. – Нет, например, передела сенокосов, равномерного распределения паев, каждое семейство пользуется клочками земли, раз и навсегда отведенными ему под сенокосение. Поэтому семейство, которому раз достался плохой или богатый надел, остается при нем постоянно».⁴ Распределением участков, удобных для зимования и сенокосения внутри рода и общины в большинстве случаев ведал сам хан. Уполномоченные им люди, родоуправители, претворяли указания хана в жизнь. Архивные материалы в качестве таких представителей упоминают имена султана Менлигерее, Чуке Идилбаева, бия Кенжегали Курманхожаева⁵ и др. Наделение землей было важной статьей доходов ханской казны. Давшие хорошие «подарки» получали хорошие участки. В одном из донесений ханский служащий Чуке Идилбаев писал, что

¹ Там же, д. 2435, л. 2.

² Там же, д. 50, л. 19.

³ Там же, д. 2435, л. 2.

⁴ *Медведский Т.* Указ, соч., № 8, с. 309.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, л. 42, л. 42.

только за то, что он определил границу отведенного ханом участка одному из отделений (35 хозяйств) рода бай-бакты получил в «благодарность» пять верблюдов.¹

Наделение землей кочевников проводилось с особой тщательностью. Границы земель нередко отмечали вехами, колышками, отмеривали веревкой и шагами,² особенно, когда речь шла о крестьянских наделах. Размеры этих наделов были невелики. Так, в 1834 г. некоему Темирову был отведен участок для зимования и сенокосения длиной 5 верст и шириной 3 версты,³ Батанбаеву – длиной и шириной по одной версте для зимования, сенокосения и возведения жилища.⁴ У родственников хана, султанов, биев, старшин, мурз и богатых скотовладельцев каждая семья владела несколькими урочищами или крупным урочищем с водой и колодцами.

Каждое распределение земли оформлялось письменным актом, а ее владельцам выдавались на руки свидетельства (куалик-нэме), официальная бумага (нэме-кагаз) либо разрешение (руксат-нэме), которые юридически узаконивали право использования указанных в них участков. Таких актов в ханской канцелярии за время с 1830 по 1844 г. накопилось 1517.⁵ Среди них было немало выданных на отмену прежних, взамен ранее выданных или новых актов, уточняющих владение. Поскольку эти ханские акты – явление уникальное в истории казахских ханств и не практиковались прежде в земельных отношениях в степи, на наш взгляд, интересно привести несколько фрагментов из них.

Листы, выданные ханом: а) Почетному султану Тауке Букейханову⁶ (на исполнение). По воле нашей и принимая во внимание просьбу (указанного ниже султана) даю разрешение ему на владение (землею) на Камыш-Самарских, на острове, называемом Ак-Крме, на участке, где находится известная могила и песчаные холмы, далее колодец в песках и вдоль могил Уш-Кемпир и Шапа, к востоку от нее к пескам, от последних к западной окраине песков Кок-терек, оттуда к месту находящейся там одиночной могилы, а затем в направлении к двум колодцам, стены которых обложены плетью, с тем чтобы султан Мэзкур Букейханов пользовался этими местами и охранял их от поправки со стороны других. Поручаю Вам ставить в известность об этом почтенных, уважаемых людей и всех казахов, находящихся под

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 42, л. 37.

² Такой порядок был внедрен и узаконен самой ханской властью (ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 29, л. 23).

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2А, д. 42, л. 39-40.

⁴ Там же, л. 41.

⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2435, л. 37.

⁶ Один из ближайших и влиятельных родственников хана.

вашим управлением. Писано свидетельство 5 сентября 1841 года, о чем я, хан Джангир Букейханов, приложил свою печать;¹ б) Выдано Манапу Алдиярову из тайфы орыс рода маскар на владение землею с его подвластными, ограниченной с одной стороны дорогой Хан Келген, проходящей по песку Борлы, а с востока – тропой, лежащей на урочище Асаубай, с третьей стороны – линией, указанной старшиной Шоканом по местности Конур-Тобе и могилой Байнеке, далее на протяжении одной версты по песку Борлы, что было указано в свидетельстве, выданном в 1834 г. Подтверждено в 1841 г.²

Свидетельства, выданные ханским служащим Шока Идильбаевым: а) Согласно распоряжению Высокостепенного, на месте ознакомился со свидетельствами, выданными прежде ханом на владение участками земли киргизам бай-бактинского рода и каждому из них (всего 8 человек. – С.3.) заново отвел участки с указанием границ. 1840 – 1841 гг.;³ б) Свидетельство дано Шомхар Башанбаеву из тайфы беса-ры рода тана. На месте осмотрел и закрепил за ним участок земли длиной в один верст, шириной в один верст. Границы намечены вехами. Служащий (хана) из караши Шока Идильбаев приложил свою печать.⁴

Территория, занимаемая Букеевским ханством, считалась государственной собственностью России, а ее верховным распорядителем было русское самодержавие. Однако царское правительство не вмешивалось в систему землевладения в орде и в сферу деятельности хана в земельном вопросе, считая это внутренним его делом. «Русское государство с самого начала отклонило от себя всякое вмешательство во внутренние дела киргизов по предмету разверстания земельных угодий между различными родами».⁵

Система частного и фамильного землевладения, которой были охвачены самые лучшие в хозяйственном отношении и обширнейшие угодья, нанесла ущерб общинно-родовому принципу землепользования у казахов. Участки, оставленные на общее пользование кочевых коллективов, составляли менее 1/3 площади ханства.⁶ Они находились преимущественно в пустынной и песчано-полупустынной зоне и использовались в основном как летние пастбища малосостоятельными кочевыми коллективами, не наделенными пастбищными массивами на основании особого ханского акта. Эти общинные земли, в свою очередь,

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 32, л. 1.

² Там же.

³ Там же, д. 25, л. 2.

⁴ Там же, оп. 2, д. 42, л. 25.

⁵ *Медведский Т.* Указ. соч., с. 286.

⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5042, л. 19.

распределялись между родовыми подразделениями, имели четкую определенность. Ханыков Я.В. писал, что «кочевья их (казахских аулов. – С.З.) обозначаются бесчисленными, разноименными урочищами».¹ «Хотя киргизы переходят с места на место, – указывал Э. Островский в 1859 г., – но перекочевки их ограничены известными правилами, так что каждый киргиз пользуется только определенным для него поземельным участком, как для летней, так и для зимней кочевки».²

Земли, отведенные под общее пользование, настолько были малы или неудобны, что ни в какой степени не могли удовлетворить потребности кочующих там коллективов. Преобладающее число аулов уходя из одного владения, попадали в пределы владения другого собственника и в конце концов оказались вынужденными платить определенную подать, арендную сумму владельцу угодий за пользование и кочевание на их землях. «...Некоторые роды до такой степени стеснены были в поземельных угодьях, – говорится в одном из очерков о Букеевском ханстве, – что бедным киргизам решительно негде стало пасти свои стада, и они начали искать убежища и приюта у соседних владельцев».³

Крупные землевладельцы постоянно стремились расширить границы своих владений за счет земель маломощных общин, а также за счет внутриобщинных и пастбищных угодий, принадлежащих коллективу.

Зажатые в тиски трудовые массы часто целыми аулами, общинами уходили за пределы ханства в поисках пастбища и оказывались вовлеченными еще в большей мере в сферу феодальных отношений. Казахи переходили в Саратовскую губернию, в астраханские степи, снимали в аренду обширные приморские участки у помещиков Безбородко и Юсупова.⁴ На землях последних, по сведениям астраханского губернатора, постоянно кочевала почти третья часть населения орды.

Создавшееся положение вызвало к жизни новые социальные противоречия в аулах, усилило процесс разрушения родовой компактности расселения населения, ослабила патриархально-родовые учреждения и обычные правовые институты. Резко сократилось количество скота. Если в 1822 г. на одну кибитку приходилось по 267

¹ Ханыков Я.В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды..., с. 30.

² Островский Э. Указ. соч., с. 77.

³ ЦГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 10.

⁴ Эти владения занимали лучшие угодья по побережью Каспийского моря, между устьями Волги и Урала. Их протяженность составляла 300 верст и в глубь степи от 10 до 35 верст, а всего, по исчислению Астраханской казенной палаты, – 331 942 десятины. Они управлялись приказчиками, и на них в 1825 г. проживало всего 80 – 90 семей (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 284, л. 28 – 29).

голов разного скота, то в 1840 г. – 153, а в начале 60-х гг. всего 37 голов скота.¹

В Букеевском ханстве сложилась иерархия землевладельцев. Самым крупным из них был хан. Внизу иерархической лестницы находился шаруа со скромным наделом для зимней стоянки, почти полностью зависимый от феодала, на земле которого он жил. Земля превратилась в объект торговли, злоупотреблений и тяжбленных дел. Сам хан Джангир считал, что 6-7 тыс. семей, т. е. около 1/4 населения, не имели земли.²

Таким образом, в Букеевском ханстве существовали следующие формы землевладения:

– владения крупных землевладельцев – ханского дома, султанов, влиятельных биев, перешедших на службу к хану;

– владения средних и низовых слоев феодального класса. Как правило, они находились во главе небольшой группы хозяйств, аулов. Зимовки и сенокосные участки, отводимые этим хозяйствам, закреплялись за феодалами. В свою очередь, феодал отводил площадь каждому хозяйству, при этом в силу первоначального акта он являлся носителем права собственности на весь участок с вытекающими отсюда последствиями;

– владение крестьянского двора. Многие крестьянские хозяйства имели определенный участок, на котором возводили зимнее жилище, иногда косили сено. Крестьянские владения по сути своей были феодальными наделами и связаны с несением «добровольной» повинности;

– общинное владение, устанавливаемое на ограниченные районы летних и осенних пастбищ.

Некоторые казахстанские историки процессы, происходящие в области земельных отношений в Букеевском ханстве, считают аномалией в истории кочевого и полукочевого казахского общества. «Существование частных земельных владений в Букеевской орде было временным явлением, оно продолжалось всего 16 лет»,³ – писал В.Ф. Шахматов.

С.Е. Толыбеков утверждает, что система феодального землевладения вообще чужда кочевому казахскому обществу и поэтому земельная действительность в Букеевском ханстве носила исключительный характер. «Вся история кочевого ханства казахов, – пишет он, – не знает никакого сословно-монопольного ханско-султанского зем-

¹ *Алекторов А.* Внутренняя Букеевская орда. – Деятельность, № 22.

² *Небольсин Г.И.* Указ. соч., с. 235.

³ *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964, с. 106.

левладения, нам не известен ни один случай прикрепления к земле кочевника-скотовода, т. е. крепостничества».¹ Не отрицая наличия феодального землевладения в Букеевском ханстве, он целиком связывает его с волей царского правительства. «Букей и его потомки во Внутренней Букеевской орде приобрели право владельцев на эту землю на основании русского государственного законодательства, а не по древним обычаям кочевого общества казахов».² Авторы допускают фактические неточности, а неверные послылки не позволяют им сделать правильные выводы. Землевладение в Букеевском ханстве представляло собой определенный этап исторического развития казахского общества. Это было не временное явление, оно не только закреплялось, но и развивалось в последующие этапы истории орды, т. е. это было исконно казахское явление, а не привнесенное русским законодательством.

Исследователи часто оперируют жесткими схемами феодального общества, наиболее характерными для его развитой стадии, такими как прикрепление к земле и его юридическое оформление, крепостничество, полновластие государей – земельных собственников. В том факте, что казахских ханов в XVII и XVIII вв. не раз покидали кочевые коллективы, С.Е. Толыбеков усматривает их неполновластность: «Если бы казахские ханы были полновластными государями, а кочевники-казахи – крепостными, прикрепленными к земле, находившейся в монопольной собственности у ханов-султанов, то этого могло и не случиться».³ Но автор не учитывает того обстоятельства, что феодальные отношения многообразны по форме, и не бывает двух форм, похожих во всем одна на другую. Особенно существенно они различаются в кочевых и земледельческих обществах. В первых из них вовсе не обязательно наличие прикрепления непосредственных производителей к земельному наделу и установление на этой основе крепостнических отношений.

Кроме того, нередко внешние, историко-этнические наслоения в общественной жизни казахов вообще, в их земельных отношениях в частности, рассматриваются как содержание этих отношений. Подобный подход к проблеме также не позволяет дать ее положительное решение. Известную свободу перемещения кочевых аулов они расценивают как всеобщую свободу в пользовании пастбищами. В отсутствии юридического закрепления угодий за представителями знати видят отсутствие феодального землевладения, в возможностях

¹ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971, с. 389.

² Там же, с. 385.

³ Там же, с. 389.

оставления кочевниками одних кочевых районов и ухода в другие – господство «неограниченной свободы» и «ничейного» права на пастбищные угодья, которые якобы оставались характерными для феодального казахского общества на всем протяжении его истории.

Земельные отношения в Букеевском ханстве не представляли принципиально нового явления в истории Казахстана, но здесь они получили более глубокое и ускоренное развитие, выступали в несколько очищенном от патриархальных наслоений виде, к тому же они получили четкое властно-правовое оформление как системы феодальных и лично-крестьянских владений. Выданные на землевладение ханские ярлыки не устанавливали каких-то новых, ранее не известных в казахском обществе отношений. В земельных отношениях было узаконено то, что уже сложилось и фактически существовало в казахском феодальном обществе, но только в более размытой форме.¹ Этой точки зрения придерживаются многие крупные исследователи истории дореволюционного Казахстана.²

Ослабление патриархально-родовых учреждений и связей населения

Одной из характерных черт общественных отношений казахов была живучесть учреждений родоплеменной организации, пронизывающих все сферы жизни общества и быта населения. Более или менее свободной от патриархальщины областью общественных отношений были политические, а в них – властно-политические. Народные собрания, сходы, советы старейшин в рассматриваемый период в значительно измененных формах сохранились лишь в низовом звене управления – в аулах, в таких подродовых подразделениях, как ата-баласы, болим. На уровне ханской власти они давно перестали играть какую-либо роль, и если изредка созывались, то в порядке соблюдения утвердившихся формальностей (например, при избрании нового хана). Менее важные старые установки в сфере управления, приспособленные к политике хана и султано-бийской знати, продолжали еще играть определенную роль.

Несмотря на известное ослабление патриархально-родовых учреждений, традиций и обычаев в целом и даже разложение отдельных их звеньев, к началу XIX в. они еще оставались существенными факторами в общественной идеологии и сознании народа,

¹ Подробнее см.: *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, с. 129-183.

² См.: *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. 1941, с. 348; *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 68-70.

в социальных отношениях и в сфере общежития, в связях между членами общества и в быту казахского населения. На фоне ускоренного изменения внешнеполитического положения Казахстана и переустройства внутренней жизни народа, в результате активного и все возрастающего влияния на нее колониальной политики царского правительства и проникновения в глубь степи русского капитализма патриархальные установления и нормы изменялись медленно, болезненно.

Патриархальные учреждения своими корнями уходили в отсталое кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство и в родовую номенклатуру, лежащую в основе социального деления населения. Местная феодальная знать цепко держалась за старые традиции и учреждения и прикрывалась ими для проведения своей воли и угнетения трудовых масс. Запутанные сеть патриархальщины в быту и в общественной жизни скотоводы-шаруа воспринимали патриархально-феодальные отношения как predetermined раз и навсегда. Они не только не сознавали тяжесть родо-племенных пережитков, а следовательно, и не поднимались в своем развитии до критического отношения к ним, но в ряде случаев даже выступали с протестом против крутого изменения официальной властью некоторых сторон родо-племенных традиций и институтов, не угодных, с точки зрения интересов царского правительства, и перешедших к нему на службу феодальных группировок.

В Букеевском ханстве, как и в Младшем жузе, всецело сохранялось родовое деление населения. Считалось, что ханство состоит из 20 родовых групп, основная масса которых кочевала в Зауральской степи. Официальный учет населения, его обложение и управление велись по родам. Каждый род продолжал иметь свой боевой клич (уран), свое знамя, под которым при необходимости собирались сородичи. Правда, многие из этих атрибутов больше относились к области традиции.

Каждый род имел отделения (тайфы, аймак – около 140), а отделения, в свою очередь, – подотделения (тобе, атабала-сы – около 400). Низовым объединением населения был аул, включающий от 2 – 3 до 15 – 20 семей каждый. Число аулов в Букеевском ханстве в 40-х гг. XIX в. насчитывалось не менее четырех тысяч.

Родовая структура общества в Букеевском ханстве испытала ряд ударов. Наиболее ощутимым было изменение традиционного экономического уклада кочевников-скотоводов, на котором покоились пережиточные общинно-родовые отношения. Владение земельными угодьями-пастбищами, их освоение и эксплуатация развивались в

орде своеобразно. Так называемые общинные пастбища, прежде занимавшие обширные пространства, предназначенные для летнего и осеннего кочевания скотоводов, были сильно ограничены. Наделение земель отдельных семей аула и небольших групп хозяйств на основании актов ханской власти привело к преобладанию семейных и семейно-групповых интересов над внутривидовыми и к дальнейшему дроблению кочевого коллектива на мелкие группы. На основе системы поземельной собственности, охватывавшей 2/3 всей площади ханства, а главное – в результате сосредоточения лучших угодий в руках крупной и средней знати складывались новые формы феодальных отношений, феодальной эксплуатации, активно подрывавшие устои родовых пережитков изнутри. Эти феодальные отношения базировались не только и не столько на родовых понятиях, сколько на основе права владения землей и кочевания на ней. Большинство крестьян, лишившись кочевья, подпадало в открытую зависимость от знати.

Разложение кочевой общины в Букеевском ханстве было связано также с развитием торговли и растущим проникновением торгово-денежных отношений в глубь кочевых коллективов. Этот процесс здесь был более активным и более широким, чем в других частях Казахстана.

Изменение уклада кочевой жизни, вызванное в первую очередь обострением отношений землепользования, переход населения от экстенсивного кочевого скотоводства к полукочевому, заметный процесс полуоседания кочевников не могли не отразиться на патриархально-родовых институтах общественной жизни казахов.

Дальнейшему расслоению родовых коллективов и ослаблению патриархальных связей между членами общества способствовали также преобразования в управлении и организации местной власти. Наряду с родовым делением населения в Букеевском ханстве было введено и деление по территории. Ряд родов объединился под эгидой более крупного рода во главе с родоправителем. Немаловажное значение в ломке патриархальных представлений и связей населения имело превращение многочисленных старшин и биев в государственных (ханских) наместников и служащих, в результате чего еще больше ослабла их связь с управляемыми родовыми подразделениями и кочевыми коллективами, основанная прежде на сознании родства с последними.

Известно, что выходцы из других родов – кроме – всегда имели место в жизни и структуре казахских родов и его подразделений, однако это было нетипичным явлением. В Букеевском ханстве институт крме развился настолько, что порой «чужеродцы» составля-

ли треть и более в составе той или иной родовой группы. Род ногай в 50-х гг. XIX в. имел в своем составе 5 отделений (тайфы). Одно из них – куяс – насчитывало 443 своих и 75 семей крме.¹ В отделении уйсюнь на 214 хозяйств сородичей приходилось 21 хозяйство крме, а в отделении кустамгалий из 250 кибиток 102 принадлежали крме.² Такое положение наблюдалось и в других родах.

Институт крме служил показателем уровня смещения населения в родовых группах, отражал определенные социаль-но-экономические процессы в обществе. Чем больше беднели рядовые скотоводы, тем больше становилось крме, чем более ослаблялись родовые связи кочевников, тем свободнее оставляли они своих сородичей в поисках более благоприятных жизненных условий, а это, в свою очередь, влияло на внутривидовые отношения.

Не только род, но и значительные родовые подразделения (аймак, тайфы) давно уже не были объединениями, основанными на общности пастбищных территорий или зимних стоянок. В Букеевском ханстве этот процесс был особенно заметным. Если в степных районах края большинство отделений и подотделений рода располагалось более или менее компактно, то во Внутренней орде к середине XIX в. раздробление и мельчание кочевого коллектива, использующего один общий пастбищный массив, становилось явлением доминирующим.

О характере и формах родового сообщества и степени его дробления дают наглядное представление архивные материалы. Так, в 1848 г. в подотделении умбет рода тана официально значилось 91 хозяйство. Оно имело свое отдельное управление во главе со старшиной и именовалось старшинством умбет. Отделение не имело общей пастбищной территории и кочевало в пяти разных местностях, разделенных владениями других кочевых коллективов. В документах дана следующая его характеристика: «51 хозяйство находится в песках Изтай и занимает там уголья длиной около 14 и шириной 5 верст, три семьи кочевали вместе с одним султаном; 30 семей занимают в песках Жиделы участок длиной 7 верст и шириной 3 версты; 6 хозяйств кочуют в песках Кулжахан и занимают землю в длину 2, в ширину 1 версту. Наконец, одно хозяйство находится в песках Айгыр».³ Под отделение кос-сала этого же рода состояло из 64 семей-хозяйств, которые кочевали на 5 разделенных участках. Пять его хозяйств занимали урочище Тулеп длиной 7, шириной 3 версты, а другие 35 семей занимали в песках Рза пастбища длиной 5 и шириной 3

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, л. 74, л. 2-25. 2

² Там же, л. 29-31.

³ Там же, д 552, л. 1-3.

версты, 23 хозяйства находились на Камыш-Самарах на небольшом участке длиной 1 и шириной 1/2 версты. Одно хозяйство находилось на Айгыр-Кумах, а три других вообще не имели определенных мест кочевания.¹

Такое положение, когда низовое подразделение рода (ата-баласы или подотделение) не имело единой территории и хозяйственного цикла, вело к разрушению объединенного коллектива и к падению общественной роли старых отношений, унаследованных от общинно-родового строя.

При всем том патриархальная идеология в общественной жизни казахского населения была еще достаточно сильна. Кроме еще не слились с родами, среди которых они находились и от которых зависели. Они сохраняли право называться именем своего рода и в определенных случаях искали защиту и помощь у своих родовых групп, где бы они ни кочевали и как бы далеко от них ни находились. Родовые представления были наиболее консервативны.

Ослабление патриархально-родовых отношений в известной степени способствовало росту самосознания трудовых масс, осмыслению социальной действительности. Об этом свидетельствуют народные выступления, вылившиеся позднее в первое в истории Казахстана крестьянское восстание, известное, как движение Исатая Тайманова.

Расширение торгово-рыночных отношений

По мере усиления политического влияния русского государства в Казахстане и его продвижения в глубь степи расширялись торгово-рыночные отношения. Торговля и связанные с нею денежные отношения становились значительными факторами и существенными составными элементами социально-экономической жизни внутри самого казахского общества.

Но в различных частях и зонах Казахстана развитие товарно-денежных отношений шло неравномерно. Относительно активно вытягивались в них пограничные районы, отдельные родовые коллективы, аулы и семейства, расселенные в зоне наибольшего влияния колониальной политики царского правительства, и намного слабее глубинные районы степного края.²

¹ Там же, л. 4-5.

² Рассматривая развитие товарно-денежных отношений в казахском обществе, мы исходим из местных масштабов, характерных для этого кочевого и полукочевого патриархально-феодалного общества с соответствующей социально-экономической структурой.

Несмотря на заметное расширение торговли, обменных и товарно-денежных отношений в целом, в их структуре обменные отношения, т. е. форма «товар – товар», почти без участия денежного эквивалента, оставались преобладающими, за исключением пограничных с Россией районов и городских ярмарок преимущественно в тех же районах. В 1846 г. поручик Аитов доносил, что в Младшем жузе (имелись в виду глубинные районы) «у киргизов не имеются в обращении деньги; они сбывают вещи своего произведения и скот обменом на другие вещи и другого рода скот, в коем они имеют потребность».¹ В донесении Беглова (1846) говорится, что «торговля ордынцев в степи с посторонними народами производится через выменивание своих избытков на чужие произведения».² О меновом характере торговли в Зауральской казахской степи говорит и известный исследователь А. Левшин (1822): «У киргиз-кайсаков она (торговля. – С.3.) еще находится в том первобытном виде, которая имела у всех народов во время их младенчества. Короче сказать, она заключается не в продаже или покупке, но в мене одной вещи на другую».³

Иначе развивалась торговля в Букеевском ханстве. Здесь два обстоятельства имели существенное значение в развитии товарно-денежных отношений: территориальная близость орды к промышленным и торговым центрам России и безопасность путей сообщения между Россией и ордой, с одной стороны, торгово-покровительственная политика ханской власти и пограничных органов в этом регионе – с другой. В ханстве товарно-денежные отношения развивались не только гораздо интенсивнее, но и повсеместно. Здесь как бы в чистом виде наблюдаются процессы, связанные с царской колонизацией в области торговли. Во всяком случае к 40-м гг. употребление денежных эквивалентов в торговле становится уже преобладающим, а натуральные повинности стали вытесняться денежными.

Применительно к Букеевскому ханству можно говорить уже о вовлечении масс казахского населения в рыночные отношения. Определенные изменения в хозяйственном укладе и быте народа, развивающийся процесс оседания кочевников, влияние культуры соседних оседлых жителей обусловили возрастание внутренней потребности в рыночных товарах.

Ханская власть, проявлявшая особую заинтересованность в развитии торговли, основанной на денежном эквиваленте, серией мер еще более усилила вовлечение масс в эти отношения.

В глубине ханства в кочевьях крупных родовых объединений воз-

¹ Материалы по обычному праву казахов, т. 1. Алма-Ата, 1948.

² Там же, с. 86.

³ Левшин А. Указ. соч., с. 216-217.

никили значительные торговые центры, которые прежде функционировали только в пограничной с Россией зоне, при городах и пунктах, основанных и населенных русскими и другими оседлыми народами. Основной формой ведения торговых операций в кочевьях, казахских аулах оставалась развозная, подводно-вьючная торговля, преимущественно мелкими товарами и в незначительных размерах.

Ведущим и самым значительным торговым пунктом в ханстве являлась ханская ставка, при которой в 1833 г. была учреждена ярмарка, скоро превратившаяся в одну из наиболее крупных ярмарок во всем Казахстане, включая сюда меновые дворы в Оренбурге, Омске и Астрахани. Она действовала во всем объеме весной (с 15 апреля по 15 мая) и осенью (с 15 сентября по 15 октября).

Местное население привозило на ярмарку скот и скотоводческую продукцию (шкуры, шерсть, сало и т. д.), а иноземные торговцы доставляли промышленные товары (преимущественно ткани, выделанную кожу) и хлеб. Как видно, в торговых статьях казахов преобладали бараны, которых пригоняли на весеннюю и осеннюю ярмарки при Ханской ставке от 70 тыс. до 180 тыс. голов ежегодно.

О степени реализации и видах товаров на ярмарке можно судить из следующих данных.

На весеннюю ярмарку при ставке в 1856 г. было пригнано казахами более 100 тыс. баранов, вырученная сумма от них составляла почти половину всей местной выручки. Скот и скотоводческая продукция на ярмарке раскупались полностью, а привезенные иноземные промышленные товары реализовывались на 60-70, хлеб – на 100%. Казахское население на этой ярмарке от продажи скота и его продукции имело выручку 863 316 руб. серебром, а потратило на приобретение промтоваров и хлеба 297 411 руб., т. е. 1/3 полученной суммы. Правда, так было не всегда – в отдельные годы приобретение превышало сбыт. Постепенно казахи научились накапливать деньги, поскольку вносить подати деньгами, а не скотом было выгоднее. Кроме того, они часто ездили в соседние русские губернии за товарами и хлебом, за которые удобнее было расплачиваться деньгами, чем пригнанным с трудом туда скотом и его продукцией.

В 40-х гг. Ханская ставка превратилась в полном смысле слова в купеческое селение. Большинство ее жителей составляли купцы и коммерсанты. В 1846 г. из 89 домов 31 принадлежал торговцам. При них находилось 46 пристроенных лавок, 19 кладовых помещений для товаров. Один из купцов имел оборот 30 000, двое других – от 2500

до 3000, трое – от 1500 до 1800, торговый оборот 16 чел. колебался от 100 до 500, а остальные – от 25 до 75 руб. серебром.¹

В 50-х гг. XIX в. у некоторых купцов оборотный капитал достигал полумиллиона рублей. Сам хан Джангир имел значительные торгово-деловые связи и выступал заодно с русскими купцами Измайловым и Портновым.² Он держал при себе специального приказчика по торговым делам.³

Ярмарки и сезонные торговые пункты действовали и в ряде местностей пограничной зоны, и в глубине степи. Среди них были значительные. Так, осенью 1851 г. на ярмарку вблизи Новоузенска жители орды пригнали: 14 тыс. голов лошадей, 3 тыс. рогатого скота, 70 тыс. баранов; привезли: 1500 пудов сала, 6500 штук шкур и 3 тыс. штук кошм. Сверх того, как говорится в донесении с места, «киргизами было привезено наличными деньгами 100 тыс. руб. серебром».⁴ Ими было продано скота и его продукции на 87 786, а куплено товаров и хлеба на сумму 187 786 руб. серебром.⁵

Главными покупателями казахского скота были гуртовщики Московской, Тамбовской, Саратовской, частью Симбирской, Пензенской и Казанской губерний, казаки Уральского войска и немцы-колонисты Саратовской губернии. Сами казахи на вырученные деньги закупали хлеб, выделанные кожи, шелковые и бумажные ткани, бархат, парчу, бухарские и хивинские халаты, сукно, холст, сахар, чай, железные изделия, деревянные принадлежности для кибитки.

Удобство и выгода ведения торговли в степи привлекали в орду большую массу людей с товарами. Только на одной весенней ярмарке при Ханской ставке было в 1846 г. до 1183 приезжих торговцев, а среди них – 87 купцов II и III гильдии. В 1847 г. их было уже 1500 человек.⁶

В правилах торговли, составленных ханом Джангиром, предусматривалось: «Чтобы обеспечить капитал торгующим, он (хан) обязывается по предварительной сделке купца с подвластным ему ордынцем в случае, если последний не имеет наличного скота или денег, давать первому расписку за своим ручательством. Если бы киргизец и не явился для уплаты в срочное время, без всякой проволоочки платит хан». Эта ярмарка была столь обширна, что на ее территории действовали около 300 постоянных лавок, построенных торговцами.

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 2350, л. 489-491.

² Там же, д. 15, л. 30.

³ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 6488, л. 10.

⁴ Там же.

⁵ Евреинов А. Указ. соч., с. 69.

⁶ Там же.

Значительные торговые операции производились по Узенской линии вблизи Глининского форпоста, по Уральской линии – от крепости Кулагинской до г. Гурьева, по берегу Каспийского моря и при Елтонском озере. Сложились торговые пункты внутри кочевьев казахов. Так, в урочище Уялы пришлые торговые люди в летнее время закупали до 75 000 баранов, в урочище Чапчаги – до 50 тыс. голов. Население пригоняло много скота и привозило продукцию животноводства на ярмарки Оренбургской и Саратовской губерний.

Возрастание роли рынка в жизни казахского населения имело ряд последствий, наложивших отпечаток на структуру и направление хозяйства, на социальные отношения. Повсеместное распространение получило развитие долговых отношений. Продажа товаров в долг, являвшаяся весьма редким явлением в прошлом, получила широкое распространение. Этому способствовали не только потребности местного населения и его расширяющаяся зависимость от рынка, но и ограниченность денежных эквивалентов, находящихся в обращении, которыми могли бы расплачиваться покупатели за приобретенные товары, и то, что казахское общество еще не имело опыта подобных отношений и не испытало их разрушительной силы. Местное население еще не представляло себе отрицательных последствий долговых отношений, и это было на руку кредиторам. Начиная с 1805 г. появляются сообщения об оставлении купцами товаров в долг казахам. Некий татарин Кадыров в 1806 г. отдал товаров «Умурзакову Касрану с его товарищами» из рода берш на 4 тыс. руб.¹ Купец Давид Измайлов в 1822 г. доносил, что «подвластные меньшей киргизской орды султану Шигаю Нуралиханову состоят мне должными по документам и без оных за полученные товары значительною суммою денег».² В 1826 г. купцу Али-Аскеру Раджабову 16 казахов были должны 2049 руб.³ Почти каждый лавочник на ярмарке при Ханской ставке, а их было к середине XIX в. более 300, имел долговую книгу с именами сотен должников.⁴

Кредиторами, за отдельными исключениями, являлись иноземные купцы и торговые люди. В начале 20-х гг., когда продажа товаров в долг стала получать заметное распространение в ханстве, кредиторы, опасаясь неисправности должников, предпочитали действовать через ханскую канцелярию, родоправителей и старшин как поручителей, которые, в свою очередь, проявляли заинтересованность и даже поощряли такие отношения. Ханствующий султан Шигаи 28

¹ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 1158, л. 1.

² Астраханский облархив, ф. 1, оп. 16, д. 240, л. 1.

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 68.

⁴ Там же, оп. 2, д. 80, л. 67.

января 1822 г. дал так называемый открытый лист татарину Кажаеву «для сбора долгов в управлении моем с киргиз-кай-саков с продажи товару».¹ В другом открытом листе, данном им 30 апреля того же года, говорилось, что выдан «астраханскому купцу Михайлову, сыну Элирову в том, что находящийся под управлением моим киргизец кордаринского рода Асан дал ему, Элирову, на татарском диалекте письменное обязательство в том, чтобы он на имеющийся на нем долг за взятый из лавки его товару на сумму 2600 руб., которого после зимы он – Асан – ему – Элирову – заплатит в 50 дней. А буде сего не уплатить, то по истечении он – Асан – поступит к нему – Элирову – в услужение со всем его семейством».²

Проливает свет на политику хана в торговых делах и другой документ. 1 августа 1824 г. хан Джангир дал свидетельство следующего содержания: «...позволяю Дубовского посада купцу Степану Бондареву и его уполномоченным приказчикам отныне впредь сколько он пожелает по всей подвластной мне орде производить всем киргизцам продажу всякого доставляемых из российских городов товаров за наличные деньги, на мену. По уважению сего через сие подтверждаю всем киргизцам, кто только за взятый у него, Бондарева, и его приказчиков товар ему одолжится, расплачиваться с ним честно... Для обзаведения торгового ево юрта землянкою и сараями, где он приличным найдет. На толику землянки рубить дрова и пользоваться покосом, где надобность потребует... За неуплатеж должниками на срок долгов после срока взыскивать ему, Бондареву, вдвое».³

В этих документах отражены покровительственная политика центральной власти и стремление ее в какой-то степени упорядочить долговые операции, постепенно ускользающие из под контроля.

На должников заводились кредиторами особые, так называемые долговые книги, долговые расписки. Получает распространение заключение устного, «совещательного» соглашения, основанного на длительном знакомстве сторон и взаимном их доверии друг к другу. Так, титулярный советник Уманцев в 1830 г. подал жалобу о том, что казах Юлдабай из рода ногай, получив товар под расписку, не возвращает ему долг.⁴ Купец III гильдии Д. Разоренов в 1840г. предъявил четыре групповые расписки казахов о получении ими товаров в долг на 300, 857, и 500 руб. серебром.⁵ В записях купца из Астрахани

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 16, л. 3.

² Там же, л. 16.

³ Там же, д. 16, л. 19.

⁴ Там же, д. 16, л. 32.

⁵ Там же, оп. 2, д. 109, л 5-8. Для сравнения можно указать, что стоимость одного барана на внутренних ярмарках в этот период колебалась от 1 р. 50 к. до 4 руб. серебром.

Курманалиева к 1852 г. имелись следующие данные о должниках, взявших товаров у него: «старшина Дюсембай – на 4 р. 20 к. ассигнациями, старшина Мекен – на 33 р. 80 к., Бектешев – 6 р. 1 к., и другие, всего более 20 чел. на сумму 2310 руб. ассигнациями, или 660 руб. серебром.¹

Должники оплачивали товары как деньгами, так и натурой – скотом. При обменной долговой операции за единицу оплаты брался ягненок-марха, и товары давались под ягненка. Долги собирались кредиторами осенью. Это создавало широкие условия для неэквивалентной торговли и злоупотреблений со стороны купцов.

Всемерный рост торговли и активное проникновение товарно-денежных отношений во внутренние отношения кочевых аулов, неэквивалентный обмен и своеобразная форма продажи товаров торговцами в долг под скот местному населению привели к усилению эксплуатации масс по торговле и долговым отношениям, возрождению института ссужения денег под высокие проценты. В одном из донесений 1829 г. сказано, что многочисленные приезжие купцы и их люди развозят товары «по всем аулам и меняют на скот, на баранов, но большей частью отдают в долг, отчего киргизы входят в большие долги».

Долговые отношения со временем стали запутанными и породили массу жалоб как со стороны кредиторов, так и со стороны должников. Хан и Оренбургская пограничная комиссия не раз брались за расследование конфликтных ситуаций, порожденных этими отношениями, и пытались разработать меры, ослабляющие их остроту. Один из посланников хана, побывавший в кочевьях аулов, в 1827 г. доносил, что многие астраханские торговцы «пораждали в долги киргизцам свои товары, а после того не могут за оный выручить своего прибýtка».² О казахских аулах, расположенных по соседству с линией Уральского казачьего войска, он далее писал, что и там «в разное время киргизцы забирали у жителей тамошних в долг как хлебом, так и разными товарами, с положенным на то между ними сроком». А между тем из-за того, что кредиторы злоупотребляли правом требовать долг, а многие должники не в состоянии были оплатить долг, как писал ханский чиновник, «выходит большая ссора». В качестве меры, предотвращающей споры и взаимные обвинения между сторонами в долговых отношениях, он предлагал хану «дать знать правителям российских начальств о том, что торгующие разного сословия купцы в местах киргизских не

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 144, л. 8.

² Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (Сборник документов и материала). Алма-Ата, 1964, с. 225.

решались бы в долги товары свои отдавать киргизцам».¹ Однако долговые отношения остановить было уже невозможно.

Проникновение торгового капитала в казахское общество вызвало к жизни социальную прослойку людей, постоянно связанных с товарно-денежными отношениями – алып-сатар, саудагер. Чаще всего они были посредниками. Из вторых рук, иногда в Астрахани, Саратове, в Уральске, они покупали товары для последующей реализации их по более высоким ценам среди кочевых аулов. Другая их часть занималась перепродажей скота. Хан Джангир в 1835 г. писал, что в городах Астрахани, Саратове «мена идет особливо и столько же значительно, если не более, чем при ханской ставке».² Советник Временного совета по управлению Внутренней ордой, учрежденного после смерти хана, Салих Бабаджанов также замечал, что некоторые казахи «гонят... верблюдов в Оренбург, где выручают денег в полтора раз более местной продажи», и что им известны «все ярмарки кругом орды верст на 90».³

Торговцы из казахов, выполняющие роль посредников, связывали приезжих купцов с непосредственными владельцами скота или с потребителями товаров. Некоторые получали у купцов товары на комиссию, т. е. с обязательством уплатить стоимость после их реализации. Сенатор Энгель, побывавший в ханстве в 1827 г., писал, что «... непрерывно разъезжают по орде купцы и даже киргизы с товаром, взятым от купцов на комиссию».⁴ К 40 гг. среди мелких торговцев уже выделялись люди с самостоятельным торговым капиталом. «Нередко, в особенности весною, отправляются из главных мест линии небольшие караваны с навьюченными на лошадях товарами, состоящими большей частью из мелочи и на небольшие суммы, так что весь капитал киргизского торговца состоит из 20 руб... впрочем этого достаточно, чтобы проложить путь к богатству, потому что выгоды от этого мелочного торга обычно составляют 100 на 100».⁵ Со временем некоторые из них становились владельцами солидных оборотных средств.⁶

Сам хан Джангир превратил торговлю в одну из статей дохода ханского дома. Он имел людей из приезжающих торговцев, именовавшихся комиссионерами хана, которые доставляли ему нужные

¹ Там же.

² *Алекторов А.* Из письма хана Джангира к графу Перовскому. - Астраханский листок, 1892, № 258.

³ *Бабаджанов С.* Указ. соч.

⁴ *Материалы по истории Казахской ССР*, с. 293.

⁵ *Рязанов А.* 40 лет борьбы... с. 285.

⁶ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, л. 38, л. 273.

товары и за это получали от хана денежное пособие и право вести беспрепятственную торговлю в орде.¹ Приказчик хана Тругустан Байзаков, в свою очередь, имел людей, ведших развозную торговлю по кочевьям.²

Близко стоявший к ханскому дому Караулходжа Бабаджанов в 1817 г. заключил договор с княгиней Багратион о составлении «общего капитала для торговли хлебом и скотом». Княгиня на вынесенную свою долю 11697 руб. получила в 1818 г. с прибыли 15706 руб. дохода.³ Бабаджанов развернул настолько активную торговую деятельность, что к 1822 г. его должниками стали султан Куваныш Джаналиев, султан Палван Джаналиев, старшина Исатай Тайманов.⁴ Однако таких торговых домов было немного в Букеевском ханстве.

Проникновение товарно-денежных отношений в глубь казахских степей в единстве с общим процессом развития феодальных отношений породило новые формы зависимости беднейшей части населения. «Уступка» баями скота в пользу бедных сородичей для покрытия потребности последних через рынок была новой формой их закабаления. Семьи, вовлеченные в сферу этих отношений, лишались права оставления феодальных владений и превращались в лично зависимых людей.

Вовлечение массы населения в рыночную сферу серьезно подтачивало основы сохранившегося еще натурального хозяйства и пережиточных родовых отношений. Обострялись социальные отношения, что выражалось в выступлениях масс. Одной из форм протеста была откочевка скотоводов-должников значительными группами из своих кочевий. Один из чиновников Оренбургской пограничной комиссии писал, что казахи «входят в большие долги и впоследствии для избежания оных изыскивают случаи перейти за Урал тайно».⁵ Восставшие крестьяне во главе с Исатаем свой гнев направили в первую очередь против феодалов-кредиторов, каким, например, являлся Караулходжа Бабаджанов. Ханская власть, обеспокоенная последствиями долговых отношений, вынуждена была ограничить пределы распространения долга. Она установила, чтобы купцы «давали в одолжение подвластным киргизам товары с ведома (его) или родоправителей, и на законных актах».⁶ Пытаясь упорядочить долго-

¹ *Медведский Т.* Указ. соч., с. 331.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 26, л. 185.

³ Там же, оп. 2, д. 25, л. 44.

⁴ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 23.

⁵ Цит. по: *Асандияров.* Образование Букеевской орды и ее ликвидация. – Канд. дис. на соиск. учен. степени. М., 1948, с. 118.

⁶ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 71.

вые операции, ханская власть установила в отношении неисправных должников жесткие санкции: описание имущества должника,¹ поступление в услужение со всем семейством кредитору² и др.

В торговых сделках с казахами активной стороной выступали в основном чиновники из пограничных властей, имущие слои Уральского казачьего войска, крупные и мелкие купцы и торговцы, которых привлекала широкая возможность легкой наживы. Населению орды они сбывали низкокачественные товары по максимально высоким ценам.

Неэквивалентный обмен товаров служил источником огромных доходов купцов. Один из правительственных чиновников после инспекторской поездки по орде вынужден был признать, что на Узенской линии «главное участие в сей торговле имеют обыкновенно местные начальники. Торговцы покупают товары в Уральске из третьих рук и променивают киргизцам всегда по высоким ценам и с довольно отяготительными условиями».³

Наглядным примером этого могут служить данные, приводимые начальником таможни в Среднем жузе купцом Чернявским: «Чугунный котел менялся на меха, причем за каждую азиатскую четверть (5 вершков) в окружности брали одну лисицу, или четыре корсака, или три-пять лучших тулупных мерлушек. При таком обмене котел весом в один пуд, имевший в окружности 10 – 12 четвертей, в переводе на деньги стоил около 50 руб., а покупался он на Ирбитской ярмарке за 2 р. 70 к.»⁴ Неудивительно поэтому, что мелкие приезжие торговцы за короткий срок превращались в купцов со значительным капиталом. Купец III гильдии Д.В. Медведев, поселившись в Ханской ставке со времени ее основания, вступил в торговлю, имея только 30 руб. серебром и в течение 20 лет довел эту сумму до 25 000 руб. серебром.⁵ Астраханский купец Д. Измайлов, начав самостоятельную торговлю в начале 1817 г. с капиталом в 64 000 руб., в том же году имел уже в обороте капитал в размере 1 195 000 руб., из коих 250 000 руб. принадлежали ему лично.⁶

Ханская власть, всецело состоявшая на службе у царского правительства, ревностно проводила политику превращения Внутренней орды в сырьевой придаток российской промышленности. Она поощряла пребывание купцов, предоставляла им возможность бес-

¹ Там же, ф. 78, оп. 2, л. 114, л. 25.

² Там же, оп. 1, д. 16, л. 6.

³ Материалы по истории Казахской ССР, с. 293.

⁴ Там же, с. 4.

⁵ *Киттары М.* Указ. соч., с. 177.

⁶ *Шахматов В.* Указ. соч., с. 69.

препятственной реализации товаров, устанавливала незначительные торговые пошлины.

Одним из последствий развития торгово-экономической связи населения Букеевского ханства с Россией было растущее общение с представителями трудовых слоев русского народа. В процессе торговли казахи встречались не только с купцами и торговыми людьми, но вели оживленные обменные и эквивалентные операции с русскими крестьянами, которые на основе отношений соседства продукты своего производства (главным образом, хлеб) променивали на скот и продукцию скотоводства. Только в весенней ярмарке при Ханской ставке в 1846 г. участвовало 719 государственных и помещичьих крестьян.¹ Заметный рост торговых и хозяйственных контактов с русскими крестьянами способствовал установлению деловых, духовных и идейных контактов между двумя народами.

Социальные отношения и их обострение

Между султанами и родовой знатью испокон века велась борьба за влияние и власть в кочевых коллективах. Время работало в пользу родовой знати. Султанам так и не удалось захватить власть в родовых подразделениях, хотя они постоянно доминировали в системе центральной власти.

Срастание верхушки родовой знати с султанами происходило и раньше, но касалось небольшой, наиболее богатой части родовой знати, тянувшейся за султанами и делившей власть с ними. С конца XVIII в., особенно с первой четверти XIX в., такое явление стало повсеместным. Причем изменился характер такого слияния. Теперь уже султаны опускались до средней и мелкой родовой знати. Правда, группа султанов, входившая в ханский дом или связанная с ним, по-прежнему олицетворяла аристократическую верхушку казахского общества, хотя былого престижа и влияния в обществе уже не имела.

Султанские семьи, лишённые власти и нередко опустившиеся до рядовых кочевников, были настолько многочисленны, что в Букеевском ханстве они образовали особое хозяйственно-кочевое объединение – род султанов, который мало чем впоследствии отличался от других казахских родов, хотя пользовался некоторым покровительством со стороны ханской власти и незначительными привилегиями.

Центральной фигурой в среде феодальной знати в Букеевском ханстве стал пастбищевладелец. Образовалась иерархия землевладельческой знати, среди которой были крупные, владевшие до 400

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 38, л. 296-297.

тыс. десятин угодий. Таким образом, в Букеевском ханстве иерархия скотовладельческой знати дополнилась иерархией землевладельческой знати, вернее, на их базе появилась новая социальная прослойка – знать, владевшая землей и скотом на правах личной собственности. Не все, однако, представители феодальной знати владе-ли землей-пастбищами на основании грамот ханской власти. Привилегией земельного «собственника» пользовались в основном те, кто перешел на службу к хану, поддерживали и проводили его политику в кочевых и полукочевых коллективах.

Формирование иерархии землевладельцев-скотовладельцев внесло изменение в структуру традиционных в казахском обществе социальных отношений. Усилилась эксплуатация шаруа, прежде четко прикрытая патриархально-общинными формами. Теперь земельные отношения стали основными в социальных отношениях.

Если раньше бедняки кедей, жарлы, консы в кочевом казахском обществе ассоциировались исключительно с бесскотными и малоскотными хозяйствами, то теперь под ними понимались и безземельные, и малоземельные семьи. Если раньше благосостояние рядового кочевника шаруа, обладавшего в той или иной мере хозяйственной самостоятельностью, определялось по численности принадлежащего ему скота, то теперь на первый план выдвинулся фактор владения пастбищным участком.

Отношения пользования пастбищными, покосными угодьями и участками для зимней стоянки стали в Букеевском ханстве сосредоточением социальных противоречий, источником социальных конфликтов, фактором, определяющим состояние ханства.

В Букеевском ханстве в несколько раз было больше безземельных и малоземельных, чем бесскотных и малоскотных хозяйств. Это, с одной стороны, не могло не наложить отпечатка на структуру и механизм эксплуатации и закабаления трудовых масс, а с другой – намного усилило процесс социальной поляризации в обществе. Не обеспеченные землей и скотом шаруа шли к богатому сородичу или просто к владельцу обширных угодий и скотовладельцу. Часть их превращалась в придаток хозяйства последних, часть пользовалась чужим пастбищем за плату, за обязательство обслуживать хозяйства владельца. В одном из отчетов говорилось, что «многие не только из султанов, биев или старшин, но и из простых киргиз на основании предписания хана владеют поземельными участками в столь обильном количестве, что при избытке представленных им земель, располагают ими по собственному своему произволу, допуская к

кочеванию на этих землях тех или иных киргизов или сгоняя их по личным побуждениям и расчетам».¹

Узурпация влиятельной знатью небольших общинных земель, еще сохранных за аульными и подродовыми коллективами, в Букеевском ханстве приняла широкий размах. Этому способствовала не только политика царского правительства, поощрявшая частное феодальное землевладение, но и то обстоятельство, что земля все больше превращалась в основной и непосредственный источник извлечения материальных выгод и расширения феодального хозяйства. Группа аульных предводителей в 1853 г. жаловалась Временному совету: «Старшины адаева рода Саугабай Умбетов (на имя которого был выдан документ) и Сыпра Сариев, насильно присвоив все земли, представленные нам по документу для летней и осенней кочевки, ежегодно продавали за оброк нам самим наши же земли; начиная с 1846 г. по 1851 г. и в продолжение этого времени старшины Сыпра Сариев и Утамбек Сагубаев, Азберген Умбетов, Жаулыбай Нуртаев, Кубен Илемесов и Ектурган Таджиков ежегодно собирали с нас и подведомственных киргизов оброк – верблюдов, лошадей, деньги и другие вещи».² М. Иванов писал, что «...появилось у киргизов неслыханное у них до того право, сходное с оброчным состоянием наших (русских. – С.З.) крестьян».³

Казахское общество не было земледельческим. Основной и ведущей отраслью народного хозяйства оставалось скотоводство, для которого пастбищное пространство было неперенным и главным условием. Скот был непосредственным мерилем и источником благосостояния семьи. Оформление феодальной поземельной собственности еще более сосредоточило в руках немногих – хана, султанов, старшин, биев, баев и других представителей феодального класса – основной массы скота. Например, султану Джанбубеку Бигалиеву принадлежало одних лошадей 2300 голов, бай Руслан и Дюсен Жетибаевы имели в своем владении по 2000 голов лошадей, бай Карымсак Саржалин – 1500, султан Тауке Букейханов – 1000, старшина Маулиберды Жарылганов – 1000 голов лошадей.⁴ Сам хан Джангир являлся крупным собственником – имел 4274 головы лошадей, 232 верблюда, 719 голов рогатого скота и 17097 баранов.

Большинство населения находилось в зависимости от крупных владельцев земель и скота. Так, например, 26 хозяйств из тайфы кияк рода жаббас имели всего 125 голов крупного и мелкого скота. В отделении

¹ ЦГА КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 3189, л. 2.

² Цит. по кн.: Шахматов В. Указ. соч., с. 48.

³ Иванов М. Указ. соч., с. 18-19.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 26.

байбатша тайфы караул того же рода было 49 семей. В официальных сведениях, составленных старшиной отделения, 26 семей, более половины членов коллектива, отнесены к числу нищих (байгу-шей). Бедность их была настолько велика, что они были освобождены от обложений. Среди этих байгушей 11 семей не имели лошадей, 2 семьи совсем не имели скота. Остальные располагали преимущественно мелким скотом – от одной до 20 голов. Большинство тех хозяйств, которые не причислены к ряду нищих, были малоскотными, не способными существовать в полной мере самостоятельно. Так, 15 семейств из 23 в своих хозяйствах имели от 5 до 10 голов крупного и от 10 до 30 голов мелкого скота. Среди членов коллектива были относительно зажиточные. Так, во владении двух хозяйств имелось по 100 голов скота.¹ Точно такое же положение наблюдалось и в других подразделениях рода.

Основная масса феодально зависимого населения объединялась под названием шаруа, шаруа-кедей или просто кедей. Наиболее пауперизованную часть людей называли консы, байгуш. Шаруа имели некоторое число скота, а иногда и небольшие наделы для зимования и сенокосения. Среди них были и обеспеченные. Все они кочевали в составе аула более богатого родича. Они помогали ему в хозяйстве, пользовались его «помощью», несли в его пользу официальные и неофициальные повинности. В Букеевском ханстве среди зависимого населения преобладали кедей – люди, которые не имели хозяйственной самостоятельности и во всем полагались на «помощь» зажиточных и обеспеченных одноаульцев, сородичей с вытекающими отсюда для них последствиями. Положение байгушей и консы было еще более плачевным. Они представляли собой степных пауперов в самом прямом смысле этого слова, превратившихся в постоянные придатки хозяйства знати. Они работали поденно у прилинейных жителей, иногда занимались домашним ремеслом, жили случайными заработками. Байгуши, как правило, не располагали своей кибиткой, и поэтому 2 – 3 семьи жили в одной юрте.² Они, не имея войлока, свои жилища покрывали рогожами, дерном и камышом.³ Очевидцы свидетельствовали, что байгуши в Букеевском ханстве – самые бедные среди казахов – не имеют никакого скота для своего содержания и находят пропитание наймом или другими работами. «Байгуши, живя в ободранных кибитках, постоянно вблизи наших укреплений или станиц, и не имея возможности перевозить свои кибитки и

¹ Там же, д. 123, л. 26.

² О внутренней, или Букеевской, киргиз-кайсацкой орде. ч. 5, с. 234.

³ *Левшин А.* Указ. соч., с. 20.

имущество с места на место на верблюдах, переносят их на руках по несколько раз в год с одной местности на другую (сажень за 50 и более), чтобы сохранить хоть вид кочевки».¹

Изменения в области социальной жизни населения происходили в рамках господствующих патриархально-феодальных отношений, представляли новый этап развития внутри этих отношений. В системе феодальных отношений еще были значительны патриархальные формы и институты, хотя их удельный вес намного уменьшился.

На рядовых скотоводов и аульные коллективы как на объекты эксплуатации наступление велось по разным направлениям: по линии ханской власти и его аппарата, со стороны пограничных органов, проводивших колониальную политику, со стороны целой иерархии местной знати, начиная от родоначальников до аульного старейшины, со стороны торговцев и кредиторов.

Доведенные до отчаяния люди не могли более мириться с существующим положением и поднимались на открытую борьбу.

Накал освободительного движения

Внутриполитическая обстановка в Букеевском ханстве на всем протяжении его истории оставалась напряженной. Годы относительного затишья сменялись волнениями масс, доходившими до вооруженных выступлений против политического режима и ханской власти. Преследования и репрессии властей, следовавшие за каждым таким выступлением, еще более обостряли обстановку в ханстве.

Издержки и трудности освоения новых земель и основания нового обособленного политического объединения усугублялись проводимыми сверху реформами в области земельных, торгово-экономических и налоговых отношений, цель которых заключалась в том, чтобы превратить кочевников в своеобразное податное сословие, исправно несущее все возрастающие расходы ханско-султанского двора. Казахское трудовое население психологически было не подготовлено к принятию этих нововведений. Оно оказалось перед лицом реального факта, когда возникла опасность подрыва его жизненных устоев. Широкий размах приняла традиционная форма социального протеста – откочевка в другие места или под управление другого владельца, чаще всего обратно на левобережье Урала. С целью воспрепятствовать этому процессу правительственные органы избрали единственно эффективный в тех условиях путь – охрану всей линии по р. Урал от г. Уральска до Гурьева военными отрядами. Однако

¹ *Иванов М. Указ. соч., с. 14.*

эта мера насильственного удержания кочевых аулов в пределах ханства не смогла погасить волну социального недовольства. Тайные переходы, подкупы солдат и стражников на линии отдельными переселяющимися кочевыми группами оставались заметным явлением в жизни региона. Откочевка из Букеевского ханства целыми родовыми подразделениями приняла настолько большие масштабы, что царское правительство все вопросы, касающиеся перехода казахов в Зауральскую степь, взяло под свой контроль. Был установлен порядок перехода на левобережье Урала с санкции официальных правительственных пограничных органов. В 1819 г. по разрешению Оренбургской пограничной комиссии перешли обратно в Младший жуз из родов: тана – 511, алаша – 550, байбакты – 550 кибиток.¹ В 1820 г. в пограничные органы обратились с ходатайством разрешить перейти обратно на левый берег Урала 2333 кибиткам во главе с султаном Исенгазием Карабаевым, 600 – во главе с султаном Елтаем Нургалиевым, 1570 – со старшиной Есенгельды Жанмурзиным и 100 – из владения бия Байгалия Умурзакова. В общей сложности это составило около 1/3 всего населения ханства.

Султаны и старшины, стоявшие во главе кочевых коллективов, пытались использовать это массовое движение в своих узких интересах, добиться выгодных для себя уступок и привилегий от хана и пограничных органов. Это, однако, не меняло общего характера движения.

Выступления шаруа против ханской власти и феодальной знати к середине 30-х гг. переросли в крестьянское восстание под руководством Исатая Тайманова.

В многовековой истории Казахстана было немало социальных выступлений, однако ни одно из них не поднималось до выступления широких трудовых масс, как это было в Букеевском ханстве в 1837 – 1838 гг., имевшего явно выраженный антифеодальный характер.

То, что движение это формировалось вначале как общенародное, а затем вылилось в крестьянское антиколониальное восстание, имело свои причины. Как справедливо отмечал М.П. Вяткин, период ханствования Джангира был «временем резкого углубления феодальных отношений в Букеевской орде, сопровождавшегося системой мер по переустройству земельно-пастбищных отношений в угоду ханской власти и знати.

Очагом формирования и развития движения под руководством Исатая Тайманова был южный регион ханства. Земельные участки, примыкавшие к побережью Каспийского моря, были наиболее удоб-

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 7, л. 7.

ными для ведения кочевого хозяйства в течение всего года. Сюда стекались многочисленные аулы со своим скотом, а также безземельные, малоскотные хозяйства, гонимые нуждой. В то же время именно в этом районе жизнь кочевых коллективов была наиболее нестабильной, неналаженной и беспокойной. Многочисленные представители местной власти думали только о своем обогащении за счет кочующих здесь казахских аулов.

Прибрежные, наиболее плодородные и обширные земельные угодья принадлежали русским помещикам, и пользоваться ими кочевники-скотоводы могли только с разрешения их управляющих на арендных началах, условия которых часто менялись. На этих частно-владельческих землях кочевало более одной трети населения ханства (около 7 тыс. кибиток). Ханская власть наводнила юг страны своими наместниками, сборщиками налогов, карателями. Под видом борьбы с преступниками, бунтовщиками и задержания «русских беглецов», якобы скрывавшихся в казахских аулах, пограничные органы снаряжали в этот район группу следователей, чиновников, военные отряды, которые своими действиями наводили страх и нередко вызывали смятение среди местного населения. Все это создало такое положение на юге ханства, при котором двойной феодально-колониальный гнет был наиболее изощренным и глубоким.

Восстание в ханстве, как всякое крестьянское движение, было стихийным, малоорганизованным. К трудностям и недостаткам крестьянского движения вообще добавились специфические трудности развития казахского общества – его экономическая и политическая отсталость, колониальное положение края, кочевой образ жизни народа, значительное влияние патриархально-родового быта. Но отчаяние и ненависть к ханскому режиму и поработителям поднимали казахских шаруа на открытые выступления.

К весне 1837 г. сложилось несколько очагов вооруженного сопротивления, выходящего за рамки защиты местно-аульных интересов. Наиболее крупной была повстанческая группа, собранная под непосредственным руководством Исатая и Махамбета. В районах, охваченных движением, ханское управление почти полностью было парализовано: повстанцы сжигали дома, захватывали имущество у знати, сгоняли с кочевьев проханские аулы.

Создавшееся положение в ханстве серьезно беспокоило Оренбургское губернаторство. Правда, власти сознавали, что силы были неравны и в любой момент при необходимости выступление казахских шаруа они могли подавить военной силой, поэтому вначале оно проявляло сдержанность в удовлетворении просьб хана о решительном

подавлении мятежников, но усилило свою агентурную деятельность в лагере Исатая.

Крупные силы повстанцев несколькими группами во главе с Исатаем и Махамбетом постоянно передвигались, все больше приближаясь к Ханской ставке. По пути следования они громили аулы и имения ханских чиновников, знати, отбирали у них земли, в ряде мест назначали своих управителей в родовых подразделениях. В ходе движения повстанцы намеревались усилить свое влияние в кочевых коллективах, вовлечь новых людей в свои ряды. Входила, видимо, в их планы и демонстрация силы перед ханом с целью вынудить его пойти на реформы и удовлетворить требования повстанцев; 15-20 октября лагерь повстанцев уже находился в урочище Теректы-Кум, в 60-70 верстах от Ханской ставки, а 24 октября Исатай и Махамбет во главе повстанцев численностью, по одним данным, около 1500 чел., а по другим – 2500 – 3000 чел. находились в 40 верстах от Ханской ставки. Через 2-3 дня они разбили свои бивуаки в 4-7 верстах от нее. Осада продолжалась две недели.

В то же время Оренбургским губернатором проводился план окружения повстанцев и их уничтожения: выступили хорошо вооруженные регулярные и казачьи части и цельные воинские подразделения из Кулагинской, Горской крепостей, Зеленовского форпоста, из Уральска, Астрахани. Из Оренбурга выехал подполковник Геке, руководивший всей операцией. Одновременно были усилены посты по всей Узенской и Приуральским линиям с целью перерезать пути отступления и перехода повстанцев на левобережье Урала. В середине ноября при битве в районе урочища Тастюбе повстанцы потерпели поражение.

Исатай и Махамбет во главе с небольшой группой повстанцев, потеряв надежду на успех в ханстве, стали искать пути перехода в Зауралье. Несмотря на плотную сеть воинских постов, расставленных по обеим сторонам реки Урал, им удалось в морозную и вьюжную ночь с 13 на 14 декабря 1837 г. вблизи Яманхалинского форпоста перейти в Зауральскую степь. Так завершилось крестьянское восстание в Букевском ханстве и перекинулось на левобережье Урала.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХАНСТВА

Букеевское ханство как зависимое феодальное государственное образование

Букеевское ханство по форме организации высшей власти являлось монархией. Верховная власть в нем принадлежала хану и передавалась по наследству.

Если в первой четверти XIX столетия Букеевское ханство по структуре и механизму строения и обеспечения высшей власти ничем не отличалось от традиционных форм ханской власти в казахских жузах, т. е. оставалось раннефеодальной монархией с присутствием ей основными институтами, султано-бийской системой управления и обособленностью крупных кочевых коллективов, то со второй четверти оно превращается в монархию с ярко выраженной централизацией власти. Родоправители и старшины больших родовых отделений назначались ханом, становились ханскими наместниками, свободных духовных лиц заменил институт указных мулл, назначаемых ханом. Прежняя самостоятельность родов была уничтожена, исполнительная и судебная власть из сферы общины перешла к хану. Все местные правители теперь подчинялись родоправителям и старшинам крупных родовых подразделений. В орде была установлена единая налоговая и финансовая система, а также осуществлялся план перераспределения и использования земельных угодий, включая и сезонные пастбища.

Султан Букей был провозглашен первым ханом Внутренней орды представителями знати ряда родовых коллективов с соблюдением старинного ритуала поднятия на белой кошме.

Возведение Букея на ханскую должность по инициативе только местной знати было продиктовано далеко идущими интересами султанской группы и самого Букея, стремившегося к ханской власти, а также крупной знати в родовых коллективах. В какой-то степени и народные массы, уставшие от нестабильности в управлении, стояли в этот период за учреждение единой власти, с которой связывали надежды на выход из состояния хозяйственного и политического кризиса. Этой мерой конкурентная борьба за верховную власть на новом месте во многом была снята.

Царское правительство делало вид, что ничего особенного не произошло, поскольку в данном случае его интересы совпадали с интересами местной знати – султан Букей был общим кандидатом в ханы.

Официальному признанию султана Букея ханом Внутренней орды предшествовала оживленная переписка между центральными правительственными учреждениями, оренбургским военным губернатором и военно-гражданскими чиновниками, осуществлявшими оперативный надзор за казахским населением Младшего жуза. Оренбургский военный губернатор князь Волконский в донесении Государю Императору от 15 октября 1811 года писал: «Султан Букей Нуралин, кочующий на астраханских степях, есть старший из султанов, благоразумен, опытен и предан к престолу высокомонаршему».¹

7 июля 1812 г. в присутствии высших чинов Оренбургской колониальной администрации во главе с губернатором Волконским и многочисленной степной знати вблизи г. Уральска султан Букей был официально возведен в ханы Внутренней орды.

Хан Букей скончался 21 мая 1815 г. Жена хана Букея известила оренбургского губернатора о том, что ее муж назначил наследником сына Джангира, но поскольку сын еще был несовершеннолетним, то ханские обязанности передавались его опекуну султану Шигаю Нуралиеву, брату Букей-хана.²

После смерти хана Букея началась борьба за власть. Образовались две группы. Одна во главе со старшими сыновьями хана султанами Тауке и Адилем хотела использовать брата Джангира. Под влиянием этой группы несовершеннолетний Джангир оставил учебу в г. Астрахани и подал реляцию оренбургскому военному губернатору о своей готовности исполнять обязанности хана. И хотя губернатор, согласно завещанию хана Букея, своим предварительным решением от 15 июня 1815 г. поручил управлять ордой султану Шигаю, 27 января 1816 г. он сделал запрос через пограничную комиссию «О доставлении ему сведения об усердном служении султанов Джангира Букеева и Шигая Нуралиева».³ В это время силы, стоящие за спиной Джангира, вели активную деятельность: пытались созвать собрание части местной знати, чтобы утвердиться в ее преданности, вели переписку с Оренбургской пограничной комиссией о делах ханства, давая тем самым ей знать, что Джангир фактически осуществляет

¹ Приводится по кн.: *Ханыков Я.В.* Очерки состояния Внутренней киргизской орды, с. 44-45.

² Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 1, д. 1286, л. 7.

³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 21.

власть в орде. Двоевластие в ханстве могло серьезно отразиться на состоянии управления, и пограничные власти поспешили ликвидировать его, следуя завещанию хана Букея. 29 апреля 1816 г. последовало распоряжение военного губернатора «О недозволении султану Джангиру Букееву иметь с комиссиею переписки по делам, относящимся до киргизов на внутренней стороне кочующих, так как оные по смерти хана Букея состоят под заведением султана Шигая».¹ В начале августа того же года проводились формальные выборы султана Шигая в ханы в кочевьях рода Байулы, правителем которого до этого он являлся. В отличие от официальных документов в степи султана Шигая называли ханом. Борьба за власть между двумя султанскими группами временами давала о себе знать, например в период прихода к власти ханского наследника Джангира и после его смерти, однако не принимала характера открытой и ожесточенной борьбы, поскольку царское правительство успешно справлялось с нею, навязывая группам свои позиции.

В 1822 г. Джангир² выразил желание вступить в ханскую должность. Об этом он поставил в известность Оренбургскую пограничную комиссию и просил ее официально возвести его в ханы. В письме Джангир также сообщал, что султан Шигай, временно исполняющий обязанности хана, относится к его намерению занять ханскую должность «неблагожелательно, старается лишить его престола».³ Действительно, султан Шигай,⁴ узнав, что Джангир намерен добиваться ханского сана, пытался добиться своего утверждения ханом. С этой целью он дважды организовывал коллективные прошения с подписями старшин и биев, просивших оренбургского губернатора определить в орду ханом султана Шигая. Впоследствии выяснилось, что многие подписи на этих прошениях оказались подделанными.⁵

Пограничная комиссия, в свою очередь, собирала сведения о Джангире, опросила многих торговцев, чиновников, знающих его, в результате выяснилось, что основная масса султанов, биев и старшин стояла за возведение в ханы Джангира.⁶ Оренбургское начальство с

¹ Там же, л. 21.

² Джангир Букеев родился в 1804 г., начальной грамоте обучался у домашнего учителя-муллы, затем по воле отца был отдан для дальнейшего обучения и воспитания астраханскому губернатору Андриевскому, в семье которого он жил с небольшими перерывами около десяти лет.

³ Оренбургский облархив, оп. 1, д. 2800, л. 1-2.

⁴ Султан Шигай Нуралиханов «переходным ханом» состоял фактически с 1812 г. – с тех пор, как хан Букей в связи с нездоровьем поручил ему исполнение своих обязанностей.

⁵ ЦГАДА СССР, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 48.

⁶ Там же, л. 109.

самого начала стояло за кандидатуру Джангира, считая его по-русски образованным и воспитанным в духе преданности России, царскому правительству.

22 июня 1823 г. император собственноручно написал «быть по сему» на представлении Министра иностранных дел об избрании Джангира ханом Внутренней орды,¹ а 24 июня 1824 г. в г. Уральске в присутствии высших чинов пограничного управления Оренбурга Джангир официально был провозглашен ханом.

Период ханствования Джангира был относительно продолжительным и конструктивным в плане осуществленных преобразований в ряде областей жизни общества. Он умер 11 августа 1845 г. на 22 году правления. 6 декабря 1840 г. хан через министра государственных имуществ получил уверение императора в покровительстве его наследникам и соизволение на утверждение сына Сахиб-Гирея наследником ханского достоинства.² После его смерти вначале был учрежден для управления ханством опекунский совет во главе с одним из родственников покойного хана, а затем – Временный совет по управлению Внутренней ордой во главе с русским чиновником.

В Оренбургской пограничной комиссии возобладало мнение о нецелесообразности назначения нового хана вместо умершего Джангир-хана, хотя в это время в высших правительственных кругах еще не было принято окончательного решения по этому вопросу. После смерти Джангира из Оренбурга один за другим были командированы во Внутреннюю орду чиновники с целью разузнать отношение местной знати и населения к бесханскому управлению. Один из них доносил: «Неоднократно стороною доходили до меня слухи, что киргизы вообще более имеют доверие к русскому правлению, нежели к своему народному; даже завидуют зауральским киргизам, что они, заплатив по 1 р. 50 к. серебром с кибитки, пользуются всеми привольями и всякою свободою на землях, им указанных».³ Другой чиновник пришел к выводу, что «в управлении вверенными Джангиру киргизами действовал он не как подданный императора, не как правитель, поставленный от царя русского, а как владетель самостоятельный и никакой властью не ограниченный».⁴ Далее он писал, что хан Джангир допускал значительные злоупотребления во вред интересам России. Вопрос о нецелесообразности назначения в орду нового хана был почти решен.

По завещанию хана его наследником должен был стать сын Сахиб-

¹ Там же, л. 285.

² Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, л. 5365, л. 14-15.

³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 2350, л. 82.

⁴ Оренбургский листок, 1889, № 38.

Гирей. В год смерти хана Джангира ему шел шестнадцатый год. Он заканчивал курс в Императорском кадетском корпусе в Петербурге. Ханская семья, особенно Фатима и ее брат Гусейнов, хотели как можно скорее передать власть Сахиб-Гирею. С этой целью они прервали его учебу в Петербурге. Правительственные органы, узнав об этом, приняли решение отозвать Сахиб-Гирея обратно из орды. 30 сентября 1845 г. Министр государственных имуществ известил оренбургского губернатора Обручева о том, «что ханскому сыну признает необходимым возвратиться для окончания наук в Пажеском корпусе».¹ Оренбургский губернатор 27 октября того же года еще раз напомнил об этом и предписал коллежскому советнику Бикмаеву, находившемуся во Внутренней орде, «настоять на скорейшем отъезде ханского сына Сахиб-Гирея в С-Петербург для продолжения наук в Пажеском корпусе, если он на дальнейшее проживание в ставке не имеет особого разрешения своего начальства».² Но только после настоятельных требований пограничных властей Сахиб-Гирей отбыл в Петербург.

На начальном этапе при назначении опекунского совета, временного совета по управлению имуществом³ хана и ордой не исключалась возможность передачи власти Сахиб-Гирею. В записках чиновников Оренбургской пограничной комиссии, относящихся к этому периоду, встречается выражение «до утверждения Высочайше назначенного по нем (по ханству) наследника Сахиб-Гирея».⁴ В июле 1847 г. он был возведен в княжеское достоинство, но вскоре по пути из Петербурга в казахскую степь таинственным образом скончался. После этого в утешение ханской семьи другой сын Джангира – Ибрагим, который был моложе Сахиб-Гирея на 4 года, был возведен в княжеское достоинство. Министерство государственных имуществ намеревалось назначить Ибрагима председателем Временного совета по управлению Внутренней ордой, однако против этого возражал Оренбургский генерал-губернатор Перовский. Так официально была упразднена ханская власть во Внутренней орде.

В истории развития ханской власти во Внутренней орде следует различать два периода. В первый период – начало XIX в. – власть хана ничем не отличалась от власти ханов Зауральской степи, Сред-

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 126.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 131.

³ После смерти жены Джангира Фатимы остались дети: от первой жены Юзум – 2, от Фатимы – 7. Самому старшему из них Сеид-Гирею было 16 лет, но он не обладал правом на ханское имущество, а старшему из детей Фатимы Сахиб-Гирею было всего 15 лет. Поэтому был учрежден опекунский совет над наследством хана, оцененным на 221 381 руб. серебром.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 73.

ней орды. Она была слабой, а страна раздробленной. Султан ШигаЙ, вступивший на ханский престол после смерти Букей-хана, откровенно признавал, что если отдельные коллективы вздумают переключиваться обратно в Зауралье, что наблюдалось, то «он не в силах будет сохранить в ней порядок и действовать в пользу службы его Императорского Величества».¹ В свое время и султан Букей, не надеясь на свою власть, просил правительство прислать к нему вооруженный отряд для его охраны. В одном из писем астраханскому губернатору в 1806 г. он писал: «Родитель мой Нурали-хан и дядя Ишим-хан были убиты за то, что в подданство Всероссийской империи вступили. По сим причинам просил я у генерал-майора Завалишина казаков 100 человек для предосторожности и усмирения легкомысленных».² Что касается Джангир-хана, то некоторые современники рисовали его как самовластного хана, управляющего ордой, присущими восточному деспоту методами,³ а его власть – как неограниченную.⁴ А. Рязанов по этому поводу писал: «Здесь хан считал себя самовластным ханом, казахи не могли помышлять об ограничении ханской власти; кочуя на землях, отведенных русским правительством султану Букею, они считали себя подданными хана». Такую же оценку дал М.П. Вяткин. Он указывал, что в «отношениях своих подчиненных он (Джангир. – С.З.) держался как восточный деспот, несмотря на то что функция его как хана царским правительством была весьма ограничена».⁵

В решении внутренних вопросов власть хана не была ограниченной. Существовавший ханский совет, члены которого были кооптированы по воле самого хана, не поднимался выше совещательного органа. Джангир-хан проводил отдельные преобразования в областях налоговой и земельной политики по своему усмотрению, устанавливал в интересах ханской казны постоянные и временные повинности (зякет, согум, сбор кошм и сена и др.). Он осуществил централизацию власти путем ослабления власти родовой знати и усилил роль ханских наместников, частью вербуемых из числа служилой местной знати, частью назначаемых центральной властью в ханстве. В социальном смысле деятельность хана была ограничена и детерминирована волей и интересами господствующего класса, в особенности той его части, которая ориентировалась на союз с колониальными органами царского правительства.

¹ Материалы по истории Казахской ССР, ч. 4. М. – Л., 1940, с. 274.

² Там же, с. 267.

³ *Алехторов А.* Очерки Внутренней киргизской орды – Известия, оренб. отд. РГО, 1893, вып. 2, с. 25.

⁴ *Иванов М.* Указ. соч., с. 30.

⁵ *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР, с. 247.

Букеевское ханство полностью зависело от русского государства, было его марионеткой. Территория, на которой находилось ханство, была собственностью России, а хан считался находящимся на службе у русского государства. Ему присваивались военнoслужебные чины России. Так, Джангир-хан имел звание генерал-майора русской армии. Ханство вначале находилось в ведении Министерства иностранных дел, а затем указом царя от 5 февраля 1838 г. было поведено «сопричислить к управлению Министерства государственных имуществ».¹ Этим Букеевское ханство превращалось из внешней территории государства во внутреннее колониальное владение, что отражало его фактическое положение. Джангир-хан отнесся к этому очень спокойно, как к должному. Оповещая родоправителей об этом, он писал, что это постановление есть не что иное, как «новый залог внимания Его Императорского Величества к подвластному мне народу... изображенное постановление состоялось для пользы ордынцев».²

Внутренняя орда, занимавшая территорию, находившуюся в сфере влияния астраханской губернской власти, в первое десятилетие больше была связана с астраханским губернатором, в особенности с командованием астраханского казачьего полка, осуществлявшего непосредственный надзор по всей западной и южной линиям расселения казахских переселенцев. 17 июля 1808 г. царь Александр I подписал новые правила «О переходе степных киргизцев на внутреннюю сторону Урала». В них был специальный раздел «О Букее султана», который устанавливал, по существу, двойное подчинение орды. В правилах говорилось: «Султана Букея с подвластными его и со скотом... подчинить наравне со всем киргизским народом Оренбургской пограничной комиссии». В то же время признавалось, что Внутренняя орда занимает земли Астраханской губернии и хан Букей «должен во всяких случаях относиться прямо к астраханскому губернскому начальству»,³ а последнее, в свою очередь, обязано было ставить в известность о всех важных делах казахов Оренбургского военного губернатора и его пограничную комиссию.

Со временем утвердились три понятия и соответствующие им три инстанции управления Букеевским ханством: «общий надзор», «ближайший надзор» и «главное местное управление». Общий надзор осуществлялся официально Министерством иностранных дел и его азиатским департаментом, а с 1838 г. – Министерством государственных имуществ. Органами ближайшего надзора являлись

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 64, л. 1.

² Там же, л. 3.

³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 214, л. 4-5.

Оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия, а главное местное управление было возложено на хана.

Букеевское ханство не несло какой-то прямой повинности в пользу царского правительства. Это компенсировалось превращением орды в сырьевую базу и рынки сбыта товаров России.

Ханская власть и царское правительство

Между ханской властью и царским правительством, его органами на местах сложился прочный союз, и это предопределило то, что во Внутренней орде ханское правление существовало почти до середины XIX в., тогда как в других частях Казахстана было отменено еще в начале 20-х гг.

Безоговорочная ориентация ханов на царское правительство была обусловлена несколькими факторами, и прежде всего тем, что ни один хан орды не мог продержаться во власти без поддержки правительства, в том числе военной. Против хана действовали три оппозиционные группы. Группа влиятельной старой знати Младшего жуза пыталась помешать переходу части казахов в пределы России и обвиняла султана Букея и его сторонников в стремлении расколоть Младший жуз. Вторую группу составляли в основном султаны, которые боролись за власть на новом месте, но, не получив поддержки со стороны пограничных органов, пытались создать свое микровладение и игнорировать власть хана. Наконец, среди казахского населения также были сильны антиханские настроения.

Ханы Внутренней орды всегда чувствовали себя в опасности и не скрывали этого. Хан Букей 28 ноября 1810 г. в письме к Оренбургскому губернатору, называя своих противников «злоумышленными киргизами», писал: «Под покровительством Вашего сиятельства получаю от них избавление... Высокостепенного Джантюре-хана умертвили, также и меня едва не убили, а я имею надежду... на всевышнего бога. При всем том злые киргизцы ищут случай, чтобы сделать мне несчастье, от каковых воров киргизцев, теряющих тишину и спокойствие, удаляюсь внутрь, в дальние места, где надеюсь иметь для меня безопасное пребывание».¹ В таком же плане писал и султан Шигай, занимавший ханский престол после смерти Букея.

При ханской ставке постоянно находился двухсотенный русский военный отряд с офицерами, прикомандированный оренбургским и астраханским губернаторами.

¹ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, л. 513, л. 7.

Бесконфликтному взаимоотношению ханской власти с пограничными органами в известной мере содействовала продуманная политика оренбургского губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Они отказались от постоянной опеки, надзора, предоставив значительные возможности хану. Так, хотя было установлено, что окончательное утверждение старшин родовых отделений, родоправителей и членов ханского совета, представляемых ханом, входит в полномочие Оренбургской пограничной комиссии и оренбургского военного губернатора, на деле не было случая, когда бы губернатор и его управление не согласились с кандидатурой хана. Большие полномочия хан имел и в правовой области. Было установлено, что казахи Внутренней орды судятся по общим уголовным законам, неповиновении власти, возмущении, побеге за границу, за участие в злодеянии, смертоубийстве, похищении казенного и общественного имущества, поджигательстве, насилии, грабеже, барымте и воровстве до 30 руб. серебром более двух раз, по всем же другим преступлениям маловажным, не исключая и кражи до 30 руб. серебром менее трех раз, судятся ханом».¹ По изъятым из ведения хана делам в качестве судебной инстанции выступали военный суд в Уральске и Оренбургская пограничная комиссия, которые производили следствие и творили суд по общим уголовным законам России. В действительности судебная власть хана была гораздо шире. Многие дела, отнесенные к компетенции пограничных властей, решались самим ханом.

Как правило, это были те дела, которые по каким-либо соображениям хан передавал сам. Так как деятельность хана прямо не контролировалась, он был в состоянии квалифицировать всякое преступление как маловажное или вовсе не сообщать пограничным судебным органам.

Недовольные решениями хана могли жаловаться в пограничные власти. «Те лица, которые по решению его (хана. — С.З.) в претензиях своих киргизов законного удовлетворения не получают, — записано в своде законов империи, — имеют право приносить жалобу, куда по порядку следует».² Оренбургское же губернаторство, проводя политику укрепления ханской власти, не принимало жалоб на хана, а если были таковые, то они, как правило, оставались без решения.

В известной мере сращению ханской власти с властью пограничных органов в немалой степени способствовал сам Джангир. Он был сторонником русского самодержавия, помещицкой системы хозяйства, дворянского образования и культуры.

М.П. Вяткин справедливо указывал, что Джангир «в орду приехал с навыками и претензиями русского помещика-крепостника. Он

¹ Свод законов России, 1842, т. 15, ст. 179. 114

² Там же.

даже стремился закупить в Оренбургской губернии около 500 душ крепостных крестьян».¹ Вместе с тем он обладал определенными данными местного деятеля и был властолюбив. Все это при полной поддержке царского правительства создало некоторый ореол вокруг него. Царские чиновники, довольные его отношением к политике пограничных органов, в своих донесениях и записях часто называли его человеком «во многих отношениях замечательным»,² ханом, «который весьма заботится о благосостоянии киргизов»³ и т. д.

Джангир-хан поддерживал регулярную связь с высшими органами правительства, несколько раз бывал при дворе. В 1827 г. летом он посетил Москву и Петербург, был представлен царскому двору и присутствовал при коронации императора. В 1839 г. Джангир-хан ходатайствовал об аудиенции у царя «для сообщения некоторых сведений в отношении управления его народом».⁴ В начале августа он прибыл в Петербург в сопровождении поручика Амирджана Гусейнова (брата жены), служилых родственников султана Медеткалия Чукана и султана Менлигирея Букейханова, а также члена ханского совета Чумбала Ниязова, старшины Насанбая Ходжабекова, тархана Сердали Сеитова. Одним из вопросов, поставленных ханом перед Императором, как это видно из отношения пятого отделения «собственной Его Императорского величества канцелярии», оренбургскому военному губернатору от 8 августа 1839 г. было ходатайство о награждении чинами и знаками 23 лиц из числа местных правителей и служилых людей, «отличившихся преданностью ханской службе и царскому правительству, каковое по докладу Император соизволил благосклонно рассмотреть».⁵ Другим вопросом, которому придавал хан особое значение во время пребывания в столице, было назначение наследника престола и одобрение его царем. В январе 1841 г. Джангир-хан представил в Оренбургскую пограничную комиссию официальное уведомление Министра государственных имуществ о том, что «Государь император вследствие всеподданнейшего прошения хана об утверждении в роде его ханского достоинства, изъявил предварительно Всемилостивейшее соизволение на утверждение сына его Сахиб-Гирея наследником ханского достоинства по окончании им курса наук в Пажеском корпусе».⁶

¹ Вяткин М.П. Указ. соч., с. 247.

² Солдатенков К., Щенкин Н. Очерки зауральской степи и внутренней, или Букеевской, орды. М., 1859, с. 84, 89.

³ Сеитов Г. Указ. соч., с. 299.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2228, л. 3.

⁵ Там же, д. 2126, л. 6-8.

⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 14.

Правительство обласкало хана Джангира. «За постоянные труды по управлению Букеевскою ордою и неусыпное попечение о благе ея» он был награжден медалью на Андреевской ленте, алмазными знаками ордена Святой Анны первой степени, орденом Святой Анны первой степени. В 1831 г. ему был пожалован воинский чин генерал-майора.¹ Русский император подарил хану карету и коней, а его супруга была удостоена «высочайших подарков».²

Джангир-хан поддерживал тесные связи с образованной, культурной частью царского чиновничества. Он посещал Казанский университет, переписывался с его ректором и некоторыми профессорами, передал университету фольклорные материалы, за что был избран его членом.

Царскому правительству казалось, что Джангир-хан – тот человек, которому можно было доверить проведение государственной политики в казахском обществе и вместе с тем отвечающий требованиям культурного русского общества, влияние которого все больше возрастало в аппарате государства, в том числе и в правительственных органах. В течение первых двух десятилетий после образования Внутренней орды астраханское и оренбургское губернаторства вплотную занимались ее делами, требовали регулярного отчета отправителя орды и согласования с ними основных вопросов внутренней политики. Так, 12 ноября 1818 г. астраханская войсковая канцелярия потребовала от султана Шигая, исправлявшего обязанности хана, «ежегодно представлять в нынешнем лице главному начальству о всех вообще в Астраханской губернии обитающих разного звания людях, в число сие входят и кочующие киргизцы».³ Несколько раньше, когда султан Шигай стал выдавать от ханского имени отпускные билеты казахам-беднякам для найма на работу в пограничных русских селениях, Оренбургская пограничная комиссия 30 марта 1818 г. сделала ему предупреждение: «что Вы подведомственным вам киргизцам в противность сделанному пограничным начальником постановлению, выдаете от себя билеты на поступление к астраханским рыбопромышленникам в работники». Комиссия сообщила, что оренбургский военный губернатор «запрещает ему выдавать впредь билеты. В таких случаях спрашивать разрешение у линейных начальников».⁴ Султан Шигай свой ответ на это требование ограничил изложением просьбы о предоставлении ему такого

¹ Там же, ф. 78, оп. 1, д. 26, л. 232.

² Там же, оп. 2, д. 99, л. 2-3.

³ Там же, оп. 1, д. 1, л. 4.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, л. 3.

полномочия.¹ Так было и в первые годы ханства Джангира. В письме председателю Оренбургской пограничной комиссии от 12 декабря 1830 г. хан писал: «Прошу разрешить – могу ли давать султанам и старшинам участки земель в исключительное их владение».²

Положение значительно изменилось с 30-х гг., когда Джангир-хан был обласкан лично царем и царским двором, завоевал доверие и пользовался поддержкой оренбургского губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Политика контроля и опеки над ханом сменилась политикой невмешательства во внутренние дела Букуевского ханства и в деятельность хана. Именно к этому периоду относятся слова одного из ответственных царских чиновников: «Русское правительство с самого начала отклонило от себя всякое вмешательство во внутренние дела киргизов, по предмету разверстания земельных угодий между различными родами».³ Один из дореволюционных исследователей не без основания указывал, что во второй четверти XIX в. ханская власть в орде была «весьма сильной».⁴

Ханская власть во Внутренней орде стала почти бесконтрольной, хотя формальное ограничение полномочий хана не было снято. Когда хану стало известно, что приказчики русских приморских владений привлекают казахов к разным работам, в том числе к сенокосению, Джангир отреагировал на это письмом в Оренбургскую пограничную комиссию от 19 апреля 1834 г., в котором просил сделать предупреждение этим приказчикам о недопустимости подобного действия, ибо, как писал хан, этак «без моих согласий могут оскорблять меня».⁵ Честолюбие хана со временем стало столь высоким, что он на просьбу самого оренбургского губернатора Перовского, интересовавшегося ежегодными ханскими сборами с населения, послужившими одной из основных причин крестьянского восстания в орде в 1836 – 1837 гг., ответил, по существу, отказом. Хан писал губернатору: «Подробной записи о числе получаемого мною с киргизов разного скота в зякет и согум сообщить Вашему превосходительству не имею возможности, так как не вел расчета».⁶

Хан пытался снять с себя некоторые, во многом формальные, ограничения, наложенные на его власть русскими законами. Так, 10 июля 1837 г. он представил губернатору докладную о расширении его су-

¹ Там же, л. 4-5.

² Приводится по кн.: *Шахматов В. Ф.* Указ. соч., с. 48-49.

³ *Медведский Т.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственном и статистическом отношении. – Журн. МГИ, 1862, № 8, с. 286.

⁴ *Харуэин А.* Киргизы Букуевской орды. М., 1889, вып. 1, с. 90.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 6, л. 44.

⁶ *Алекторов А.* Указ. соч., с. 259.

дебных прав, в которой писал: «Дела следственные о производимых киргизами кражах как междоусобных, так и у посторонних лиц представить разбирательству хана в Ханском совете на праве дел исковых, гражданских с тем, чтобы претендателям доставляемо было, в случае справедливости претензии, удовлетворение, а виновным производилось бы наказание в Орде по нашим обычаям и законам».¹ Однако правительственные органы не собирались снимать существующие законные ограничения на власть хана. При помощи этих и других изъятий из сферы ханской власти в необходимых случаях осуществлялось давление на нее и контроль над внутренней жизнью ханства.

Самостоятельность деятельности хана несколько не тревожила правительство и его пограничные органы. Хан оставался верным слугой царизма и ревностным проводником его политики подчинения казахского общества интересам империи. А это было важнее всех других частных проявлений в деятельности хана. Открытое вмешательство правительства во внутренние дела казахских ханов почти всегда приводило к нежелательным результатам – к потере авторитета местных начальников, которые состояли в союзе с царизмом. Этот урок был учтен: лучшим средством проведения колониальной политики в Букеевском ханстве правительство считало не прямое вмешательство, а действие через надежного ставленника.

Правительство в знак полной поддержки внутренней политики хана и желая укрепить его позицию, временами оказывало ему финансовую и другую помощь, в которой он нуждался. Оно полностью финансировало строительство ханской резиденции в урочище Жас-Кус, а также плотины на р. Торгунь.

Свое зависимое положение от царского правительства и его поддержку хан стремился использовать для укрепления своей власти внутри ханства. Об этом он открыто писал в Пограничное управление и губернатору. «Желательно, – писал он губернатору Перовскому, – чтобы права мои были поддержаны Вашим превосходительством, как крепкою опорой попечительской власти».²

Правительственные органы во многом шли навстречу хану. По его представлению наиболее преданным ханской власти представителям знати присваивались офицерские звания, выдавались подарки, они награждались медалями, наоборот, «ослушников» изолировали от общества, передавая их в руки пограничных властей, как мятежных. Нередко правительственные органы отказывались принимать жалобы от трудящихся без предварительного рассмотрения их ханом.

¹ Цит по кн.: *Рязанов Л.* Указ. соч., с. 47.

² Астраханский листок, 1892, № 259.

Джангир-хан, опираясь на поддержку правительства, стремился к единовластию во внутренних делах. В его руках была сосредоточена высшая административная, судебная и законодательная власть в ханстве. Он сам разбирал судебные дела, считался судом второй инстанции по делам, решенным родовыми начальниками и ханскими биями; устанавливал новые налоги, ввел телесное наказание, новые виды штрафов за неуплату долгов, понятие «ослушание воли начальства» и т. д. Такая нормотворческая функция не входила в деятельность прежних казахских ханов. Начиная от указных мулл и кончая членами ханского совета, все эти и другие должностные лица, по существу, назначались ханом и непосредственно подчинялись ему. Власть в ханстве была централизована. Прежняя самостоятельность султанско-бийских владений была ликвидирована, а сопротивление старой родовой знати, тяготевшей к независимой внутренней политике, сломлена.

Административная и судебная власть была изъята из ведения родовых предводителей и передана назначаемым ханом наместникам.

В усилении ханской власти имело значение и то обстоятельство, что в результате передачи лучших земельных участков во владение отдельных категорий знати, освобождения части местной знати от несения общих повинностей и налоговых сборов путем присвоения звания тархана и представления на награждение русскими чинами части знати хану на определенном этапе удалось создать более или менее стабильную социальную опору власти.

При всем этом «своеволие» хана Джангира имело свои пределы, которые он старался не переступать. Джангир был достаточно хитер и опытен, чтобы не вызывать раздражение, тем более недовольство царского правительства.

Открытый союз ханской власти с колониальными органами и политика хана, направленная на усиление угнетения трудовых масс путем закрепления земель за знатью и установление новых налогов в пользу ханской казны и наместников, рост злоупотребления служебным положением со стороны ханских чиновников вызвали протест народных масс, вылившийся в мощное вооруженное выступление в 30-х гг. XIX в.

Основные направления в деятельности ханской власти

В первой четверти XIX в. по инициативе хана был осуществлен ряд важных мероприятий, затронувших кочевой быт и земельные отношения, систему сборов и повинностей населения, организацию вла-

сти и управления в обществе. Этими мерами хан и стоявшие за ним органы царского правительства стремились упрочить свое влияние на кочевые и полукочевые коллективы, создать социальную опору для проведения такой политики и расширить источники пополнения ханской казны и обогащения в первую очередь султано-старшинской служилой знати.

Впервые в истории Казахстана ханская власть кроме решения традиционных вопросов внутренней жизни казахского общества, таких как распределение кочевьев и кочевых путей между родами и разбирательство споров и конфликтов между ними, сношение с соседними народами, стала интересоваться хозяйственной, социальной, культурной и политической жизнью подвластного общества, пыталась реформировать отдельные области и стороны общественной жизни в угоду интересам ханской власти и тех социальных сил, организацией которых она была.

Раздачей земель султанам, биям, старшинам, знати в кочевых коллективах в их исключительное владение преследовалась цель создания социальной опоры в лице крупных и средних землевладельцев-скотовладельцев, закрепления крестьян-шаруа на определенной местности и тем самым усиления их зависимого положения от знати, ориентировавшейся на центральную власть. Эти меры были рассчитаны также на расширение влияния ханской власти на внутреннюю жизнь кочевых коллективов, на создание дополнительного источника пополнения ханской казны за счет поступлений от раздачи, распределения и перераспределения земельных угодий, сдачи их в аренду.

Хан Внутренней орды проводил продуманную социальную политику, сориентированную на ослабление родовой знати и утверждение позиций новой знати, одобряющей внутреннюю и внешнюю политику хана. Кроме преобразований в земельных отношениях он осуществил ряд мер, направленных на укрепление своей власти, в частности возродил институт тарханства,¹ практиковавшийся в раннее средневековье в странах среднеазиатского Востока, в том числе в Казахстане, ввел титулы: ханский султан, ханский бий, ханский служащий, отмечая заслуги знати перед ханом и как доверенных лиц, выполняющих волю верховной власти в ханстве.

Титул тархана жаловался ханом представителям местной знати. Он давал его носителям льготы, установленные центральной властью, особое положение в обществе. В руках хана это было сред-

---

¹ Царское правительство в XVIII в. практиковало присвоение титула тархана влиятельным в казахском обществе биям и батырам, однако сами казахские ханы таким полномочием не обладали.

ством приблизить к себе влиятельную часть знати, которая поддерживала бы политику царского правительства в этом регионе. За короткое время число тарханов достигло нескольких сотен. Только в одной таловской части орды (а таких частей было 5) к середине XIX в., по официальным сведениям, насчитывалось 125 тарханов. Среди них были крупные скотовладельцы и землевладельцы. С вручением тарханского свидетельства хан Джангир наделял тарханов лучшими земельными угодьями, что освобождало их от ханских налогов и общественных повинностей, телесного наказания и т. д. Тарханское звание объявлялось наследственным, переходило по мужской линии.¹ Личные права тарханов охранялись ханской грамотой.

Казахские ханы во все времена нуждались в поддержке местной знати, которая непосредственно управляла кочевыми коллективами. Власть ханов во многом зависела от их поддержки. Во внутренней орде хан нуждался в ней еще в большей степени, поскольку задуманные им преобразования не могли быть проведены без активной поддержки влиятельной части родовой знати. В привлечении на свою сторону все большей части местной знати хан наряду с введением для нее звания тарханов установил ряд льгот и привилегий для старшин и аульных предводителей, перешедших на службу к хану, поручал им сборы с населения ханских обложений и предусматривал при этом их долю с этих обложений в зависимости от размера поступлений в ханскую казну. Служилая знать освобождалась от налогов и повинностей, наделялась полномочиями наместников центральной власти.

Составной частью социальной политики хана были подготовка и умножение числа духовных лиц, мулл, подчиненных хану, и насаждение их в кочевых коллективах для идеологического влияния на отсталое аульное население в интересах политики хана. «До вступления в управление ордою хана Джангира Букеева, – читаем мы в одном из местных сообщений, – киргизы, за исключением весьма немногих султанов и ходжей, не имели почти никаких религиозных убеждений и были очень плохими магометанами»,² а число мулл во всем ханстве в это время было не больше 15.

Для приучения казахского населения к уважению религии хан прибегал к различным, порой насильственным мерам. Так, хан, прежде чем рассматривать тяжбные дела сторон, всех участников этого дела, при-

¹ С ликвидацией ханской власти перестал существовать и институт тарханов. В 1869 г. правительствующий сенат, давая разъяснение о правах тарханов, отметил, что тарханы являются «ныне почти совершенно исчезнувшим званием» (Крафт И. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, с. 82).

² Оренбургский листок, 1887, № 26. 124

ывающих нередко значительными группами в ханскую ставку, водил в специально устроенную мечеть и организовывал в ней богослужение. Дело доходило до того, что во время ярмарочной торговли вдруг появлялась команда русских казаков из личного конвоя хана, которая нагайками и плетями загоняла толпу в мечеть на совершение религиозных молитв.

К началу 40-х гг. не только старшины тайфы, но и отдельные аульские коллективы имели уже своего духовного наставника. Духовная деятельность превратилась в государственную службу. Заметно увеличилось число ходжей, именовавшихся потомками сподвижников пророка Мухаммеда. Они образовали кастовую организацию – род ходжей, которая состояла из 40 – 50 семей.

По мере укрепления своей власти и ее социальной базы хан видоизменял и реформировал старую систему повинностей и обложения населения: увеличивал их размеры, вводил новые виды налогов и обложений с целью приумножения своих доходов, с большой тщательностью устанавливал налоги для каждого подразделения рода и старшинств, порядок сбора и отправки в ханскую ставку.

Среди ханских сборов на первом месте стоял зякет, первоначально освященный религией и существовавший во всех мусульманских странах. Хан Джангир писал, что «зякет есть принадлежность ханского достоинства повсюду, где только киргизский народ имеет ханов»¹. На первом этапе зякет взимался натурой, в основном в виде сороковой части скота, по строго установленной раскладке: а) с 5 голов верблюдов – 1, с 10 – 2, с 15 – 3, с 20 – 4 барана, с 25 верблюдов – тайлак (верблюжонок по второму году), с 36 – 1 верблюд по третьему году, с 46 – 1 верблюд-четырёхлетка, с 61 верблюда – 1 верблюд пятилетний и т. д.; б) с каждых 30 голов крупного рогатого скота – полугодовалый теленок, с 40 – 1 трехгодовалый, с 60 – 2 полуторогодовалых, с 70 – трехгодовалый и 1 полуторогодовалый, с 80 – 2 трехгодовалых, с 90 – 3 полуторогодовалых и т. д.; в) с 40 голов овец, коз и баранов – 1 баран, с 121 головы – 2 барана, с 201 – 3 барана и т. д. Лошади оценивались в деньгах – взималась сороковая часть их стоимости. Такая раскладка ставила в более выгодное положение зажиточную часть населения, крупных скотовладельцев и была очень обременительной для трудовых масс. Шаруа-скотовод, владевший 40 баранами, отдавал в зякет одного, а богач, имевший 400 баранов, т. е. в 10 раз больше – только 4 баранов. Чем крупнее было скотоводческое хозяйство, тем меньше оно облагалось. Эта привилегия знати охранялась центральной ханской властью.

Бунты и крестьянское восстание в орде, достигшее своего апогея к

¹ Цит. по: *Небольсин Г.* Очерки волжского низовья. – Журн. МВД, 1852, т. 39, с. 232.

середине 30-х гг., создали реальную угрозу хану и стоящим за ними колониальным органам. Под напором выступления масс, пытаясь смягчить их удары, хан в 1834 г. внес изменения в систему повинностей. По новому правилу лица, имевшие скота менее чем на 300 руб. ассигнациями (1 лошадь стоила 30 руб. ассигнациями), освобождались от зякета. Судя по некоторым документам, хан советовал старшинам брать с богатых больше, а с лиц среднего достатка – сообразно их состоянию. Однако эта «реформа» не облегчила экономического положения трудящихся масс, но заинтересовала местные власти, в руки которых теперь переходила основная власть по распределению и обложению налогом населения. Это привело к новым злоупотреблениям. В начале 40-х гг. был переведен на денежную форму натуральный зякет. Постановлением хана устанавливались твердые цены на каждый вид скота по всей орде. Ежегодно хан определял размер зякета в деньгах для каждого отделения рода. Старшины отделений по получении предписания хана совместно с предводителями и почетными лицами подотделений и аулов производили перераспределение зякета по семьям в соответствии с численностью скота. Сборы от зякета составляли огромную сумму. Местные начальники обосновывали это необходимостью оплаты и возмещения дополнительных издержек, связанных с расходами, поездками, ходатайствами родо-правителей, мулл и разных категорий местных правителей, включая их самих. Сверх ханских они устанавливали также свои сборы.

По сообщению М. Иванина, зякет, «постоянно увеличиваясь, доходил до 70 и более тыс. руб. серебром».¹ По А. Евреинову, ежегодное поступление хану от зякета составляло от 72000 до 92000 руб. серебром.² Другой автор определяет его до 80000 руб. серебром.³ По всей вероятности, эти данные приблизительно верно отражают действительность.

По данным М.П. Вяткина, в 1844 г. размер зякета достигал 95361 руб. серебром, что в переводе на скот составляло 40 -50 тыс. баранов, или 8 тыс. лошадей.⁴

Другим официальным ханским доходом был согум – натуральная повинность, предназначенная для обеспечения мясом хана в зимнее время. Хан Джангир учредил в конце 30-х гг. так называемые согумные участки, состоявшие из 15 кибиток или семей, подлежащих обложению. Каждый такой участок должен был поставлять хану 40 руб. ассигнациями или натурой – одну 5-летнюю корову или жирную кобылицу. Четыре согумных участка, соединяясь, должны были внести

¹ *Иванин М.* Указ. соч., с. 9.

² *Евреинов А.* Указ. соч., с. 79.

³ *Тереженко А.* Указ. соч., с. 64.

⁴ *Вяткин М.П.* Указ. соч., с. 250.

хану также две кошмы – одну белую, ценой 3 руб. серебром, и одну серую, ценой 2 руб. серебром, каждая длиной от трех-четырёх сажений и шириной около сажени.¹ От этого сбора хан в 1836 г. собрал до 500 штук кошм. Согум приносил ежегодно хану до 10000 руб. серебром или от 800 до 1000 голов скота.²

Развитая налоговая система, а также поборы местной знати еще больше усилили процесс разорения трудовых слоев населения. Достаточно сказать, что на каждый согумный участок, по официальным данным, приходилось 5 кибиток бедняков, не облагаемых налогами. Согум взимали с населения и султаны, и крупная родовая знать. «Согум производился осенью, обыкновенно это имело основанием то, дабы хан или султан мог прожить всю зиму на иждивении народа и тоже мог бы видеть готовность ордынцев в жертвовании своего имущества в пользу своего начальства»,³ – писал чиновник Д' Андре. На это указывал и Г. Загряжский: «Каждый ордынец, кочующий в соседстве с султанскими аулами, должен доставить султанам согум или какую-либо скотину на зарез для продовольствия султанов».⁴

В архиве сохранились ханские раскладки сборов.⁵ Самым крупным управлением была приморская группа родов. Население этой части ханства только в один год поставляло ханскому двору в счет зякета 3353 головы баранов, согума – 141 голову крупного рогатого скота и 141 кошму размером 4 м х 3 м, из них белых 25. В ханских ведомостях по раскладке обложений по тайфам – старшинствам – в 1842 – 1847 гг. зякет уже исчислялся не в натуре, а в денежном выражении.

Кроме указанных постоянных ханских сборов населению приходилось нести и сезонные, и разовые повинности, и налоги в пользу ханской казны. Так, в 1839 г. хан обратился к родам, кочующим на приморском участке, сделать сбор средств, необходимых ему для поездки к императорскому двору. В этом обращении хан наметил собрать из родов: берш – 4000, исык – 2200, алаша – 2000, байбакты – 800, жетыру – 700, жаббас – 4500 руб.⁶ Подобные сборы проводились в период поездок хана в Астрахань и Саратов, Оренбург и на Кавказ. В 1835 г. хан обложил некоторую часть аулов налогом жабагы (шерсть) по 5 пудов с участка или деньгами по 4 руб. серебро за пуд

¹ *Иванов М.* Указ. соч., с. 9.

² *Евреинов А.* Указ. соч., с. 80.

³ Материалы по обычному праву казахов. Алма-Ата, 1948, сб. 1, с. 139.

⁴ *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз. – Материалы для статистики Туркестанского края, 1876, вып. 4, с. 118.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 22, л. 10.

⁶ Там же, л. 6.

шерсти. Неоднократно взималось осенью для содержания ханского скота с каждой кибитки по верблюжьему вьюку сена. Существовал специальный налог, предназначенный для содержания некоторых категорий служащих в аппарате хана. Так, каждый род платил 128 руб. серебром ежегодно для продовольствия ханских вестовых. Ханские депутаты за время нахождения в кочевьях по предписанию хана пользовались «нужными жизненными припасами по своему произволу».

Ханская казна пополнялась также солидными поступлениями от ярмарок и торговых пунктов. Только от одной ярмарки при Ханской ставке в виде налога за право торговли ежегодно поступало от 6000 до 7000 руб. ассигнациями. Немаловажное значение в финансовой политике хана имела и судебная пошлина – ханлык – составлявшая 1/10 часть иска.

По мере роста доходов росли расходы ханского двора, а увеличение расходов, в свою очередь, требовало роста доходов. Эта развертывающаяся система ханских обложений, дополненных сборами и злоупотреблениями местных наместников и знати, тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся масс. «Сам Букей, равно как его преемник, – указывал Л. Мейер, – сделали столько же усердными русскими чиновниками, сколько притеснителями своего народа».¹

Со второй четверти XIX в. в деятельности хана появились новые элементы. Он попытался вкладывать часть общественных средств в сооружение небольших плотин и артезианских колодцев, в сохранение древесных насаждений в песках и разведение небольших лесных участков, на улучшение породы местных лошадей путем приобретения породистых жеребцов из российских конных заводов, в строительство общественных зданий.

Деятельность хана определяли три основных фактора: стремление хана в союзе с царским правительством превратить ханство в «пример совершенного подчинения русской державе»; пополнение ханской казны и служилой знати; борьба с противниками ханской власти и подавление народного движения.

Ханская власть и структура аппарата при ней, подбор придворного окружения хана и смысл активной деятельности верховной власти в орде определялись главным образом этими тремя задачами и были продиктованы ими. В своих планах ханская власть кое в чем преуспела, но имела и просчеты.

---

¹ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 24.

Ханско-султанский дом

При хане существовал своеобразный теневой кабинет, состоящий из влиятельных султанов, преимущественно ханской фамилии. Все основные вопросы внутренней и внешней политики страны хан обсуждал и согласовывал предварительно с ними, хотя многие из них по своему официальному положению не имели прямого отношения к выработке политики в ханстве.

Формирование и значение этого неофициального, но влиятельного органа при ханской власти связаны с социальным институтом султаната, его весом в экономической и политической жизни общества. Русские ученые и путешественники, побывавшие в Букеевском ханстве, писали, что султаны здесь занимали «главные места по управлению народом, освобождены от податей, избавлены от телесного наказания и некоторые произведены в штаб и обер-офицерские чины».¹

Султаны, проживавшие в Букеевском ханстве, делились на 6 династий. Наиболее влиятельной и крупной из них была династия Нурали-хана – отца хана Букея и деда хана Джангира.

На положение султанов накладывало отпечаток то обстоятельство, что в общественном сознании они утвердились как особая каста, призванная править обществом. Видимо, первоначально султаны прокладывали себе путь к власти в казахском обществе насилем и мечом, как ставленники и сподвижники татаро-монгольских золотоордынских ханов и их потомков. На определенном этапе истории как носители верховной власти они были выделены из остальной массы населения и идеализированы. Такое положение наблюдается в политической истории многих восточных народов.

Султанская группа, обосновавшаяся в Букеевском ханстве, в основном пришла из Младшего жуза вместе с султаном Букеем в качестве его сподвижников. Многие из них надеялись получить власть в новом ханстве и поправить свои дела.

Хан считался первым султаном и покровителем султанства. Устроить султанов, столь многочисленных, на доходные должности было трудно в небольшой орде. Наиболее изобретательным в этом отношении был Джангир-хан. Почти во главе всех родов и их объединений он поставил султанов в основном из числа своих ближайших родственников. Такие доходные должности, как ханские уполномоченные на ярмарках и в пограничных с Россией селениях, чиновники по особым поручениям, ханские осведомители, назначались исключительно из султанов.

В XIX в. султаны уже не имели той власти и влияния в обществе.

¹ Ерешинов А. Указ. соч., с. 65. 130

как в XVII и в первой половине XVIII в. Политические и экономические их позиции к этому времени значительно ослабли. Султанский титул уже не давал привилегий.

Ханы Внутренней орды предприняли попытку если не вернуть былое положение султанов, то задержать падение их престижа, упрочить позиции в обществе. Султаны объединились в особый султанский род, который во многом напоминал сословную самоуправляющуюся организацию. Во главе рода находился ага-султан, ведавший делами. Тамга (символика) султанского рода была идентична ханской. Каждый султан имел право на именную печать.

Власть султанов силой насаждалась среди населения. В этом хану помогала царская администрация, опекавшая ханство. Народные массы во главе со своими родовыми начальниками выступали против султанской власти и требовали заменить родовой знатью. В этом проявилось падение былого престижа султанов как в глазах масс, так и среди большинства представителей родовой знати, превратившейся в силу, способную бороться за власть на местах. Однако ханская власть, являвшаяся опорой султанов, серьезно сдерживала эту борьбу.

К султанской группе во Внутренней орде царское правительство относилось благосклонно и даже доверительно.

Это было связано, в первую очередь, с тем, что она всецело во главе с ханом перешла на службу царизму, была его опорой.

Султаны оставались наиболее богатой и аристократической верхушкой патриархально-феодалного казахского общества. Они имели при себе особую группу людей тулен-гутов, бывших дворцовых служителей и охранников, теперь формально отпущенных, но живущих при султанах.

Султаны династии Нуралихановых, будучи ханствующим кланом, оказывали существенное влияние на политику ханской власти. Как наиболее богатые представители знати они проявляли вместе с тем и особую заинтересованность в социально-экономической политике и направлении деятельности верховной власти. Хан нуждался в их поддержке и потому поддерживал султанов. Многие важные должности при ханском дворе, в особенности в группе уполномоченных хана, были отданы родовитым султанам, что позволяло им повседневно влиять на политику хана.

Наибольшим влиянием пользовался совет султанов и ага-султанов. Крупные султаны, в основном представляющие клан Нуралихановых, составляли костяк теневого кабинета хана. Этот неофициальный орган, однако, не являлся органом ограничения власти хана, политика которого отражала их интересы.

Совет двенадцати биев

Бии в истории казахских ханств играли значительную роль. Перед султанами и ходжами они имели то преимущество, что более тесно были связаны с родовыми коллективами, формировались в их среде, управляли ими, выступали их «естественными» представителями и «защитниками» в межродовых, внешнеродовых связях и отношениях. В то же время бии были выходцами из наиболее богатой, знатной и влиятельной части родовой знати.

Ханы, в том числе и во Внутренней орде, всегда стремились привлечь верхушку бийской группы на свою сторону, заручиться ее поддержкой. Ни один казахский хан не обходился без совета биев, созываемого в особых и экстренных случаях для согласования и решения важнейших социально-экономических и военно-политических вопросов. Пренебрежение мнением биев всегда приводило к падению престижа и изоляции ханствующей династии.

Царское правительство в своей политике также опиралось на наиболее влиятельных биев и придерживалось линии лавирования между султанами и биями в конфликтных между ними ситуациях.

Бийская прослойка не имела своей сословной организации. Ее представители были разбросаны по отдельным кочевым коллективам и жили в значительной мере интересами отдельных, слабо связанных между собой, обособленных мирков. Однако это не мешало им периодически объединяться для совместных действий.

Последовательная политика, направленная на огосударствление влиятельных биев, на тесный союз хана и царизма с ними, постепенно отрывала часть из них от родовых подразделений и кочевых общин и превращала в проводников и служителей официальной политики. Этот процесс заметно усилился с конца XVIII в. Именно к этому периоду относится образование двух прослоек в бийской группе: биев нового направления, ставших почти наместниками ханской власти на местах, и ортодоксальных биев-старорежимцев. Число первых было ограниченным, и в начале XIX в. они, переходя на позиции ханов и царского правительства, теряли былое влияние в кочевых коллективах.

Султаны Букей и Шигай официально учрежденного при себе совета биев не имели. По мере необходимости они призывали влиятельных биев как предводителей кочевых коллективов для разбора тяжб между родовыми группами и рассмотрения важнейших вопросов внутренней жизни и внешней политики. Это, однако, не означает, что мнение биев игнорировалось в ханстве. Вероятно, в тот период не возникала необходимость в создании совета биев.

Джангир – сторонник диктатуры, опирающийся на поддержку оренбургского и астраханского губернаторов, также не хотел делить свою власть с группой биев и руководствоваться их мнением. Разумеется, он не игнорировал родовую знать вообще, но опирался на новорежимную ее прослойку.

Джангир вынашивал идею превращения орды в степное крупнопомещичье владение с новой системой управления. Однако уже в своих первых преобразованиях он натолкнулся на сопротивление родовой знати – биев и старшин, возглавлявших крупные кочевые коллективы. Хан обвинил их в нежелании прислушаться к голосу нового времени, в противодействии политике русского царя в этом регионе. Опираясь на султанов, ходжей и на часть родовой знати, он начал постепенно вытеснять своих противников, главным образом биев, из системы местного управления, что привело к ослаблению позиций самого хана и пограничных властей. Недовольство большей части местной знати вылилось в 1826 – 1827 гг. в массовые волнения, наблюдавшиеся в различных частях ханства. Хан был серьезно обеспокоен и встревожен этим событием. Оренбургский губернатор, следивший за развитием событий в ханстве, в письме от 12 апреля 1827 г. рекомендовал хану больше считаться с мнением биев-старшин. Он писал: «В приезд киргизских старшин к Вам прошедшей зимою Вы их заставили несколько дней ждать, пока они были к Вам допущены, почему между киргизами распространяется неудовольствие к Вам». Далее он советовал хану «всегда приглашать их одних к себе для совещания... не давать им замечать, что советы их у вас меньше значут, нежели у духовных татар».¹

Бии и старшины еще имели достаточное влияние на хана. Они были хранителями патриархально-родовых традиций и представляли собой наиболее консервативную часть общества. Само казахское общество еще не было подготовлено для сколько-нибудь крутых изменений даже в рамках патриархально-феодалных отношений, поэтому реформы Джангир-хана натолкнулись на сопротивление части влиятельной местной знати. Ему ничего не оставалось, как пересмотреть свое отношение к бийской группе и стараться привлечь ее видных представителей к управлению ханством, а затем превратить их в придаток ханской власти. В том же 1827 г. он объявил об учреждении совета биев, в состав которого входили по одному бию от каждого родоуправления.²

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4. М. – Л., 1946.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 66. В состав Ханского совета вошли Муфат Айдабулов (от рода шеркеш), Шомбал Ниязов (ногай), Балкы Кудайбергенев (берш), Кунажан Сапаков (байбакты), Алтай Досмухамедов (алаша), Кушатыр Мунаков (жаббас), Жантуар Абтанов (нык), Татан Секенбаев (кзылкурт), Байток Тюменев (адай), Худайшукур Бузаев (тазы), Кендырбай Рысбаев (жетыру), Боз Боздаков (кете).

Его члены в официальных донесениях и письмах именовались «ханского совета бий» или «бий и советник хана».¹

Еще в 1797 г. в Младшем жузе после убийства хана Иши-ма также был создан ханский совет. Этой мерой царское правительство пыталось заменить ханскую власть. Но под нажимом проханских группировок она была восстановлена, а ханский совет стал органом при хане. Стремясь превратить членов ханского совета в служилых людей и использовать их в своих интересах, правительство в 1806 г. поставило их на государственное содержание. Однако ханский совет в Младшем жузе не оправдал планов царского правительства.

В других условиях создавался ханский совет в Букеевском ханстве. Царское правительство и состоящая под его опекой ханско-султанская группировка нуждались в поддержке влиятельных людей. Члены ханского совета должны были быть благонамеренными, знать народ и его нужды.

Ханский совет не обманул надежд хана и оренбургского губернатора, проявивших достаточную инициативу в его создании. Он стал проводником царской и ханской политики.

Ханский совет был постоянно действующим органом, хотя его члены продолжали жить в кочевьях. Советники хана имели право на деловую и правотворческую инициативу, представляли на рассмотрение хану свои соображения по отдельным вопросам, а иногда и проекты новых правил или поправок к существующим правилам. В разное время они внесли на рассмотрение хана предложения о введении телесного наказания, новых видов штрафов против неисправных должников и неплательщиков зякета и согума, против воровства. В этих рекомендациях ясно просматривается линия на более жесткую охрану имущества и собственности феодалов, усиление влияния центральной власти в жизни местных коллективов. Члены совета были привлечены ханом и для составления сборника обычных-правовых норм, которыми должны были руководствоваться местный и ханский суды при решении тяжёбных дел.

В полном составе члены совета в мирное время собирались не часто. В годы восстания 1835 – 1837 гг. ханский совет созывался иногда 3 – 4 раза в год.

В каждом родовом управлении были наместник-родоправитель и ханский бий (член ханского совета). Первый из них, как правило, жил отдельно от рода, которым управлял. Бий со своим аулом и хозяйством постоянно находился в расположении рода, кочевал вместе с ним.

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 94, л. 22-24.

Функции родоправителей и родовых биев разграничивались довольно четко. Ближе к хану находились родоправители. Они проводили на местах финансовую и земельную политику хана, собирали налоги, следили за порядком и выполнением ханских распоряжений и указаний царских чиновников из Пограничной комиссии. Через родоправителей пополнялась ханская казна.

Ханские бии в основном осведомляли центральную власть о нуждах и состоянии кочевых коллективов, были проводниками общей воли и политики верховной власти на местах. В годы восстания под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова ханский совет был верным оплотом хана.

Аппарат управления при хане

При казахских ханах традиционно не было отделенного от двора аппарата управления, следовательно, не было отраслевого или функционального управления, при котором отдельной сферой ханской власти занимались бы специально для этих целей поставленные или назначенные люди. Окружение хана составляли его семья и приближенные султаны из других фамильных ветвей, туленгуты, вольные служители или просто примкнувшие общинники. Они привлекались для выполнения различных поручений, служили ближайшими помощниками и охраной хана.

Ханскую канцелярию, как правило, представлял какой-нибудь выходец из мусульманских земель, исполнявший одновременно обязанности писца, переводчика и муллы. Поскольку часто его рекомендовала хану царская администрация, то он был и агентом-осведомителем, а хан советовался с ним как со знатоком русских дел.

Такое положение сохранялось в Букеевском ханстве и при султанах Букее и Шигаяе, правивших ордой в первой четверти XIX в. Изменения в системе управления наметились лишь со второй четверти XIX в.

Джангир-хан, приступая к осуществлению новой экономической и налогово-финансовой политики в обществе, направленной на усиление роли землевладельцев как опоры власти и на резкое увеличение доходной части ханской казны путем установления целой системы обложения населения, одновременно взялся за создание центрального аппарата, призванного обеспечить осуществление этих планов и удовлетворить возросшие интересы царского правительства в ханстве.

Созданный при хане аппарат управления состоял из ряда функциональных подразделений, перед каждым из которых ставилась

определенная задача. Наиболее влиятельной была группа ханских депутатов.

Пограничные зоны ханства, примыкающие к Астраханской, Саратовской губерниям и Уральской военизированной линии, делились на 10 пограничных участков, в каждом из которых был депутат, назначенный ханом. На отдельных участках могло находиться и большее число депутатов в зависимости от сезонного объема работ.

Депутатом от хана «по всем делам на Узенской линии» в 1834 г. был назначен султан Медеткалий Чукин. В характеристике хана, данной ему в 1839 г., было сказано: «С 1827 г. по сие время султан Медеткалий Чукин был бесперерывно употребляем по весьма трудным пограничным делам». Этот султан по ходу выполнения своей обязанности мог «держатъ под караулом» отдельных виновных лиц. Вскоре в связи с увеличением объема работы на этом участке хан назначил Тогжана Мушегалиева вторым депутатом по Узенской линии. Султан Адил Буксийханов был назначен ханским депутатом по Уральской линии по делам пропуска людей «из-за Урала во Внутреннюю орду».¹

На ханских депутатов возлагались следующие обязанности: следить за положением на границе и пресекать самовольный переход казахов через нее; участвовать в следствиях, проводимых представителями пограничных властей, когда второй стороной в деле являлись жители русских селений, и представлять при этом интересы ордынцев; сопровождать по орде русских чиновников и оказывать им содействие; розыск виновных лиц на своем участке; разбор дел по спорам внутри рода и между родами, если этого захотят участвующие в тяжбе стороны или по поручению хана.²

Власть ханских депутатов не сразу признали на местах, нередко, особенно в начальный период их учреждения, она игнорировалась родовой знатью.

К хану поступало много жалоб от султанов-депутатов о невыполнении кочевыми коллективами и старшинами их распоряжений. Хан всегда стоял на стороне своих ставленников. Султан Медеткалий Чукин, состоящий ханским депутатом на Узенской линии, жаловался хану, в частности, на старшину Юнуса Жантлину, что тот не выполнил его требование не переходить со своими аулами и со скотом за р. Узень. Джангир-хан 9 февраля 1834 г. выразил свое недовольство в письме: «Старшине Юнусу Жантлину. Предписываю тебе строжайшее требование султана Медета Чукина без малейшего отлагательства и отговорок выполнить. В противном же случае буде малейшее

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, л. 14, л. 3; ф. 4, оп. 1, л. 2426, л. 6, 45; ф. 78, оп. 1, л. 19, л. 13.

² Там же, л. 4.

сделаете послушание и препятствие, подвергнетесь ответственности по всей силе строгости законов».

В Букеевском ханстве сложился институт есаулов, по своему составу и задачам не похожий на прежних шабарманов. Есаулами назначались исключительно старшины, стоявшие во главе отделений и подразделений родов. Их было 14. Они привлекались для выполнения специальных важных поручений хана в зонах, в пределах которых имели свои хозяйства и кочевья. Есаулы служили интересам укрепления власти родоправителей, многие из которых навязывались родовым объединениям.

В составе аппарата управления при хане существовала также группа базарных султанов. Ее возникновение тесно связано с ростом товарооборота и товарно-денежных отношений в ханстве. Базарные султаны в отличие от султанов-депутатов не имели постоянных участков и жили в своих кочевьях или в ханской ставке. Они командировались ханом на ярмарки и в более или менее важные торговые пункты внутри ханства и за его пределами, куда приводили казахи скот для продажи. В основную обязанность базарных султанов входил сбор торговых пошлин внутри страны и отстаивание интересов населения ханства.

Для регулярной связи с родами, родоправителями и старшинами была образована группа ханских вестовых из 14 чел. с постоянным местом пребывания в Ханской ставке. Каждый род выделял по одному вестовому (а более крупные – по два) с конной экипировкой, необходимой для выполнения обязанностей связных между центральной властью и местами. Для продовольствия вестовых каждый род вносил в ханскую казну по 128 руб. серебром на каждого вестового в год.

При хане находилась канцелярия, делившаяся на основную, или русскую, и татарскую. В основную канцелярию входили ее управитель, помощник, специальный следователь, делопроизводитель (часто его обязанности исполнял помощник), переводчик по киргизским делам и 2 – 3 писца. В состав татарской канцелярии входили управитель, его помощник и 1 – 2 писца.¹ Об объеме работы ханской канцелярии можно судить по тому, что в год число входящих и исходящих документов достигало 6 тыс.²

Джангир-хан создал при себе подобие органа идеологической обработки населения. Впервые в истории Казахстана он учредил в степи должность ахуна – главного духовного лица в ханстве, исполняющего также обязанности ханского духовного судьи. Эту долж-

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 2350, л. 184.

² Там же, л. 147.

ность более 20 лет исполнял оренбургский татарин Джабар Хаматов. При нем находились азанши-мулла Губайдулла Башаров и мулла Тажиদ্дин Губдуджальялов – оба из Казанской губернии. Все они были подчинены хану и исполняли его волю. Хан был ими так доволен, что присвоил ахуну титул тархана, а в 1839 г. при аудиенции у царя в числе других представил к награждению Золотой медалью на Анненской ленте.¹ Местными органами ханских духовных советников были указные муллы, назначавшиеся в каждое более или менее крупное кочевое объединение. Число их достигало 130.

Ханское духовенство составляло ближайшее окружение хана и пользовалось поддержкой и покровительством верховной власти. Ахун имел обширные земельные угодья, крупное скотоводческое хозяйство. Сверх того, хан ежегодно делал ему подарки стоимостью до 4 тыс. ассигнациями. Кроме того, азанши-мулла и мечетный мулла получали от хана подарки на 500 руб. ассигнациями ежегодно. Крупной доходной статьей были «добровольные приношения» прихожан и подарки населения за исполнение религиозных обрядов и церемоний. Со временем хан вынужден был умерить их аппетиты.

В аппарат управления можно включить и военную команду, которую хан использовал для устрашения подданных. В ханской ставке были расквартированы 100 казаков астраханского войска во главе со штаб-офицером и двумя обер-офицерами, 25 уральских казаков с обер-офицером и 50 астраханских калмыков, находившихся на военной службе. Один из царских чиновников указывал, что «при содействии этих команд безопасность и порядок в местном управлении ордою удовлетворительно поддерживаются».²

Создание структурно разветвленного аппарата находилось в органической связи с политикой укрепления ханской власти, централизации управления.

Это привело к резкому ухудшению положения рядовых кочевников: увеличились и без того большие поборы с населения, злоупотребления со стороны власть имущих. В одной из жалоб, поданной Оренбургской пограничной комиссии в 1843 г., говорилось: «Каждый год были производимы разные разорения, по мнению нашему, происходящие от хана, потому что к каждому роду он назначил по султану, а вред от них, назначенных им султанов, превышает вред от хана. При этом происходят поборы от 12 биев и находящихся во всех родах старшин, которых тоже множество».³

В целях предотвращения возможного открытого возмущения

¹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2126, л. 9.

² Троицкий Н. Указ. соч., с. 106.

³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2655, л. 313.

масс царское правительство собиралось несколько изменить свою политику в регионе.

В конце 30 – начале 40-х гг. в правительственных органах активно обсуждался проект реорганизации управления ханством.¹ Правительство намеревалось пойти на ограничение ханской власти и усиление влияния пограничных органов. Больше внимание уделялось роли старшинских групп в родовых коллективах. Рекомендовалось хану смягчить земельную и налогово-финансовую политику, ограничить влияние ахуна, татарских мулл и торговцев.

После смерти хана надобность в этом проекте отпала сама собой, поскольку управление ордой приняло новое направление.

Местное управление

В основе Букеевского ханства лежала родовая номенклатура. Преобразования в сфере административного устройства и местного управления проводились в рамках этого сложившегося в течение веков родового деления населения.

В управлении родами существовали две тенденции. Одна была связана с политикой хана и органов царского правительства и направлена на усиление их влияния в родовых подразделениях, другая исходила от родовой знати, прочно сохранявшей связь с кочевыми коллективами и пытавшейся удержать свою власть в рамках этих коллективов.

Структурное совершенствование системы местного управления выразилось в объединении более мелких родов в один крупный – административный род. По решению хана из 17 казахских родов было сделано 15, затем 13, а начиная с середины 30-х гг. 12 административных родов,² во главе которых стояли родоправители, чаще всего из султанов. Оренбургский губернатор снабдил родоправителей специальным документом об утверждении в должности именной печатью. Во главе султанского рода стоял султан, ходжинский род возглавлял ходжа, туленгутский – туленгут.

Кроме родоправителя почти в каждом роде были ханский бий

¹ По инициативе председателя Пограничной комиссии Генса в 1837 г. был составлен проект Положения о Внутренней орде и представлен им на рассмотрение оренбургскому военному губернатору, вскоре проект был направлен в Петербург, в Министерство государственных имуществ.

² Система административных родов в большинстве своем совпадала с естественно сложившимся родовым делением. Только в двух случаях родовое управление являлось объединением нескольких мелких родов. В начале 50-х гг. XIX в. число административных родов уменьшилось до 10.

(член Совета биев) и ханский есаул с официальными общеродовыми функциями.

В противовес официальной системе управления родами существовало местное управление. Каждый из родов имел своего влиятельного бия, бая или старейшину, выдвинувшегося внутри рода и признаваемого им в качестве главы. Таких лиц могло быть несколько. Они образовали неофициальные центры, управляющие внутренней жизнью рода. В официальных документах они именовались мурзами, уважаемыми людьми, и имена их шли вслед за родоправителями и ханскими биями.

Каждый род делился на подроды (отделения), которые служили основанием для организации старшинств, при конструировании которых во внимание брались: число хозяйств в подроде, территория расселения его членов и исторически сложившийся режим управления внутри подрода, т. е. в основе формирования старшинств лежали принципы кровнородственных и исторических связей между членами рода, расселения и формы хозяйствования. Поскольку более или менее многочисленное подродовое подразделение часто располагалось на участках, отдаленных друг от друга и территориально не связанных между собой, постольку оно делилось на несколько старшинств – отделений.¹

Во главе каждого отделения стояли старшины, официально признанные ханом и по его представлению утверждаемые Оренбургской пограничной комиссией. Обязанности старшин состояли «в ближайшем наблюдении за порядком в отделениях, в исполнении распоряжений хана и родоначальников и в донесении как об обстоятельствах, заслуживающих сего, так и о нуждах отделений».

Как указывает А. Евреинов, кроме обеспечения «тишины и спокойствия» в отделении старшина обязан был «знать места кочевков каждого аула, как для наблюдения за правильностью в этом отношении, так и для немедленного доставления требуемых начальством сведений по делам ордынцев; правильно собирать подати... Советами и убеждениями склонять киргизов к полезным и законным действиям», разбирать споры, «приводя их к миролюбивому концу по народным обычаям».² На нем лежала обязанность сбора согума, зякета и других ханских налогов.

В политической структуре ханства местное управление имело решающее значение, поскольку именно на местах формировалось отношение к официальной политике. Поэтому прочность ханской вла-

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 139, л. 1-2; *Евреинов А.* Указ. соч., с.73-75.

² Там же, с. 76.

сти во многом измерялась отношением к ней родовых объединений, в которых проханские настроения всегда были слабы и еще более ослаблились по мере превращения казахских ханов в марионеток царского правительства. Кроме того, от активности местных органов управления почти всецело зависело материально-финансовое положение хана и его окружения.

При ханах Букее и Шигае каких-либо существенных преобразований в местном управлении не проводилось. Ханы искали у родовой знати поддержку и стремились укрепить союз с влиятельными лицами в местном управлении. Старшины утверждались Оренбургской пограничной комиссией в редких случаях. Но одна тенденция выступала довольно определенно. Это – назначение родоправителями султанов из ближайшего окружения хана, которые на первых порах в какой-то степени делили власть в родах с местными биями и старшинами.

Положение в местном управлении заметно изменилось с вступлением на ханский престол Джангира, который взял твердый курс на централизацию власти путем огосударствления местных начальников и назначения по инициативе сверху родоправителями султанов, а на менее ответственные посты в местном управлении выдвигал представителей местной знати из числа лояльных к ханской политике или ее сторонников. С укреплением власти султанов в родах одновременно Джан-гир-хан создал ряд административных институтов, служащих целям прямой связи ханской власти с местными влиятельными феодалами, при необходимости минуя родоправителей.

При хане Джангире позиции султанов в системе местного управления закрепляются. Накануне его прихода к власти старшин, управляющих родом без султанов, было 4 (в трех родах), в первый же год правления он сократил их число до двух. Так называемых родовых старшин, т. е. управлявших отдельными родами в 1826 г., было еще 6, но почти все они входили в состав султанского управления и были подчинены султанам, стоявшим во главе нескольких родов, куда входили и роды, возглавляемые старшинами.

Процесс султанизации системы местного управления и насаждения в ней указных старшин – ставленников центральной власти – намного усилился в последующие годы и, можно сказать, завершился уже к середине 30-х гг. Однако целиком подчинить кочевые и полукочевые коллективы воле ханской и царской власти не удалось. Как и прежде роль «родовой» власти в них оставалась существенной.

Центральной фигурой в системе местного управления были указные старшины, число которых в начале 40-х гг. XIX в. перевалило за 200. Каждый из них находился во главе более или менее крупного от-

деления рода, насчитывавшего в своем составе от 100 до 250 кибиток.¹ Указному старшине выдавалась грамота-удостоверение об утверждении его в должности с перечислением основных обязанностей.²

Наиболее надежными с точки зрения интересов хана и органов колониального управления были родоправители-султаны, многие из которых принадлежали ханской фамильной династии (Нуралихановы, Букейхановы, Шигаевы) или находились в семейно-родственной связи с ханским домом. Они были наместниками центральной власти. Родоправители-султаны, за отдельными исключениями, имели армейские чины есаула, хорунжего, сотника. Преимущественно они получали официальные награды.³ Родоправители-султаны оставались верными хану на протяжении всей истории Букеевского ханства, поскольку их власть на местах держалась на поддержке сверху.

Самой низовой хозяйственной и в какой-то степени административной единицей был аул. Специального учета аулов не проводилось. Принято считать, что их число в ханстве колебалось от 1200 до 1500. По своему положению они резко отличались друг от друга.

Хан Джангир, проводивший политику централизации власти и управления в рамках ханства, понимал, что путь к достижению этой цели лежит через преодоление обособленности родов и родовых подразделений во главе с родовой знатью. Осуществление этой задачи сопровождалось некоторой ломкой традиционного управления по родам и заменой его территориально-родовым и территориальным делением населения. Этому способствовали изменения в административном устройстве ханства. Ханская власть все чаще практиковала организацию новых старшинств по урочищам, в которых собирались отколовшиеся или отставшие от разных родовых групп кочевники. Был выделен новый административный район под названием Болим-Аймак, куда входило несколько родов. Так был образован Приморский участок, правителем которого в 1843 г. назначили Тогума Шигаева.⁴

Организация местной власти и управления по урочищам и территориальным районам не упразднила управления по родам, но в ней выразился новый подход к местному управлению, в перспективе подрывающий родовую номенклатуру как основу деления населения. Она отражала переходный этап в административном устройстве орды и тенденцию к централизации власти в ханстве.

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1682, л. 21.

² Там же, л. 32-33.

³ Там же, д. 2126, л. 6-9.

⁴ Там же, ф. 78, оп. 2, д. 126, л. 4.

Становление культурных связей России и ханства

Букеевское ханство, несмотря на определенные сдвиги и изменения в организации внутренней жизни, оставалось типичным для казахского общества социально-экономическим образованием, в котором господствовали патриархально-феодалные отношения, кочевой и полукочевой образ жизни, родовое деление населения. На этом фоне и развивались культурные связи между Россией и Букеевским ханством. При всей консервативности внутренней жизни и быта казахского населения, его отсталости, вовлеченное в сферу активной политики русского государства и в структуру метрополии, оно ощущало заметно растущее повсеместное влияние России. Особенно это сказалось на тех регионах Казахстана, которые находились в наиболее интенсивной зоне политики России, в области культуры и просвещения в частности. Одним из таких регионов Казахстана было Букеевское ханство. XIX в. – период становления и развития русско-казахских культурных связей – в России был веком расцвета науки, искусства и литературы, интенсивной общественно-политической жизни, роста национального самосознания. Увеличение сети учебных заведений способствовало распространению образования не только в самой России, но и втягивало в этот процесс национальные окраины. Подготовка местных кадров русской ориентации в Казахстане также входила в планы царского правительства. В их лице оно намеревалось иметь преданных престолу проводников политики в крае. Наиболее приспособленными для этих целей учебными заведениями считались кадетские училища в Оренбурге и Омске.

30 июля 1823 г. и 10 ноября 1824 г. Министр иностранных дел России передал оренбургскому губернатору Эссену повеление царя «о склонении (молодых) султанов с отличнейшими умственными способностями, чтобы они посвятили себя к изучению необходимых сведений и поступали для того в Неплюевское училище».¹

В 1833 г. оренбургский военный губернатор Сухтелен напомнил об этом председателю Оренбургской пограничной комиссии Генсу, указав, что до сих пор положительного результата оно не принесло и что необходимо предпринимать действенные шаги в этом на-

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 310, л. 1.

правлении. В свою очередь, Оренбургская пограничная комиссия уведомила об этом комендантов ряда крепостей Уральской линии, осуществлявших контроль над прилинейными казахскими аулами, а также хана Внутренней орды и правителей частей Младшего жуза. Вскоре все коменданты ответили, что желающих отдавать детей в училище среди казахской знати не нашлось. Джангир-хан выразил готовность направить в училище своего девятилетнего сына.¹

Постепенно возникла потребность в грамотных людях и внутри самого казахского общества. Более заметной она была в тех местах, которые были вовлечены в сферу непосредственного управления России и находились ближе к российским губерниям. Среди таких регионов выделялось Букеевское ханство.

В Букеевском ханстве потребность в грамотных людях вначале возникла в системе внутреннего управления, что было связано с введением письменного делопроизводства и быстрым ростом его значения во всей управленческой деятельности. Меры упорядочения структуры внутреннего управления в ханстве, налаживание учета поголовья скота и земельных владений в каждом старшинстве, родовых подразделениях, установление стабильной системы сборов и обложения населения в пользу ханской казны, внедрение письменной формы ведения следствий по ряду категорий дел, возрастание роли документации в торговых делах и хозяйственных отношениях с представителями соседних губерний, введение периодической отчетности и информации по подчиненности во внутреннем управлении – все это изменило прежнее представление об управлении в казахском обществе.

Потребность если не в образованных, то в грамотных людях обуславливалась также усилением внешних связей ханства с метрополией в экономической и политической областях. Ханы Внутренней орды вели активную переписку с оренбургским губернатором и Оренбургской пограничной комиссией, а также с Министерством иностранных дел, Министерством государственных имуществ, в ведении которых они состояли.

Хан Джангир расширял свои связи. Он неоднократно бывал в столице, участвовал в коронации императора, посещал Казань и Кавказ, имел свой дом в Астрахани, торговый двор в Саратове, стоянку в Оренбурге. В пограничных русских уездных центрах и военных кордонах для связи с ними по казахским делам находились ханские уполномоченные – депутаты. Во всех этих делах были нужны кадры, имеющие определенную образовательную подготовку, ориентирую-

---

¹ Там же, л. 15.

щиеся на политику царского правительства в этом регионе и способные служить интересам ханской власти. Ханская власть при этом преследовала и свои цели. В условиях нарастающего недовольства политикой хана со стороны аульных общин она стремилась сбить волну недовольства через своих ставленников на местах. Предполагалось также, что привлечение молодых и образованных людей к управлению может ослабить позиции старых родовых старшин и биев, являвшихся приверженцами традиционной султано-бийской системы управления.

Джангир-хан был типичным деспотом-эксплуататором. Но он, может быть, более других ханов понимал требования времени, чему способствовало то, что он был образован, знал языки, по свидетельству русских чиновников, «усвоил себе весьма много из европейской цивилизации».¹ Он смотрел на образование как на орудие проведения своей политики.

С целью пропаганды своего «просвещенного» образа жизни хан организовывал в ставке собрания знати, в первую очередь султанов, родоправителей, старшин и биев. Он призывал их строить дома, отдавать детей учиться в русские учебные заведения. Часть крупной степной знати переходила к оседлости, стала строить дома. Элементы нового быта, связанные с переходом к полuosедлости и оседлости, создавали более благоприятную почву, чем кочевничество, для становления и развития образовательного движения в обществе. Однако процесс осознания пользы образования в самой гуще казахского общества происходил очень медленно и находился в самом зачаточном состоянии.

Положительные перемены, происходившие в Букеевском ханстве, дореволюционные авторы нередко относили к результатом деятельности Джангир-хана.² Однако с такой точкой зрения нельзя согласиться. Это был объективный процесс, происходящий независимо от воли отдельных людей или правителей. Рост политических и хозяйственных связей казахского населения с русским, активное вовлечение их в торгово-рыночные и долговые отношения были теми объективными причинами, которые способствовали развитию этого процесса. Казахи-скотоводы из-за неграмотности нередко терпели материальный ущерб и в торговле, и сбыте своей продукции. Постепенно это приводило их к мысли о необходимости образования. Но традиционно-консервативный склад мышления тормозил развитие просвещения в крае.

¹ Казанцев И. Указ. соч., с. 214.

² Евреинов А. Указ. соч., с. 55.

Существовал значительный разрыв между объективными хозяйственными условиями и бытом казахов. В такой обстановке методы внешнего воздействия и давления приобретали определенное стимулирующее значение. Роль такого внешнего фактора играла «образовательная» политика ханской власти, настойчиво проводившаяся со второй четверти XIX в.

Влияние культуры России на Букеевское ханство более успешно шло по линии получения русского образования детьми из привилегированной части казахского населения. Само по себе это было положительное явление, которое могло перерасти в более высокие формы культурного общения.

Политическая жизнь России первой половины XIX в. развивалась под знаком усиления борьбы с монархической системой и за освобождение крестьян от крепостного права. Это был период формирования освободительных идей в среде дворянства, а позднее – возникновения революционно-демократического идейного течения. В центре культурной жизни России было дворянское общество. «В этом сословии, – писал А.И. Герцен, – так нелепо поставленном между цивилизацией и правом плантатора, между ярмом неограниченной власти и помещичьими правами над крестьянами, в этом сословии, где можно встретить самую высокую европейскую научную культуру при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной службы, – кипит множество страстей и сил, которые именно вследствие отсутствия выхода бродят, растут и часто вырываются в свет в виде какой-либо блестящей, эксцентричной личности».¹

Передовые идеи проникали и в национальные окраины. До казахского населения они доходили чаще всего с наслоениями. Причина этого заключалась в том, что основным связующим звеном между Казахстаном и Россией были чиновники местной царской администрации, солдаты казачьих поселений, крестьяне, приезжие торговые люди и путешественники, смутно представлявшие идейно-политическое движение в России, с одной стороны, и нужды казахского общества – с другой. И все же новое проникало в жизнь казахов.

Под влиянием общения с русским населением заметно изменились быт казахов, их отношение к просвещению. «У русских так много хорошего, – писал С. Бабаджанов, – что мы готовы перенять то с душевной радостью».²

¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 6. М., 1950, с. 215.

² Бабаджанов С. Заметки киргиза о киргизах. – Северная пчела, 1861, № 4.

Правительственные органы относили эти успехи в казахском обществе к политике русского государства. Выразивший мнение высших правительственных органов журнал Министерства государственных имуществ писал в 1841 г., что Букеевское ханство «служит лучшим доказательством благотворного влияния просвещенного правительства даже на быт самих кочевых народов».¹

Положительное влияние русской культуры на казахское общество осознавали наиболее прогрессивные его представители, заинтересованные в развитии своего края. В 1860 г. в Петербурге и Москве побывала группа казахской знатной молодежи в составе 15 чел., в том числе 6 из Внутренней орды. Свои впечатления и интересы они изложили сопровождавшим их русским следующим образом: «У вас есть множество училищ, и в Петербурге, говорят, учеников и учениц, развивающих наукой свой ум, насчитывается несколько десятков тысяч. Многим из нас очень было бы желательно понять всю разницу между столичными институтами и нашими степными медресе... Говорят, у вас перед глазами, в полчаса времени, можно видеть, как хлопчатая бумага превращается в ситец и в кисею, лен – в холст и полотно, тряпки от этих материй – в бумагу, а бумага из них – в газету? Все это у нас в степи считается колдовством. Как было бы нам приятно понять эти превращения, самим видеть торжество ума, торжество науки, торжество европейца над природой».²

Мектебы

К началу XIX в. образование в Казахстане как явление общественной жизни находилось в зародышевом состоянии. В редких случаях знать отдавала своих детей на обучение муллам, которые были у них письмоводителями и духовными лицами. Как правило, это были пришельцы из Бухары и Ташкента или Казани и Уфы. Эти «учителя» в большинстве своем сами были малограмотны, умели с трудом читать и писать. Весь багаж их знания состоял в нескольких выученных из корана сурах.

Обучение у таких мулл в большинстве случаев продолжалось не более 3-4 месяцев в году. В каждой такой «школе» обучались 2-4 мальчика без определенного плана, программы, системы. Дети ходили в школу по приглашению муллы в те дни, когда он был свободен от других занятий и занимались столько, сколько было угодно «учи-

¹ Сведения о Внутренней киргизской орде. – Журн. МГИ, 1841, ч. 1, с. 272.

² *Небольсин П.И.* Путешествующие киргизы. – Русский вестник, ч. 29, 1860, № 19, с. 49.

телю». Весь курс обучения состоял в изучении арабского алфавита и чтении начального простейшего текста из духовных книг, а также в заучивании некоторых текстов. Нередко через несколько лет дети не могли толком читать и писать самостоятельно.

Обучение у мулл долгое время не имело заметного общественного значения и считалось частным делом родителей. Казахское общество, в том числе его верхушка, еще не сознавали значения грамотности и образования в обществе, хотя к их услугам особенно местная крупная знать стала прибегать все чаще и чаще. По традиции считалось, что общество может обходиться услугами приезжих мулл-письмоводителей, которых казахи рассматривали как второсортных людей. Русский врач С. Большой, живший среди казахов Младшего жуза в 1813 – 1814 гг., в своих записках указывал, что у казахов «нет ни школ, ни мечетей, редко кто на своем языке читать и писать умеет».¹

Правда, были случаи, когда наиболее дальновидные и предприимчивые представители казахской знати, ближе находившиеся к оседлой и городской культуре, заводили у себя мектебы – начальные школы, в которых обучали приглашенные духовные учителя, или отдавали своих детей на обучение в медресе соседних азиатских городов. И уж совсем редки были случаи обучения казахских детей в русских учебных заведениях.

Усиление экономических и политических связей Казахстана с Россией заметно оживило образовательное дело в крае, которое, однако, оставалось стихийным и не направлялось официальной властью. Исключение составляло Букеевское ханство, где ханская власть, особенно со второй четверти XIX в., довольно ревностно и инициативно выступала за распространение школьного образования в среде зажиточных слоев населения.

Впервые в многовековой истории казахских ханств верховная местная власть покровительствовала просвещению. Несмотря на то, что эта политика была продиктована экономическими и социально-политическими интересами господствующих классов и имела ограниченный характер, в определенной мере она способствовала преодолению отсталости и патриархальщины в отдельных сферах жизни народа.

Один из образованнейших казахов середины XIX в., хорошо знакомый с культурой России, С. Бабаджанов, воссоздавая картину культурной жизни населения орды, писал: «До 1801 г. киргизам нашим слово «письмо» было совершенно непонятно. Оно представля-

¹ Записки доктора Саввы Большого. – Сын Отечества, 1822, № 49, 80.

лось каким-то баснословным действием, как, например, парением в воздухе. С этого времени, т. е. с перехода на эту сторону Урала, у нас стали понимать, что письмо не миф, что в иных случаях оно могущественнее словесного выражения желания». Далее он описывает, с какими трудностями приходилось сталкиваться первым агитаторам за отдачу детей на обучение в школу, открытую в Ханской ставке, и признает, что в «последнее время... учение наше пошло гораздо быстрее и обширнее».¹

Джангир первым из казахских ханов понял, что нельзя более или менее эффективно защищать интересы местной феодальной знати без определенного приобщения к знанию, к русскому просвещению и культуре. Должность делопроизводителя, тем более родоправителя и ханского «доверенного» все больше связывалась с умением читать и писать, общаться с русскими торговцами и чиновниками пограничных органов.

Подготовка грамотных людей в системе местной администрации входила в политику хана, направленную на ослабление позиций консервативной части родовой знати на местах и замену ее новой знатью, преданной хану, а следовательно, и царскому правительству.

В центре образовательной политики хана находилась организация мектебов – начальных школ при мечетях. Была создана сеть духовных пунктов во главе с муллами. Этой мерой достигались две цели. С одной стороны, усиливалась роль ислама, который служил духовным средством обработки населения, а с другой – распространялось начальное образование в аулах.

В исламизации казахского общества определенное влияние на ханскую власть оказывал оренбургский муфтий, на дочери которого женился Джангир-хан, а также его ближайшее окружение, приглашенное из Татарии и Башкирии.

В орду были приглашены муллы из Казани и Оренбурга, казахские юноши направлялись на учебу в духовные школы – медресе – в Казань, Уфу, Оренбург и Астрахань. Джангир-хан издал предписание, обязывающее родоправителей и старших крупных родовых отделений собирать средства на строительство мечетей с начальными школами – мектебами. Он объявил о переходе функций местных мулл к муллам, назначенным ханом, которым поручалось содержание мечетей на местах. Деятельность духовных лиц стала централизованной. В Ханской ставке была учреждена ставочная мечеть во главе с ахунном, в обязанность которого входил надзор над сетью местных мечетей и муллами. Под председательством хана была создана комиссия,

¹ Бабаджанов С. Указ. соч.

экзаменуемая направляемых на места мулл, решающая вопрос о назначении и перемещении местных мулл и разрабатывающая вопросы, связанные с исламизацией общества. В результате всех этих мер ислам в короткое время стал влиятельным духовным оружием власти. Мусульманская феодальная знать – ходжи, – консолидировавшись, составила один влиятельный род. Со временем они стали претендовать на равное право с султанами, обрели экономический и политический вес в обществе.

К середине XIX в. создалось такое положение, когда каждый род, каждое более или менее значительное отделение рода имели своего муллу. Они уже не были, как прежде, самозванцами или людьми свободной профессии. Это были официально утвержденные духовные служители, проводящие официальную политику господствующих слоев казахского общества. Каждый из них получал особое ханское предписание, называемое указом или открытым приказом, в котором определялись его обязанности по отношению к населению и ханской власти.¹

Хан намеревался со временем заменить всех татарских, бухарских мулл при местных мечетях представителями коренного населения. В течение 20 лет своего ханствования Джангир, как писал один из русских чиновников, достиг цели: «Природными киргизцами заместил мулл при кибитках и главной мечети».² Ханская власть в определенной степени ограничивала деятельность мулл в их «просветительской деятельности», вводя наряду с духовными предметами в программу мектебов начальное естествознание и русскую грамоту. Это нововведение нашло понимание у местного казахского населения.³

В мектебах при мечетях сосуществовали две тенденции. Многие муллы, как и прежде, вдалбливали детям исключительно догмы корана и религиозного учения, оставаясь глухими к запросам времени. К ним по многим практическим соображениям отрицательно относилось пограничное русское начальство, под надзором которого находилось Букеевское ханство.

Хан, ориентирувавшийся на политику царского правительства, также сдержанно и даже неодобрительно относился к старым муллам. Один из современников так описывал обстановку в подобных мектебах: «У этих мулл мальчики лет по 5-ти и более не могли выучиться читать. Писать же не удавалось многим вовсе: до сих пор многие уче-

¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 72-73.

² Оренбургское губернаторство неоднократно просило хана Джангира воспрепятствовать направлению выпускников этих школ для продолжения учебы в медресе Бухары и Ташкента.

³ Евреинов А. Указ. соч., с. 65.

ники того времени, умея читать, не могут написать ничего. В глазах мальчиков муллы сделались пугалом. Когда мальчики плачут или шалят, то матери и отцы для удержания их говорят: «мулла идет» или «мулле скажу». Этому слова боятся мальчики, даже не испытавшие жестокости муллы. Вероятно, на них действует тон и выражение, с которым оно произносится родителем».¹

Новая тенденция в мектебах заключалась в более деловом подходе к обучению детей, с учетом системы местной администрации и службы в царско-ханских делах. В таких мектебах преподавались русский язык и начала естественных наук. Причем количество новых мектебов росло.

Официальные источники, архивные материалы говорят о том, что уже к середине XIX в. на территории орды имелось немало первоначальных школ во главе с муллами, в которых преподавался и русский язык. В 40-х гг. «почти у каждого богатого и влиятельного в орде человека образовались домашние школы, – указывает один из современников, – в каждой из них обучалось от 10 до 70 чел. Учение всех заключалось в правилах магометанской религии. А в нескольких местах преподавались и русская грамота, и язык».² Как отмечает П. Небольсин, некоторые бии, не довольствуясь муллами, создавали у себя школы с русскими учителями. В качестве примера он ссылается на тархана Губайдуллу Исембаева, организовавшего школу с двумя русскими учителями, в которой обучалось до 130 мальчиков.

Число учеников здесь явно преувеличено, но сам факт существования такой школы показателен. Бларамберг (1848 г.) также отмечал, что в Букеевском ханстве «грамотность и изучение русского языка начинают распространяться ежегодно с большим успехом».³ В центре орды – в ставке – была открыта ханская школа, в которой в качестве воспитателей наряду с муллами состояли русские учителя, обучавшие казахских детей русской грамоте.⁴

Русские гражданские и военные чиновники, по долгу службы тесно соприкасавшиеся с казахским обществом, путешественники, ученые, побывавшие в казахской степи, единогласно выделяют среди всех других частей Казахстана Внутреннюю орду как область заметного распространения образования и относительно интенсивного влияния русской культуры. Тяга к образованию, к русской грамоте

¹ *Бабаджанов С.* Указ. соч.

² Там же.

³ *Бларамберг И.Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб., 1848, с. 25

⁴ *Островский Э.* Указ. соч., с. 3.

и культуре стала особенно заметной в Букеевском ханстве в первой половине XIX в. Это было начало, имевшее важное значение для будущего казахского общества.

Школа в Ханской ставке

Мектебы, организованные в степи знатью и разбросанные по родовым отделениям и урочищам, в лучшем случае давали предначальное знание, в редких случаях – самое первичное представление о русской грамоте. Обучавшиеся в течение 5 – 7 лет в этих мектебах юноши мало были пригодны для системы местной администрации и совсем не были пригодны для продолжения учебы в школах российских губерний, тем более в специальных училищах.

Уже к середине 30-х гг. Джангир-хан стал обдумывать возможность организации центральной школы в Ханской ставке.

По его замыслу, она должна была готовить к поступлению в российские специальные учебные заведения, в том числе на подготовительные курсы университетов и кадетских военных училищ (корпуса). Кроме того, ее выпускники могли бы нести более или менее исправную канцелярскую службу в местной и ханской администрации.

Получив согласие оренбургского губернатора, хан построил здание для школы на средства, поступившие от сборов с населения. Он предполагал устроить у себя в ставке школу на 40 мальчиков, в которой должны были обучать русской и татарской грамоте, а лучших воспитанников отдавать в различные русские училища.¹

Открытие центральной школы в ханстве состоялось в декабре 1841 г. в день коронации русского императора в присутствии чиновников Оренбургской пограничной комиссии. Этим подчеркивались верноподданнические чувства хана царю и назначение школы. Свидетелями торжественной церемонии и участниками организованного ханом пира по случаю основания школы была влиятельная знать.

Но в процессе набора учащихся для школы хан встретил большие препятствия. Знать отказывалась отдавать своих детей в эту школу, не помогали ни личные письма хана, ни увещевания, ни внушения. Открытие школы, намеченное на 1840 г., было отложено на конец следующего года. В 1841 г. первый набор в школу составил всего 12 учеников на 30 – 40 вакансий. Потребовалось еще два года, чтобы заполнить эти места. Многие родители не прочь были учить своих детей в домашней школе, но категорически отказывались

¹ *Есипов Г. О киргизах орды Джангира Букеева. – Журн. МГИ, 1841, ч. 3, с. 200.*

отпускать от себя и направлять в ханскую школу. Хану удалось лишь воздействовать на родственников и ближайших сановников. Образовательная концепция хана вообще и цель открытия центральной школы в ханстве в частности весьма выпукло выступают в переписке хана с Оренбургской пограничной комиссией,¹ личных его письмах, направляемых им влиятельной знати на местах, родственникам и султанам накануне открытия школы. В одном из таких писем, адресованном родоправителю и родственнику Чуке Нуралиеву от 10 апреля 1841 г., Джангир писал: «Я уверен, что вы употребите надлежащие старания и вразумления родных и друзей ваших и всех, кого следует, что если и ныне науки приносят столь великую пользу, то внукам нашим и хорошо жить без них нельзя будет, что впредь безграмотных и по-русски не знающих вовсе не будут определять в родоначальники и другие должности, что нам весьма полезно и выгодно иметь лекарей из киргизов, что всякое старание, всякая издержка денежная принесут во сто раз более плода, если они будут употреблены на обучение юношества, нежели на всякое другое доброе и даже милостивое дело, что лучше употребить денег нельзя, как на то, чтобы приобрести знания закона божьего и правды его и через развитие в науках благородно и честно служить Великому Государю Русскому и Народу».² Усилия ханской власти, за которой стояло царское правительство, не были напрасными. Из года в год желающих учиться в центральной школе и в других мектебах увеличивалось.

К середине 50-х гг. в ней обучалось 30 чел.³ До упразднения ханской власти в орде школа содержалась за счет ханских доходов, а впоследствии – за счет отчислений от сборов с населения. В среднем они составляли около 1400 -1500 руб. серебром в год.

Занятия в школе начинались с осени (в начале октября) и продолжались до мая. Ежегодно 6 декабря приглашались отцы и родственники учащихся, и в их присутствии устраивались экзамены учащимся с целью демонстрации полученных ими знаний. При этом, как правило, участвовал хан. В этот день проходили в Ханской ставке

¹ В апреле 1842 г., через несколько месяцев после открытия школы, на запрос Пограничной комиссии о целях ее организации хан ответил: «Для приготовления молодых киргизов для поступления в учебные заведения нашел он возможным открыть в ставке своей училище для обучения в нем воспитанников чтению и письму на русском, арабском, персидском и татарском языках и в особенности переводам с русского на киргизский и обратно, грамматике, началам математики, географии и магометанского закона» (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 386, л. 24).

² *Алекторов А.* Письмо Джангира Чуке Нуралиеву. – Оренбургский листок. 1892, №26.

³ *Островский Э.* Указ. соч., с. 3.

сборы знати и приемы, устраивались увеселительные мероприятия.

А. Евреинов писал, что в этой школе преподавали «татарский, арабский и русский языки, начальные правила арифметики и грамматики, в кратком виде географию и историю и правила оспопрививания... Лучшие из воспитанников поступают отсюда в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус для дальнейшего образования».¹

Русский язык, арифметику и географию преподавал ветеринарный врач Константин Ольдекоп. Он был первым учителем школы, осуществлял также «надзор и попечение за поведением и нравственностью учеников». Первым учителем восточных языков и по вероучению был Садриддин Аминов. В 1852 г. К. Ольдекопа заменил Потанин.

В школе было два класса: русский и татарский. Учащиеся делились на пришкольных и вольноприходящих. Первые содержались на обеспечении школы. Возраст учеников колебался от 9 до 22 лет. В русском классе преобладало изучение русского языка, а в татарском – восточных языков.

Об уровне знаний говорит перечень учебников, которыми пользовались учащиеся. Это – «Краткая русская грамматика» Востокова, «Арифметика» Бурнаковского, «География» Шульгина в 2-х томах, «Краткая хрестоматия» Галахова, «Русская история» Устрялова в 2-х томах. Это была единственная школа не только в ханстве, но и во всем Казахстане. Успевающие выпускники ее имели право поступать в средние специальные учебные заведения России и кадетские корпуса.

Центральная школа способствовала пробуждению у казахского населения определенной тяги к русской грамоте, к русскому образованию, а следовательно, и к связи с русской культурой. Один из наблюдательных царских чиновников, проводивший обширное описание жизни казахского народа и общавшийся с Внутренней ордой, сообщает, что «грамотность и изучение русского языка начинает распространяться ежегодно с большим успехом. Особенной пользы надобно ожидать в этом отношении от устроенного покойным ханом Джангиром училища для 40 киргизских мальчиков, в котором они обучаются русской и татарской грамоте, грамматике и арифметике».² Это обстоятельство было позже подмечено и инспектором народных школ А. Алекторовым, который отмечал, что в свое время ставочная школа была основана ханом, исходя из идей пользы для киргиз образования в русском духе, и что это впоследствии привело к возрастанию «среди киргиз стремления к обучению в русских школах».³

¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 63.

² Бларамберг И.Ф. Указ. соч., с. 25.

³ Ханская ставка. – Астраханский вестник, 1891, № 732.

В дальнейшем эта школа играла важную роль в укомплектовании более или менее образованными кадрами местной администрации. Выпускники школы, оканчивающие Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, возвращаясь в орду с офицерскими чинами, «составляли класс образованных и самых полезных чиновников и граждан».

Эта школа сыграла немаловажную роль в общекультурном движении в Казахстане, в усилении его связей с русским обществом в области культуры и образования.

Казахские дети в учебных заведениях России

В 40 – 50-х гг. XIX в. в культурной жизни Внутренней орды происходило явление, обратившее внимание исследователей истории и быта казахов, следивших за состоянием казахской степи. Оно заключалось в заметном ослаблении и преодолении традиционно-консервативных общественных представлений, почти исключавших направление казахских детей и юношей в учебные заведения России. Это сыграло важную роль в поступательном развитии казахского общества, его связей с демократической и революционной Россией.

С конца 30-х гг. обучение казахских детей и юношей в русской школе и в учебных заведениях России получило общественное признание в ханстве. Официальная власть оказывала всемерную поддержку и даже выступала инициатором в этом деле. Агитация за обучение части детей казахской знати, в первую очередь султанов и старшин, в российских учебных заведениях стала составной частью политики хана.¹

Об этом говорит приводимое нами письмо хана Джангира одному из родоправителей: «Известно Вам, что в нынешние времена необходимо иметь познания не только в чтении и письме, но и в разных науках, без чего нельзя хорошенько выучиться закону правоверному, пророком божьим нам данному, ни в особенности без познания русской грамоты быть хорошим должностным чиновником в орде, а именно – родоправителем или депутатом. Вам известно, что без таковых познаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми; незнание русской грамоты замедляет течение как судебных, так и общественных, и частных ваших исков в обидах. Хотя Великий Государь Всероссийский по несказанной благодати своей и допускает, что поныне должности оные занимают люди и безграмотные, но, это делая по великой добродетели своей и попечению о нас, вместе с тем открыл киргизам, как простым, так и знатным,

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 391, л. 26.

доступ к образованию в Оренбургском Неплюевском корпусе и в других учебных заведениях в Петербурге и награждает учившихся чинами и разными отличиями, через что не только они, но и дети их могут быть счастливы и причислены к почтенному благородному сословию дворян русских, пользующихся многими преимуществами и богатством. Я объявляю вам о сем единственно по любви к народу, Богом и Государем мне вверенному и опасаясь худых последствий, сколько я убежден в истине этого служит доказательством того, что и любимого сына своего, наследника ханского достоинства, султана Сахиб-Гирея, несмотря ни на его молодость, ни на слезы высокопоставленной матери его, ни на смерть брата его, ни на значительные денежные издержки, я отдал в обучение в Пажеский корпус его Императорского величества, где будет он находиться, доколе узнает все науки, для доброго управления нужные. По всеподданнейшему прошению нашему Государь Император кроме Неплюевс-кого училища разрешил принять детей наших в институты лесной, корпуса путей сообщения и в Училище гражданских инженеров, но для поступления в оные необходимо предварительно учиться чтению, письму и другим некоторым наукам. В настоящем году я полагаю открыть при Ставке моей училище, и все желающие отдать детей своих в обучение за умеренную плату могут обращаться ко мне с просьбами».¹

Стремление к военному образованию, которое просматривается в письме хана, объяснялось просто: колониальное управление было военным; военные являлись решающей силой в Оренбургском военном губернаторстве, в Пограничной комиссии, осуществлявшей надзор за Букеевским ханством, местные царские чиновники были также в большинстве случаев военными. Кадетские военные училища (корпуса) были престижными учебными заведениями. Их выпускники получали не только хорошее образование, но и специальную подготовку военно-административного управления.

В таком отсталом, патриархальном обществе, как казахское, новые дела и начинания играли большую роль, чем увещевания и призывы. Пример самого Джангир-хана, отдавшего всех своих детей, в том числе девочек, в русские учебные заведения оказал значительное влияние на богатых родственников, ближних сановников и всю знать орды.

Чаще всего казахские дети из Внутренней орды направлялись в Оренбургский кадетский корпус, Неплюевское военное училище. В первую группу, направленную в 20-х гг. в Неплюевское военное училище, вошли молодые султаны Кушак-Галий Шигаев, Шамсутдин

¹ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде. – Оренбургский листок, 1890, № 50

Досказинов и ходжа Куб-болсын Караулов, «от которых не столько домогались этого образования родители, сколько на то было желание хана».¹ По окончании курса военного училища один из них – Шигаев в чине есаула занимал ответственные посты в администрации хана, был родоправителем и управляющим несколькими родами. Выпускник училища К. Караулов состоял чиновником по особым поручениям при хане, а затем был правителем его канцелярии. Третий оставил учебу досрочно и вернулся в степь. В дальнейшем еще несколько групп казахских мальчиков, преимущественно выходцев из зажиточных слоев населения, были направлены на учебу в Оренбургский кадетский корпус.

Видя, что окончившие курс в Кадетском корпусе и в других российских специальных учебных заведениях, выгодно устраиваются в системе местной администрации, становятся в центре внимания общественной жизни в степи, другие также стали отдавать детей сначала в местные школы или в соседние российские губернии, а затем в русские специальные учебные заведения, в том числе в Кадетский корпус.

Царские правительственные органы сами не проявляли особого стремления обучать казахских детей в учебных заведениях России. Но они не хотели отказывать ходатайствам хана Джангира, преданного престолу и самодержавной политике.

По просьбе хана, с которой он обращался к царскому двору и оренбургскому военному губернатору, для казахских детей из Букеевского ханства официально было выделено в 1844 г. 10 мест во 2-м эскадроне Неплюевского кадетского корпуса. До этого казахских мальчиков принимали по разовым разрешениям губернатора.

Были предприняты шаги по получению мест и в других российских учебных заведениях, в том числе в университетах. Переписка по этому вопросу между правительственными учреждениями и ханской канцелярией началась в 1839 г. Хан, пользуясь благосклонностью императора, просил выделить вакансии для молодых казахов в Лесном институте, в Корпусе путей сообщения, в Училище гражданских инженеров, а также в Петербургском кадетском корпусе.

В августе 1839 г. Министр государственных имуществ уведомил хана Джангира о том, что Государь Император дал разрешение на принятие молодых казахов в указанные учебные заведения, однако для этого нужно «чтобы ...молодые люди предварительно были приготовлены в губернских гимназиях или в Казанском университете».²

¹ *Бабаджанов С.* Заметки киргиза о киргизах. – Северная пчела, 1861, № 14.

² К истории развития школьного дела в Киргизской Букеевской орде. – Оренбургский листок, 1890, № 49.

В одном из писем хан Джангир указывал, что «во исполнение сего Высочайшего соизволения я склонил некоторых из киргизов Внутренней орды отдать сыновей своих, всего до 6 человек, для обучения в институтах и в училище гражданских инженеров... что дети киргизов, о которых идет речь, от 10 до 12 лет от роду и предварительно в орде могут быть обучены только чтению и письму русскому и татарскому и начальным правилам арифметики; дальнейшего же образования в орде им доставить я не могу».¹ Вопрос о дополнительном обучении этих и еще нескольких казахских детей в губернских гимназиях, дающих право на поступление в высшие и специальные инженерные учебные заведения, рассматривался и решался в течение 1840 – 1843 гг. в Казанском учебном округе, Казанском университете и в Астраханской губернской гимназии. В письме хана, адресованном астраханскому губернатору в 1841 г., содержалась следующая просьба: «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство к числу оказываемых Вами благодеяний киргизскому народу присоединить еще заботливость по выделении нам средств к воспитанию означенных детей в ближайшей к нам Астраханской гимназии на казенном иждивении, так как родители этих детей, по бедности своей, не имеют средств для их воспитания. Если же в виде казенных воспитанников при Астраханской гимназии киргизов мальчиков поместить нельзя, то войти, по усмотрению Вашему, в переписку с высшим начальством учебных заведений Казанского округа о назначении для сего другой гимназии, в сопредельных или ближайших нам губерниях находящейся».² На это астраханский губернатор ответил хану: «Насчет помещения шести киргизских мальчиков в Астраханской гимназии на казенный счет для подготовки их к поступлению в высшие учебные заведения я имел переписку с господином директором Астраханских училищ, но когда получил от него отзыв о невозможности принять мальчиков в гимназию на казенное иждивение, потому что при этой гимназии казенных воспитанников нет, я обратился с вопросом к г. попечителю Казанского учебного округа, нельзя ли поместить этих детей в 1-ю казенную гимназию на казенный счет и на каком основании. Г. тайный советник Мусин-Пушкин от 26 апреля уведомил меня, что помещаются дети азиатские по особому Высочайшему повелению или по предписаниям Министра просвещения». В конце письма астраханский губернатор писал: «Не рассудите ли Вы, милостивый государь, поместить детей киргизов в здешнюю гимназию с принятием на себя

¹ Там же, 149.

² Там же, № 49.

их содержания на два или на три года – тем более содержание их в Астрахани не составит особенных расходов, когда для жительства можно будет уделить им помещение в собственном доме Вашем».¹

21 февраля 1841 г. хан обратился к оренбургскому военному губернатору Перовскому «о помещении 3-х киргизских мальчиков на казенное содержание в какой-либо из подведомственных Казанскому университету первоначальных учебных заведений, с тем чтобы по окончании здесь курса они могли быть переведены в Казанский университет на казенное содержание».² В числе специальностей, по которым намечалась подготовка молодых кадров, предусматривались и медики. В письме к оренбургскому губернатору, в частности, хан отмечал, что «...склонил некоторых киргизов в русское медицинское учебное заведение». В 1844 г. четыре мальчика, пройдя предварительную подготовку, получили направления в высшие гражданские учебные заведения России. Так было положено робкое начало инженерно-техническому и медицинскому образованию в Казахстане.

Определенным новшеством в области образования была также практика обучения казахских детей в начальных и приходских русских школах соседних уездов.³ Хорошо знакомый с жизнью Внутренней орды П. Небольсин отмечал, что здесь «...иные отсылают ребятишек своих учиться в окрестные русские селения, и – вещь для меня доселе неслыханная – мухамедьяне отдают добровольно и с большою охотою детей своих к русским священникам для выучки русскому языку и русской грамоте... Киргизята живут у наших попов по целым зимам; по целым зимам не видятся с родными. И, говорят, порядочно успевают».⁴

Несмотря на то что обучению казахских детей все еще мешали предрассудки, бытовавшие в казахском обществе, местная знать постепенно приходила к мысли о необходимости обучать своих детей не только татарской, но и русской грамоте. Это давало положение в обществе, укрепляло их позиции. Чиновник М. Киттары сообщает, что «в 1846 г. богатый старшина Акбулат устроил большой той (праздник) по случаю отъезда его сына в Неплюевский кадетский корпус и провожал сына с большим удовлетворением».⁵

«Положение об управлении оренбургскими киргизами» от 14

¹ Там же.

² Там же.

³ С начала XIX в. учебные заведения России подразделялись на приходские, уездные, губернские (или гимназии) и университеты. Начальные, или приходские, школы обслуживались и руководились местными помещиками и приходскими священниками.

⁴ *Небольсин П.И.* Путешествующие киргизы. – Русский вестник, ч. 29, 1860, № 10, с. 45.

⁵ *Киттары М.* Киргизский той. – Журн. МВЛД, т. 25, 1849, № 1, с. 25.

июня 1844 г. предусматривало открытие при Оренбургской пограничной комиссии школы для казахских детей, которая приняла первых 30 воспитанников в 1850 г. В 1859 г. приняли решение допустить к бесплатному обучению наряду с казахскими детьми и 10 русских мальчиков «с целью дать киргизским детям больше средств к упражнению в разговорном русском языке».¹ Так включилось и царское правительство в дело подготовки образованных кадров в Казахстане, надеясь сделать из них чиновников, преданных интересам монархии и империи.

Оружейная комната

Среди примечательных явлений в культурной жизни Букеевского ханства особое место занимала так называемая «оружейная комната». Это было подобие музея, в котором собраны в основном образцы оружия. Мысль об организации оружейной комнаты возникла у хана после посещения Петербурга и осмотра музеев столицы в 1827 г. После этой поездки он разослал письма своим родственникам с просьбой передать ему редкие вещи, в особенности оружие, представляющие семейно-династическую и историческую реликвии и ценность. Отец Джангира, Букей-хан, как старший в семейной ветви хранил у себя немало семейных реликвий и ценных подарков, которые и составили основу «оружейной комнаты» в Ханской ставке.

В наших руках еще нет полного описания этой коллекции, хотя, по отзывам современников, в ней было немало уникальных предметов, свидетельствовавших о высоком мастерстве казахских ремесленников и восточных оружейников.

После смерти хана его имущество переходило от одного опекуна к другому, разгорелась борьба за овладение им между родственниками по линии жены, отца и чиновниками Пограничной комиссии, в результате которой многие личные бумаги хана исчезли бесследно, в том числе и сведения о музее.

Какое-то представление об этом «музее» дают современники хана. Так, Л. Терещенко, встречавшийся с ханом Джангиром и бывавший в орде после его смерти, писал следующее: «Собирая вещи почему-либо редкие или изящные, он любил собирать оружия, которые помещаются в особой комнате, называемой оружейной, и состоят большей частью из восточных пистолетов, ружей, сабель, шашек, ятаганов, топоригов, булав, кольчуг, щитов и шишаков, крытых серебряной,

¹ Приводится по кн.: *Тажиббаев Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии. Алма-Ата, 1961, с. 5.

золотой чернью и украшенных дорогими камнями. Иные с надписью арабскою, иные с куфическою. В числе саблей суть дарственные роду его от царственного нашего дома, а именно: от императриц – Анны, Елизаветы и Екатерины II, императоров Павла и Александра Благословенного. Между восточными ружьями хранится клинок сабли, похожей более на шашку, которая жалована царем Михаилом Федоровичем неизвестно кому из ханов».¹ Далее автор пишет, что в свое время императрица Анна преподнесла хану Абулхаиру «богатую, золотом оправленную саблю, которую он должен обнажать против врагов России... И эта сабля хранится в доме последнего хана Внутренней орды Джангира».²

Другой автор, осмотревший ружейную комнату через год после смерти хана в 1846 г., оставил такое описание: от гостиной залы, по ее левой стороне, находилась дверь, ведущая в небольшую, освещенную двумя окнами комнату. «Висел на стене дорогой ковер, и на нем симметрически располагались богатые шашки, сабли и ружья, по бокам окон развешаны были дорогие седла и другие принадлежности конской сбруи. У боковых стен возвышения и теперь стоят два узкие, но высокие, красного дерева шкафа, в которых за стеклом помещались различные азиатские кольчуги, налокотники, шлемы и другие воинские доспехи; между этими редкими и ценными вещами более всего бросался в глаза прекрасный стальной шлем в виде тибетейки, с красивою золотою насечкою.

В остальной части этой комнаты, которую называют здесь оружейною, вдоль стен идут широкие шкафы, красного же дерева, в которых за стеклом красиво расположено множество различных сортов ружей, винтовок, шашек, сабель, кинжалов и пр., между ними было много вещей весьма ценных, как, например, две сабли – подарки царские, украшенные золотою отделкою и драгоценными камнями. Из ружей, до которых Джангир был большой охотник, более всего интересовали два: одно – с весьма красивою азиатскою отделкою, ценное в тысячу рублей серебром, другое – замечательное своей длиной, достигающей сажени. Вообще эта коллекция, плод многолетних сборов, включает в себе весьма много старинного азиатского оружия, и едва ли – не более всего в ставке хана заслуживает внимания».³

В 1835 г. немецкий ученый-естествоиспытатель Гебель, путешествуя по югу России, посетил Ханскую ставку и несколько дней был

¹ Терещенко Л. Следы Дашт-и-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда. – Москвитянин, т. 6, 1853, № 21-22, с. 62-63.

² Там же, с. 55.

³ Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. – Журн. МВД, ч. 28, 1849, № 10, с. 118-120.

гостем Джангира. В его большом труде, опубликованном в Берлине по результатам поездки, говорится и об оружейной комнате хана. «В оружейной комнате, – пишет он, – которая по восточному обычаю вся была выложена персидскими коврами, у задней стены наложены дорогие подушки вместо дивана, а по обе стороны их и по всем стенам висело оружие, а также все принадлежности верховой езды: украшенные дорогими камнями конские сбруи, седла, уздечки и т. п. вещи».¹ Побывавший в Букеевском ханстве в 1841 г. по торговым делам и осмотревший ханский музей автор сообщает, что оружейная хана «довольно богата и составляет кабинет его, где он, сидя на персидских коврах, беседует с муллою и занимается чтением алкорана и других священных книг».²

Евреинов А. был в орде в 1846 г., через год после смерти хана. Оружейная комната еще находилась в полной сохранности: «Полное внимание мое остановила на себе оружейная. В этой комнате не было ничего, кроме развешанных по всем стенам плотно, от потолка до полу, оружий разных народов и времен, конских сбруй и других воинских доспехов. Многие из них были драгоценны по древности, добротности и украшающим их самоцветным камням. Джангир был любитель и знаток редкостей в этом роде и доставал их, не щадя денег».³

Эти описания показывают, что коллекция была продуманной, систематизированной. «Музей» создавался в течение ряда лет, образцом для него послужили русские музеи, русские исторические и этнографические общества. В архиве нами обнаружено письмо, написанное Джангир-ханом в марте 1845 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии Ладыженскому, в котором он говорит о своем увлечении сбором документов и реликвий, связанных с историей своих предков: «Собирая и храня у себя разные документы, относящиеся до моих предков и зная, что в Оренбургской пограничной комиссии находятся жалованная на ханство в Малой орде грамота деду моему – Нурали-хану, решаюсь утруждать Ваше превосходительство покорнейшею просьбою о передаче, если возможно, мне грамоты этой в подлиннике или сообщении в противном случае заswидетельствованной с нея копии».⁴

В архиве имеется «Краткая ведомость имущества, принадлежащая наследникам умершего хана Внутренней киргизской орды

¹ Приводится по кн.: *Солдатенков К., Щепкин Н.* Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской, орды. М., 1859, с. 88.

² *Еилов Г.* О киргизах орды Джангира Букеева. – Журн. МГИ, ч. 3, 1841, с. 299.

³ *Евреинов А.* Указ. соч., с. 62.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2336, л. 1.

генерал-майора Джангира Букеева», составленная Оренбургской пограничной комиссией. В ней приведена стоимость коллекции музея: огнестрельные и холодные оружия – 6415 руб. 75 коп. серебром, «вещи, составляющие принадлежность охоты и наездничества, как то: колчаны, панцири, кольчуги, кушаки, уздечки и другие сбруи» – 1600 руб. серебром. Сюда не входили сабли и оружия, пожалованные русскими царями казахским ханам и батырам. Основанием для этой ведомости послужила опись движимого и недвижимого имущества хана, привезенная коллежским советником Бикмаевым и майором Ерофеевым из Орды.¹

За участие в сборе предметов народного быта по истории казахского народа, которые хан передал Казанскому университету, он был избран почетным членом научного общества при университете. В числе материалов, переданных ханом, были, в частности, варианты эпических поэм казахов, передаваемых из уст в уста в народе в течение ряда веков.

Оружейная комната была одновременно комнатой для бесед, служебным кабинетом хана. В ней собирались приближенные хана. Экспонаты ее, в большей части посвященные именитым предкам, прославляющие их подвиги и связи с Россией, придавали этим обсуждениям значительность.

Показывая свои коллекции местной родовой знати, хан сам давал пояснения. Два раза в год «музей» посещали ученики ставочной школы, здесь хан иногда экзаменовал учащихся 6 декабря – в день основания школы. Каждому русскому чиновнику, путешественнику, посетившему Ханскую ставку, в первую очередь хан показывал музей, демонстрируя тем самым свою приверженность России, русскому государству.

Однако не следует преувеличивать роль хана в просвещении народа и сохранении исторических памятников. Вся его деятельность была направлена на возвеличивание династии Абулхаира-Нурали-хана и ханской власти.

Существует несколько версий относительно дальнейшей судьбы оружейной коллекции. После смерти хана Джангира и его жены Фатимы музей еще 2 – 3 года находился в сохранности, его посещали некоторые исследователи. По одной версии, родственники хана, боясь, что многие из фамильных предметов музея могут быть вывезены оренбургским губернатором и его чиновниками, разобрали экспонаты по династической принадлежности. По другой, наиболее ценные предметы, изготовленные народными мастерами,

¹ Там же, д. 2350, л. 92-93.

оказались у ответственных чиновников Пограничной комиссии и членов Временного совета по управлению Внутренней ордой, учрежденного после смерти хана, а часть коллекции была передана ими в столичные музейные хранилища. Существует также мнение, что жена хана перед своей смертью завещала многие вещи ханского дома своему родному брату Гусейнову, состоявшему на службе у хана. Есть и такая версия, что после смерти ханского сына Сахиб-Гирея, в конце 40-х гг., часть оставшихся в музее предметов была увезена старшей дочерью хана Зюлейхой, которая вышла замуж за полковника Тевкелева, жившего в Оренбурге. Есть сведения, что сын Джангира, Губайдолла Букеев, пытался собрать часть коллекции отца, но удалось ли ему это – неизвестно. Такова в общих чертах история создания и судьба оружейной комнаты, созданной в степи в подражание российским музеям.

Русские исследователи и деятели культуры во Внутренней орде

Букеевское ханство вызывало постоянный интерес у ученых, путешественников и других русских деятелей. Причиной тому была близость его к России и более или менее стабильная внутренняя жизнь этого региона, находящегося в сфере активного влияния русских городов Астрахани, Саратова, Оренбурга и Уральска. Оно занимало степные просторы между этими городами.

Определенное значение имело и то обстоятельство, что хан Джангир, имея русское воспитание и русское образование, будучи преданным царскому престолу, всегда оказывал хороший прием, стремясь утвердить себя в их мнении просвещенным ханом.

Иноземцев, посещавших Букеевское ханство, можно разделить на несколько групп. Среди них наиболее многочисленными были торговые люди, затем русские чиновники, среди которых было немало образованных людей, ученые – члены и сотрудники Русского географического общества, научных обществ Петербургского, Московского, Казанского университетов.

Рост интереса русских исследователей к ханству следует рассматривать в едином русле развития связей и контактов казахского общества с Россией.

Одним из первых русских ученых, посетивших Букеевское ханство по пути в Зауральскую степь, был А.И. Левшин, автор фундаментальной работы «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких,

орд и степей»¹ в 3-х частях, опубликованной в 1832 г. и принесшей ему всемирную известность.²

По словам самого Левшина, в 1819 – 1820 гг. он специально изучал архив Азиатского департамента Министерства внутренних дел, а затем два года провел в г. Оренбурге и в Зауральских степях. Об этом периоде работы он писал: «Время сие, по обязанностям звания моего и охоте к изучению, посвящено было мною непрерывным сношениям с киргиз-кайсаками, поездками к хану Меньшей орды, султанам и знатнейшим старшинам сего народа».³ Затем он основательно изучил архив Оренбургской пограничной комиссии.

В период пребывания А.И. Левшина в казахской степи (1820 – 1822 гг.) во Внутренней орде не было хана: Букей умер, а его законный наследник, сын Джангир, был еще малолетним. Временно правил ордой султан Шигаи, брат Букей-хана. Не было и постоянной Ханской ставки, и населенного пункта под этим названием. Казахское население еще только обживало регион и в своей общественной жизни ничем не отличалось от зауральских казахов. Посещение Левшиным аулов и знати Букеевского ханства, Младшего жуза дало ему немало интересных материалов из жизни казахского населения, ставших основой для крупного исследования о казахах.⁴ Его благожелательное и сочувственное отношение к положению и судьбе казахского населения получило впоследствии положительный отклик.

В 1846 г. Внутреннюю орду посетил воспитанник Казанского университета, молодой ученый М.Я. Киттары.⁵ Он осмотрел дом хана, мечеть, школу в ханской ставке, побывал на летней резиденции хана на берегу р. Тортунь, интересовался статистическими материалами о состоянии и развитии торговли и скотоводства в орде. По результатам своей поездки опубликовал две работы.

¹ Терещенко Л. Указ. соч., с. 62.

² Левшин Алексей Ираклиевич (1799 – 1879) окончил Харьковский университет, был председателем Ученого совета Министерства государственных имуществ, в ведении которого находилось Букеевское ханство в 1854 – 1859 гг. Товарищ Министра внутренних дел России был дальновидным правительственным деятелем. Им был подготовлен ряд докладов и проектов правительству об освобождении крестьян.

³ Левшин А.И. Указ. соч., с. 4-5.

⁴ История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845 – 1895. Под редакцией П.П. Семенова, ч. 1, отд. 1, 2, 3. Спб., 1896, с. 3.

⁵ Киттары Модест Яковлевич (1825 – 1880) окончил Казанский университет, с 1849г. – доктор естественных наук. В 1853 г. занял кафедру технологии в Казанском университете, а с 1857 г. руководил кафедрой в Московском университете, автор многих работ по промышленной технологии (Энциклопедический словарь. Брокгауз – Ефрон, т. 15, с. 235 – 236).

Автором ценного исследования – описания Внутренней орды первой половины XIX в. – был А. Евреинов. Два года провел он в орде, хорошо изучил жизнь калмыков и казахов Астраханской степи. С большим знанием и любовью описывает А. Евреинов жизнь населения Внутренней орды: «Изучение их нравов и обычаев развили во мне любовь к орде. Воспоминания об орде и поныне для меня усладительны. Часто рисуются передо мною былые картины: беспредельная для взора степь, на которую уперлось краями бирюзовое, безоблачное небо; группа кибиток; пасущиеся привольно табуны и стада; перекочевка, так неожиданно оживляющая степь и превращающая ее в картину, полную поэзии... все привлекательно оживает, даря отрадные часы».¹

С симпатией рисует он руководителя народного восстания Срыма. А. Евреинов оставил описание неравноправной торговли. На ярмарках при ставке, по его словам, «здесь казанский татарин захваливает киргиза, стараясь расшевелить его самолюбие и вернуть ему какую-нибудь дрянь за деньги; тут армянин забрасывает покупателя десятками халатов, выхваляя неимоверную доброту, и на худой конец берет вдвое; там цыган, только что обманувший киргиза, проводит немца, сбывая ему лошадь втрое дороже того, что сейчас за нее сам дал; уральский казак-бородач, сам опытный барышник, смотрит и посмеивается, глядя на плутни других».² Он не раз вмешивался в торговые дела, стремясь оградить казаха-кочевника от обмана. «Целые дни бродил я, – пишет А. Евреинов, – на ярмарках, и нередко удавалось помешать самой наглой плутне, поймать самый низкий обман. Смешно и досадно видеть иной раз, как мелочные торговцы поступают с киргизами. Киргиз, например, купил 30 аршин ситцу и пристально осмотрел, усердно считал, когда меряли, а получил только 25 аршин, и то на милость, на которую, говорят, образца нет. Дело в том, что аршин у купца как-то прогнулся и давно уже смотрит спиралью».³

Указывая на некоторые положительные стороны строительства мечети и мектебов, медресе при них, которые содействовали распространению грамотности среди населения, в то же время Евреинов указывает на отрицательные моменты этого явления. «Однако должен сказать, – пишет он, – это же ослабило народность киргизов, привив им разные свойства татаризма (т. е. религиозности. – С.З.)».⁴ Он имел друзей среди казахов, которым давал положительную характеристику: «А посмотрите, как киргизы живы, проворны при случае, какие усердные работники в нужде, как сметливы, предприимчивы. Вообще говоря, они умны».⁵

¹ *Евреинов А.* Указ. соч., с. 49.

² Там же, с. 53-54.

³ Там же, с. 70.

⁴ Там же, с. 73.

⁵ Там же, с. 88.

Ряд трудов описанию Внутренней орды посвятил и русский ученый-востоковед П.И. Небольсин,¹ действительный член Русского географического общества. П.И. Небольсин высоко ценил деятельность Чокана Валиханова и Салиха Бабаджанова, которых знал лично, был сторонником распространения просвещения в казахском обществе. Он отмечал, что у казахов в целом заметно выступала «приверженность к России и стремление сколько можно теснее сблизиться с русскими»,² критиковал правительственную политику натравливания верхушки уральских казаков на казахов. «Уральские казаки, – писал Н.И. Небольсин, – нехристиански, негуманно смотрят вообще на мухамедян, а на киргизов в особенности. Притеснить, опозорить, облаять, обмануть киргиза ему нипочем; уралец истари смотрел на киргиза, как на предмет, которым можно всячески поживиться».³ Эту политику пограничных властей хорошо выразила группа казахов, прибывшая в Петербург и Москву в 1860 г.: «Когда нам рано еще было думать об оседлой жизни, нас поощряли обзаводиться домами, а теперь, когда мы чувствуем потребность строиться, нам не позволяют возводить в степи жилых зданий для себя».⁴

Небольсин постоянно поддерживал молодого казахского общественного деятеля, проживавшего во Внутренней орде, С. Бабаджанова, следил за его трудами, помогал ему печататься.

В период ханской власти и после ее отмены Внутреннюю орду посещал Я.В. Ханыков, член Русского географического общества, картограф.⁵ Первый раз он здесь был в 1841 г. Его труды о Внутренней орде имеют фактологическую и историческую ценность.⁶

С историей Внутренней орды и Младшего жуза середины XIX

¹ Небольсин Павел Иванович (1817 – 1893), воспитанник Петербургского университета, собирал и изучал историю, культуру и этнографию народов Восточной Сибири, печатался в «Отечественных записках». Был избран действительным членом Русского географического общества. Многие годы преподавал в С.-Петербургском коммерческом училище, автор ряда ценных исследований о калмыках и казахах (Состав Императорского русского географического общества. Сиб., 1856, с. 24; Энциклопедический словарь, т. 40, с. 786 – 787).

² Небольсин П.И. Путешествующие киргизы. – Русский вестник, т. 29, 1860, № 10, с. 42.

³ Там же, с. 45.

⁴ Там же, с. 47.

⁵ Ханыков Яков Владимирович (1818 – 1862), член Русского географического общества (с 6 января 1846 г.), действительный статский советник, был причислен к Министерству внутренних дел, жил в Петербурге, входил в состав группы, выезжавших в казахскую степь с исследовательской целью.

⁶ Ханыков Я.В. Очерки состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. – Записки ИРГО, 1847, кн. 2; Он же. О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малой ордами – Журн. МВД, 1844, ч. 8.

в. связана научная и административная деятельность крупного русского ученого – востоковеда В.В. Григорьева.¹ В конце 1851 г. он получил назначение в Оренбургскую губернию для «исполнения особых по службе поручений» губернатора. С этого времени Григорьев непосредственно знакомится с жизнью, бытом, культурой и языком казахского населения Младшего жуза и Внутренней орды. С 1854 по 1863 г. он был председателем Оренбургской пограничной комиссии. О нем Н.И. Веселовский сказал, что «какой бы пост ни занимал В.В., он постоянно и неутомимой энергией служил науке».² В.В. Григорьев общался с казахскими прогрессивными общественными деятелями и учеными Ч.Ч. Валихановым,³ С. Бабаджановым.

По своим взглядам он был гуманистом, боролся против злоупотреблений казахской феодальной знати и русских чиновников. Как указывал один из его биографов, отправляясь на службу в Оренбург, «он знал уже, что такое провинция. Там, если человек по своим понятиям о жизни и службе имеет дерзость не покоряться общему мнению, он непременно, не вмешиваясь даже в чужие дела, наживет себе массу врагов, которые будут наносить ему оскорбления при всяком удобном случае».⁴

Относительно длительная поездка В.В. Григорьева во Внутреннюю орду была связана с выполнением поручения оренбургского генерал-губернатора по производству следствия о злоупотреблениях султанов-родоправителей Орды, в частности Медеткалия Чукина и его братьев Ибрагима и Искандера, – всего по 16 делам. Он пробыл в Орде с 25 июня по 20 сентября 1852 г.⁵ «Киргизы не ожидали никакой пользы от следствия, – говорится в одном описании этой его поездки. – Давно уже Медет обнаруживал самовластие и корыстолюбие, и не в первый раз собиралась туча над ним. «Откупится», – рассуждали киргизы, составившие высокое понятие о значении и могуществе родоправителя, который

¹ Григорьев Василий Васильевич родился в 1816 г. в Петербурге, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. После двухлетней практики в Министерстве иностранных дел был переведен в университет для совершенствования в восточных языках и преподавания персидского языка. В 1838 г. избирался исправляющим обязанности профессора восточных языков в Одесском Ришельевском лицее; в 1842 г. Московский университет удостоивает его степени магистра исторических наук, затем становится действительным членом Русского географического общества (1846), избирается единогласно членом-корреспондентом Императорской Академии (1853 г.). Умер в 1881 г. в Петербурге.

² *Веселовский Н.И.* Некролог В.В. Григорьева. СПб, 1883, с. 3.

³ В личных делах Ч. Валиханова сохранилась записка В.В. Григорьева, приглашавшего его на один из приемов столичного вельможи.

⁴ *Веселовский Н.И.* Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам, с. III.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2875, л. 20-22.

и сам верил в свою силу».¹ Неподкупность В.В. Григорьева способствовала раскрытию значительных злоупотреблений этого родоправителя, и он был посажен под арест, что «произвело необыкновенный эффект на подчиненных Медету киргизов».² В.В. Григорьев изучал и собирал материалы об обычаях и быте, о социальной и политической жизни, языке местного населения. В одном из писем своему другу в Петербург, написанном в период нахождения во Внутренней орде, он писал: «Как кончу следствие, месяца через два, то опять поеду в орду с целью изучать ее во всей потребности для того, чтобы потом дать свое мнение, как устроить ее окончательно, сообразно с видами правительства и ко благу самых ордынцев. Как следствие, так и поручение изучать орду, познакомят меня, надеюсь, с киргизами, их нравами и вообще степным бытом весьма основательно, что пригодится, если бог веку продлит, и для разных исторических писаний о Средней Азии».³

Из поездок в казахскую степь В.В. Григорьев сделал для себя главный вывод – о недобросовестности султанов-правителей и необходимости строгого контроля над их деятельностью.⁴ Он считал, что Джангир-хан сделал много зла для народа, и его злоупотребления довели население «до бедственного состояния». Им был разработан ряд мер по ликвидации отрицательных последствий его ханствования. Иное отношение было у него к трудовой части казахского населения. Н.И. Веселовский писал: «Зато киргизы произвели на В.В. (Григорьева. – С.З.) самое отрадное впечатление. Он увидел, что киргизы народ хотя буйный, но добрый, понятливый и восприимчивый ко всему хорошему, так что, если бы правителями были бы люди мало-мальски порядочные, степь удивила бы правительство быстрым развитием своего благосостояния».

В ряде своих записок, поданных правительственным органам, в том числе и оренбургскому губернатору, В.В. Григорьев высказывал смелые мысли, затрагивающие проблемы политики управления казахской степью. В одной из них (1860) он пытался вскрыть причины «неудовольствий киргизов» западной части Младшего жуза. «Главный и давний повод заключается в том, – писал В.В. Григорьев губернатору, – что Уральское казачье войско, не имея на то никакого законного права, единственно под предлогом недостатка в сенокосных местах по правому берегу Урала... заняло мало-помалу весь этот левый берег, и хозяйничает там, как дома».⁵ Это, по его мнению, привело к значительному земельному стеснению кочевых аулов и созда-

¹ *Веселовский Н.И.* Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам, с. 115.

² Там же.

³ Там же, с. 117.

⁴ Там же, с. 120.

⁵ *Веселовский Н.И.* Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам, с. 10.

ло условия для их неудовольствия политикой правительства. Далее он указывал, что захваты пастбищных земель у казахов Средней и Восточной частей Младшего жуза приняли «еще более значительный размах в зоне их кочевания – более 4-х миллионов десятин отрезано от киргизской степи и отдано под Оренбургское казачье войско в 1835 году»,¹ на которых до этого находилось 10 – 12 тыс. кибиток казахских семей. Кроме того, командиры укреплений и отрядов часто сами устанавливали повинности для кочующих аулов. «Такого рода насильственные подряды, – отмечал В.В. Григорьев, – повторяясь ежегодно, могут поселить в прилинейных киргизах восточной части такое неудовольствие на русское управление, которое может при случае выразиться весьма невыгодным для правительства образом».² В другой записке В.В. Григорьев неслестно отзывался о деятельности самого областного правления оренбургскими киргизами, председателем которого он был. Приведя ряд конкретных фактов, он сделал заключение о том, что «областное правление мало оказывало заботливости к удовлетворению нужд подведомственных ему киргизов».

В 1855 г. профессор Харьковского ветеринарного училища Э. Островский с двумя окончившими курс воспитанниками совершил в течение нескольких месяцев поездку во Внутреннюю орду и по результатам этой поездки написал большую работу, печатавшуюся в нескольких номерах журнала Министерства внутренних дел.³

С научной целью в первой половине XIX в. Внутреннюю орду посетили немецкий ученый Гебель (1835), профессор Казанского университета Вагнер (1846), Сабанщиков (1830) и другие.

Интересные труды о Внутренней орде рассматриваемого периода оставил полковник генерального штаба, действительный член Русского географического общества Михаил Игнатьевич Иванин, в течение трех лет (1853 – 1856) непосредственно участвовавший в управлении ордой.⁴

Букеевское ханство избрал постоянным местом жительства прапорщик артиллерии Г.С. Карелин, занимавшийся научными изысканиями. Хан выделил ему один из флигелей в своем доме. Он был «человек весьма ученый и образованный. По собственной склонности, имея достаточные сведения в разных частях естественной истории, а преимущественно в ботанике, он собирает множество трав и цветов,

¹ Там же, с. 13.

² Там же, с. 12.

³ *Островский Э.* Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью. – Журн. МВД. Спб, 1859, ч. 34, № 1, 2, 5.

⁴ Наиболее известная и весомая из его работ «Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда».

растущих в сем крае, отсылает оные в Петербург и другие места; а взамен их получает оттуда неизвестные здесь породы. У него многие шкафы наполнены отличными произведениями растительного царства».¹

Каждый случай посещения Внутренней орды русскими учеными, путешественниками и деятелями просвещения вызывал определенный резонанс в казахском обществе. Как правило, они знакомились с бытом, обрядами, хозяйством, социальной жизнью казахов, разъезжая по кочевьям родов и родовых подразделений, беседовали с жителями, гостили у знати. При этом в том или ином объеме, как правило, затрагивались вопросы обучения детей и образования, подъема культуры местного населения, улучшения управления Казахской степью и др.

Посещение орды и казахских аулов деятелями русской культуры и науки оказывало благотворное влияние на развитие связей казахско-го и русского народов, на процесс проникновения русской культуры и передовой общественной мысли в казахское общество.

Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи

В кочевых ставках никогда не было врачей и уж тем более – аптекарей с образованием. Как правило, их заменяли астрологи (жулдузшы), знахари (баксы), костоправы (сыныкшы), травники (емийл), внушающие (ушыкшы), жившие в кочевьях.

После отмены ханской власти в Среднем и Младшем жузах в первой половине XIX в. положение с медицинским обслуживанием аульного казахского населения не изменилось. Лазареты и аптечные пункты, которые были в городах и населенных пунктах, основанных царским правительством, русскими и иноземными промышленниками, казачьими войсками и переселенцами-крестьянами, казахское аульное население не обслуживали.

Первым врачом в ханстве был штаб-лекарь Александр Андреевич Сергачев. Он окончил медицинский факультет Казанского университета и весной 1832 г. прибыл в Ханскую ставку. Через три года он получил назначение уездного врача в Саратовскую губернию, а в 1838г. – снова врачом хана Внутренней киргизской орды.² В начале 40-х гг. его заменил лекарь Евланов. В 1848 г. врачом в ставке стал А.Г. Пупорев. Так сложился первый врачебный пункт со стационарным условием пребывания в Казахской степи.

¹ *Сабанчиков.* Нарын-пески. – Заволжский муравей, 1832, № 2, с. 671.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 2179, л. 3-4.

По ходатайству хана в 1840 г. в Букеевское ханство был направлен ветеринарный врач Константин Петрович Ольде-коп, только что окончивший полный курс наук в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. С его именем связаны многие хорошие начинания в истории просвещения и ветеринарного обслуживания хозяйства кочевников в ханстве. На ветеринарного врача кроме несения ветеринарной службы в ханстве возлагалось и наблюдение за скотом и скотоводческой продукцией, привозимыми на ярмарки и вывозимыми оттуда внутрь России.

Администрация орды в письме от 1848 г. следующим образом оценила его деятельность: он «оказывал достойную похвалы заботливость и усердие в исполнении обязанности ветеринара с полным знанием своего дела... и сверх этих обязанностей, по приглашению хана... было поручено ему в 1841 году преподавание в учрежденном при ставке училище русской грамоты, начальных правил арифметики, русской грамматики и истории и самый надзор за училищем, что Ольдекопом исполняемо было также с отличным усердием, пользою и успехом».¹

В том же году хан пригласил из Астрахани оспопрививателя татарина Абдумалика Юсупова, который обучал казахских юношей, приставленных к нему, оспопрививанию.

А. Терещенко, неоднократно посещавший Внутреннюю орду при хане и после его смерти, указывает, что врач, живущий в Ханской ставке, немало сделал и делает в медицинском просвещении казахского населения, ему приходилось преодолевать многие трудности, предрассудки. Постепенно отчужденность и страх местных жителей, особенно аульных, перед русским врачом ослабевали.² Чиновник Матвеев, находясь в орде в 1846 г., донес оренбургскому губернатору, что «к оспопрививанию киргизы уже частью приготовлены распоряжениями покойного хана – у детей его и многих ближних в Ставке киргизов привита оспа».³

В 1843 г. в Ханской ставке была открыта аптека. В пополнении ее медикаментами значительную помощь оказали оренбургский и астраханский губернаторы, расположением которых пользовался Джангир-хан. Начиная с 1845 г. врач орды приобрел статус государственного служащего с жалованьем. В 1852 г. в ставке была официально открыта больница с двумя отделениями: одно – «для арестантов», а другое – для ордынцев.

¹ Там же. д 2483. л 23.

² Терещенко А. Указ, соч., с. 73.

³ ЦТА КазССР, оп. 1, д. 2359, л. 409.

Профессор Харьковского ветеринарного училища Э. Островский, посетивший Внутреннюю орду в 1855 г., указывал, что «в врачебном отношении у них есть аптека в Ханской ставке, медик и ветеринар».¹

Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи находится в тесной связи с влиянием культуры России на казахское общество. Проявленная инициатива в этом деле со стороны хана была результатом этого влияния. В рамках своих ханских интересов, возможно, он более ясно сознавал необходимость и неотложность постепенного перенимания культурного опыта России и русского общества. Только в этих пределах следует оценивать его роль в культурной жизни Внутренней орды.

---

¹ *Островский Э.* Поездка во Внутреннюю киргиз-казацкую орду с ветеринарной целью. – Журн. МВД, т. 34, 1859, № 2, с. 79.

Заключение

Основная цель нашего исследования – воссоздание целостной истории Букеевского ханства, его народа, приходящейся на первую половину XIX в. Методом ее раскрытия мы избрали системное рассмотрение важнейших сторон социально-экономической, политической и культурной жизни общества с последующим их сведением к общим факторам. Такой подход позволяет выделить общее и особенное в истории Внутренней орды.

Общее в развитии Букеевского ханства заключалось в том, что в нем, как и во всем Казахстане, господствующими были патриархально-феодальные отношения, основанные на экономической системе, в которой ведущая роль принадлежала кочевому и полукочевому скотоводству. В политической области сохранялись ханская власть и султано-бийское управление с традиционными формами их организации в рамках колониальной зависимости.

Специфическими факторами истории Внутренней орды, сыгравшими большую роль, являлись: юридическое оформление мелкой крестьянской и крупной собственности на пастбищные угодья в пределах феодального верховенства и развитие на этой основе полуседлого образа хозяйствования и быта среди кочевых и полукочевых скотоводов; почти равномерное проникновение товарно-денежных отношений и повсеместное распространение в нем долговых отношений; антифеодальный характер освободительного движения казахов шаруа; попытка создать в специфических условиях отсталого казахского общества централизованную «просвещенную» монархию – ханство, – опирающуюся на специальный аппарат, отделенный от двора, и письменное делопроизводство; основание первой стационарной национальной гражданской школы в степи со своей базой и обучением детей на двух языках – на казахском и русском и получение вакансий в высших гражданских учебных заведениях России для казахских юношей; создание в регионе коллекции (оружейной комнаты) с уникальными экспонатами, повествующими о творениях оружейников, местных умельцев и ремесленников, учреждение первого врачебного пункта в степи и появление на исторической арене видного представителя передовой общественной мысли Салтыка Бабаджанова и др.

Каждое из этих событий имело свои мотивы и причины. Вместе с тем они выросли и развились на общей почве, имели общие корни в конкретных условиях развития Букеевского ханства. Более глубокое изучение этих событий и фактов в их связи и в системе конкретной

социально-политической структуры этой части казахского общества дает возможность определять их как порождение той среды, которая сложилась в Букеевском ханстве.

Особенностью Букеевского ханства было то, что его развитие в силу ряда объективных обстоятельств, главным из которых было расположение во «внутренней стороне» России, происходило под воздействием растущего влияния экономики, культуры и просвещения России, образа жизни и быта ее народа, с одной стороны, и колониальной политики царизма – с другой. Причем этот процесс проходил здесь более активно, чем в других частях Казахстана. Казахское общество этого региона в большей степени испытывало и аккумулировало прогрессивное влияние России первой половины XIX в., нежели другие политические объединения, входящие в Казахстан.

Значение Внутренней орды, изучение ее истории периода ханской власти и последующих этапов развития выходят за рамки локального, историко-познавательного интереса. Во Внутренней орде ряд социально-экономических и политических явлений институтов выступал четче и в более зрелых формах, как бы в «очищенном» от патриархальных оболочек и примесей состоянии, чего нельзя было сказать о других частях Казахстана. Именно поэтому она представляла, можно сказать, во многих отношениях уникальный объект для исследователей дореволюционной истории Казахстана и для изучения структуры и особенностей феодального способа производства у кочевых народов вообще.

В этой связи нельзя не указать на ошибочность взглядов отдельных авторов о том, что влияние России на Букеевское ханство якобы в значительной степени изменило и деформировало привычный, традиционный быт и социальный режим кочевых коллективов, а поэтому этот регион стоит особняком в дореволюционном казахском обществе. На наш взгляд, особенности развития и само возникновение Букеевского ханства тем и интересны для истории Казахстана, что в нем наиболее концентрированно проявились процессы, которые позднее захватили весь Казахстан.

СТАТЬИ

- **К вопросу о предпосылках и образовании Внутренней Орды**
- **О политическом строе Букеевской Орды**

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ОБРАЗОВАНИИ ВНУТРЕННЕЙ ОРДЫ¹

В начале XIX века значительная часть казахского населения перекочевала из Младшего Жуза во внутренние пределы Российской империи и образовала на северо-западе нынешнего Казахстана, между низовьями рек Урала и Волги, новую казахскую орду, получившую название Букеевской, по имени первого хана Букея.

Как сообщают источники, вначале с султаном Букеем на правобережье Урала перешло около пяти тысяч семейств. В последующие годы население Букеевской, или, как ее называют по географическому расположению, Внутренней Орды продолжало возрастать за счет притока людей из Младшего Жуза. По подсчету чиновника Оренбургской пограничной комиссии Ларионова, в 1828 году население Орды насчитывало 10.235 кибиток.² Полковник М. Иванов, управлявший Ордою после смерти Джангир-хана, сообщает, что к 1845 году здесь было более 30 тысяч кибиток.³ Наконец, чиновник Медведский, имевший непосредственное отношение к Внутренней Орде, указывает, что в 1860 году ее население состояло из 26 909 кибиток.⁴ Во всяком случае можно утверждать, что к середине XIX века во Внутренней Орде проживало не менее 25 тысяч семейств.

Образование Внутренней Орды способствовало непосредственно соприкосновению десятков тысяч казахов не только с колониальной администрацией, но и, что особенно важно, с русским народом. Трудящиеся казахи судили о русском народе, как правило, по действиям колониальных властей, царских чиновников и карательных отрядов. Получив возможность общения с русским народом, казахи увидели всю его духовную красоту и величие. Этим не ограничивалось значение образования новой казахской земли. Общественные отношения казахов подвергались относительно активному прогрессивному воздействию со стороны России.

Со временем Внутренняя Орда стала живым свидетельством того, что может принести отсталому казахскому народу присоединение к России и более тесное с нею сближение.

Можно сказать, что история возникновения и дальнейшего раз-

¹ Вестник АН КазССР, №1.(130), 1956 г.

² Шахматов В.Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946 г., стр. 19.

³ Иванов М. Внутренняя или Букеевская киргизская орда. Эпоха. № 12, 1864 г., стр. 6.

⁴ Медведский Т. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении, Ж. МГИ, август, 1862 г., стр. 303-307.

вития Внутренней Орды в то же время есть история прогрессивного влияния России на казахское общество.

Прежде следует особо остановиться на причинах образования Орды, поскольку на этот вопрос пока не существует в исторической науке единого научно обоснованного взгляда. Такое положение оказывает отрицательное влияние на решение комплекса вопросов, связанных с развитием казахского общества в этом районе. Учитывая необходимость в постановке и освещении данного вопроса, автор и написал настоящую статью.

Образование Внутренней Орды нельзя считать маловажным событием, вызванным случайным стечением обстоятельств. Уже то, что оно было связано с переселением двадцати пяти тысяч семейств кочевников, свидетельствует о серьезных причинах. Какие же причины лежат в основе возникновения Внутренней Орды? На этот вопрос мы знаем несколько различных ответов. Можно сказать, что до сего времени этот важный вопрос остается по существу открытым.

Большинство дореволюционных авторов, описавших отдельные стороны жизни казахов Внутренней Орды, состояли на службе царского правительства. Естественно, что их описания не могли не быть тенденциозными. Некоторые из них связывают возникновение Орды с положительными субъективными качествами султана Букея. Так например, по мнению А. Евреинова, переход казахов на правобережье Урала был связан в первую очередь с тем, что султан Букей «вернее других понял, что совершенное спокойствие можно снискать только под непосредственным покровительством русского правительства».¹

Напротив, другие авторы объясняют возникновение Внутренней Орды корыстолюбием Букея, его жаждой власти, богатства. «Букей, желая получить ханское достоинство, задумал перейти на правую сторону реки Урала», — отмечает Т. Медведский.² Букей стремился, «как и брат его султан Каратай, к достижению тем или иным путем ханского звания», — указывает известный исследователь А. Добросмыслов.³ Несколько иного взгляда придерживается Л. Мейер.

Он возникновение Орды связывает со «смутами», происходившими в Малой Орде.⁴ Другой автор, М. Иванин, еще более определенно

¹ *Евреинов А.* Внутренняя или Букевская киргиз-казачья орда. Современник. № 10, 1851 г., стр. 51.

² *Медведский Т.* Внутренняя киргизская Орда в хозяйственно-статистическом отношении. Ж. Министерства Государственных имуществ, № 8, 1862 г., стр. 285.

³ *Добросмыслов А.* Тургайская область. Известия Оренбургского отделения РГО, вып. 16, 1901 г., стр. 231.

⁴ *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства, С116, 1865 г.

говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования Орды: «Во второй половине прошлого столетия (т. е. XVIII в. – С.3.) возникли между племенами киргизов междоусобия и взаимные грабежи, посему в начале нынешнего века миролюбивый киргизский хан Букей, один из потомков Абдулхаир хана, опасаясь демократической партии зауральских киргизов, с значительной частью султанов и оставшимися ему подвластными киргизами перешел в 1801 году к нам на правую сторону реки Урала».¹ Автор старается показать Букея с подвластными ему казахами как нечто единое, в экономическом и социальном отношении целое, противостоящее «демократической партии зауральских киргизов».

Такое утверждение противоречит действительности. Известно, что перешедшие на «внутреннюю сторону» казахи состояли из разных социальных групп, интересы которых были различными и противостоящими. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что переселенцы в основном состояли из беднейшей части населения. Вполне вероятно, что многие из них в свое время были участниками народного движения батыра Срыма, поэтому нет оснований противопоставлять переселенцев демократической массе зауральских казахов.

Почти все дореволюционные авторы, находясь в рамках субъективной истории, исходили в своих объяснениях из формальных внешних признаков событий. Общественные явления они рассматривали в связи с деятельностью отдельных личностей – ханов, султанов. Отсюда понятно, почему эти авторы не сумели научно объяснить причины образования Букеевской Орды, обнаружить и вскрыть те исторические закономерности, которые лежали в основе данного общественного процесса. Однако было бы неправильным считать, что у дореволюционных авторов нет ценных сведений.

Крестьянское восстание, предводительствуемое Исатаем Таймановым, возникшее во Внутренней Орде в конце 80-х годов XIX века, привлекло внимание ряда советских историков. Освещая вопросы этого движения, они, разумеется, не могли не касаться причин возникновения самой Орды. Один из таких авторов, А. Рязанов, считает, что возникновение Внутренней Орды явилось результатом междоусобной борьбы поколений Жеты ру и Байулы: «Часть казахов Байулинского поколения, – пишет он, – будучи стеснены семиродцами, откочевали во главе с султаном Букеем на «внутреннюю» сторону... и

¹ *Ивашич М.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда. Ж. «Эпоха», № 12, г., стр. 15.

образовали здесь Внутреннюю или Букеевскую орду».¹ Вряд ли можно с этим согласиться. Во-первых, междоусобная борьба племен, родов – принадлежность не только конца XVIII века. Она не в меньшей степени имела место и раньше. Во-вторых, перешедшие на правый берег Урала казахи в равной мере состояли из лиц, принадлежавших как к поколению Байулинцев, так и к поколению семиродцев. Если междоусобная борьба между указанными племенами или родами была первопричиной образования Орды, то, казалось бы, должна была перейти на правый берег Урала побежденная сторона, уходящая от притеснения, чего не было в действительности. В-третьих, междоусобная «родовая» борьба является порождением установившихся социально-экономических и политических отношений в обществе. А этот вопрос, в свою очередь, сам нуждается в объяснении.

По мнению А. Рязанова, междоусобица вызвана проблемой пастбищ, и она была разрешена переходом казахов на территорию между Волгой и Уралом. Конечно, пастбищный вопрос не мог не влиять на процесс переселения кочевников. Однако выдвигать его в качестве главной причины переселения вряд ли будет правильным.

Территория Внутренней Орды не давала кочевникам-скотоводам никаких особых преимуществ. С другой стороны, на левобережье Урала было еще достаточно неиспользованных пастбищных мест. Нельзя также не учитывать и того факта, что большинство казахов, перешедших на правобережье Урала, относились к числу бедных. Таким образом, выпас незначительного количества им принадлежащего скота не мог стать острой проблемой.

Один из видных исследователей истории Казахстана профессор М.П. Вяткин полагает, что хозяйственный упадок, углубление земельной тесноты привели к образованию Внутренней Орды.² Возникновение этой Орды было связано с жестоким хозяйственным кризисом, выразившимся, в частности, в росте земельной тесноты в результате углубления процесса феодализации, захвата кочевий знатью «белой» и «черной» кости.³

Профессор М.П. Вяткин приходит к выводу, что переход казахов на правобережье Урала «в вечное подданство» был логическим итогом того процесса, который берет свое начало в 50-х годах XVIII века, т. е. он связан с борьбой за основание новых кочевьев, длившейся почти половину столетия.

¹ *Рязанов А.* 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797-1838). Труды Об-ва изучения Казахстана, отдел истории и этнографии, т. VII, вып. II, Кзыл-Орда, 1926 г., стр. 178.

² *Вяткин М.П.* Очерки по истории Каз ССР, Госполитиздат, 1941 г., стр. 217.

³ Там же, стр. 242.

По сути дела, во взглядах А. Рязанова и М.П. Вяткина имеется много общего. Оба они сводят сущность вопроса к земельной тесноте. Правда, А. Рязанов считает земельную тесноту следствием междоусобного родового конфликта, тогда как профессор М.П. Вяткин заявляет, что она является результатом углубленного развития феодальных отношений.

Несколько иную точку зрения развивает В.Ф. Шахматов. Во втором издании «Истории Казахской ССР» в главе XIII, автором которой он является, мы читаем: «Образование Букеевской Орды тесно связано с общим направлением колониальной политики царизма в Казахстане и с тем хозяйственно-политическим кризисом, который охватил Младший Жуз в конце XVIII – начале XIX века вследствие феодализации казахского общества».¹ Образование казахской земли между Волгой и Уралом автор рассматривает, в первую очередь, как продукт колониальной политики царизма, как разрешение хозяйственно-политического кризиса.

Свои взгляды В.Ф. Шахматов более полно развивает в монографии «Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова». Правильно критикуя распространенную концепцию образования Букеевской Орды, возникновение которой связывается с желанием и волей султана Букея, он пишет: «На самом деле это далеко не так. Вопрос о причине образования Внутренней (Букеевской) Орды значительно сложнее. Он глубоко связан с общим направлением колониальной политики царского правительства в Казахстане в начале XIX века...

Архивные данные говорят о том, что образование Внутренней Орды явилось результатом политики царского правительства и, в частности, барона Игельстрома и подготовлялось последовательно в течение нескольких лет».²

Таким образом, если профессор М.П. Вяткин выдвигает на первый план вопрос земельный, то В.Ф. Шахматов основную причину видит в колониальной политике царизма, которая и обусловила переход казахов в пределы России.

Обосновано критикуя субъективно-идеалистические трактовки образования Внутренней Орды, В.Ф. Шахматов в то же время допускает, на наш взгляд, не менее серьезную ошибку.

Разумеется, колониальная политика царского правительства играла значительную роль в общественной и политической жизни казахского народа. Но в конце XVIII века она не была столь актив-

¹ Шахматов В.Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946 г., стр. 8.

² История Казахской ССР, изд. 2, Алма-Ата, 1949 г., стр. 243.

ной, чтобы влиять на внутреннее развитие казахского общества.

Переселение казахов на правый берег Урала не противоречило направлению колониальной политики царизма, и поэтому оно получило известную поддержку со стороны пограничных властей. Однако эта политика вовсе не была решающим фактором образования новой казахской орды.

С переходом казахов во внутренние пределы империи не был разрешен пастбищный вопрос. Известно, что земельные отношения во Внутренней Орде оставались сложными. Земельная теснота была здесь более острой, чем в Малом Жузе. Кроме того, по почвенным, климатическим и иным естественно-географическим условиям территория Внутренней Орды была не лучше, если не хуже, чем территория, занимаемая переселенцами до откочевки. Из этого следует, что при всем своем значении вопрос о пастбищах не играл ведущей роли в переселении. Мы считаем, что основной причиной образования Внутренней Орды является обострение классово-борьбы в казахском обществе.

Анализ архивных материалов, относящихся к истории образования Внутренней Орды, приводит к выводу, что после вооруженного подавления народного восстания, руководимого батыром Срымом, переселение части казахов на внутреннюю сторону из Малого Жуза явилось своеобразным продолжением этой борьбы в иных условиях и в иной форме.

Народное сопротивление ханской власти, с особенной силой проявившееся в конце XVIII века, пошло на убыль. В Младшем Жузе сложилась ситуация, исключавшая открытое народное выступление. В этих условиях возмущение казахской бедноты против наиболее ненавистных поработителей – хана и его сообщников – выливается в форму непризнания их власти, иначе говоря, в форму откочевки. Именно это и лежало в основе отделения части казахов из Младшего Жуза и перехода их в пределы России. Здесь нельзя не учитывать того обстоятельства, что откочевка вообще всегда была одной из наиболее распространенных традиционных форм классового противодействия притеснениям алчных феодалов в казахском обществе. В данном случае это произошло непосредственно вслед за подавлением крупного народного восстания, приведшего в движение отдельные аулы почти во всех уголках Младшего Жуза. Следовательно, уход от преследования крупных феодалов, против которых и направлялось острое восстание, явился той единственной разумной мерой, на которую вынуждено было пойти большое количество казахского населения.

Существенное влияние на откочевку казахов оказало преследование родов и отделений, принимавших участие в народном восстании под руководством батыра Срыма, организованное сторонниками ханской власти – султанами при активной поддержке и участии колониальных пограничных властей и карательных отрядов. При этом, как и раньше в таких случаях, феодалы и колонизаторы старались столкнуть казахские роды и отделения между собой, превращая отдельные разногласия между ними в очаг раздора и столкновений. Используя родовые пережитки, имевшие еще значительную силу и распространение среди казахского населения, ханские потомки и их сторонники разжигали междоусобную барымту среди казахов.

В результате этих раздоров народные массы претерпевали жестокие лишения и невзгоды. Экономическое благосостояние народа заметно ухудшалось. Граф Потоцкий в письме к министру внутренних дел Кочубею писал в 1806 году, что бедность казахов Младшего Жуза «чрезвычайна и одно зло здесь рождает другое. Юрты или кибитки, которые должны были бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты одними лишь шерстяными тряпками, обратившимися в лоскутья. Сами киргизы покрыты лохмотьями...».¹ Крайняя нужда заставляла казахов продавать детей линейным жителям и хивинцам. Как свидетельствует Левшин, в 1815 году около г. Гурьева в течение только одного месяца было продано около ста казахских детей. Причем «за мальчиков платили по 4 и по 3, а за девочек по 3 и по 2 куля ржаной муки».²

В этих конкретных исторических условиях откочевка была не только формой классового протеста против произвола крупных феодалов, но вместе с тем являлась жизненной необходимостью. С одной стороны, откочевка свидетельствовала об ослаблении воли к борьбе, с другой – она выражала решимость продолжать сопротивление. Именно такой противоречивый характер имело движение многих казахских аулов и их откочевка на правобережье Урала.

Переселение трудящихся казахов на кочевые просторы правобережья Урала предохраняло их также от систематических набегов, барымты и феодальной междоусобицы.

«В эпоху перехода поколения, составлявшие Внутреннюю Орду, были беднейшими из кайсаков», – писал журнал Министерства государственных имуществ в 1841 году.³ То, что откочевщики в основном

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, стр. 236-237.

² Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 3, СПб, 1832 г., стр. 88-89.

³ Журнал Министерства государственных имуществ, ч. 1, «Сведения о Внутренней киргизской Орде», 1841 г.

были непосредственными участниками движения Срыма, подтверждается тем, что род Байбакты, явившийся ядром народного восстания в Младшем Жузе, возглавил переселенческое движение и составил самую многочисленную группу.

На «Внутреннюю сторону» к 50-му году XIX века из рода Байбакты перешло более 15 тысяч человек.¹ Сам батыр Срым, завоевавший большое уважение народа и признанный им как организатор и руководитель в борьбе с ханской властью, был активным агитатором за переход населения в пределы России.

С нашей точки зрения, предпосылки, обусловившие образование Букеевской Орды, складывались внутри самого казахского общества. Ни колониальная политика, ни воля султанов не определяли природу этого движения, хотя они и оказывали определенное влияние на развитие самого процесса.

Развитие феодальных отношений в Младшем Жузе в XVIII веке шло не в порядке захвата феодальной знатью земель хозяйственных общин и превращения их в объект непосредственной собственности, а в порядке усиления эксплуатации трудящихся крестьян в рамках, в основном, прежних форм землевладения. Резкое ухудшение экономического положения масс вызывалось не тем, что им негде было пасти свой скот, а, главным образом, тем, что трудящиеся подвергались открытому, систематическому грабежу со стороны крупных местных феодалов и внешних агрессоров и несли на своих плечах всю тяжесть феодальной междоусобицы.

Нередко в прежние времена значительные группы кочевников, составляя одни султанства, переходили под власть других, а иногда уходили в пределы кочевьев туркмен, каракалпаков и Хивинского ханства. Почему, спрашивается, в данном случае казахские кочевники перешли в пределы Российской империи? Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть конкретные исторические условия этого периода.

В конце XVIII и начале XIX века значительно усиливается колониальное проникновение царизма в Казахстан и соперничество Хивинского ханства в казахской степи. Без рассмотрения этих двух вопросов нельзя правильно понять процесс образования Внутренней Орды.

Хивинское ханство, начиная с последней четверти XVIII века, стремится расширить свою территорию путем насильственного захвата кочевий соседних народов. В этом отношении особенно показательна политика хивинского хана Мухаммед Рахима (1806 – 1825 гг.), не раз совершавшего опустошительные набеги на земли туркмен, каракалпаков и в особенности казахов.²

¹ *Иванов М.* Внутренняя или Букеевская киргизская Орда. Ж. «Эпоха», № 12, стр. 11.

² *Иванов П.* Казахи и Кокандское ханство. Записки Института востоковедения АН СССР, т. VIII, М. – Л., 1939 г., стр. 94-95.

Пользуясь разобщенностью и отсутствием единства среди казахских родов, ободренные первыми успехами, хивинские феодалы усиливали натиск и опустошительные набеги. По сообщению одного из дореволюционных исследователей, при одном из многочисленных походов, в начале XIX века, хивинский хан внезапно напал на мирные казахские аулы, кочевавшие по р. Сыр-Дарье. При этом войско хивинского хана убило 350 человек, угнало 1035 девушек и женщин, захватило 4173 верблюда, 7085 лошадей, 1138 голов крупного рогатого скота и 45645 баранов. Кроме того, в виде зекета дополнительно было взято с казахского населения 17573 барана и 2364 верблюда.¹

К концу XIX века почти весь район Среднего Туркестана оказался под властью хивинского хана. Большая часть южных областей Младшего Жуза, в частности аулы, кочевавшие в районах Сыр-Дарьи и Аральского моря до урочищ Усть-Урта, подпали под влияние Хивинского ханства. Казахское население, доведенное до отчаяния тяжелым гнетом и жестокими методами ограбления, вело непрерывную войну с хивинскими оккупантами.

Хивинские феодалы приложили немало усилий к тому, чтобы воспрепятствовать присоединению Казахстана к России, восстановить казахское население против мероприятий царского правительства в степи.

Колониальная политика царизма, наоборот, отличалась сдержанностью и тонкой тактикой.

Большие аппетиты царских чиновников во многих случаях сдерживались правительством, умными руководителями пограничных управлений. В свое время еще Петр I приказал повесить первого сибирского губернатора князя М.П. Гагарина за лихоимства и злоупотребления.²

В 1784 г. был издан указ о запрещении «своевольств против киргизов со стороны казачьего войска и о жесточайшем наказании виновных яко злейшего преступника, который поведением своим дает причину к нарушению спокойствия подданных».³ Подобные предписания правительства не могли не отразиться на действиях непосредственных проводников колониальной политики. Жалобы на притеснения, незаконные действия чиновников часто принимались и рассматривались в пограничных управлениях.

Такая политика царского правительства выгодно отличалась от агрессивной политики Хивинского ханства, в основе которой лежали

¹ *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб, 1865 г., стр. 37.

² Записки Семипалатинского подполковника Западно-Сибирского отделения Императорского географического общества, вып. V. Семипалатинск., 1911 г., стр. 6.

³ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М.-Л., 1940 г., стр. 111.

грабеж, убийство казахов, причем все это открыто санкционировалось самим ханом.

Колониальное проникновение царизма в казахскую степь осуществлялось не путем завоевания или насильственного присоединения, а в основном путем постепенного вовлечения казахского населения в сферу влияния русского государства. Правда, в отдельных случаях не обходилось без применения вооруженной силы, но это было нехарактерно во взаимоотношениях Казахстана с Россией. Русское правительство завоевывало доверие и склонность влиятельных феодалов посредством их поощрения, оказания помощи в борьбе с враждебными им группами и ограждения их личных интересов.

Нельзя не указать на еще одну важную особенность колониальной политики царизма. Известно, что междоусобицы, во многих случаях подогреваемые и организуемые феодалами в интересах господствующего класса, серьезным образом нарушали народное спокойствие и хозяйственную жизнь. Борьба царского правительства за прекращение барымты, продиктованная в первую очередь интересами обеспечения безопасности торговых путей в Среднюю Азию, объективно сыграла положительную роль. Народные массы одобряли эту политику, видя в ней реальное средство ослабления и прекращения губительной междоусобицы.

Все это вместе взятое, вопреки колонизаторской политике царизма, создало объективную возможность еще большего сближения Казахстана с Россией. Начиная со второй половины XVIII века, казахи часто стали обращаться в правительственные органы с просьбами об отводе им земель в пределах России. Так, например, в 1777 году старшина Средней Орды Чобоктары-Кирейской волости Ишперды Кутлучадамов просил тобольского губернатора отвести ему и управляемому им населению на «Российской стороне места» для постоянного кочевания. В своем письме он писал, что обещает служить «всемиловитейшей государыне до последней капли крови и какая служба на меня с подвластными наложена не была, исполнять готов».¹ В 1788 году султан Чуригей из Большой Орды с подвластными ему казахами перешел пределы России и с официального разрешения правительства обосновался в районе Усть-Каменогорской крепости.²

Факты перехода казахов отмечались в правительственном предписании начальнику Сибирского края генерал-поручику Огареву от 15 июля 1788 года, где было сказано, что «некоторые из султанов и

¹ ЦГАДА, ф. 249, д. 6, л. 14.

² ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, св. 80, д. 21, л. 6-8.

старшин киргиз-кайсацкой Средней Орды желают переселиться во внутреннюю сторону России».¹

В основе каждого из этих переселений лежали свои причины. Характер перехода и преследуемая при этом цель были различны. Вместе с тем нельзя не отметить наличия определенной общей тенденции среди части казахского народа, направленной на более тесное сближение с Россией.

Переселение казахов Младшего Жуза на правобережье Урала является событием большого общественного значения и продиктовано, как мы указывали выше, весьма серьезными причинами. Более того, образование Внутренней Орды отражало объективную тенденцию, определявшую направление дальнейшего развития казахского народа. Вот почему казахи Младшего Жуза, осуществляя массовую откочевку, не двинулись на юг, а предпочли войти в границы Российской империи.

Профессор В.М. Вяткин и некоторые другие исследователи образование Внутренней Орды рассматривают как логическое завершение длительного процесса освоения новых кочевьев на правом берегу Урала, который начался в 50-х годах XVIII века. Это утверждение также является ошибочным. Оно опровергается историческими фактами.

Судя по архивным источникам, байские аулы, зимовавшие недалеко от р. Урала, спасая многочисленный скот в суровую зиму 1748 – 1749 гг. с разрешения оренбургского губернатора Неплюева впервые перешли на правый берег Урала.² В 1755 году хан Нурали добился от губернатора права зимовки со скотом на «внутренней стороне».³ Использование казахской знатью правобережья Урала в качестве зимовки скота, несмотря на прямые запреты пограничной власти, повторялось и в последующие годы. Князь Путятин, находившийся при Оренбургской воинской пограничной команде, в донесении от 22/IV 1759 г. писал, что «киргиз-кайсаки самовольством своим и в противность многовоспретительного имели подтверждение, со степной на внутреннюю сторону Яика реки не только со скотом, но и кибитками, своими перешли, и казачьему сену потраву учинили».⁴

Следует отметить, что в то время вовсе не ставился вопрос о переселении казахов на постоянное местожительство. Речь шла о временном пастбищном содержании части скота крупных феодалов, в особенности в зимний период. Главным образом этого и домогались Нурали-хан, его родственники и влиятельные султаны в интересах

¹ Там же, л. 62.

² ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, св. 64, л. 10, л. 3.

³ Там же, д. 6, л. 3.

⁴ Там же, св. 80, д. 21, л. 6-8.

своих хозяйств. Трудовая часть крестьянства переходила постольку, поскольку она обслуживала султанские хозяйства или в силу зимних непогод на левобережье Урала. Источники сообщают, что перегонялись на зиму в основном табуны лошадей, принадлежащие хану и его братьям. Из неоднократных обращений Нурали-хана к пограничным властям видно, что он преследовал узколичные интересы.

В 1758 году в г. Оренбурге на приеме у генерал-майора Тевкелева и советника Рычкова Нурали-хан представил только своих братьев и просил «о допущении с их кайсацким народом в Яику реке в зиму кочевать, скот на внутренней стороне содержать».¹ Годом раньше оренбургское начальство по просьбе Нурали-хана распорядилось, чтобы на правый берег в случае суровой зимы были пропускаемы только табуны ханской фамилии.² Царские чиновники с большой охотой удовлетворяли настоятельные просьбы казахских феодалов.

Оренбургская пограничная администрация, непосредственно осуществляя колониальные стремления царизма в Казахстане, вела в этом вопросе двойственную политику. С одной стороны, она всецело стояла на стороне хозяйственных интересов жителей военных казахских поселений, уже возникших в этом районе.

Пограничным чиновникам была на руку апелляция против казахов, которых они обвиняли в нарушении «спокойствия», потраве сена, лугов и т. д.

С другой стороны, в проведении политики колонизации пограничной администрации были нужны услуги влиятельной части казахской знати. Только совместные усилия царских колонизаторов и казахских феодалов могли на деле обеспечить реальное ее осуществление. В силу этих причин пограничные власти вынуждены были порою удовлетворять просьбы казахской знати о пропуске их скота в районы двуречья.

Анализируя исторические документы, мы не находим органической связи между фактами перегона скота и образованием Внутренней Орды. Тем более было бы серьезной ошибкой считать образование Внутренней Орды продолжением и развитием старых отношений, связанных с перегоном скота знати на правый берег р. Урал. С конца XVIII века характер, масштаб и мотивы перехода казахов Младшего Жуза в астраханские степи были иными. В Младшем Жузе, в отличие от предыдущих времен, кипела борьба. Выступление масс против хана и его приближенных султанов приобретало общенародный характер и впоследствии вылилось в открытое народное восстание,

¹ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, св.64, д. 6, л. 3.

² Там же, св. 80, д. 21, л. 6-8.

известное в истории под названием «Движение Срыма-батыра». Обострение классовой борьбы было вызвано усилением феодального и колониального угнетения, ухудшением материального положения низов и средних слоев населения. В конце 80-х годов народное восстание было подавлено штыками царских солдат. Положение трудовой части казахов оставалось тяжелым. Межродовые стычки, используемые феодалами в своей борьбе за власть, после подавления движения Срыма разгорелись с новой силой, легли непомерным бременем на плечи крестьян-скотоводов.

В этой обстановке часть изнуренного народа, несмотря ни на какие препятствия, стала переходить на «внутреннюю сторону». Если раньше ханы и султаны временно переправляли свои стада только на зиму, оставаясь сами на прежних местах, то теперь фактически ставился вопрос о постоянном заселении этого района. Такое требование исходило от самих народных масс. Сила движения была столь значительна, что царское правительство не могло уже не считаться с ним, не рискуя потерять влияние в казахской степи.

Более того, движение Срыма-батыра заставило царскую власть пересмотреть свою прежнюю политику. Ханская власть, служившая основной опорой царизма в казахском обществе, перед лицом роста классового сопротивления народа оказалась не только не авторитетной, но и слабой, особенно в Младшем Жузе. Об этом красноречиво свидетельствует признание самого Нурали-хана, который в письме к барону Игельструму от 21 июля 1785 года писал: «...и здесь, в журте киргиз-казаков, я потерял доверие. Говорят, что хан-де русский хан и к нам его душа не лежит; говоря так, они отвернулись от меня и ушли. И у меня не оставалось убежища ни в той, ни в другой стороне».¹

Ханская власть, как бы она усердно ни служила царизму, не удовлетворяла правительство. Более или менее сильная и активная ханская власть, пользующаяся поддержкой крупных феодалов, стремилась проводить политику местного господствующего класса, нередко расходившуюся с политикой колониализма. Слабая ханская власть в силу того, что она нуждалась в постоянной помощи извне, представляла собой послушное орудие в руках правительственных органов. Вместе с тем она не обладала достаточной силой власти, столь нужной для проведения колониальной политики.

Правительство считало необходимым изменить существующую систему управления в Жузе, заменить ханскую власть аппаратом, непосредственно подчиненным и послушным пограничным органам. Преследуя эту цель, оно стремилось использовать народное движе-

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М. - Л., 1940 г., стр. 56.

ние под руководством Срыма, одним из лозунгов которого было уничтожение династических привилегий потомков хана – «белой кости». Прикинувшись сторонником восставших, правительство поспешило заменить ханскую власть советом и системой так называемого пограничного суда и расправ.

Такое преобразование оказалось преждевременным и потерпело неудачу. Отсутствие твердой местной власти стало отрицательно сказываться на проведении колониальной политики. Ханская власть была вновь восстановлена. Тогда в качестве предварительной меры на пути к ликвидации ханской власти царское правительство разделило Младший Жуз между несколькими ханами. Дробление ханской власти, как рассчитывал царизм, должно было привести к потере авторитета власти ханов и в последующем – к ее ликвидации.

Практическое осуществление этой идеи стояло в центре внимания колониальной политики. Екатерина II предлагала оренбургскому генерал-губернатору: «Буде бы необходимость обстоятельств потребовала достоинство Хана в Орде восстановить, постараться умножить их число, чтобы каждый из таковых ханов не был силен в Орде и зависел от Вас, как и прочие подчиненные вам в губернии и по уездам».¹ Комитет по азиатским делам, разбирая в 1820 году вопрос о разделе ханской власти в Младшем Жузе между Ширгазы и Арунгазы, так охарактеризовал политику бывшего пограничного начальника Игельстрома: «Сей генерал для успешнейшего введения в Меньшей Орде тишины и благоустройства находил тогда весьма полезным ослабить ханов, умножить число их, по крайней мере, до троих и ограничив круг их действия таким образом, чтобы они, владельцы в существе своем, были только исполнителями воли оренбургского начальника и даже, возможно, уничтожить совершенно ханское достоинство».²

После образования Букеевской Орды, когда встал вопрос о признании официально двух ханов в Малой Орде, оренбургский военный губернатор Волконский в рапорте на имя императора 14 октября 1811 года писал: «Судя по политическим обстоятельствам здешнего края сопредельного с диким сим народом, я для пользы собственной России могу заключить, что такое разделение не токмо не вредно, но еще по некоторым отношениям полезно».³

Правительство вовсе не было намерено осуществлять дробление ханства за счет уступки части территории внутри империи. Но по-

¹ *Вяткин М.* Батыр Срым. М. – Л., 1947 г., стр. 246.

² Приводится по книге В. Шахматова «Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова». Алма-Ата, 1946 г., стр. 8.

³ ЦГИА г. Москвы, ф. 109, оп. 1, д. 9, л. 13.

скольку тенденция к переселению на правобережье Урала возникла не по его воле, оно поспешило использовать народное возмущение в своих интересах. К этому времени произошло одно важное событие, во многом предрешившее переход казахов на правобережье Урала. Калмыки, населявшие раньше низовья рек Волги и Урала, в знак протеста против усилившегося колониального угнетения в 1711 году перекочевали на земли Джунгарии.

Правительство в новых условиях сочло необходимым пойти «навстречу» стремлениям казахского населения перейти на «внутреннюю сторону». Этим самым оно рассчитывало не только ослабить ханскую власть, подготовить почву к ее ликвидации, но и стремилось войти в доверие народа, что было весьма важно для успешного проведения политики колониализма. Уступая территорию, правительство намеревалось также в той или иной степени разрядить напряженность классовой борьбы в Младшем Жузе, начинавшей принимать уже антиколониальный характер.

Таким образом, Внутренняя казахская Орда возникла не как порождение колониальной политики. Факты говорят, что, наоборот, колониальная политика приспособливалась и использовала в своих интересах создавшуюся обстановку в Младшем Жузе.

Царское правительство своевременно позаботилось о том, чтобы переселение совершилось «организованно» во главе с вожаком, который был бы надежным исполнителем воли пограничных властей. Такой личностью оказался султан Букей, председательствовавший в то время на ханском совете. По смерти Ишима в 1797 году, когда стал вопрос об официальном признании Букея ханом на «внутренней стороне», начальник Оренбургского края охарактеризовал его как человека, преданного «престолу высокомонаршему».¹ В свою очередь султан Букей, стремясь к власти и не рассчитывая получить ее в Младшем Жузе, пользуясь решительной поддержкой правительства, склонен был перейти на правый берег Урала и обосновать там свое ханство. Чтобы стать во главе переселенческого движения, он умело разыгрывает роль «защитника» народных интересов.

Через командира астраханского казачьего полка полковника Попова Букей обращается к астраханскому губернатору Кноррингу с просьбой, чтобы последний, в свою очередь, вошел с ходатайством перед императором России о разрешении ему – султану Букею с его «приверженными» казахами перейти на территорию между Уралом и Волгой на «вечное жительство». 11 марта 1801 года последовал Указ

¹ ЦГИА, ф. 109, оп. 1, д. 9, л. 14.

Павла I, в котором говорилось следующее: «Председательствующего в ханском совете киргиз-кайсацкой Малой Орды Букея султана, сына Нурали-хана, принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю ему золотую медаль с моим портретом».

Из всего сказанного вытекает один главный и решающий вывод, что в основе массового переселения казахов Младшего Жуза в пределы России и образования нового казахского общества лежала острая классовая борьба трудящихся казахов против злейших феодальных угнетателей.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ¹

Я позволю себе коротко говорить о возникновении Букеевской орды и о том, как этот вопрос освещен в «Истории Казахской ССР», изд. II-е. Надо заявить открыто, что этот вопрос в исторической науке освещен односторонне, объективистски, следовательно, и неправильно.

В «Истории Казахской ССР», в главе XIII, посвященной этому вопросу (автор т. Шахматов), мы читаем: «Образование Букеевской орды тесно связано с общим направлением колониальной политики царизма в Казахстане и с тем хозяйственно-политическим кризисом, который охватил Младший жуз в конце XVIII, начале XIX века вследствие феодализации казахского общества» (стр. 243).

Здесь, как видите, образование Букеевской орды между Волгой и Уралом рассматривается в первую очередь как продукт колониальной политики царизма. На втором месте стоят хозяйственно-политические мотивы.

Т. Шахматов свои взгляды более полно выразил в монографии «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова», изданной в 1946 г. Академией наук Казахской ССР. Там автор, правильно критикуя распространенную концепцию, по которой образование Букеевской орды связывается с желанием и волей султана Букея, пишет: «На самом деле это далеко не так. Вопрос о причинах образования Внутренней (Букеевской) орды значительно сложнее. Он глубоко связан с общим направлением колониальной политики царского правительства в Казахстане в начале XIX века... Архивные данные говорят о том, что образование Внутренней орды явилось результатом политики царского правительства и, в частности, барона Игельстрома и

¹ Вестник АН КазССР, № 10 (179), 1951 г. Доклад, сделанный на научной сессии секторов экономики и права в марте 1951 г.

подготавливалось последовательно в течение нескольких лет» (стр. 8).

Я думаю, комментарии здесь излишни. Т. Шахматов, критикуя идеалистические трактовки, рассматривающие образование Букеевской орды как волевой акт, как желание султана Букея, сам попадает в эту же сеть с той только разницей, что вместо воли султана Букея ставится воля, политика царского правительства. Мы считаем такое решение вопроса совершенно неправильным. В действительности возникновение Букеевской орды тесно связано с ожесточенной классовой борьбой в казахском обществе (явилось ее результатом), принявшей более широкий характер в связи с экономическим упадком Младшего жуза в последней четверти XVIII и начале XIX в. После вооруженного подавления народного восстания, руководимого батыром Срымом, переселение части казахов во внутреннюю сторону из Младшего жуза явилось своеобразным продолжением этой борьбы в иных условиях, в иной форме: за кочевые просторы, за жизнь без разоряющей трудящихся феодальной междоусобицы. Когда переход за Урал казахов Младшего жуза стал совершившимся фактом, царское правительство вынуждено было пойти «навстречу», конечно, не из-за альтруистического отношения к казахскому обществу. Причем оно старалось использовать это движение в колониальных интересах. Нельзя смешивать два совершенно различных вопроса: желание, волю царского правительства и его марионетки – султана Букея – и общественное движение. Определяющие причины, предпосылки, обусловившие образование Букеевской орды в пределах России, складывались внутри самого казахского общества.

Попав в трудное положение, т. Шахматов вынужден констатировать, что «царское правительство неохотно шло на временные перекочевки казахов на «внутреннюю сторону», но переселение казахов в Нарын-пески соответствовало целям царского правительства» («История КазССР», т. I, изд. 2, стр. 224).

Здесь создана искусственная конструкция путем объединения двух исключających друг друга понятий. С одной стороны – переселение казахов соответствовало интересам царского правительства, а с другой – оно не поддерживало его, т. е., как говорит автор, «шло неохотно».

Вторым недостатком в освещении истории Букеевской орды является совершенно недостаточное акцентирование прогрессивного влияния русского общества на казахское. В «Истории Казахской ССР» имеется объективистская, ничего не говорящая констатация того, что «...положительно сказалась близость России и влияние экономики ее пограничных областей – на экономику орды». Оказы-

вается, это влияние выразилось только в переходе к полуседлому образу жизни, в заимствовании навыков земледелия, в приобретении сельскохозяйственного инвентаря (кстати, добавим, что земледелие не имело никакого веса в общественной экономике орды и в расширении ассортимента предметов домашнего обихода). Вот и все. Этим ограничивается предел влияния русского общества на казахское. Перемещение центра тяжести влияния русского общества на казахское в область второстепенных, не решающих экономических и бытовых отношений, объясняется, по всей вероятности, тем, что, как считает т. Шахматов, казахам окружала система форпостов военной линии, пограничные пикеты, а не русское общество.

В действительности Букеевская орда была расположена в пределах Российской метрополии, находилась под контролем и властью России и имела общую границу с помещичьими владениями, крестьянскими поселениями Астраханской, Саратовской, Оренбургской губерний и с пограничными линиями. Словом, казахское общество находилось в самых благоприятных для того времени условиях для непосредственного общения с русским. Букеевская орда была таким уголком, где небольшая часть казахского общества, несмотря на колониальную политику царизма, ощущала прогрессивное влияние русского общества. Это влияние сказывалось не только в области экономики, культуры, но и в классовой борьбе угнетенной части населения против феодалов и царских колонизаторов.

Усиление обмена между русским и казахским обществом, проникновение торгового капитала России в орду нанесли серьезный удар все еще сохранившимся натуральным хозяйствам казахам. И это с точки зрения поступательного хода истории было шагом вперед. Вместе с тем оно объективно способствовало развитию классовой борьбы в казахском обществе. В области культуры влияние русского общества выразилось зарождением в казахском обществе осязаемой тяги к русской грамоте. Непосредственное общение с русскими в процессе обмена, аренды земель сделало необходимым знание русского языка, в особенности для представителей феодального класса. Создаются внутри орды медресе, мектебы с преподаванием русского языка. В 40-х гг. в ставке открывается русско-казахская школа. Безусловно, эти места не были доступны для простого народа, но сам факт зарождения тяги к русской грамоте в казахском обществе нельзя не отметить.

Вопросы антифеодального, народно-освободительного движения, возникшего в Букеевской орде, в «Истории Казахской ССР», издание 2-е, освещаются изолированно, вне связи с внешней обстановкой и

прогрессивным влиянием русского общества на казахское. Обходятся полным молчанием такие факты, как многочисленные в то время крестьянские выступления в России, восстание декабристов. В архиве сохранились многочисленные предписания царских чиновников хану Букеевской орды о «задержании беглых крестьян», участников декабрьского восстания, скрывавшихся в казахских степях.

В одном из писем пограничному начальству Джангирхан открыто жалуется на русских, живущих по соседству с ордой, часто посещающих казахские аулы, в том числе и на некоторых чиновников, которые, по выражению хана, всегда являлись причинами мятежа и беспорядка внутри орды. Имеются все основания полагать, что революционная атмосфера в России нашла известное свое отражение и в казахском обществе, в Букеевской орде в особенности.

Все это говорит о том, что при освещении истории Букеевской орды и классовой борьбы в ней нельзя игнорировать и обойти молчанием определенное прогрессивное влияние русского общества на казахское.

Надо полагать, серьезные недостатки в освещении истории Букеевской орды и классовой борьбы в ней объясняются ошибочной концепцией т. Шахматова об искусственности и реакционности образования и развития Букеевской орды.

За последнее время вопросы политического строя дореволюционного Казахстана вызвали оживленную полемику.

При исследовании политической жизни любого классового общества следует исходить из марксистско-ленинского определения базиса и надстройки, о их соотношении и роли в общественной жизни. «Базис феодального строя, – говорит товарищ Сталин, – имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения».¹

И далее: «Надстройка порождается базисом, но это все не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы».²

В прослушанных нами на этой научной сессии докладах рассматривались вопросы общественных, социально-экономических отношений в дореволюционном Казахстане: отношения господства

¹ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. Правда, 1950, стр. 3.

² Там же, стр. 4.

и угнетения, формы феодальной эксплуатации и отношения права собственности. Мы хотим осветить эти вопросы с иной стороны, а именно: ни одно из этих общественных отношений, как отношения классовые, не могло обойтись без применения насилия, принуждения со стороны господствующей в казахском обществе социальной группы, со стороны класса, осуществляющего государственную власть.

Вполне понятно, что если бы господствующая социальная группа не была особым образом политически организована, она не стала бы господствующей, была бы низвержена одним протестом населения, составляющего большинство, над которым устанавливалось это господство. Вот почему изучение надстроечной структуры общества вообще, политической его организации в частности, установление ее формы, степени составляют важную органическую часть общей истории.

Господствующий класс, осуществляющий государственную власть, реализует свою волю, как волю государственную, через аппарат, механизм государства. Господствующий класс посредством атрибутов власти защищает и устанавливает выгодные и удобные ему общественные порядки.

Изучение политической организации господствующего в казахском обществе феодального класса и его воли – обычного права – нельзя ни в коем случае механически отрывать от вопросов общей истории, тем паче игнорировать его, что являлось бы непростительной близорукостью исследователя-историка.

Постановка такого вопроса особенно важна для Казахстана, где до Октябрьской революции господствовали патриархально-феодалные отношения.

Это первый момент, который я хотел отметить, прежде чем непосредственно осветить вопросы политической организации Букеевской орды.

Вопросы формы государственной власти, политического строя дореволюционного Казахстана остаются во многих местах неясными, спорными в историко-юридической науке. Это объясняется не только малой разработанностью вопроса, но и тем, что в нашем распоряжении имеется лишь небольшой фактический материал не в смысле количества, а по содержанию, относящийся к периоду, предшествующему XIX в.

Период до XIX в. является периодом ханской власти. В 20-х г. XIX в. в Казахстане происходит процесс замены ханской власти колоннальной администрацией. Согласно «Уставу о сибирских киргизах» 1882 г. как области сибирских, так и уральских казахов фактически были

объявлены внешними округами русского государства с распространением на них начал политического строя России и с установлением в этих местах диктатуры султанов-правителей, ага-султанов, т. е. местных наместников царского правительства. Старая форма правления в казахском обществе под действием усиленного проникновения колониальной власти решительным образом видоизменилась.

В этот период между низовьями рек Волги и Урала, на территории, занимаемой ныне в основном Урдинским районом Западно-Казахстанской области и Денгизским районом Гурьевской области, продолжала существовать и сохраняться почти до второй половины XIX в. ханская власть под названием «Букеевская орда». Устав Сперанского («Устав о сибирских киргизах»), имевших силу основного закона для других районов Казахстана, на Букеевскую орду не распространялся. Таким образом, в этом уголке казахское общество не было до некоторой степени охвачено теми острыми процессами изменения политического уклада, которые наблюдались в других частях Казахстана, и на некоторое время оно находилось в стороне от этих процессов. Иначе говоря, в Букеевской орде сохранилась в той или иной мере старая власть, старая форма правления с присущими ей функциями. Для нас важно и то, что о Букеевской орде мы располагаем различными источниками: частично сохранился ханский архив, имеются многочисленные описания Букеевской орды (составленные современниками), которые содержат ценные фактические данные. Все это дает нам возможность не на ощупь, а опираясь на документальные материалы, изучить политический строй этой части казахского общества.

Поскольку в Букеевской орде, в силу совершенно медленного развития производства и экономического базиса общества, а также в силу умеренности влияния внешних условий, в первое время сохранилась в основном система построения высшей и местной власти и управления, существовавшая раньше в Младшем жузе, то мы, изучая ее политический строй, при недостаточности материалов, относящихся к более раннему периоду, т. е. до XIX в., будем иметь представление о предшествующей истории казахского общества. Иначе говоря, мы можем ответить на вопрос: является ли казахское ханство по государственному механизму феодальным или дофеодальным, вокруг чего происходит в историко-юридической науке оживленный спор. В этом смысле изучение политического строя Букеевской орды также имеет важное значение. Это второй момент, который мы хотим подчеркнуть, освещая вопросы государственной организации Букеевского ханства.

Букеевская орда находилась в непосредственной сфере влияния государственного строя России. Причем это влияние происходило не в порядке навязывания силой акта новой формы правления, как это было в других районах Казахстана, а в порядке постепенного и активного применения форм политического строя России на казахской почве в ходе развивающихся взаимоотношений. С другой стороны, заметно дальнейшее развитие феодальных и товарно-денежных отношений, усиление классовых выступлений скотоводов-казахов, которые имели место в жизни Букеевской орды, начиная со второй четверти XIX в., – все это в совокупности не могло не отразиться на политической организации казахского общества.

Анализируя изменения и развитие форм политической организации господствующего в Букеевской орде феодального класса, мы можем определить свою позицию по отношению к утверждению отдельных историков (например, Шахматова) об особой форме власти и управления, присущих только кочевым народам, в отличие от других некочевых народов.

В начале своего образования, т. е. приблизительно до второй четверти XIX в., Букеевская орда по форме хозяйственной жизни ничем не отличалась от других кочевых районов Казахстана. Ведущей и основной отраслью производства было скотоводство. Развитие скота в кочевом обществе не требовало особых затрат труда и сложных видов орудий производства, иначе говоря, оно обуславливало совершенно медленное развитие производительных сил. Замедление не имело какого-либо веса в системе общественной экономики. Ремесленное производство отличалось примитивностью и не имело самостоятельного характера, продолжало служить придатком к скотоводству, т. е. не отделилось от сельского хозяйства. Оно не развивалось дальше бытовых потребностей и базировалось на несовершенных орудиях производства. Феодальные хозяйства носили еще натуральный характер. Слабо был развит как внутренний, так и внешний обмен. Развитие феодальных отношений задерживалось сильными пережитками патриархально-родового быта, обусловленными медленным процессом классового расслоения внутри казахской общины.

Характер экономического базиса в этот период и определил форму политической надстройки общества. Так как в основном такой же экономический базис по содержанию с заметными изменениями существовал в кочевых районах Казахстана в XVIII и даже XVII в., последовательно, политические надстройки этих периодов также в основных чертах были сходными.

Во главе 16 родов (Алаша, Адай, Байбакты, Берш, Жаппас, Есентемир, Шеркеш, Тана, Исык, Кете, Тама, Кердары, Тазы, Маскар, Кзыл курт, Табын), являющихся основами административного управления, находились родовые начальники в большинстве своем из султанов, власть которых была обусловлена их экономическим господством и ее узурпацией. Они являлись носителями государственной власти, в значительной мере сохраняли свою экономическую, политическую самостоятельность, административную автономию. Они обладали правом обложения подвластных разными видами сборов, правом суда и т. д.

Многочисленными отделениями и подотделениями родов управляли бии, старшины, аксакалы – представители местных феодалов, наиболее привилегированная их часть. Каждый из них был исторически связан с той общиной, из которой он происходил и которой он теперь управлял, что является характерной чертой местной власти в казахском обществе того времени, обусловленной сильными пережитками патриархально-родового быта.

По организации высшей власти Букеевская орда имела все черты раннефеодальной монархии с децентрализованным государственным устройством. В основном деятельность ханской власти выражалась в мирное время определением районов кочевок родов и отделений, в собирании от султанских и бийских владений узаконенным обычным правом сборов, в разрешении межродовых споров, в управлении своим хозяйством и хозяйством наиболее приверженных хану общин. Она оставалась слабой и по организации совершенно несложной. При этом следует различать понятия государственной и центральной власти. Смешение этих двух различных по объему вопросов, в особенности в условиях раннефеодальной монархии, может привести к неправильным выводам. Под государственной властью в широком смысле следует понимать существующую систему властвования, установленную господствующим классом при данных исторических условиях как в центре, так и на местах, сумму прерогатив этих властей. В этом смысле власть не была слаба, она надежно обеспечивала осуществление эксплуататорской политики господствующего в казахском обществе феодального класса. Мы отмечаем слабость не государственной власти вообще, а центральной власти. Под этим разумеем власть хана, ее отношение к другим носителям власти в системе государственного властвования. Слабость центральной власти отразилась в ее несложной структуре организации.

В аппарате ханской власти, в ханской канцелярии в лучшем случае сидели делопроизводители. Не было определенных лиц, ведавших де-

лами двора и государства, наподобие «путных» чинов в России в эпоху раннего средневековья. Не было в Казахстане дворцово-вотчинного управления – наиболее характерной формы управления в эпоху феодализма. Это, по всей вероятности, объясняется неразвитостью ханской функции и двора, сохранением за султанскими, бийскими владениями самостоятельности, права государственной власти, кочевой скотоводческой формы хозяйства, а также наличием патриархальной идеологии, опутывающей власть, и ее живучестью. В этих условиях ханская власть была действительна постольку, поскольку она была непосредственно связана с носителями права местной власти. Это обусловило специфическую форму организации государственного управления, а именно: в середине лета хан лично выезжал на продолжительное время в районы кочевий родов и, окружив себя султанами, знатными биями, которые собирались по его оповещению или каждый по своим делам, разбирал совместно с ними тяжёлые дела, накопленные в основном в течение года, злободневные вопросы внутренней жизни орды. Это составляло основную форму деятельности центральной власти. Об этом говорят многочисленные источники. Такая форма правления особенно была заметна в кочевых районах Казахстана.

Не говоря уже о султанах Букее и Шигае, даже хан Джангир, построив постоянную ханскую ставку в Нарын-Куме, в процессе сосредоточения управления в ней не отказывался первое время от давно сложившегося способа управления.

Господствующую в казахском обществе в то время систему управления целесообразно называть султанско-бийской. Характерными признаками султанско-бийского управления являются: неразвитость центрального аппарата управления, привлечение для выполнения общеханских дел местных султанов, биев и осуществление ханом функций управления через их посредство.

Такая система управления обусловлена не только существующей формой производства и производственных отношений, но и тем, что султаны и бии на местах, во всяком случае некоторые из них, обладали экономическим и политическим весом в обществе не менее, чем сам хан. С другой стороны, в условиях феодальной раздробленности и неразвитости функций центральной власти при наличии сильных пережитков патриархального быта и родовой идеологии султанско-бийский аппарат государственного управления надежно обеспечивал интересы господства и проведения воли правящего феодального класса в обществе.

Отсюда ясно, насколько неправильным являются выводы отдельных исследователей, когда они исходят только из факта неразвитости особого, отделенного от общества аппарата при центральной власти и не замечают постоянную действующую систему султанско-бийского управления, которая с успехом заменяла этот «недостаток» власти. Так, например, проф. Фуксу принадлежит положение о том, что казахское государство являлось по своему содержанию феодальным по форме, а по механизму – дофеодальным. Нам кажется, такое утверждение могло возникнуть в результате смешения вопросов государственной власти и центральной власти, государственного управления и чиновничьего аппарата управления при центральной власти. Здесь как раз игнорируется наличие господствующей султанско-бийской системы управления, что составляет характерную черту казахских ханств. Считать государственный механизм дофеодальным на том основании, что в казахских ханствах не было общегосударственных чинов, специальных органов центрального управления при хане – является односторонним и неправильным. Принятие такого положения не только искажало бы действительность, но имело бы своим последствием по крайней мере отрицание активной роли политических учреждений, государства в целом, ибо неразвитый государственный механизм не мог фактически удовлетворить потребности и обеспечить классовые интересы феодалов внутри общества, т. е. не мог обслуживать свой экономический базис. Слабость аппарата принуждения в казахском обществе говорила бы и о слабости самого факта принуждения, насилия, иначе говоря, такая трактовка оказывается не в состоянии объяснить ожесточенную классовую борьбу, которая имела место в Казахстане.

Нет, кажется, необходимости доказывать, что положение проф. Фука и с этой точки зрения является неприемлемым.

В казахских ханствах существовала специфическая система государственного управления, которую мы называли султанско-бийской. Султаны и бии, призванные к осуществлению общеханских функций, имея в своем распоряжении экономический и политический авторитет, в период реализации этих функций становились аппаратом государства, проводившим волю господствующего класса.

Начиная со второй половины четверти XIX в., в общественной жизни Букеевской орды происходят серьезные изменения, обусловившие дальнейшее усложнение, развитие государственной власти и аппарата управления.

В основе этого лежало усиление классового сопротивления трудящихся масс феодальной эксплуатации.

В Букеевской орде происходит интенсивная феодализация казахских аулов. Если захват общинных земель, как правило, раньше в Казахстане происходил по инициативе местных феодалов, вследствие сосредоточения богатств в руках немногих и обеднения другой части общинников, и если частная собственность на земли сливалась со способом фактического ее владения и продолжала существовать в рамках общины, не теряя внешнего признака коллективности, то в Букеевской орде начиная со второй четверти XIX в. наделение землею знати происходит по инициативе «сверху», от центральной власти. Впервые в истории Казахстана возникает юридически оформленная поземельная собственность, собственность со всеми ее, хотя еще слабо выраженными, правомочиями. Подобное мероприятие «сверху» не было каким-то чуждым явлением, перенесенным извне в казахское общество. Оно соответствовало возросшим потребностям господствующего класса, представители которого, в той или иной степени уже захватив лучшие пастбищные угодья, требовали юридического их закрепления за ними и признания права собственности.

На основе резко выраженного феодального права собственности на землю начали складываться новые формы феодальных отношений, феодальной эксплуатации, не проявившие раньше себя в казахском обществе. Эти феодальные отношения начали базироваться не на основе только пережитков родовых понятий, патриархального быта, как это было раньше (саун, согум, сбага и т. д.), а все больше на материальной основе, на основе права владения и кочевания на землях. Большинство крестьян попадало в кабальные условия зависимости от землевладельца. Классовая дифференциация внутри казахской общины и ее расслоение усиливались.

С другой стороны интенсивное расслоение общины в Букеевской орде связано также с ростом торговли и развитием товарно-денежных отношений. Все более усиливающийся обмен изменял направление феодального хозяйства в интересах рынка, подрывал экономическую основу – сохранившееся еще натуральное хозяйство, тем самым активизировал процесс расслоения и разложения казахской общины. Если процесс товарно-денежных отношений в других казахских ордах охватывал только районы, граничащие с Россией, Хивой, не распространяясь внутрь и в глубь степи, то в Букеевской орде его развитие почти было равномерным, всеобщим и глубоким.

Проникновение товарно-денежных отношений в ткань общества усугубило и без того острое материальное положение трудящихся масс. Опутанные долговой кабалой скотоводы-казахи, выбитые из колеи общинники группами в поисках пропитания уходили в погра-

нические селения на соляные разработки, рыбные ватаги и к богатым казахам в услужение, бросая прежние кочевья, общину. Административное деление постепенно строилось не по чисто родовым признакам, а с учетом территориального расположения, по урочищам.

Усиленная классовая дифференциация внутри казахской общины и ее активное разложение обуславливали ослабление силы пережитков патриархально-родового быта и идеологии, опутывающих классовое сознание трудящихся, и это способствовало прояснению классового самосознания крестьянства и усилению классовой борьбы в казахском обществе. В 30-х гг. в Букеевской орде происходит ряд вооруженных выступлений крестьянства против феодалов, которые затем вылились в крестьянское восстание, известное в истории под названием – движение Исатая Тайманова.

Все это в совокупности вызвало изменение старой султанско-бийской системы управления, которая уже не стала, как аппарат принуждения, обеспечивать интересы классового господства, и замену ее более или менее сложной, развитой, бюрократически устроенной центральной ханской властью.

Централизация власти и развитие аппарата управления оказались возможными в итоге ограничения и ликвидации местной административной автономии, в особенности султанских владений. При этом определенные социальные группы служили подспорьем проводимой политики централизации. Таким было в основном среднее звено феодального класса: старшины, би, баи, терпевшие разные притеснения со стороны крупных феодалов – самостоятельных султанов и стремившиеся к политической власти, с одной стороны, и с другой стороны, напуганные развивающимися против них выступлениями скотоводов-казахов.¹

В силу этих причин они стали выразителями интересов централизации власти. Основная масса крестьянства, на плечи которой пало бремя феодальной междоусобицы, также стояла за укрощение родовых «государей». Джангир-хан, опираясь на среднее звено феодального класса и на российские штыки, начал проводить активную политику ликвидации местных феодальных автономий и сосредоточил почти всю власть в центре. Сам хан начинает смотреть на орду как на свою собственность, как на свою вотчину.²

¹ Участились случаи выступления против старшин. Так, например, в 1822 г. вооруженные крестьяне, численностью в 41 человек, совершили вооруженное нападение на аул одного из Бершева рода (ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 16, л. 19).

² В официальных документах, исходящих снизу, часто встречается фраза «проживающий в орде на владении высокостепенного хана» или «земля ханская». ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 11, д. 122, л. 30.

Управление в орде организовывается бюрократически. Начальники родов и родовых подразделений начинают назначаться центральной властью. Так, например, если к 1827 г. в трех родах – Байбактинском, Ногайском, Бершевском из 34 старшин только трое были назначены, т. е. являлись «указными»,¹ то к 1845 г. во главе почти всех отделений стояли «указные» старшины. Право суда местных феодалов ограничивается. Судебная власть в основном была сосредоточена в руках хана, биев – членов ханского совета и султанов-депутатов. Местные родовые начальники – родоправители и старшины принимали участие в разборе незначительных тяжёлых дел, которые обычно оканчивались миром. По своему усмотрению хан изымал и мелкие дела из ведения родовых начальников. Прежние бийские суды были ограничены в действиях, а некоторые из них уже облеклись в форму государственной службы. Право установления сборов от населения было изъято из ведения местных начальников.

Потеря непосредственной ответственности перед общинами, которая в той или иной мере чувствовалась раньше, за счет увеличения ответственности местных родовых начальников перед ханом была решающим поводом в процветании различных форм злоупотреблений со стороны первых, последствия которых тяжело отражались на положении скотоводов-казахов.²

С другой стороны, функция родоправителей и старшин была усложнена – введена отчетность. Они представляли интересы рода во внешних отношениях по аренде пастбищных угодий, в купле сена, леса и при оптовой продаже скота; собирали установленные центральной властью сборы (зьякет и согум) с населения; наделяли и определяли границы земель отдельных аулов; им предписывалось следить, чтобы среди подвластных «не проживали русские беглецы», «мятежники», пришельцы из других казахских родов; блюсти «тишину и спокойствие». Иначе говоря, родовые начальники превратились в настоящих чиновников. Местный аппарат управления получает заметное развитие. При родовых султанах и старшинах состояли муллы, сочетавшие теперь обязанности письмоводителя и религиозного наставника. В архиве сохранились отрывочные данные, говорящие, что при родоправителях состояли так называемые «кызыметкеры», определенные из подвластных общин для выполнения поручений по управлению родом. В одном из таких документов «кызыметкеры» предписывается не делать обиды и насилия казахам.

¹ ЦИА КазССР, ф. 4. оп. 1, д. 1174, л 17-18:

² См. «Оренбургский листок», 1887, № 22; *Шахматов В.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова, Алма-Ата, 1946, стр. 39, 63; *Рязанов А.* 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа. Кзыл-Орда, 1926, стр. 214.

старым и молодым.¹ Отсюда можно полагать, что они привлекались к выполнению ответственных функций.

Деятельность местных родовых начальников направлялась также местными феодалами, которые фактически удерживали в руках бразды правления внутри отделения, аула. Об этом говорит и то, что в исходящих с места важных документах обычно стоят подписи не только старшин, но и других представителей феодального класса, именуемых «старшындары, байлары, жаңа мырзалары».²

В этот период, когда ханом становится довольно энергичный администратор Джангир, сын хана Букея, усиливается значение центральной власти. Хан Джангир считал свою власть продолжением власти прежних казахских ханов. Однако она содержанием и формой во многом отличалась от них. В руках хана была сосредоточена высшая административная, судебная и законодательная власть в орде.

Хан не только разбирал судебные дела, он также считался судом второй инстанции по делам, разбираемым родовыми начальниками (ханскими биями), членами совета.

Находит также развитие правотворческая деятельность ханской власти. Так, например, устанавливается ряд норм в области регулирования товарно-денежных отношений – должник, не возвративший сумму в срок, уплачивает ее в двойном размере.³ Вводится определенный, причем в письменной форме, порядок совершения сделок, когда дается товар в кредит;⁴ вводится телесное наказание;⁵ устанавливается строгая система государственных сборов (зьякет, согум) и порядок обложения ими населения.⁶

В усилении ханской власти решающее значение имела поддержка царским правительством своего вассала – наместника: раздача земель в собственность феодалам, освобождение отдельных категорий знати (султанов, ходжей, старшин, тарханов и мулл) от несения общих повинностей, возведение в тарханское достоинство за службу, представление на присвоение офицерских чинов, награждение медалями, халатами и т. д. В результате этого укрепляются вассальные отношения местных феодалов, союз между ними. Ханская власть, опираясь на имеющиеся в ее распоряжении вооруженные отряды и на класс феодалов, становится действенной силой в проведении политики

¹ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 11, д. 122, л. 1.

² Там же, д. 12, л. 28 м.

³ Там же, оп. 1, д. 10, л. 19, свидетельство на имя купца Бондарева.

⁴ Там же, л. 71.

⁵ Шахматов В. Цитир. его соч., стр. 113.

⁶ См. ж. «Современник», 1851, № 10, стр. 79; *Иванин М.* «Внутренняя или Букеевская киргизская орда», ж. «Эпоха», 1864, стр. 9.

централизации. Так, все должностные лица, начиная с «указных» мулл и кончая членами совета, назначались и подчинялись хану. Хан мог их по своему усмотрению заменить другими. Об этом в достаточной степени говорят архивные материалы.¹ Тенденция партикуляризма сильно ослабла. И теперь она не могла служить серьезным препятствием в сосредоточении всей власти в центре.

Власть хана с точки зрения внутренних условий не была ответственной перед какой-либо другой организацией. Существующий ханский совет не поднялся выше совещательного органа. Феодалные съезды, обладавшие раньше большими полномочиями, стали редким явлением. Характерно еще и то, что на созываемых съездах не обсуждались какие-либо важные вопросы, имеющие значение для всех феодалов, для всей орды, а созывались они, как правило, для того чтобы заставить участников под давлением царского правительства быть покорными хану. Так, например, было на феодалном собрании, созванном в 1827 г. в урочище Уялы в Нарын-Кумах.²

Сила ханской власти выражалась и в том, что он пользовался не только правом распределения кочевков между родами, но и правом закрепления земельных угодий в собственность отдельных лиц. Хан мог перераспределять уже закрепленные в собственность земельные массивы. Центральной власти, в лице хана, принадлежало монопольное право взимания торговой пошлины как от приезжих, так и местных торговых людей, на всех рынках, пунктах в пределах орды, где только велись торговые операции. Практически оно осуществлялось через многочисленных чиновников.

При хане Джангире были внесены существенные изменения в форме управления ордою. Если казахские ханы не имели постоянной ставки и управляли кочевниками, также кочуя, то Джангир-хан построил ханскую ставку, которая сделалась постоянным центром администрации. В летнее время, чтобы быть поближе к кочевьям народа, хан со своей канцелярией перекочевывал к р. Торгунь, где также была обоснована летняя ставка, т. е. управление стало носить постоянный характер.

Как известно, прежние казахские ханы не имели при себе официального, оформленного, постоянно действующего аппарата управления, непосредственно связывающего ханскую власть с местными властями. Все это составляло характерную черту султанско-бийского управления.

В Букеевской орде со времени ханства Джангира создается особый аппарат управления при хане. Хотя его построение не было

¹ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 124, л. 13; д. 126, л. 4-5.

² Шахматов В. Цитир соч., стр. 102-110.

сложным, все же действующий чиновничий орган был создан. Тем самым и после того, как местные султаны и бии были лишены прав государственной власти, хан избавился от необходимости лично выезжать на места. Это отмечал и губернатор генерал Эссен в письме Джангир-хану от 12 апреля 1827 года.¹

При хане состояли 10 так называемых «ханских депутатов».² Они назначались из султанов. Эти «депутаты» командировались в роды, смежные с русскими селениями, и должны были участвовать при следствиях, производимых представителями пограничных властей, когда сторонами в деле выступали русские и казахи, и представлять при этом интересы последних, разбирать отдельные споры на месте по определению хана.

Они имели и принудительную власть при взыскании недоимок по сборам. «Депутатам» давались большие полномочия. Так, например, султан Медетгалий Чукин в документах именуется «депутатом от хана по всем делам» на Узенской линии.³ Он мог по своему усмотрению содержать повинных людей «под караулом». Его распоряжение старшинам преподносится как «строжайшее требование султана Медета Чукина».⁴

12 биев, входивших в состав ханского совета, также представляли собой чиновников центральной власти. Некоторые из них на равных правах с султанами управляли родами. Так, правителями являлись: в Ногайском роде – советник старшина Чумбал Ниязов, в роде Берш – советник бий Балка Кудайбергенов.⁵ Одно время они даже просили хана Джангира, чтобы они были уполномочены взыскивать долги с ответчиков по всей орде.⁶ При хане состояли, кроме того, 14 старшин в качестве есаулов, признанные выполнять специальные поручения главы ханства.⁷ Также назначались ханом так называемые «базарные султаны» из числа его окружения.⁸ Обязанностью их было собирать торговые пошлины (внутри орды), представлять интересы казахов (вне орды), следить за порядком.⁹

Основываясь на отдельных отрывочных сведениях, можно полагать, что при центральной власти состояли, кроме султанов, старшин, биев, и

¹ Рязанов А. Соч., стр. 214.

² Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. «Современник», 1851, № 30, стр. 76-77.

³ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 8.

⁴ Там же, л. 4.

⁵ Там же, д. 64, л. 3-4.

⁶ Шахматов. Цит. соч., стр. 113.

⁷ Там же, стр. 65-66.

⁸ К 1841 г. в Ставке окружали хана 22 султана, которые жили при нем. «Очерки о состоянии Внутренней киргизской орды в 1841 году». Записки ИРГО, 1847, кн. 2, стр. 39.

⁹ Евреинов А. Цит. соч., стр. 77.

слуги незнатного происхождения. Так, например, во многих документах фигурирует имя Чука Идилбайулы как лица, уполномоченного ханом, по определению границ земельных владений отдельных родов и частных собственников. При этом он сам в донесении Джангир-хану именуется себя «Кызыметкер карашаныз», т. е. «вашим служащим из караша».¹

При хане состоял специальный следователь. Характерно то, что этот следователь не только вел предварительное следствие, а иногда даже окончательно решал дела.²

Хан имел при себе канцелярию делопроизводства, состоящую из татарского и общего отделов.³ Первый отдел заведывал перепиской в основном внутри рода, а второй – с пограничными властями.

Эти факты говорят о том, что ханская власть и управление в Букеевской орде нашли весьма заметное развитие. Султанско-бийская система управления, которая не отвечала уже новым условиям, задачам, была в основном вытеснена новой бюрократически централизованной системой управления.

Развитие центрального аппарата и изменение форм управления было связано с осложнением функций ханской власти. Она должна была обеспечить внутри казахского общества колониальные интересы царского правительства. С другой стороны, в условиях все усиливающихся классовых выступлений крестьянства она должна была стать на страже классовых интересов феодалов, гарантировать их безопасность существования, т. е. дальнейшего усиления эксплуатации зависимых людей. В-третьих, у ханской власти внутренняя функция начинает развиваться и в другом направлении, а именно: в направлении усиления ее регулирующей роли в общественно-хозяйственной жизни орды (передача земель в собственность, постройка плотин на р. Торгунь, попытка улучшить породы скота, меры по уменьшению падежа скота в зимнее время путем установления в обязательном порядке сенокосения и т. д.).

И в этот период, в период властвования Джангир-хана, Букеевская орда оставалась раннефеодальной монархией, но в более развитой форме, чем прежде.

В жизни Букеевской орды произошла замена старой султанско-бийской системы управления бюрократически организованным аппаратом управления при центральной власти. Это изменение в политической организации не было обусловлено изменением формы кочевого скотоводческого хозяйства, хотя и оно имело некоторое

¹ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2-а, св. 6, д. 42, лл. 25, 33, 34, 35.

² Там же, оп. 2, д. 102, лл. 2-5, 8.

³ Там же, д. 84, л. 1.

значение, а главным образом осложнением функции и задач господствующего в казахском обществе феодального класса в связи с усиливающейся классовой борьбой и классовой дифференциацией в обществе. Не орган создает функцию, а функция создает орган.

Нельзя не отметить, что развитие политического строя орды происходило под непосредственным воздействием царского правительства. Активное проведение этого воздействия обуславливалось тем, что Букеевская орда была вассальным ханством Русского государства, непосредственно была связана с ним зависимыми отношениями.

Кроме того, во главе ханства, начиная со второй четверти XIX в., стоял открытый сторонник царского правительства, получивший солидное для того времени образование в России, довольно энергичный хан Джангир, удостоенный позже за усердную службу в пользу престола чина генерал-майора русской армии. Джангир-хан, подражая пограничной администрации, создал при себе канцелярию с татарским и общим отделами, даже некоторым должностным лицам были даны такие названия, как коллежский регистратор¹, ввел письменное делопроизводство по всей орде. В политической жизни орды, надо думать, Джангир-хан не прочь был приспособить и распространить отдельные нормы русского права. В 40-х гг. он делает заявку на Свод законов России, издание 1842 г.² В правиле, составленном ханом для руководства «базарному султану» во время ярмарок при ставке, устанавливались отдельные нормы со ссылкой на положения Свода законов.³

Централизация власти и управление внутри орды в ханской ставке, отдельные реформы в области финансов и организации местного управления сопровождалась безудержным и жестоким гнетом трудового народа, ухудшением его материального положения и усилением классовой борьбы в казахском обществе.

Такие изменения в государственной жизни, как ликвидация партикуляризма и феодальной обособленности, установление централизованного государства в рамках орды, а также преодоление хаоса в общем управлении, который до сего господствовал в сферах административной и судебной организации, облечение функций местных и центральных властей в определенную государственную форму положили конец бескрайнему царству произвола в обществе в рамках орды и вместе с тем были шагом вперед с точки зрения поступательного хода развития истории.

¹ ЦИА КазССР, ф 78, оп. 2, д. 84, л. 1.

² ЦИА КазССР, ф 78, оп. 1, д. 26, л. 24.

³ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, 9, 38, св. 5, л. 34-51.

В заключение надо сказать, что значение Букеевской орды заключается в том, что она стала связующим звеном между казахским и русским народом. В условиях Букеевской орды, в силу ее географического расположения, оказалось в той или иной мере возможным непосредственное общение этих двух народов. Как следствие – казахское общество приобрело новое положительное содержание.

Влияние русского общества на казахское общество происходило через преодоление различных политических, экономических и других барьеров, иначе говоря, рамки этого влияния были совершенно узки, тесны, ограничены, что обуславливалось существующим общественным строем, системой местного и колониального угнетения.

Анализ общественного и политического строя Букеевской орды еще раз говорит о том, что сближение с русским обществом, несмотря на рогатки колонизаторской политики царизма, приносит казахскому обществу прогрессивное развитие.

Анализ политического строя Букеевской орды показывает неправильность утверждения о дофеодальности казахского государства по своему механизму, форме. Вытеснение султанско-бийской системы управления, характерной для казахского общества до XIX в., бюрократически организованной центральной властью и аппаратом управления также опровергает утверждение отдельных историков (В. Шахматов) о том, что кочевому казахскому обществу всегда были присущи особые формы политической надстройки. Сторонники такого взгляда политическую надстройку сводят к фактам кочевого хозяйства. Они говорят, что при всех условиях в Казахстане не могла сложиться система наподобие «путных» чинов или дворцово-вотчинного управления, как в России и в других странах, характерная периоду раннего средневековья. Такое категорическое утверждение и сведение характера и форм политической надстройки к характеру экономики не только исходит от порочной, давно опровергнутой методологии экономического материализма, но и само это положение об особых кочевых формах политической надстройки воскрешает поневоле теорию об особом кочевом или азиатском типе производственных отношений, что опровергается фактами действительности. Если при сложившихся внутренних и внешних условиях в Букеевской орде при сохранении кочевой скотоводческой формы хозяйства могло сложиться бюрократическое управление, чиновничий аппарат власти, то при определенных условиях и в кочевом обществе, не исключена возможность, что могло сложиться в специфической форме и дворцово-вотчинное управление.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХСТАНА КОНЦА XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

Введение	5
----------------	---

Глава I

Основные черты общественных отношений казахов

Экономическое развитие Казахстана	33
О классовой борьбе	62
Некоторые характеристики общественных идей	71
Выводы	78

Глава II

Ханская власть в конце XVIII и первой четверти XIX веков

Об особенностях организации власти и управления	80
Ханства на территории Казахстана	87
Порядок замещения ханской власти	101
Власть и права хана	109
Аппарат управления при хане	122
Совет при хане	130
Феодальные съезды	138
Местная знать и управление	145
Выводы	156

Глава III

Реформа 1822 года в Среднем жузе

Общая характеристика реформы	158
Новое в административно-территориальном устройстве населения	169
Местная власть	186
Организация суда	206
Выводы	212

Глава IV
**Власть и управление после ликвидации ханской
власти в Малой и Внутренней ордах**

Отмена ханской власти и вопросы реформы управления.....	214
Власть и управление в Младшем жузе	220
Власть и управление во Внутренней орде	231
Выводы	237

Глава V
**Государственная политика царского правительства в
Казахстане и колониальные органы управления**

Условия проведения колониальной политики и ее основные направления	239
О методах осуществления колониальной политики	249
Колониальные органы управления	261
Земельная политика	271
Торговая политика	284
Количество проданного казахами скота	288
Финансовая политика	292
Выводы	303
Заключение	305

РОССИЯ И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО

Введение	311
----------------	-----

Глава I
Букеевское ханство на «внутренней стороне» России

Россия и Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в.	317
Образование Букеевского ханства	322
Букеевское ханство: его место в политике русского государства и в истории Казахстана	333

Глава II

Социально-экономическая жизнь Букеевского ханства и влияние на нее России

Экономические связи России и ханства	339
Тенденция к оседанию кочевого аула	345
Новое в земельных отношениях	354
Ослабление патриархально-родовых учреждений и связей населения	364
Расширение торгово-рыночных отношений	368
Социальные отношения и их обострение	378
Накал освободительного движения	382

Глава III

Политическая система ханства

Букеевское ханство как зависимое феодалное государственное образование	386
Ханская власть и царское правительство	393
Основные направления в деятельности ханской власти	399
Ханско-султанский дом	406
Совет двенадцати биев	408
Аппарат управления при хане	411
Местное управление	415

Глава IV

Просвещение и культура в Букеевском ханстве

Становление культурных связей России и ханства	419
Мектебы	423
Школа в Ханской ставке	428
Казахские дети в учебных заведениях России	431
Оружейная комната	436
Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи	447
Заключение	450

СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ОБРАЗОВАНИИ ВНУТРЕННЕЙ ОРДЫ	454
О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ	469

Директор издательства «Арыс»
Гарифулла Анес

Серия “Лучшие образцы казахской науки”

Салык ЗИМАНОВ

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
КАЗАХСТАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО**

Редактор
Технический редактор
Художник
Верстка

Майра МУСАПИРОВА
Дарико ОМАРГАЛИЕВА
Табылды МУКАТОВ
Ринат КУРМАШЕВ

ИБ № 802

Подписано в печать 20.12.09

Формат 60x90/16. Офсетная печать.

31 печатных листов. Тираж 2000 экз.

Заказ №25

Отпечатано в типографии “DALAPRINT”
050056, г. Алматы, ул. Ереванская, 1.

Дорогие читатели!

Более семнадцати лет фонд «АРЫС», созданный ведущими казахстанскими историками, политологами и публицистами, занимается сбором, исследованием и публикацией наследия выдающихся представителей казахстанской интеллигенции – жертв политических репрессий.

Фонд стремится достойно увековечить их память: содействует открытию музеев, памятников и тематических экспозиций, активно участвует в проведении юбилеев и других мероприятий, оказывает посильную помощь семьям репрессированных.

Издательство при Фонде «АРЫС» всегда квалифицированно и качественно выполнит все Ваши заказы, относящиеся к сфере науки и культуры, выпустит Ваши научные и литературные труды, монографии, брошюры, авторефераты, буклеты и т. п.

050009, г. Алматы
пр. Абая, 143
5-этаж
528, 529-кабинеты
тел./факс: 394 37 66,
385 74 67

Для заметок

Для заметок

Лучшие образцы казахской науки

В книгу сборника избранных произведений видного ученого, академика С. З. Зиманова вошли монография «Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков», в которой исследуется организация местной власти в периоды до и после правления ханов, а также монография «Россия и Букеевское ханство», изданная в 1982 году. Букеевское ханство (1801 – 1845 гг.) – казахское государственное объединение, находившееся в районе нижнего течения Волги и Урала, – в силу ряда обстоятельств ощущало интенсивное и разностороннее влияние России. В монографии рассматривается социально-экономическая и государственно-правовая структура ханства, ее эволюция и тенденции развития, обусловленные прогрессивным влиянием России, ее демократических институтов и передовой культуры.

